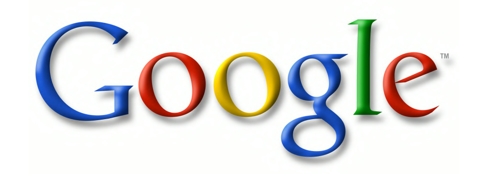
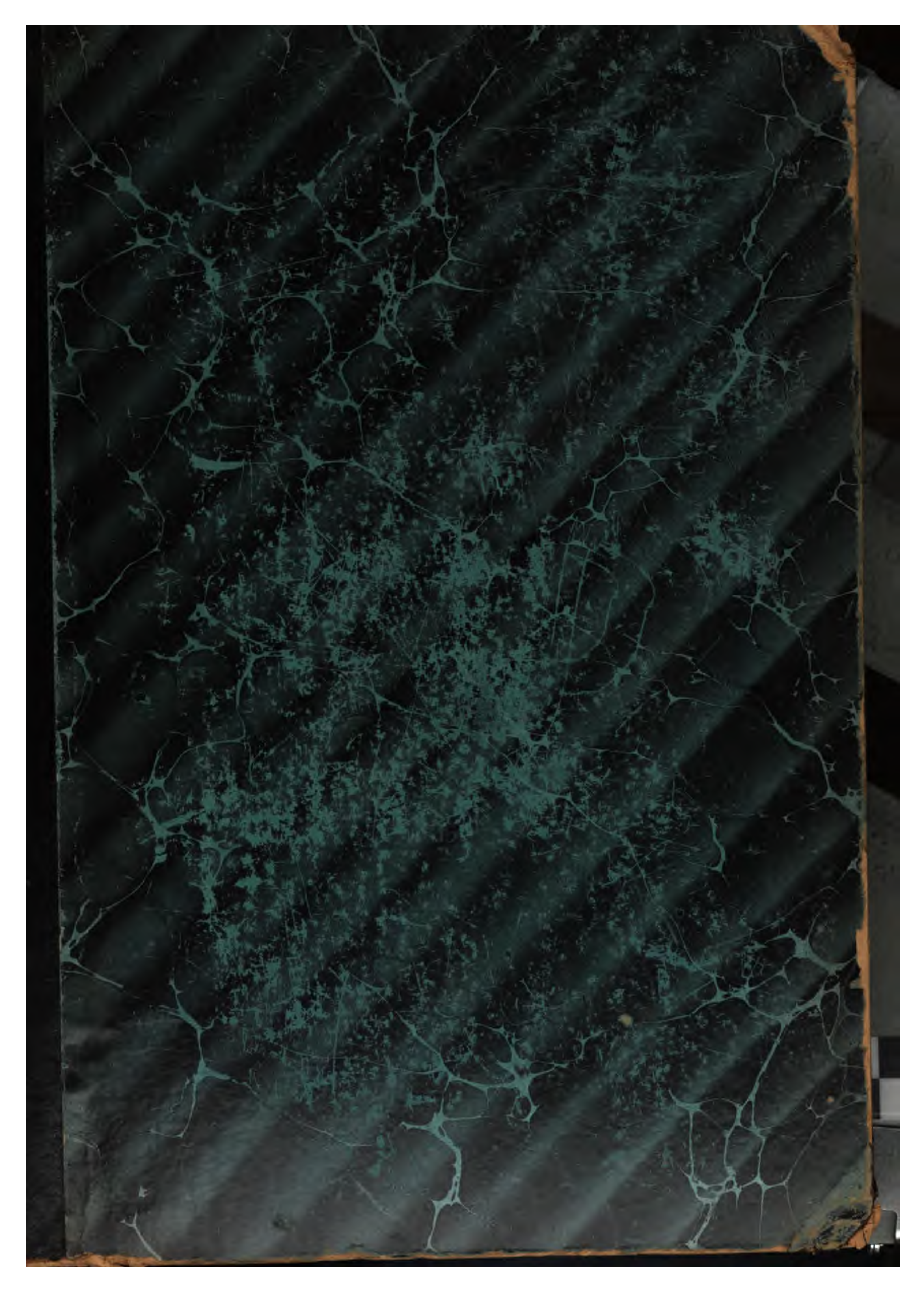


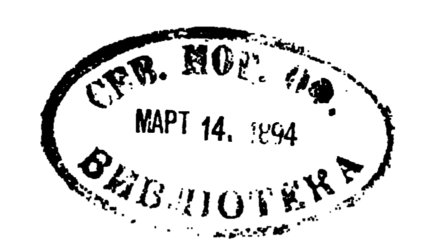


С.
Нахимовскій

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ОФИЦЕРСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Севастополь
Нахимовскій
проспектъ

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ОФИЦЕРСКАЯ БИБЛІОТЕКА


МАРТ 14. 1894
БИБЛИОТЕКА

ИЗЪ РУМЕЛІИ.

Архимандрита **АНТОНИНА**,

почетнаго члена Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. О., 9 л., № 12.)

1886.

ИЗЪ РУМЕЛИ.

Архимандрита **АНТОНИНА**,

почетнаго члена Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. О., 9 л., № 12.)
1886.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Секретарь гр. *И. Толстой.*

Настоящее изданіе составляетъ продолженіе появившагося въ 1879 году сочиненія о. Архимандрита Антонина: „Поѣздка въ Румелію". Независѣвшія отъ Им. Р. Археологическаго Общества причины нѣсколько замедлили появленіе предлагаемаго вниманію читателей труда; тѣмъ не менѣе, выпуская его въ свѣтъ, Общество надѣется, что онъ будетъ встрѣченъ благосклонно, какъ представляющій много данныхъ историческихъ и археологическихъ о такихъ уголкахъ Европы, о которыхъ вообще писано и печатано весьма мало.

ИЗЪ РУМЕЛИИ.

Коутелскы пѫть. Вторникъ. 1 Іюня 1865.

Нагостились мы въ именитомъ городѣ древняго богатыря *Иракла* [1]), не совершивъ ничего, похожаго на его знаменитые и препрославленые девять (или 12) „подвиговъ“, закрѣпившихъ за нимъ божественное право безсмертія, хотя казалось бы, оно и безъ того принадлежало ему, въ силу выданнаго ему миѳологіей метрическаго свидѣтельства, въ коемъ значится, что такого-то числа и года въ городѣ Седмивратныхъ Ѳивахъ у Віотійскаго царя *Амфитріона* и законной жены его *Алкмены* родились близнецы мужеска пола: *Ираклисъ* [2]) и *Ификлисъ*, изъ коихъ первый признанъ родителями за сына *Зевса Апатеона* [3]). Да и самъ градодержецъ (πολιοῦχος) Битоля не

---

[1]) Припомнимъ, что на мѣстѣ *Битоля* предполагаютъ бывшій нѣкогда городъ *Ираклію*.

[2]) Полагаютъ, что собственное имя Геркулеса было *Алкидъ*. А *Иракломъ* онъ названъ впослѣдствіи за то, что самъ досталъ себѣ славу (ἦρεν κλέος). Но имя брата его *Ификлйсъ* говоритъ противъ этого предположенія.

[3]) Къ 204-мъ прозвищамъ *Зевса-Юпитера* мы отъ себя прибавляемъ 205-е ἀπαταιών (обманщикъ), надѣемся, болѣе другихъ подходящее къ нему, особенно же пригодное въ исторіи отношеній его къ *Амфитріону* и *Алкменѣ*.

больше нашего сдѣлалъ бы, еслибы жилъ въ наше время. Овладѣть намъ, подобно храброму полубогу, шкурою „Льва Немейскаго" и подумать нельзя, послѣ того, какъ ее стерегутъ съ десятокъ лѣтъ крѣпкіе охотники въ 10 глазъ. Убить „Гидру Лернскую" девятиглавую не могли, не намъ чета — исполины — 400 лѣтъ неволи. Для захвата живымъ „Вепря Эриманоскаго" у насъ руки коротки, а у кого онѣ достаточно длинны, тому чѣмъ больше вепрей, тѣмъ лучше. Если не очищать, то провѣтривать „конюшни царя Авгія", начали уже и безъ насъ; только еще недостаточно заготовлено лопатъ — за горами [1]). Однимъ могли бы мы похвалиться — „Гесперидскимъ яблокомъ", украденнымъ нами изъ подъ глазъ Марка Кралевича, — кириллицей 996 года, да и тутъ еще сомнѣніе, точно ли оно золотое, или только такимъ кажется. Мѣстные геркулесы предупредили насъ, замѣтивъ, что слава открытія нашего затмится въ Охридѣ, гдѣ есть несомнѣнный памятникъ славянской письменности 916 года. На 80 лѣтъ древнѣе? Дай Богъ!

Итакъ, прощай *Румелія!* Но — не прощай славянщина. Напротивъ, можно сказать ей только еще: здравствуй! Мы направляемся въ самое сердце ея—въ *Старую Болгарію. Пекъ* для *Старой Сербіи* и *Охрида* для *Старой Болгаріи*, это тоже, что нашъ Кіевъ для Старой Россіи. Не имѣя въ настоящее время возможности, или точнѣе рѣшимости пробраться въ первый, за то съ бо̀льшимъ увлеченіемъ мы стремимся въ пресловутую *первую Юстиніану*, родину великаго императора, занесшаго съ собою славянскую кровь на престолъ Кесарей. Мнѣ припоминается слышанный лѣтъ за 15 передъ этимъ, восторженный отзывъ одного бывальца грека о мѣстоположеніи города. „Охридское озеро, говорилъ онъ, это цѣлое море прѣсной воды, обставленное горами. Городъ царствуетъ надъ нимъ, утопая въ зелени садовъ.

---

[1]) Четыре эти непосильныя статьи мы можемъ для любителей таинственнаго означить начальными буквами Т... Е... П... С...

Какая земля тучная! Какая дешевизна во всемъ! Какіе люди добрые!" Это глашалъ „старый грекъ", временъ войны за независимость, еще не помазанный новымъ, антиславянскимъ патріотизмомъ. Нынѣшній зилотъ вмѣсто: „добрые", сказалъ бы вѣрно: „простые", а думалъ бы при томъ: „глупые" или еще выразительнѣе: „толстоголовые" (χοντροκέφαλοι). Свѣтлыя представленія Охридскаго оазиса омрачаются у насъ однакоже зрѣлищемъ неумолимо-сѣраго неба. Укладываемъ вещи и уныло слушаемъ бьющій въ кровлю дождь. А что, какъ барометръ?— спрашиваю я. Тутъ въ горахъ и на уровнѣ 2,000 футовъ, машинки плоскоземной Европы не имѣютъ хода и кредита, отвѣчаютъ мнѣ. Нашъ барометръ—вонъ, гора Перистери. Посмотрите, какая на ней чалма съ кистями и завитками, — точно приготовилась къ байраму. Дождя у нея, полагать надо, хватитъ проводить дорогихъ гостей за *Пресну*. А тамъ — не ея вѣдомство, тамъ уже барометруетъ славный *Пиндъ*, у котораго хотя тоже не мало прозаической влаги, но есть и огонь поэзіи. Не веселое напутіе, а нечего дѣлать. Надобно ѣхать. Хозяинъ не хотѣлъ насъ пустить въ дорогу тощихъ, и потому сборы наши длились до 11 часовъ. Прощаніе наше было трогательно до слезъ. Онѣ служили данью нашему продолжительному и короткому знакомству съ человѣкомъ бобылемъ, какъ мы сами, не хотѣвшимъ или не умѣвшимъ устроить жизни своей по общему типу „семейнаго очага" со всею его мирною и блажащею обстановкою. Печальное лицо вольнаго пустынника, провожавшее насъ съ балкона оставленнаго нами дома, врѣзалось въ памяти моей такъ глубоко, какъ ничто другое въ Битолѣ и въ Македоніи [1]).

---

[1]) Миръ духу его! *Николай Өедоровичъ Якубовскій* уже отошелъ ко Господу, завѣщавъ похоронить себя на Аөонѣ. Замѣч. 1876 г.

Кстати надобно проститься и съ Македоніей. Великое имя совсѣмъ не соотвѣтствуетъ размѣрамъ именуемаго. Всю Македонію съ востока на западъ можно проѣхать въ три дня, что составитъ протяженіе около 150 верстъ. А съ юга на сѣверъ оно не дойдетъ и до этой цифры. Хотя мы и говоримъ: проститься, но чуть ли давно уже не простились мы съ нею [1]). Плиній говоритъ, что сѣверную часть Македоніи защищаютъ отъ *Трибалловъ* (славянъ) [2]) *Пеонія* и *Пелагонія*. А по Страбону Пеоны-то и назывались Пелагонами. Но, хотя тѣ, хотя другіе, только очевидно уже не Македонцы. Оставляя и ихъ наконецъ, вмѣстѣ съ предѣлами Пеоніи, въ какую другую страну древности направимся мы? Наименованіе *Болгаріи*, хотя бы и *Старой*, ново. Древнѣе его мы всрѣчаемся тутъ съ *Иллиріей* или *Иллиридой*, и притомъ—*Греческой*. Имя это читается у географа *Стефана*, но, подобно столькимъ другимъ областнымъ названіямъ, конечно не обозначаетъ чего нибудь, точно опредѣленнаго, и даже чуть ли не есть только плодъ сбивчивыхъ понятій писателя объ *Иллирикѣ*. Самое давнее, засвидѣтельствованное Птолемеемъ и Титомъ Ливіемъ, имя земли, лежащей впереди насъ, есть страна *Дассаретіевъ* (Dassaretii, Δασσαρήτιοι) т. е. конечно *Дассарейцевъ*, изъ коихъ Стефанъ сдѣлалъ особый народъ иллирійскій *Дассаритовъ*. Такъ какъ окончанія: etii и ῖται очевидно суть грамматическія формы, то подлинное имя старожиловъ мѣста будетъ: *Дассары*, а еще вѣроятнѣе — *Дассарцы*, но... боюсь впасть въ панславизмъ и натолкнуть этнологовъ на мысль, не

---

[1]) Однакоже *Страбонъ* (Z. 323), идя по Via Egnatia съ Запада на Востокъ и не доходя до *Иракліи*, упоминаетъ πυλῶνος τόπον, разграничивающее *Иллириду* и *Македонію*.

[2]) Пуквиль въ *Трибаллахъ* видитъ *Босняковъ* (Т. III. стр. 6), а приводимый имъ (ibid) историкъ крестовыхъ походовъ—*Печенеговъ!*

были ли то скорѣе *Дайтшары*, не безъизвѣстные въ наше время. Но довольно и сего съ насъ — простыхъ туристовъ.

Давно уже мы ѣдемъ параллельно сѣверному склону Перистери. Игривый *Драгоръ* многократно подбѣгаетъ къ дорогѣ нашей, шумя и ворча своею мутною водою. Не носитъ ли онъ въ своемъ имени остатка отъ народнаго названія древнихъ обитателей мѣста? Три буквы есть. Столько же, значитъ, основанія къ сближенію двухъ именъ, сколько и въ попыткѣ патріотовъ отыскивать въ *Драгорѣ* древній *Эригонъ*. Говорю это, не вѣря ни тому ни другому предположенію и говорю собственно отъ нечего дѣлать. Нечѣмъ занять зрѣнія, а слѣдовательно и вниманія. Ничего выдающагося по сторонамъ нѣтъ. За то впереди насъ прямо въ лицо смотритъ грозная туча, въ которую хотя-нѐ-хотя вперяешь безпокойный взоръ. Молнія все чаще и чаще разсѣкаетъ сѣрую бѣлесоватую массу облаковъ, а громъ все ближе и сильнѣе раздается потрясающими перекатами то вправо, то влѣво, передаваясь отъ горы къ горѣ. Минуемъ лежащее въ сторонѣ селеніе *Магарово* (отъ *магаре* или *мъгаре* = оселъ, конечно). Другое смежное село намъ назвали такъ, что въ немъ слышались и *Лопотинò* и *Рокоцинò* и *Логодинò*. Записывай, какъ хочешь! Глухая угроза неба перешла наконецъ въ дѣйствительность. Насъ, какъ говорится, всполоснуло. Но, къ счастью, главная масса тучи прошла лѣвѣе нашего пути. Часа въ 4 мы достигли одного хана, гдѣ отдохнули и немного обсохли. Тутъ насъ нагналъ остававшійся въ городѣ нашъ колонновожатый. Мы сообщили ему планъ свой — искать ночлега на нынѣшній день не въ *Реснѣ*, а въ монастырѣ *Слимницкомъ*, гдѣ вмѣсто матрацовъ и подушекъ ожидаютъ насъ старыя мемвраны и бомбицины съ ароматическимъ запахомъ столѣтій. На положительный взглядъ и духъ служебнаго человѣка поэзія словъ нашихъ не оказала желаемаго дѣйствія. Потребованъ былъ на совѣтъ всевѣдущій Търпко, какъ присяжный доставитель необходимыхъ свѣдѣній. Старикъ объявилъ, что

хотя онъ и не былъ въ *тѣхъ* мѣстахъ, но съ охотою поѣдетъ *туда*, ибо ему все равно,—Слимница, такъ Слимница! Ханьджи съ своей стороны замѣтилъ, что монастырь недалеко, и что намъ стоитъ только отъ *Діавато* взять налѣво, и дорога прямо приведетъ насъ въ Слимницу. Мы посмотрѣли на небо, гдѣ на тотъ разъ показалось солнышко, игравшее радужными цвѣтами и какъ бы говорившее намъ: поѣзжайте съ Богомъ! Мы точно сѣли на лошадей и поѣхали, но скоро убѣдились, что смыслъ радуги скорѣе былъ предостерегательный, чѣмъ поощрительный. Это значило, что начинался опять дождикъ, незамѣтно подступавшій къ намъ все съ того же запада. Дорога продолжала идти въ подъемъ. Видно, что мы, согласно съ картой, пересѣкали горный хребетъ или отрогъ все той-же Перистери, въ наиболѣе приниженномъ его перевалѣ, оттого вѣроятно и названномъ *Діавато*, т. е. переходомъ. Достигли и намѣченнаго мѣста поворота, оказавшагося не Діаватомъ, а *Джаватомъ*. Неудачная острота, что буква і вмѣстѣ съ нами подъ дождемъ размокла и вытянулась въ j, заглушена была опять ударомъ грома, обѣщавшаго повтореніе грозы, съ тою разницею, что теперь дѣло шло къ ночи.—Ну, такъ куда же? спросилъ передовой нашъ, остановившись какъ разъ на вершинѣ треугольника, образуемаго двумя расходящимися дорогами. Человѣкъ очевидно игнорировалъ принятое уже рѣшеніе. Слѣдовало потому прибѣгнуть къ маневру и смиренно отвѣтить: поелику дождь начинаетъ расходиться и грозитъ вcполоснуть насъ хуже прежняго, и поелику до Ресны далеко, а Слимница должна быть подъ рукою, то... Вопрошатель удовольствовался тѣмъ, что протянулъ сквозь зубы слова: должна быть, и поворотилъ коня своего налѣво по дорогѣ въ монастырь, о которомъ не у кого было забрать новыхъ, болѣе подробныхъ свѣдѣній. Бросивъ прощальный взоръ на открывавшуюся вдали равнину, тезоименно зовомую *Равндю*, на которой ожидалъ насъ городокъ *Ресна*, мы всѣ потянулись въ Слимницу, воображая ее себѣ заранѣе,

кто Слѣпиштемъ, кто Златоверхомъ. Я мысленно уже проводилъ наступающую ночь за гнилыми фоліантами съ курьезными приписками въ родѣ: „блоуди, блуди иноче“... Курьезъ вышелъ пожалуй еще и позанимательнѣе книжной замѣтки. Инокамъ пришлось не только поблудить, но и заблудиться по пути къ Слимницѣ. Дорожка наша шла косогоромъ, по склону конечно все той же еще Перистери, дѣлая зигзаги и нечувствительно поднимаясь. Черезъ полчаса, думаю, мы въѣхали въ густой лѣсъ, который не замедлили назвать монастырскимъ, повторивши при этомъ типическое замѣчаніе о красотѣ мѣстоположенія обителей иноческихъ вообще. Кстати, лѣсъ давалъ намъ нѣкую защиту и отъ расходившагося дождя. Только что я, при видѣ непроглядной гущины древесной, вдался въ расблажающія представленія неисходимыхъ лѣсовъ другой великой земли славянской, какъ зловѣщій Търпко сдѣлалъ какъ бы про себя, смутившее насъ замѣчаніе, что дорога-то не похожа на проѣзжую. Ему, конечно, знать про то. Въ самомъ дѣлѣ, мало-по-малу изъ дороги она перешла въ дорожку, а потомъ въ стежку, и только что готовилась сдѣлаться тропкой, какъ вышла на площадку сажени въ двѣ-три въ квадратѣ, и... кончилась! Началось траги-комическое представленіе. Передовой всадникъ повернулся съ конемъ поперегъ площадки, подперся въ бокъ руками, и обозрѣвая компанію, произнесъ: ну-съ?.. Эффектъ выходилъ разительный, но полнотѣ его мѣшалъ проливной дождь. Въ критическія минуты эти не слѣдовало терять присутствія духа. Я поворотилъ свою лошадь назадъ и сказалъ стоически: если нѣтъ дороги впередъ, то есть она назадъ. Зѣвать нечего.—Но вѣдь этакъ пройдетъ цѣлый часъ, пока мы только выѣдемъ опять на большую дорогу, а уже сумерки! замѣтилъ кто-то съ боку.—А пока мы не выѣдемъ никуда, сколько пройдетъ времени? отвѣтилъ другой голосъ... Въ переговорѣ этомъ слышалось нескрываемое раздраженіе. Нечего было дѣлать. Повернули и поплелись откуда пріѣхали. Но Богъ послалъ намъ утѣшеніе, какого

и не чаяли. Дождь пересталъ шумѣть и послышался въ сторонѣ стукъ топора. Перебросились междометіями: *эй* и *ай,* и изъ чащи показалась фигура дровосѣка. Пошли распросы. Оказалось, что *Слимница* тамъ далеко, и дороги къ ней отсюда совсѣмъ нѣтъ. — Ну, а *Ресна?* — Къ Реснѣ послѣ такого дождя ночью оказалось тоже не легче добраться, чѣмъ къ Слимницѣ.—Да онъ то самъ откуда?—спросили мы.—Тутъ, съ мельницы, отвѣчалъ дровосѣкъ. Ну, что-же! И отлично! Поѣдемте на мельницу! Но вмѣсто мельницы намъ отрекомендованъ былъ ханъ гораздо ближе,—на берегу озера. Оставалось просить благовѣстника провести насъ къ вожделѣнному тихому пристанищу, въ чемъ конечно отказа не послѣдовало. На сердцѣ отлегло. Лица замѣтно повеселѣли, на сколько это можно было читать на нихъ при свѣтѣ сумерокъ. Въ виду возможной перспективы нескончаемыхъ остротъ надъ неудавшимся походомъ на рукописи, тутъ же, прежде чѣмъ двинуться съ мѣста, положено было не вспоминать про Слимницу сего дня во весь вечеръ. За опытнымъ проводникомъ мы стали пробираться чуть не ощупью между деревьями и камнями, дѣлая несчетные повороты и все спускаясь. Несмотря на прекратившійся дождь, насъ обливало, какъ изъ душа, всякій разъ, какъ приходилось задѣвать за древесныя вѣтви. Все отъ зонтика до подошвы сапога было мокро насквозь и прилипло къ тѣлу. Выбрались наконецъ изъ лѣса и еще могли различить впереди себя огромную площадь воды, отливавшую на поверхности своей еще кое какіе остатки вечерняго мерцанія. Уходилось все въ природѣ и въ душѣ. Еслибъ не крайняя усталость и не налегшая на плечи водянистая масса платья, ледянившая мозгъ, то давно бы уже развязались и языки путниковъ, чего одного не доставало каравану нашему. Вотъ и совсѣмъ спустились въ *Равну*. Еще мало, и мы уже стоимъ, и другъ за другомъ сползаемъ съ лошадей своихъ у какого-то чорнаго пятна на темномъ фонѣ. Это былъ желанный ханъ *Грѣчанскій*. Грязь по лодыжку была намъ первымъ привѣтствіемъ. Она же

замѣняла полъ и въ самомъ ханѣ, по крайней мѣрѣ въ его передней комнатѣ, гдѣ устроена дымовая труба, подъ которою разводится въ зимнее время огонь. На наше счастье, въ гостепріимной хлѣвинѣ не было на тотъ разъ никого, кромѣ насъ. Оттого, на правахъ полныхъ хозяевъ, мы немедленно завладѣли очагомъ, договорившись съ ханьджи, чтобы всю ночь держался на немъ огонь неугасимый, хотя бы для этого потребовалось порубить всѣ, тутъ же стоявшія, пустыя бочки и другіе сгараемые предметы. Часа три продолжалась сушка платья. Самоваръ неоднократно разогрѣвался въ теченіи этого времени, прибавляя дымъ къ дыму до того, что мы уже съ трудомъ различали другъ друга. Съ немалыми усиліями мы могли устроить себѣ сухое ложе по близости огня. Покоясь на немъ и грѣя поперемѣнно то одинъ, то другой бокъ, подъ защитою отъ возобновившейся ярости стихій, находимъ, что равнаго нашему благополучію и нѣтъ на землѣ! пламень очага рисуетъ на стѣнахъ силуэты прижавшихся къ нимъ фигуръ. Царствуетъ мертвая тишина. И вдругъ предательское: хи! вылетаетъ изъ угла!—А вы что хихикаете? Развѣ забыли, что условились не вспоминать про Слимницу?..—залпъ хохота служитъ отвѣтомъ увѣщателю. Но... довольно на сей памятный день.

Ресна. 2 Іюня 1865. Среда.

Къ утру и огонь погасъ, и заходилъ по лачугѣ холодный вѣтеръ, возвратилась сырость, поднялся кашель... кто-то, выглянувшій за двери, утѣшаетъ извѣстіемъ, что „неба не видно", и что дождь хлещетъ, какъ вчера у..... Подъ вліяніемъ такихъ вѣстей, прошла охота спать. Встали, когда не было видно еще и земли, развели огонь и снова „насушивались на дорогу". Отъ огорченія даже самовара не поставили и, стоя, толклись на одномъ мѣстѣ, въ ожиданіи, пока Търпко приготовитъ намъ лошадей. Давно уже не запомню такого скучнаго и

тяжелаго утра. Кажется, рѣшись только задѣть кого нибудь хотя малѣйшимъ вопросомъ, такою отвѣтитъ тебѣ любезностію, что радъ будешь прикинуться глухимъ. Чуть разсвѣло на столько, что можно стало различить лужу съ озеромъ, чтобъ не заѣхать въ послѣднее, мы сѣли на коней, и потянулись молчаливой вереницей, укрываясь подъ зонтиками отъ неумолимаго дождя, на сѣверъ къ *Ресни*. Холодный январьскій вѣтеръ дулъ намъ прямо въ лице и мѣшалъ смотрѣть по сторонамъ. Объ озираніи вспять на озеро не могло быть и рѣчи. Оттого, общій видъ его не напечатлѣлся въ моей памяти. Бывальцы утверждали, что есть сходство мѣстности съ іорданскою равниной при Мертвомъ морѣ, при чемъ положеніе тамошняго Іерихона будетъ соотвѣтствовать здѣшней Реснѣ. Только такого холода вѣроятно никогда отъ вѣка не бывало на знаменитой равнинѣ библейской, какой со всѣмъ неожиданно встрѣтили мы сегодня здѣсь въ іюнѣ мѣсяцѣ. Правда, мы были вѣроятно тысячи на три футовъ выше поверхности Мертваго моря, да градусовъ на десять можетъ быть и сѣвернѣе его. Главная же разница состоитъ въ томъ, что *Равну* окружаютъ горы не чета Палестинскимъ, покрытыя, какъ мы видѣли, отчасти снѣгомъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ. Западная береговина ея, смотря снизу, не поражаетъ своимъ суровымъ величіемъ, какимъ вѣяло отъ *Сухой Горы* и еще болѣе отъ *Перистери*, но судя по картѣ, и она достигаетъ 5,000 футовъ высоты. Слѣдовательно, есть гдѣ развернуться и расходиться старой знакомкѣ нашей стужѣ. Не разъ пересѣкаемъ мы притоки рѣчки, несущей свои, теперь бурныя и мутныя, воды въ Преспу. Ресна дала намъ себя замѣтить далеко впереди двумя-тремя темными пятнами еще у самаго озера. Тонкій туманъ — дождь мѣшалъ опредѣлить глазомъ разстояніе ея отъ насъ, и оттого не мало раздражало насъ не скорое приближеніе наше къ ней. Досада изливалась разумѣется на лошадяхъ, ни въ чемъ неповинныхъ, съ трудомъ волочившихъ ноги по топкой землѣ. Не чѣмъ было развлечь себя на ровнѣй-

шей Равнѣ, даже, говоря примѣнительно къ непогодному состоянію души, не къ чему было придраться. Деревня *Кожакъ*, долго сливавшаяся перспективно съ Ресною, когда открыла намъ за собою еще цѣлое поле до послѣдней, прибавила нетерпѣнія, грозившаго перейти въ озлобленіе. Но всему есть конецъ. Въ Ресну мы въѣхали, когда она только что проснулась. Улица ея была еще пуста. И не спрашивая мнѣнія другъ друга, мы у перваго хана городскаго сошли съ мокрыхъ лошадей и поспѣшили забраться въ сухую, но далеко не теплую комнату. Узнавши, чтò за гости пожаловали въ ханъ, содержатель его, болгаринъ разсыпался передъ нами въ безконечныхъ услугахъ, изъ коихъ самая цѣнная была жаровня съ горячими углями, отогрѣвшая мнѣ окоченѣлыя руки. За нею конечно слѣдовалъ нашъ дорожный самоваръ, положившій конецъ злостраданіямъ нашимъ на сей день. — А вѣдь всего въ шести часахъ мы находимся отъ Битоля, сказалъ внушительно предсѣдатель компаніи. — Чтожъ! Не вернуться ли назадъ? — вертѣлся у меня на языкѣ отвѣтъ, но къ счастію не сорвался съ него. А то вышла бы обида человѣку, рѣшившемуся ни за что ни про что быть нашимъ проводникомъ и охранителемъ въ дорогѣ. Онъ имѣлъ полное право быть недовольнымъ нашею вчерашнею экскурсіей.—Да, столько и приходится по нормалу для 7-го часа утра, отвѣтилъ я. Положимъ, что мы вчера ночью прибыли сюда. Ну, вотъ теперь проснулись, и распиваемъ чай себѣ. Все въ порядкѣ вещей.— За то преспали у Преспы, принимая мою сторону, каламбуритъ мягкій голосокъ. Приведенный имъ глаголъ оказывается однакоже *не хорошимъ*, и бесѣда прекращается. Между тѣмъ въ околоткѣ уже разнеслась вѣсть, что наѣхали русскіе чиновники, да еще изъ самаго *Цариграда*. Родолюбцы Ресненскіе не могли оставаться равнодушными къ такому событію. Поминутно стали показываться въ дверяхъ комнаты типическія лица болгарскія въ синихъ джюбé и красныхъ фесахъ съ привѣтствіемъ о „добромъ дошествіи“ нашемъ до ихъ роднаго

гнѣзда. Съ Ресной у меня уже былъ родъ духовнаго знакомства. Между немалочисленными (будто бы около 50,000!) болгарами, обитающими въ Константинополѣ, есть одинъ урожденецъ Ресны, пріобрѣтшій въ кругу своихъ единоплеменниковъ уже не малую извѣстность своими усиліями помочь дѣлу народнаго образованія въ томъ духѣ, какой на его взглядъ есть пока единственно полезный и безопасный для народа. Замѣчательный человѣкъ этотъ собственно есть не болѣе, какъ книгоноша, и тутъ именно вышло то, что у насъ выражается пословицей: не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ—мѣсто. Отличный родолюбецъ вошелъ въ сношеніе съ нашими типографіями синодальною и кіевопечерскою, получилъ кредитъ у нихъ, самъ неоднократно уже ѣздилъ въ Россію, выучился въ совершенствѣ говорить по нашему,—по гречески и потурецки говоритъ какъ своимъ роднымъ языкомъ, вѣроятно знаетъ и по сербски и по албански. Ни одного, можно сказать, дня не сидитъ на одномъ мѣстѣ, переходя и переѣзжая изъ края въ край по Румеліи, по селамъ, по монастырямъ и особенно по ярмаркамъ съ запасомъ самонужнѣйшихъ богослужебныхъ и другихъ духовныхъ книгъ, способствующихъ развитію народа въ религіозномъ и строго православномъ духѣ. Обладая отъ природы спокойнымъ характеромъ и добрымъ сердцемъ и замѣчательною снаровкою въ сношеніяхъ съ фанатичными стихіями турецкою и греческою, онъ, по мнѣнію моему, успѣваетъ въ своемъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ десятки школъ съ методическимъ преподаваніемъ. Имя его не громкое (Андрей Ни́киновъ), фигура его не взрачная, все — ничѣмъ рѣшительно невыдающееся, а между тѣмъ энергія примѣрная! потомство должно внести его честное имя въ число благодѣтелей народа. Дай только Богъ ему, при развитіи его дѣятельности, не увлечься коммерческими расчетами и не стать жертвою какой нибудь спекуляціи, не имѣющей ничего общаго съ „родолюбіемъ“. Мы нарочно позвали его мать старушку и при ней отрекомендовали старшинамъ мѣста достославную дѣятель-

ность ея сына, въ примѣръ всѣмъ „родолюбцамъ". И стóило. Человѣкъ не довольствуется уже однимъ снабженіемъ книгами края, а помышляетъ объ изданіи разныхъ полезныхъ сочиненій нашихъ на родномъ языкѣ, вродѣ напечатаннаго уже имъ *Вѣчнаго календаря*, чтобы ими замѣнить и отстранить „коварныя", большею частію даровыя, изданія въ этомъ родѣ протестантской пропаганды въ Болгаріи.

Ресна есть центральный пунктъ административный для 25—30 окрестныхъ селъ, сплошь все болгарскихъ, и потому можетъ зваться городомъ, хотя высматриваетъ тоже селомъ. Церковь ея едва можно отличить отъ обывательскихъ домовъ, изъ коихъ, въ свою очередь, ни одинъ не показался намъ на столько хорошимъ, чтобы называться городскимъ. По всей видимости, однакоже, Ресна кажется старожильнымъ мѣстомъ Старой Болгаріи. Упоминается ли она у какого нибудь византійскаго историка, рѣшить этого на дорогѣ нельзя. Собрать на мѣстѣ какія нибудь свѣдѣнія о „дняхъ древнихъ" мѣста нечего было и думать. Памятниковъ древности въ родѣ развалинъ, камней съ надписями, рукописныхъ книгъ, совсѣмъ не оказывалось ни въ настоящее время, ни на памяти отцовъ и дѣдовъ. Потребныхъ свѣдѣній можно ожидать отъ какихъ либо приписокъ на старыхъ богослужебныхъ книгахъ и отъ таксидіотскихъ замѣтокъ о томъ, кто, откуда, въ какое время и сколько пожертвовалъ иперпировъ (дукатовъ, флурей, аспровъ, грошей...) на ту или другую церковь или обитель. Судя по Кипертовой картѣ, въ окрестностяхъ Ресны есть два монастыря: *Джавскій* и *Св. Петки*. Вотъ тамъ, въ какихъ нибудь мрачныхъ и сырыхъ подвалахъ, на полкахъ, среди всякаго гнилья и хлама, надобно искать генеалогическихъ свѣдѣній о *Реснѣ*. Теперь имя это пишется черезъ *е*, и слѣдовательно едва ли имѣетъ лексическое сродство съ древле-славянскимъ словомъ: *рѣснота* или тоже древнимъ: *рясна*. Наша *рѣсница* хорошо бы подходила къ нему, но на сколько въ ней есть древняго и общеславянскаго, нельзя сказать, не справившись кое съ чѣмъ. Въ „Анто-

никовомъ Дорожникѣ“ между *Ираклѣй* и *Лигнидомъ* (Битолемъ и Охридой) указана *Ницiя* — Nicia, пишемая въ Певтингеровой „Табулѣ“ Nicea, т. е. *Никея*. Она конечно исчезла безслѣдно. Искать ее теперь въ *Реснѣ*, отожествляя „побѣду“ (Νίκη) съ „рѣзнею“, едва ли рѣшится самый незастѣнчивый филологъ-славяноманъ.

Охрида. 2 Iюня 1865.

Послѣднiя впечатлѣнiя ресненскiя были лучше первыхъ. Поднявъ глаза отъ записной книжки, я увидѣлъ въ окнѣ голубое небо, правда еще крѣпко борющееся съ темными массами облаковъ, но уже готовое одержать побѣду надъ непогодой. Дождь давно пересталъ. Лошади поѣли, мы обогрѣлись. Чтожъ еще больше? Трънко доложилъ, что сiяетъ солнышко, и что порà намъ посмотрѣть на него. Дружелюбно простились мы съ хозяиномъ и гостями-поздравителями, пожелавъ имъ, что бы на ихъ любезной Равнѣ водворилось полное равенство племени, языка, вѣры, а главное — общечеловѣческихъ правъ. Послѣднее весьма не мѣшало прибавить; ибо нигдѣ такъ, какъ подъ политическимъ гнетомъ, не зараждаются и не самоуправствуютъ маленькiе тираны-мiроѣды (въ родѣ здѣшнихъ чорбаджей) и нигдѣ ихъ подавляющее значенiе не вредно такъ, какъ въ мирномъ и неразвитомъ населенiи болгарскомъ. Мокрыя сѣдла лошадей нашихъ напомнили намъ непрочность ласки уже успѣвшаго скрыться небеснаго свѣтила. Ихъ нужно было согрѣть избыткомъ собственной теплоты, на которую трудно было расчитывать при пронзительномъ вѣтрѣ, ожидавшемъ насъ снова на горахъ. Горный хребетъ, который предстояло намъ пересѣчь, на картѣ не имѣетъ особаго названiя. Ту часть его, по которой мы проѣдемъ на верху, намъ наименовали, впрочемъ, *Истокомъ*,—по чему и отчего? Увидимъ тамъ на мѣстѣ, сказано было намъ въ напутiе. И за Ресною мы продолжали держаться тогоже дiагональнаго направленiя,

подвигаясь къ горамъ и не замѣтно возвышаясь. Становилось тепло, а по временамъ оказывалась надобность въ зонтикѣ, который кстати, защищая насъ, сушился на солнцѣ. Черезъ часъ пути мы достигли давно намѣченнаго лысогорья или перваго подьема на *пла́нину*, раздѣляющую бассейны преспинскій и охридскій. Стали вмѣстѣ съ тѣмъ открываться живописные виды на обширную Равну. Но, чтобы любоваться ими, нужно было оборачиваться вмѣстѣ съ конемъ, что̀ не такъ-то легко было сдѣлать. Впрочемъ, я успѣлъ схватить взоромъ очеркъ громаднаго озера Преспинскаго, на сколько позволялъ всмотрѣться въ него, все еще носившійся по нему туманъ утренній. Гора же *Перистери* и весь профилировавшійся за нею хребетъ *Боры* были совершенно въ облакахъ. Дорога идетъ нѣсколько времени по окраинѣ горы прямо на сѣверъ, извиваясь между тѣнистыми деревьями и постоянно поднимаясь. Какіе-то два всадника встрѣчные недоброжелательно провожаютъ меня взоромъ, по обычаю отставшаго отъ компаніи. Конечно, это албанцы, думаю я, и посылаю имъ мысленно привѣтъ, равносильный пожеланію провалиться сквозь землю. А между тѣмъ, отставшій еще болѣе меня Тръпко поздоровался съ ними по братски и по христіански. Это были болгары изъ сосѣдней *Дибры,* т. е. Дебри, самаго дикаго уголка Европейской Турціи. Наконецъ мы взобрались на скалистую площадь необъятнаго протяженія, изъ которой то тамъ то сямъ торчатъ отдѣльные каменные же холмы. Значитъ мы были на вершинѣ хребта, въ этомъ мѣстѣ вышедшаго въ своемъ родѣ равниной или *пла́ниной,* по южнославянской мовѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и дорога наша принимаетъ западное направленіе, въ перерѣзъ хребта, который, судя по фантастическимъ рисункамъ карты Вѣнскихъ топографовъ, можно уже принять за самый *Пиндъ* или крайній сѣверный отростокъ его. Настоящей же историческій Пиндъ, основываясь на всѣхъ показаніяхъ древности, надобно ставить значительно южнѣе. Его составляетъ цѣльный непрерывный горный кряжъ, направляющійся съ сѣвера на

югъ или точнѣе юговостокъ, начинаясь у именитой *Додоны* и оканчиваясь у пресловутыхъ *Өермопилъ*[1]). Цѣлый часъ мы стучали копытами своихъ животныхъ по голому темени *Истока*. Не вѣрю я подлинности этого названія, и употребляю его только за неимѣніемъ (незнаніемъ) настоящаго имени. Гора и Истокъ — не ладится одно съ другимъ. Развѣ согласиться съ тѣмъ, что тутъ *истокъ* совсѣмъ не родственникъ и даже не однофамилецъ источника, а означаетъ *востокъ*, отъ корня: встаю. И дѣйствительно, главный доводъ въ пользу сего „истока“, какъ названія горы, заимствуется отъ *восточнаго* положенія ея относительно Охриды[2]). Только что я намѣревался склониться на сторону этого предположенія, какъ нежданное обстоятельство снова оттолкнуло меня къ идеѣ тока, истеканія, истока. Мы достигли повидимому наивысшей точки хребтовины, за которою долженъ начаться спускъ на *ту* сторону. Уже мнѣ мерещилось море — озеро вдали въ самыхъ обаятельныхъ очертаніяхъ. Между тѣмъ открылось зрѣлище инаго рода. Дѣйствительно, поверхность земная пошла на склонъ къ западу, но впереди волнообразно поднималась опять масса скалъ, изъ за которой нельзя было видѣть ничего далѣе. Между тѣмъ впереди насъ перегораживало намъ дорогу что-то огромное, шумное, блестящее и скачущее съ неописанными кувырками и вывертами. Черезъ дорогу,

---

[1]) Однакоже писательница *Анна Комнина* (кн. 13), говоря о городѣ *Діаволѣ*, лежавшемъ на западномъ склонѣ южной оконечности этой самой горы, замѣчаетъ, что онъ «прилегаетъ къ тѣмъ горамъ, которыя оканчиваются тѣснѣйшимъ проходомъ, зовомымъ *Өермопилами*». Значитъ, дѣло идетъ о *Пиндѣ*.

[2]) Есть мѣсто и третьему словопроизводству. Сестра императора Юстина I, основателя славянской династіи, именемъ *Вылєница* (а по ученому Vigilantia), мать Юстиніана Великаго, была за мужемъ за нѣкіимъ Саватіемъ, котораго земляки его иллирійцы звали *Истокомъ*. При несомнѣнной наклонности Юстиніана давать имена своихъ родныхъ разнымъ мѣстамъ, легко предположить, что имя отца его досталось сосѣдней Ведерьянамъ горѣ, т. е. той, по которой мы ѣдемъ.

съ права на лѣво, неслась цѣлая рѣка воды, несчетными каскадами падая съ камня на камень, и забирая съ собою все, что попадалось на пути. Дорожникъ *Буé* не упоминаетъ объ этомъ явленіи, оттого я и не знаю, считать ли его только послѣдствіемъ таянья снѣговъ или и еще проще вчерашнихъ цѣлодневныхъ дождей, или видѣть въ немъ дѣйствительный *истокъ* т. е. источникъ какой нибудь рѣчки или цѣлой рѣки, стремящейся отсюда въ озеро. Конечно, самый-то источникъ не на дорогѣ-же тутъ, а далѣе гдѣ нибудь, но это не мѣшаетъ цѣлой горѣ или горной мѣстности получить отъ него свое имя. Не надобно впрочемъ забывать, что въ подобнаго рода изслѣдованіяхъ мы русскіе далеко не вполнѣ компетентные судьи. Надобно быть болгариномъ прежде всего, чтобы имѣть притязаніе на безошибочное сужденіе.

А вотъ и оно, въ самомъ дѣлѣ поражающее своимъ величіемъ зрѣлище! Именитое озеро вдругъ открылось изъ-за ближайшихъ утесовъ, блестящее до ослѣпленія подъ лучами полуденнаго солнца, широкое какъ море, глубоко втиснутое въ раму высокихъ горъ, по дальности разстоянія кажущихся малыми холмами. Мы инстинктивно остановились и не одну минуту смотрѣли безмолвно на чудную картину въ тихомъ восторгѣ. Почти ровно за три года передъ этимъ я точно также съ высокой горы увидѣлъ историческое *Никейское* озеро, по своему объему и очертанію весьма похожее на *Охридское*, но какъ будто впечатлѣніе отъ него не было такъ живо и полно, какъ теперешнее. Вѣроятно причиною разницы были столькіе предварительные разсказы о новообразимой красотѣ сего послѣдняго, а можетъ быть и мысль, что такая страшная масса воды находится на высотѣ 2,000 футовъ, наконецъ — въ извѣстной долѣ, конечно, и сознаніе того, что это озеро Славянское, кипѣвшее полнотою славянской жизни, когда на далекомъ угрюмомъ сѣверѣ, гдѣ теперь она бьетъ ключемъ, расхаживали еще одни пустынные вѣтры да пустынолюбивые медвѣди. На

бо̀льшую радость нашу и погода совсѣмъ поправилась. Будто рѣявшій въ глубинѣ необозримой равнины воздухъ говорилъ, что тамъ внизу должно быть настоящее знойное лѣто, и манилъ насъ къ себѣ не замѣтнымъ помаваніемъ, какъ манитъ въ весеннюю пору старыя кости пахаря теплая завалинка. Сейчасъ, сейчасъ! Вотъ только отдѣлаемся отъ таможенныхъ мытарей, собирающихъ ученую дань съ посѣтителей исторической столицы *Иллирика,* и заберемся въ гесперидскіе сады *Первой Юстиніаны.*

Осторожно спускаемся со скользкаго крутояра. Указываютъ на косогорѣ не вдалекѣ деревню *Германъ...* Мытарства, значитъ, начинаются. Такого имени была родина знаменитаго *Велисарія* или *Величара* — по возстановленному будто бы истинному произношенію его имени. Оно, конечно, такъ и слѣдуетъ. Прежде, чѣмъ встрѣтимся съ императоромъ, насъ привѣтствуетъ его полководецъ, тоже намъ единоплеменный. Родился славный воитель дѣйствительно въ мѣстѣ съ подобозвучнымъ именемъ. Историкъ Прокопій положительно говоритъ, что онъ происходилъ изъ *Германіи* (ἐκ Γερμανίας). Но вотъ бѣда. Германія-то та лежитъ, по историку, „между Ѳраками и Иллирійцами". А тутъ вышло бы, что мѣсто ей между Эпиротами и Иллирійцами. Отъ Ѳраковъ она такъ далеко, что раздѣляетъ ихъ цѣлая Македонія, да еще и съ прибавкомъ Пелагоніи! Если мы присовокупимъ къ этому недоумѣнію еще прямое свидѣтельство *Іероклова* „Синекдима", указывающаго мѣсто городу *Германи* въ области „Средиземной Дакіи", которой столичный городъ былъ *Сардика* (нынѣшняя *Софія*) съ другими городами *Наиссомъ* (теперь *Нишъ*), *Ремесіаной, Панталіей* [1]) и др. принадлежащими совсѣмъ иной мѣстности, то окажется, что Охридская

---

[1]) На «Табулѣ» означены и Naisso и Romesiana и Peutalia (читай: Pantalia) и Sertica (*Сардика* или точнѣе *Сэрдика*), поставленныя всѣ именно тамъ, гдѣ полагается мѣсто Daciae Mediterraneae, далеко къ сѣверовостоку отъ Lignido съ его озеромъ. Возлѣ

Германія чуть ли не есть какая нибудь германская выдумка, столь нерѣдкая въ дѣлахъ подобнаго рода, т. е. спѣшное, основанное на одномъ созвучіи [1]), заключеніе... Охрида представлялась намъ сперва темнымъ пятномъ на рубежѣ двухъ морей зеленаго и голубаго. Потомъ мало по малу стали выявляться на ней очертанія деревьевъ и домовъ съ неизбѣжными минаретами, какъ бы возникавшими прямо изъ воды. Потеплѣло, и на душѣ совсѣмъ повеселѣло. Подъ самою горою еще деревушка мытарственнаго значенія. Имя ей *Вѣтрино*. Могло статься, что или постоянно дующій въ ней какой нибудь изъ вѣтровъ, или разъ набѣдокурившій на память вѣкамъ грядущимъ, или способствовавшій разводу тамъ вѣтрянокъ, или еще иначе какъ давшій себя знать вѣтеръ былъ причиною приставшаго къ мѣсту имени. Вмѣсто всего этого требуется вѣра, что *Вѣтрино* есть *Ведрино*, а Ведрино есть древняя *Ведери́на* (по Агаѳію) и *Ведерьянá* (по Прокопію), — пресловутая родина единокровнаго намъ *Управды*, извѣстнаго въ исторіи подъ переводнымъ именемъ Iustini (seniorіs), т. е. *Юстина*, перваго Славянскаго императора Византіи! Оставалось намъ поздравить другъ друга съ осуществленіемъ завѣтной мечты повидать фактами засвидѣтельствованную, *Славянскую* мѣстность V вѣка, и

Ромесіаны помѣщено: Turribus. Можетъ быть это и есть та *крѣпость*, которая у Прокопія названа *Ведеріана*.

[1]) Пересматривая теперь (1876) дорожныя замѣтки съ именами *Истока* и *Германа*, не надивишься тому, отчего дѣло осталось не выясненнымъ на самомъ мѣстѣ. Что бы проще сего: взять бы, услышавши объ имени *Германа*, подозвать къ себѣ старожила Тѫрпка и спросить его на разстояніи двухъ шаговъ: какъ зовется эта деревня, заставивши повторить слово нѣсколько разъ, чтобы не оставалось мѣста сомнѣнію, что произносится именно: *Германъ*, а не *Ферманъ*, *Червань*, *Дернанъ* и т. д. а въ случаѣ нужды, даже послать спросить объ имени самую деревню? Вмѣсто всего этого, оказывается принятымъ на вѣру, можетъ быть прямо интенціозное показаніе «бывателя»! И вышли вверху *Германи*, а внизу *Ведрина*! Коротко да ясно! Только — прибавимъ: съ географіей не согласно!

притомъ такого фатальнаго значенія, — послужившую какъ бы дверью или щелью, черезъ которую безыменные чьи-то *рабы* (Sclavi, Sclavini, или — ни чѣмъ не лучше: Servi, Bis-servi) [1]) пролѣзли изъ „мрака неизвѣстности" на свѣтъ широкой Римской исторіи.

При одной улощенной покатости большинство всадниковъ сходитъ съ лошадей и ведетъ каждый своего вукефала зá поводъ. Находимся, такъ сказать, уже въ преддверіи города. Наталкиваемся, на прощанье съ горой, еще на цѣлую скалу съ залежами сѣры, издающей удушающій запахъ, который, видно, мѣстные жители находятъ здоровымъ, потому что тутъ же по близости мы встрѣтили и селитву человѣческую. Жгучій лучъ солнечный напомнилъ намъ, что мы находимся наконецъ въ равнинѣ. Снова сидимъ на лошадяхъ и съ бодрымъ видомъ наѣздниковъ стараго времени — *Управды, Величара* и К°, подъѣзжаемъ по цвѣтистому лугу къ городу. Начинается цѣлый лѣсъ садовъ фруктовыхъ, навѣявшій на насъ память нашей благословенной Украйны. Изъ за низкихъ загородей видятся ряды деревьевъ, сплошь пронизаемыхъ красными плодами. Изъ гущины вѣтвей раздаются гóлоса — только не птичьи, а человѣчьи. Было время сбора ягодъ. Мы спросили, можно ли купить ихъ себѣ. — Сколько угодно! — отвѣчаетъ Търпко, совсѣмъ помолодѣвшій отъ цвѣтущей и живодышущей обстановки природы. За ничтожнѣйшую цѣну намъ принесли цѣлый платокъ превосходныхъ черешень. Всматриваюсь во все. И лица и костюмы и говоръ и ласковый поклонъ — все, давно намъ знакомое, свое, наше! Узнаю ее — мирную, сросшуюся съ землей и природой, жизнь Славянскую, не высокую, не залетную, не громкую и не бойкую. Хлѣбъ да соль, пѣсня да сказка, печь да поле, работа да гулянье, тишь да гладь да Божья благодать! Умилился я безъ всякаго

---

[1]) Осмѣливаемся этимологизировать слово: *Бессарабія*. Но и, помимо него, Servus= рабъ подтверждается именемъ: *Со-рабъ* — общникъ рабства.

нажима и зазыва „родолюбія“. Ягодъ не хотѣлось коснуться. Я только смотрѣлъ на нихъ и любовался ими, какъ подаркомъ — souvenir, — который желалъ бы сохранить на долго — долго. Кстати, кто-то предостерегаетъ „не ѣсть много на тощакъ, потому что зубы *отерпнутъ*, да и того“... Ну, значитъ, и подавно кстати! Все мнѣ приходило на мысль спросить Търпка, отъ чего происходитъ его имя, отъ *терпѣнія* или отъ *терпкаго*, но я боялся, что онъ не пойметъ вопроса. И того и другаго по равной долѣ досталось терпкимъ терпѣливцамъ, упомянутымъ выше „рабамъ“ всякаго, имѣющаго охоту властвовать! Еще не отвѣдалъ, да уже и терпкость на зубахъ! Какъ убѣжать отъ втирающагося въ мысль намека! Вѣдь это опять таки оно — наше Славянство! Ждетъ терпѣливо напримѣръ цѣлая семья завѣтныхъ ягодокъ изъ своего садика, а дождется, — „не ѣшь много, а то отерпнутъ зубы“! Право, чуть только дотронешься зубами, по пословицѣ, до Славянскаго вопроса, такъ и почувствуешь эту терпкость, выступающую изъ за сладости. Излишекъ вреденъ конечно во всемъ, а слѣдовательно и въ ѣдѣ. И Пиѳагоръ — доброй памяти — внушалъ тоже своимъ соотечественникамъ, „не ѣсть бобовъ“, потому что, видно, бобы возбуждали въ живомъ, но маленькомъ организмѣ эллинства аппетитъ не по желудку. И намъ — славянамъ — въ пору иной разъ прочесть туже заповѣдь, но уже другаго толка: не заѣдайся своими вишнями да черешнями, и не распѣвай до оскомины про свою калину да малину... Впрочемъ, довольно аллегорить. Всего не перескажешь славянамъ о славянахъ... Минуемъ и сады. Начинается городъ. Вмѣсто дороги подъ ногами течетъ цѣлая рѣка, направляясь къ озеру, которое давно мы потеряли изъ виду. Усталая лошадь ступаетъ не твердо въ водѣ и пугается. Въѣхали въ городскую улицу, напомнившую намъ Ресну и Перлепе. Отъ Битоля далеко отстала именитая столица *Старой Болгаріи*. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ туда и сюда по пустымъ (былъ часъ 2-й дня) улицамъ, мы уперлись въ ворота хана, видимо первостатей-

наго, если не единственнаго, въ городѣ, который предпочли всякому частному помѣщенію, въ видахъ полной свободы и независимости дѣйствій.

Лихнидъ. 2 Іюня 1865.

Прибытіе русскихъ сановитыхъ гостей, разумѣется, скоро огласилось въ околодкѣ. Послѣдовалъ наплывъ посѣтителей, до нельзя радушныхъ и радостныхъ по случаю пріѣзда нашего. Знакомыя привѣтствія въ родѣ: „како'сте“ и „добре доидосте“ съ несчетными другими, долго оглашали длинную и свѣтлую пріемную комнату нашу. Но такъ какъ, по старобытному правилу русскому, „хорошаго по немножку“, то мы и не замедлили положить конецъ удовольствію слышать ласковую родную рѣчь единоплеменниковъ, по необходимости впрочемъ довольно монотонную, придумавши предлогъ отдыха, въ которомъ, по правдѣ сказать, мы таки и нуждались послѣ вчерашней передряги, грѣчанскаго ночлега и сегодняшняго холоднаго переѣзда по сырой Равнѣ и по сухой Планинѣ. Компаньоны мои сейчасъ же и рѣшили воспользоваться открывшеюся возможностію наверстать, кому чего недоставало. Я же зналъ, что ничто заказное у меня не спорится, и потому вмѣсто подушки присѣлъ къ своей записной тетрадкѣ и вынулъ кипу подготовленныхъ замѣтокъ. Мнѣ хотѣлось тутъ на мѣстѣ, подъ вліяніемъ всего, что видитъ глазъ, составить хотя какое нибудь опредѣленное и сколько нибудь удовлетворяющее понятіе о Лигнидѣ—Ахридѣ—Ведерьянѣ—Юстиніанѣ—Охридѣ. Чувствуется что-то неладное и несообразное во всей этой вереницѣ именъ. Что *Лихнидъ* могъ какъ нибудь перейти въ *Ахриды* и потомъ въ *Охриду,* это, такъ сказать, чутьемъ понималось. Но откуда пристала къ нимъ *Юстиніана,* выродившаяся изъ *Ведерьяны,* это ни какъ не бралось въ толкъ. Начнемъ съ того, что Страбонъ, Птолемей и Титъ Ливій знаютъ Дассаретскій городъ *Лихнидъ* (Λυχνιδὸς = Lychnidus), лежавшій на Via Eg-

natia. Подъ тѣмъ же именемъ онъ извѣстенъ и Стефану, помѣщаемый имъ въ Иллиридѣ. Иродіанъ историкъ зоветъ городъ *Лихнитомъ.* Дорожникъ Антониновъ и Tabula пишутъ: Lignido. Послѣдняя рисуетъ *надъ* нимъ (значитъ на южномъ, а не на сѣверномъ, берегу озера ставитъ городъ) и лубочный очеркъ озера того же имени. И такъ, можно прямо утверждать, что отъ древнѣйшихъ временъ до V вѣка по Р. Х. тутъ стоялъ и былъ извѣстенъ городъ *Лихнидъ* — по греческому, и *Лигнитъ* — по латинскому произношенію. Первому основой служитъ идея свѣчи, второму — дерева. Настоящее же имя города (или прилежащаго ему озера) вѣроятно звучало еще иначе какъ нибудь по дассарійски, или піерійски (такъ какъ, по одному выраженію Страбона [1]), за *Пеоніей* далѣе къ западу слѣдовала *Піерія*). Изъ этого Лихнидскаго періода города историкомъ Титомъ Ливіемъ занесены въ его сочиненіе два обстоятельства. Первое относится къ 208 г. до Р. Х. когда городъ со всею областію принадлежалъ къ Македонской монархіи, по смерти Александра В. снова вошедшей въ свои тѣсные предѣлы Филиппова царства. Державствовалъ тогда того же памятнаго имени царь, *Филиппъ V.* Подобно отцу Александрову, онъ тоже долгое время воевалъ въ Греціи, которую, видно, считалъ наслѣдіемъ своихъ предковъ. И такъ, когда онъ находился съ войсками своими въ Ахаіи, къ нему прибылъ курръеръ изъ Македоніи, доносившій, что нѣкто *Еропъ* (Eropus) [2]), разбивши коммендaнта крѣпости Лихнидской,

---

[1]) Страб. Кн. 7. Гл. 28.

[2]) Какой народности былъ этотъ *Еропъ*? Конечно туземецъ, желавшій освободить отчизну отъ пришлыхъ завоевателей Македонцевъ. Онъ же возмущалъ (противъ тѣхъ же Македонцевъ) и сосѣднихъ *Дардановъ.* Эти новые Дарданы суть конечно однофамильцы, но не родственники, Дарданельскихъ старожиловъ. Если Троянскаго царя *Дардана* мы еще стѣснялись записать въ Славяне, то Dardanos Тита Ливія — Иллирійцевъ — мы прямо считаемъ своими единоплеменниками. «Дарданы» значитъ: *въ даръ даны.* Кому и кѣмъ?.. Про то першій знаетъ.

взялъ городъ, овладѣлъ нѣсколькими Дассаретскими деревнями и возмущаетъ *Дардановъ.* Обстоятельство это показалось на столько важнымъ царю, что онъ немедленно оставилъ Грецію и направился во свояси. Другой случай относится къ 170 г. до Р. Х. къ царствованію *Персея,* послѣдняго монарха Македонскаго, у котораго Римляне годъ-за-годъ отбирали владѣнія, пока не забрали все царство, послѣ битвы подъ *Пидной.* Итакъ въ сказанномъ году консулъ *Гостилій* отправилъ въ Иллирикъ *Аппія Клавдія* съ 4,000 пѣхотинцевъ защищать (?) иллирійцевъ. Генералъ набралъ въ Верхней Италіи еще столько же волонтеровъ, и прошедъ черезъ всю *ту* (какую? omni *ea* regione) страну, занялъ *Лихнидъ*, гдѣ и прославился неудачнымъ походомъ на сосѣдній городъ *Ускану* въ *Пенестахъ* [1]). Уже изъ этихъ двухъ случаевъ становится ясно, что городъ нашъ былъ извѣстенъ въ очень давнее время, и имѣлъ значеніе центральнаго пункта области, между прочимъ славился (по Страбону) заготовленіемъ соленой (вяленой, копченой, сушеной) рыбы, во множествѣ доставляемой озеромъ. Съ тѣмъ же значеніемъ онъ перешелъ и въ христіанскую исторію. Когда онъ услышалъ и принялъ проповѣдь Евангелія, напрасно было бы доискиваться. Апостолъ языковъ доходилъ съ своимъ благовѣстіемъ до Иллирика, а Иллирида служила, такъ сказать, дверью въ Иллирикъ, слѣдовательно духоносный мужъ могъ быть и здѣсь. Но неговорливая исторія тѣхъ временъ молчитъ о здѣшнемъ краѣ. Въ половинѣ IV вѣка мы находимъ Лихнидъ епископальнымъ городомъ. На *Сарди-*

---

[1]) In Penestis... in Penestiam. Uscana, ae. Гдѣ эти мѣста теперь? *Ускана* былъ большой городъ съ 10,000 жителей. Зная, что Дарданія находилась у горы *Скарда*, мы вынуждаемся искать *Пенесты* ближе къ Охридѣ. Въ обоихъ именахъ чуется что-то Славянское. Если бъ не характеристичный звукъ *н*, то можно бы было соблазниться существующимъ теперь по близости и крупно высматривающимъ на картѣ, *Ускюбомъ*, при отыскиваніи древней *Усканы*. Въ Penestae можно бъ было угадывать тоже *Пѣниште* (т. е. пѣнище, а то и — пиище). Но... чтобъ не пуститься въ игру звуками!

кійскомъ соборѣ (347) засѣдалъ *Діонисій*, епископъ Лихнидскій, а на Эфесскомъ — 449 (такъ названномъ — разбойничемъ) присутствовалъ *Антоній*. Изъ дѣлъ Римскаго престола видно, что въ 492 г. Лихнидскимъ епископомъ былъ *Лаврентій*, а въ 519 *Θеодоритъ*. За тѣмъ свѣдѣнія о Лихнидскихъ архіереяхъ прекращаются и самое имя Лихнида перестаетъ слышаться. Въ Іерокловомъ „Синекдимѣ", въ числѣ городовъ имперіи нѣтъ Лихнида совсѣмъ [1]). Еще онъ появляется въ „Нотиціи" Епархій, приписываемой императору *Льву VI* Мудрому, гдѣ онъ причисленъ къ епископіямъ Диррахійской Митрополіи, занимая между ними 122 мѣсто. Полагать можно, что это въ послѣдній разъ оглашается имя исчезающаго города.

И вдругъ въ 877 (или 879) году на Константинопольскомъ соборѣ, возстановившемъ въ послѣдній разъ Фотія въ патріаршемъ достоинствѣ, читается уже подпись *Гавріила Ахридскаго!* Куда дѣвался *Лихнидъ*, и откуда взялись *Ахриды?* Ничего не извѣстно (по крайней мѣрѣ — намъ). Сличеніе года соборной подписи Гавріиловой съ возможнымъ годомъ составленія Нотиціи Львовой (886—911) ведетъ какъ бы къ заключенію, что оба названія города существовали нѣсколько времени вмѣстѣ, одно при другомъ, и первое—конечно—по привычкѣ, по уваженію къ освященному временемъ титулу, по педантству — наконецъ, а второе... Чтобъ рѣшить вопросъ о второмъ, неизбѣжно предположить, что въ IX вѣкѣ городъ или пересталъ существовать, или отошелъ къ другому народу съ другимъ языкомъ. Весьма могло быть и первое. Мы уже упомянули, что на Певтингеровой картѣ *Лигнидъ* помѣщенъ на южномъ берегу озера, а теперь онъ находится на

[1]) Ἐπαρχία Νέας Ἠπείρου. Ὑπὸ Κονσουλάριον. Πόλεις θ. Δυῤῥάχιον, ἡ ποτὲ Ἐπίδαμνος. Σκάμπα. Ἀπολλωνία. Βουλίς. Ἀμαντία. Πουλχεριούπολις. Αὐλών. Αὐλυνίδος μη.ρόπολις. Διστρῶν καὶ Σκεπῶν. Впрочемъ, возможно, что вмѣсто Αὐλυνίδος слѣдуетъ читать: Λυχνιδός Писецъ увлекся предыдущимъ словомъ Αὐλών.

сѣверномъ. Могло случиться землетрясеніе, наводненіе, вражеское нападеніе, положившее конецъ его бытію, и вмѣстѣ могло возникнуть на тѣхъ же берегахъ озера новое населеніе, перенявшее славу и значеніе въ краѣ прежняго. Но вѣроятнѣе второе предположеніе. А такъ какъ *другой* народъ завѣдомо были *Болгары* (отсюда: „Старая Болгарія"), то и остается принять, что новое имя городу дали Славяне, назвавъ его на основаніяхъ, ни исторически ни филологически намъ неизвѣстныхъ, *Охридой,* изъ котораго педантство или недоброжелательство греческое сдѣлали *Ахриду* или точнѣе *Ахриды* (мн. ч.) [1]). Говоримъ: недоброжелательство, потому что имя это слишкомъ прямо напоминаетъ слово: ἀχρεῖος—не годный, не потребный, или по славянски: не ключимый. Если бы не было тутъ намѣренія книжниковъ и фарисеевъ уколоть пришлецовъ, то одно педантство удовольствовалось бы подысканіемъ ближе подходящаго слова: ὠχρός — блѣдно-желто-зеленый,—цвѣта охры, вообще: невзрачный, безжизненный.

Какъ бы то ни было, мы видимъ, что *Лихнидъ* непосредственно, безъ всякаго перерыва смѣнили *Ахриды.* Откуда же взялась и такъ сказать втиснулась между ними *„Ведеріана-Юстиніана"?* И въ какое при томъ время? Самое неподходящее! Въ тотъ самый годъ, какъ скончался императоръ *Ѳеодосій II* (къ царствованію котораго вообще пріурочиваютъ составленіе географической карты Римской имперіи, извѣстной подъ именемъ *Таблицы* (Tabula) *Певтингеровой,* съ ея озеромъ и городомъ *Лигнидо*), т. е. въ 450 годъ по Р. Х. родился въ

---

[1]) А могло быть и совсѣмъ на оборотъ. На берегу озера могло существовать какое нибудь урочище греческое, зовомое Ἀχρὶς или во мн. числѣ Ἀχρίδες. Славяне, занявши страну (когда?), могли заселить его, оградить (сдѣлать городомъ) и переименовать по своему *Охридой.* Примѣровъ такой передѣлки *а* въ *о* у нашихъ предковъ долго искать не нужно. Вспомнимъ только церковное слово: *олтарь,* а также простонародныя переводныя имена: *Олекса, Ондрей, Онисья...*

Ведеріанахъ [1]) земледѣлецъ или пастухъ *Юстинъ*, будущій императоръ и преемникъ Цезарей. Что слѣдуетъ изъ этого? То, что Ведеріаны существовали въ то самое время, какъ процвѣталъ Лихнидъ! Дальнѣйшее заключеніе: значитъ, это два различныхъ мѣста. Ибо невозможно допустить, чтобы историкъ, раскaзывая о первомъ, совершенно неизвѣстномъ, не упомянулъ при томъ о послѣднемъ, пользовавшемся большою извѣстностію уже много столѣтій. Разсмотримъ же, кто и какъ вдвинулъ въ исторію никому невѣдомые *Ведеріаны*. Вотъ что, слово въ слово, разсказываетъ *Прокопій*, современникъ и самовидѣцъ и Юстина и Юстиніана, на показаніяхъ котораго главнымъ образомъ основывается все, извѣстное намъ о родинѣ двухъ императоровъ — дяди и племянника.

„Но мнѣ слѣдуетъ начать съ отчизны царя, которой поелику отдано первенство во всемъ прочемъ, слѣдуетъ отдать и начатки слова. Ей одной прилично и надмѣваться и веселиться и украшаться, — ей, воспитавшей и давшей римлянамъ такого царя, котораго дѣла не представишь ни словомъ ни письмомъ. Гдѣ-то въ Европейскихъ *Дарданахъ*, обитающихъ за предѣлами *Эпидамнійцевъ*, по близости крѣпости, зовомой *Ведеріаны*, было селеніе именемъ *Таврисій* (Ταυρήσιον). Изъ него-то и произошелъ царь Юстиніанъ, населитель вселенной. (Онъ), обнесши селеніе это въ короткій срокъ времени стѣнами въ видѣ четыреугольника, поставилъ на каждомъ углу его по башнѣ, и наименовалъ его четырехбашеннымъ. При этомъ-то селеніи онъ выстроилъ великолѣпнѣйшій городъ, который наименовалъ *Юстиніаною Первою*, воздавъ должное воспитавшему его (мѣсту), хотя всѣмъ рим-

[1]) Въ «Болгарскихъ книжицахъ» (№ 12 года 1858. Стр. 149) пишутъ: И сега (сегодня) Македонски и Албански Болгаре указуватъ на *Преспа*, како на мѣсто рожденіе Юстиніана Великаго. Новая небылица! Для нихъ что Юстиніанъ, что Самуилъ, что родился, что умеръ, — все равно!

лянамъ слѣдовало бы сообща выполнить этотъ долгъ, ибо страна (та) воспитала общаго всѣмъ спасителя. Тамъ онъ построилъ и водопроводъ, снабдивъ городъ по состраданію множествомъ постоянно текущей воды. Много и другаго сдѣлалъ онъ чрезвычайно важнаго, приличнаго основателю города и заслуживающаго всякую похвалу, какъ то: Божіи храмы, которыхъ и перечесть трудно, помѣщенія правительственныя, не передаваемыя словомъ, величіе портиковъ, красоту площадей, водоемы, улицы, бани, гостиные дворы. Однимъ словомъ: вышелъ (городъ) большой и многолюдный, во всѣхъ отношеніяхъ благоденствующій, и какъ бы столица страны... А также и крѣпость Ведеріаны, возобновивши всю, сдѣлалъ сильнѣйшею прежняго. Былъ (тоже) въ Дарданахъ издревле городъ, называвшійся *Улпіана*. И его ограду, близкую къ паденію и совершенно негодную, въ наибольшей части ея онъ исправилъ, придавъ и другихъ премножество украшеній, и приведши его въ нынѣшнее благосостояніе, наименовалъ его *Второю Юстиніаною*. И еще одинъ, по близости ея, не существовавшій прежде, выстроилъ городъ, который по имени дяди его былъ названъ *Юстинополемъ*. А также и стѣны *Сардики, Найсуполя*, а равно и *Германы* и *Пантамін,* отъ времени обвалившіяся возобновилъ, сдѣлавъ ихъ необоримыми для враговъ. Выстроилъ и три городка (πολίχνια) между ними: *Кратискара́, Квимéдава* и *Румися́на*"...

Прочитавши эту сухую и безприкрасную реляцію историка, можно ли и на минуту подумать, что все, сообщенное въ ней, творилось и происходило здѣсь, на именитомъ Лихнидскомъ озерѣ? Какой же могъ быть тутъ *Таврисій,* если и ранѣе и позже императора Юстиніана существовалъ тутъ городъ *Лихнидъ?* И на что бы понадобились вновь выстроенной Юстиніанѣ водопроводы, да еще „изъ состраданія" воздвигнутые, когда ее чуть не затопляетъ громадное озеро? Ясно до очевидности, что у Прокопія дѣло идетъ о полосѣ Балканскаго полуострова, которую „Синекдимъ" называетъ *Средиземною Дакіей,* т. е. о

нынѣшнемъ Софійскомъ пашалыкѣ включительно съ *Нишемъ* (Наиссомъ) и *Кёстендилемъ*, изъ коихъ послѣдній весьма можетъ быть или *Первою* или *Второю Юстиніаною*. Онъ зовется также въ народѣ и *Джустендилъ*, въ чемъ очевидно слышится имя: *Юстинъ* или *Юстиніанъ*. Судя по тому описанію, какое дѣлаетъ Прокопій, Первой Юстиніаны съ четырехбашенною крѣпостію, и другою по близости крѣпостію Ведеріанскою, не трудно бы, кажется, отыскать въ указанной полосѣ Болгаріи пресловутое мѣсто. Въ ожиданіи такого открытія, что̀ будемъ дѣлать съ Охридой? Удовольствуемся предположеніемъ, что съ паденіемъ настоящей Первой Юстиніаны — Таврисія, послѣдовавшемъ, какъ надобно думать, очень быстро и не замѣченнымъ исторіей, важныя іерархическія права ея одни остались въ памяти народной или точнѣе въ архивахъ Константинопольской Куріи. Воспользоваться ими было не кому, доколѣ овладѣвшіе страною Болгаре находились въ язычествѣ. Можно бы утвердительно сказать, что они-то и стерли съ лица земли забытую всѣми послѣ Юстиніана, Юстиніану, и ужъ конечно, истребляя ее матеріально, мало думали о ея духовномъ значеніи. Съ обращеніемъ ихъ въ христіанство, центръ политическій государства ихъ, если и не разъ перемѣщался, то все же не попадалъ на Юстиніану, чтобы поддержалась память ея прошедшаго, да и не скоро устроилась Болгарія церковнымъ образомъ и выразумѣла какими іерархическими правами она овладѣла, завладѣвъ *Средиземною Дакіей* съ ея императорскими городами. Во все это время „Архіепископъ Первой Юстиніаны", думаемъ, не существовалъ de facto. Образовавшаяся при второмъ Болгарскомъ царѣ — христіанинѣ кое-какъ, *своя* церковь Болгарская, подъ неизбѣжнымъ воздѣйствіемъ іерархическихъ понятій, должна была сама додуматься до необходимости высшаго, сосредоточеннаго въ одномъ лицѣ, церковнаго управленія, и воспользовалась готовымъ титуломъ *Архіепископа 1-й Юстиніаны*, отысканной въ предѣлахъ Болгарской Монархіи. Было бы слишкомъ смѣло для насъ

въ освященной уже памятію Св. Климента *Охридъ*. Перваго съ титуломъ Архіепископа Болгаріи [1]) встрѣчаемъ мы у писателей Византійскихъ нѣкоего *Давида*, участвовавшаго въ одномъ политическомъ актѣ, уже по смерти Самуила. Что онъ проживалъ здѣсь при озерѣ, это видно изъ замѣтки современниковъ о его преемникѣ Архіереѣ *Іоаннѣ*, „жившемъ *тоже* въ Лихнидѣ". При этомъ, вѣроятно, послѣдовало вторичное разрушеніе Болгарскаго царства въ 1018 году. Старая Болгарія вошла опять въ общій составъ Имперіи, но Архіепископія Болгарская продолжала существовать и послѣ того. Вслѣдъ за *Іоанномъ* ставится хронографами Архіепископъ Болгарскій *Левъ* изъ грековъ, бывшій предъ тѣмъ бумагохранителемъ Великой Церкви. О немъ замѣчено, что выстроилъ (конечно — въ Охридѣ) нижнюю церковь *Св. Софіи*. Преемникомъ Льву императрица Ѳеодора назначила *Ѳеодула* монаха, выстроившаго верхнюю великую Церковь, при посредствѣ нѣкоего *Іоанна Анчо* (Ἄντζω). За нимъ слѣдовали одинъ за другимъ два *Іоанна*, оба также изъ монаховъ. Послѣдній изъ нихъ прозванъ былъ „не — виннымъ" (ἄοινος) оттого, что во всю жизнь свою не вкусилъ вина. Ему наслѣдовалъ знаменитый риторъ Великой Церкви и писатель *Ѳеофилактъ*, современникъ императора Алексія I Комнина. Всѣ эти 7 *Архіепископовъ Болгарскихъ* не называются болѣе ни *Лихнидскими*, ни *Ахридскими*, что̀ и естественно. Но странно, что они не титулуются и Велико-Юстиніанскими, по крайней мѣрѣ сами себя не величаютъ такъ въ дѣловыхъ бумагахъ, между тѣмъ какъ это самое обстоятельство и могло лежать въ основаніи того исключительнаго, весьма высокаго положенія, какое занимали они въ чинословіи Имперіи. Такъ, мы читаемъ въ извѣстномъ сочиненіи императора Константина VII Ппорфиророднаго „о церемоніяхъ Византійскаго Двора" слѣдующій по-

---

[1]) Впрочемъ, Архіепископомъ Болгаріи онъ могъ назваться уже послѣ Самуила, по мысли императора Василія, которому вообще приписываютъ дѣло это.

того времени, спитой, какъ говорится, на живую нитку и политически и социально и iерархально. Не диво потому, если окажется, что Св. Климентъ вовсе не былъ *Охридскимъ* архiереемъ, или если былъ, то вовсе не имѣлъ значенiя *Болгарскаго Архiепископа*, а занималъ одну изъ епископскихъ каѳедръ Диррахiйской Митрополiи, и слѣдовательно если не de facto, то de scripto принадлежалъ къ Константинопольскому патрiархату. По всей вѣроятности, упомянутый выше *Гавріилъ* былъ послѣднимъ архiереемъ въ мѣстахъ этихъ—по старому порядку вещей, хотя и съ новымъ именованiемъ. Послѣ чего упоминается еще *Филиппъ*, титулуемый „Епископомъ въ Лихнидѣ, называемомъ теперь Ахридой". Онъ приходился бы современникомъ Св. Климента, такъ что послѣднiй долженъ былъ жить тутъ не управляя ни чѣмъ, или смѣстивши Филиппа, или занявши его каѳедру послѣ его смерти. Кончина Св. Климента произошла въ 916 г. Время, протекшее отъ его смерти до возведенiя (предположительно въ 927 г.) въ санъ „патрiарха" Епископа Доростольскаго *Дамiана*, и долго еще потомъ покрыто мракомъ неизвѣстности для Охриды и всего этого края. Не долго держалась и тѣнь церковнаго единоначалiя въ Болгарiи, добытаго патрiаршествомъ. Въ 972 г. *Цимисхiй*, управлявшiй Имперiей отъ имени *Василiя* и *Константина*, разрушивъ царство Болгарское, положилъ конецъ и патрiаршеству и всему церковному строю Болгарiи, если таковый успѣлъ образоваться.

Не знаемъ вѣрно, но можно считать весьма вѣроятнымъ, что не ранѣе, какъ при царѣ Самуилѣ, снова сплотившемъ Болгарiю въ одно цѣлокупное владѣнiе (за которое онъ и боролся съ Византiей всю жизнь), рѣшено было воспользоваться преданiемъ о Первой Юстинiанѣ и положить его въ основу *церкви Болгарской*. Такъ какъ Самуилъ перенесъ точку и опору всѣхъ своихъ военныхъ дѣйствiй къ западу, имѣя резиденцiей своей то Охриду, то Преспу, то и верховной каѳедрѣ Болгарiи суждено было основаться совершенно на новомъ мѣстѣ, а именно

въ освященной уже памятію Св. Климента *Охридѣ*. Перваго съ титуломъ Архіепископа Болгаріи [1]) встрѣчаемъ мы у писателей Византійскихъ нѣкоего *Давида*, участвовавшаго въ одномъ политическомъ актѣ, уже по смерти Самуила. Что онъ проживалъ здѣсь при озерѣ, это видно изъ замѣтки современниковъ о его преемникѣ Архіереѣ *Іоаннѣ*, „жившемъ *тоже* въ Лихнидѣ". При этомъ, вѣроятно, послѣдовало вторичное разрушеніе Болгарскаго царства въ 1018 году. Старая Болгарія вошла опять въ общій составъ Имперіи, но Архіепископія Болгарская продолжала существовать и послѣ того. Вслѣдъ за *Іоанномъ* ставится хронографами Архіепископъ Болгарскій *Левъ* изъ грековъ, бывшій предъ тѣмъ бумагохранителемъ Великой Церкви. О немъ замѣчено, что выстроилъ (конечно — въ Охридѣ) нижнюю церковь *Св. Софіи*. Преемникомъ Льву императрица Ѳеодора назначила *Ѳеодула* монаха, выстроившаго верхнюю великую Церковь, при посредствѣ нѣкоего *Іоанна Анчо* (Ἄντζω). За нимъ слѣдовали одинъ за другимъ два *Іоанна*, оба также изъ монаховъ. Послѣдній изъ нихъ прозванъ былъ „не — виннымъ" (ἄοινος) оттого, что во всю жизнь свою не вкусилъ вина. Ему наслѣдовалъ знаменитый риторъ Великой Церкви и писатель *Ѳеофилактъ*, современникъ императора Алексія I Комнина. Всѣ эти 7 *Архіепископовъ Болгарскихъ* не называются болѣе ни *Лихнидскими*, ни *Ахридскими*, что̀ и естественно. Но странно, что они не титулуются и Велико-Юстиніанскими, по крайней мѣрѣ сами себя не величаютъ такъ въ дѣловыхъ бумагахъ, между тѣмъ какъ это самое обстоятельство и могло лежать въ основаніи того исключительнаго, весьма высокаго положенія, какое занимали они въ чинословіи Имперіи. Такъ, мы читаемъ въ извѣстномъ сочиненіи императора Константина VII Порфиророднаго „о церемоніяхъ Византійскаго Двора" слѣдующій по-

---

[1]) Впрочемъ, Архіепископомъ Болгаріи онъ могъ назваться уже послѣ Самуила, по мысли императора Василія, которому вообще приписываютъ дѣло это.

рядокъ первыхъ чиновъ государства. Прежде всѣхъ стоитъ Патріархъ Константинопольскій. Потомъ идутъ: Кесарь, Цареотецъ, Нобилиссимъ, Куропалатъ и Препоясанная Патриція (Ζωστή) [1]. Вторую линію образуютъ: Магистръ, Ректоръ [2], Синкеллъ Римскаго (Патріарха), Синкеллъ Константинопольскаго, а затѣмъ Архіепископъ Болгаріи. Потомъ уже слѣдуетъ все несчетное чиновство Патриціевъ, Эвнуховъ, Проконсуловъ, Воеводъ, Препоситовъ, Протоспаѳаріевъ. И только за этими послѣдними уже занимаютъ свое смиренное мѣсто Митрополиты и Архіепископы, по порядку ихъ каѳедръ. Изъ этой росписи видно, что право на исключительный почетъ Архіепископу Болгарскому давало, по видимому, одно его значеніе, какъ представителя и предстоятеля Болгарской церкви, безъ отношенія къ его каѳедрѣ настоящей или подставной Юстиніаны. Была еще и Кипрская *Юстиніана* тоже съ своими исключительными правами, но въ росписи и помина нѣтъ объ ея Архіепископѣ. Не имѣло ли на духъ росписи вліянія эфемерное Патріаршество Болгарское 927 года?.. Какъ бы то ни было, не больше права имѣли Охридскіе Владыки называться *Болгарскими*, сколько и *Перво-Юстиніанскими*. Всѣ упомянутые выше 7 Архіепископовъ, не исключая, думаемъ, и перваго, современника Самуилова, были греки, и

---

[1]) Эти первые 6 чиновъ одни имѣли преимущество сидѣть за царскимъ столомъ. Вопросъ возникаетъ слѣдующаго рода: въ то время, какъ писатель Багрянородный писалъ свое сочиненіе, какой же могъ быть «Архіепископъ Болгаріи?» Если точно разумѣлся тутъ автокефальный «Архіепископъ Первой Юстиніаны», то какъ же онъ является съ именемъ «Болгарскаго?» Остается допустить, что, когда списывался дошедшій до насъ экземпляръ сочиненія Константина (XIII—XIV в.), списчикъ самъ догадался дополнить Царскій Уставъ по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія имѣлъ о Церемоніяхъ Императорскаго Двора. Передъ именемъ Архіепископа Болгаріи есть въ Церемоніалѣ замѣтка еще о Синкеллахъ Восточныхъ Патріарховъ, которой мы не можемъ хорошо понять. Говорится: «а если случатся Синкеллы Восточныхъ Патріарховъ, предпочитаются сему (кому? Константинопольскому?), каждый по своему Патріархату».

[2]) Какъ безмѣрно далеки эти должности отъ нашихъ нынѣшнихъ того же имени!

о болгарахъ конечно не больше заботились, чѣмъ о тѣхъ перьяхъ, коими писали свои греческія сочиненія. И что говорить о владыкахъ? Я спросилъ бы самаго Самуила, кто такой онъ былъ, на какомъ языкѣ говорилъ, и какими буквами писалъ (если умѣлъ писать)? Появленіе здѣсь въ IX вѣкѣ народныхъ учителей — епископовъ *Климента, Горазда, Наума* и др. представляется чѣмъ-то до такой степени эпизодическимъ и изолированнымъ и безслѣдно какъ бы пропавшимъ, что если бы не было о томъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ, отнесъ бы его къ сказкамъ. Всѣ эти Лихнидо-Ахридо-болгаро-греческія разсужденія о пріютившемъ насъ мѣстѣ имѣютъ по необходимости хаотическую обстановку. Привыкши не удовлетворяться въ исторіи ни чѣмъ темнымъ и сбивчивымъ, я естественно не былъ доволенъ тѣмъ, что зналъ о *Первой Юстиніанѣ,* но въ своихъ поискахъ, какъ видитъ читатель, дошелъ до того, что не только Юстиніану, а и самую Болгарію счелъ чѣмъ-то фиктивнымъ по отношенію къ мѣстамъ этимъ [1])...

Былъ 5-й часъ. Отдохнувшая компанія была готова обозрѣвать городъ. Подошедшему съ приглашеніемъ въ этомъ смыслѣ спутнику я пожаловался на безвыходность *Охриды-Юстиніаны* и на непроглядный мракъ, окружающій *Архіепископію Болгарскую.* Славянофилу показалось чуть не обидой такое признаніе съ моей стороны. А вотъ пойдемъ, поклонимся *первому* Архіепископу Славянскому, сказалъ онъ, и весь мракъ разсѣется въ одинъ мигъ. — Пошли на поклоненіе просвѣтителю. За воротами хана данъ былъ приказъ вести насъ въ „Верхній городъ". Городъ этотъ казался не только верхнимъ, но и такъ сказать, верховнымъ, т. е. однимъ словомъ — крѣпостію съ высокими и почернѣвшими отъ долголѣтія стѣнами. Переступивъ ихъ,

---

[1]) «Гласъ-тъ на истина-та» отыскалъ у историка *Григоры* мѣсто (кн. 2.), гдѣ сказано, что Василій II переселилъ изъ Охриды Болгаръ въ Мизію при-Дунайскую.

мы помолились въ малой церкви *Св. Димитрія,* не замѣчательной ничѣмъ, и направились къ *Св. Клименту,* т. е. къ Митрополіи, или по нашему — Каѳедральному Собору Охридскому. Входная дверь въ нее украшена со внѣ иконою Св. Климента и другими фресками. Зданіе — византійскаго стиля — внушаетъ своимъ видомъ и цвѣтомъ невольное къ себѣ благоговѣніе, но не поражаетъ своимъ величіемъ. Вступивши внутрь, охватываемся сумракомъ и сыростію и „запахомъ пыли", не передаваемымъ словами. Притворъ низкій, темный и закопченный, напомнилъ мнѣ множество подобныхъ, видѣнныхъ мною на Востокѣ. Вѣрно надъ дверями есть ктиторская запись, подумалъ я, и прежде всего поднялъ глаза къ урочному для нея мѣсту. Я не ошибся. Дѣйствительно, заслонивши просвѣтъ дверной рукавомъ, я различилъ поверхъ двери нѣсколько рядовъ греческихъ буквъ удлиненнаго письма.— Ну, вотъ вамъ, и Болгарія ваша! сказалъ я спутнику. Въ Охридѣ, въ Митрополіи, въ церкви Св. Климента — греческая ктиторская надпись! Будьте увѣрены, прибавилъ я, что Св. Климентъ, „народный" учитель и просвѣтитель болгаръ, училъ по гречески. — Да, это ничего не значитъ, отвѣчалъ товарищъ, надпись могла быть сдѣлана послѣ Св. Климента. За то, вотъ вамъ въ ней и ваша „сомнительная" *Первая Юстиніана!...* Юстиніана точно рисовалась всѣми буквами, но вѣдь и она, вмѣстѣ съ надписью, могла быть продуктомъ позднѣйшихъ понятій охридскихъ юстиніанцевъ. Разобравъ и списавъ надпись, я прочелъ въ ней (въ переводѣ) слѣдующее: + *Воздвигнутъ божественный и всечестный храмъ сей всепресвятыя владычицы нашей Богородицы Перивлепты, поспѣшествомъ и издержками господина Прогона Сгура, Великаго Этеріарха и супруги его, госпожи Евдокіи, и зятя державнаго и святаго нашего самодержца и царя, въ царствованіе благочестивѣйшаго царя и самодержца Римлянъ Андроника Палеолога и Ирины, благочестивѣйшей Августы. При архіерействѣ Макарія, всесвятѣйшаго Архіепископа Первой Юстиніаны и всей Болгаріи. Въ*

годъ 6803 (1295), *индиктіона 8.* Надпись полная и совершенно сохранившаяся. Все въ ней просто и ясно, только не достаетъ указанія, опредѣляющаго время ея начертанія. Очень можетъ быть, впрочемъ, что она современна постройкѣ храма. *Андроникъ* разумѣется *Второй* или Старшій. *Макарій* есть тотъ самый, который обвѣнчалъ въ Солунѣ въ 1298 г. Сербскаго Краля *Стефана VI Милутина* съ маловозрастною царевною *Симонидою.* Что же касается самаго ктитора церкви *Прогона* (!) *Сгура*, царскаго зятя и Великаго Этеріарха, мы не знаемъ, что сказать о немъ. Въ 1295 г. не было никакой царевны Евдокіи за мужемъ за кѣмъ либо изъ фамиліи *Сгуровъ* [1]). Дальнихъ родствен-

---

[1]) Съ именемъ этимъ мы уже встрѣтились разъ. Одинъ изъ Сгуровъ не мало надѣлалъ шума въ началѣ XIII вѣка. Когда Франки завладѣли Константинополемъ, вмѣстѣ съ Михаиломъ Эпирскимъ, въ числѣ бездомныхъ искателей приключеній оказался и нѣкто *Левъ Сгуросъ*, успѣвшій образовать независимое владѣніе въ Пелопоннисѣ и простиравшій виды на всю твердую Грецію. Онъ точно могъ зваться зятемъ императорскимъ, ибо женился на дочери императора *Алексія* III *Ангела*, именно *Евдокіи*, мать которой *Евфросина* была изъ фамиліи *Каматиръ*. Изъ этой же фамиліи былъ и одинъ изъ Архіепископовъ Болгаріи *Іоаннъ V* (въ 1199 г. патріархъ Вселенскій). Не имѣло ли это родство какого нибудь вліяніе на боголюбивое дѣло одного изъ Сгуровъ въ Охридѣ? самъ *Левъ Сгуръ* не могъ дожить до 1295 г. Развѣ предположить, что храмъ строился послѣ его смерти на пожертвованныя имъ деньги. Ибо прямо не говорится, чтобы онъ самъ и строилъ церковь. Вообще ктиторская запись эта составлена какъ-то непорядочно и сбивчиво. Въ подлинникѣ она читается такъ: + Ἀνηγέρθη ὁ θεῖος καὶ πάνσεπτος ναὸς οὗτος τῆς πανυπεραγίας Δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου τῆς περιβλέπτου διὰ τὲ (συν)δρομῆς καὶ ἐξόδου τοῦ κυρίου προγόνου τοῦ Σγουροῦ τοῦ μεγάλου ἑταιριάρχου καὶ τῆς συζύγου αὐτοῦ κυρίας Εὐδοκίας καὶ γαμβροῦ τοῦ κρατ(αιοῦ) καὶ ἁγίου ἡμῶν αὐτοκρ(άτορος) καὶ βασιλ(έως). ἐπὶ τῆς βασιλείας τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως καὶ αὐτοκράτορος Ῥωμαίων Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου καὶ Εἰρήνης τῆς εὐσεβεστάτης Αὐγούστης. Ἀρχιερατεύοντος δὲ Μακαρίου τοῦ παναγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου τῆς Πρώτης Ἰουστινιανῆς καὶ πάσης Βουλγαρίας. ἐπὶ ἔτους ςωγ. ἰνδ. η.
Слова такъ расстановлены, что оказывается, кромѣ *Прогона и Евдокіи*, участникомъ въ дѣлѣ еще нѣкій безъименный зять царскій. Затѣмъ, и собственное имя Πρόγονος есть совсѣмъ неизвѣстное и неслыханное между греками. Собственное значеніе его: *предокъ*, но употребляется нерѣдко и въ смыслѣ потомка (ἀπόγονος), наконецъ — еще частнѣе — означаетъ пасынка, т. е. рожденнаго прежде вторичнаго вступленія въ бракъ матери. Допу-

никовъ царствующаго дома Палеологовъ, правда, было множество, но едва ли кто нибудь, породнившійся съ ними, дерзнулъ бы назвать себя царскимъ зятемъ. Церковь оказывается посвященною имени Богоматери, а не Св. Климента, за каковую слыветъ въ народѣ. Церковь въ предѣлахъ Турціи, просуществовавшая безъ малаго 600 лѣтъ съ непрекращавшимся богослуженіемъ, есть не малая рѣдкость. Въ Константинополѣ нѣтъ примѣра въ подобномъ родѣ, тоже и въ Солунѣ. Только на Св. Горѣ Аѳонской можно утѣшаться подобнымъ зрѣлищемъ. Какъ на кого, а на меня это обстоятельство сильно дѣйствуетъ. Исторически дышешь легко въ такихъ храмахъ Божіихъ, не опозоренныхъ торжествомъ магометанства. Какъ будто совсѣмъ и не было плачевнаго факта порабощенія христіанскаго Востока! Какъ будто все, отъ временъ древнихъ, обстояло и обстоитъ благополучно въ Церкви Божіей, и, входя въ домъ молитвы, можешь утѣшать себя мыслію, что видишь передъ собою XIII-й, какъ здѣсь, X-й, VIII-й и т. д. вѣки! Припоминаю овладѣвшее мною умиленіе въ одной изъ древнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ церквей Греціи, когда мнѣ сказали, что молитва магометанская не слышалась въ ней. Было прибавлено къ тому еще, что когда начальникъ турецкаго отряда, занявшаго разъ монастырь, выбралъ для ночлега своего алтарь церкви, то выбѣжалъ оттуда съ воплями, спасаясь отъ какого-то монаха, бившаго его плетью. Не было ли и тутъ кому нибудь подобнаго же явленія? Иначе, какъ объяснить, что церковь, да еще въ самой крѣпости стоящая, древняя и весьма

ставши нарицательное значеніе слова: прогонъ = потомокъ, не будетъ ли надпись означать, что церковь выстроена «издержками Сгура, потомка Великаго Этеріарха (того-же имени) царскаго зятя и его супруги госпожи Евдокіи»? Правда, что собственное имя ктитора при этомъ неестественно умалчивается. Но одною неестественностію больше — ничего не значитъ. Поставилъ же писецъ неумѣючи: *и зятя державнаго*... и пр.! Сила замѣтки кажется сосредоточивалась именно на этомъ *зятѣ*... что Макарій былъ ловкій царедворецъ, это онъ доказалъ въ 1298 году.

чтимая, осталась не прикосновенною, уберегшись отъ чести быть мечетью?

Мы поспѣшили видѣть самый замѣчательный предметъ церкви — гробницу Св. Климента. Она находится въ притворѣ, налѣво отъ входа при стѣнѣ, раздѣляющей притворъ съ церковію, имѣетъ самый простой видъ, напоминая собою нашу русскую лежанку, только повыше ея нѣсколько. Сверху накрыта она цѣлокаменною плитою бѣлаго, но потемнѣвшаго отъ времени цвѣта, на которой вырѣзана большими славянскими буквами трехстрочная надпись, состоящая всего изъ четырехъ словъ: *престаше—сть климѣть ѡхритьски*. Выше этой надписи, какъ-бы отдѣльную, къ ней относящуюся строку, начертанную малыми и неправильными буквами, составляютъ слова: ✝ *Въ лѣто* ,гХка (*6424*) *месеца* їꙋ*лия*. Въ лѣтосчисленіи пропущена вторая, сотенная буква, и поставлена сверху того мѣста, гдѣ бы должна была стоять. И такъ вотъ она — та древнѣйшая кирилица начала X столѣтія, о которой мнѣ говорили въ Битолѣ! Письмо дѣйствительно очень старое, неровное и некрасивое, чтобъ не сказать прямо: худое. Объяснять это обстоятельство можно и древностію и трудностію вырѣзки на твердомъ камнѣ. Но, что не можетъ допустить двухъ объясненій, такъ это форма буквъ и, въ частности, буквъ ᴧ и ʌ. Обѣ эти буквы имѣютъ вверху слѣва горизонтальную черту, которая появилась въ греческой каллиграфіи никакъ не ранѣе времени Палеологовъ, т. е. XIII-го столѣтія. Это обстоятельство, по мнѣ не подлежащее сомнѣнію, выноситъ время начертанія надписи на много много лѣтъ по кончинѣ Св. Климента. Очень можетъ быть, что она современна постройкѣ храма, происходившей въ концѣ XIII вѣка. Видно, что къ тому времени отъ монастыря Св. Климента, имъ построеннаго, не оставалось уже ничего, и даже всю эту гробницу могъ поставить за ново самъ ктиторъ церкви, *Сгуръ*. Ибо если и допустить, что первоначальное братство монастыря погребло своего учителя, игумена и епископа внутри церкви, то невѣ-

роятно, чтобы поверхъ помоста церковнаго вывели его гробницу и особенно не вѣроятно, чтобы тутъ-же и назвали его въ надписи *Святымъ*. Все это могло происходить спустя довольно времени по его кончинѣ. Но, что еще болѣе убѣждаетъ насъ въ позднѣйшемъ появленіи надгробной надписи, такъ это — слѣдующее за нею прибавленіе въ видѣ пятой строки, которое есть не что иное, какъ повтореніе первой строки, вѣрное до мелочей, и оканчивающееся словами, насколько можно было разобрать ихъ: *Прохѡръ мѣсяца і҃ѫл(іа)*. Эта приписка есть просто помарка, какія сплошь и рядомъ встрѣчаются въ древнихъ книгахъ и особенно рукописныхъ, перешедшихъ черезъ руки многихъ владѣльцевъ „пробовавшихъ почеркъ" своего письма на свободномъ пространствѣ листа повтореніемъ попавшейся подъ глаза строчки. Начертавшій ее Прохоръ открылъ путь и другимъ, *буквы вѣдущимъ*, упражняться въ каллиграфіи еще ниже Прохора на священномъ памятникѣ, ибо надгробная плита немилосердно исчерчена разными помарками, разбирать которыя мнѣ казалось дѣломъ, не стоящимъ труда. Вообще же, смотря на главную надпись, невольно убѣждаешься, что она сдѣлана случайно, совсѣмъ не такъ, какъ пишутся подобнаго рода преднамѣренныя и обдуманныя надгробія, не занимая при томъ собою ни всей плиты, ни средины ея. Что это дѣлали *первоучные* славяне, съ которыхъ многаго требовать нельзя, это отчасти справедливо, но тотъ, кому пришла въ голову мысль начертать памятную замѣтку на гробѣ Св. Климента, вѣроятно, руководствовался уже готовыми примѣрами, и слѣдовательно зналъ, *какъ* подобное дѣло дѣлается. Совсѣмъ другое дѣло—позднѣйшаго времени памятописецъ, которому и неудобно было подмоститься къ плитѣ, уже утвержденной на гробницѣ, и совѣстно было помѣститься на ней, бывшей уже предметомъ народнаго поклоненія. Онъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что такъ или сякъ требующееся свѣдѣніе передавалось памяти потомства. Вѣрно то, что замѣтка писана ранѣе конца XV столѣтія, т. е. ранѣе *Прохора*, съ которымъ мы сейчасъ познакомимся.

Другой любопытный памятникъ древности, тоже съ печатію славянства, въ церкви есть Архіерейская каѳедра, поставленная по общему обычаю Востока на правой сторонѣ храма лицомъ на Сѣверъ, не подалеку отъ иконостаса. Она деревянная, рѣзная, совершенно потемнѣвшая отъ времени. На спинкѣ ея вырѣзана правильными красивыми буквами надпись: *Прохоръ, милостію Божіею Первые Іустиніаніи пр.ѣ учини сіи ѳронъ въ лѣто ,ȥлѕ, мѣсяца маіа, индіктіона* ᴬ. Выйдетъ годъ отъ Р. Х. 1528-й. Можно не сомнѣваться, что это тотъ самый Прохоръ [1]), который оставилъ память своего умѣнья писать (вѣроятно еще изъ юношескаго періода его жизни) на надгробной плитѣ Св. Климента. Видно, что онъ былъ славянинъ по языку и по крови, и не хотѣлъ носить даромъ титулъ *болгарскаго* Архіепископа. Но странность! Онъ-то, настоящій Болгаринъ, и не зоветъ себя „Архіепископомъ Болгаріи", довольствуясь титуломъ „Первые Іустиніаніи", тогда какъ *Ѳеофилакты, Макаріи* и прочіе эллиннѣйшіе (ἑλληνικώτατοι) греки чуть не тычутъ въ глаза своимъ болгарствомъ, какъ и недавній нашъ знакомый, *Бенедиктъ Поповичъ*. Въ глубинѣ каѳедры, по восточному обычаю, изображенъ Великій Архіерей Іисусъ Христосъ, сѣдящій на каѳедрѣ и благословляющій. Икона кругомъ обведена изящно инкрустированнымъ карнизомъ. При ней тоже есть замѣтка усердствовавшаго боголюбца, написанная греческимъ четверостишіемъ, гласящая: *Отъ Димитрія пастыреначальника Булгаріи — украшеніе* (это). *Укра-*

---

[1]) Въ Oriens Christianus (t. II. pag. 298) онъ указанъ 31-мъ въ ряду отысканныхъ Лекенемъ архіереевъ Ахридо-Болгарскихъ. Тамъ же занесенъ характерный случай изъ административной практики Прохора. Ему захотѣлось присоединить къ своему престолу Епархію Веррійскую: прибывши въ Константинополь, онъ предъявилъ В. Портѣ свои права на нее. Патріархъ доказалъ фактами принадлежность ея митрополиту Солунскому. Но такъ какъ Прохоръ уже обѣщалъ Правительству вносить за Веррію ежегодно 300 золотыхъ, то эту сумму потребовали съ Патріарха. Такой же случай разсказывается и про одного Вселенскаго Патріарха изъ Славянъ...

сителю міра; Спасе! Ты — украшеніе. Ты и награди (*созданнаго*) *по твоему образу, украшая безобразный срамъ; отъ сладострастій моихъ очистивши* [1]). Хронологіи при надписи не имѣется, но полагать можно, что это тотъ *Димитрій,* по фамиліи *Хоматинъ,* который на правахъ самостоятельности [2]) своего престола вѣнчалъ въ Солунѣ въ 1222 г. Эпирскаго Деспота *Θеодора Ангела—Комнина* императорскимъ вѣнцомъ, о чемъ мы уже имѣли случай говорить. Святитель этотъ извѣстенъ и какъ писатель — законовѣдецъ. Икона Спасителя, которую украсилъ Димитрій, не представляется, однакоже, такою древнею, чтобы ей приписать 600 слишкомъ лѣтъ существованія. Можетъ быть она была потомъ уже не разъ подновлена. Мнѣ показалась она даже новѣе Прохорова „Θрона“.

Въ алтарѣ также есть замѣчательная по древности вещь, — большая рѣзная по дереву икона Св. Климента въ архіерейскомъ облаче-

---

[1]) ἐκ Δημητρίου ποιμενάρχου Βουλγαρίας
Κόσμος. Κοσμῆτορ τοῦ κόσμου Σωτήρ εἶ κόσμος.
Σὺ δὲ βράβευσον, τῷ κάτ' εἰκόνα κοσμῶν,
Δύσμορφον αἶσχος ἡδυπαθῶν μοῦ καθάρας.

Авторъ играетъ двойнымъ значеніемъ слова: κόσμος — *міръ* и *украшеніе.* Стихи 13-сложные, исключая предпослѣдній, въ которомъ только 12 слоговъ.

[2]) *Самостоятельность* признанная — законная и хорошая вещь. Но какимъ образомъ самостоятельный архіерей вмѣшался въ дѣла самостоятельнаго (по отношенію къ нему) архіерея Солунскаго? Даже, если считать вѣнчаніе на царство простою *требою,* и тогда долженъ былъ отказаться отъ совершенія ея въ чужомъ городѣ Юстиніанскій Владыка. И не одни только Димитрій да Макарій Болгарскіе поступали такимъ образомъ. Патріархъ Іерусалимскій (Лазарь) вѣнчалъ на царство Кантакузина, совершенно по тому же праву самостоятельности. Гдѣ же предѣлъ сей церковный независимости? Мы знаемъ, куда съ нею зашелъ Епископъ Римскій. Не сегодня—завтра и Архіепископъ Новаго Рима возметъ повѣнчаетъ или развѣнчаетъ какого нибудь престолодержца, и кто ему укажетъ? Соборныя обсужденія и рѣшенія вышли, такъ сказать, изъ моды. Да и положимъ, что какъ нибудь успѣетъ собраться Соборъ, напр. въ Константинополѣ, изъ горячихъ и близорукихъ патріотовъ, кто ему укажетъ предѣлъ *самостоятельности?*

ніи, совсѣмъ почернѣвшая отъ времени и лоснящаяся. По мѣстамъ еще сохранилась бархатовидная матерія, которою когда-то была обита доска кругомъ изображенія. Икона поставлена вверху сзади иконостаса, по южную сторону царскихъ вратъ. Отъ этого обстоятельства разсмотрѣть хорошо мнѣ ея не удалось. А любопытно бы имѣть съ нея рисунокъ. Въ старину вѣрно она занимала другое мѣсто, можетъ быть съ переди иконостаса, если только не стояла надъ гробомъ угодника Божія. Можетъ и на ней также есть съ задней стороны историческая замѣтка, но досмотрѣться ея было нельзя.

Мы зашли въ предѣлъ Св. *Григорія Богослова*, пристроенный къ храму съ сѣверной стороны. И тамъ умный ктиторъ утѣшилъ насъ историческою замѣткою о своемъ дѣлѣ. Надъ входною дверью, съ внутренней стороны, читается во всемъ подобная приведенной нами выше Сгуровой, надпись, тоже греческая слѣдующаго содержанія: *Воздвигнутъ и расписанъ божественный и всечестный храмъ во святыхъ отца нашего Архіепископа Константинопольскаго Григорія Богослова, поспѣшествомъ и издержками преосвященнѣйшаго Епископа Давольскаго или Селасфорскаго Григорія, въ царствованіи Стефана Уреси, при архіерействѣ преосвященнѣйшаго Архіепископа Первой Юстиніаны Григорія, въ лѣто 6873* (*1365*), *инд. 13* [1]). Слово индиктіонъ означено сокращенно какимъ-то крючкомъ, которому по всей вѣроятности должно принадлежать и подобіе іоты, стоящей передъ γ (гамма), и образую-

---

[1]) Ἀνηγέρθη καὶ ἀνιστορίθη ὁ θεῖος καὶ πάνσεπτος ναὸς τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου, διὰ συνδρομῆς καὶ ἐξόδοῦ τοῦ πανιερωτάτου ἐπισκόπου Δαβώλεως Γρηγορίου σίτι (ἤτοι?) Σελασφόρου. ἐπὶ τῆς βασιλείας Στεφάνου τοῦ Οὐρέσι. Ἀρχιερατεύοντος δὲ τῆς Πρώτης Ἰουστινιανῆς τοῦ Πανιερωτάτου Ἀρχιεπισκόπου Γρηγορίου. ἐπὶ ἔτους ϛ̅ω̅ο̅γ̅ ἰ̅γ̅. Городъ *Деаволь* былъ по близости Охридскаго озера. Теперь имя это сохранилось въ названіи рѣки *Деволь*. У «Византійцевъ» часто упоминается. По видимому, точное имя его Διάβολις, т. е. переложенное на христіанскія понятія: Σελασφόρος, какъ бы ἑωσφόρος.

щей вмѣстѣ съ нимъ цифру 13 (ιγ). При этомъ предположеніи индиктіонъ прочтется *третій*, что и согласно съ хронологическими таблицами. Въ спискѣ Епископовъ *Деабольскихъ* у Лекеня (t. III. p. 91) не помѣченъ *Григорій*, ктиторъ сего придѣла. Чтоже касается Архіепископа Первой Юстиніаны Григорія, то о немъ упоминаетъ императоръ Іоаннъ Кантакузинъ въ своей исторіи (томъ I. стр. 226. Боннск. изд.), называя его мужемъ „мудрымъ въ словѣ и чуднымъ смысленностію". И онъ извѣстенъ, какъ писатель—законовѣдъ, писавшій между прочимъ о степеняхъ родства, возбраняющихъ бракъ, цѣлое посланіе къ Епископу Пелагонійскому *Ѳеодосію*. Царствовавшій въ то время Стефанъ *Уреси* т. е. *Урошъ*, есть пятый въ ряду Урошей и девятый въ ряду *Стефановъ*, — сынъ *Стефана Душана*, правившій Сербіей (почти что номинально) съ 1356 по 1366-й годъ, и убитый *Вукашиномъ*. За чѣмъ понадобилось замѣткѣ имя этого слабаго и несчастнаго государя Сербскаго? Развѣ въ 1365 г. Охрида политически была подъ Сербіей, а не подъ Имперіей? Или дѣлалось это въ уваженіе того, что Охрида, какъ резиденція *болгарскаго* Архіепископа, въ церковномъ отношеніи все таки должна была держаться за болгарскаго государя, которымъ тогда былъ монархъ Сербіи, овладѣвшій болгарскою землею? Въ Имперіи державствовалъ тогда слабый *Іоаннъ V Палеологъ*, у котораго не доставало ни времени ни духа покончить съ затѣянною Душаномъ противо-имперіей, и очень могло быть, что мѣста эти не только въ 1365 г., но и до самаго фатальнаго 1389 года не возвращались уже болѣе грекамъ. Любопытенъ фактъ, что дальше половины XIV вѣка въ Охридѣ, какъ видно, господствовалъ все еще греческій языкъ, не смотря даже на „царствованіе Стефана Уреси" и на 500-лѣтнее уже существованіе изобрѣтенныхъ для славянъ письменъ. Возраженіемъ противъ сего служитъ надгробная плита Св. Климента, передъ которой мы еще разъ остановились, выходя изъ церкви. Что сказать о ней на прощаніе? Право, не придумаю. Кажется, мѣсто ей въ предѣлахъ

XII—XIII вѣка, не смотря на все усиленное желаніе наше видѣть въ ней древнѣйшій образчикъ кирилицы [1]) нашей, сохранившійся въ поученіе и утѣшеніе намъ тамъ, гдѣ его всего естественнѣе искать, на гробѣ ученика Кириллова.

Мы уже выходили изъ церкви, какъ кто-то напомнилъ, что еще не видѣли „Библіотеки Св. Климента". Мы повернули на право въ самый уголъ церковнаго притвора. Тамъ мы увидѣли старый шкафъ съ четырьмя полочками полными старыхъ рукописей, чуть не исключительно богослужебнаго содержанія. Ихъ всѣхъ мы насчитали 120 (33+36+24+27). Надписанія на корешкахъ всѣ видѣлись греческія. Извлекши на угадъ два-три фоліанта, я дѣйствительно нашелъ въ нихъ греческій текстъ, который уже едва можно было различать отъ наступившихъ сумерокъ. Увидавъ, впрочемъ на одномъ переплетѣ надпись: Σύνοψις ἱστοριῶν.... Ἰωάννου τοῦ κουροπαλάτου, я въ чаяніи отыскать какого нибудь новаго неизвѣстнаго историка, выписалъ въ записную книжку начальныя слова текста: τὴν ἐπιτομὴν τῆς ἱστορίας... Послѣдняя же страница заканчивается словами: τῶν τρεχόντων στρατὸν ἀξιόχρεων... αὐτῷ σρατιωτικόν. Раскрывши книгу посрединѣ, прочелъ конецъ статьи: διάδοχον αὐτοῦ καταλιπὼν ἐτελείωσεν. Заголовокъ слѣдующей статьи: Αλέξανδρος, ὁ ἀδελφὸς Λέοντος. Начало ея: Ἀλέξανδρος, ὁ τοῦ Λέοντος ἀδελφός [2])... Все это я разбиралъ въ церковныхъ дверяхъ. Ком-

---

[1]) А что думать о слѣдующемъ извѣстіи? Одинъ, весьма почтенный Сербскій іеромонахъ М—ій, учившійся медицинѣ въ Россіи до поступленія своего въ монашество, человѣкъ серьезный и не спѣшный ни въ какихъ заключеніяхъ, увѣрялъ меня (7 января 1874 г.), что по близости его роднаго города *Княжевца* (Ургуцовца—тоже) есть развалины древнѣйшей церкви, на коихъ видится и читается славянская надпись изъ временъ императора *Ираклія*, съ опредѣленной хронологіей. Копія съ сей надписи доставлена разсказчикомъ въ 1869 г. въ Кіевскій Университетъ. Не смотря на такую фактическую обстановку случая, не малый скрупулъ сомнѣнія остается во мнѣ. Очень бы желалась, чтобы подтвердились и христіанство Сербіи начала VII вѣка, и свидѣтельствующая о немъ до—кирилица.

[2]) По этимъ признакамъ, предполагалось, можно будетъ отыскать дома на досугѣ,

панія вся уже гуляла по двору церковному. Пожаловавшись ей на ея равнодушіе къ книжницѣ Св. Климента, я услышалъ въ свое успокоеніе, что книгамъ всѣмъ составленъ каталогъ, который хранится у митрополита, что мы его выпросимъ и съ нимъ удобнѣе пересмотримъ воображаемыя сокровища, что уже наступаетъ ночь, что на сей день сдѣлали довольно (!), и т. д. Но и безъ этихъ доводовъ ясно было для меня, что „Библіотека Св. Климента" есть такой же отводъ глазъ, какъ и славянскія ктиторскія записи „Пóповичей—Византійцевъ". Славянскимъ Климентомъ и не пахнетъ въ „Вивліоѳикѣ" его имени. А жаль! Гдѣ же и надѣяться найти что нибудь самодревнѣйшее Славянское, какъ не въ Охридѣ [1]). Развѣ когда нибудь, совершенно случайно, откопаютъ гдѣ нибудь въ землѣ затерянное чье нибудь самоутѣшительное признаніе: азъ боукы вѣдѣ... въ видѣ Прохоровой помарки, съ датою Климентова времени. Мало надежды. По всему видно, что *харатейная* мудрость трудно усвоивалась предками, и что большею частію дѣло ограничивалось признаніемъ, что глаголъ добро єсть.—Чегожъ

чтó это за хронографъ такой, и кто такой *Іоаннъ Куропалатъ*. Думалось, что это долженъ быть извѣстный компиляторъ *Іоаннъ Зонара*, тоже имѣвшій какое-то придворное званіе. По справкамъ однакоже оказалось, что иначе начинается Исторія Зонары, да и былъ онъ не Куропалатъ, а только πρῶτος a secretis и Друнгарій Виглы. Куропалатомъ же называется другой писатель *Кодинъ*, но сочиненіе его вовсе не исторія, ни сводъ исторій, да и назывался онъ *Георгій*, а не *Іоаннъ*.

[1]) А между тѣмъ Св. Климентъ, по свидѣтельству жизнеописанія его (на греческомъ языкѣ) ἁπλῶς εἰπεῖν, πάντα τὰ τῆς ἐκκλησίας τοῖς βουλγάροις ἡμῖν (!) παρέδοκε, т. е. *всѣ* богослужебныя книги перевелъ на Болгарскій языкъ. Оставалась не переведенною одна цвѣтная Тріодь. По возвращеніи отъ царя Симеона, у котораго онъ просилъ, но не получилъ, увольненія на покой, онъ, уже изнемогая къ смерти, перевелъ и эту книгу. Всѣ свои сочиненія и переводы, по словамъ того же жизнеописанія, блаженный святитель и народный учитель оставилъ (ἀπέθετο) въ монастырѣ своемъ. Это была первая, конечно, *Славянская Библіотека*. Если «родолюбцамъ» удастся добиться *свободнаю* обученія въ своихъ народныхъ школахъ и *независимаю* управленія ими, на нашихъ типографіяхъ лежитъ долгъ снабдить Охриду отъ избытковъ своихъ всякимъ книжнымъ добромъ.

вамъ еще болѣе? Небось, говорилъ какой нибудь византійскій „даскалъ“,—*зъло земля*—вы, а вотъ себѣ *живете, и, како люди, мыслите, отцы* ваши — *червь,* не видите развѣ. Ну, и *рцы* себѣ *слово твердо: Нашъ онъ* (Владыка съ его письмомъ и книгами) *покой.* — И въ намекъ и въ напраслинѣ на почтенныхъ даскаловъ стараго времени мы просимъ прощенія у читателя. Думается, что духовные приставники новопросвѣщеннаго народа скоро спохватились и повели войну противъ письменъ „варварскихъ“, и что изъ *буквы* выродилось народное страшилище *бука*... Иначе, опять таки, чѣмъ объяснить полнѣйшее отсутствіе памятниковъ письменности Славянской изъ перваго христіанскаго тысячелѣтія? Мы видали образчики славянскихъ (болгарскихъ) писемъ греческими буквами вчерашней, такъ сказать, даты, писанные по указанію, конечно, даскальскому. Какъ имъ было не процвѣтать въ тѣ времена, когда ничего не стоило „владыкѣ“ объявить христоненавистною ересью какую-то, неслыханную дотолѣ, „азбучку“?

Точно въ отвѣтъ на мои сѣтованія и нареканія, слышу, высказываются искреннія сожалѣнія чьи-то, что мы вѣдь и забыли про *Остоеву* большую надпись... Сейчасъ допросы: гдѣ, какъ и что? Рѣшено немедленно возвратиться въ церковь. Въ томъ же притворѣ, возлѣ самаго шкафа книжнаго, есть углубленіе въ западной стѣнѣ въ видѣ ниши, сведенное вверху полукругомъ. Въ глубинѣ его есть древнее изображеніе Богоматери, весьма чтимое въ Охридѣ. По сторонамъ его видятся съ одной стороны обыкновенныя монограммы МР ΘΥ, а съ другой: Ἡ ΠΕΡΙΒΛΕΠΤΟϹ (до слова значащая: *обглядная* или понятнѣе, *не наглядная*). Передъ Богоматерію изображенъ въ молитвенномъ положеніи молодой человѣкъ съ распущенными волосами. Кто это? Самъ Климентъ, когда еще былъ народнымъ учителемъ? Ктиторъ Сгуръ? Или еще иной кто? Въ Константинополѣ славенъ былъ храмъ *Богородицы Перивлепты,* стоявшій на высокомъ и прекрасномъ мѣстѣ. На память его, можетъ быть, и Св. Климентъ тоже, на самомъ видномъ

мѣстѣ, избранномъ имъ для монастыря, воздвигъ свой храмъ Перивлепты и поставилъ въ немъ честную икону Владычицы [1]). За 400 лѣтъ время могло разрушить Климентову постройку и подать Сгуру мысль возвести на мѣстѣ ея новую церковь въ тоже имя Богоматери, оставивъ неприкосновенною свято-чтимую икону ея. Могло быть и то и другое, а вѣрнѣе, что было что нибудь третіе. Если не заглядѣніемъ, то долговременнымъ разглядываніемъ, мы воздали долгъ святочтимому мѣсту. Съ помощію зажженныхъ свѣчей мы разобрали начертанную по окраинѣ нишевой арки большими и красивыми, но слитыми въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и не въ мѣру кудрявыми буквами надпись, шестую уже на этотъ счастливый день, гласящую слѣдующее: ***Прѣстависе рабь Божіи Ѡстоя Раяковинь погоусломь оугарчикь. и съродникь Краля Марка. Зеть Жупана Грѡпе. Лѣтѡ*** ,ѕѡпи ***(6888=1380)... мѣсяца октѡвріа*** ѧі, ***инд.*** г. ***Вась же молю братія моя любимая прочитающе простите... а рабь... яко вы можете быти како я... а я, како вы, николіже*** [2]). Трогательная своею грустною философіею, замѣтка эта свела

---

[1]) Хорошо бы увѣриться, что ниша съ иконой есть остатокъ еще Климентовыхъ построекъ. По житію его, онъ выстроилъ двѣ церкви, одну монастырскую—конечно, а другую, въ которой потомъ учредили Архіепископскую каѳедру. Къ сожалѣнію, нѣтъ ни какихъ опредѣляющихъ чертъ, по коимъ можно бы было признать эту или другую въ существующихъ теперь храмахъ.

[2]) Вѣрно подражаніе Климентову надгробію, гдѣ тоже надпись начинается словомъ: ***Прѣстаише.*** Съ другой стороны, какъ бы тоже нѣкое истязаніе примѣчается и относительно Сгуровой надписи. Тамъ человѣкъ себя возвеличилъ родствомъ съ императорскимъ домомъ, и тутъ является родственникъ Краля. И тамъ зять, и здѣсь — зять, за недостаткомъ царя, хотя Жупана *Гропе!* Странное это имя написано подъ титлою, какъ говорится, падающею на первый слогъ. Что она должна замѣнять собою, не знаю. Такимъ же, титлованнымъ на первомъ слогѣ, видится и совершенно не понятное слово: ***арабь.*** Чуется, такъ сказать, скрывающееся подъ нимъ: *ради Бога*, но многаго не достаетъ, чтобы имѣть право читать такъ. И въ третьемъ мѣстѣ значокъ въ родѣ титлы — въ имени *Угарджичь* — мѣшаетъ узнать настоящее произношеніе буквы (дж), надъ которою непосредственно онъ стоитъ. Отсылаемъ читателей къ нашему fac-simile надписи.

на душу давно потребное умиленіе. Умѣемъ мы — славяне — своимъ простодушіемъ задѣть за сердце другаго, но — вотъ бѣда наша! — любимъ и изъ за гроба похвалиться, что мы не простые смертные, а Кральскіе родственники и зятья безвѣстнаго Жупана! Впрочемъ, оставимъ въ покоѣ кости добраго предка. Если бы онъ не считалъ дѣломъ важнымъ свое родство съ великими міра сего, можетъ быть и не счелъ бы нужнымъ заявить о себѣ потомству, и мы вовсе не знали бы, что онъ существовалъ. Мы уже видѣли, какъ язычникъ *Фронтонъ* хвалится въ сосѣдней Пелагоніи тѣмъ, что онъ замѣнялъ на должности нѣкоего сына нѣкоего базарнаго досмотрщика. Правда, что тамъ дѣло шло хотя о ничтожной, но собственной, дѣятельности человѣка, а здѣсь идетъ—о чужомъ величіи, но вспомнимъ, что здѣсь за то самъ *Марко Кралевичъ,* воспѣтый витязь славянства, является передъ нами! Въ частности же для насъ, онъ стоилъ цѣлыхъ десятковъ Фронтоновъ уже тѣмъ однимъ, что доставилъ намъ случай узнать, что въ 1380 г., слѣдовательно почти наканунѣ Коссопольской катастрофы, Охрида славянствовала, что Марко въ то время былъ кралемъ, что въ краѣ былъ (можетъ быть) свой Жупанъ, котораго зять былъ погусломъ (?) угарчикъ (??) и пр. Все же, что нибудь пришлось узнать новое. Осталось только неизвѣстнымъ—за чѣмъ эта надгробная замѣтка начертана поверхъ иконы Божіей Матери. Самое вѣроятное объясненіе есть то, что *Остоя* тутъ и похороненъ подъ церковнымъ помостомъ. Очень можетъ быть, что онъ и изображенъ на иконѣ молящимся. Миръ ему! Щадя наше чувство, онъ говоритъ, что и мы *можемъ* быти како и онъ. Увы! Мало, что можемъ, а несомнѣнно *будемъ,* съ тѣмъ, что̀ — теперь, уже не будемъ николиже!

Послѣ тонкой, но рѣзкой струи славянства, повѣявшей на насъ трикратно внутри храма, насъ ѳхватило полное эллинство за стѣнами его. По примѣру большихъ городовъ Эллады и Турко-Греціи, и въ Охридѣ есть греческая школа взаимнаго обученія и даже *Эллинское*

училище. Мы прошли возлѣ того и другаго заведенія. По позднему времени, оба были заперты. На училищномъ дворѣ мы увидѣли нѣсколько древнихъ камней съ греческими надписями языческой эпохи. Не теряя ни секунды, я принялся списывать ихъ, не мало порадовавшись тому, что встрѣтился въ нихъ и съ давними хозяевами мѣста *Дассарейцами*. Между тѣмъ я ни какъ не ожидалъ, что нахожусь подъ наблюденіемъ теперешняго хозяина мѣста. Подошедшій ко мнѣ молодой человѣкъ отрекомендовался мнѣ (по гречески) учителемъ Эллинскаго училища, и не замедлилъ прибавить, что знаетъ меня давно и хорошо, ибо учился въ Аѳинскомъ Университетѣ... Имя его мнѣ напомнило цѣлую исторію, въ своемъ родѣ очень любопытную, но не пригодную для воспоминаній. Я не зналъ, что̀ сдѣлать, притвориться ли не узнавшимъ почтеннаго даскала, или завесть съ нимъ волей-неволей рѣчь о дняхъ давно минувшихъ? Спасибо, онъ самъ вывелъ меня изъ затрудненія, сказавъ мнѣ съ улыбкой, что онъ тотъ самый студентъ-стихотворецъ, который жаловался въ газетѣ на лишнія строгости въ русской церкви въ Аѳинахъ, подъ вліяніемъ сдѣланной ему обиды. Я поспѣшилъ, тоже не безъ улыбки конечно, назвать случай недоразумѣніемъ, и обратилъ вниманіе его на списываемую надпись, гласившую въ переводѣ: *Добросчастно! Дассаритяне Дріанта Карпіонова покровителя, ходатайствовавшаго (передъ) господиномъ императоромъ... Антин...* [1]) Послѣдняя строка должна содержать имя или главнаго хлопотуна посвященія камня благотворителю или рѣзчика надписи. Дѣло идетъ о какой нибудь льготѣ городу или краю по рыбному промыслу,

---

[1]) Ἀγαθῇ τύχῃ. (Δ)ασσαρήτιοι Δρύαντα Καρπίωνος (τ)ὸν προστάτην (π)ρεσβεύσαντα τὸν κύριον αὐτοκράτορα... ντοψωνιο... αντινω... Выраженіе: κύριον αὐτοκράτορα — со всѣмъ не обычно. Для объясненія послѣдней строки можно бы предполагать, что была должность *Опсонія*, завѣдывавшаго рыбнымъ или и вообще кухоннымъ промысломъ. Помощникъ его могъ называться *Антопсоній*. Если въ послѣднемъ словѣ видѣть собственное имя *Антиной*, то надпись должна выйти за Адріаново время, когда прославился Антиной.

дарованной императоромъ, стараніемъ *Дріанта*. Учитель указалъ мнѣ на другой камень, приваленный къ стѣнѣ училища, заднею стороною наружу, тоже съ надписью подобнаго же вѣроятно содержанія, также начинающеюся обращеніемъ къ *Доброму Счастію*. Камень разбитъ вдоль по высотѣ своей, и уцѣлѣла только лѣвая сторона его съ началомъ шести строчекъ, не дающая оттого никакого смысла [1]). Третій камень, наибольшій изъ трехъ, съ надписью въ 10 строкъ, къ сожалѣнію во многихъ мѣстахъ поврежденныхъ, урывочно содержитъ въ себѣ слѣдующее: *Никле... величайшему... П. Квинтіана Лисимахова П. С. Юлій Помпей... начальникъ возложилъ* [2]). Конечно тоже въ благодарность за какую нибудь милость царскую или и просто такъ, benevolentiae capiendae gratia, сдѣлалъ „возложеніе" завѣдывавшій чѣмъ-то Помпей (сынъ) Квинтіана Лисимахова. Учителемъ списаны и еще двѣ греческія языческой эпохи надписи, хранящіяся теперь въ городскихъ церквахъ, копіи съ которыхъ онъ обѣщался доставить намъ завтра на домъ. Съ обязательною готовностію нашъ старый знакомый (и некстати антагонистъ) провелъ насъ черезъ старую развалившуюся

---

[1]) Ἀγαθ(ῇ τύχῃ)... ηγ... πτο... ονα... νοσεν... καὶ φ... πωεσ...

[2]) Νικλε... μεγίστω... π. Κουειντιανοῦ τοῦ Λυσιμάχου. π. σ. που.ειος Πομπέειος ωμ ἄρχων ἀνέθηκεν. Титулъ μέγιστος давался или богамъ или императорамъ. Кажется, тутъ не было мѣста первымъ. Вѣроятно «возложеніе» относилось къ какому нибудь императору, котораго имя должно было занимать третію строку, но или сглажено было потомъ, или во все не было написано. При частой перемѣнѣ измельчавшихся Цезарей, очень можетъ быть, что посвятитель камня выжидалъ, передъ кѣмъ выгоднѣе было воскурить ѳиміамъ лести, и, такъ недождавшись, померъ или и совсѣмъ раздумалъ ставить памятную запись. Слово: NIKΛE не поддается ни какому объясненію. Развѣ читать α вмѣсто λ? тогда выйдетъ: Νικαεῖς, Νικαέων... имя жителей города Νίκη, о которомъ упоминаетъ Tabula. Чтеніе: που.ειος = Ἰουλιος сомнительно. Можно бы тутъ угадывать присутствіе слова ὑειός вмѣсто υἱός — сынъ. Частица ωμ между Πομπῆιος и ἄρχων, совершенно ясно и отчетливо написанная, не объяснима, если не производить ее отъ ὠμός — свѣжій, сырый (невареный, не печеный...). τὰ ὠμά можетъ значить: овощи, зелень, и ὠμάρχων можетъ означать начальника овощнаго рынка. Не много шло бы хорошо къ *Опсонію* прежней надписи.

мечеть съ громаднымъ въ ней деревомъ изъ... плюща. Вѣроятно, и это была когда нибудь церковь. Разрушеніе на разрушеніи! Настанутъ ли тутъ когда дни возстановленія съ возстановленіемъ? Мы вышли къ „големымъ“ (большимъ) воротамъ крѣпости съ едва замѣтными остатками фресковъ по стѣнамъ. На прощанье я спросилъ своего чичероне, гдѣ бы могъ находиться въ древности дворецъ царя *Самуила?*— Какой могъ быть дворецъ у бездомнаго непосѣда? — Вижу, что вы не очень благоволите къ пресловутому воителю, отвѣчалъ я на неожиданно строгій отзывъ Македонца. Сочувственнѣе развѣ должна вамъ казаться личность соперника его, тоже не посѣда, прозваннаго „болгаробойцемъ“? — Другъ друга стоили, замѣтилъ онъ равнодушно. — А я такъ стою за *Василія,* продолжалъ я, и дѣйствую при этомъ совершенно послѣдовательно. Онъ былъ намъ родственникъ. Сестра его была за нашимъ Великимъ княземъ... На сколько мракъ позволялъ мнѣ различить черты лица собесѣдника, на немъ играла лукавая улыбка. Человѣкъ видимо стоялъ все еще на тѣхъ сказочныхъ „разстаняхъ“, гдѣ доброму молодцу предстоятъ двѣ дороги: поѣдетъ по одной,—будетъ самъ сытъ, а конь голоденъ, поѣдетъ по другой, — будетъ конь сытъ, а самъ голоденъ... Оставлю его выбирать путь, и разскажу, что произошло у *насъ* съ *нимъ* въ славныхъ Аѳинахъ. Въ столицѣ Греціи у насъ есть своя Русская Посольская церковь, которой ничто не мѣшаетъ называться царскою, придворною или еще иначе какъ, и держать у себя порядки вполнѣ русскіе и притомъ—съ апломбомъ высшаго общества. Нѣтъ ничего потому страннаго, что во время богослуженія, обыкновенно видѣлась у самыхъ дверей церкви высокая фигура такъ называемаго „портьера“ посольства, наблюдавшаго за входившими и выходившими, и спеціально смотрѣвшаго за тѣмъ, чтобы мѣстные посѣтители дома Божія, не вступали въ него въ какомъ бы то ни была головномъ уборѣ, фесѣ, картузѣ, шляпѣ, которыя нерѣдкость было видѣть въ прочихъ церквахъ Аѳинскихъ. Разъ случилось,

что вошелъ въ церковь молодой человѣкъ, по европейски одѣтый и съ фесомъ на головѣ. Зоркій портьеръ, не говоря ни слова, схватилъ фесъ съ головы франта, и отдалъ его въ руки хозяину, замѣтивъ, что въ церкви принято стоять съ открытой головой. Молодой человѣкъ обидѣлся, нашумѣлъ и вышелъ изъ церкви. По видимому, не столько самъ шапошный афронтъ, сколько преподанное притомъ внушеніе затронули потомка Платоновъ и Аристотелей. Прошло нѣсколько дней послѣ незамѣченнаго ни кѣмъ случая, въ одной изъ Аѳинскихъ газетъ появились довольно хорошо сложенные стихи, слегка коснувшіеся самаго обстоятельства и ожесточенно напавшіе на русскіе порядки. Были выдвинуты на сцену и наше варварство и наше фарисейство и даже наше не умѣнье говорить хорошо по гречески. [1]) Столько сразу обвинительныхъ пунктовъ! Заинтересованные въ дѣлѣ люди не оставили случая безъ изслѣдованія, навели справки о писателѣ и узнали, что

---

[1]) Приводимъ, курьеза ради, начало и конецъ стихотворенія:

Начало. Ποτὲ δὲν τὸ ἐπίστευα, οἱ τόσον θρῆσκοι Ῥῶσοι
Τόσον πιστοὶ 'κ ὑποκλινεῖς εἰς θείας παραδόσεις,
Τοὺς ὅρους ὑπερβάλλοντες τῆς ἀληθοῦς λατρείας
Εἰς ἄκρατον φανατισμοῦ νὰ καταντῶσι ζῆλον,
Καὶ διὰ ψύλλου πίδημα Ἕλληνας νὰ προσβάλουν
Ἐντὸς ναοῦ Ἑλληνικοῦ (?) πολλῶν περιεστώτων
Ἐπὶ τῆς θείας ταύτης γῆς ἥτις καρπὸν δὲν φέρει
Διότι μ' αἵματα πολλὰ καὶ δάκρυα ἐβράχη.
Ἦτον ἡμέρα ἑορτῆς. πρὶν ἥλιος ἐκλάμψη...

Конецъ. Ἀχ! μορφασταὶ τοιοῦτοι δὰ εἰν αἶσχος τῆς θρησκείας
Καὶ ὡς νεφέλαι σκοτειναὶ τὴν λάμψιν τῆς σκιάζει
Τὴν ἄμωμον εὐσέβειαν ἀκήρατον παρθένον
Ὡς πόρνην περιβάλλουσι ποικίλματα παντοῖα
Καὶ ἐπαλείφουσιν αὐτὴν ψιμμύθιον καὶ μῦρον.
Μὲ ἀνιέρους στεναγμοὺς καὶ σχῆμα Φαρισαίων
Χλευάζουσι τὸν Ὕψιστον, τὸν ὄχλον ἀπατῶσι
Καὶ ὑπὸ μάλης φέρουσι πᾶσαν κακίας φάσιν.

29 Ноября 1858. Γ. ΣΤΑΥΡΙΔΗΣ. Μακεδών.

это студентъ университета изъ Македоніи, и родомъ Болгаринъ! Дивиться, впрочемъ, тутъ было нечему. Въ положеніи славянина, попавшаго въ водоворотъ панэллинскихъ идей, ничто такъ не естественно, какъ перепрыжка въ крайность. Юному поэту, разумѣется, рукоплескали патріоты-товарищи. Скандалъ былъ полный, съ аттическою солью въ избыткѣ. Но не прошло и недѣли, какъ въ другой газетѣ Аѳинской появился отвѣтъ стихотворцу тоже въ стихахъ за подписью однаго изъ профессоровъ университета, славнаго своими поэтическими произведеніями. Бѣднаго Македонца и съ его родомъ и съ его исторіей и съ его фесомъ, только по милости Россіи носимымъ имъ, вмѣсто отцовскаго „каука", вывели въ стихахъ на такую чистую воду, что онъ не зналъ куда дѣться послѣ того. А главное, перепугался отъ мысли, что сцѣпился съ своимъ профессоромъ, который можетъ повредить ему при выпускѣ... Это, вполнѣ славянское малодушіе еще болѣе уронило юношу въ глазахъ своихъ и чужихъ. Вещь, въ самомъ дѣлѣ, выходила престранная. Въ Аѳинахъ печатно славянинъ напалъ на Россію, а грекъ сталъ за Россію! По возвращеніи поэта съ учительскимъ дипломомъ въ свою темную отчизну, духъ племенства видимо свѣялъ съ него эллинское ультрамонтанство. Человѣкъ и радъ бы теперь сдѣлать что нибудь для своихъ единокровныхъ, но ничего не сможетъ, потому что вся его ученая подготовка была греческая. Думаю, что онъ даже читать по славянски не умѣетъ. Полагать можно, что, увѣрившись передъ своими и чужими, онъ оставитъ ученое поприще, и подобно столькимъ другимъ, займется торговлей, гдѣ не представится ему въ такой рѣзкости столкновеніе интересовъ крови и науки. Наступала уже темная ночь, когда мы возвратились изъ археологической прогулки въ свой ханъ. Нашъ обѣдъ-ужинъ состоялъ главнымъ образомъ изъ рыбныхъ приготовленій. Въ морѣ-озерѣ отыскалась для насъ рыба невиданной величины, которой хватило на уху, на холодное и на жаркое. О цѣлой „горѣ" ягодъ и говорить

ненужно. Взаимная передача впечатлѣній сократила остававшіеся часы вечерніе.

Ахриды. 3 Іюня 1865. Четвертокъ.

Въ дополненіе къ тому, что говорили мы вчера о *Лихнидѣ-Охридѣ*, можемъ остановиться на множественной формѣ названія города, употребляемой теперь, такъ сказать, оффиціально. Митрополитъ Охридскій подписывается теперь: ὁ Ἀχριδῶν καὶ Πρεσπῶν. Гдѣ искать основанія сему? Въ топографіи, въ исторіи, въ капризѣ языка? Греки древніе любили множественную форму именъ своихъ городовъ. Доказательствомъ тому служатъ: *Ѳивы*, *Микины*, *Аѳины*, *Патры* и пр. Предположительно имѣлись при этомъ въ виду два смежныя поселенія (б. ч. верхнее и нижнее), которыя, по соединеніи, составляли одинъ городъ съ общимъ именемъ множественной формы. Такія имена—обыкновенно женскаго рода, и были, повидимому, преимуществомъ чисто эллинской земли (если таковая гдѣ нибудь когда нибудь бывала). Когда же дѣло шло о *варварской* странѣ, то, если оказывалась умѣстною множественная форма имени для того или другаго города, она являлась въ среднемъ родѣ. Можетъ быть и чистая случайность, но замѣчательно, что цѣлая полоса Македоно-Иллирійскихъ городовъ въ своихъ именахъ слѣдуетъ этому закону. Отсюда города: (τὰ) Βοδενὰ, Γρεβενὰ, Σκόπια, Μπιτώλια, Βελέγραδα... Въ число ихъ попала и Охрида — τὰ Ἀχριδὰ. Не видѣнъ ли въ этомъ оттѣнокъ тенденціи эллинизма обозначать словомъ варварскую непригодность именуемыхъ мѣстъ стоять въ ряду настоящихъ городовъ образованнаго міра, для которыхъ пріурочены имена женскаго рода, по камертону слова: πόλις? Если была такая тенденція, то ей обязаны своимъ появленіемъ въ исторіи *Сусы*, *Экватаны*, *Іеросолимы*, *Миры*, и пр. Даже новые, современные намъ, эллины, кажется, не прочь идти по слѣдамъ предковъ, и звать напр. даже такой городъ, какъ Парижъ, τὰ Παρίσια... Любопытная вообще статья—психологія языка. Многое темное въ исторіи и жизни она мо-

жетъ освѣтить и уяснить, какъ ничто другое. Получить какое нибудь просвѣщеніе пожелалъ я въ этомъ родѣ отъ почтеннаго даскала Охридскаго, не замедлившаго отыскать меня ранымъ-рано въ моей квартирѣ, и доставить мнѣ обѣщанныя копіи другихъ двухъ надписей, отыскавшихся въ городѣ. Гость оказался, впрочемъ, новичкомъ и въ филологіи и въ географіи, такъ что я долженъ былъ свести разговоръ нашъ на болѣе подручный предметъ мѣстнаго школьнаго образованія. Какъ въ Воденѣ и въ Битолѣ, обученіе и здѣсь идетъ по гречески, а слѣдовательно и начинается съ греческаго языка. Стараніемъ не многихъ родолюбцевъ не давно открытая „школа Кирилла и Меѳодія" (ехидно зовомая *Русскою*) есть единственное пока, и весьма слабое, общественное проявленіе славянства въ Охридѣ. Мѣстная власть (Митрополитъ) игнорируетъ ее, и, если прямо не преслѣдуетъ, то, я думаю, единственно изъ вѣжливости къ нашему Битольскому консульству, помогшему образоваться такому разсаднику ереси въ предѣлахъ ея вѣдомства. Право, какъ не подумать, что истинный взглядъ „Великой церкви", этой, на языкѣ константинопольскихъ газетъ, сердобольной или точнѣе — „любвелюбивой (φιλόστοργος) матери" вѣрующихъ, на славянъ есть именно какъ на нѣчто непотребное — ἀχρεῖον, годное только для Ахриды... Невольно теряешь спокойствіе духа, чуть коснешься этого пункта церковной жизни на Востокѣ. Будетъ ли конецъ такому поголовному ополченію грековъ противъ здраваго смысла? Подъ вліяніемъ невольнаго негодованія, не хотѣлось и смотрѣть на принесенные гостемъ надписи. Своимъ безразличнымъ содержаніемъ онѣ впрочемъ способны были возстановить въ душѣ требуемое „равновѣсіе отправленій". Одна изъ нихъ, уцѣлѣвшая вѣроятно на одну треть, гласила слѣдующее: *Величайшаго и божественнѣйшаго императора, кесаря, Луція Септимія Севера п...* [1]). Очевидно, городъ хотѣлъ ею выразить

---

[1]) Τὸν μέγιστον καὶ θειότατον αὐτοκράτορα καίσαρα Λούκιον Σεπτίμιον Σεουῆρον π...

свою приверженность или признательность самодержцу. На словѣ: *божественнѣйшій* онъ конечно пересолилъ, но все же благоразумнѣе поступилъ, чѣмъ Сиро-египетскіе памятники, величающіе своихъ царей, а за ними и римскихъ императоровъ, прямо *богами* — ϑεούς, вмѣсто ϑείους=divos, какъ того требовало понятіе души, отшедшей къ Богу. Конечно, и латинскій языкъ позволялъ сдѣлать изъ divus — diissimus или divinissimus, но римскій характеръ durus не позволялъ такой сдѣлки языка съ совѣстію. Гибкая фразеоманія эллинская не задумалась надъ изобрѣтеніемъ прилагательнаго: ϑειότατος совершенно равнодушная къ тому, какой оттѣнокъ понятія должно выражать собою вновь выкованное слово. Теперь она же величаетъ, за неимѣніемъ другаго кого, своихъ патріарховъ „божественнѣйшими“ [1]). Въ дѣтствѣ, припоминаю, какъ меня соблазняло выраженіе въ одномъ канонѣ богослужебномъ: *Божественнѣйшій прообрази древле Моѵсей*... Еслибъ я зналъ тогда, что есть еще, кромѣ боговидца Моисея, божественнѣйшій Септимій Северъ и божественнѣйшіе Іоакимъ и Кириллъ!.. До чего можетъ довести беззастѣнчивое распоряженіе языкомъ! Напрасно искать тутъ проявленія хотя чего нибудь психологическаго. Камень съ этою надписью найденъ въ развалинахъ церкви *Св. Ахилла* въ Охридѣ, и перенесенъ оттуда, по близости, въ церковь *Безсребренниковъ*. Другая надпись, по своей испорченности и необычному составу, труднѣе для перевода. Видно, что *воеводы Махитасъ* (?) *Генѳіевъ и Филиппъ Монтановъ возложили Никію* [2]) (?)... (камень или памятникъ

---

[1]) Когда пишетъ кто нибудь къ Вселенскому патріарху, то лжеприличіе требуетъ величать его: Ἡ ϑειοτάτη παναγιότης — Божественнѣйшая Всесвятость (далеко до *насъ* Папскому: Sua Santita!). Патріарха Іерусалимскаго при служеніи величаютъ: μακαριώτατος, ϑειότατος καὶ παναγιώτατος!

[2]) ἐπικαδος. λυμαχητας... γενϑίου. καὶ Φίλιππος Μοντάνου ἀνέϑηκαν στρατηγοὶ Νικια... Надпись состоитъ теперь изъ 8 строкъ, изъ коихъ послѣдняя имѣетъ только три начальныя буквы.

этотъ). Первое слово надписи: ἐπικαδος... мы совсѣмъ не рѣшаемся переводить, не зная, собственное ли это имя, или состоитъ изъ предлога ἐπὶ и имени κάδος. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о слѣдующихъ 9 буквахъ. Такъ какъ мы сами не видѣли надписи, то и не знаемъ, нельзя ли читать вмѣсто: ΛΥΜΑΧΗΤΑΣ, болѣе смысленное: ΝΑΥΜΑΧΗΣΑΣ. Такое же недоумѣніе встрѣчается и въ концѣ надписи. ΝΙΚΙΑ можетъ быть и собственное имя лица въ дательномъ падежѣ, и имя упомянутаго уже города *Никіи* или *Никеи*. За тѣмъ, могли поставить камень воеводы. Могъ и другой кто поставить его воеводамъ, такъ какъ послѣ слова: ΣΤΡΑΤΗΓΟΙ есть пустое мѣсто для стертаго или непрочитаннаго Σ. Камень находится въ церкви Богоматери, прозываемой *Каллисты* (наилучшей). Отысканы, собраны и сберегаются отъ истребленія всѣ эти письменные памятники древности учителемъ Охридской школы Козмою А. Пасхаловымъ. Фамильное имя, полагать надобно, передѣлано изъ: Пасхалиди... Вотъ изъ *Ставриди* трудно выдѣлать что нибудь славянское, сказалъ я на прощаніе своему старому знакомому. Отвѣтомъ служила все таже безмолвная улыбка, громко гласившая: чтожъ я буду дѣлать!

Когда проснулись мои компаньоны, ихъ привѣтствовалъ своимъ ласковымъ шумомъ, уже въ третій разъ закипавшій, самоваръ. Большой подносъ черешень украшалъ собою другой конецъ стола туземной работы, достойнаго въ свою очередь украшать собою столовую царей Дассаретскихъ. Какъ начинали свое утро стараго времени люди безъ чаю и безъ кофе, не могу представить. Чтобы прямо, помолившись Богу, садились за черешени, не „выпивши“ ничего, кажется невѣроятнымъ. Въ Константинополѣ, чуть свѣтъ, ходятъ теперь по улицамъ и разносятъ горячій *Салепъ,* т. е. наваръ салепнаго корня съ сахаромъ. Что это, какъ не предшественникъ нашего чая, какъ не нашъ *сбитень,* родословная котораго теряется въ мракѣ неизвѣстности? Допустить потому можно, что и консулъ *Фламиній* и *Септимій Северъ* (если

заходилъ въ Лихнидъ), и царь *Самуилъ*, а за нимъ слѣдомъ *Василій* Болгаробоецъ, и *Алексій I* Комнинъ [1]), и Краль *Марко* и столько другихъ величій земли, всѣ, вставши утромъ съ постели, пили тутъ что нибудь согрѣвающее, послѣ чего и у нихъ проходилъ кашель, и они съ бодрыми силами принимались за текущія дѣла... Назову я любезными тѣ представленія, въ которыя можно облечь древнюю жизнь того или другаго мѣста. Если бы кто могъ воскресить и древнюю рѣчь изъ той или другой эпохи! Можно бы поручиться, что и Эразмы и Рейхлины и всѣ классическіе педанты ученой Европы, послушавъ ея, убѣдились бы, что толкли воду, пиша трактаты и диссертаціи о томъ, что рѣшить можетъ одно ухо. — Жатва многа ожидаетъ васъ сегодня, запасайтеся карандашами и резинками, сказалъ мнѣ собесѣдникъ-бывалецъ, когда мы покончили чай. Конечно, это не Константинопольская Св. Софія, но всѣ другіе храмы завѣтнаго имени уступятъ Охридской Св. Софіи и по величинѣ и по величію. — Послѣ такого отзыва оставалось только придерживать крылья воображенія, хотя у меня былъ уже прецедентъ полнаго разочарованія въ одной, не въ мѣру превознесенной, Св. Софіи, служившей когда-то мѣстомъ засѣданія цѣлаго Вселенскаго собора и оказавшейся менѣе чѣмъ замѣчательною.

На галлереѣ хана съ десятокъ родолюбцевъ даютъ отчетъ г. Т...у въ успѣхахъ Кирилло-Меѳодіевой школы. Любо смотрѣть, какъ юный дипломатъ чешетъ по болгарски, допрашиваетъ, возражаетъ, наставляетъ. Право, можно было подумать, что идетъ разсужденіе о какомъ

---

[1]) Особенно этотъ бѣдный *Олекса* нашихъ лѣтописей долженъ былъ имѣть нужду въ подобномъ подкрѣпленіи. Два раза онъ искалъ себѣ спасенія въ Охридѣ, разбитый на голову Нормандцами при *Дурацuо* (Диррахіѣ, древнемъ Епидамнѣ) и при *Іоаннинѣ*. Послѣ перваго пораженія онъ, совершенно одинъ, пробирался, укрываясь, черезъ всю Албанію непроходимыми горными ущельями въ теченіе двухъ дней, и достигъ Охриды едва живой, весь въ крови, разодранный, истерзанный, — обязанный своимъ спасеніемъ только своему превосходному коню.

нибудь его личномъ дѣлѣ, въ которомъ приглашаются принять участіе старшины мѣста. Честь доброму дѣятелю. Выходимъ на улицу, весьма мало оживленную и сегодня, не смотря на утреннюю рабочую пору, и идемъ по нижнему городу, закрываясь зонтикомъ отъ солнца и отъ любопытства проходящихъ. Изъ за крышъ домовъ высится шестигранный минаретъ сѣровато-бураго цвѣта видимо старой постройки. Его рекомендуютъ указателемъ мѣста Славянской „Великой церкви", — дѣломъ рукъ, если не Симеона, то Самуила. Видомъ своимъ онъ напоминаетъ наши старыя деревянныя колокольни, высящіяся срубомъ и оканчивающіяся галлерейкою съ пирамидальной или конической крышей. Нейду далѣе сего сближенія. Очень можетъ быть, что минаретъ построенъ турками, и не видалъ не только Самуила, но и Краля Марка, и не оглашался никогда христіанскимъ звономъ. Поворачиваемъ вправо въ одинъ переулокъ, и видимъ передъ собою четыреугольную башню въ два яруса съ красными византійскими окнами. Третій ярусъ ея образуетъ осмисторонній тамбуръ, пробитый столькими же, той же архитектуры, окнами. И уже сверхъ этого тамбура, очевидно надъ пробитымъ сводомъ, высится сказанный выше минаретъ, ничего общаго не имѣющій съ башнею и очевидно наставленный на нее, по указанію нужды смѣлою, но не умѣлою, рукою. Выступаемъ за линію западной стѣны башни, и вдругъ видимъ великолѣпную перспективу высокой трехъ ярусной стѣны, состоящей изъ однихъ колоннъ, арокъ и карнизовъ, стройную и изящную до того, что безъ преувеличенія — можно заглядѣться. Это западный фасадъ Великой церкви. На другомъ концѣ его стоитъ точно такая же башня, только не обезображенная минаретомъ [1]). Не ожидалъ я отъ Охриды такого изящнаго памятника древняго искусства. Но, съ болью въ душѣ долженъ прибавить, что на

---

[1]) За то, изъ стѣны его выросло цѣлое дерево, придающее не мало живописности общей картинѣ.

такомъ прекрасномъ зданіи лежитъ печать полнаго разрушенія. Нижній рядъ широкихъ арокъ, раздѣляемыхъ колоннами, почти весь засыпанъ землею. Три широкихъ карниза, опоясывающіе фасадъ на разныхъ высотахъ, тоже крѣпко повреждены. Особенно жаль верхняго карниза. Онъ состоитъ изъ кирпичнаго узора, напоминающаго церковь Св. Николая въ Вароссѣ. По узору этому идетъ во всю длину фасада, изъ тѣхъ же кирпичей составленная, надпись, доставившая мнѣ сколько радости, столько же и разочарованія. Она во первыхъ греческая, во вторыхъ стихотворная, а въ третьихъ съ хронологіей 1317 года! Въ полнотѣ своей она составляла четырестишіе, слѣдующее самому обычному у византійскихъ стихотворовъ метру — если только дѣло стòитъ этого имени, — нанизкѣ 12-ти слоговъ на строчку, безъ всякаго отношенія ко длинѣ и высотѣ ихъ; послѣдніе два стиха сохранились вполнѣ. Изъ перваго уцѣлѣло десятка полтора начальныхъ буквъ, отъ втораго остались три конечныя буквы. Поврежденіе оказывается, такимъ образомъ вслѣдъ за началомъ надписи. По счастію уцѣлѣло то, чтò есть самого дорогаго въ надписи, — имя автора надписи, и несомнѣнно — ктитора церкви, *Григорія*, и годъ, въ который тò и другое совершено. Послѣдній совершенно отчетливо читается Ϛωκε т. е. 6825 отъ сотворенія міра, или 1317-й отъ Р. Х. Чтò можно разобрать и прочесть, содержитъ въ себѣ слѣдующее:... *Григорій... скинію воздвигши, богописанному закону народы Мисовъ обучаетъ всемудро. Года 6825* [1]). Вторично, такимъ образомъ мы встрѣчаемся съ именемъ *Григорія*, въ

---

[1]) Сообщая въ точной копіи разобранную часть надписи, мы предоставляемъ знатокамъ дѣло самимъ угадать, какое слово предшествовало имени Григорія. Оно могло состоять только изъ 7 буквъ, изъ коихъ первыя двѣ суть TI, а послѣдніе двѣ HΣ. Третія буква, судя по характеру письма, можетъ быть только или O или Θ или Σ. Никакого подходящаго къ этому требованію слова греческаго однакоже не оказывается. Останавливаемся на существительномъ имени TIΘHNOΣ — питатель, воспитатель, попечитель, изъ котораго поэтъ могъ сдѣлать TIΘHNHΣ, ради пущей важности, какъ говорится у насъ.

обоихъ случаяхъ ктитора церкви. Время, протекшее между тѣмъ и другимъ (48 лѣтъ) слишкомъ велико для того, что видѣть въ нихъ одно и тоже лицо. По той же причинѣ не можетъ быть этотъ Григорій и Архіепископомъ Первой Юстиніаны, при которомъ выстроенъ придѣлъ къ церкви Богородицѣ Перивлепты. Да и вообще въ надписи не говорится прямо, что онъ былъ архіерей, хотя гадать о семъ можно. Но, кто бы ни былъ этотъ ктиторъ Григорій, XIV-й вѣкъ, въ которомъ онъ жилъ, ставитъ насъ въ немалое затрудненіе. Мы уже встрѣтились съ утвержденіемъ (Oriens Christianus t. II. pag. 291), что нижній храмъ въ Охридѣ Св. Софіи выстроенъ Архіепископомъ *Львомъ*, жившимъ по меньшей мѣрѣ лѣтъ за 100 до Григорія. Предположить, что каждый изъ нихъ выстроилъ по церкви одного и того же имени, или что выстроенная первымъ развалилась, а на ея мѣстѣ воздвигнута вторымъ другая, или что—наконецъ—выдаваемая теперь за Св. Софію, не есть этого имени, не позволяетъ историческая совѣсть. Что бы тамъ ни было, но очевидно, что о *Славянской* Св. Софіи тутъ не можетъ быть и рѣчи, и что все, съ чѣмъ мы встрѣтимся въ храмѣ, окажется продуктомъ греческаго генія. Хорошо и то, была бы лишь пожива археологическая. Скопировавъ надпись, я сдѣлалъ на память слабый очеркъ великолѣпнаго портала церкви съ противоположной стороны улицы, въ древности вѣроятно бывшей площадью, съ которой конечно и входили въ храмъ. Теперь ничего, похожаго на входную дверь, не оказывается. Конечно, онъ былъ устроенъ въ нижней галлереѣ портала въ одной изъ седми арокъ его, теперь то закладенныхъ камнями, то засыпанныхъ землею. А еще вѣроятнѣе, всѣ арки были открыты и служили однимъ крыльцомъ церковнымъ.

Святилище обращено въ мечеть — съ какихъ временъ? оно одно только знаетъ. Чтобы попасть въ теперешнюю мечеть, нужно войти со двора, примыкающаго къ зданію съ сѣверной стороны. Дворъ поросъ травою, и совершенно пустъ. При первомъ взглядѣ на совокуп-

ность всей постройки, сейчасъ же послѣдовала разгадка ктиторской путаницы. Оказываются два зданія, пристроенныя одно къ другому подъ прямымъ угломъ, различной архитектуры и разнаго времени. Порталъ новѣе и изящнѣе, самая же церковь съ перваго раза обѣщаетъ быть копіею никейской Св. Софіи, о которой я уже упомянулъ мимоходомъ. Такимъ образомъ ясно, что у одной части цѣлаго былъ одинъ, у другой — другой ктиторъ. Вдоль сѣверной стѣны церкви тянется галлерея самой простой постройки, изъ которой и входятъ въ храмъ дверьми, повидимому послѣ пробитыми. Вступивъ во внутренность бывшей церкви, я испыталъ предчувствованное и ожиданное разочарованіе. Впечатлѣніе было не только печальное, но какъ будто ужасное. Цѣлое представляетъ изъ себя длинный подвалъ, накрытый полуцилиндрическимъ сводомъ, утверждающимся на толстыхъ стѣнахъ съ широкими, неравныхъ размѣровъ пролетами, выводящими въ боковыя галлереи, узкія и темныя. Почти весь свѣтъ идетъ въ храмъ изъ трехъ оконъ бывшаго алтаря, по магометанскому обычаю ничѣмъ не отгороженнаго. Ни малѣйшаго нигдѣ украшенія! И по стѣнамъ и по своду простая штукатурка, пожелтѣвшая отъ времени, съ чорными пятнами и грязными потёками, потрескавшаяся, облупившаяся, отдувшаяся, и— ничего болѣе. Вообще, видъ цѣлаго самый безотрадный. Сырость и затхлый запахъ съ пылью и висящею паутиною довершаютъ тяжесть подавляющаго чувства. Поспѣшно взявъ размѣры зданія шагами, какъ бы ненамѣренно дѣлаемыми, мы заглянули уже въ совершенно темный притворъ, изъ котораго тоже по темной лѣстницѣ поднялись вверхъ на галлерею портала, сообщающуюся съ церковію тройнымъ окномъ и выходящую на улицу открытой колоннадой. Если внутри церкви царствуетъ запустѣніе, то здѣсь уже прямое разрушеніе. Но, что̀ было поистинѣ неожиданностью, такъ это — уцѣлѣвшая на стѣнѣ, по обѣимъ сторонамъ окна, открытаго въ церковь, иконопись, едва различаемая изъ подъ пыли и грязи, и, разумѣется, насколько можно,

искаженная изувѣрствомъ магометанскимъ. Надписи у изображеній всѣ славянскія, въ родѣ слѣдующей: Фараонъ же сказа Іѡсифѹ сновидѣние. Іѡсифъ же... Зная, что эти произведенія Славянской кисти не относятся къ глубокой древности, я не занялся подробнымъ разсмотрѣніемъ ихъ. Да и мѣшалъ дѣлу сквозной вѣтеръ, пронизывавшій потную спину. Мы заглянули въ минаретную башню. Никому не пришло охоты подняться вверхъ на минаретъ, чтобы оттуда полюбоваться панорамой города и великаго озера. Только, смотря на ведущую въ него лѣстницу, усердно пожелали ему... нѣтъ, не упасть немедленно (по уходѣ нашемъ), а напротивъ стоять и держаться прямо до—*скончанія языкъ*, охраняя христіанскій памятникъ отъ конечнаго раззоренія. Что дѣлать? Живя на Востокѣ, иногда вынужденъ бываешь желать того, о чемъ противно и подумать на Сѣверѣ, — долголѣтія Магомету!

Вышедши опять на зеленѣющій дворъ мечети и смотря на зданія церковныя съ разныхъ точекъ, я съ большимъ противъ прежняго запасомъ смѣлости рѣшилъ, что Архіепископъ *Левъ*, согласно съ тѣмъ, что о немъ говорится, дѣйствительно могъ выстроить осмотрѣнную нами Софійскую церковь, а *Григорій* — кто бы онъ ни былъ — пристроить къ ней черезъ нѣсколько вѣковъ портикъ, затмившій ее своимъ величіемъ и изяществомъ. Говоримъ: „нѣсколько" вѣковъ, а могли бы и прямо сказать: „много". Стиль церкви напоминаетъ древнюю базилику римскую, предшествовавшую вычурной фантазіи византійской, надѣлившей церковную архитектуру куполами, арками, карнизами. — Связываетъ насъ на этомъ пути предположеній имя *Льва*. Что съ нимъ дѣлать? Уже изъ житія Св. Климента [1]) видно, что въ его время существовала въ городѣ большая Соборная (Καθολική) церковь, далеко превосходившая обширностію построенныя Климентомъ церкви, но уступавшая имъ въ красотѣ. Кажется, нельзя сомнѣваться, что дѣло

---

[1]) Напечатаннаго отдѣльною брошуркою.

идетъ о теперешней церкви—мечети Св. Софіи. Эту церковь не могъ строить Левъ, жившій не только послѣ Климента, но и послѣ писателя житія его, Θеофилакта (1050—1070 г.) Архіепископа Болгарскаго, который вѣрно бы не преминулъ при этомъ сказать слово и о вновь построенной въ Охридѣ Софійской церкви. Надобно разобрать свидѣтельство о Львѣ — ктиторѣ нижней церкви Св. Софіи. Извѣстіе объ этомъ сообщаетъ Oriens Christianus (t. II. p. 291), слѣдовательно авторитетъ, показаній котораго нельзя оставить безъ вниманія. Многоученый авторъ этого, единственнаго въ своемъ родѣ, творенія предъявляетъ отдѣльные списки архіереевъ Лихнидскихъ и Архіепископовъ Болгарскихъ (Ахридскихъ и Первой Юстиніаны — тоже). Въ послѣднемъ спискѣ онъ руководствовался, какъ самъ говоритъ, найденною имъ in Codice Regio № 1004, древнею греческою замѣткою объ Архіепископахъ Болгаріи, которую онъ называетъ: Index [1]), содержащею при каждомъ имени и нѣкоторыя свѣдѣнія о лицахъ. Изъ нея-то мы и освѣдомляемся, что 3-й въ ряду Архіепископовъ *Левъ* выстроилъ въ Охридѣ нижнюю церковь Св. Софіи. Кто авторъ Index'а, когда жилъ, гдѣ собиралъ, или могъ собрать свѣдѣнія, и какимъ довѣріемъ можетъ пользоваться, не сказано. Намъ же кажется, достаточно прочитать въ немъ 5—6 строкъ, чтобы убѣдиться, что тутъ скорѣе сшивокъ, чѣмъ списокъ, надлежащимъ образомъ составленный, имѣется передъ глазами [2]). Такъ напр. первымъ въ ряду *Болгарскихъ Архіепископовъ*,

---

[1]) Ее напечаталъ въ своемъ сочиненіи: Familiae Byzantinae Дюканжъ, откуда мы и списали ее для себя.

[2]) Вотъ списокъ всѣхъ 15 Архіепископовъ Болгарскихъ, занесенныхъ въ Index. 1, *Протогенъ*, архіепископъ (?) Сардикійскій. 2, *Меθодій*. 3, *Гораздъ* или *Конрадъ*. 4, *Климентъ* Тиверіопольскій. 5, *Даміанъ* — Доростольскій. 6, *Германъ* или *Гавріилъ*, бывшій (прежде?) въ Воденѣ и Преспѣ. 7, *Филиппъ* — въ Лихнидѣ (ж. род.) называемой теперь Ахридой. 8, *Іоаннъ*—и этотъ въ Лихнидѣ. 9, *Левъ*, первый изъ грековъ, (бывшій) дѣлохранитель Великой церкви, построившій нижнюю церковь во имя Св. Софіи. 10, *Θеодулъ*

указывается въ немъ *Протогенъ,* присутствовавшій на Первомъ Вселенскомъ Соборѣ въ Никеѣ и подписавшійся подъ актами Епископомъ *Сардикійскимъ.* Съ такимъ отдаленнымъ началомъ Болгарской церкви можно бы поздравить всѣхъ „родолюбцевъ" и весь Славянскій міръ, но какъ рѣшиться повѣрить, что въ началѣ IV столѣтія существовала уже „Болгарія"? Слѣдующій за нимъ указывается *Меѳодій* (братъ Кирилла), святительствовавшій въ Панноніи, а не въ Болгаріи, и отдѣляемый отъ предшественника пятью столѣтіями! Третьимъ втиснутъ *Даміанъ Доростольскій,* которому Краль Симеонъ досталъ въ Византіи титулъ Патріаршій. Четвертый есть нашъ *Св. Климентъ.* Между нимъ и 13-мъ Ѳеофилактомъ Index помѣщаетъ цѣлыхъ 8 Архіепископовъ, преемствовавшихъ другъ другу, тогда какъ сей послѣдній въ своемъ житіи Св. Климента называетъ себя ученикомъ его. Изъ этихъ-то восьми и строили одинъ нижнюю, а другой — верхнюю церковь въ Охридѣ. Видно, что составитель замѣтки задался мыслію перечесть всѣхъ, извѣстныхъ ему, архіереевъ, жившихъ въ предѣлахъ Болгаріи. Включительно до семи всѣ они и являются потому у него съ разными епархіальными именованіями. 7-й и 8-й зовутся *Лихнидскими* и *Ахридскими* [1]). И только съ 9-го, именно нашего *Льва* ктитора, начинается уже прямой рядъ „Архіепископовъ Болгарскихъ", т. е., какъ и полагается вообще, что съ разрушеніемъ царства Болгарскаго, (втораго), пришло въ голову побѣдителю (императору Василію Болгаробойцѣ) мысль учредить самостоятельную Болгарскую Архіепископію [2]), воспользовавшись историческими правами на то Первой

(у Дюканжа *Ѳеодоръ*), построившій верхнюю великую (?) церковь. 11, *Іоаннъ.* 12, *Іоаннъ.* 13, *Ѳеофилактъ.* 14, *Левъ Дунгъ*—изъ Евреевъ. 15, *Михаилъ-Максимъ* скопецъ.

[1]) *Анна Комнина* (Алексіада. Кн. XIII) приписываетъ переименованіе Лихнида (озера) въ Ахриду «варварамъ», т. е. конечно въ этомъ случаѣ не кому другому, какъ Болгарамъ, хотя не прочь бы сдѣлать это и Албанцы.

[2]) Какъ ни страннымъ можетъ казаться, что объединяющій имперію императоръ

Юстиніаны. Послѣ всего вышесказаннаго можно бы заключить, что и свидѣтельство Индекса о Львѣ, относящееся къ нашему предмету, можетъ быть принимаемо еще съ знакомъ вопроса. Ктиторомъ церкви точно могъ быть Левъ (такъ какъ объ этомъ вѣроятно существовало въ церкви живое преданіе), но другой какой нибудь, гораздо древнѣйшій указываемаго замѣткою, котораго имя не занесено въ исторію. Если бы можно было доказать, что Охрида занимаетъ мѣсто древняго Лихнида, то самое естественное заключеніе, что такой древній епископальный городъ не могъ обходиться безъ церквей и дожидаться XI вѣка, чтобы Архіепископъ Левъ выстроилъ въ немъ каѳедральную церковь. Для насъ достаточно того факта, что въ началѣ X вѣка существовала уже въ Охридѣ „Великая" церковь, и мѣсто, значитъ, было старожитное. Упомянутые камни съ древними надписями могли быть найдены тутъ на мѣстѣ, могли быть и принесены отъ инуда. Но вотъ несомнѣнный признакъ, что Охрида жила политическою жизнію въ началѣ VII вѣка. Обходя еще разъ притворъ церкви, я увидѣлъ вдѣланный въ стѣну камень съ латинскою трехстрочною надписью, гласящею: *Господину нашему Ера(клію) Констан(тину), Благороднѣйшему цезарю* [1]. Какъ и за чѣмъ оказалась тутъ подобная, можно сказать — совсѣмъ неожиданная, посвятительная надпись? Что могъ сдѣлать здѣсь *Ираклій-Константинъ* такаго, чтобы заслужить признатель-

---

допускаетъ самъ нѣкотораго рода выдѣленіе изъ цѣлаго значительной части, положимъ, не существенное, а какъ бы только номинальное, но фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ извѣстномъ Аѳинскомъ изданіи Соборныхъ правилъ и другихъ Церковныхъ законовъ (томъ V. стр. 268) напечатанъ *Сигилліонъ* императора Василія II о введеніи въ санъ Архіепископа Болгаріи «благоговѣйнѣйшаго монаха» *Іоанна*, поводомъ къ чему было то, что «Римская власть получила приращеніе, подчинивши Вулгарскую подъ одно ярмо».

[1]) Domino nostro Era(clio) Constan(tino), nob(ilissimo) caesari. Посвященіе должно предварять собою 638-й годъ, въ который Ираклій-Константинъ объявленъ императоромъ-соправителемъ.

ную память у жителей? Онъ вообще не оставилъ по себѣ никакаго слѣда въ исторіи, не имѣя къ тому ни времени ни случая, закрываемый широкою и славною личностію отца. Остается предположить, что, за неимѣніемъ другаго чего, строилъ здѣсь эту самую Св. Софію. Тогда можетъ быть жилъ и епископъ города Левъ.

На прощанье съ замѣчательнымъ памятникомъ христіанской древности, нельзя было не пожелать (какъ это было и въ Солунской Св. Софіи), чтобы архитекторы наши воспроизвели гдѣ нибудь на безконечномъ пространствѣ родной земли порталъ Охридской Св. Софіи. Дѣло стòитъ того. Если открытая галлерея не совсѣмъ по климату нашему, то вѣдь и четырехколонные портики, столь часто некстати являющіеся у храмовъ нашихъ, выставляются открыто на морозъ, не доставляя никому ни защиты ни удовольствія! Казенный фронтонъ, казенный архитравъ, увѣнчанный карнизомъ „съ сухарями", казенные цвѣта бѣлый съ желтымъ, казенная, ежегодно облупающаяся, штукатурка... и все вмѣстѣ, приставленное къ какой нибудь выпятившейся полукругомъ стѣнѣ — вотъ наши порталы! Не лучше ли бы было поискать для нихъ образцовъ тамъ, откуда мы научились мало-мало архитектурить въ періодъ крещенія нашего въ вѣрѣ и искусствѣ? Развѣ—мы поджидаемъ того счастливаго момента, когда всѣ *Святыя Софіи*—мечети возвратятся своему первоначальному назначенію, и тогда мы уже заразъ изучимъ всѣ ихъ, и начнемъ перенимать ихъ античныя красоты, осуществляя въ своихъ будущихъ соборахъ своихъ будущихъ городовъ?... Да будетъ и такъ! Только къ ожиданіямъ надобно прибавить и молитвъ немножко, да и еще кое-чего... По дорогѣ мы зашли въ бывшій дворецъ паши, изъ залъ котораго полюбовались видомъ на свѣтлое, безграничное по прямому направленію, озеро. Самъ дворецъ очень не завиденъ, и могъ бы совершенно безобидно называться простымъ ханомъ. Зная лѣнивый ходъ восточной жизни, вращающейся между Машъ-аллахъ и Аллахъ-керимъ, можно

бы думать, что Охридскій Серай есть преемникъ не только по власти, но и по мѣсту нахожденія, старой правительственной резиденціи, и самого Краля Самуила, тутъ можетъ быть сидѣвшаго и возбуждавшагося видомъ широкой воды къ походамъ на синее море... Но, некогда мечтать. Спутники торопятся идти далѣе. На широкомъ зеленѣющемъ дворѣ конака̀ мнѣ указали и древность въ видѣ большаго кубическаго камня, предназначеннаго какъ бы служить пьедесталомъ какой нибудь статуѣ. Основаніе его врыто въ землю; и есть полная вѣроятность думать, что камень отъ временъ постановки его тутъ находится недвижимо на своемъ мѣстѣ. На лицевой сторонѣ его читается греческая четырехстрочная надпись, передающая дальнѣйшимъ родамъ потомковъ, что нѣкая *Артемидора при жизни себѣ и* (своему) *мужу Никанору и...* [1]) еще кому-то, чье имя (женское) не сохранилось, поставила этотъ памятникъ. Исторія, такимъ образомъ, обогащается двумя именами, до которыхъ ни кому нѣтъ дѣла. А сколько нужныхъ и дорогихъ именъ и дѣлъ, славныхъ для Охриды, изъ древняго періода ея пропали безслѣдно! Такъ напр. за 14 безъ малаго вѣковъ передъ этимъ произошло тутъ блестящее военное дѣло, о которомъ ни одинъ Охридецъ конечно ничего не знаетъ, потому что ничего не слыхалъ. Тогдашняго времени нѣмцы (Готѳы) подъ предводительствомъ *Ѳеодериха* и брата его *Ѳеодимунда* сдѣлали нападеніе на этотъ отдаленный край имперіи и осадили Охриду (т. е. конечно еще подъ именемъ Лихнида). Но храбрые горожане такой дали отпоръ подъ стѣнами своего города не званымъ гостямъ, что они спасая спасали свою душу бѣгствомъ, и уже больше не показывались. Побѣдителямъ достались въ руки 5,000 человѣкъ плѣнными и 2,000 повозокъ. Героемъ дня былъ полководецъ *Сабиніанъ* [2]). Вотъ бы кого,

---

[1]) Ἀρτεμιδώρα ζῶσα ἑαυτῆς καὶ τοῦ ἀνδρὸς Νεικάνορος καὶ τῆς...

[2]) ***Мальха***, Исторія. Стр. 250—251. Бон. Изд.

вмѣсто Артемидоры съ ея мужемъ Никаноромъ, записать Охридѣ на вѣчную память потомства, поименовавши и всѣхъ, кто отличился въ дѣлѣ, прописавъ и случай и поводъ къ нему, и время событія и послѣдствія его, и пр.

Спускаемся, и выходимъ на озеро. На самомъ берегу его видится совершено одиноко малая, но весьма изящная, церковь въ чистомъ Византійскомъ стилѣ съ высокимъ куполомъ и трехгранной алтарной абсидой, пробитой окнами. Мнѣ назвали ее *Богословомъ*, т. е. посвященною Св. Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову. Наружность ея остается почти не тронутою, какъ вышла изъ рукъ архитектора, но внутренность вся забѣлена известію, исключая куполъ, въ которомъ видны въ междуоконныхъ простѣнкахъ изображенія пророковъ сравнительно хорошаго письма, на самомъ же сводѣ купола изображены Ангелы, а въ центрѣ его, по древнему обычаю Востока, видится поясное изображеніе „Вседержителя", т. е. Іисуса Христа, въ размѣрахъ, бóльшихъ естественной величины. Такъ какъ въ сіяніи кругомъ главы Его нѣтъ извѣстныхъ буквъ ὁ ὢν, то время расписанія церкви можно выносить въ XIII, и много XIV-й вѣкъ. Какихъ либо ктиторскихъ или иныхъ историческихъ замѣтокъ въ церкви мы не отыскали. Для кого или на что она выстроена на скалистомъ берегу у самаго озера, угадать трудно. Мѣсто никогда не могло быть пристанью городскою. Признаковъ бывшаго тутъ когда нибудь монастыря никакихъ въ окрестности нѣтъ. Нѣсколько Архіереевъ Охридскихъ носили имя *Іоанна*. Очень можетъ быть, что который нибудь изъ нихъ праздновалъ тезоименному Евангелисту, такъ умилительно описавшему свое приснопамятное рыболовство на морѣ Тиверіадскомъ, и подъ вліяніемъ представленій евангельскаго событія выстроилъ тутъ храмъ рыбарю-богословцу тоже на озерѣ, широкомъ, какъ море, и тоже „при брезѣ". Можно-бы дополнить это предположеніе, принявши за вѣрное, что тутъ рыбаки стараго времени сушили, починяли, забрасывали и опо-

ражнивали свои мрежи, и что въ числѣ ихъ былъ и нѣкто *Іоаннъ*, которому всякій разъ приходила на мысль плѣняющая своею простотою и тишиною и несказанною благодатію, утренняя встрѣча Евангельская, описанная Богословомъ. Кто-то съ берега опрашиваетъ рыбарей: *„Дѣти! еда что снѣдно имате? отвѣщаша ему: ни,“* т. е. за всю ночь не наловили ничего. Имъ указывается способъ, ка́къ наловить. Дѣлаютъ, и... нечувствуютъ себя отъ радости! *Господь есть!* спѣшитъ объявить Петру Іоаннъ. Замѣчательное сердечнымъ прозрѣніемъ обстоятельство! послѣдовавшія за тѣмъ рѣшительность и вѣра Петровы какъ бы ставятъ въ тѣнь Іоанна съ его чуткимъ сердцемъ. Петръ видимо становится первою личностію на богоустроенномъ учительномъ зрѣлищѣ. Ничто, конечно, какъ это, добытое его вѣрою и справедливо заслуженное „преимѣніе“ (какъ переводятъ наши богослужебныя книги греческое слово: ὑπεροχή), временное въ обществѣ будущихъ „ловцовъ человѣковъ“, можетъ быть въ избыткѣ высказанное имъ передъ Господомъ, и побудило Учителя (да проститъ намъ наше слово Первоверховный Апостолъ!) такъ сказать озадачить ученика. *Симоне Іонинъ! любиши ли мя паче сихъ?* услышалъ онъ, по всей вѣроятности совсѣмъ неожиданно и не приготовленно. Кого: *сихъ?* нѣтъ сомнѣнія, что, прежде всего, — Іоанна, который какъ будто остался обиженнымъ въ многознаменательной исторіи этой... Достаточно какому нибудь бывшему рыбаку, достигшему степени Архіепископа, разъ и два и три перевести въ мысли случившееся *на мори Тиверіадстѣмъ*, чтобы захотѣть ублажить на время какъ бы забытаго ученика, *его же любляше Іисусъ*, почтивъ его глубочайшее смиреніе и тишайшую преданность Господу, прекраснымъ, какъ его душа, храмомъ. Что это было именно такъ, никто конечно не поручится, но что оно могло быть такъ, и ручаться не нужно. Но, если a posse ad esse consequentia non valet, то ab esse ad debere — ей полное мѣсто. Вѣдь данъ же разъ урокъ всемірнаго значенія Святому Апостолу не брать на се-

бя заботы о всемъ мірѣ. Добрый, и отъ сердечной любви конечно исходившій, вопросъ его: *сей-же что?* не нашелъ одобренія у Божественнаго Учителя. Исключительное представительство въ царствѣ Божіемъ, столько свойственное царствамъ человѣческимъ, оказалось такимъ образомъ непригоднымъ и неподходящимъ къ строю и уложенію высшаго жительства. „Пусть ты дѣйствительно любишь меня паче сихъ, пусть упасешь добре моихъ овецъ и агнцевъ и умрешь за меня, пусть ты подвигомъ своей вѣры заслужилъ того, что теперь идешь вмѣстѣ со мною, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы у меня, кромѣ тебя никого уже и не было другаго, и чтобы вмѣсто меня уже ты заботился о другихъ". Какъ бы такъ говорилъ Господь паче другихъ ревностному ученику, давая знать, что тотъ, кто шелъ поодаль, былъ столькоже, если не болѣе, въ сердцѣ у Него, сколько и бесѣдовавшій съ Нимъ. Эти краткіе вопросъ и отвѣтъ: *сей же что?* и *что къ тебѣ?* слѣдуетъ церкви Христовой написать на всѣхъ своихъ входахъ и выходахъ. Не простой, бездѣльный намекъ въ словахъ моихъ. Простирая взоръ свой отъ церкви Богослова на далекій западный берегъ озера и на кроющуюся за нимъ *Албанію*, я какъ бы вижу тамъ носящимся въ воздухѣ это *сей же что?* Вмѣсто того, чтобы изъ за моря благословлять не большое вліяніе, оказываемое на дикихъ албанцевъ мѣстною православною церковью, воображающій себя преемникомъ Апостола Петра, самозванный всемірный попечитель, шлетъ неустанно легіоны своихъ ангеловъ въ Албанію мѣшать дѣлу христіанства. Что наталкиваетъ его на такое противоевангельское дѣло? Развитое Латинствомъ знамя съ словами: *сей же что*. Римскій епископъ, пришившій себя къ памяти Апостола Петра, забывъ и благостную, истинно божественную, укоризну Учителя ученику и оскорбленіе послѣдняго, восчувствовавшаго справедливый упрекъ, держитъ въ умѣ только Петрово спутствованіе Христу. „Сей же что" стало для него уже не только словомъ заботы, а какъ бы заявленіемъ долга или

даже права. Цѣлые вѣка папство втирается во всѣ диры Востока, не давая покоя ни другимъ ни себѣ, и все гоняясь за евангельскимъ: *симъ*. Уже не кроткія божественныя уста тихо вѣщаютъ ему: *что къ тебѣ? Ты по мнѣ гряди*. Оглушительный громъ брани и поголовное толченіе совокупленныхъ овецъ и агнцевъ противъ пастыря говорятъ ему: позаботься о себѣ, выполняй приказъ владычній: *по мнѣ гряди*, и оставь другихъ въ покоѣ—нѣтъ, все напрасно! Vicarius Dei in terris стоитъ на своемъ, будучи убѣжденъ, что ему до всего есть дѣло, а до Востока и подавно. *Сей* не сходитъ у него съ языка, а и того хуже, остается на языкѣ, не проходя черезъ горнило мысли, и не разрѣшая загадочнаго: *что*. Чѣмъ объяснить такое извращенное сужденіе у людей, которые воображаютъ себя бесѣдующими со Христомъ? Тѣмъ, что они уже давно-давно не *грядутъ по немъ*. Читатель проститъ мнѣ это отступленіе отъ дѣла; кто знаетъ, что дѣльнѣе въ этомъ хаосѣ дѣлъ, продѣлокъ, бездѣлицъ и прямаго бездѣльничества, который зовется Востокомъ? Да не подумаетъ онъ, что есть на Востокѣ хотя одна пядь земли, освященная Вѣрою Христовою, куда бы не были устремлены непрошенные взоры пресловутой Куріи Римской. Отчего пала автокефальность Охридскаго Престола? Оттого, что „Великая церковь“ убѣдилась въ совершенномъ безсиліи пустоименнаго „Архіепископа Первой Юстиніаны и всей Болгаріи“ отразить отъ ограды Церковной обступившихъ ее волковъ, неустанно насылаемыхъ на страну Римомъ. Такъ по крайней мѣрѣ говорилось и вѣрилось въ то время, какъ 15 января 1767 года Патріархъ Вселенскій *Самуилъ* съ находящимся при немъ Синодомъ, *на основаніи Императорскаго указа* (Неары) *Султана Мустафы*, [1]) Самостоятельныя Архіепископіи *Пекійскую и Ахрид-*

---

[1]) Ученые софисты Великой Церкви, гдѣ имъ выгодно, ссылаются на приказы Императорскіе, которыми то или другое нововведеніе въ Церковномъ управленіи утверждалось и получало силу закона, а гдѣ не выгодно, тамъ считаютъ неканоническое вмѣшательство

скую присоединилъ къ константинопольскому патріархату — на общемъ положеніи митрополій Вселенскаго престола. По присоединеніи, на сколько центральная власть церковная старалась противодѣйствовать здѣсь пропагандѣ, мы не имѣемъ свѣдѣній. Думаемъ, что не больше, чѣмъ и самъ Султанъ Мустафа. Оттого латинство тутъ не только не сократилось, но развилось и усилилось въ послѣдніе сто лѣтъ. Не дремлетъ и теперь, зорко наблюдая за Албанскимъ побережьемъ, око Куріи. Считая дѣло свое такъ сказать уже упроченнымъ въ Албаніи, она заглядываетъ и глубже въ Болгарскій міръ, носясь все съ тѣмъ же отреченнымъ вопросомъ: *сей же что?* Отвѣтимъ ей: *сей* пока — *ничто*, но надѣемся, отселѣ и впредь Риму уже не будетъ случая похвалить-

---

гражданской власти въ дѣла церкви необязательнымъ для сей послѣдней. Такъ они, при всемъ пресмыкательствѣ передъ Высокимъ Девлетомъ, осмѣлились недавно назвать незаконною организацію Болгарской церкви въ видѣ *экзархата*, утвержденную Султаномъ, а между тѣмъ забыли, что въ 1767 году такіе же софисты, приступая къ упраздненію славянскихъ самостоятельныхъ Архіепископій, закрылись при этомъ указомъ Государя, да еще какого? невѣрнаго, Султана Мустафы! Вотъ какъ начинался Синодальный Актъ, положившій конецъ Архіепископіямъ: «Истинно и законно царствующимъ *дано* законополагать и властвовать неарами. Одинъ изъ *таковыхъ* есть и нынѣшній державнѣйшій и благочестивѣйшій (!) побѣдитель и трофееносецъ, царь и владыка нашъ, султанъ Мустафа»... И такъ на основаніи придуманной софистами *Неары* или *Гати-Шерифа* благочестивѣйшаго Мустафы «по внушенію въ сердце его свыше», и приступлено было къ дѣлу, доставившему «много славы и прибыли Вселенскому престолу».. На что не способно лукавство въ союзѣ съ фразеоманіей! Оффиціально не сказано въ Синодальномъ Актѣ ничего объ опасностяхъ православію отъ Латинства въ предѣлахъ Архіепископій. А вмѣсто того приводится какое-то денежное, не очень чистое, дѣло, по которому Архіепископы обвиняли Патріарха въ растратѣ принадлежащихъ ихъ каѳедрамъ доходовъ: вслѣдствіе чего наряжена была судебная коммисія, которая, конечно, признала взводимое обвиненіе клеветою, допустила епископовъ Архіепископскихъ округовъ просить патріарха принять ихъ въ непосредственную зависимость отъ Вселенскаго престола, или, какъ увѣряютъ новѣйшія изслѣдованія, даже самаго *Арсенія* Охридскаго просить о томъ Великую Церковь! но и это не было истиннымъ мотивомъ акта 1767 года. Авторъ *Исторіи Греческаго возстанія 1821 г.* Іоаннъ Филимонъ указалъ безъ обиняковъ на настоящую причину его — Великую идею. *Зам.* 1876 г.

ся, что цѣлыхъ трое Ахридскихъ архiрея (какiе-то *Порфирiй, Аѳанасiй* и *Авраамiй*), прибывши въ Римъ, вошли въ общенiи съ „Апостольскимъ сѣдалищемъ“ (Oriens Chr. t. 11. p. 300). Апостольскихъ сѣдалищъ и безъ Рима не мало на Востокѣ. Если упомянутые перевертни и взыскали дѣйствительно общенiя съ Римомъ, то думали при этомъ именно только о „сѣдалищѣ“, т. е. спокойномъ мѣстѣ, а вовсе не объ Апостолѣ и ни о чемъ Апостольскомъ, какъ и проговорился самъ Oriens [1]).

Укрываясь отъ полуденнаго зноя, мы посѣтили домъ одного изъ водившихъ насъ по городу. Тутъ же мы встрѣтились съ одною личностiю, надѣлавшею въ послѣднее время не мало шума въ городѣ. Упомянутое выше мимоходомъ „ничто“ раскрылось этою прискорбною исторiей, какъ нельзя болѣе, полно и торжественно. Яснѣе я не могу высказаться, да и нѣтъ нужды. — Такъ вотъ *она*, говорилъ какъ-бы не вѣря своимъ глазамъ, мой спутникъ! Изъ за чего же тутъ вышло столько слова и дѣла? — Я думаю изъ того, что одно стало на мѣстѣ другаго. Дѣлу слѣдовало ограничиться словами, а слову слѣдовало исходить изъ фактовъ. Но — довольно о семъ. Много рѣчей было съ хозяиномъ о дѣлахъ народныхъ и церковныхъ. Имя Владыки (отсутствующаго, подобно Воденскому и Битольскому) продергивалось поминутно, и — признаться — ни разу не окружалось ореоломъ славы его предшественниковъ, — ни Святаго Климента, ни ученаго Ѳеофилакта, ни „мудраго въ словахъ и дивнаго въ разумѣ“ Григорiя, ни — наконецъ — ἀοίνου Iоанна. Еще въ Константинополѣ я слышалъ невѣроятныя исторiи о здѣшней церковной администрацiи. Теперь приш-

---

[1]) Vel ad propria reversi sunt, vel, quibus licuerat, in Italia quiete egerunt. Дѣло впрочемъ остается неяснымъ. Были ли всѣ они Архiепископы, занимавшiе каѳедру одинъ послѣ другаго, или всѣ три были современники, и слѣд. были архiереи разныхъ епархiй, подвѣдомыхъ Архiепископу, а не Архiепископы.

лось услышать подтвержденіе имъ изъ устъ самовидцевъ и даже, такъ сказать, самотерпцевъ. При подобномъ порядкѣ вещей, существующемъ во градѣ (положимъ) Юстиніана, и истекающемъ изъ града Константина, удивительно, что не возникаютъ ежедневно „Деспинскія" исторіи... Случившійся между собесѣдниками священникъ мѣстный утѣшилъ насъ извѣстіемъ, что онъ, не смотря ни на что, вводитъ въ свою церковь славянское богослуженіе, и что питомцы „Кирилло-Меѳодіевой школы" поютъ и читаютъ при томъ малко-добро по нашимъ печатнымъ книгамъ. Заря занимается, значитъ, и волкамъ указывается дорога въ лѣсъ. Такъ и думаютъ въ простотѣ сердца словесныя овцы Охридской паствы. Но, я знаю, совсѣмъ иное убѣжденіе у ихъ пастыря. Греческое духовенство не на шутку думаетъ, что какъ только Болгаре выбьются изъ подъ его власти, такъ и кинутся-кто въ латинство, кто въ протестанство. А между тѣмъ само не способно не только побороть, но и отразить ловкаго пропагандиста, вооруженнаго маломальски логикой и исторіей. Въ числѣ самыхъ сильныхъ возраженій своему противнику у нашихъ апостоловъ непремѣнно фигурируютъ Платонъ и Аристотель, Василій и Златоустъ, греческій подлинникъ новозавѣтныхъ книгъ съ самымъ именемъ *Христа* — греческимъ, цивилизаціонная миссія эллинства, и пр., Люди ни какъ понять не могутъ неумѣстной „аргументаціи отъ эллинства" въ дѣлѣ вѣры. Укажите намъ, столько разъ говорили мнѣ въ самоублаженіи патріоты, когда и гдѣ измѣняли греки православію? Начнешь указывать на Ефесскій „разбойничій" Соборъ, и на иконоборческій „вселенскій" Соборъ (754 и 786 г.), и на флорентинскій Соборъ, и на *Векка*, и на новаго Каири, и на существованіе четырехъ *латинскихъ епархій* на чисто эллинскихъ островахъ Греціи... Ничѣмъ не урезонивается человѣкъ, и распѣваетъ старую пѣсню о Русскомъ расколѣ, о Кукушской Уніи, и пресловутомъ папскомъ „Делегатѣ и Архіепископѣ Болгарскомъ" (Іосифѣ Сокольскомъ), и изъ прежнихъ временъ — о неоднократ-

ныхъ отпаденіяхъ въ латинство кралей Болгарскихъ (а Палеологи?..), даже о давно минувшемъ богомильствѣ, и о самомъ фактѣ потурченія столькихъ Босняковъ и Герцеговинцевъ... Что говорить? Не хорошія все это, конечно, знаменія. Но кто причиной ихъ? тѣже папскія тенденціи „Деспотовъ", укоряющихъ папу въ узкомъ латинствѣ и абсолютизмѣ, то же ослѣпленіе самолюбія, въ которомъ имъ мечтается, что все на свѣтѣ имъ принадлежитъ и для нихъ существуетъ, и безъ ихъ навязчиваго опекунства пропадетъ на вѣки! Фанатизмъ всегда встрѣчается упорствомъ, и въ немъ одномъ наибольшею частію надобно искать поводовъ къ отпаденію людей отъ единства вѣры.

Возвращаясь домой, мы зашли по дорогѣ еще въ одну большую мечеть, выстроенную на мѣстѣ церкви св. Великомученика *Димитрія*. Послѣ св. Софіи, тутъ совсѣмъ нечего было смотрѣть, да и вниманіе было уже не въ мѣру утомлено. Хотѣлось просто походить по городу, такъ сказать, насмотрѣться на него, но палящее солнце и этого не позволяло, а гнало насъ прямо въ ханъ, гдѣ, по вчерашнему, насъ ожидалъ уже богатый, по преимуществу рыбный, столъ. Сидя за нимъ, мы обсуждали вопросъ, какимъ путемъ добраться намъ изъ Охриды до намѣченнаго еще въ Битолѣ пункта, т. е. до города *Янины*, — нынѣшней столицы историческаго Эпира. Кромѣ музы *Кліо*, туда насъ звала и десятая муза — признательность къ нашему любезному и великодушному предводителю каравана, заставлявшая насъ, такъ сказать, отдать визитъ ему. Признаться, забравшись такъ далеко въ Европейскую Турцію, хотѣлось бы уже побывать и въ *Албаніи*, взглянуть на знакомыхъ мнѣ по Греціи *Арванитовъ* въ родной, какъ бы, землѣ ихъ. Но страхъ не давалъ хода этому желанію. — Вѣдь у нихъ каждый мужчина, даже мальчикъ, ходитъ съ ружьемъ. А убить человѣка албанцу легче, чѣмъ закурить трубку, ибо не надо ни набивать табакъ, ни зажигать. Пафъ! и — кончено! — Слушая такой аргументъ ab hor-

ribili, я естественно пячусь отъ запада къ востоку, гдѣ и греки и болгаре, какъ быть должно, — люди, и притомъ люди *свои*, да и турки совсѣмъ не такъ страшны, какъ ихъ малюютъ, по пословицѣ. Въ поощреніе такому рѣшенію, мнѣ обѣщаютъ на дорогѣ въ Янину и безъ того случай насмотрѣться на албанцевъ съ однимъ и даже съ двумя ружьями, да еще и нѣсколькими ножами за поясомъ. Удовольствіе, значитъ, полное! оставалось рѣшить вопросъ о направленіи, какое избрать къ Янинѣ. Есть туда путь, такъ сказать, прямой и краткій по восточному берегу озера на *Кóрицу* и *Кóницу*, но намъ представили его и труднымъ и незнакомымъ. Всѣ предпочитаютъ ему большую товарную дорогу на *Касторію*, бывшую резиденцію Краля Марка, съ 70-ю (еще разъ цифра 70!) древними церквами... очевидно было, что намъ не миновать сей послѣдней дороги. Но, и еще двоились помышленія наши. Прямая дорога на Касторію идетъ пустыми мѣстами и отчасти болотами, въ теперешнее половодье непроходимыми. Суждено было изъ всѣхъ путей выбрать потому самый долгій, околичный, но за то намъ предстояло удовольствіе увидѣть *Пресну*, вторую резиденцію царя Самуила, какъ говорятъ, замѣчательную своими развалинами. Итакъ, не долго думая, рѣшили собираться въ дорогу, ту самую, которою прибыли въ Охриду, въ полной увѣренности, что найдемъ ночлегъ въ Реснѣ. Кстати, лучше присмотримся и къ *Петрино* (Ведрино = Ведерьяна) и къ *Ормани* (Германи), и своимъ личнымъ наблюденіемъ рѣшимъ, истокомъ или потокомъ слѣдуетъ назвать несущуюся съ горы воду, о которой мы упомянули вчера. Кто-то, на прощанье съ Охридой, пожалѣлъ, что пришлось „быть въ Римѣ и не видѣть Папы“, т. е. не увидѣть преемника Блаженнѣйшихъ Архіепископовъ Первой Юстиніаны, и — вдругъ.. отъ копѣечной свѣчки Москва загорѣлась! Всѣ наши планы остались не причемъ. Владыка, намъ сказали, гоститъ въ монастырѣ *Св. Наума*. Нѣтъ ничего легче повидать его, да кстати повидать и древнѣйшій монастырь „Славянскій“, —

мѣсто подвиговъ сверстника и соученика и друга *Св. Климента.* — Еще бы пропустить такой дорогой случай! Доро́ги оказалось всего три часа. Идетъ она ровнымъ берегомъ.. Итакъ оставалось, какъ говорится, поворотить оглобли. Но, ужъ пошло на неожиданности. — Зачѣмъ вамъ трудить себя и ѣхать верхомъ? говоритъ кто-то изъ туземцевъ. Вы переплывете озеро въ лодкѣ, и подплывете къ самому монастырю. — Мысль эта привѣтствована была рукоплесканіями. Прокатиться по всему озеру въ лодкѣ.. да это просто вдохновеніе на кого-то сошло! Такъ сказано было въ заключеніе. — А изъ *Св. Наума* куда же мы отправимся? осмѣлился было я спросить. — Прямо на Преспу, отвѣчали мнѣ, не извольте безпокоиться. Отъ монастыря туда — рукой подать! — Когда такъ, то что лучше? Сказано — сдѣлано. Сейчасъ отданъ былъ приказъ Търпку укладывать вещи и потихоньку отправляться берегомъ на *Свети Наумъ*, а ханьджи поручено было отыскать для насъ благонадежную лодку. Убаюкиваемые безпечальнымъ представленіемъ ожидающаго насъ удовольствія сидѣть или лежать въ тѣни паруса, подъ вѣяніемъ зефировъ, между водой и небомъ, мы, по острословному выраженію спутника, взяли предварительный урокъ такого положенія, короче говоря, прилегли и заснули.

Было 4 часа, когда мы оставили гостепріимный, но не по всѣмъ статьямъ гостепріятный кровъ, уплативши за удовольствіе пробыть въ немъ около сутокъ, 119 піастровъ. Не мало родолюбцевъ собралось провожать насъ до берега. Каикъ договоренъ былъ за 55 піастровъ и рекомендованъ намъ, какъ „первый сортъ“ въ своемъ родѣ. Въ обществѣ нашемъ былъ, надобно замѣтить, спеціалистъ лодочнаго дѣла, имѣвшій на свѣтлыхъ водахъ Босфора свою собственную „варку“, и искусство ставить парусъ и управлять рулемъ знавшій въ совершенствѣ. Спускаясь по тѣсному переулку къ берегу, онъ, такъ сказать, потиралъ уже руки при мысли, что приметъ подъ свою команду Ох-

ридскій *Арго* и понесетъ насъ „прима“ или ловкими „вольтами“ въ новую Колхиду. Не могу передать грустносмѣшнаго разочарованія морехода и отчасти всѣхъ насъ. Лодка, ожидавшая насъ, была такого первобытнаго устройства, что весь запасъ теоріи и практики въ постановкѣ парусовъ и комбинаціи рулевыхъ операцій оказался излишнимъ и совершенно неприложимымъ къ нашему судну. На водѣ покачивалась скорѣе водопойная колода, чѣмъ лодка, съ расширенною срединою и плоскимъ дномъ, напоминавшая мнѣ *баты* моей родины, только въ большихъ размѣрахъ. И двигалась и направлялась и уравновѣшивалась она одними веслами. Сверху поперегъ ея положено было нѣсколько досокъ, далеко выходившихъ концами за предѣлы ея, накрытыхъ коврами и устланныхъ подушками. Мы улеглись на нихъ, какъ могли. — Еслибы я могъ представить такое корыто, я бы поѣхалъ съ Търпкомъ, — ворчалъ мой глубокообиженный сосѣдъ по подушкѣ. Коренастые рыболовы — гребцы взмахнули двухсаженными веслами — лопатами, и мы отдѣлились отъ твердой земли. Прощай тѣнь *Первой Юстиніаны,* не успѣвшей очертиться передо мною ни въ какомъ опредѣленномъ обликѣ. Ея періодъ до — Болгарскій ускользаетъ отъ всякаго историческаго воображенія. Кто были ея Архіепископы отъ Юстиніана В. до—положимъ—Василія II, возстановившаго Архіепископію съ именемъ *Болгарской,* остается (для меня—по крайней мѣрѣ) совершенно неизвѣстнымъ. Мы знаемъ, что долгое время Иллирикъ и Македонія съ Ахаіей (т. е. Греціей) находились въ вѣдомствѣ Римскаго престола, котораго делегатомъ считался Митрополитъ Ѳессалоникскій, и который, какъ видно изъ спора Папы Николая съ Патр. Фотіемъ, не смотря на политическую перемежовку областныхъ границъ имперіи, еще и въ IX вѣкѣ считалъ ихъ своими. Знаемъ въ тоже время, что и престолъ Константинопольскій имѣлъ на нихъ свое притязаніе. Гдѣ же былъ и что дѣлалъ во все это время престолъ Первой Юстиніаны? мнѣ припоминается, что года за три передъ этимъ, эллино-помѣ-

шанный „единъ православный христіанинъ"[1]) въ своей книжкѣ: *Гласъ-тъ на истина-та,* осмѣлился Юстиніановъ указъ объ Архіепископіи Первой Юстиніаны назвать ложнымъ и подметнымъ и утверждать, что Церковь Болгарская никогда не была самоглавною и независимою, что Болгаръ въ этихъ мѣстахъ вовсе нѣтъ, и что говорящіе поболгарски тутъ всѣ греки.. Справедливо наши предки замѣтили, что „языкъ безъ костей, гнется и не ломится". Уломать его можетъ только одна „яже вещей истина". Когда добьются сиромахи, что покажутъ себя народомъ, тогда только угомонится изворотливый софистъ. Но, когда настанетъ этотъ моментъ, вѣроятно другія возникнутъ и будутъ преобладать политико-географическія понятія, и укажутся новые, болѣе и лучше провѣренные, народные центры, и, вѣрно слово, что Охрида ни въ качествѣ *Первой Юстиніаны,* ни въ значеніи резиденціи *Архіепископа Болгарей,* не выплыветъ болѣе на поверхность исторіи, а будетъ также тихо и сонливо отражаться въ лѣтописяхъ минувшаго, какъ теперь рисуется въ своемъ родномъ озерѣ.

Lignido. 3 іюня. Вечеръ.

Tabula, назвавшая озеро этимъ именемъ, знала его видно не по наслышкѣ, хотя и укоротила его длины въ пользу ширины. Ей это можно простить охотно. Вѣнскіе топографы, 14 вѣковъ спустя, ушли отъ нея неболѣе какъ на 14 дней, въ точности чертежа. Самъ Kiepert, по свидѣтельству бывшаго съ нами знатока мѣстъ этихъ, далекъ въ своихъ показаніяхъ отъ дѣйствительности, и оказывается, что картографы вообще имѣютъ нужду въ сообщеніяхъ такихъ, какъ мы, неу-

[1]) Теперешній Митрополитъ острова Хіо, *Григорій,* издавшій въ 1861 г. въ Константинополѣ по Гречески и по Болгарски книжку: Ἡ Φωνὴ τῆς ἀληθείας, съ увѣщаніями Болгарамъ оставаться въ послушаніи Великой церкви.

мѣлыхъ, но досужихъ наблюдателей.. Въ удовольствіи отъ подобнаго комплимента я спѣшу исправить показаніе *Пуквиля*, что вода въ Лихнидскомъ озерѣ такъ чиста и прозрачна, что на глубинѣ 14 брассовъ можно видѣть песчаное дно [1]). Такого обстоятельства мнѣ не удалось провѣрить собственными глазами—можетъ быть ради поздней поры дня, хотя отъ полнаго безвѣтрія вода стояла неподвижно и поверхность озера была гладка, какъ зеркало. Мы держались восточнаго берега озера, плоскаго и некрасиваго. Западный весь былъ открытъ передъ нами, но былъ слишкомъ далекъ отъ насъ, чтобы различать на немъ что нибудь. Да, къ томуже и склонявшееся къ землѣ солнце обливало его такими яркими лучами, что не было возможности ничего видѣть по направленію къ нему. Утромъ, когда я рисовалъ общій видъ озера, надъ западнымъ берегомъ, далеко за первыми возвышенностями, бѣлѣли снѣжные верхи цѣлой кучи горъ. Вѣроятно, это высокій *Томоръ*, по древнему *Тморъ*, за которымъ лежитъ Албанскій *Велеградъ* (по турецки *Beратъ*), словопроизводимый не отъ: *велій*, какъ бы можно было ожидать, а отъ *бѣлый*, что̀, вмѣстѣ съ именемъ другаго города *Альба-ссанъ* и самымъ названіемъ области: *Албанія*, довольно характеристично. Бѣлизна имени впрочемъ мало совпадаетъ съ чернотою характера обитателей этой страны d'eternelle barbarie, по Пуквилю [2]), до которой никакъ не доберется историческая критика, вооруженная лингвистикой и этнографіей. Попытки, весьма недавней даты, нѣкоторыхъ изслѣдователей отыскать въ нынѣшнихъ *Албанцахъ* древнихъ *Пеласговъ* похожи болѣе на игру въ жмурки,

---

[1]) За дорогу мнѣ удалось разжиться этимъ, не отысканнымъ мною въ Константинополѣ, писателемъ. Самое названіе озера *Лихнидскимъ* онъ находитъ соотвѣтствующимъ дѣлу, потому что, по его мнѣнію lychnis значитъ: transparent (Voyage de la Grèce. par F. Pouqueville. t. III. p. 62).

[2]) Ibid. pag. 64.

чѣмъ на серьезное занятіе. Когда-то и кого-то поймаешь съ завязанными глазами! Такъ и оказались въ рукахъ ловящихъ [1]) вмѣсто Албанцевъ—можно ли повѣрить?—*Филистимляне!* уже скорѣе согласишься въ самомъ дѣлѣ дать вѣру славянофильскому словопроизводству *Пеласговъ* отъ *бѣлой зги* или отъ: *Пали-жги,* чѣмъ отыскивать ихъ въ Палестинѣ, и встряхивать удушливую пыль семитизма, изъ которой никто еще не выходилъ, не сдѣлавшись жертвою самыхъ дѣтскихъ иллюзій, основанныхъ на звукоподобіи и звукоизмѣненіи и словокованіи и—почему не прибавить?—словоболтаніи.

Медленно подвигаемся впередъ. Ширь и гладь даютъ просторъ, но не даютъ пищи уму. Всплеснетъ на право или на лѣво рыбка, надѣлавъ съ десятокъ концентрическихъ круговъ на зеркальной поверхности,—наскучившій молчать языкъ спѣшитъ замѣтить: какъ разыгралась!—Совсѣмъ не разыгралась, отвѣчаетъ голосъ изъ подушки, а ищетъ спасенія отъ своего брата прожорливца.—Опять молчаніе и машинальное протягиваніе руки къ платку съ черешнями.—А вѣдь напрасно мы не побывали въ школѣ Кирилло-Меѳодіевской.—Совсѣмъ не напрасно, перерываетъ тотъ же голосъ. Пойди мы туда всѣмъ соборомъ, заговорили бы Богъ знаетъ что,—еще, пожалуй, и закрыли бы школу.. Духъ ли это противорѣчія или простаго празднословія подсказывалъ такія возраженія, но очевидно было, что дай только подходящій предметъ для бесѣды, не будетъ недостатка ни въ словахъ ни въ рѣченіяхъ,—ни въ праздныхъ ни въ противныхъ. Слѣва надвигается высокій зеленый холмъ, спускающійся довольно крутымъ скалистымъ мысомъ въ озеро. Огибая его, мы прощаемся съ Охридой и беремъ направленіе на цѣлый румбъ восточнѣе прежняго. Какая-то, бѣлѣющаяся впереди далеко на берегу, точка рекомендуется намъ,

---

[1]) Hahn (Albanesische Studien), чуть не единственный пока изслѣдователь Албанства.

какъ цѣль нашего плаванія, съ именемъ *Св. Наума*. — Ну! значитъ, мы доѣдемъ до туда уже „ночною темнотою"! износится жалоба. — Чтожъ, вы не говорите: „совсѣмъ нѣтъ?" запрашиваютъ охотника до возраженій. — Именно, совсѣмъ нѣтъ, отвѣчаетъ онъ. Вотъ, по захожденіи солнца, поднимется вѣтеръ, и тогда пріѣдемъ къ Св. Науму еще за—свѣтло, только не сегодня, а завтра.. Проходитъ съ часъ времени. Солнце готово сѣсть за *Багорой* [1]). Жалѣемъ, что не выѣхали изъ Охриды раньше. Высматриваемъ на берегу Търпка съ лошадями. Разглядываемъ Св. Наума въ трубку.. Все это служитъ кое-какимъ развлеченіемъ аргонавтамъ, не имѣющимъ среди себя Геркулеса, который, отъ нечего дѣлать, хотя ломалъ бы что нибудь, ни Орфея, который воспѣвалъ бы такіе безмѣрные подвиги товарища. Впрочемъ, къ великому моему удовольствію, и къ намъ присосѣдился наконецъ напѣвающій и убаюкивающій эпосъ, въ видѣ урывочныхъ расказовъ о разныхъ похожденіяхъ мѣстныхъ дѣятелей, въ родѣ упомянутой выше Деспинской исторіи. Для памяти потомства сообщаю одинъ изъ нихъ, наиболѣе выдающійся. Жилъ былъ тутъ не такъ давно одинъ Деспóтисъ, по имени Д*. Какъ водится въ предѣлахъ Турціи, онъ управлялъ своимъ вѣдомствомъ чрезъ Протосинкелла М*. Курію владычнюю составляли еще два іеродіакона А. и Г. Послѣдній вмѣстѣ съ тѣмъ—и племянникъ Деспота. Въ теченіе 7 лѣтъ сей Г. участвуетъ во всей администраціи дяди, и знаетъ потому дѣла Протосинкелла, какъ свои пять пальцевъ. Одинъ по своему оффиціально-властному положенію, другой по своему родственному значенію при начальникѣ, постоянно сталкиваются въ дѣлахъ, и ссорятся до того, что Г. объявляетъ наконецъ дядѣ, что онъ не можетъ болѣе служить съ М*, ищетъ уволь-

---

[1]) Повидимому, полное имя: *Баба-Гора*. Такъ зоветъ ее *Анна-Комнина*, описывая несчастный походъ отца своего.

нения себѣ, и проситъ уплаты денегъ за семилѣтнюю службу. Дядя вмѣсто денегъ даетъ ему въ управленіе одинъ монастырь, съ припискою къ нему шести селеній, въ которыхъ онъ долженъ состоять приходскимъ священникомъ (припомнимъ монастыри Слѣпченскій и Варошскій), конечно — съ рукоположеніемъ его въ высшую степень. Въ резиденціи Д* живетъ еще и другой родственникъ его мірянинъ, семейный человѣкъ, въ экономическихъ дѣлахъ котораго М* принимаетъ (изъ угожденія начальнику?) живое участіе. Новопоставленный игуменъ получаетъ приказъ отъ Протосинкелла снабдѣвать своего городскаго родственника разными съѣстными припасами, обѣщаетъ и не шлетъ, вслѣдствіе чего обвиняется передъ начальствомъ въ ослушаніи, вызывается на судъ, и объявляетъ, что по слову Д* готовъ исполнять все, но съ М* не будетъ имѣть никакого дѣла. Тѣмъ временамъ Протосинкеллъ, поддѣлавшись совсѣмъ подъ Деспота, достаетъ отъ него себѣ санъ епископа-помощника и сейчасъ же ведетъ подъ него подкопъ въ столицѣ, съ цѣлью занять его мѣсто. Мина оказывается сильнѣе, чѣмъ расчитывалъ подводившій ее. Оба владыки вмѣстѣ выбрасываются въ другую епархію. Расчитанное мѣсто достается третьему лицу. Но черезъ 9 мѣсяцевъ это третье лицо, волею Божіею, умираетъ. Епархіоты требуютъ себѣ въ Деспоты извѣстнаго И*, но М* предвосхищаетъ мѣсто способомъ, о которомъ излишне говорить. Возвратившись на свое старое гнѣздо, новый Деспотисъ прежде всего берется за дерзновеннаго игумена, которому предлагаетъ условіе sine qua non примиренія,—ежегодный денежный взносъ въ 2000 піастровъ. Послѣдній отказывается отъ уплаты, ссылаясь на то, что онъ купилъ у бывшаго начальства епархіальнаго (слѣдовательно и у самаго М*) монастырь въ посмертное владѣніе, взамѣнъ слѣдующихъ ему за службу денегъ.—Гм! Хорошо, сказалъ ему новый начальникъ, иди съ Богомъ!— Не много спустя вышелъ случай. Часахъ въ двухъ (10 верстъ) отъ монастыря игумена Г. на кого-то напали разбойники и убили его.

На монастырь пало подозрѣніе въ укрывательствѣ убійцъ. Мѣстная власть схватила игумена и засадила въ тюрьму. Уликъ нѣтъ, но Деспо́тисъ не хочетъ дать требуемаго закономъ ручательства за своего клирика, и немедленно назначаетъ на мѣсто его другаго игумена (съ 2.000 піастровъ?). Несчастный Г. сидитъ въ заключеніи восемь лѣтъ! Изъѣвши и износивши и издаривши въ тюрьмѣ все, что было запасено имъ въ краткое владѣніе монастыремъ, онъ обратился наконецъ къ мѣстнымъ властямъ съ просьбою истребовать отъ епархіальнаго начальства издержанныя имъ на поправку монастыря и прикупку къ нему угодій деньги. Власти обѣщаютъ хлопотать подъ условіемъ, чтобы онъ принялъ Магометанство. Г. колеблется. Деспоту доносятъ, что такъ и такъ. Архипастырь отвѣчаетъ: это *его,* а не мое дѣло. Г. наконецъ изъявляетъ согласіе. Собирается экстренный меджлисъ въ областномъ городѣ Б*, на который приглашаются свидѣтелями и Владыки, какъ мѣстный городской, такъ и М* Вводится Г. Въ присутствіи всѣхъ, снимаетъ съ себя камилавку, и бросаетъ ее въ лицо М*, обвиняя его въ своемъ отступничествѣ. М*, какъ говорится, и глазомъ не моргаетъ. Тоже и отличный товарищъ его и сосѣдъ по епархіи!. Что далѣе? Разумѣется, экс-игуменъ освободился изъ тюрьмы, принялъ обрѣзаніе, переименовался Ибрагимомъ-Эфенди, получилъ въ собственность прикупленныя имъ монастырю угодья, женился (на своей невѣсткѣ, женѣ упомянутаго мірянина городскаго), получаетъ 500 піастровъ ежемѣсячнаго жалованья, и служитъ въ губернской полиціи чиновникомъ.. Поэма оканчивается на этой фазѣ похожденія. Значитъ—не болѣе ни менѣе—повторилось древнее Омировское:

Мщеніе пой мнѣ, богиня, Пелеева сына Ахилла.

Стихотворный финалъ этотъ былъ самымъ благосклоннымъ приговоромъ расказанной исторіи. Другіе отзывы выражались рѣзче, крѣпче и да-

же какъ бы вещественнѣе. Я видѣлъ, какъ сосѣднiй кулакъ то сжимался, то разжимался, то дрожалъ судорожно, обѣщая кому-то не то потасовку, не то зуботычину, въ теченiи всего расказа.—Вотъ такъ нравы!—возгласилъ одинъ изъ слушателей. — Нравы? возразилъ ему vis-à-vis. Ни одного тутъ нрава нѣтъ, даже нашего, дикаго, но невиннаго ндрава нѣтъ тутъ! тутъ—однѣ деньги. Даже страсти нѣтъ, которою еще, если не извиняется, то объясняется многое. Тутъ какая-то травля звѣрей двуногихъ людьми четвероногими! Присмотритесь: кто кого лучше? Объ М* и говорить нечего. Но самый пострадавшiй Г. купилъ себѣ, говоритъ, монастырь.. у кого? у дяди конечно, который, вмѣсто того, чтобы дать ему заслуженныя деньги, отписываетъ ему на прокормъ 6 приходовъ. Хорошъ пастырь, хорошъ и архипастырь! А верховная-то власть церковная чего смотрѣла и куда глядѣла въ теченiе осми лѣтъ? Смотрѣла кармана М*, и глядѣла въ карманъ Г. Вотъ и все ея управленiе! — Расказчикъ хотѣлъ выгородить личности, и прибавилъ внушительно: такъ-то бывало кое-гдѣ въ старыя времена! но маневръ его не удался. Онъ самъ проговорился прежде, сказавъ, что новоявленный *Ибрагимъ-Эфенди* получа*етъ* жалованье и служ*итъ*. Изъ вѣжливости мы согласились, что много кой-чего бывало въ „старыя" времена. Но, и нашъ маневръ имѣлъ не болѣе удачи.—А вотъ, когда хотите, я раскажу вамъ и про современный намъ случай въ подобномъ же родѣ,—присовокупилъ тотъ же рапсодистъ. Мы, конечно, приготовились слушать. По положенiямъ Турецкой церкви, началъ онъ,.. какъ? *Турецкой* церкви? возразили мы въ одинъ голосъ. — Ну̀, все равно, поправился онъ, въ Турцiи—, значитъ: Турецкая, дѣла брачныя рѣшаетъ Владыка. Итакъ одинъ Владыка М*, вмѣшавшись въ тяжбу разведшихся мужа и жены, отказывалъ невинно пострадавшей сторонѣ, т. е. женѣ, въ опредѣленной по закону пенсiи отъ мужа. Не знаемъ, онъ ли самъ развелъ ихъ, или уже засталъ въ разводѣ, прибывши на епархiю. Жена съ горя помѣшалась. За нее заступился

одинъ изъ мѣстныхъ чорбаджѐй (старшинъ). Владыка, не терпя такого вмѣшательства, отлучилъ его отъ церкви. Чорбаджи, не смотря на то, въ первый праздничный день пришелъ въ церковь на обѣдню. Архіерей, готовившійся служить, прикладывался въ ту минуту къ иконамъ. Увидавъ отлученнаго, онъ кинулся на него съ жезломъ, ударилъ, и сломалъ жезлъ. Чорбаджи не замедлилъ отправиться въ Константинополь съ жалобою кому слѣдуетъ. Въ „кому-слѣдуетъ“ по обычаю стали водить его за носъ, кормя обѣщаніями: сегодня да завтра. Тѣмъ временемъ, ревностный по вѣрѣ владыка подкупилъ другихъ чорбаджѐй мѣста, которые взвели вину на товарища своего въ томъ, что онъ долженъ въ городскую казну 20.000 піастровъ. Должника, конечно, вытребовали изъ столицы домой, и засадили въ тюрьму (упомянутый кулакъ задвигался при этомъ по ковру неистово..) въ областномъ городѣ Б., гдѣ онъ прохлаждается и до сего времени.. Слышно, что обѣщаютъ выпустить „ябедника“ изъ тюрьмы, затерши самое дѣло о взыскѣ тысячъ, если только онъ прекратитъ свою тяжбу со владыкой. Можно не сомнѣваться, что дѣло кончится этимъ. Отлученный отъ церкви возвратится на лоно „Чадолюбивой Матери“, но за жезлъ владыкѣ все таки заплатитъ.. Все же прочее останется въ statu quo ante.. Если бы кто замѣтилъ при этомъ, что бѣднякъ издержался, ѣздивши въ столицу, и пр., то вѣдь и владыка издержался (да еще какъ!), и подкупая чарбаджѐй, и дѣлая взносы „кому слѣдуетъ..“ — Какова эта *современная* исторія? заключилъ вопросительно расказчикъ.—Уступаетъ предъидущей въ эффектѣ, отвѣчалъ я, и хотѣлъ еще что-то прибавить, какъ сосѣдъ перебилъ меня, замѣтивъ аксіоматически: до всѣ *они* таковы! одинъ хуже другаго! Всѣ варились въ томъ же „караказанѣ!“—Ну, а чорбаджи-то тоже—*они* развѣ? замѣтили озлобленному антикараказанисту. Не сказать ли лучше, что „по Сенькѣ и шапка?“ Виноваты тутъ не они — тѣ или другіе, а онъ, т. е. Турокъ или, еще общѣе,—Магометъ, потѣшающійся явленіемъ М*— овъ

и Н—овъ въ христіанскомъ обществѣ! — Хорошая вещь, заключилъ я уже самъ про себя, неограниченная свобода въ Церкви Христовой, но — въ Церкви, а не въ Караказанѣ. Если бы такой, какъ приведенный въ расказахъ М*, по несчастію былъ Архіепископомъ Первой Юстиніаны или Новаго Рима, то гдѣ найти необходимое veto на его дѣйствія, будетъ ли онъ Славяниномъ или Грекъ—все равно?

Съ закатомъ солнца дѣйствительно посвѣжѣло въ воздухѣ. Стали бояться, какъ бы не поднялся вѣтеръ. Сумерки наступали быстро. Гребцы наши прибавили силы и усердія. Монастырь пересталъ различаться на темномъ берегу. За то скоро забѣгали на мѣстѣ его огоньки, это значило, что Търпко съ лошадьми уже приспѣлъ туда. Повѣяло сыростью и почти прямо холодомъ, напомнившимъ, что мы находимся на двухъ слишкомъ тысячахъ футовъ надъ уровнемъ океана. Все слилось въ одинъ непроницаемый мракъ, и о близости берега можно было судить только по отраженію звѣздъ въ водѣ, прекращавшемуся на извѣстной линіи. Близкій лай собакъ далъ знать наконецъ, что и мы уже достигаемъ своей цѣли. Еще мало, и на берегу раздался звонъ колоколовъ унылый и нестройный, но, какъ можно было замѣтить, усердный. Мы благополучно пристали къ берегу. Живо двигавшаяся съ фонаремъ надъ самою водою фигура привѣтствовала насъ и по гречески и по болгарски съ пріѣздомъ, указывала намъ дорогу, распоряжалась нашими вещами, переговаривалась съ лодочниками, однимъ словомъ, поспѣвала всюду, не смотря на свою недюжинную плотность. Это былъ самъ почтенный игуменъ обители Св. Наума, древнѣйшей, если не самой первой, изъ всѣхъ славянскихъ, извѣстныхъ исторіи. Насъ помѣстили въ архондарикѣ, окружили всякимъ удобствомъ и немедленно угостили прохладительнымъ или, на тотъ часъ, согрѣвательнымъ, т. е. мастикой съ вареньемъ и кофе. Чуть мы успокоились, какъ намъ доложили, что насъ хочетъ посѣтить его преосвященство, Митрополитъ Ахридскій и Преспскій *Мелетій*, гостящій въ монасты-

рѣ. Онъ дѣйствительно не замедлилъ явиться. Это — хорошо сложенный человѣкъ среднихъ лѣтъ, общаго, столько извѣстнаго на Востокѣ типа Деспотовъ, важный и вмѣстѣ ласковый, съ смѣлымъ взоромъ и словомъ, на распашку одѣтый, простой въ обращеніи, сидящій на диванѣ съ поджатыми ногами съ оттопырившимся за пазухой носовымъ платкомъ и съ длиннымъ чубукомъ въ зубахъ. Мы — гости — всѣ, такъ сказать, тутошніе, присмотрѣвшіеся ко всему восточному, далеки были отъ того, чтобы смущаться чѣмъ бы то ни было, а всего менѣе беззастѣнчивостію бесѣды высокихъ сановниковъ Востока, которыхъ кто-то изъ нашихъ охарактеризовалъ всѣхъ вообще, не исключая и самаго Падишаха, именемъ „халатниковъ". Послѣ часоваго отдыха, о. Игуменъ пригласилъ насъ къ столу вечернему. Рыба и здѣсь, конечно, занимаетъ первое мѣсто, и предложена въ такомъ количествѣ, что ужинъ кто-то, съ общаго одобренія, нарекъ „громаднымъ", достойнымъ громадныхъ размѣровъ послужившаго ему озера, громадный славы престола Первой Юстиніаны и обители Св. Наума, громаднаго радушія хозяина и, прибавимъ, почти тоже громаднаго аппетита гостей. Послѣ трапезы не оставалось мѣста ничему, кромѣ сна.

Свéти Нáумъ. 4 іюня. Пятница.

Каждое утро встрѣчаешь въ новомъ мѣстѣ. Говорятъ, можно привыкнуть къ перемѣнчивому ночлегу. О нашихъ „долгихъ" извощикахъ разсказываютъ, что ихъ одолѣваетъ безсонница, когда они вынуждены бываютъ ночевать по нѣскольку дней на однихъ и тѣхъ же палатяхъ. Пока я не имѣю основанія повѣрить этому. Какой можетъ быть сонъ, когда все кругомъ отъ малаго до великаго новое и непривычное и въ глазахъ и въ ушахъ и подъ бокомъ и подъ головой и... въ головѣ? Особенно не давалъ мнѣ покоя шумъ волновавшагося цѣлую ночь

озера. Хорошо, что мы успѣли вчера еще во́ время добраться до тихаго пристанища. На разсвѣтѣ, когда только что началъ охватывать настоящій глубокій сонъ, раздался звонъ колокола, приглашающій на божественную службу. „Пустыннымъ непрестанное божественное желаніе бываетъ“... повторяю я про себя, и не́ хотя иду въ Церковь. Домъ Божій оказался очень древнимъ, хорошей византійской архитектуры, но очень малыхъ размѣровъ. Внутри вся церковь расписана кистью, сходною съ академической только въ свободѣ рисунка. Какъ та напяливаетъ древнимъ святителямъ греческимъ русскія митры на головы, обрамивъ послѣднія длинными по плечи волосами и пр., такъ эта разставляетъ глаза угодника Божія на такое пространство, что между ними еще можетъ помѣститься пара глазъ. Одна дѣлаетъ по невѣдѣнію, другая — по неумѣнію. На сколько это одно и тоже, пусть рѣшаютъ спеціалисты. Изъ памятной замѣтки видно, что росписалъ церковь (т. е. окончилъ свою работу) 6 Сентября 1806 г. нѣкто *Константинъ* изъ *Корицы* (*Гюрдже* — по турецки и *Гӧрча* — по албански. А по славянски?.). Производилась же работа при Митрополитѣ преспскомъ (а не охридскомъ?) *Каллиникъ* и Игуменѣ *Стефанѣ* изъ Филиппополя, „новомъ ктиторѣ“. Замѣтка сдѣлана по гречески. Выраженіе: *новый ктиторъ* могло бы означать, что монастырь стоялъ до Игумена Стефана въ запустѣніи. Стефанъ, конечно, былъ грекъ. Оттого въ монастырѣ все теперь носитъ на себѣ печать эллинства. Славянское остается только имя монастыря, да и то ученый и наблюдательный Пуквиль передаетъ съ оттѣнкомъ не-славянскимъ, такъ какъ Св. Наума считаетъ извѣстнымъ *пророкомъ* Наумомъ. Вѣроятно, такъ передавали ему тогда (1805—25) „новые ктиторы“ обители [1]). Кромѣ

---

[1]) Съ ихъ конечно словъ, писатель передаетъ, что монастырь выстроенъ Императоромъ *Юстиніаномъ*, давшимъ монастырю и *Хрисовулъ* на владѣніе виноградниками, полями и

стѣнной иконописи, обращаетъ на себя вниманіе еще икона Богоматери, писанная на деревѣ и иминуемая *Θринодуса* (рыдающая), писанная, какъ видно изъ замѣтки на ней, въ 1827 г. анагностомъ (чтецомъ) *Михаиломъ*, при Игуменѣ *Даніилѣ* — отъ Востока. По какому поводу дано это названіе иконѣ или самой Богоматери, не у кого было спросить. Изъ притвора направо есть выходъ въ малую квадратную комнату, накрытую куполомъ, въ коей указывается гробъ Св. Наума. И здѣсь, въ наиболѣе подходящемъ къ чему нибудь славянскому, мѣстѣ я не досмотрѣлся ничего, что могло бы напомнить о древнѣйшихъ временахъ обители. Все это я разсматривалъ, такъ сказать, по неволѣ, бродя по церкви и переодолѣвая поминутную дремоту. Служба правилась по гречески, конечно. Владыка не присутствовалъ. Игуменъ показывался неоднократно. Братства никакого я не замѣтилъ. Вѣроятно и эта обитель, не смотря на свою древность и громкую извѣстность, находится на общемъ положеніи румелійскихъ монастырей, т. е. какъ арендныхъ статей архіерейской каѳедры. Ибо гдѣ взять, въ самомъ дѣлѣ, монаховъ для столькихъ обителей? Да, если бы и нашлись любители одиночества и подвига, какая польза отъ нихъ каѳедрѣ? Весь доходъ съ угодій монастырскихъ пошелъ-бы на нихъ самихъ. Додуматься же до пользы монашества вообще, помимо матеріальныхъ выгодъ кого бы то ни было на свѣтѣ, не легко какъ будто въ наше время — не только на берегахъ Охридскаго озера, но и далеко за синими морями.

мельницами, которыя доставляли братству ежегоднаго дохода 100 кошельковъ (50.000 франковъ. Не много ли?.). Деньги шли на содержаніе 60 человѣкъ братій и на милостыню. Жаль, что о «Хрисовулѣ» такъ вскользь упомянулъ авторъ. Вѣроятно и о немъ онъ писалъ тоже съ словъ монаховъ, а самъ его не видѣлъ. Хрисовулъ времени Императора Юстиніана — весьма сомнительная вещь. Такіе документы издавалъ только пресловутый Симеецъ *Константинъ Симонидисъ*, извѣстный Востоку и Западу «пластографъ».

Чуть я возвратился въ келью, неутомимый о. Игуменъ пришелъ поздравить меня съ добрымъ утромъ. Я немедленно отнесся къ нему съ вопросомъ о монастырской библіотекѣ. Почтенный отецъ затруднился по началу понять, о чемъ идетъ дѣло, и отвѣчалъ, что книги всѣ находятся въ церкви, гдѣ по нимъ служатъ. Когда же я объяснилъ, что дѣло идетъ о старыхъ рукописяхъ, то онъ отвѣчалъ, что ничего не засталъ въ монастырѣ, и не слыхалъ, были ли когда.—Возможно-ли, возразилъ я, чтобы такая древняя обитель не имѣла ихъ цѣлыя сотни? Вонъ въ *Св. Климентѣ* ихъ цѣлый шкафъ стоитъ, а въ *Трескавцѣ* набитъ ими подвалъ. Послѣднюю иперболу я употребилъ съ намѣреніемъ, давая знать почтенному отцу, что намъ извѣстны всѣ входы и исходы книжные, а съ другой стороны, — что если и въ его обители гдѣ нибудь сваленъ въ подземельи догнивающій книжный хламъ, то мы и его зачисляемъ въ рядъ книгъ. — Можетъ быть когда и были, какъ и въ другихъ монастыряхъ, такія книги, да ихъ рыбы поѣли, отвѣчалъ онъ со всею искренностію человѣка, который не имѣетъ къ подобному старью ни почтенія ни презрѣнія, а слыхалъ, что мемвранами дѣйствительно ловятъ рыбу или по крайней мѣрѣ рыболововъ... Дѣло, конечно, статочное. Отъ рыбы кромѣ пропитанія и доходъ есть. А отъ рукописи, да еще *особенно* болгарской, какой прибытокъ? Только мѣсто занимаетъ. — Нѣтъ ли, по крайней мѣрѣ поминальныхъ записей или таксидіотскихъ книгъ прежнихъ временъ въ монастырѣ? допрашивалъ я хозяина, вмѣсто книгъ угощавшагося меня вареньемъ и водой. — Не попадалось въ руки ничего въ этомъ родѣ. Да и кто будетъ беречь таксидіотское маранье? отвѣчалъ онъ, видимо не сочувствуя предмету бесѣды. — Такъ откуда же мнѣ узнать что нибудь о Св. Наумѣ? Нѣтъ ли хотя рукописнаго житія его при Церкви. — Въ отвѣтъ на это, Игуменъ мигомъ слеталъ куда-то, и принесъ мнѣ печатную книжицу на Греческомъ языкѣ, содержащую: *Послѣдованіе во святыхъ отца нашего Климента* и проч., напечатанную въ

1741—42 годахъ въ Мосхополѣ [1]). Но въ ней о Св. Наумѣ было сказано не болѣе, сколько я зналъ, или точнѣе—не зналъ. И такъ, золотыя мечты мои напасть *въ Старой Болгаріи* на живые и ясные, такъ сказать — говорящіе, слѣды только что просвѣщеннаго христіанствомъ славянства, одна за другою обращаются въ pia desideria! Теперь вся надежда на *Преспу*, любимую резиденцію царя Самуила. Если онъ былъ болгаринъ, и если... умѣлъ писать, то ужели утерпѣлъ, чтобы, во всю

---

[1]) Ἀκολουθία τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος... συντεθεῖσα ἐκ τῶν συγγραμμάτων τοῦ τὲ Δημητρίου τοῦ Χωματινοῦ καὶ τοῦ Καβασίλα, ἀρχιεπισκόπων τοῦ αὐτοῦ θρόνου χρηματισάντων.. διορθώσει τοῦ λογιωτάτου ἐν ἱερομονάχοις κυρίου Γρηγορίου, ἀφιερωθεῖσα δὲ τῷ Μακαριωτάτῳ Ἀρχιεπισκόπῳ τῆς Πρώτης Ἰουστινιανῆς Ἀχριδῶν Κ. Κ. Ἰωάσαφ. ἐν Μοσχοπόλει. 1741—42. Мосхополь (иначе Воскополь) вдругъ процвѣтшій и вдругъ совсѣмъ увядшій, греческій или точнѣе куцовлахскій городъ, сосѣдній съ Охридой, имѣлъ въ прошломъ столѣтіи у себя и училища и типографію и болѣе 50.000 жителей, по Пуквилю. Въ концѣ 80-хъ годовъ того столѣтія Албанцы и Турки раззорили мѣсто. Упомянутые тутъ *Хоматинъ* и *Кавасила* принадлежатъ XII и XIII вѣкамъ. Выше, въ спискѣ Архіепископовъ Болгарскихъ, мы остановились на *Іоаннѣ Коленинѣ*, 15-мъ по Индексу и 18-мъ по Лекеню. За нимъ слѣдуютъ у послѣдняго: 19., неизвѣстный, благословившій бракъ Императора Алексія I съ 14 лѣтней Ириной (матерью писательницы Анны). 20., *Константинъ*. 21., *Іоаннъ* V *Каматиръ*. 22., *Димитрій Хоматинъ*, вѣнчавшій на царство Солунское Өеодора Комнина — Ангела. 23., *Іаковъ*. 24., *Константинъ* II *Кавасила*. 25., *Геннадій*. 26., *Макарій*, повѣнчавшій краля Стефана Милутина съ Симонидой. 27., *Григорій*, строившій порталъ Охридской Св. Софіи, ученый и писатель. 28, *Анөимъ Метохитъ*, писатель. 29., *Матөей*, тоже писатель — полемистъ. 30., *Маркъ Ксилокаравъ*, въ 1455 искалъ перекупить у Султана каөедру константинопольскую. 31., *Прохоръ*, построившій Архіепископское сѣдалище въ 1528 г. для Церкви св. Климента или Богородицы Перивлепты. 32., *Паисій* — въ 1564 г. 33., *Софроній* — въ 1565 г. 34., *Безыменный*, племянникъ Вел. Везиря, въ 1575 г. 35., *Нектарій*, около 1613 г. 36., *Авраамъ*, послѣ 1630 г., 37 — 39., *Порфирій, Аөанасій, Авраамій*, принявшіе Унію, по свидѣтельству Аллація. 40., *Безыменный*, современникъ папы Александра VII (1655 — 1667), принявшій латинство въ Римѣ. 41., *Мелетій*, въ 1715. 42., *Филоөей*. 43., *Іоасафъ* въ 1721, занимавшій престолъ, какъ мы видѣли еще въ 1742, и послѣдній *Арсеній* — до 1768 г. Въ книгѣ: «Сношенія Россіи съ Востокомъ» отыскиваются еще слѣдующія имена Архіепископовъ Охридскихъ: *Дороөей* около 1456 г. *Іоакимъ* — до 1586 г., *Гавріилъ* въ 1586 г., *Өеодулъ* въ 1588 г., *Аөанасій* 1606 и 1614., *Іосифъ* въ 1628., *Харитонъ* въ 1645 г.

свою бродячую жизнь не начертить гдѣ нибудь на камнѣ или на церковной стѣнѣ своего имени?

Ставимъ съ Търпкомъ самоваръ въ ожиданіи, когда проснется компанія. Первымъ дѣломъ сѣверныхъ славянъ было искупаться въ южнославянскомъ озерѣ, въ ожиданіи, пока появится гдѣ нибудь южнославянское море. Югъ, впрочемъ, не имѣлъ тутъ пріурочиваемаго ему значенія теплаго края. Озеро было холодно также, какъ нашъ сѣверный Ильмень. Такимъ, по крайней мѣрѣ, показалось оно одному изъ купавшихся, не смотря на іюль мѣсяцъ и на девятый часъ дня. Если правда, что поверхность его возвышена надъ уровнемъ океана на 2120 футовъ, то такой высоты у насъ не найдешь, прошедши всю Россію по меридіану отъ Одессы до Колы и не встрѣтивши въ настоящее время нигдѣ ни снѣжинки, тогда какъ въ горной рамкѣ Охридскаго озера вѣрно не одна найдется снѣжная залежь, спускающая въ озеро студеную воду въ теченіи цѣлаго лѣта. За чаемъ составляли программу дневныхъ передвижекъ. Не имѣя въ виду болѣе никакой археологической наживы на мѣстѣ, я былъ того мнѣнія, чтобы, не замедляя, отправиться дальше, куда намъ путь лежитъ. Возраженія на это не послѣдовало, но и особеннаго сочувствія проекту заявлено не было. Не купавшійся компаньонъ объяснилъ эту сдержанность по своему, говоря, что, повидавшись съ рыбою въ озерѣ, остальные члены компаніи условились встрѣтиться съ нею еще разъ за столомъ... Я уже хотѣлъ, отъ нечего дѣлать, прочесть въ назиданіе временнымъ братіямъ обители синаксарь изъ службы Св. Клименту, какъ Владыка прислалъ изъ своихъ покоевъ сказать намъ, что онъ намѣренъ посѣтить насъ. Это сочтено было всѣми за тонкій намекъ, что пора намъ отдать ему визитъ. Сейчасъ же всѣмъ обществомъ мы и отправились къ нему. Встрѣтили другъ друга несчетными извиненіями невѣсь въ какихъ проступкахъ. Но, такъ живо завязавшаяся бесѣда наша, послѣ двухъ-трехъ, совершенно пустыхъ освѣдомленій о здоровьѣ, объ озерѣ и о

черешняхъ, вдругъ оборвалась общей и глубокой паузой. Поддержать ее, конечно, была возможность, но, къ удивленію, языкъ, какъ говорится, не поворачивался. На меня стала нападать утренняя дремота. Я предложилъ тихонько сосѣду поддержать репутацію опозоренной „толстой головы" славянской, и пуститься въ болтовню. Вмѣсто того, слышу, онъ отвѣчаетъ мнѣ въ полголоса про себя: а вѣдь какъ *онъ* похожъ на вчерашняго деспота М*! — А вы, позвольте спросить, отвѣчаю я въ свою очередь, гдѣ видѣли вчерашняго-то М*? — Вотъ еще! Развѣ непремѣнно нужно видѣть, чтобы замѣтить сходство, паралогируетъ мой чудной наблюдатель. Переговоръ нашъ замѣчается обществомъ; чтобы не дать повода къ превратнымъ толкованіямъ его со стороны хозяина, одинъ изъ дипломатовъ нашихъ, вспомнивъ про тезоименнаго ему героя Македонскаго, разсѣкшаго нерѣшимый узелъ мечемъ, вынулъ часы, посмотрѣлъ, и сказалъ намъ: да! и въ самомъ дѣлѣ (!) Вѣдь уже пора намъ подумывать объ отъѣздѣ. Маневръ конечно не отличался оригинальностью, но спасибо и за то, что кончилъ благовидно наше фатальное молчаніе. Мы встали и раскланялись съ преемникомъ *Блаженнѣйшихъ Архіепископовъ Первой Юстиніаны.* По всей видимости, онъ, и не именуясь Архіепископомъ (а только митрополитомъ, т. е. епископомъ областнаго города), тѣмъ не менѣе считаетъ себя *блаженнымъ* до того, что не имѣетъ нужды въ превосходной степени своего блаженства, и развѣ останавливается помысломъ иногда на сравнительной, соображая на сколько онъ блаженнѣе сосѣда своего къ западу *Велеградскаго,* и насколько его блаженнѣе Восточный сосѣдъ его *Пелагонійскій,* у котораго уже цѣлый милліонъ лежитъ въ банкѣ.

Оставаясь вѣрными своему слову, мы, вышедши отъ Владыки, позвали Търпка и заботливо спросили, не пора ли намъ ѣхать, такъ какъ время идетъ уже къ полудню? Хитрый старикъ, посмотрѣвъ однимъ глазомъ къ солнцу, отвѣтилъ: какъ прикажете. Только не будетъ

ли очень жарко ѣхать, особенно, когда поднимемся на гору и подъѣдемъ къ самому солнцу?. Рѣшили потому дождаться спаденія жара, а тѣмъ временемъ заняться.. отдыхомъ. Я просилъ, чтобы отворили церковь, и еще разъ при свѣтѣ дня осмотрѣлъ ее всю, но не отыскалъ въ ней ни малѣйшаго признака ни древняго, ни даже позднѣйшаго славянства. Только на одной изъ двухъ мраморныхъ колоннокъ, отдѣляющихъ притворъ отъ самой церкви, прочелъ начерченныя гвоздемъ или ножичкомъ, старописнаго пошиба слова: *списа и попъ*, образующія вторую и четвертую строчку замѣтки. Первая даетъ невразумительное чтеніе *Св Маханец*, а третія вся состоитъ изъ каракуль, похожихъ нѣсколько на глаголическое письмо. Въ началѣ замѣтки поставленъ крестъ. Въ другомъ мѣстѣ на колоннѣ начертанъ крестъ бóльшихъ размѣровъ, по сторонамъ котораго видятся тоже по три буквы, не дающія смысла. Вотъ все, что удалось мнѣ усмотрѣть, свидѣтельствующаго о славянской эпохѣ монастыря. Но и это свидѣтельство очень шатко. Надпись могъ нацарапать какой нибудь пришлый посѣтитель монастыря, сельскій священникъ *Iв*(анъ) *Маханецъ*, сравнительно въ недавнее время. Неутѣшенный археологическими поисками, я вышелъ за стѣны монастыря, побродилъ въ монастырскомъ садикѣ, прошелся по набережной до моста, переброшеннаго черезъ *Мокру*, и полюбовался на нежданно встрѣченный предметъ, принадлежащій къ области изящнаго искусства, хотя и не изящно выполненный, а именно — камень съ рельефнымъ изображеніемъ волка и вола, впряженныхъ въ соху подъ одно ярмо. Имъ передается памяти потомства мѣстное преданіе о томъ, какъ Св. Наумъ заставилъ волка, задушившаго монастырскаго вола, нести его службу въ обители.

Когда я сидѣлъ въ тѣни и прохладѣ на крытой галлереѣ стѣны, обращенной къ горамъ, и вносилъ замѣчанія въ свою записную тетрадку, было доложено, что „уже все готово", т. е. готово къ отъѣзду. На дорогу о. Игуменъ снабдилъ насъ провизіей отъ даровъ земли, воды

и воздуха, за что мы отблагодарили его добрымъ словомъ, низкимъ поклономъ и пожертвованіемъ „на масло“, заключавшимся въ Турецкой лирѣ. Бакшиши повару, конюху и малымъ дѣтямъ не превысили и четверти этого количества.. Видно, что славянская земля и люди довольны не многимъ. Было 2 часа по полудни. Ради приличія мы спросили, дома ли Владыка, чтобы принять отъ него напутственное благословеніе. Посолъ возвратился съ отвѣтомъ, что Деспотисъ почиваетъ. Чуть мы тронулись съ мѣста, раздался звонъ. Я обратился съ укоромъ къ почтенному настоятелю, говоря, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? Вѣдь разбудитъ Владыку.. Пустынножитель весело улыбнулся, кивнувъ головой въ ту сторону, гдѣ, предполагалось, спалъ Преосвященный. Жестъ этотъ означалъ: не таковъ онъ, чтобы спать въ такой торжественный моментъ. Прощаемся, и ѣдемъ. Звонъ провожаетъ насъ до самаго мостика, гдѣ его заглушаетъ топотъ лошадиныхъ копытъ. Волъ и волкъ— подъ однимъ ярмомъ вызываютъ въ бродячемъ умѣ немилосердую остроту надъ оставшимися въ обители воздѣлывателями нивы Божіей.. Съѣлъ же вчерашній М* вчерашняго Г. А сегодишніе вотъ мирно пасутся одинъ возлѣ другаго, впряженные въ одинъ монастырскій порядокъ жизни! А не шире ли смыслъ знаменательнаго факта? Волъ очевидно есть работящій Славянинъ. Волкомъ, потому, остается быть Греку. Затѣмъ, само собою ясно становится, кто такой тотъ *На—умъ*, который на обоихъ ихъ наложилъ ярмо неволи..

Весело ѣдемъ вдоль ровнаго берега озера по ровной и мягкой дорогѣ, насматриваясь на всю безграничную ширь воды, на которой не движется ни одна лодка, не бѣлѣетъ ни одинъ парусъ. Попадись такая масса воды въ руки настоящей, а не значащейся только на картѣ, Европы, и присосѣдься къ какой нибудь новой, лучше проложенной, via Egnatia (да проститъ мнѣ *никто*, если я измѣню слово въ Ignatia), какъ бы тутъ все оживилось! Вѣка черезъ два-три, когда тѣсно будетъ роду человѣческому на землѣ, кругомъ озера будутъ не-

счетные города и села. „Быстропловы“ (къ тому времени конечно будутъ обходиться безъ дорогаго пара и грязнаго дыма, и отъ того не будутъ называться „пароходами“) заснуютъ по всѣмъ направленіямъ древняго *Лихнида* [1]), отъ *Охриды* къ *Трапезицѣ*, отъ *Наумова* къ *Гораздову*, отъ *Василополя* къ *Самуилграду* и т. д. Утѣшится тогда мореходный духъ и моего компаньона, вижу—съ какою тоскою посылающаго взоръ свой по озеру, и несомнѣнно рисующаго воображеніемъ свою Босфорскую лодочку съ косымъ парусомъ... Не все намъ однимъ дѣлать, родолюбче! надобно оставить что нибудь сдѣлать и потомкамъ. Покидаемъ влѣвѣ Охридскую дорогу, и направляемся къ сѣверовостоку прямо къ горамъ, быстро поднимаясь надъ уровнемъ озера почти съ каждымъ шагомъ. Масса водная тоже поднимается вмѣстѣ съ горизонтомъ, и отдаленный западный берегъ начинаетъ выказывать верхи скрывающихся за нимъ горъ *Албаніи* (отъ albi montes). По указанію Пуквиля, высматриваю мѣстность древняго города *Лихнида*. Въ его время стояли тамъ еще городскія стѣны съ бастіонами и зубцами и нѣсколькими остатками церквей, а въ отдѣльной башнѣ помѣщался военный караулъ. Видится дѣйствительно внизу, надъ самымъ берегомъ, что-то геометрически исчерченное. Вѣрно, это тѣ самыя развалины и есть, которыя признаются за Лихнидскія. Не зналъ я, что мѣсто такъ близко къ монастырю Св. Наума. Можно бы было часомъ пораньше выѣхать оттуда, и по дорогѣ завернуть къ нимъ. Насколько можно пріурочивать къ нимъ мѣстность древняго Лихнида, это остается вопросомъ. Развалины однѣ сами по себѣ ничего не доказываютъ, ни находимыя въ сосѣдствѣ съ ними, древнія македонскія,

---

[1]) Какой-то писатель *Христодоръ*, по свѣдѣнію Пуквиля, приписываетъ основаніе Лихнида пресловутому Финикійцу *Кадму*... ужъ не отъ этого ли такъ и силенъ и живучъ Греческій (Кадмовъ) алфавитъ въ мѣстахъ этихъ, что въ теченіе 10 вѣковъ славянская азбука не могла получить осѣдлость.

римскія и византійскія монеты. Городовъ въ этомъ краю, по свидѣтельству древнихъ историковъ, было не мало. Древнимъ чѣмъ-то отзывается и сохранившееся доселѣ названіе сосѣдняго урочища: *Трапезица* [1]), тоже стерегущаго кое какіе остатки древности. Да, наконецъ, есть ли какая нибудь крайность еще искать Лихнида внѣ Охриды? И тамъ, какъ мы видѣли, есть тоже остатки старой и сильной крѣпости, отыскиваются камни съ древними языческими надписями, а что для насъ и того рѣшительнѣе, есть посвященіе сыну Имп. *Ираклія*, которое могли сдѣлать Лихнидцы, а не Ахридцы, тогда еще неизвѣстные подъ этимъ именемъ [2]). Счастливые потомки наши конечно доронотся чего нибудь въ книгахъ или въ землѣ, что рѣшитъ для нихъ вопросъ Лихнидо-Ахридо-Юстиніанскій окончательно. Имъ поможетъ свидѣтельство о Лихнидѣ историка *Георгія Кедрина* [3]) съ топографическими указаніями. По нему, это былъ „городъ, лежавшій на высокомъ холмѣ, сходившій къ озеру, и внутри полный источниковъ". Такова и есть теперешняя Охрида. Остается высмотрѣть другія, отмѣченныя остатками древности, приозерныя мѣста. Для этого достаточно двухдневной ученой поѣздки кругомъ озера.

Гръчани, 4 іюня 1865. Ночь.

Взбираемся такъ круто, что кружится голова. Склонъ горы ска-

---

[1]) Есть и по близости *Търнова* тоже мѣсто: *Трапезица*. Не значило ли это: царская резиденція, престолъ или просто столъ? откуда и наша древняя рапсодія: «Въ *стольномъ* городѣ во Кіевѣ».

[2]) *Анна Комнина*, сообщившая фактъ переименованія Лихнида Ахридой, тѣмъ самымъ какъ будто отстраняетъ предположеніе объ оставленіи перваго и объ основаніи вновь второй. Имя *Ахриды* или *Мохриды* она производитъ отъ имени Краля болгарскаго *Мокра*, прозваннаго послѣ Самуиломъ. Онъ ли самъ, или отецъ его назывался Мокромъ, остается невыясненнымъ. Съ рѣчкой *Мокрой* мы встрѣчались уже. Была область *Мокрена*, и епархія *Мокра* или *Мокры*. Но отъ всѣхъ этихъ именъ до *Ахриды* не близко.

[3]) Исторія Кедрина подъ годомъ отъ сотворенія міра 6526.

листый и покрытъ сильною растительностію. Дорога наша давно уже обратилась въ стежку, и идетъ заворотами чуть не отвѣсно. Страшно было поднять голову и посмотрѣть впередъ. Видѣлись только скалы и нависшія съ нихъ деревья. Казалось, что чуть мы доберемся до намѣченнаго пункта, не найдемъ тамъ за что ухватиться, поскользнемся, и полетимъ въ бездну. Обернуться и посмотрѣть назадъ не было психической возможности. Ввѣрившись лошади, держишься за ея шею, и движешься впередъ какъ бы машинально. Впрочемъ, круча неприступною казалась только издали. Стезя или тропа вездѣ оказывалась съ достаточнымъ наклономъ, чтобы усидѣть на лошади и не сползти назадъ. Только въ одномъ мѣстѣ, передовой нашъ намъ прямо посовѣтовалъ замѣнить чужія ноги своими — на всякій случай, что мы охотно и сдѣлали, начавъ карабкаться по камнямъ, и хватаясь за все, что попадало подъ руку. Задыхались и обливались пóтомъ, но все же лучше было, чѣмъ поминутно ахать и закрывать глаза, и страшиться за потерю равновѣсія. Наконецъ мы одолѣли бокъ горы, и стали взбираться на спину ея широкую на столько, что ея достанетъ часа на два пути. Дорога пошла ровнѣе и безопаснѣе. Въѣхали въ лѣсъ дремучій, изъ котораго нѣтъ никуда просвѣта. На картѣ гора наша названа *Галичицей.* Высоту ея абсолютную указываютъ за 4.000 футовъ, но мы, конечно, пересѣкаемъ ее въ наинизшихъ точкахъ. Съ вершины ея, полагаю, можно любоваться видомъ обоихъ озеръ Охридскаго и Преспинскаго. Видимо такой пунктъ находится вправо отъ нашей дороги, гдѣ уходитъ въ недоглядаемую высь небесную горная покатость. Тоже самое зрѣлище и на лѣво отъ насъ. Мы очевидно ѣдемъ по ложбинѣ, большею частію заросшей лѣсомъ. Въ одной изъ такихъ чащъ древесныхъ мы пріятно изумлены были картиною снѣжняго поля. Лошадь пятилась, почувствовавъ подъ копытами своими что-то необычное, холодное, рыхлое и хрустящее. Кстати, отъ минувшаго истомленія намъ хотѣлось пить. Полакомились такимъ образомъ

снѣжкомъ. То было ущелье, потому что сейчасъ же насъ проникалъ такой студеный вѣтеръ, что пришлось спасаться отъ него подъ зонтикомъ. Наконецъ некуда было болѣе подниматься. Мы выѣхали на ровную каменистую площадь, изъ которой выникали то тамъ то сямъ скалистые холмы и даже цѣлыя горы, точно мы находились гдѣ нибудь въ глубокой долинѣ.

Ради торжественнаго момента „перевала", мы остановились на минуту и передохнули, не скажу чтобы и „подкрѣпились" при томъ, но, какъ говорилъ (въ стародавнія времена) одинъ острякъ, „подкрутились" немножко, какъ подкручиваютъ часовую пружину, и затѣмъ уже поѣхали далѣе. Начался спускъ опять несчетными заворотами, какъ и подъемъ, съ меньшимъ трудомъ, но не съ меньшею опасностію. Страхъ скатиться вмѣстѣ съ сѣдломъ черезъ голову лошади заставлялъ прижиматься къ ней или вдругъ дѣлать со спиною ея тупой уголъ въ 45° и болѣе. Во многихъ мѣстахъ солнце совершенно оставляло насъ, скрываясь за придорожными скалами. Показалось вотъ и знакомое уже озеро: *Преспа* или *Презба*, ласково заговорившее истомленному тѣлу. Вышло ровное мѣсто. У спутниковъ достало мужества „пуститься" впередъ. Показалось что-то похожее на крышу. Встрѣтились люди, ѣхавшіе на встрѣчу намъ. Все заговорило низомъ и земнымъ удоломъ. Но, пока мы выбрались дѣйствительно на низъ, т. е. къ самой водѣ, успѣли уже наступить сумерки. Признаюсь, стоило перекреститься и поблагодарить Бога отъ искреннѣйшаго сердца за благополучный переѣздъ. Душа ныла при видѣ оставленныхъ грозныхъ высотъ и при воспоминаніи четырехчасоваго карабканія по нимъ. На берегу озера мы встрѣтили ровную и мягкую дорогу. Оставалось только предаться отдыху и тихонько добираться до перваго возможнаго хана, обѣщавшаго намъ спокойный ночлегъ. Ханъ точно не замедлилъ очертиться вдали темнымъ пятномъ на темноватомъ фонѣ. Компанія сочла это прямымъ призывомъ себѣ, и понеслась въ махъ

туда, откуда повѣяло пристанищемъ. Когда я притащился туда же съ Търпкомъ, встрѣтилъ людей уже совсѣмъ бодрыхъ и веселыхъ, подтрунивавшихъ надъ разными „горными эпизодами". По самымъ точнымъ вычисленіямъ неутомимыхъ наѣздниковъ нашихъ, мы всего были только три часа въ дорогѣ, что стыдно было бы тѣмъ и закончить нынѣшній переѣздъ, что сами „долгіе" извощики наши не дѣлаютъ переѣзда менѣе 25 верстъ, т. е. 5-ти часовъ, а—главное—ханъ этотъ какъ-то въ сторонѣ стоитъ, и не радушно выглядываетъ. — Что жъ? Не въ Ресну же ѣхать на ночлегъ, замѣчаю я. — За чѣмъ въ Ресну? А забыли развѣ *Грѣчани*? — Передъ вѣщимъ именемъ этимъ, разумѣется, все смокло и преклонилось. Представлялось полчаса ровной и спокойной дороги по берегу озера, а за тѣмъ и вознагражденная и, такъ сказать, отомщенная память минувшихъ злостраданій. — Чтожъ? И отлично! — Послѣдовало общее одобреніе. Садимся и ѣдемъ, взявши себѣ изъ хана провожатаго, который обязался, послѣ поворота съ большой Рѣсненской дороги, довести насъ до селенія *Грѣчанъ*. За это онъ выговорилъ себѣ 2 бешлыка, т. е. 10 піастровъ или полтинникъ платы, которые получилъ впередъ, на томъ основаніи, что мы—Богъ знаетъ—что за люди, а онъ человѣкъ „извѣстный". Провожатый былъ албанецъ, и спорить съ нимъ потому не приходилось, тѣмъ болѣе, что замѣнить его было не кѣмъ. Да и о чемъ спорить? Мнѣ уже, такъ сказать, видѣлся привѣтливый огонёкъ памятнаго хана. Оставалось держаться на него, и дѣло съ концомъ. Нѣмыя мѣста эти множество разъ шумѣли и кипѣли такою жизнію, передъ которою молчаливая передвижка 5—6 всадниковъ, какъ мы, можетъ казаться игрою сумерочныхъ тѣней. Тутъ римскіе консулы, императоры, цари и крали и разные жупаны и войводы — велицыи и малiи стояли необозримыми лагерями на широкой *Равнѣ*—пограничномъ пунктѣ Греціи, Сербіи, Болгаріи, Албаніи и Македоніи то—Римской, то Византійской, то Эпиро-Акарнанійской. И чего тутъ не было! Если бы все пере-

сказать, что видѣла и по ночамъ слышала эта заспанная Преспа. — Да куда это онъ ведетъ насъ? спрашиваетъ кто-то заботливо впереди меня. Гдѣ озеро, и гдѣ мы? Тутъ подъ ногами какія то сибирскія тундры. Мы, просто, заблудились и колесимъ. — Ему отвѣчають, что при самомъ озерѣ нѣтъ, и быть не могло, дороги. Тамъ болото. Только на географической картѣ оно изображается рѣзко проведенною, береговою линіей, и дорога по необходимости идетъ далеко отъ него лучами. Болѣе часа тащились мы такъ невѣдомо куда за своимъ проводникомъ гуськомъ. Наконецъ онъ утѣшаетъ насъ извѣстіемъ, что впереди деревня, до которой онъ взялся довести насъ, говоритъ намъ по сему случаю: аддіо! и исчезаетъ. Направляемся мы по указанію деревни,—но попадаемъ въ воду, ищемъ объѣзда, наталкиваемся на другую воду. Рѣшаемся переѣхать ее въ бродъ. Лошади фыркаютъ и нейдутъ. Кое-какъ перебрались на ту сторону. Слышу впереди голоса: „опять вода!“ — Мы окончательно сбились съ дороги! говорю я.—Да, развѣ о дорогѣ идетъ дѣло! Мы ужъ цѣлый часъ лупимъ на прямикъ. Тутъ явился новый факторъ — вода, вотъ-что! отвѣчають мнѣ внушительно. А собственно, ни тотъ ни этотъ факторъ не значили бы ничего, если бы не дѣйствовалъ третій, самый важный, факторъ—мракъ ночной, о которомъ слѣдовало подумать еще въ ханѣ. Но вотъ впереди послышался лай собаки. Търпко спѣшно отправляется на голосъ ея. Мы постояли минуту въ ожиданіи, и сами направились туда же, руководясь уже не глазомъ, а ухомъ, и чуть ли уже не инстинктомъ. Мягкая земля исчезла подъ ногами лошадей, подъ копытами ихъ зазвякали голыши, и изъ за очерка ближайшаго дерева вдругъ выступили вертикальныя линіи дома. Старикъ нашъ стучался въ двери его, что̀ есть мочи. Добились наконецъ голоса. Оказалось, что до желаннаго хана еще не близко, что дороги туда нѣтъ никакой, а мѣстность переполнена протоками. Ну... Одиссея! подумалось мнѣ. Долго ли и намъ, подобно Улиссу, явиться къ мѣсту покоя своего безъ рубахи!

Кое-какъ уговорили почивавшаго сельчанина довесть насъ до мѣста за 3 піастра (20 коп.). И опять пошли колесить, держась, судя по звѣздамъ, съ сѣвера на югъ или юговостокъ, и не разъ пересѣкая воду. Хорошо, что привычные кони сами знали куда идти и что дѣлать, такъ что сѣдоку оставалось только ухватиться за гриву и отдаться въ волю Божію. Но, что многословить? Такъ какъ всему есть конецъ, то и мы наконецъ очутились лицомъ къ лицу съ своимъ достопамятнымъ пріютомъ, который впрочемъ никакого лица не могъ намъ показать въ настоящую минуту, какъ и въ минувшій вторникъ, за отсутствіемъ всего, что называется свѣтомъ. Поэтическій огонекъ въ окошкѣ принадлежалъ всецѣло области воображенія. Достучавшись спавшаго ханьджи, мы, по старой памяти, овладѣли немедленно очагомъ, развели подъ нимъ огонь, и наполнили пустынную хату говоромъ и движеніемъ. На этотъ разъ было и тепло и сухо и даже не дымно. Съ появленіемъ самовара обстановка совсѣмъ получила праздничный видъ. Возвеселиться и возрадоваться, право, стоило послѣ стольких злостраданій дня горныхъ и дольнихъ. Послѣднее вечернее впечатлѣніе, оставшееся у меня въ памяти, относилось къ предложенному на рѣшеніе вопросу: какъ-то теперь сидятъ въ Св. Наумѣ и перецѣживаютъ дорогихъ гостей о. Игуменъ со Владыкой? Мнѣ же въ тотъ моментъ поздній казалось, что и это предполагаемое собесѣдованіе сановниковъ церкви въ пустынѣ Св. Наума относилось къ царству фантазіи. Владыка вѣроятно вслѣдъ же за нами [1]) отправился въ свою резиденцію дознавать по горячимъ слѣдамъ, что̀ мы натворили тамъ для успѣховъ Панславизма въ средѣ его (безсловеснаго) словеснаго стада. А игуменъ, конечно, успокоившись отъ хлопотъ, въ тишинѣ своей кельи сидитъ и сводитъ счеты расходовъ, во что обо-

---

[1]) Говорили, что Е. П-во, чуть освѣдомился о нашемъ пріѣздѣ въ Охриду, какъ пожелалъ тотчасъ же поклониться св. Науму.

шлась ему честь принять у себя Владыку, чтобы не ошибиться въ итогахъ годоваго отчета.

Преспа. 5 Іюня. 1865. Суббота.

Спали повалкой на полу крѣпко и безпробудно не только до свѣта, но и до солнца и даже до.. Търпка, который доложилъ, что *у него* все готово. Предстояла грустная разлука съ однимъ изъ компаньоновъ, который, проводивъ насъ по своему „району", возвращался въ свою резиденцію къ своему начальству, на первыхъ порахъ оставшемуся безъ него, какъ безъ рукъ. Я завѣщалъ ему въ свободный отъ занятій часъ и день доискаться *Слимницы* [1]) и узнать, что̀ тамъ есть, и чего нѣтъ. Съ великодушіемъ, будто-бы „царскимъ", вознаградили мы (95 піастровъ) за ночлегъ свой гостинника, сѣли бодро на бодрыхъ коней, пожали другъ другу руки, отъѣхали, еще посмотрѣли партія на партію, взмахнули зонтиками, и поѣхали — два всадника на сѣверъ въ гору, а четыре — на югъ, по продолженію *Равны*, залитой тутъ водою. Минутъ 5 — 6 что-то тянуло голову назадъ, а потомъ пресловутая „волна жизни" охватила насъ своимъ свѣжимъ чувствомъ настоящаго, и — прошедшаго какъ не бывало! Назадъ не приходилось смотрѣть, чтобы хотя невольно возвратиться къ нему. Дорога наша шла по самому берегу озера. Было на чемъ покоить глаза. За далекимъ берегомъ его къ западу высились горы сплошнымъ кряжемъ. Верхушка вчерашней *Галичицы* задернута поднявшимся съ озера паромъ. На лѣво къ востоку возвышается покато на

---

[1]) Между тѣмъ — странное обстоятельство! На одной изъ позднѣйшихъ картъ Балканскаго полуострова читается при самомъ почти озерѣ, на той самой дорогѣ, которою мы ѣхали, деревня *Слимница*. Какъ могли мы не замѣтить ея? Если я, постоянно тащившійся позади другихъ, пропустилъ ее, не имѣя у кого спросить о ней, то другіе могли сообщить мнѣ о предметѣ, столько занимавшемъ наше общество.

нѣсколько верстъ западный склонъ *Перистери,* густо покрытый лѣсомъ. И еще разъ неудается мнѣ словить и запечатлѣть въ памяти обликъ любезной „голубки" съ запада. Ближайшія высоты закрываютъ ее. Погода стоитъ великолѣпная. И свѣжо и тепло и чисто и свѣтло и ласково — прибавилъ бы я, если бы надѣялся передать этимъ словомъ подводимое подъ него ощущеніе. Минуты переживаются благодатныя, „на досугѣ" правится мысленно утренняя молитва — по „дорожному уставу", съ которою, оказывается, не легче ладить, чѣмъ и съ лѣнивою лошадью, убавляющею ходъ, чуть только перестанешь трогать ее желѣзомъ стремянъ. Но у молитвы я замѣтилъ другой норовъ, объяснить который не легко изъ началъ книжной психологіи. Никогда она не отстанетъ, а забѣжать впередъ любитъ.. Вотъ и сегодня, мѣсто ей было еще на Шестопсалміи, а она уже забѣжала въ Великое Славословіе, воспользовавшись общимъ тому и другому мѣсту текстомъ. А удавалось словить ее безвременно и въ: *благословлю Господа,* — послѣднемъ терминѣ утренняго молитвословія, куда она зашла конечно путемъ невообразимыхъ эволюцій, напоминающихъ нашу кавказскую джигитовку или бедуинскую фантазію.. Что ни говори, а норма души очень проста въ иныхъ проявленіяхъ, служа сколкомъ часто совсѣмъ не похожихъ на нее предметовъ. То она сидитъ, такъ сказать, и дремлетъ, то носится по всѣмъ направленіямъ.. Привязать ее къ чему нибудь одному при этомъ уже нельзя ни лишеніемъ, ни удовлетвореніемъ, ни страхомъ, ни ласкою и никакимъ на свѣтѣ приказомъ. Всѣмъ извѣстны впрочемъ примѣры того, что люди простаивали на созерцательной молитвѣ цѣлыя ночи, а одинъ подвижникъ [1]) пробылъ на такой молитвѣ безсмѣнно 40 дней и 40 но-

[1]) Преп. *Виссаріонъ,* котораго я считалъ, по ошибкѣ, стоящимъ въ Святцахъ именно подъ 6-мъ іюня, отчего и припомнилъ его чудную жизнь. Человѣкъ всю жизнь переходилъ съ мѣста на мѣсто (отчего приравнивается въ пѣсняхъ церковныхъ къ птичкѣ) и спалъ не ложась, а сидя или стоя..

чей! Дѣтское разсужденіе было бы — приписывать эту закрѣпленность молитвы или отсутствію развлекающихъ предметовъ, которые перебрасываютъ душу, какъ мячикъ, изъ конца въ конецъ, и всего чаще *за* вожделѣнный конецъ „умнаго дѣланія", или махинальности разсудка, для котораго достаточно одного завода на цѣлую ночь.. Люди тѣ молились не по приказу и не отъ нечего дѣлать и не для моціона, а по влеченію любви, по расчету вѣчной пользы и по выносимому изъ упражненія сердечному удовольствію. Вотъ отъ чего у нихъ молитва и не сбѣгала и не забѣгала впередъ, какъ наша! Читатель, по общеприписываемой ему благосклонности, да проститъ мнѣ этотъ, тоже въ своемъ родѣ, отбѣгъ отъ дѣла. Не все же сваливать вину дорожныхъ впечатлѣній на коня. Пусть за нихъ отдѣлывается и всадникъ!

Дорога отходитъ отъ озера нѣсколько къ горамъ. Напрягаю зрѣніе, чтобы различить въ нихъ гдѣ нибудь монастырь, который могъ бы назвать Слимницкимъ, но ничего не могу примѣтить. Изъ кустовъ доносится говоръ куропатокъ. При нашемъ приближеніи, онѣ поднимаются и летятъ въ сторону. Сзади раздается выстрѣлъ. Это Търпко покусился достать въ небѣ даровой завтракъ, но остался при одномъ намѣреніи, не согласномъ, къ тому же, и съ уставами церкви. Однако неудача его подзадорила болѣе молодую кровь. Нѣсколько разъ мы получали приказаніе остановиться и не шевельнуться. Мы охотно выполняли это. Раздавался выстрѣлъ, завтракъ улеталъ.. „къ татарамъ", какъ говорилось въ дѣтствѣ о молокѣ, напрасно ловимомъ воображеніемъ въ чистый понедѣльникъ.. Предлагается стрѣлку совѣтъ перемѣнить стихію, и мѣтить на рыбу въ озерѣ.. Кончился и охотничій эпизодъ. Чѣмъ еще занять вниманіе? Развѣ именемъ: *Преспа?* Очевидно славянское, слово это когда появилось въ исторіи въ первый разъ, не можемъ сказать. Ждемъ этого отъ нашихъ славянистовъ, отъ „содружества" *Гласника* и отъ патріотовъ—филологовъ, для

которыхъ ничего не стоитъ усмотрѣть тутъ греческой корень περισπῶ или еще иначе какъ, по образцу *Перилапа,* и заключить, что начало слова должно восходить къ Ираклидамъ.. У древнихъ писателей географовъ оно не упоминается. Дорожники не знаютъ его. На Певтингеровой картѣ изъ четырехъ сосѣднихъ озеръ горныхъ упоминается только самое большое *Лигнидское.* Византiйцы, конечно, знали его, но кажется именемъ его называли болѣе лежавшiй при немъ городъ. Городъ же, какъ варварскiй, представлялся имъ по обычаю во множественной формѣ, какъ *Преспы.* Турки переиначили имя въ *Пѐрсепе,* точно такъ, какъ поступили и съ Прилѣпомъ. Хотя всего прямѣе конечно производить слово отъ дѣйствiя *преспанiя,* т. е. ночлега въ мѣстахъ этихъ какого нибудь доисторическаго лица съ рѣшительнымъ для края значенiемъ, но кажется истинная причина происхожденiя его заключалась въ болѣе простомъ физическомъ явленiи—пересыпанiи, совершенно такъ, какъ произошла Одесская *Пересыпь.* Въ этомъ мы убѣдились, когда противъ всякаго ожиданiя замѣтили впереди себя конецъ озера. По расчетамъ, ему слѣдовало еще тянуться на цѣлый часъ. Подъѣхавъ ближе къ плоскому и голому южному берегу, мы за нимъ усмотрѣли опять воду. Оказалось, что эта была песчаная коса, вдающаяся далеко въ озеро съ востока на западъ, широкая въ началѣ и постепенно съуживающаяся. По этой пересыпи мы и направились, оставивши дорогу идти вдоль втораго озера. Насъ привлекла вдали на перемычкѣ одинокая фигура человѣка, двигавшаяся туда и сюда. Подъѣхавши ближе, мы увидѣли рыбака и въ рукахъ его такой величины рыбу, что, не смотря на относительно раннiй еще часъ, почувствовался при видѣ ея аппетитъ. Рыбакъ охотно уступилъ намъ свою добычу за 2 бешлыка. Онъ же провелъ насъ далѣе по перешейку, какъ видно весьма часто заливаемому водою, къ каменистому холму, принадлежащему или отдѣльному острову, или уже западному берегу озера. На холмѣ мѣловаго свойства оказалась пещера, въ ко-

торой мы и укрылись отъ солнечныхъ лучей. При помощи рыбака, мы немедленно поставили самоваръ, и даже принялись варить уху, которая такъ удалась, что, по мнѣнію достоуважаемаго повара, могла быть подана къ столу самаго Императора Василія (нашего—„шурина“), если бы онъ все еще проживалъ тутъ, строя городъ *Василиду*, въ свое славное имя [1]).

Уплативши дань природѣ, мы стали всматриваться на досугѣ въ свое положеніе. Кромѣ насъ, не было ни души на всемъ видимомъ пространствѣ. Пройтись было не куда, взбираться на скалу не хватало силъ, спать не позволялъ полдневный зной. Оставалось продолжать смотрѣть на противолежащій островъ, закрывающій отъ глаза почти все южное озеро, которому карта даетъ особое имя: *Вентрокъ*. Ни какого острова по Киперту на немъ нѣтъ. Вѣнскіе топографы означили островокъ и поименовали его: Kloster. Рыбакъ назвалъ намъ его *Агилемъ*. Съ перваго взгляда онъ представляетъ изъ себя глыбы камня, поросшія лѣсомъ, но въ тоже время рисуются и очертанія построекъ, какъ бы крыши, а къ восточному концу и цѣлый остовъ какого-то огромнаго зданія съ рядомъ столбовъ. Въ зрительную трубку отчетливо различались двѣ-три убогія каливы, заслоненныя отъ насъ (съ сѣвера) природною возвышенностію, а столбы оказались стѣною разрушенной церкви, пробитою рядомъ высокихъ и узкихъ оконъ. Немедленное заключеніе: это и есть древняя *Преспа*, столица царя Самуила, давшая свое имя озеру. На случай справлюсь у Lami. Что же вижу? 8 разъ на одной страницѣ встрѣчается имя *Преспы* (3 раза:

---

[1]) По *Кедрину* (кн. 11, стр. 469, Бон. изд.), Императоръ, проживая въ Охридѣ, принималъ вѣрноподданническія заявленія родственниковъ Самуила. А, кончивъ это, переѣхалъ черезъ гору на озеро *Преспу*. Но, проѣзжая горою (видимо нашимъ путемъ), успѣлъ выстроить надъ озеромъ крѣпость своего имени. Другую же крѣпость выстроилъ въ самомъ озерѣ (ἐν τῇ λεχθείσῃ λίμνῃ). На новой картѣ Киперта (1870) указывается на сѣверномъ озерѣ островъ: *Градъ*. Можетъ быть, онъ и есть постройка Императора.

Presрa и 5 разъ: Presba), и при всемъ томъ остается неизвѣстнымъ, о чемъ идетъ дѣло, объ озерѣ или о городѣ. Обращаюсь за комментаріемъ къ обстоятельному Pouqueville-ю, и вторично разочаровываюсь въ немъ самымъ непріятнымъ образомъ. Возложить столько надеждъ на него, и вдругъ отыскать у него на 70-й страницѣ (т. III. изд. 1826 г.) городъ *Преспу* съ 600 семействами магометанскими и христіанскими de race bulgare, которая и есть бывшая столица царя Самуила, куда онъ перенесъ мощи Св. Ахиллія изъ Лариссы, завоеванной его оружіемъ, — а на слѣдующей 71-й страницѣ наткнуться еще на другую *Преспу*, резиденцію архіепископа и губернатора (chef-lieu de canton), съ 300 христіанскихъ и 100 магометанскихъ семействъ! Что теперь дѣлать съ двумя Преспами, изъ коихъ ни одна не помѣчена на картахъ [1]? Гдѣ искать ихъ? Спросить же рѣшительно не у кого. Рыбакъ, повертѣвшись около насъ минутъ 5—6, оставилъ насъ. Търпко подтвердитъ или отвергнетъ что хотите. Ему все равно. Надежда осталась на жителей острова *Агиля*. Въ трубу давно тамъ усмотрѣны бѣгавшія на берегу дѣти, но и они скрылись—вотъ уже съ часъ времени. Если бы не двигались около развалинъ между деревьями коровы, можно бы счесть островъ необитаемымъ. Такъ какъ, однако-же, по всей видимости наше убѣжище было самымъ ближайшимъ пунктомъ сообщенія островитянъ съ твердою землею, и такъ какъ все же попасть оттуда къ намъ въ бродъ не возможно, то естественно выходило заключеніе, что на островѣ должна быть лодка. Рѣшено было кричать, чтобы намъ прислали таковую. Перепытали всѣ мы свои голоса, называя требуемый предметъ по гречески, по болгарски, по албански, по турецки и даже по русски. Но никакого

---

[1] Только на старой (1821) картѣ Vaudoncourt, подъ верхнимъ озеромъ крупно напечатано: PRESPA. Очевидно, что̀ тутъ происходитъ. — Повторяется упомянутая выше исторія съ *Моглeной*. Имя области или мѣстности придается воображаемому городу.

отклика съ острова не было, и никто на зовъ нашъ не показывался. Точно заколдованный за́мокъ старыхъ разсказовъ!

Мы уже собирались ѣхать дальше по берегу, довольствуясь тою *Преспою*, какую видѣли, какъ къ немалому удовольствію нашему замѣтили, что на островѣ отъ массы камней отдѣлилась человѣческая фигура, лѣниво движущаяся, сошла на берегъ и скрылась за камышомъ, служащимъ широкою опушкою и тому и нашему берегу. Камышъ зашевелился, и изъ него выдвинулся каикъ, во всемъ подобный Охридскому, только меньшихъ размѣровъ. Когда онъ приблизился къ намъ, мы увидѣли въ немъ двухъ молодыхъ парней, одинъ гребъ и правилъ лодкой, а другой.. лежалъ растянувшись на плоскомъ днѣ ея, какую неся службу, неизвѣстно. Первый не замедлилъ привѣтствовать насъ греческимъ: *калимера*. Открылась такимъ образомъ возможность переговоровъ. Мы изъявили желаніе побывать на островѣ, на что не послѣдовало ни приглашенія ни отказа. Условились, меня съ Търпкомъ оставить на берегу беречь вещи, а компаньонамъ отправиться соглядатаями на островъ. Осмотрѣвъ лодку и смѣрявъ глазомъ разстояніе до того берега, мореходъ мой покачалъ головой, и задумался. Оказалось, по его словамъ, воды въ посудинѣ на одномъ уровнѣ съ озеромъ! Но нечего было дѣлать. Вычерпывать значило повторять обратную работу Данаидъ. Не знаю съ какими приспособленіями съумѣли оба мои спутника отплыть отъ берега, стоя. Долгъ историка требуетъ замѣтить, что еще прежде, чѣмъ они выбрались изъ камышей, разошлись во взглядахъ на способъ управлять движеніемъ, и покрупнословили таки на память бранчиваго царя Самуила. Я слѣдилъ за ними трубкою, пока они благополучно высадились на островъ, и скрылись за камнями. Не прошло и 10 минутъ, какъ одинъ изъ нихъ отчалилъ обратно отъ острова, самъ одинъ управляя каикомъ. — Ну, что? какъ? спрашиваю его еще издали. Изъ надутыхъ щокъ его вылетаетъ какой-то отрывистый звукъ, относимый въ

грамматикѣ къ *осьмой* части рѣчи. Сердито пхнулъ онъ ногою незнать зачѣмъ лежавшаго по прежнему на днѣ лодки парня „съ телячьими глазами", плюнулъ въ озеро, и выпрыгнулъ на берегъ. — Ну, лодка! воскликнулъ онъ отчаянно. — А что? отвѣчалъ я, вѣдь доплыли поживу — поздорову, чего-жъ еще нужно? По Сенькѣ и шапка, по Преспѣ и лодка! — Разгнѣванный морякъ ничего слышать не хотѣлъ. Профанація такого священнаго дѣла, какъ плаваніе, превосходила всякую мѣру терпѣнія въ глазахъ его. — Что-же? Есть тамъ какая нибудь Преспа? спросилъ я его, желая отвлечь вниманіе его отъ несовершенствъ мѣстной навигаціи. — Готовьте карандаши Тамъ есть надъ чѣмъ поработать, отвѣчалъ товарищъ, видимо уходившись и отдавшись въ волю рока. Старику данъ приказъ ѣхать по вчерашнему съ лошадьми кругомъ озера въ *Попли*, а я съ самонужнѣйшимъ сакъвояжемъ приглашенъ былъ въ допотопный ковчегъ, гдѣ уложенный заботливымъ шкиперомъ чурбанъ давалъ мнѣ возможность держаться поверхъ воды. Камышъ зашумѣлъ, разступаясь при нашемъ проѣздѣ и снова смыкаясь за нами. Лежавшій впереди парень то улыбался, то жмурился. — За чѣмъ онъ тутъ? спросилъ я. — Идіотъ какой-то. А то можетъ быть кладутъ его вмѣсто балласта.—На счастье наше и вчера и сегодня полное безвѣтріе, замѣтилъ я, когда мы были на серединѣ между камышами.—Заставилъ бы я нашихъ моряковъ вотъ на такой „двойкѣ" пускаться въ гонку въ Буюкдере, отвѣчалъ бравый рулевой, мысленно созерцая себя совсѣмъ въ другой обстановкѣ.. Вторично разсѣкаемъ цѣлый лѣсъ камыша, и благополучно пристаемъ къ берегу.

Здороваюсь съ выученною, такъ сказать, наизустъ мѣстностію, и поднимаюсь на пригорокъ. За камнями открывается цѣлый поселокъ, за которымъ тянется далеко ровная площадь, заканчивающая собою горизонтъ. Островъ кажется материкомъ. Направляемся къ бо́льшему изъ домовъ. На лѣсенкѣ встрѣчаетъ насъ хозяинъ, пожилой болгаринъ. Въ длинныхъ сѣняхъ разостланы рогожки, а въ глубинѣ у

стѣны пестрѣетъ и коверъ съ подушками по восточному обычаю. Видно, что хозяинъ—человѣкъ съ достаткомъ. На полу по сторонамъ сидятъ, поджавши ноги, 5 — 6 мальчиковъ съ книгами на колѣнахъ. Когда меня усадили на подобающемъ мѣстѣ, хозяинъ далъ знать, и дѣти зачитали, каждый свой урокъ. Чтеніе было греческое. Читали кто по Минеѣ, кто по Октоиху. — Что, тутъ школа, что-ли? спросилъ я хозяина. — Дай Боже, ни! отвѣчалъ онъ.—Компаньонъ, прежде меня прибывшій, поспѣшилъ объяснить, что жителямъ представилось, что пріѣхалъ Деспотисъ изъ Охриды. Оттого намъ такъ долго и не посылали лодки, все готовились принять его, и чтобы показать товаръ лицомъ, усадили и дѣтей съ греческими книгами при входѣ въ домъ.— А по болгарски умѣютъ читать мольцы? спросилъ я. — Дай Боже, ѽште, отвѣчалъ хозяинъ, т. е. еще нѣтъ. И такъ вездѣ все тоже явленіе, которое я бы назвалъ богоборствомъ и по меньшей мѣрѣ „напираніемъ противу рожну“, по выраженію божественному! Слѣпые вожди народные садятъ упорно цѣлый народъ въ потемки! Почтенный хозяинъ былъ, однако же, настолько сдержанъ, что ни однимъ словомъ не выдалъ своего самомалѣйшаго неудовольствія на какихъ бы то ни было властей, любимымъ (и на первый слухъ весьма страннымъ) выраженіемъ своимъ: *дай Боже* закрывая и подавляя все, что гнѣздилось въ его сердцѣ. При томъ же видя, что мы говоримъ лучше по гречески, чѣмъ по болгарски, могъ—пожалуй—предполагать въ насъ шпіоновъ, подосланныхъ Великою Церковію. Это огреченное славянство было, впрочемъ, какъ бы предисловіемъ ко всѣмъ нашимъ археологическимъ поискамъ въ Преспѣ. Мы узнали, что *Агиль* есть собственно *Ахиль*, а Ахиль вышелъ изъ имени *Ахиллія*, епископа Ларисскаго, котораго Св. мощи Царь Самуилъ, въ одинъ изъ своихъ набѣговъ на Грецію, забралъ въ Ларисѣ и перенесъ сюда, гдѣ у него былъ дворецъ [1]).

---

[1]) Кедринъ, т. 11 стр. 436. «Этотъ воинственный человѣкъ, никогда не знавшій

На вопросъ, извѣстно ли, гдѣ теперь находятся мощи Святителя, хозяинъ отвѣтилъ, что вѣроятно подъ развалинами „вѐлике Церкве", именуемой такъ по величинѣ развалинъ ея и въ отличіе отъ десятка другихъ малыхъ церквей, разбросанныхъ по острову. Такое обиліе храмовъ, занимающихъ, какъ видно, обширное пространство, говоритъ ясно, что тутъ былъ не просто монастырь (Kloster), а цѣлый городъ, построенный или *Самуиломъ* или, какъ думаетъ Пуквиль, *Радомиромъ* княземъ Сербскимъ [1]).

Послѣ обычныхъ угощеній вареньемъ, кофе и мастикой, мы, не теряя времени, отправились обозрѣвать древности мѣста. Все мужское населеніе деревни, состоящей изъ 4-хъ домовъ или *кучъ* (кущей?), по мѣстному словоупотребленію, разумѣется, слѣдовало за нами. Ближайшею древностію былъ цѣлый холмъ развалинъ, съ обломкомъ на вершинѣ одной колонны, украшенный нарѣзнымъ знаменіемъ креста. Мѣсто удержало за собою имя *Св. Петра.* Изъ мусора рѣзко выступаетъ кубическая (71 × 73 × 63 фр. м.) форма однаго камня сѣраго

покоя, воспользовавшись междоусобіемъ въ греческихъ войскахъ, сражавшихся съ Склиромъ, учинилъ набѣгъ на весь западъ, не на Ѳракію только и Македонію и окрестности Ѳессалоники, но и на Ѳессалію и на Элладу и на Пелопоннисъ, и взялъ много крѣпостей, главнѣйшую же — Лариссу, которой жителей переселилъ со всѣми семействами и имуществомъ во внутреннія части Булгаріи, и, внесши ихъ въ свои военные списки, употреблялъ ихъ въ своей войнѣ съ греками. Перенесъ же—и мощи св. Ахиллія, бывшаго при Константинѣ Великомъ Епископомъ Ларисскимъ, и присутствовавшаго на великомъ и первомъ Соборѣ съ Ригиномъ Скопельскимъ и Діодоромъ Трикксскимъ, и положилъ ихъ въ Преспѣ, гдѣ у него былъ царскій дворецъ».

[1]) Не знаемъ, что сказать о *Радомирѣ* князѣ Сербскомъ. Свидѣтельство о немъ Пуквиль беретъ у Стриттера (Gott. Stritt. Bulg. C. XII. § 168). Такъ какъ самъ писатель очевидно не былъ въ этихъ мѣстахъ, то и это показаніе его не менѣе другихъ сбивчиво.]По его словамъ, на озерѣ четыре островка и одинъ островъ, возвышающійся въ видѣ конуса, вѣнчаемый церковію и монастыремъ въ честь Архангеловъ, выстроенными на мѣстѣ замка Радомирова.. Какой островъ и какую церковь разумѣетъ онъ тутъ, строго говоря, нельзя рѣшить. Своими *двумя* Преспами онъ перепуталъ все.

цвѣта, поросшаго лишайчатымъ мохомъ. На одной изъ его сторонъ мы имѣли удовольствіе прочитать и списать слѣдующую греческую осмистрочную надпись.. *Городокъ. Юлія Криспа, архіерея и благодѣтеля. Чести ради. Черезъ попечителей Дихарха Димитрія и Тимолая Діонисіева сына* [1]) т. е. (имярекъ) городъ поставилъ этотъ памятный камень въ честь такого-то, стараніемъ такихъ-то. До крайности жаль, что самое дорогое для насъ въ надписи—имя города—не уцѣлѣло. Все возможное стараніе приложено мною къ тому, чтобы возстановить стертыя три — четыре буквы, которыми начиналась надпись, но безуспѣшно. Предоставляю спеціалистамъ угадать, какой былъ въ древности городъ на мѣстѣ нынѣшняго *Агиля* [2]). Камень по своей тяжести не могъ быть перенесенъ сюда отъ инуда. Послѣ

---

[1]) ωννπολεις μα... Ἰούλιον Κρίσπον τὸν ἀρχιερέα καὶ εὐεργέτην τειμῆς χάριν δι' ἐπιμελητῶν λειχάρχου Δημητρίου καὶ Τιμολάου υἱοῦ... Διονυσίου. Въ μα можно видѣть и начальныя буквы собственнаго имени (напр. Марка) и просто окончаніе слова: πόλισμα= городокъ, мѣстечко. Предположивъ это послѣднее чтеніе, слѣдуетъ думать, что *Криспъ* былъ чужое мѣсту лицо. Ибо архіерей — pontifex едва ли могъ проживать въ «мѣстечкѣ». Хотѣлось бы въ: λειχάρχου, не дающемъ смысла, читать: Δημάρχου, но едва ли возможна орѳографическая ошибка въ ει вмѣсто η. Собственное имя: Crispus выноситъ надпись въ Римскій періодъ.

[2]) Кажется вся Ресно-Преспинская равнина, т. е. теперешняя *Равна*, включительно съ озеромъ, звалась въ давнія времена *Елимеей* или *Елиміотидой*. Единственный компетентный писатель историкъ *Титъ Ливій*, разсказывая о движеніи римскаго войска, воевавшаго съ Филиппомъ V Македонскимъ, съ сѣвера на югъ, упоминаетъ сперва о *Стуберрѣ* (Трескавцѣ), гдѣ консулъ Сульпицій, имѣя стоянку, стягивалъ къ себѣ провіантъ съ полей Пелагоніи. Оттуда перешелъ въ *Плувину* (Pluinna), изъ Плувины на рѣчку *Осфагъ*. А Филиппъ тутъ-же неподалеку стоялъ на берегу рѣки *Эригона* (теперешняя *Чърна*, *Кара-су*). Видно, что дѣло происходило въ верховьяхъ Битольской долины у *Крушово*. Тутъ гдѣ-то въ тѣснинѣ произошла битва. Римляне побѣдили и перешли за тѣмъ въ *Эордею*, но такъ какъ поля ея были опустошены, перемѣстились въ *Элимею*, откуда сдѣлали набѣгъ на *Орестію*, гдѣ взяли приступомъ городъ *Целетръ* (Касторію). Изъ нея направились на *Дассарецієвъ*, и взяли съ меча городъ *Пеліонъ*.. Все это происходило въ окрестныхъ мѣстахъ не сомнѣнно. Дассареція могла простираться по обѣ стороны Галичицы на оба озера, и нашъ *Агиль* весьма могъ быть въ то время *Пеліонъ* или *Пеліоннъ* (по

этого единственнаго (или единственно-извѣстнаго) памятника языческой эпохи острова, мы перешли къ христіанскимъ развалинамъ, стоющимъ носимаго ими названія *Великой церкви*. По крайней мѣрѣ, съ перваго раза поражаютъ онѣ своимъ множествомъ и размѣрами. Церковь Св. Ахиллія обличаетъ въ себѣ дѣйствительно царскую постройку. Отъ всего зданія уцѣлѣли только, и то отчасти, сѣверо-восточная стѣна, да часть южной стѣны, отдѣлявшей среднюю часть храма отъ правой галлереи. Ни одного купола, ни даже простаго свода не осталось на своемъ мѣстѣ [1]). Помостъ поросъ травой и кустарникомъ. По стѣнамъ сохранилось множество фресковыхъ изображеній одиночныхъ фигуръ святыхъ съ выцвѣтшими красками довольно порядочной кисти. Надписи при нихъ вездѣ греческія. Кругомъ лица̀ Іисуса Христа нѣтъ характеристичныхъ буквъ ὁων. Не удалось ни гдѣ досмотрѣться какой нибудь исторической замѣтки, ни даже чьей нибудь помарки по штукатуркѣ съ хронологическимъ указаніемъ. На сколько могъ, я сдѣлалъ приблизительный планъ развалинъ, и даже пытался снять на память легкій очеркъ ихъ, сердечно жалѣя, что такую богатую жатву археологическую обѣщавшій храмъ царя Самуила оказался совершенно нѣмымъ памятникомъ, и памятникомъ не— μνημεῖον, а — μνῆμα, т. е. гробомъ [2]).

Въ то время, какъ я занимался рисованьемъ, компаньоны уже до-

---

примѣру: Pluinna. etc.), откуда и могло выйти окончаніе ΩNN перваго слова упомянутой выше древней надписи.

[1]) Исключая алтарныхъ нишевыхъ арокъ, сохраненіе которыхъ по всему Востоку представляетъ собою нѣчто фатальное, бросающееся въ глаза самимъ магометанамъ.

[2]) Кѣмъ и когда разрушена церковь и раззорена бывшая столица Болгарская? Невѣроятно, чтобы соперникомъ и побѣдителемъ его, Императоромъ. *Пуквиль*, на основаніи показаній *Зонары* и *Стриттера*, говоритъ, что нѣмцы и французы разграбили городъ, разрушая, безъ всякаго уваженія къ священнымъ предметамъ, посвященную Св. Ахиллу церковь, которую строили Скиѳо-Славяне (tom. III. p. 70). Какіе нѣмцы и французы? Крестоносцы?

говорили каикъ, имѣвшій перенести насъ на онъ полъ озера, въ село *Пѳпли*. Я ихъ нашелъ на берегу острова у другихъ, гораздо лучше сохранившихся развалинъ церкви, а по выраженію островитянъ, монастыря *Богородицы*. Церковь малыхъ размѣровъ, внутри по стѣнамъ вся расписана иконами. Возлѣ входныхъ дверей замѣчено по гречески: *Моленіе раба Божія Ѳеодосія іерея. Года 7030* (1522), *инд. 11.* Тутъ-же изображенъ и самъ ктиторъ или расписыватель храма въ видѣ колѣнопреклоненнаго и молящагося священника, облаченнаго въ бѣлый фелонь. Въ паперти церковной сдѣлано изображеніе Страшнаго Суда, помѣченное годомъ 7100 (1592 отъ Р. Х.). И та и другая кисть далеко уступаютъ иконописи большой церкви, но все таки свидѣтельствуютъ, что сто и полтораста лѣтъ спустя послѣ завладѣнія края турками, была тутъ возможность христіанамъ строить, или по крайней мѣрѣ украшать иконами свои храмы. Не все же вдругъ запустѣло, значитъ.

Тутъ же, у церкви Богоматери, мы и простились съ обитателями „Острова Блаженныхъ", поблагодаривши ихъ словесно за ласковый пріемъ, и обѣщавъ прислать дѣтямъ ихъ по славянской азбукѣ. Еще долго съ озера мы видѣли кланяющіяся фигуры и слышали типическое: *дай Боже.* Но и то и другое дружественное заявленіе казалось мнѣ какъ-то холоднымъ и какъ бы поверхностнымъ. Не такъ прощается знакомый грекъ, откушавшій съ вами хлѣба — соли. Ужъ не есть ли это *куцо-влахи*, которыхъ всѣ симпатіи и антипатіи подводятся къ двумъ знаменателямъ: не мѣшай мнѣ, и: живи себѣ? Или, можетъ быть, это потомки тѣхъ Ларисянъ, которыхъ вывелъ съ собой въ Болгарію Самуилъ, но которымъ не съумѣлъ внушить любви къ новой родинѣ. Неугомонный воитель вывезъ изъ Ларисы даже жену себѣ гречанку [1]), отъ которой имѣлъ и сына, наслѣдовавшаго

[1]) Кедринъ. т. II. стр. 459. Бон. изд.

ему по его смерти. Вообще, не только *Симеонъ* былъ человѣкъ греческаго образованія, но и *Самуилъ*, какъ надобно думать, былъ очень склоненъ ко всему греческому. Мало того, что самъ женился на гречанкѣ, онъ еще и дочь свою (отъ первой жены?) выдалъ за грека, съ которымъ она и убѣжала отъ суроваго отца въ Византію къ Императору. Мнѣ кажется, что онъ и говорилъ не по славянски, а по гречески, и можетъ быть, какъ нашъ нынѣшній хозяинъ, умѣлъ только при случаѣ молвить: *дай Боже!* Оттого и выстроенная имъ (предположительно) церковь, которую мы видѣли, носитъ внутри себя на всемъ печать эллинства и ни одного признака славянства, хотя въ его время уже существовало, и во всякомъ случаѣ не могло не быть извѣстнымъ при дворѣ, или хотя въ церкви, письмо славянское.

Хотѣлось бы что нибудь хорошее сказать про эту громкую и славную личность славяно-византійской исторіи. Обстоятельство, что онъ перенесъ изъ Лариссы въ свою столицу мощи Святаго, и, какъ видно, не пожалѣлъ ни денегъ, ни трудовъ, чтобы выстроить для него „великую“, по тогдашнимъ не широкимъ понятіямъ, церковь, представляетъ его не однимъ дикимъ завоевателемъ и разрушителемъ, но и благочестивымъ христіаниномъ, на сколько можно ожидать истиннаго христіанства отъ только что просвѣщеннаго вѣрою Христовою народа. Другихъ добрыхъ дѣлъ его не огласила скупая современность. А худыхъ не пожалѣла навязать на его память кажется уже больше, чѣмъ ихъ на самомъ дѣлѣ было. Ослѣпить, а потомъ и задушить, отца, да еще и государя (?), убить брата, да еще и со всѣмъ семействомъ, да еще можетъ быть и нѣсколькихъ братьевъ—конечно никогда не рѣшится хорошій христіанинъ, да и язычникъ призадумался бы надъ такимъ поступкомъ. Какъ ни печальны, ни страшны подъ часъ, страницы изъ исторіи Византійскихъ династій, по отцеубійствъ, какими запятнаны престолы Болгарскій и Сербскій, тамъ нѣтъ. Если отцеубійца *Душанъ* мстилъ за смерть своей невѣсты, убитой такъ ска-

зать подъ вѣнцомъ, то желательно бы что нибудь отыскать, смягчающее вину и Самуила. Что онъ былъ человѣкъ не безъ сердца, это видно уже изъ одной его женидьбы на плѣнницѣ. И другому плѣннику посчастливилось въ крѣпкихъ рукахъ его. Воюя съ кѣмъ попало, во имя войны, Самуилъ побѣдилъ и Подгорскаго князя *Владиміра*, котораго, какъ плѣнника, отправилъ на жительство въ Преспу. Участь человѣка могла быть самая печальная. Но судьбѣ угодно было, чтобы въ узника влюбилась дочь Самуила *Коссара*. Зная крутые нравы славянъ родителей стараго времени, можно было ожидать всевозможныхъ вспышекъ самодурства Самуила относительно молодыхъ людей. Ничего не бывало. Владиміръ сталъ любимымъ зятемъ суроваго краля, и возвратился съ честію княжить въ своихъ владѣніяхъ. По всей вѣроятности, Преспа была свидѣтельницею долговременныхъ празднествъ по случаю бракосочетанія бѣдной кралевны. Бѣдною мы называемъ ее не даромъ. По смерти Самуила, тутъ-же въ Преспѣ разыгралась самая жестокая кровавая драма въ духѣ времени царей Дассарецкихъ, Эордійскихъ, Элимійскихъ и т. д. Вкратцѣ расказывая, случилось слѣдующее. Преемникомъ Самуила былъ сынъ его *Радоміръ* (Романъ, Гавріилъ), рожденный отъ Ларисcянки. Не прошло и года, какъ онъ измѣннически былъ убитъ на охотѣ сроднымъ братомъ своимъ *Іоанномъ Владиславомъ*, сыномъ Аарона, убитаго Самуиломъ, котораго самого спасъ отъ подобной же участи великодушный Радоміръ. Убійца занялъ упразднившійся престолъ, и наслѣдовалъ вмѣстѣ съ нимъ войну съ Имперіей, но, по обычаю мелкихъ тиранновъ, вмѣсто того, чтобы напрячь всѣ свои силы на отраженіе главнаго и сильнаго врага, онъ напалъ на слабаго, на своего, на роднаго — ко всему этому — напалъ именно на Подгорскаго князя Владиміра, владѣвшаго Сербо-Хорватскою землею. Не рѣшаясь прямо и открыто воевать съ нимъ, низкій предатель вознамѣрился истребить его, какъ Радоміра, засадою. На сей конецъ пригласилъ его пріѣхать

къ нему на свиданіе въ Преспу, свою столицу. Тотъ, боясь участи шурина, не соглашался и требовалъ ручательства въ своей безопасности. Владиславъ послалъ къ нему Архіепископа Болгаріи *Давида* съ крестомъ изъ животворящаго древа. Тогда только рѣшился князь отправиться къ кралю. Между тѣмъ послѣдній далъ приказъ подстеречь путника въ лѣсу и убить. Подстерегателямъ показалось, что Владиміра окружаетъ большая свита, и они, не посмѣвъ напасть на него, пропустили его въ Преспу. Вовсе не ожидая себѣ гостя живаго, Владиславъ былъ внѣ себя отъ злобы на неудачу, и приказалъ такъ или иначе порѣшить съ родственникомъ. Послѣдній, прибывши въ Преспу, прямо отправился въ Церковь (конечно Великую, славную святынею мощей Священномученика). Съ нимъ вмѣстѣ вошли туда же и два архіерея [1]), которыхъ, какъ видно, онъ не отпускалъ отъ себя. Не успѣлъ онъ кончить своей молитвы, какъ ворвались въ церковь люди и умертвили его. Убиваемый, онъ укорялъ архіереевъ въ вѣроломствѣ, и указывалъ на крестъ.. (А архіереи на что̀ указывали, не

---

[1]) Кедринъ упоминаетъ объ одномъ только архіереѣ, котораго называетъ *Архіепископомъ Болгаріи Давидомъ*. Этотъ же самый святитель, по словамъ того-же историка, по смерти Владислава, посыланъ былъ вдовою его къ Императору *Василію* съ предложеніемъ подчиненія Болгаріи скипетру Римскому, что̀ и осуществилось. Видно изъ сего, что человѣкъ принадлежалъ къ дипломатамъ и ловкимъ царедворцамъ, но странно, что имя его не встрѣчается между извѣстными Архіепископами Болгарскими. Изъ времени этого у историка приводится нѣсколько замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей съ тѣмъ же именемъ, какъ-то: *Давидъ Арьянитъ* патрицій, поставленный въ городъ *Скопъ* комендантомъ, *Давидъ Несторитъ* «одинъ изъ начальниковъ (ὑπάρχων) весьма много значившихъ у Болгаръ», сдавшій Охриду Василію, и еще одинъ *Давидъ изъ Охриды*.. Не описка ли тутъ у византійцевъ? Вмѣсто Ἀρχιεπίσκοπος не надобно ли читать просто: Ἄρχων — вельможа? Ибо—повторяемъ—такой знаменитости человѣкъ, посредствовавшій въ обращеніи Державы Болгарской въ Имперскую область, могъ ли быть пропущенъ въ спискѣ Архіепископовъ, каковой намъ представляетъ упомянутый Index? *Другой* архіерей могъ быть мѣстный Преспинскій. Въ позднѣйшее время была Епархія Преспинская. См. о Епископѣ Преспинскомъ *Діонисіи* въ: Сношенія Россіи съ Востокомъ. Т. II. стр. 160.

извѣстно). Бѣдная *Коссара* выпросила себѣ на утѣшеніе тѣло мученика. Черезъ два года подлый убійца былъ убитъ неизвѣстно кѣмъ въ своемъ шатрѣ, при осадѣ Диррахія. А жена его *Марія* со всѣмъ царствомъ Сербо-Болгарскимъ отдалась Императору. Если давать какую нибудь вѣру убѣжденію того времени, что самъ Владиміръ явился ночью въ боевомъ шатрѣ Владиславу и убилъ его (даже однимъ своимъ явленіемъ), то Преспѣ, съ ея кровавымъ дѣломъ, нельзя отказать въ историческомъ значеніи. Дополнимъ рѣчь нашу о Преспѣ свѣдѣніемъ, сообщаемымъ историкомъ Михаиломъ Атталійскимъ, что въ Преспѣ умеръ Самуилъ. Если тутъ не описка, весьма возможная по сходству начертанія словъ: *Преспа* и *Прилѣпъ*, то развѣ могло быть такъ, что въ Прилѣпѣ Самуилъ заболѣлъ, и въ теченіе двухъ дней успѣлъ добраться до своей любимой резиденціи, гдѣ и скончался.

Populi. 5 іюня. 1865. Вечеръ.

Плывемъ, или какъ выражается сердитый спутникъ, передвигаемся по озеру, которому есть и особое имя *Вентрокъ* [1], держимся на юговостокъ къ намѣченному пункту, обливаемому оранжевыми лучами западающаго солнца. Зрѣлище тихое и ублажающее совпадаетъ отлично съ настроеніемъ души, прощающейся съ Славянскимъ міромъ. Далѣе хотя еще дня на два пути встрѣчаются селитвы болгарскія, но уже такими тонкими нитями расходятся по землѣ, что, встрѣ-

---

[1] У Пуквиля оно зовется *Дреново*, отъ лежащаго на берегу его мѣстечка этого имени. По увѣренію этого писателя, въ зимнее время изъ двухъ озеръ дѣлается одно. Раздвоеніе начинается въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, что и вѣроятно. На перешейкѣ мы утромъ сегодня еще пробирались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по водѣ. Стока воды озеро не имѣетъ. Полагаютъ, что она просачивается подземными путями въ Охриду. Барометрически опредѣленная высота его 2600 ф., слѣдовательно, поверхность его на 470 ф. выше поверхности Охридскаго озера.

чаясь съ кѣмъ нибудь въ дорогѣ, не можешь привѣтствовать его съ увѣренностію по славянски. Такъ мнѣ говорятъ, и такъ должно быть. Протискиваемся сквозь камышъ, и пристаемъ къ плоскому берегу, совершенно пустому. Пунктъ мною намѣченный, остался влѣво отъ насъ къ сѣверу. Это небольшая куча развалинъ, вѣнчаемая малою церковію съ красивымъ византійскимъ куполомъ. Расчитываемся съ каикчи; переѣздъ съ острова на твердую землю стоилъ намъ $13^1/_2$ піастровъ, да передній путь на островъ обошелся въ $12^1/_2$. Все сегодняшнее плаваніе ввело насъ такимъ образомъ, въ издержки, рубля на полтора бумажныхъ, или около $^1/_4$ иперпира, на деньги Императора Василія и Царя Самуила. Пѣшіе мы совершили небольшой переходъ до селенія *Попли* (Populi?)[1], гдѣ и водворились, по обычаю, въ ханѣ. На освѣдомленія наши о Търпкѣ съ лошадьми намъ ничего не могли сказать. Замедленіе его ввело насъ въ небольшое безпокойство. Тутъ вѣдь уже начинается страна паликаровъ, чтò въ переводѣ безгрѣшно можетъ быть передано нашимъ словомъ: сорвиголова [2]). Успокоивались тѣмъ, что старикъ и самъ въ молодости зналъ нѣкоторыя рукомесла, уважаемыя въ горахъ... Еще проходя деревней, да и теперь, сидя на открытомъ крылечкѣ хана, мы любовались все однимъ и тѣмъ же зрѣлищемъ, на сколько занимательнымъ, на столько же и внушительнымъ,—мирнаго поселянина, вооруженнаго, какъ говорится, съ ногъ до головы.—Вотъ мы и у Албанцевъ, которыхъ вы желали видѣть! слышу я въ родѣ

---

[1]) Просимъ извинить за нашу попытку латинизовать слово: *Попли*. Отъ одного патріота — римлянина (Румына) довелось разъ услышать, что Европа игнорируетъ цѣлый отдѣльный народъ, обитающій въ ней широкою полосою на рубежѣ народностей Славянской и Греческой, — *Куцо* (Custos?) — *Влаховъ*, римскихъ колонистовъ. Такъ какъ мы теперь въѣхали въ эту самую полосу, то и естественно искать въ ней слѣдовъ процвѣтавшаго тутъ когда-то латинства.

[2]) Слово *Паликаръ* производятъ отъ πάλιξ = πάλης πλέξ = возрастъ борьбы. Мы позволяемъ себѣ считать его составленнымъ изъ πάλλω и κάρα.

привѣтствія мнѣ отъ сосѣда и товарища по рогожѣ. — А вѣдь знаете что? прибавляетъ онъ. Въ этомъ народѣ есть что-то, при всей своей дикости, величественное. — Воображаю, отвѣчалъ я, особенно, когда герой темной минуты или рѣжетъ меня или хотя обдираетъ.—Рѣжетъ то онъ вообще рѣже, чѣмъ про него говорятъ, и даже обдирательствомъ не занимается ex professo, какъ это случается слышать иногда про вашихъ друзей тамошнихъ... Собесѣдникъ кивнулъ на югъ. А ужъ „ихняго" жидовскаго „нашимъ — вашинства" и съ фонаремъ не отыщешь въ этомъ первобытномъ племени.. Точно на сценѣ, при этихъ словахъ изъ воротъ показывается фигура парня лѣтъ 18—20-ти, худаго и бѣдно одѣтаго. Въ мускулистыхъ рукахъ его, разумѣется, торчитъ длинное, съ спиральною позолотою по дулу, ружье. Не поздоровавшись ни съ кѣмъ, онъ подошелъ къ намъ, и усѣлся на ближайшихъ ступенькахъ лѣстницы, съ любопытствомъ всматриваясь во все, что видѣлъ на насъ и при насъ. Наименѣе снисходительный изъ общества нашего не вытерпѣлъ такаго „нахальства", и довольно недружелюбно спросилъ гостя, говоритъ ли онъ по гречески. Оказалось, что говоритъ. И вотъ началась гуманизація дикаря. Прочитано было ему все отъ самыхъ общихъ началъ приличія до утонченныхъ законовъ высшей вѣжливости, не позволяющей мирному гражданину даже смотрѣть пристально въ глаза другому, а не то, что уставлять ему прямо въ лицо ружейное дуло. Парень выслушалъ все это не пошевельнувшись, только отвелъ глаза свои отъ насъ на стѣну дома, и не высказалъ ни малѣйшаго желанія ни оправдываться, ни даже просто возразить что нибудь моралисту. Взоръ его тяжелый и глубокій понравился однакоже мнѣ. Онъ говорилъ не объ идіотѣ и не о человѣкѣ, который сознаетъ себя провинившимся. Всего менѣе выражалось имъ затронутое самолюбіе, обѣщающее вспышку. Мнѣ кажется, онъ коротко и ясно думалъ: хорошо все это, но вѣдь ты не албанецъ, да при томъ же и чужой здѣсь, а въ добавокъ одинъ ты тутъ такой-то,

а насъ много, и мы хозяева. — Ну, смотрите, замѣтилъ я по русски компаньону, берегитесь его теперь. Чѣмъ меньше онъ отвѣчаетъ, тѣмъ больше замышляетъ что нибудь, выждетъ, да изъ за угла и пуститъ въ васъ свинцовую апологію.—Я его просто прогоню негодяя, заговорилъ было тотъ, но я предупредилъ его рѣшеніе, спросивъ гостя, не можетъ ли онъ проводить меня къ тѣмъ развалинамъ церкви или монастыря, которыя мы видѣли съ озера на берегу. Онъ сейчасъ же всталъ и показалъ видъ, что готовъ идти, но въ нерѣшительности остановился. Я поспѣшилъ успокоить его объявивъ, что онъ получитъ за труды 2 піастра (ок. 15 коп.). Чуть условіе было заключено, парень обратился ко мнѣ уже какъ къ *своему*. Я это чувствовалъ, хотя и не могу передать, что́ именно меня увѣряло въ томъ. Спутникъ — гуманизаторъ покачалъ головой, и пожелалъ мнѣ счастливаго пути, такъ какъ самъ не могъ идти со мной, озабоченный дѣломъ первостатейной важности, налагаемымъ на него его искусствомъ... l'art oblige!

За воротами мой провожатый вдругъ принялъ видъ такого паликара, что можно было засмотрѣться на его гордую поступь и просвѣчивавшееся сквозь всѣ диры его убогаго костюма сознаніе, что онъ отвѣчаетъ за жизнь другаго, взялъ подъ свой покровъ иноземца, и на тотъ моментъ далеко выше своего обыкновеннаго положенія въ деревнѣ. Это выражалось всякій разъ въ лицѣ его, когда онъ въ полоборота посматривалъ на меня, увѣряясь, цѣлъ ли я и невредимъ. Такъ мы прошли селомъ и направились къ озеру, гдѣ видѣлся заросшій деревьями холмъ. Мѣсто то зовется *Го́рица*. Кучи камней съ признаками прямыхъ линій говорили ясно, что тутъ былъ когда-то цѣлый монастырь, отъ котораго уцѣлѣла теперь только церковь, тоже опустѣвшая и заросшая вездѣ, гдѣ можно, травою и кустарникомъ, безъ дверей и окончинъ. Но, къ удивленію, почти вся ея стѣнная иконопись сохранилась невредимою. Она довольно хорошей кисти,

строгаго церковнаго стиля, съ греческими надписями. Маленькій, но изящный храмъ этотъ въ планѣ своемъ представляетъ квадратъ сажени въ три, съ полукруглыми выступами на югъ, востокъ и сѣверъ. Къ западу же, вмѣсто выступа, одна прямая стѣна, пробитая широкою дверью, за которою была когда-то, одной ширины съ церковію, паперть, теперь совсѣмъ уничтоженная. Въ сѣверномъ выступѣ изображены по вогнутой стѣнѣ Св. Анна съ Богоматерью, въ южномъ — мученики, по западной стѣнѣ преподобные, а въ восточномъ (алтарномъ) углубленіи — типическіе лики Святителей, составившихъ чинъ литургіи, и другихъ. Красивое зданіе это возбуждало во мнѣ глубокую жалость своимъ искалѣченнымъ видомъ. Я бы еще долго любовался имъ, уносясь въ его безвѣстное прошедшее, если бы наступавшія сумерки не погнали меня домой. Обходя совнѣ церковь, я, къ немалому удовольствію своему, увидѣлъ на право отъ входа въ нее по стѣнѣ фресковое изображеніе, въ малыхъ размѣрахъ, двухъ молящихся женскихъ фигуръ, съ простертыми впередъ руками, и съ славянскою впереди ихъ надписью, содержащею собственныя имена *Ангѣлы* и *Керки*, и мужское имя *Драгошевичимира* [1]). Упоминаетъ ли какая хроника объ этихъ лицахъ, очевидно ктиторахъ храма, не знаю. Терпѣливо ожидалъ меня, сидя на камнѣ, мой оруженосецъ, не проронивши во все это время ни одного слова. Также молча мы и возвратились съ нимъ на квартиру. Расплачиваясь съ нимъ за труды его, я спросилъ было у казначея пол-бешлыка (пол-піастромъ больше противъ условленной цѣны), но ригористъ воспротивился такой потачкѣ „арваниту", говоря, что такъ его можно испортить въ его единственной добродѣтели — честномъ словѣ. Получивъ деньги, юноша, безъ малѣйшаго выраженія довольства или неудовольствія, поворо-

---

[1]) Не умѣемъ прочитать начальное слово надписи: *Манисл.* или *Мацисл.* Передаемъ всю надпись въ точной копіи.

гался и ушелъ, не сдѣлавъ намъ ни рукой ни миной, по прежнему, никакого привѣта. — Вы думаете, что онъ остался бы признательнымъ за прибавку? замѣтилъ презрительно въ слѣдъ его гуманистъ. Не туда смотритъ голова его. — Да мнѣ мало нужды до его признательности, замѣтилъ я про себя. Довольно, если я буду признательнымъ. Человѣкъ — дикій и жестокій — оставался болѣе часа со мною одинъ на одинъ въ глухомъ мѣстѣ. Что ему мѣшало сдѣлать мнѣ какую нибудь обиду при томъ, и затѣмъ отпереться, или — еще проще — скрыться куда нибудь, зная, что намъ нельзя оставаться на мѣстѣ и розыскивать его? Однакоже, ни малѣйшимъ движеніемъ, ни взоромъ онъ не внушилъ мнѣ никакого недовѣрія къ себѣ. Грекъ или Болгаринъ, и особенно первый, конечно, не пропустили бы случая при этомъ отнестись ко мнѣ даже сочувственно, распрашивая меня, предлагая мнѣ сверхъ-контрактныя услуги, разсказывая, объясняя и т. п. Но, за то, это была бы уже обыкновенная, обыденная доброта, а не было бы упомянутое выше „дикое величіе“! Въ подобныхъ этнологическихъ бесѣдахъ мы коротали вечеръ. Въ мое отсутствіе благополучно прибылъ и Търпко съ лошадьми. Самопоставленный поваръ угостилъ насъ такою ухою изъ „славянскихъ“ сазановъ сосѣдняго озера, которая уступала только „завтрашней“, имъ же намъ обѣщанной.

Хорошіе Дубы. 6 іюня. Воскресеніе.

Въ тѣ старыя, но не всегда добрыя, времена, когда овладѣть чѣмъ нибудь значило истребить прежде владѣвшаго, не только разноплеменники *Василій* и *Самуилъ* готовы были при первой возможности „покончить“ другъ съ другомъ, но и единокровные, и даже единородные, вырывали другъ у друга изъ рукъ то, что хотѣлось имѣть самимъ, не щадя послѣднихъ, а когда эти оказывались не въ мѣру крѣпкими, то и оставляли ихъ безъ головы.. Въ силу этого правила, по сказанію

историковъ, старѣйшій изъ четырехъ сыновей царя *Мокра* [1]), самъ величаемый тоже царемъ, *Давидъ* оказался въ одну темную ночь убитымъ на дорогѣ отъ *Пресны* къ *Касторіи*. Мѣсто, гдѣ совершилось преступленіе, означено у историка именемъ *Хорошихъ Дубовъ.* Кто убилъ Давида, осталось извѣстнымъ только этимъ самымъ Дубамъ. Самуилъ, конечно, не былъ при томъ, и въ подозрѣніи остались Влахи. Гдѣ росли невольные свидѣтели злодѣянія, историкъ не потрудился обозначить. Такъ какъ мы ѣдемъ теперь отъ Преспы къ Касторіѣ и предположительно по стародавней дорогѣ (не легко мѣняемой въ такой гористой мѣстности), то и возможно, что или уже минули, или еще минемъ роковые дубы. Высматривать ихъ теперь по дорогѣ было бы конечно напраснымъ трудомъ. Да и дѣло отъ того ни чуть не выигрываетъ. И для исторіи и для воображенія все равно, гдѣ бы они не стояли въ недобрый моментъ. Гдѣ остановился ногою или мыслію, тамъ они и есть, высятся и приглашаютъ подъ свою историческую тѣнь. Трудъ четырехчасоваго горнаго пути указалъ намъ мѣсто отдыха въ деревнѣ *Руль*. Тутъ, значитъ, и росли памятныя деревья, если только именемъ ихъ не называлось въ старину какое нибудь селеніе. Но — довольно о нихъ. Хорошаго — хотя бы это были и дубы — по немногу! Изъ *Попли* мы отправились часовъ въ 7 утра, взявъ съ собою провожатаго, еще разъ (вѣроятно уже — послѣдній) Болгарина. При самомъ выѣздѣ насъ встрѣтилъ еще и другой, нежеланный и неотверчивый проводникъ — дождь. Отъ самаго такъ сказать озера и начался подъемъ нашъ въ гору которая, по всему видно, есть старая знакомая наша, *Суха — гора*, по свидѣтельству Крушевацкаго Игумена, *Неречка Планина*, по картѣ, и

---

[1]) Имя царя (хотя бы уже краля или риги) *Мокра* такъ напоминаетъ собою нашего «царя Гороха»! Когда, гдѣ и надъ кѣмъ удалось ему царствовать? Анна Комнина самаго Самуила называетъ *Мокромъ*. Это было бы уже четвертое его имя.

Бора — по утвержденію Пуквиля, которую я рисовалъ изъ Вошпоранскаго хана, только обращенная къ намъ теперь западною стороною. По мѣрѣ возвышенія нашего надъ массою воды, стали обрисовываться берега Вентрока разными изгибами, о которыхъ картографы не имѣли ни малѣйшаго понятія. Впереди—перспектива нескончаемыхъ высотъ, межъ которыми вьется стежка наша, величаемая доро́гой и направляющаяся прямо на югъ въ лицо не показывающемуся съ самаго утра солнцу. Еще встрѣчаются селенія съ славянскими именами, напр. вправо *Локъ* (вѣроятно *Логъ*, если не locus, или еще иначе какъ по албански) и *Оловникъ* съ двумя церквями, что̀ одно уже говоритъ объ относительной важности мѣста. Далѣе въ горахъ укрывается, по словамъ проводника, незримая съ дороги *Кула*. А на лѣво, часахъ въ 3-хъ пути отъ дороги есть монастырь *Св. Троицы*, о которомъ, кромѣ имени, ничего не умѣлъ сообщить расказчикъ. Наскучившій уже, безпрерывный почти, подъемъ кончился, къ общему удовольствію передъ селеніемъ *Зеловымъ*, а по Киперту: Tschelowa. Отставшій было отъ насъ дождь не замедлилъ тутъ снова нагнать насъ, и „припустилъ“ съ такимъ напряженіемъ, что вызвалъ у одного изъ всадниковъ пресловутую фразу: pas trop de zêle, произнесенную, какъ замѣтилъ другой всадникъ, несомнѣнно подъ вліяніемъ виднѣвшагося впереди Зелова. Это дало поводъ досужей учености нашей пуститься въ безъисходную филологію. Славянофилу въ самомъ расположеніи села видѣлась буква Ѕ (зѣлò). Западникъ находилъ возможнымъ притянуть для объясненія латинское caelum (Итал. cielo, откуда Кипертова *Челова*). Воображаемый грекоманъ чуть только открылъ уста, чтобы предъявить теорію греческаго: ζῆλος (ревность), какъ ему повторили уже произнесенное разъ: pas trop de zêle.. Коротая время этими и подобными изслѣдованіями, вызываемыми первымъ, въ родѣ Зелова, встрѣтившимся именемъ, мы, къ великому удовольствію „Зѣльнаго“ славянина вдругъ спустились въ одну рѣчку, называемую *Желѣзицу*. —

А что? сказалъ онъ намъ укоритедьно, точно выигравъ закладъ, и это тоже греко-албанское слово? Торжество было вполнѣ на его сторонѣ. Не замедлила показаться расположенная при самой рѣчкѣ деревня *Руля*, въ которой мы и положили сдѣлать привалъ, такъ какъ были уже въ дорогѣ около 4-хъ часовъ. Поспросили, чѣмъ съѣстнымъ можно разживиться въ горней селитвѣ. Оказалось, что кромѣ луку нѣтъ ничего, подходящаго къ столу нашему. Намъ указали на противуположномъ берегу рѣчки одиноко стоявшій ханъ, въ которомъ дали малую надежду отыскать что нибудь и болѣе, чѣмъ одинъ зеленый лукъ. Мы переѣхали Желѣзицу въ бродъ. Русло ея, широкое и каменистое, даже въ такую пору половодья во многихъ мѣстахъ было совершенно обнажено. Ханъ оказался отлично пригоднымъ для насъ въ томъ отношеніи, что предоставилъ намъ возможность сварить уху, затмившую обѣ вчерашнія, изъ купленнаго въ Попли сазана „невѣроятныхъ" размѣровъ. По наведеннымъ справкамъ, до Касторіи оставалось меньше ѣхать, чѣмъ сколько мы проѣхали отъ Попли. Ясно такимъ образомъ, что мы избрали самую краткую, хотя конечно и самую неудобную, дорогу. На картѣ (Киперта) она не означается вовсе, и никакой нѣтъ возможности хотя приблизительно указать на ней мѣсто нашему хану. Видно, что и самую *Челову* составитель ея поставилъ на угадъ, по слухамъ [1]). О *Желѣзицѣ* тоже и помина нѣтъ, еще менѣе конечно о *Рулѣ*. За то, насъ утѣшили Вѣнскіе топографы, указавъ за переваломъ горы *Саракины* селеніе: Chrulia. Мы не только отыскали такимъ образомъ свой градусъ широты и долготы, на сколько можно было довѣрять чисто фантастическимъ указаніямъ карты, еще и возстановили настоящее чтеніе имени пріютившаго насъ мѣста. Оно вышло окончательно славянское. Нашъ *руль* можно еще считать паразитомъ въ языкѣ нашемъ, но *хруль*...

---

[1]) Возможно впрочемъ, что кромѣ *Зелова* есть по близости и *Челова*.

Расплачиваемся съ ханьджи, и ѣдемъ далѣе глубокою горней извилиной. 15 разъ пересѣкаемъ вьющуюся Желѣзицу. Дождь, на сколько хватало его, старался пополнить недостатокъ воды въ ней. Чтобы не дать мѣста напрасной досадѣ на то, чего поправить нельзя, мы вели по прежнему бесѣду. Разговаривать было о чемъ. Въ запасѣ воспоминаній каждаго отыщется конечно не одинъ десятокъ предметовъ, подходящихъ къ любому случаю. Вотъ напримѣръ сзади меня слышится клятвенное завѣреніе, что у насъ въ Россіи есть свои Меандры, извивающіеся на тысячи зигзаговъ, что сама Волга у Самары.. — Что *ваша* Волга — въ этомъ отношеніи? прерываетъ передній голосъ, посмотрѣли-бы вы на *нашу* Великую.—Однако, „Великая“ то ваша, въ другихъ-то отношеніяхъ, тово.. Видно, что назвавшіе ее были такъ крѣпко малы, замѣчаютъ уничижителю Волги.—Да вы гдѣ ее видѣли? Вѣрно, у О*? Вы посмотрите на нее у П*. Это ничего, что она не широка. Есть мѣста, гдѣ глубина ее до 100 саженъ!—Ну? живо слышится въ отвѣтъ на эту иперболу, будто такъ таки и до ста? Можетъ быть до... двухъ? А до пяти такъ уже и за глаза! Начинается перепалка между скептикомъ и очевидцемъ, въ которой я попытался было принять примиряющее участіе, заявивши, что и въ моей родной поилицѣ *(Солодянкѣ)*, уже однимъ этимъ именемъ не говорящей ни о какомъ величіи, мнѣ указывали въ свое время омуты, въ которыхъ „дна нѣту“, слѣдовательно глубину, далеко оставляющую за собою пререкаемыя 100 саженей, но мое свидѣтельство не повело ни къ чему, и спорившіе остались, какъ говорится, каждый при своемъ мнѣніи. Опять поднимаемся уступами съ одной высоты на другую. Гигантскимъ ступенямъ этимъ, повидимому, и конца нѣтъ. И чѣмъ выше мы поднимаемся, тѣмъ суше и голѣе становится поверхность земная. Начиная отъ Попли, мы вѣрно поднялись тысячи на двѣ съ половиною футовъ, да если прибавить къ нимъ высоту Преспинскаго озера въ 2600 футовъ, то окажется, что мы были на высотѣ 5000 футовъ надъ уровнемъ

океана и при всемъ томъ, желтая и совершенно сухая вершина горы находилась лѣвѣе насъ и была значительно выше. Дѣлаемъ еще нѣсколько поворотовъ, перемѣнивши направленіе къ юго-западу и начиная мало по малу спускаться. Наконецъ выбираемся изъ голыхъ тѣснинъ на широкую горную равнину.

Великолѣпнѣйшее зрѣлище открывается передъ нами. Глубоко внизу блеститъ, обставленное со всѣхъ сторонъ горами, *Касторійское* озеро, уже четвертое на пути нашемъ и хотя наименьшее изъ всѣхъ ихъ, но за то какъ чаша круглое и видимое по всему своему протяженію. Доѣхавши до купы деревьевъ, мы нарочно остановились въ тѣни ихъ, или лучше сказать подъ защитой ихъ отъ тонкаго, сѣявшаго — какъ говорится — дождя, мѣшавшаго намъ вполнѣ насладиться чудною и увлекательною картиною изъ рѣдкихъ рѣдкой мѣстности, извѣстной древнимъ подъ классическимъ именемъ *Орестіады*. Какъ, право, не быть обитателямъ подобныхъ мѣстъ людьми съ духомъ, съ характеромъ, съ идеями, съ поэзіей? Сиживалъ тутъ конечно не однократно и эфемерный краль *Касторійскій, Өессалійскій* и даже будтобы *Арголидскій*, превоспѣтый *Марко Кралевичъ*, и также любовался и высокими горами и глубокими водами. У человѣка не было недостатка въ дарованіяхъ души, но онъ имѣлъ капитальный недостатокъ,—былъ славяниномъ, и думалъ, что разухабистое удальство въ кругозорѣ печи и палатей, дубины и турьяго рога, балалайки и зазнобы сердечной, можетъ ставить его въ рядъ героевъ міра греческаго. Первая разубѣдила его въ томъ его собственная жена-гречанка, соименная памятной плѣнницѣ Троянской, бросившая его, не смотря на всѣ его блестящія преимущества душевныя и, конечно, тѣлесныя, и на его, какой-бы тамъ ни былъ, вѣнецъ кралевскій! Мнѣ онъ какъ бы видится тутъ, прогнанный женою, побѣжденный соперникомъ, оставленный подданными, печально прощающійся съ своей, напрасно взысканной, столицей, чтобы идти положить свою, не нужную болѣе никому „буйную голову“

на брани съ христіанами за знамя Магомета. Горькая иронія судьбы! Исторія говоритъ, что невѣрная гречанка предпочла супругу какого-то *Бальшу* [1]), котораго и сдѣлала, на мѣсто его, Кралемъ. Точно ей, а не ему, принадлежалъ на скоро сколоченный престолъ Касторійскій! Какой смыслъ этой исторической загадки? Мнѣ думается, все тотъ-же, нерѣшимый до нашихъ дней, вопросъ греко-славянскій. *Касторія* (по славянски: *Кóстуръ*) была (и есть) однимъ изъ пограничныхъ городовъ двухъ народностей, соединенныхъ вѣрою, но раздѣленныхъ языкомъ, кровію и исторіей. Естественно было въ ней и разыграться прискорбной драмѣ семейной, въ коей виновная сторона была *своя* населенію—въ его большинствѣ, и привлекла потому къ себѣ сочувствіе города, а обиженная сторона подпала немилосердному остракизму, а за свое покушеніе—возвратить престолъ съ помощію невѣрныхъ союзниковъ, и заслуженной ненависти. Едва вѣрится, чтобы это былъ *онъ*—именитый и пресловутый „Кралевичъ!“ Вѣковѣчная безталанность, или частнѣе—не впопадность племени нашего высказалась и тутъ во всей своей наготѣ. Нечего лѣзть туда, гдѣ все не наше и не по намъ. Марко „во Христа Бога вѣренъ краль“. Идетъ! Но Марко — „Деспотъ *Локридскій* и *Арголидскій*“ [2]) похоже на то, какъ бы изъ рукъ вонъ.

---

[1]) Былъ ли этотъ *Бальша* (или Балса, или еще иначе какъ) братъ Зентскаго владѣтеля *Георгія*, упоминаемый подъ 1383 г., или другой кто, и кто такой былъ родомъ, неизвѣстно. По *Раичу*, Марко самъ прогналъ Елену (изъ фамиліи Клапена) за ея дурную жизнь. Вещь тоже возможная. Но странно, что въ концѣ концовъ прогнавшій-то оказался прогнаннымъ.

[2]) Marcus, cognomento Craglievichius Castoriam, Locridam et *Argos in Peloponneso* sub Turcorum tutela obtinuit. (Du Cangii: Familiae Byzantinae. p. 230). Воображаю, какимъ пятномъ на своей исторіи считаютъ мои отличные ἄνδρες ἀθηναῖοι такое обстоятельство! Даже *Аргосомъ*, столицею славныхъ Атридовъ, престоломъ самаго Агамемнона, владѣлъ на одинъ моментъ.. Σθλάβος! Ларошы, Гаттелюзи, Люзиньяны и tutti quanti могли господствовать надъ Эллинами, во имя «великой» и «мудрой» Европы. Но—ἕνας Κράλιεβιτς!..

Оттого руки эти и опустились подъ непривычною ношею, хотя онѣ были и геройскія—по славянскимъ понятіямъ. Suum cuique [1]).

Деревня при дорогѣ въ первый разъ послѣ Ѳессалоники прозвучала по гречески. Ее назвали намъ *Апо́скепо*. На картахъ, однакоже, нѣтъ такого имени. Спускъ къ озеру не представилъ воображаемыхъ трудностей. Подкураженные этимъ обстоятельствомъ компаньоны, чуть увидѣли себя на низкомъ берегу, понеслись въ махъ по ровной и широкой дорогѣ, въ виду Касторіи. Послѣдствія такого увлеченія были однако же не тѣ, на которыя разсчитывалось. За махомъ послѣдовалъ неожиданно про́махъ. Задній изъ наѣздниковъ очутился на землѣ, и слава Богу, что все кончилось однимъ испугомъ. Виноватымъ оказался, разумѣется, до́ринцо (карій), которому извѣстно было, какъ опасно споткнуться на всемъ маху.. Неизвѣстно было ему только, какъ опасно бѣжать въ махъ. Вонъ и краль Марко тоже.. Подъ впечатлѣніемъ случившейся напасти, мы въѣхали въ городъ безъ приличной обстоятельствамъ торжественности. Направились, по заведенному обычаю, прямо въ городской ханъ, не уступающій ни въ чемъ Охридскому, на столько же пыльный, грязный, душный, но превосходящій его отсутствіемъ окончинъ, отчего воздухъ сосѣдняго двора всею полнотою вбирался въ наши легкія. При первыхъ хозяйственныхъ освѣдомленіяхъ нашихъ въ ханѣ, насъ завѣрили, что голодными не останемся, что тутъ—Касторія, подъ бокомъ озеро, а на берегахъ его сады. И точно, не прошло и ¼ часа, какъ намъ принесли животрепещущую рыбу въ аршинъ величиною. Заручившись, такимъ образомъ, блестя-

---

[1]) Suum... Многое намъ слово, и неудобь сказаемое глаголати! *Епископъ Римскій* воображаетъ и вѣритъ и учитъ, что suum ему все, что̀ зовется (или когда-то называлось) Христіанскимъ. *Эллина* надуваютъ въ «Эллинскихъ школахъ» убѣжденіями, что вездѣ, гдѣ хотя одинъ человѣкъ говоритъ по гречески, есть его наслѣдіе, его — suum. *Славянофилы* съ картой въ рукахъ могутъ отыскивать свое suum отъ Босфора Ѳракійскаго до мыса Матапана.. Чтоже остается дѣлать, и какъ быть въ самомъ дѣлѣ?

щимъ въ перспективѣ ужиномъ, мы терпѣливо принимали визиты гражданъ, узнавшихъ сейчасъ же о прибытіи въ городъ Русскаго чиновника, да еще и съ столичнымъ духовенствомъ. Всѣ приходившіе говорили тутъ уже по гречески. Не замедлила придти депутація и отъ мѣстнаго Владыки, которой, какъ видно, поручено было вывести насъ непремѣнно изъ несоотвѣтствующаго нашему высокому положенію, заѣзжаго дома, и помѣстить насъ въ самой Митрополіи. Усилія ея, однакоже, въ этомъ смыслѣ остались напрасными. Нами объявлено было, что завтра-же мы отправимся въ дальнѣйшій путь, и что не стоитъ потому для одной ночи тревожить и свой и чужой покой. Но главная-то причина отказа нашего осталась конечно неизвѣстною депутаціи, а слѣдовательно и всей исторіи. Намъ, во имя русскаго искусства и чуть-ли не патріотизма, — заявленъ былъ протестъ противъ всякой мысли идти на поклонъ къ чужому хлѣбу. Къ этому присоединенъ былъ аргументъ ad hominem, обѣщавшій сластолюбію нашему не только превосходную уху, но еще и пирожки съ ягодами. Мы удовольствовались тѣмъ, что не медля отправились къ преосвященному митрополиту засвидѣтельствовать ему свое почтеніе и поблагодарить его за благосклонное вниманіе къ намъ. Добрый, и **весьма почтенный**, архипастырь Касторійскій Никифоръ († 1868) принялъ насъ со всевозможною ласкою и предупредительностію, и долго настаивалъ на своемъ желаніи видѣть насъ, на все время пребыванія нашего въ его резиденціи, его гостями, заботясь всего болѣе о томъ, что̀ скажетъ Его Всесвятость, *Вселенскій* (Патріархъ), когда узнаетъ, что мы ночевали не въ Митрополіи, а въ ханѣ, какъ торговцы какіе нибудь или извощики. Мы остались непреклонны, и утѣшили гостепріимное чувство хозяина тѣмъ, что дали вѣрное и неизмѣнное слово откушать у него завтра, и отъ него прямо отправиться въ дальнѣйшій путь. Хорошее впечатлѣніе произвелъ на меня владыка этотъ. Что сказать? Тамъ, гдѣ нѣтъ повода (давленія отъ инуды) людямъ забывать свои прямыя

обязанности, отеческія и Іераршескія, и гоняться за цѣлями народными, нѣтъ повода и быть недовольнымъ ими. Человѣкъ дѣло свое дѣлаетъ (на сколько понимаетъ его) искренне и усердно, держитъ себя просто, открыто и съ достоинствомъ, до какого достигаютъ понятія его паствы, и если нѣсколько наглядно, и какъ бы не въ мѣру заботливо, относится къ своимъ правамъ владычнимъ, такъ это легко не только объяснить, но и извинить въ его положеніи, ничѣмъ не обезпеченномъ, въ Турціи. Возвратились мы въ свою гостинницу уже въ потемкахъ.

Касторія. 6 Іюня. Вечеръ.

Съ именемъ *Касторіи* мы еще разъ вступаемъ въ именословный хаосъ, въ которомъ не разглядишь ничего ясно и отчетливо. Какъ давне это имя, не знаемъ. У древнихъ историковъ-географовъ его нѣтъ. На *Ѳеодосіевой* (Певтингеровой) *Табулѣ* нѣтъ ни его, ни самаго озера, при которомъ лежитъ Касторія. Въ *Дорожникѣ Антониновомъ* встрѣчается станція: Castra на пути отъ Лигнидо къ Гераклеѣ (отъ Охриды къ Битолю)[1], но едва ли возможно, чтобы Via Egnatia дѣлала такой тутъ крюкъ къ югу, чтобы захватила и нашу Касторію. Да и Кастра (мн. ч.) не Касторія (ед. ч.). У Анны Комнины наконецъ встрѣчаемъ городъ *Касторію*, словопроизводимую писательницею именно отъ слова: Castrum[2]). Греки-педанты, подъ вліяніемъ своей любезной миѳологіи, конечно могли передѣлать римское укрѣпленіе въ городъ полубога *Кас-*

---

[1]) Lignido XXVIII (милъ римскихъ). Scirtiana XXVI. Castra XV. Heraclea XII. По близости другъ къ другу двухъ послѣднихъ станцій, кажется, не можетъ быть и рѣчи тутъ о Castra — Касторіи.

[2]) Вотъ ея слова: «Есть озеро *касторійское*, въ которое входитъ съ материка шея, расширяющаяся къ концу, и заканчивающаяся каменистыми холмами. Кругомъ шеи (этой) построены башни и средобашнія на подобіе крѣпости (κάστρου), отчего и называется мѣсто Касторіей».

тора. Славяне, въ свою очередь не отстали отъ Грековъ, и изъ ихъ Касторіи выдѣлали *Кóстуръ*. Турки очевидно не могли не наложить и своей руки на слово съ столькими согласными буквами, и зовутъ городъ или *Керсье* (Вѣн. Топогр.), или *Кестри* (Кипертъ), или *Кестиръ* (Boué), или *Кéстрьè* (онъ же). Наконецъ Албанцы кажется вѣрнѣе и точнѣе всѣхъ удержали за городомъ его древнее, первоначальное имя *Кáстронъ*. Но все это родословіе созвучныхъ именъ, выводимое изъ родоначальнагó castrum, плохо связывается съ положительнымъ свидѣтельствомъ *Тита Ливія* [1]) о существовавшемъ тутъ при республикѣ, городѣ Celetrum (Κέλευθρον?). Имя Castrum тогда только могло сдѣлаться собственнымъ именемъ какого либо мѣста, когда на немъ, прежде укрѣпленія или лагеря римскаго, не было ничего. А если въ римско-македонскую войну тутъ уже существовалъ городъ *Целетръ*, то ему совсѣмъ не приходилось, ради временной какой нибудь стоянки римскихъ легіоновъ при немъ, перемѣнить свое имя. Остается развѣ допустить передѣлку Целетра прямо въ Касторію безъ всякаго римскаго посредства [2]). Просуществовавъ столько времени, мѣсто это конечно имѣло у себя богатую исторію, но не имѣло ни одного историка, а если и имѣло, то не умѣло сохранить его записей. Мы уже пытались навесть на него фокусъ лучей изъ Сербскаго періода, изъ кралевство-

---

[1]) LXXXI. c. 40. In Elimeam se recepit; inde impetum in Orestidem fecit, et oppidum *Celetrum* est aggressus, in peninsula situm. Lacus moenia cingit.. etc. Несомнѣнно, что дѣло идетъ о Касторіи.

[2]) По указанію *Пуквиля*, уже историкъ *Прокопій* упоминаетъ о полуостровѣ *Касторійскомъ*, утверждая, что тамъ былъ городъ Діоклитіанополь, который Юстиніанъ В. возобновилъ и переименовалъ Юстиніанополемъ. Но, по справкамъ оказывается, что императоръ-строитель вновь основалъ городъ своего имени на островѣ Касторійскаго озера, по близости котораго въ его время находились развалины Діоклитіанополя. По историку островъ соединяется съ твердою землею перешейкомъ въ 15 футовъ (!), и что его собственно образуетъ весьма высокая гора (ὑψηλὸν ἄγαν ὄρος), половина которой скрывается въ водѣ. (Procop. de Aedificiis. IV. 3).

ванія *Марка.* Изберемъ моментъ, гораздо древнѣйшій, изъ періода Болгарскаго. Пока живъ былъ Самуилъ, городъ *Касторіе* составлялъ цѣлую часть его державы, не смотря на всѣ усилія императора вырвать изъ рукъ его то, что считалось древнимъ достояніемъ имперіи. Слабость и междоусобіе преемниковъ Самуиловыхъ внушили Василію мысль отобрать у Болгаръ *Иллириду*, или, какъ тогда звали эти мѣста, *Новый Эпиръ.* Кстати у него тогда была войнолюбивая наемная дружина *Русская.* Заручившись еще въ 1016 г. городами Воденой, Охридой и другими, онъ осадилъ весною 1017 г. и Касторію, но напрасно простоявъ у стѣнъ ея (конечно, только на перешейкѣ), ничего не могъ сдѣлать, и ушелъ обратно къ Солуню, встревоженный слухами о союзѣ Болгаръ съ Печенегами. Кто тогда отразилъ воителя отъ стѣнъ города? Можетъ быть самъ *Владиславъ,* или доблестный воевода Самуиловъ *Ивацъ.* Черезъ годъ, впрочемъ и Касторія, со всѣмъ царствомъ Болгарскимъ, отдалась императору. Счастливый побѣдитель не замедлилъ прибыть сюда, чтобы смыть такъ сказать съ себя позоръ прошлогодней неудачи. Здѣсь онъ приказалъ представить себѣ, оставшихся въ живыхъ, членовъ семейства Самуилова. Приведены были къ нему двѣ дочери уничтоженнаго соперника. Произошла сцена, достойная художнической кисти. При Василіѣ находилась и жена Владислава *Марія,* передавшая ему, какъ законная владѣтельница, всѣ права на Болгарское царство, и возведенная имъ за то въ придворное достоинство *Зосты.* Чуть царевны увидѣли ее, кинулись къ ней съ воемъ и крикомъ, готовыя растерзать ее, вымещая на ней смерть брата и свое злополучіе. Императоръ удержалъ ихъ, обласкалъ и успокоилъ обѣщаніемъ наградить ихъ честями и богатствомъ въ Константинополѣ, соотвѣтственно ихъ высокому роду. Гдѣ тутъ все это происходило, любопытно бы дознаться. Бѣглыя Славянки чуть не вступили въ рукопашный бой передъ глазами торжествующаго Грека. А *русскіе* конечно стояли и любовались жестокимъ и плачевнымъ зрѣлищемъ! О, глупая

Славянская исторія! Утѣшишь себя развѣ тѣмъ, что наемники Василіевы, приводимые историкомъ подъ именемъ *Росъ*, были скандинавскіе *Варяги*, а не собственно Славяне. Вотъ, гдѣ пришлось мнѣ натолкнуться на памятный отъ дней дѣтства вопросъ о „Варяго-Руссахъ!“ [1]).

Но Касторіи удалось сыграть роль и независимаго владѣнія, чуть не микроскопической имперіи, — предшественницы стольких франкскихъ царствъ и княжествъ intrus на Востокѣ, разведенныхъ крестовыми походами. Эта новая коалиція Запада противъ Востока, случившаяся черезъ 2300 лѣтъ послѣ Троянскаго разгрома, поводомъ своимъ опять таки имѣла роковое имя *Елены*. Дѣло было такъ. Отъ пресѣченія на престолѣ Византійскомъ династіи *Македонской* до восшествія на него династіи *Комниныхъ*, протекло всего съ небольшимъ 50 лѣтъ, и въ это смутное время перецарствовало въ Византіи 10 вѣнценосцевъ. Въ числѣ ихъ былъ и *Михаилъ* VI, прозванный „Приблюдникомъ“ (Парапинакъ). Царствовалъ онъ, какъ и другіе, не долго, но имѣлъ въ виду, подобно другимъ, утвердить родъ свой на престолѣ крѣпко, и для сего выписалъ изъ Италіи для сына своего невѣсту, дочь славнаго своими похожденіями Норманна *Роберта Гвискара*, именемъ *Елену*, еще малолѣтнюю. Но, прежде чѣмъ она пришла въ возрастъ, жениха ея и вмѣстѣ съ отцомъ заключили въ монастырь. Обстоятельство это въ сущности маловажное, и въ Византіи вовсе не рѣдкостное, безпо-

---

[1]) Авторъ: Essai de Chronologie Byzantine полагаетъ, что нашъ Вел. К. Владиміръ съ намѣреніемъ спровадилъ своихъ Варяговъ за море къ шурину, чтобы избавиться отъ нихъ. Люди, повидимому, точно стóили такой военной прогулки. Борьба греко-славянская острила ихъ способность служить и нашимъ и вашимъ. Въ Кіевѣ мнѣ доводилось множество разъ слышать выразительную поговорку: *абы гроши!* чуть ли начало ея не варяжское.. Кто-то, помнится, предлагалъ хорошую премію тому, кто съумѣлъ бы навсегда отдѣлить *Варяговъ* отъ *Россовъ*. А потолкавшись по Востоку, съ его исторіей въ рукахъ, пожелаешь, чтобы премія та досталась тому, кто отдѣлитъ разъ и навсегда *Росовъ* отъ *Русскихъ*.

койный отецъ экс-невѣсты и in petto императрицы принялъ (вѣрнѣе притворился, что принялъ) къ сердцу, поднялъ и папу и Италію на защиту своей чести (точно Менелай!), выдумалъ своего Лже-Михаила, и во имя его пошелъ войною на имперію, хотя тогда уже исчезла память не только Михаила, но и нѣсколькихъ бывшихъ послѣ него скиптродержцевъ Византійскихъ. Высадившись съ 15.000 всякаго сброда охотниковъ въ Диррахіѣ, онъ съ сыномъ своимъ *Боемондомъ* началъ завоевывать такъ называвшійся тогда *Иллирикъ*, т. е. полосу земли отъ Адріатическаго моря до Македоніи. Въ числѣ забранныхъ городовъ очутилась и Касторія. Только что воцарившійся тогда *Алексій I Комнинъ* поспѣшилъ на выручку отнимаемой новымъ нежданнымъ врагомъ имперіи, области, 4 года боролся съ нимъ, пока не былъ разбитъ на голову подъ тѣмъ же Диррахіемъ. Робертъ послѣ этой побѣды прямо пошелъ на Касторію, которую защищала дружина *Варяговъ* въ 300 человѣкъ числомъ.. Вторичный привѣтъ, значитъ, храбрымъ землякамъ! По началу они дѣйствительно вели себя храбрецами и показали, какъ говорится, зубы Гвискару, а потомъ изъ за зубовъ заговорилъ языкъ (можетъ быть даже родственный Норманну, ибо и сами они были Богъ вѣсть какого происхожденія).. Кончилось тѣмъ, что они сдали городъ иноземцу, который обратилъ его въ свою резиденцію. Касторія сдѣлалась столицею Норманской монархіи на Востокѣ. Императору не оставалось болѣе ничего дѣлать, какъ повесть интригу въ собственныхъ владѣніяхъ Роберта въ Италіи, которою и удалось ему выжить изъ имперіи сперва отца, а потомъ и сына. Но, не смотря на все это, новая держава продолжала держаться. Въ Касторіи оставался Боемондовъ намѣстникъ, нѣкто *Бріенній*[1]). Четыре раза разбитый императоръ рѣшился еще разъ попытать счастія, и въ 1084 году подступилъ съ вой-

[1]) Не надобно смѣшивать его съ *Никифоромъ Вріенніемъ*, греческимъ полководцемъ, ни съ сыномъ его, — мужемъ *Анны Комниной*.

скомъ къ Касторіи. Ведя правильную осаду города съ суши, онъ разбивалъ городскую стѣну таранами. Дѣло шло медленно. Мѣстныя условія позволяли осажденнымъ сосредоточивать всѣ свои силы на маломъ сравнительно пространствѣ, и дѣйствовать съ успѣхомъ. Алексію оставалось взять городъ съ озера, но у него не было для этого ни одной лодки. Наискали на сосѣднихъ рѣчкахъ нѣсколько однодеревокъ, и перевезли ихъ ночью на тѣлегахъ въ лагерь, и ночью же съ помощію ихъ сдѣлали высадку съ задней стороны города, гдѣ никто не ожидалъ нападенія. Маневръ удался и крѣпость сдалась, не смотря на всѣ протесты коменданта. Императоръ, овладѣвши городомъ, предложилъ гарнизону или поступить къ нему на службу, или отправиться за море во свояси. Поставлены были для сего на городской площади два знамени, одно у церкви св. Георгія, а другое — къ сторонѣ приморскаго города Авлона (откуда бы пришлось отправиться нежелающимъ остаться). Кто поступалъ на царскую службу, тотъ шелъ подъ знамя Великомученика, а кто не хотѣлъ сего, становился подъ другое знамя. По словамъ Анны, подъ вторымъ знаменемъ оказался одинъ единственный— комендантъ! Черезъ 10 лѣтъ послѣ случая, тотъ же *Боемондъ*, превзошедшій отца своего скитальничествомъ, предводительствуя итальянскою ратію крестоносцевъ [1]), мирно шелъ по знакомой дорожкѣ, направляясь прямо на любезную ему Касторію, и имѣя съ собою одной кавалеріи 10 тысячъ человѣкъ. Здѣсь онъ праздновалъ святки 1096 года, но не какъ хозяинъ, а какъ гость, только едва ли кто считалъ его „дорогимъ гостемъ“. Для пропитанія такого множества людей, ратники Креста прибѣгали ко всякому насилію и даже прямо къ грабежу.

Довольно и этихъ двухъ-трехъ „штриховъ“ историческихъ, чтобы при свѣтѣ ихъ имѣть удовольствіе взглянуть на Касторію изъ за 800

---

[1]) Это былъ первый крестовый походъ. *Боемондъ* добился таки того, что надѣлъ на себя корону Антіохійскаго царства.

лѣтъ, и попытаться отыскать въ остаткахъ настоящаго, богатое событіями прошедшее. Видно, что городъ былъ не изъ дюжинныхъ. Будучи же такимъ, онъ долженъ имѣть и свою Церковную исторію. Къ сожалѣнію, ее окружаетъ непроглядный мракъ. Знаемъ одно, — что доколѣ существовала Архіепископія Первой Юстиніаны, Касторійская каѳедра входила въ округъ ея, какъ подчиненная митрополія, занимая въ ряду другихъ первое мѣсто. Архіерей Касторійскій именовался тогда „первопрестольнымъ" (πρωτόθρονος), подобно тому, какъ Кесарійскій въ Каппадокіи и Кесарійскій же въ Палестинѣ были первопрестольниками Патріархатовъ Константинопольскаго и Іерусалимскаго. Былъ ли городъ епископальнымъ до образованія при Юстиніанѣ *Архіепископіи Юстиніанской*[1]), или при Василіѣ II *Архіепископіи Болгарской*, не откуда узнать. Равнымъ образомъ и списка митрополитовъ Касторійскихъ первопрестольныхъ напрасно стали бы мы искать гдѣ нибудь. Его нужно еще составлять по архивамъ давно упраздненной Архіепископіи и на основаніи какихъ нибудь случайныхъ замѣтокъ мѣстныхъ церквей и, по преимуществу, монастырей. Мнѣ не удается даже получить списокъ владыкъ Касторійскихъ за послѣдній періодъ ихъ подчиненности Константинопольскому престолу, потому что *не ловко* мнѣ завесть рѣчь объ этомъ тамъ, откуда единственно можно ожидать подробныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній. Надежнѣе сдѣлать это въ самомъ Константинополѣ. Съ 1768 года, по новому положенію, митрополія Касторійская занимаетъ чуть не послѣднее, а именно 73-е, мѣсто въ ряду другихъ каѳедръ[2]). За то, архіерей ея титулуется

---

[1]) Ни предѣловъ, ни состава этой *первой* Архіепископіи «Первой Юстиніаны» намъ не удалось дознаться. Можно впрочемъ не сомнѣваться, что она не обнимала собою Касторіи, подъ какимъ бы именемъ та ни существовала.

[2]) Однакоже почему-то въ рускомъ спискѣ всѣхъ Іераршескихъ каѳедръ православной церкви (СПБ. 1868) Касторійской епархіи указано 55-е мѣсто.

„Экзархомъ всей Старой Болгаріи“ — намѣренно, конечно въ окончательное уничтоженіе Охридской каѳедры, за предстоятелемъ которой не осталось никакаго прибавочнаго титула, могущаго напомнить ея минувшее величіе. Въ Oriens Christianus (t. II. pag. 315) изъ періода независимой Архіепископіи Болгарской приводятся три имени митрополитовъ Касторійскихъ: *Іоасафъ*, подписавшійся въ 1564 г. подъ актомъ низложенія соименнаго ему Патріарха Вселенскаго [1]), и назвавшій себя „первопрестольнымъ всей Болгаріи“; *Іероѳей* изъ XVI вѣка, вошедшій въ общеніе съ Римскою Церковію, по свидѣтельству Льва Алляція; *Діонисій*, по фамиліи *Мандука*, извѣстный своею ученостію, принадлежавшій XVII вѣку. Мы можемъ прибавить къ нимъ, бывшаго во время Пуквиля, *Неофита*, и теперешняго *Никифора* [2]).

Костуръ. Понедѣльникъ. 7 Іюня 1865 г.

Гдѣ же и вспомнить, какъ не въ Касторіѣ, про того „грька изъ Костура“, которому оказался нужнымъ сборникъ отеческихъ словъ и бесѣдъ на славянскомъ языкѣ, съ коимъ мы встрѣтились въ Трѣскавцѣ? А, вспомнивши, можно ли удержаться отъ слѣдующаго разсужденія: Развѣ этотъ любознательный *Григоріе, сынъ Маноила*, не могъ читать въ подлинникѣ на своемъ родномъ языкѣ писаній отече-

---

[1]) Страннымъ представляется, какимъ образомъ могъ участвовать въ дѣлахъ чужой области (Діоцеза—Διοικήσεως) архіерей Касторійскій. Не имѣлъ ли онъ развѣ порученія отъ своего Архіепископа, приглашеннаго м. б. Великою церковію къ участію въ такомъ важномъ процессѣ? Или автономія Архіепископій въ 1564 году была только на бумагѣ?

[2]) Въ книгѣ *Сношенія Россіи съ Востокомъ* упоминается (ч. II. стр. 160) еще Кострицкій (?) Митрополитъ *Харитонъ*, подъ 1631 годомъ. Вѣроятно, онъ же въ 1645 году является, по актамъ той же книги (стр. 351), уже архіепископомъ Болгарскимъ или Ахридонскимъ, пропущеннымъ нами въ приведенномъ выше спискѣ Іерарховъ Лигнидо-Юстиніано-Болгаро-Охридскихъ.

скихъ? Сомнительнымъ, потому, мнѣ представляется, чтобы онъ былъ настоящій грекъ, т. е. Эллинъ, а скорѣе то былъ Сербинъ или Болгаринъ, помазанный эллинизмомъ, или, и того проще, „игравшій въ грека“. Происходило же это въ 1466 году, почти ровно за 400 лѣтъ до настоящаго дня. По придуманной современною схоластикою системѣ, значитъ, это былъ *грекъ болгарогласный* (Βουλγαρόφωνος) [1]. По убѣжденію „Патріотовъ“, этимъ сказано все, — рѣшено, подписано и припечатано. Остается сдать въ архивъ! Всѣ эти, измышленные безсиліемъ или лукавствомъ *болгарогласники* на мой взглядъ менѣе заслуживаютъ укора въ предательствѣ, которымъ чистятъ ихъ зилоты, чѣмъ придумывающіе ихъ софисты аѳинейскіе. Гдѣ-же та чарующая, неодолимо-влекущая, пресловутая сила эллинизма, если люди, при первомъ случаѣ отрекаются отъ него, и усвояютъ себѣ языкъ „варваровъ“? „Плетеніе Аѳинейское“ выдаетъ тутъ само себя. Не естественнѣе ли обратный ходъ заключенія? Забитому болгарину выходъ въ греки часто есть единственное средство стать человѣкомъ, а славянинъ грекофонъ есть самое заурядное явленіе въ Турціи. Примѣръ охридскаго даскала показываетъ, что ему свойственъ даже фанатизмъ Эллинскій. Грека же, фанатизованнаго славянствомъ, мнѣ по истинѣ еще не удалось видѣть на Востокѣ. Не смотря на все вышесказанное, вчерашняя вечерняя прогулка наша по городу несла намъ со всѣхъ сторонъ завѣреніе, что Касторія стоитъ на Греческой землѣ, гдѣ

---

[1]) Съ неумолимою ироніей относился мой спутникъ-скептикъ къ этой *вулгарофоніи*, сплетаемой панэллинистами. Помню, какъ онъ говорилъ одному изъ таковыхъ: вѣдь вотъ есть же и Влахи, и Албанцы, жиды, цыгане-наконецъ. Отчего же ваши воображаемые Экс-эллины не «голосятъ» по волошски, по албански и такъ далѣе, а наровятъ непремѣнно быть *вулгарофонами?*.. На это патріотъ нашелся учительно отвѣтить: что же? мало есть между арванистами (албанцами) фамилій, чисто эллинскихъ? Прочитайте исторію Греческаго возстанія 1821 года. Тамъ найдете сотни албанцевъ, проливавшихъ кровь за дѣло грековъ.. Нечего сказать, попалъ прямо въ цѣль своимъ отвѣтомъ!

есть сравнительно не много и болгаръ и влаховъ и даже албанцевъ, но большинство остается за племенемъ *Іона* или *Явана* по Библіи. Завѣреніе это поколебалъ было одинъ, приставшій къ намъ, эллиногласникъ, стоявшій на томъ, что не $^1/_4$, какъ я предполагалъ, а $^2/_3$ всего населенія Касторійскаго округа суть чистые болгаре, и что въ самой Касторіи найдется съ полтораста семействъ тойже народности. Но такъ какъ очевидно это былъ „предатель", маскирующій себя эллинскою рѣчью и отрицающій всякую идею *болгароголосія*, то слова его можно было объяснить черезъ чуромъ „родолюбія". Главный его аргументъ—Славянскія наименованія селъ и деревень округа, не имѣетъ полной доказательности. Въ именитомъ Пелопоннисѣ есть тоже не мало селеній съ славянскими именами, но славянина не оказывается ни одного. Какъ бы то ни было, но въ Костурѣ, вопреки тенденціозно ославяненному имени его, и помимо статистическихъ цифръ его народонаселенія, на насъ, въ первый разъ послѣ Солуня, пахнуло *Греціей* до того, что историческій эпизодъ мѣста подъ рубрикой: „Марко, краль Касторійскій", кажется чѣмъ-то въ родѣ нашего „сѣдла на коровѣ".

Чуть мы подсѣли къ утреннему самовару, явилась депутація отъ заботливаго владыки, освѣдомлявшаяся, какъ мы провели ночь въ такомъ неудобномъ и не пригодномъ для насъ мѣстѣ Мы съумѣли отыскать нѣкоторыя достоинства въ комнатѣ „безо всего", напримѣръ прохладу, просторъ, тишину и, что касается лично меня, случайное конечно, но дорогое утѣшеніе увидѣть во снѣ любезные образы отца и брата, недавно почившихъ о Господѣ. Ловко воспользовался этимъ моимъ сообщеніемъ коноводъ депутаціи, сопоставивъ съ этимъ сномъ *отеческое* и *братское* расположеніе ко мнѣ его владыки, цѣлую ночь безпокоившагося обо мнѣ.. Нѣтъ, это Касторія, а не Костуръ,—ясное дѣло! Узнавъ о нашемъ намѣреніи обозрѣть древніе памятники города, состоящіе исключительно изъ Церквей, члены депутаціи поспѣшили предложить намъ свои услуги при этомъ, что мы, конечно, приняли

съ благодарностію. Медлить не слѣдовало. Солнце грозило знойнымъ днемъ. Я былъ въ праздничномъ настроеніи духа. Передъ мною еще разъ открылось обширное поприще археологическихъ поисковъ. Подобно опустѣлому Прилѣпу—Варошу, и Касторія славится тою же многозначительною цифрою 70 Церквей, когда-то процвѣтавшихъ въ ея физически стѣсненныхъ предѣлахъ. Если хотя десятая доля ихъ уцѣлѣла къ нашему времени, вся же пожива для глаза и пытливаго духа не малая.

Такъ какъ, по примѣру владыки, и начальникъ города уже присылалъ съ своей стороны навѣдаться о здоровьѣ путешествовавшаго съ нами „царскаго человѣка", то найдено было приличнымъ и необходимымъ прежде всего сдѣлать визитъ его милости. Мы приняты были мудиромъ со всѣми почестями и утонченною вѣжливостію, съ примѣсью свойственной Туркамъ задушевности и приспособляемости къ случаю. Даже неизбѣжной въ подобныхъ обстоятельствахъ, пытливой обглядки необычнаго костюма нашего нельзя было примѣтить въ человѣкѣ, какъ говорится, видавшемъ виды. Побесѣдовавъ о времени и пространствѣ, водѣ и сушѣ и всего болѣе о водѣ Касторійскаго озера, оказывающейся положеніемъ своимъ на двѣ — на три горы выше (машаллахъ!) великаго моря, въ которое она, не смотря на то, что бѣжитъ къ югу, впадаетъ на Сѣверѣ у Салоника (чокъ-шей!). Восклицанія удивленія довольно безучастно впрочемъ исходили изъ устъ сановника, напоминая собою наши: скажите! и извольте видѣть! Объясненіемъ сему служила, тутъ же по близости жилища его находящаяся, шумѣвшая и гамѣвшая на тотъ разъ, народная школа, которую тонкій человѣкъ самъ порекомендовалъ намъ посмотрѣть. Ничего однако же я не отыскалъ въ аудиторіи ея, напоминающаго географію, и съ своей стороны не имѣлъ повода воскликнуть: Чокшей! Изъ Медресè намъ путь лежалъ къ первой намѣченной церкви, но нѣкоторыя соображенія, болѣе же—намеки сопровождавшей насъ депутаціи, заставили насъ сдѣлать, послѣ мудира, тоже оффиціальный визитъ и ми-

трополиту. При этомъ случаѣ я отрекомендовалъ владыкѣ своего компаньона. Добрый старецъ изъявилъ нелицемѣрное удивленіе, услышавъ и его говорящимъ по гречески. Мы объяснили ему, что во всѣхъ духовныхъ училищахъ Россіи обязательно изучается его родной языкъ, причемъ онъ молитвенно возвелъ взоръ свой къ небу, видимо благословляя отечество наше. Мы взяли у него благословеніе на осмотръ церквей городскихъ, а онъ непремѣнно потребовалъ, чтобы мы немедленно перебрались къ нему изъ хана, чтобы такимъ образомъ онъ могъ отнестись, *куда слѣдуетъ*, о нашей гостьбѣ подъ его кровомъ.

Наконецъ мы *древлесловствуемъ*.. Въ столицѣ Марка Кралевича компаньонъ мой и слышать не хочетъ объ *археологіи*, хотя есть полная возможность думать, что самъ Кралевичъ, и потомъ Краль, если и зналъ по славянски, то, живя тутъ, и худо-не-добро державствуя, говорилъ по гречески. Подходимъ къ церкви *Таксіарха* (чиноначальника), то есть Архангела Михаила,—самой замѣчательной, и какъ бы соборной въ городѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, нашли ее дѣйствительно древнею, но уже черезъ чуръ малою и тѣсною, и притомъ неправильнаго плана. Во многомъ она мнѣ напомнила Трескавецкій Успенскій храмъ, но уступаетъ ему отсутствіемъ куполовъ. Внутри темно и печально. Стѣны отъ верху до низу расписаны иконами тоже потемнѣвшими отъ времени, съ греческими подписями, въ рутинномъ стилѣ лицевыхъ подлинниковъ. Надъ главными, западными дверями—любимымъ мѣстомъ древнихъ памятописцевъ — уцѣлѣла, къ утѣшенію потомства, и ктиторская запись большими греческими буквами, въ нѣсколькихъ мѣстахъ стершимися до того, что не даютъ смысла. Въ переводѣ она гласитъ слѣдующее: *Обновленіе божіяго зданія... и вновь расписанъ доброискусника дланью.. прекрасный.. Владыко Господи Боже Вседержителю. Славу и свѣтлость дома Святаго, всевеличайшаго Михаила Чиноначальника. Издержками преподобнѣйшаго Даніила іеромонаха. Въ царствованіе Си-*

меона Палеолога и сына его.. Дуки, при окончаніи шеститысячнаго восьмисотъ-шестидесятаго года, въ проходящій индиктъ тринадцатый. Ясное это и опредѣленное указаніе на годъ 6860-й или 1352-й, выноситъ обновленіе и росписаніе Церкви въ половину XIV столѣтія, слѣдовательно слишкомъ за 500 лѣтъ до насъ. Досточтимая древность, но все же далеко не доходящая до эпохи *Самуиловой*, которой ясныхъ слѣдовъ едва ли доищется въ мѣстахъ этихъ археологія. Спасибо и за то, что есть преподобнѣйшему Даніилу или, частнѣе — издержаннымъ имъ на реставрировку храма, деньгамъ. Передъ нами все таки стоитъ и говоритъ памятникъ 1352 года! Что онъ говоритъ по гречески, а не по Славянски, съ этимъ уже надобно помириться намъ, отъ самаго Солуня напрасно гоняющимся за Кирилицей-инкунабулой. Но какой-же Царь *Симеонъ*, да еще и *Палеологъ* могъ властвовать въ мѣстахъ сихъ въ половинѣ XIV столѣтія? Императорскій престолъ Византіи занималъ тогда de jure *Іоаннъ V Палеологъ*, а de facto—тесть его, *Іоаннъ VI Кантакузинъ*. Держава ихъ, послѣ стольких погромовъ историческихъ, правда, имѣла почти со всѣхъ сторонъ уже весьма эластичные предѣлы, и особенно въ этихъ мѣстахъ, сосѣднихъ съ эфемерною монархіею Деспотовъ Эпирскихъ, но все-же нѣкій *Симеонъ*, да еще „Царь“ изъ рода Палеологовъ, представляетъ собою не малый историческій курьезъ [1]). Очевидно, лица

---

[1]) Пересмотрѣвши, что сообщено спеціалистомъ въ дѣлѣ *Дю-Канжемъ* въ его: Familiae Byzantinae, о *Палеологахъ* царственнаго дома, pars altera и stirps incerta, мы однако-же не нашли, чего нужно. Даже въ его Index именъ разныхъ властителей разбираемой имъ эпохи, нѣтъ ни одного *Симеона*, ни грека ни варвара. Искомое, однакоже, обрѣтено было случайно. Въ статьѣ XV: Duces Ioanninae ac Aetoliae domini, того же историка-изслѣдователя, первымъ поставленъ нѣкто Sinissa, котораго современникъ, Императоръ I. Кантакузинъ въ своей исторіи (книга IV глава 43) зоветъ *Симономъ*, и считаетъ братомъ краля Стефана (Душана). Выходитъ слѣдующая исторія: Краль Трибалловъ *Стефанъ* (святый, Дечанскій), какъ извѣстно, женился — вторымъ бракомъ — на одной изъ Палеологинь *Маріи*, дочери *Іоанна* (о которомъ мы говорили въ ряду правителей Солунскихъ), внукѣ *Константина* «порфиророднаго», и правнукѣ перваго изъ Палеологовъ, Императора

съ подобнымъ именемъ и титуломъ надобно искать внѣ царственной династіи Палеологовъ. Всего бы проще обратиться съ поисками къ упомянутымъ Деспотамъ—сосѣдямъ, но всѣ они строго держались въ предѣлахъ тройственнаго родства *Дуко-Ангеловъ-Комниныхъ*, и съ Палеологами ничего общаго не имѣли. Роднились же съ ними „вопреки уму и сердцу" сѣверные сосѣди Имперіи—Болгаре и Сербы, или по тогдашнему *Трибаллы.* И тѣмъ и другимъ могло грезиться и царство или хоть царствованіе, по подсказу прежде всего ихъ собственныхъ богослужебныхъ книгъ. Какъ разъ въ года Касторійскаго памятника тамъ властвовалъ славный *Стефанъ Душанъ*, не усумнившійся назвать себя самодержцемъ (императоромъ) не только Серблемъ но и Гръкомъ, и, насколько можно разглядѣть въ глубокомъ политико-географическомъ мракѣ того времени, дѣйствительно обладавшій западными частями нынѣшней Румеліи, а слѣдовательно и Касторійскимъ округомъ. Но

Михаила. Отъ этого поздняго брака и родился сводный братъ Душана, *Си́нисса*, въ чемъ конечно надобно видѣть ласкательно-уменьшительное имя *Синицы* (по нашему Се́нички или Се́нюшки), то есть *Симеона.* Владѣя чуть не всѣмъ Балканскимъ, полуостровомъ, Сербскій «Самодержецъ», надобно думать, послалъ отъ своего имени править страною между Македоніей и собственно - Греціей, то есть Эпиро - Өессаліей, своего брата меньшаго, чтобы дать праздной, и вѣроятно безпокойной, головѣ работу. «Сенюшка», воспитанный матерью въ преданіяхъ скорѣе Палеолога, чѣмъ Неманича, и, какъ есть вся возможность предполагать, не сочувствовавшій брату отцеубійцѣ ни въ чемъ, выросъ на своемъ Касторійскомъ тронѣ въ настоящаго *Симеона-Палеолога*, и, чуть скончался самовозведенный самодержецъ Славянскій (въ 1356 году), объявилъ себя монархомъ управляемыхъ имъ областей, отказавшись повиноваться законному наслѣднику Душана и своему племяннику, *Урошу* V, и титуловавшись Царемъ (βασιλεύοντος.).. У сего Симеона дѣйствительно оказывается и сынъ именемъ *Дука*, согласно съ нашею надписью, преемствовавшій ему въ державствѣ надъ страною. Какъ можно заключать, столицею сего, на скоро сколоченнаго, царства была именно Касторія. По крайней мѣрѣ здѣсь бѣдный Дука былъ ослѣпленъ своимъ тестемъ *Клапеномъ* грекомъ. Этимъ царственнымъ на время значеніемъ города и объясняется, какимъ образомъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, пресловутый богатырь южнойславянщины, *Марко-Кралевичъ*, явился «Кралемъ Костурскимъ». Кралевство de jure было готово для Краля.

Стефанъ можетъ ли быть одно лицо съ Симеономъ? Весьма сомнительно. Да и невѣроятно, чтобы этотъ, по преимуществу „варваръ", польстился именемъ Палеолога. Мы вышли изъ церкви другими южными дверями, и, переступивъ ихъ, увидѣли себя въ свѣтлой галлерейкѣ, пристроенной къ церкви во всю длину ея южной стѣны, которая вся, исключая упомянутой двери, покрыта живописными изображеніями, составляющими главную замѣчательность церкви. Представлены во весь ростъ нѣсколько лицъ, видимо—портретовъ давно усопшихъ жителей мѣста, вѣроятно тутъ же при церкви и похороненныхъ. Отдѣльныхъ изображеній числомъ 4. Идя отъ лѣвой руки къ правой, прежде всего видишь Богоматерь, сѣдящую на тронѣ съ Богомладенцемъ при персяхъ, и передъ нею молящуюся фигуру въ монашескомъ одѣяніи и съ кукулемъ на головѣ. Существующая при изображеніи надпись гласитъ: *помяни Господи Іисусе Христе рабу твою Евфросинію. Почила въ ноябрѣ мѣсяцѣ 11 (числа), года 6945* (1437). Слѣдующее изображеніе представляетъ юношу, со сложенными на груди молитвенно руками, въ одномъ хитонѣ и опояскѣ, съ непокрытою головою и распущенными до плечъ рыжими волосами. Надпись при немъ говоритъ: *почилъ рабъ Божій Мануилъ, сынъ Михаила Мустаки, по прозванію Листà, мѣсяца іюля 24. Года 6947* (1439). Затѣмъ слѣдуетъ изображеніе молящейся, не старыхъ лѣтъ, женщины, съ короной или высокимъ кокошникомъ на головѣ и вуалемъ, падающимъ за спину ея. Изъ бывшей съ боку ея надписи уцѣлѣли только начальныя слова: *почила раба Божія*.. Послѣднее изображеніе, отдѣляемое отъ предыдущаго дверью, занято ликомъ Спасителя въ осмиугольномъ сіяніи, какъ у насъ принято писать Господа Саваоѳа. Къ нему пожилая женщина подводитъ маленькую дѣвочку. Надпись говоритъ: *помяни Господи рабу Анну. Помяни и рабу твою Ек(атерину), ея дочь.* Всѣ надписи сдѣланы погречески, безъ малѣйшей ошибки. Живопись конечно далека отъ совершенства, но замѣчательно харак-

терна, и по всей видимости принадлежитъ одному и тому же времени, т. е. XV вѣку. Замѣчательна уже самая мысль ставить изображенія умершихъ людей, по видимому совсѣмъ не ктиторовъ храма, въ такомъ публичномъ и священномъ мѣстѣ, какъ церковь [1]).

---

[1]) Вотъ всѣ *пять* надписей Таксіарховой церкви:

1. Ктиторская замѣтка: Ἀνακαινισμὸς τοῦ θείου δόμου... καὶ ἀνιστορίθη τῆ καλλιτέχνου παλάμη ροι. τε κάλιστος σε... τὴν Δέσποτα κε̄ ὁ Θεὸς παντοκράτωρ δόξαν καὶ λαμπρότηταν (sic) τοῦ οἴκου τοῦ ἁγιόυ παμμεγίστου Μιχαὴλ Ταξιάρχου. Δι' ἐξόδου τοῦ πανοσιωτάτου Δανιὴλ ἱερομονάχου. Βασιλεύοντος Συμεὼν τοῦ Παλαιολόγου καὶ τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ.. Δȣ̃κα. Εξακισχιλιοστοῦ τοῦ ἔτους πληρουμένου ὀκτακοσίων ἑξηκοστοῦ, καὶ περιπατούσης ἰνδίκτου τρισκαιδεκάτης. Буквы большія, удлиненныя, бѣлыя по чорному полю, и нерѣдко связныя. Слово: παλάμη читается неотчетливо. Можетъ быть тутъ—собственное имя *Паламира*, можетъ быть—выраженіе, довольно обычное въ подобныхъ случаяхъ, πάλαι ποτε (давно когда-то, въ старину, нѣкогда). Передъ словомъ Δοῦκα есть малый пропускъ, насколько нужно мѣста для собственнаго имени. Въ самомъ дѣлѣ, христіанское имя *Дуки* неизвѣстно. Въ лѣтосчисленіи тоже встрѣчается затрудненіе. Въ 6860 году индиктъ былъ 5-й, а не 13-й. Уладить эту ошибку не представляется возможности, не допустивши пропуска слова: ὀγδόου. Въ этомъ случаѣ годъ надписи выходилъ бы 1360-й, когда уже не было въ живыхъ и краля Уроша V, и въ державѣ Душановой царствовало полнѣйшее безначаліе. Естественно было тогда и Симеону провозгласить себя царемъ, т. е. какъ бы наслѣдовавшимъ своему брату. А въ 1352 г. онъ развѣ только въ тихомолку, безъ вѣдома брата, могъ писать себя царемъ.

2. Μνήσθητι κε̄ Ιυ̃ χε̄ τῆς δούλης σου Εὐφροσύνης. Ἐκοιμήθη ἐν μηνὶ Νοεμβρίῳ ια̃ ἔτȣς, ςϡμε.

3. Ἐκοιμήθη ὁ δοῦλος τοῦ Θυ̃ Μανουὴλ, υἱὸς Μιχαὴλ τοῦ Μουστάκι τὸ ἐπίνομα: Λιστὴ. Μηνὶ Ἰουλίῳ κδ. ἔτη ςϡηζ. И самая фамилія Мустаки могла быть только прозвищная, потому что τὸ μουστάκι, по теперешнему словоупотребленію, значитъ: *усъ*. Прозвище: Листи есть очевидно имя: λιςής—разбойникъ.

4. Ἐκοιμήθη ἡ δȣ́λη τοῦ θυ̃....

5. Μνήσθητι κε̄ της δȣ́λης Ἄννης. Μνήσθητι καὶ τῆς δȣ́λης σου Αἰκ(ατερίνης) τῆς θυγατρὸς αὐτῆς.

Кромѣ этихъ надписей есть въ церкви и одна позднѣйшая, написанная на иконѣ Св Архангеловъ въ иконостасѣ. Читается такъ: Δέησις τοῦ πανιερωτάτου κὰι ἁγιωτάτου Μητροπολίτου, ἁγίου Καςορίας, κὺρ Δαυὶδ. ἀχοα т. е. Моленіе преосвященнѣйшаго и святѣйшаго митрополита, (святаго) Касторійскаго, Г. Давида. 1671 г. Нашъ списокъ архіереевъ касторійскихъ восполняется такимъ образомъ совсѣмъ неожиданно, именемъ *Давида* — 1671 года.

Отъ „архистратига небесныхъ силъ" мы перешли къ трибуну земныхъ воинствъ, Св. Георгію. Церковь стоитъ на возвышенности и составляетъ теперь чью-то частную собственность. Она тоже малыхъ размѣровъ и того же стиля. Притвора не имѣетъ. Подобныя описаннымъ, три изображенія матери, невѣстки и сына — какихъ-то видятся изображенными и здѣсь со внѣ на западной стѣнѣ церкви, и издали рисуются своими контурами и довольно яркими красками подъ открытымъ небомъ. Замѣчателенъ головный уборъ сына, не похожій ни на шляпу, ни на шапку, ни на фесъ, ни даже — на платокъ. При изображеніяхъ читаются еще двѣ надписи, не вполнѣ сохранившіяся, писанныя тоже по гречески, — первая: почила раба Божія Султана.. индикта 15, — вторая: почилъ рабъ Божій Андронасъ.. годъ 7035 (1527) [1]). Къ сожалѣнію, церковь была заперта, и внутренности ея мы не могли видѣть. Та ли эта самая церковь, о которой упоминаютъ хроники подъ 1084 годомъ, при отнятіи города императорскими войсками у Итальянцевъ, нельзя рѣшить въ двѣ-три минуты туристическаго обзора ея. Въ такомъ случаѣ ей бы насчитывалось около 800 лѣтъ существованія. Какъ будто много, а впрочемъ.. вѣдь тутъ дѣло идетъ не о древностяхъ какой нибудь *Одессы*, новоявленной подъ старымъ именемъ, а объ историческомъ клочкѣ земли, изъ подъ новаго имени могущемъ вдругъ выявить остатки древнѣйшаго *Целетра* или по крайней мѣрѣ средневѣковаго *Юстиніанополя*.

Оттуда насъ провели къ церкви *св. Стефана*, съ виду весьма неправильной и не тщательной постройки, а внутри напротивъ являющей типичный планъ древнихъ церквей византійскихъ, именно па-

---

[1]) Ἐκοιμήθη ἡ δȣλη τοῦ θῦ Σȣλτάνη. ἰνδ. ιε... Ἐκοιμήθη ὁ δȣ̃λος τȣ̃ θῦ Ανδρονᾶς. ἔτους, Ζλε (1527). Такъ какъ индиктіонъ 15 падаетъ именно на 1527 годъ, то и позволительно думать, что м. б. всѣ трое,—«μάνα, νύφη καὶ υἱός», какъ намъ ихъ отрекомендовали, основываясь на говорѣ народномъ, конечно, умерли въ одно и тоже время, и погребены вмѣстѣ.

раллелограммъ, раздѣленный на три продольника. Изображенiй, въ видѣ упомянутыхъ, не имѣется. За то на сводѣ срединной части зданiя (купола нѣтъ) есть довольно рѣдкое изображенiе въ трехъ кругахъ одного за другимъ, съ востока на западъ, Вседержителя. Въ первомъ онъ изображенъ въ видѣ отрока, съ подписью: Эммануилъ, во второмъ — онъ же въ видѣ старца съ подписью: Ветхiй денми, въ третьемъ ниже онъ — съ подписью: Спасъ, въ типическомъ образѣ Христа. Замѣчательно, что вокругъ главы Вседержителя въ такъ называемомъ сiянiи, нѣтъ извѣстныхъ буквъ ΟѠΝ, такъ что можно бы относить иконопись къ XII и — самое позднее — къ XIII вѣку. Въ одномъ мѣстѣ есть большое стѣнное изображенiе Божiей Матери съ крайне безграмотною подписью усердствовавшаго въ дѣлѣ христолюбца: молитву привожу тебѣ, чистая Дѣво, отъ всей моей души, преклоняя предъ Тобою колѣно. Георгiй малѣйшiй Твой рабъ.. сынъ Варивила. Дѣло Аѳанасiя iерея. Года 6846 (1338) [1]. Тутъ же, при словахъ этихъ изображенъ и самъ творецъ „дѣла“, преклоненный и молящiйся iерей. Вся церковь внутри по стѣнамъ и сводамъ расписана. Отличается отъ другихъ тѣмъ, что имѣетъ хоры надъ притворомъ съ запада, съ остаткомъ поперечной стѣнки въ южномъ концѣ ихъ, неизвѣстнаго значенiя. Вообще, храмъ этотъ, не смотря на его малость и невзрачность, можно назвать замѣчательнымъ памятникомъ христiанской древности, дающимъ довольно полное понятiе объ эпохѣ, которой принадлежитъ. Полутысячелѣтняя давность живописныхъ изображенiй, какъ по всему видно, не подправлявшихся, можетъ быть предметомъ не одного празд-

---

[1]) Δέησιν προσάγω σοι ἀγνὴ παρθέναι ἐξ ὅλης μου τῆς ψυχῆς πρὸς σὲ τῶν γόνοι κλῖνας Γεώργιος ὁ ἐλάχιστος κὰι σὸς ἠκέτης ΠΟΗ(?)ΑΔΗ(?)Η(?)ΠΕΔΟC τȣ̃ Βαριβίλο. ἔργον Ἀθανασίȣ ἱερέος. ἔτους ϚѠΜϚ что слѣдуетъ за словомъ οἰκέτης, остается необъяснимымъ для насъ. Ограничиваемся передачею его въ fac-simile. Собственное имя: *Варивилъ* тоже заставляетъ задуматься.

Отъ „архистратига небесныхъ силъ" мы перешли къ трибуну земныхъ воинствъ, Св..Георгію. Церковь стоитъ на возвышенности и составляетъ теперь чью-то частную собственность. Она тоже малыхъ размѣровъ и того же стиля. Притвора не имѣетъ. Подобныя описаннымъ, три изображенія матери, невѣстки и сына — какихъ-то видятся изображенными и здѣсь со внѣ на западной стѣнѣ церкви, и издали рисуются своими контурами и довольно яркими красками подъ открытымъ небомъ. Замѣчателенъ головный уборъ сына, не похожій ни на шляпу, ни на шапку, ни на фесъ, ни даже — на платокъ. При изображеніяхъ читаются еще двѣ надписи, не вполнѣ сохранившіяся, писанныя тоже по гречески, — первая: почила раба Божія Султана.. индикта 15, — вторая: почилъ рабъ Божій Андронàсъ.. годъ 7035 (1527) [1]). Къ сожалѣнію, церковь была заперта, и внутренности ея мы не могли видѣть. Та ли эта самая церковь, о которой упоминаютъ хроники подъ 1084 годомъ, при отнятіи города императорскими войсками у Итальянцевъ, нельзя рѣшить въ двѣ-три минуты туристическаго обзора ея. Въ такомъ случаѣ ей бы насчитывалось около 800 лѣтъ существованія. Какъ будто много, а впрочемъ.. вѣдь тутъ дѣло идетъ не о древностяхъ какой нибудь *Одессы*, новоявленной подъ старымъ именемъ, а объ историческомъ клочкѣ земли, изъ подъ новаго имени могущемъ вдругъ выявить остатки древнѣйшаго *Целетра* или по крайней мѣрѣ средневѣковаго *Юстиніанополя*.

Оттуда насъ провели къ церкви *св. Стефана*, съ виду весьма неправильной и не тщательной постройки, а внутри напротивъ являющей типичный планъ древнихъ церквей византійскихъ, именно па-

---

[1]) Ἐκοιμήθη ἡ δούλη τοῦ θῦ Σουλτάνη. ἰνδ. ιε... Ἐκοιμήθη ὁ δοῦλος τοῦ θῦ Ἀνδρονάς. ἔτους, Ζλε (1527). Такъ какъ индиктіонъ 15 падаетъ именно на 1527 годъ, то и позволительно думать, что м. б. всѣ трое,—«μάνα, νύφη καὶ υἱός», какъ намъ ихъ отрекомендовали, основываясь на говорѣ народномъ, конечно, умерли въ одно и тоже время, и погребены вмѣстѣ.

раллелограммъ, раздѣленный на три продольника. Изображеній, въ видѣ упомянутыхъ, не имѣется. За то на сводѣ срединной части зданія (купола нѣтъ) есть довольно рѣдкое изображеніе въ трехъ кругахъ одного за другимъ, съ востока на западъ, Вседержителя. Въ первомъ онъ изображенъ въ видѣ отрока, съ подписью: Эммануилъ, во второмъ — онъ же въ видѣ старца съ подписью: Ветхій денми, въ третьемъ ниже онъ — съ подписью: Спасъ, въ типическомъ образѣ Христа. Замѣчательно, что вокругъ главы Вседержителя въ такъ называемомъ сіяніи, нѣтъ извѣстныхъ буквъ ΟΩΝ, такъ что можно бы относить иконопись къ XII и — самое позднее — къ XIII вѣку. Въ одномъ мѣстѣ есть большое стѣнное изображеніе Божіей Матери съ крайне безграмотною подписью усердствовавшаго въ дѣлѣ христолюбца: молитву привожу тебѣ, чистая Дѣво, отъ всей моей души, преклоняя предъ Тобою колѣно. Георгій малѣйшій Твой рабъ.. сынъ Варивила. Дѣло Аѳанасія іерея. Года 6846 (1338) [1]. Тутъ же, при словахъ этихъ изображенъ и самъ творецъ „дѣла", преклоненный и молящійся іерей. Вся церковь внутри по стѣнамъ и сводамъ расписана. Отличается отъ другихъ тѣмъ, что имѣетъ хоры надъ притворомъ съ запада, съ остаткомъ поперечной стѣнки въ южномъ концѣ ихъ, неизвѣстнаго значенія. Вообще, храмъ этотъ, не смотря на его малость и невзрачность, можно назвать замѣчательнымъ памятникомъ христіанской древности, дающимъ довольно полное понятіе объ эпохѣ, которой принадлежитъ. Полутысячелѣтняя давность живописныхъ изображеній, какъ по всему видно, не подправлявшихся, можетъ быть предметомъ не одного празд-

---

[1]) Δέησιν προσάγω σοι ἁγνὴ παρθέναι ἐξ ὅλης μου τῆς ψυχῆς πρὸς σὲ τῶν γόνοι κλίνας Γεώργιος ὁ ἐλάχιστος κὰι σὸς ἡκέτης ΠΟΗ(?)ΑΔΗ(?)Η(?)ΠΕΔΟΣ τȣ̃ Βαριβίλο. ἔργον Ἀθανασίȣ ἱερέος. ἔτους ϛѠΜϚ что слѣдуетъ за словомъ οἰκέτης, остается необъяснимымъ для насъ. Ограничиваемся передачею его въ fac-simile. Собственное имя: *Варивилъ* тоже заставляетъ задуматься.

наго созерцанія, а и изслѣдованія. Надписи и подписи, конечно, повсюду греческія, но чуть ли художники-то не были Славяне. По крайней мѣрѣ ужасающая безграмотность приведеннаго нами о. *Аѳанасія* какъ бы невольно наталкиваетъ на подобное предположеніе.

Четвертая, весьма красивенькая церковь, къ которой привели насъ, посвящена *Св. Безсребренникамъ*. Она тоже очень малыхъ размѣровъ, и также имѣетъ два притвора — западный входный, и южный, предназначавшійся въ древности, какъ видно, для женщинъ. Внутренность ея также вся росписана по стѣнамъ и сводамъ. Полъ, какъ и во всѣхъ другихъ, изъ тесаннаго плитняка, съ прибавкою кое гдѣ мраморныхъ плитъ. Въ сѣверо-западномъ углу ея вверху на стѣнѣ есть и трудно разбираемая отъ темноты и ветхости ктиторская замѣтка, но безъ хронологической даты. Оскорбившись этимъ невниманіемъ предковъ къ ихъ потомкамъ, мы уже не взяли на себя труда списывать ее. Въ западномъ притворѣ на входной стѣнѣ, по сторонамъ двери, есть нѣсколько иконъ весьма пригляднаго письма. Надъ самою дверью въ глухомъ полукружіи изображенъ Св. Николай. По обѣ стороны дверей—Апостолы Петръ и Павелъ, а по сторонамъ ихъ Св. Безсребренники Косма и Даміанъ. Когда я, насколько умѣлъ, рисовалъ видъ храма, укрываясь, чѣмъ могъ отъ палящаго солнца, проводники наши, замѣтивши наше изнеможеніе, доложили намъ, что самое замѣчательное въ городѣ нами уже осмотрѣно, и что владыка, безъ сомнѣнія, давно уже высматриваетъ дорогихъ гостей изъ своихъ высокихъ хоромъ.

А *Панагія?* сказалъ вопросительно распоряжавшійся нашею ученою экспедиціей бывалецъ. — Что́ на верху? — подхватилъ путеводитель. Да вѣдь надобно подниматься на гору, а теперь полдень. Чуть я услышалъ о „го́рѣ“, припомнилъ Пуквилеву страничку о крѣпости Римской, о Целетрѣ, объ Юстиніанополѣ [1]), и возгорѣлъ неотвязнымъ

[1]) О существованіи на озерѣ *Касторіи* города сего имени упоминаетъ историкъ Про-

мыслію въ немъ была, — что мы, должно быть, страшно проголодались. Если онъ на и свое духовенство, посѣщающее его, тоже смотритъ прежде всего съ „голодной“ точки зрѣнія, то для вопроса о филотимномъ доходѣ нѣтъ большаго простора. Развѣ только предположить, что и у сказаннаго пункта, какъ у всего на свѣтѣ, есть два конца, изъ коихъ одинъ упирается въ упомянутые 10 эпитрахилей, а другой въ — омофоръ съ неизбѣжными при немъ голодующими орарями. Мы нашли свои вещи уже давно перенесенными изъ хана и сложенными чуть ли не въ самой спальнѣ владыки, ради вящшаго почета. За ночлегъ въ „гостинницѣ“ заплатили $111^{1}/_{2}$ піастровъ, что равняется почти 1 фунту стерлинговъ. Не дешево, сказалъ-бы кто нибудь, но за то вѣдь это *первый* отель столицы Марка Кралевича, да ктому-же и — родолюбіе.. Пока уготовлялась трапеза, я выпросилъ у владыки позволеніе осмотрѣть библіотеку Митрополіи. Она оказалась очень скудною, но все же, въ числѣ немногихъ рукописей (все греческихъ) нашлись три *мемвраны* (пергамента), заслуживавшія осмотра. Это были: 1) Евангеліе, расположенное по чтеніямъ, in 4° (38 × 26 сантим.) и писанное въ два столбца по 22 строчки крупнымъ почеркомъ XII вѣка. Есть въ книгѣ, на приличныхъ мѣстахъ и изображенія четырехъ Евангелистовъ, конечно попорченныя временемъ и треніемъ. 2) Четвероевангеліе въ 16° ($15^{1}/_{2}$ × $10^{1}/_{2}$ сант), писанное въ одинъ столбецъ, тонкаго и изящнаго письма. Сохранились въ немъ 7 рисунковъ въ краскахъ по золотому полю тщательной кисти. При Евангелистѣ Матѳеѣ изображенъ Ангелъ, держащій книгу. Передъ Маркомъ стоитъ левъ—тоже съ книгою, и кромѣ того — таинственное четвероообразіе (τετράμορφον), т. е. крылатое животное съ 4-мя лицами, видѣнное пророкомъ Іезекіилемъ. Передъ Лукою—тѣлецъ скривленный, тоже съ книгою, и, кромѣ него сказанное животное. Передъ Іоанномъ орелъ съ книгою и—животное. Въ началѣ книги вплетено нѣсколько листковъ позднѣйшаго письма, содержащихъ указанія чтеній и мѣсяцесловъ. Въ концѣ книги есть припи-

ска: Іоанне, дѣвственниче и богослове, Евангелисте и друже Господень! будь предстателемъ писавшаго въ часъ суда. Скромно, сердечно и умилительно, но для отдаленнаго потомства безплодно и какъ бы обидно. Судя по прямому почерку письма, книгу можно относить къ X и даже IX. вѣку. Къ сожалѣнію я неимѣлъ времени заняться болѣе подробнымъ обзоромъ ея. 3) Житія святыхъ in 4° ($32\frac{1}{2} \times 23$ сант.) Письмо тщательное, въ 2 столбца. Книга полная, содержитъ въ себѣ житія святыхъ съ 1-го по 13-е число ноября мѣсяца, и можетъ быть отнесена къ XI—XII вѣкамъ. Въ концѣ есть приписка: Рука Макарія монаха и Іеродіакона.

Насъ позвали кушать къ владычнему столу, который приготовленъ былъ въ обширныхъ и свѣтлыхъ сѣняхъ (они же мѣсто ежедневной утренней и вечерней молитвы) архіерейскаго дома. Прислуживали на трапезѣ іеродіаконы, какъ того требуетъ обычай на Востокѣ, возводимый не шутя „патріотами въ богословіи" ко временамъ апостольскимъ. Яствамъ счета не было. Первенство между ними принадлежало, разумѣется, пресловутой мѣстной рыбѣ *Гульяносъ* въ аршинъ ростомъ, съ которою мы еще вчера познакомились, и которою такъ богато Касторійское озеро [1]). Солнопечное вино играло не послѣднюю роль при этомъ. Бесѣда велась по приличію и о руской рыбѣ, и о русскихъ винахъ, и о русскихъ озерахъ. Когда мой спутникъ заявилъ, что на его родинѣ есть озеро, передъ которымъ *ихъ* Касторійское покажется съ тарелку, добродушный хозяинъ невинно замѣтилъ: да и тарелки же должны быть тамъ у васъ, не нашимъ чета, чтобы вмѣстить гульяно съ такого большаго озера! Между шутками мнѣ удалось

---

[1]) *Пуквиль* цѣлыя полстраницы посвящаетъ описанію рыбы: Goulianos, которую, по его словамъ, турки зовутъ *иаи* (ïaï), а болгаре *сонъ* (son). Послѣднее очевидно есть не дослышанное: *сомъ*, съ которымъ мы русскіе на столько знакомы, что я удерживаюсь отъ искусительной мысли отожествлять греческаго *Гульяно* съ нашимъ рускимъ *Гольяномъ*, недостигающимъ никогда величины самой малой тарелки.

мыслію въ немъ была, — что мы, должно быть, страшно проголодались. Если онъ на и свое духовенство, посѣщающее его, тоже смотритъ прежде всего съ „голодной“ точки зрѣнія, то для вопроса о филотимномъ доходѣ нѣтъ большаго простора. Развѣ только предположить, что и у сказаннаго пункта, какъ у всего на свѣтѣ, есть два конца, изъ коихъ одинъ упирается въ упомянутые 10 эпитрахилей, а другой въ — омофоръ съ неизбѣжными при немъ голодующими орарями. Мы нашли свои вещи уже давно перенесенными изъ хана и сложенными чуть ли не въ самой спальнѣ владыки, ради вящшаго почета. За ночлегъ въ „гостинницѣ“ заплатили $111\frac{1}{2}$ піастровъ, что равняется почти 1 фунту стерлинговъ. Не дешево, сказалъ-бы кто нибудь, но за то вѣдь это *первый* отель столицы Марка Кралевича, да ктому-же и — родолюбіе.. Пока уготовлялась трапеза, я выпросилъ у владыки позволеніе осмотрѣть библіотеку Митрополіи. Она оказалась очень скудною, но все же, въ числѣ немногихъ рукописей (все греческихъ) нашлись три *мемвраны* (пергамента), заслуживавшія осмотра. Это были: 1) Евангеліе, расположенное по чтеніямъ, in 4° (38 × 26 сантим.) и писанное въ два столбца по 22 строчки крупнымъ почеркомъ XII вѣка. Есть въ книгѣ, на приличныхъ мѣстахъ и изображенія четырехъ Евангелистовъ, конечно попорченныя временемъ и треніемъ. 2) Четвероевангеліе въ 16° ($15\frac{1}{2}$ × $10\frac{1}{2}$ сант), писанное въ одинъ столбецъ, тонкаго и изящнаго письма. Сохранились въ немъ 7 рисунковъ въ краскахъ по золотому полю тщательной кисти. При Евангелистѣ Матѳеѣ изображенъ Ангелъ, держащій книгу. Передъ Маркомъ стоитъ левъ—тоже съ книгою, и кромѣ того — таинственное четверообразіе (τετράμορφον), т. е. крылатое животное съ 4-мя лицами, видѣнное пророкомъ Іезекіилемъ. Передъ Лукою—тѣлецъ скривленный, тоже съ книгою, и, кромѣ него сказанное животное. Передъ Іоанномъ орелъ съ книгою и—животное. Въ началѣ книги вплетено нѣсколько листковъ позднѣйшаго письма, содержащихъ указанія чтеній и мѣсяцесловъ. Въ концѣ книги есть припи-

ска: Іоанне, дѣвственниче и богослове, Евангелисте и друже Господень! будь предстателемъ писавшаго въ часъ суда. Скромно, сердечно и умилительно, но для отдаленнаго потомства безплодно и какъ бы обидно. Судя по прямому почерку письма, книгу можно относить къ X и даже IX. вѣку. Къ сожалѣнію я неимѣлъ времени заняться болѣе подробнымъ обзоромъ ея. 3) Житія святыхъ in 4° ($32\frac{1}{2} \times 23$ сант.) Письмо тщательное, въ 2 столбца. Книга полная, содержитъ въ себѣ житія святыхъ съ 1-го по 13-е число ноября мѣсяца, и можетъ быть отнесена къ XI—XII вѣкамъ. Въ концѣ есть приписка: Рука Макарія монаха и Іеродіакона.

Насъ позвали кушать къ владычнему столу, который приготовленъ былъ въ обширныхъ и свѣтлыхъ сѣняхъ (они же мѣсто ежедневной утренней и вечерней молитвы) архіерейскаго дома. Прислуживали на трапезѣ іеродіаконы, какъ того требуетъ обычай на Востокѣ, возводимый не шутя „патріотами въ богословіи" ко временамъ апостольскимъ. Яствамъ счета не было. Первенство между ними принадлежало, разумѣется, пресловутой мѣстной рыбѣ *Гульяносъ* въ аршинъ ростомъ, съ которою мы еще вчера познакомились, и которою такъ богато Касторійское озеро [1]). Солнопечное вино играло не послѣднюю роль при этомъ. Бесѣда велась по приличію и о руской рыбѣ, и о русскихъ винахъ, и о русскихъ озерахъ. Когда мой спутникъ заявилъ, что на его родинѣ есть озеро, передъ которымъ *ихъ* Касторійское покажется съ тарелку, добродушный хозяинъ невинно замѣтилъ: да и тарелки же должны быть тамъ у васъ, не нашимъ чета, чтобы вмѣстить гульяно съ такого большаго озера! Между шутками мнѣ удалось

---

[1]) *Пуквилъ* цѣлыя полстраницы посвящаетъ описанію рыбы: Goulianos, которую, по его словамъ, турки зовутъ *иаи* (ïaï), а болгаре *сонъ* (son). Послѣднее очевидно есть не дослышанное: *сомъ*, съ которымъ мы русскіе на столько знакомы, что я удерживаюсь отъ искусительной мысли отожествлять грескаго *Гульяно* съ нашимъ рускимъ *Гольяномъ*, недостигающимъ никогда величины самой малой тарелки.

узнать, что въ епархіи Касторійской насчитывается отъ 170 до 180 (отчего бы въ такомъ оффиціальномъ мѣстѣ, какъ митрополія, не знать прямой и опредѣленной цифры?) селъ съ христіанскимъ населеніемъ, что въ сѣверной части ея живутъ болгаре, на югѣ—влахи, къ западу—албанцы. Для грековъ остается такимъ образомъ только востокъ, но на бѣду всѣ, какія видятся на картѣ поименованными къ востоку отъ Касторіи, селенія звучатъ не по гречески, а всего болѣе — потурецки. Приходится потому утверждать, что греки есть вездѣ, т. е. разсѣяны въ краѣ повсемѣстно, конечно въ незначительной пропорціи, и по преимуществу въ торговыхъ мѣстахъ. Это, такъ сказать, нервы епархіальнаго организма, центрирующіеся въ мозгу живаго тѣла, въ каѳедральномъ городѣ. Оттого за нашею трапезою не видится ни болгаринъ, ни албанецъ, ни-можетъ быть — волохъ (если только послѣдній не разыграетъ грека паче грека), а фигурируютъ одни чистые эллины. Мы, склонные осуждать греческую исключительность въ церковномъ дѣлѣ, что́ бы сдѣлали съ подобною епархіей, гдѣ въ каждой изъ четырехъ сторонъ свѣта живутъ разныя народности, да при томъ еще и не отдѣльно, а большей частью смѣшанно? Какой бы придумали для нея связующій и заправляющій центръ? На одинъ подобнаго же свойства вопросъ, я помню, одинъ изъ нашихъ храбрыхъ дипломатовъ, готовый разсѣкать всякій узелъ.. кулакомъ, отвѣчалъ хладнокровно: да поставить *имъ* русскаго митрополита! Нечего сказать, — убилъ бобра! Оттого, чѣмъ болѣе я смотрю на внушительное лицо добраго владыки—хозяина, тѣмъ болѣе нахожу естественною его самоувѣренность, его глубокое и непоколебимое убѣжденіе, что онъ тутъ совершенно на своемъ мѣстѣ, что такъ и должно быть все, какъ есть, и какъ было задолго до него. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ кончились въ томъ или другомъ смыслѣ разные набѣги на Греческую отъ чрева матери (миѳологіи) Касторію Македонскихъ Персеевъ, Римскихъ Фламиніевъ, какихъ нибудь Готѳовъ и Печенеговъ, Гвискардовъ, Самуиловъ, Вълковъ,

Марковъ, и несчетныхъ за ними пашей и мудировъ? ничѣмъ! Сказочная баба-яга помеломъ слѣдъ ихъ замела. А владыки греки одинъ за другимъ, изъ рода въ родъ тянутся по ея исторіи и сообщаютъ ей собою нѣчто цѣлостное и живучее. Будетъ ли лучше, если родолюбцы добьются *своего* Костурскаго Священноначальника? Время покажетъ.

Было уже около 4-хъ часовъ дня. Мы поблагодарили гостепріимнаго хозяина, взяли его благословеніе и простились въ лицѣ его со всѣми преданіями мѣста, пропитаннаго насквозь исторіей, и, подобно столькимъ другимъ, ожидающаго своего историка, хотя въ родѣ автора: „Les Turques" etc. освѣтившаго такъ ярко и рельефно недавній эпизодъ Касторійскій подъ рубрикой: *Шагинъ бей и его сокровища.* Этотъ предшественникъ нынѣшняго Иншаллахъ-мудира, любилъ употреблять выраженіе *Въ-аллагў* (клянусь богомъ), и имѣлъ на то полнѣйшее право, ибо въ казнѣ своей имѣлъ столько золота, что во время одного пожара, потребовалось 80 человѣкъ, чтобы перенесть въ безопасное мѣсто его два сундука и 12 мѣдныхъ корчагъ, наполненныхъ.. конечно не водой, какъ выразился очевидецъ дѣла! Вотъ вамъ и бѣдная Касторія! Вотъ вамъ и убогій мелкій чиновникъ турецкій! Не скрою того, что, говоря это, я какъ бы вижу написаннымъ въ глазахъ одного скептика, неимѣющаго и гроша за пазухой у себя: копнитека *и другаго кого* (?), тоже посыплется.. Не песокъ конечно изъ запрятанной подъ поломъ кисы. Чѣмъ какой нибудь Попóвичъ хуже какого нибудь Шагинъ-бея эфенди? Въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ хуже? Развѣ тѣмъ, что онъ не только Пóповичъ но и Попóвичъ, а—и того хуже еще—попъ! Разсужденія эти, по чистой совѣсти говоря, не вызывались нисколько провожавшими насъ „до воды" владычними людьми, мѣшавшими будто-бы до послѣдней минуты намъ сойтись съ мѣстными родолюбцами, и услышать отъ нихъ славянскую правду. Славянская правда! Послѣ того, какъ о ней мало думали *Сенюша*, родной братъ славянскаго императора, писавшій себя Палеологомъ, и *Краль Марко*,

отомстившій Турку коссовское побоище соединеніемъ съ нимъ въ войнѣ съ христіанами, хотѣть услышать ее отъ какого нибудь нынѣшняго касторійца,—съ одного конца болгарина, съ другаго влаха, съ третьяго албанца, а въ центрѣ—грека!

На берегу озера насъ уже ожидалъ каикъ такого же допотопнаго устройства, какъ въ Охридѣ и въ Преспѣ. Търпко съ лошадьми и багажомъ давно уже отправился впередъ по берегу озера и долженъ былъ ожидать насъ на *той* сторонѣ его у самой дороги янинской. Чтобы пробраться изъ Македоніи въ Эпиръ, не минуемо ѣхать на *Гревены* (Гребеньё, гребни?.), подобно Касторіи межеумочный городъ, ни славянскій ни греческій, къ которому дорога прямая идетъ на мѣстечко *Лапсисту*, иначе *Анаселицу*, по правому берегу рѣки *Быстрицы*, составляющему первую ступеньку Восточнаго склона Пинда. Но мы предпочли этому пути околичный по лѣвому берегу рѣки, тоже въ свою очередь составляющему подошву высокаго горнаго хребта, который можно бы было назвать Антипиндомъ. Причиною этому было желаніе высмотрѣть по пути еще одинъ епархіальный городъ, — одну изъ 80 Митрополій Константинопольскаго патріархата,—*Сисанійскую*, каѳедра которой находится въ городѣ *Шатистѣ*. А и того важнѣе есть обстоятельство, показывающее намъ путь на этотъ городъ, именно то, что архіерей встрѣчной епархіи этой есть „изъ нашихъ". На первый разъ достаточно сего признанія. Не заѣхать къ нему, бывши въ такой близости отъ него, было бы чуть не равносильно обидѣ человѣку. Плывемъ по озеру. Касторія отдаляется отъ насъ, прятавшаяся за нею масса воды выступаетъ и открываетъ видъ на отдаленный сѣверный берегъ, придавая самому городу чарующее положеніе между водой и небомъ, при сочетавающихся противоположностяхъ суши и воды, синевы и зелени, зубчатой выси и ровной плоскости, шума и тишины, духоты и свѣжести, я же отъ себя прибавлю: исторіи и дѣйствительности. Какъ не ублажить обитателей подобныхъ

мѣстъ! Тягота жизни для нихъ не должна быть такъ чувствительна, какъ для степняковъ наибольшей части земли родной, подавляемыхъ однообразіемъ и истекающимъ изъ него тождемысліемъ. „По неволѣ отупѣешь, говорилъ мнѣ, помню, одинъ мореходъ, попавшій на жительство въ одно изъ селъ нашего Черноморья, во всѣ стороны—ничего! Посмотришь въ одно окно, — поле до самаго неба! Выглянешь въ другое, — кочки да песочки, ямки да бугорки до того же неба! Подойдешь къ третьему, — сѣрыя хаты — уже безъ всякаго неба! понятно, отчего у васъ въ доброй Россіи столько самодуровъ и пьяницъ! „Жѐстоко слово сіе", не смотря на прикрасу къ нему, задабривающую эту горькую *Славянскую правду*. Да, прибавлю я опять, тутъ одно тысячелѣтнее минувшее можетъ отнять у скучающаго охоту смотрѣть безцѣльно въ окно. Впрочемъ для того, чтобы такое великолѣпное мѣсто дѣйствительно могло чаровать русскій глазъ и мозгъ, мнѣ кажется, ему недостаетъ одной существенной прикрасы — лѣса. Громадныя выси въ двѣ и три тысячи футовъ надъ поверхностію озера, сторожащія его (на далекомъ впрочемъ разстояніи) съ востока и запада, конечно занимаютъ и окрыляютъ воображеніе, но—да проститъ мнѣ недовольный черноморецъ — не питаютъ, не грѣютъ и не радуютъ сердца, а именно какъ бы вносятъ въ душу отысканное имъ у насъ, ничего! Мнѣ кажется даже болѣе. Сухія, острыя, холодныя, высокія и далекія горныя массы, съ ихъ неясными и неопредѣленными очертаніями, не служатъ ли выкройкой для жесткаго, заносливаго характера Орестійцевъ, Эмаоійцевъ, Элимейцевъ и tutti quanti.. историческихъ хозяевъ сихъ мѣстъ, — космополитовъ, которыхъ притупляетъ и убиваетъ монотонія нашихъ полей и лѣсовъ? Пусть дѣло рѣшитъ третейскій судъ безпристрастнаго читателя. Прощаемся съ чистыми (castus = Castoria?) и свѣтлыми водами озера. Нашъ челнъ пристаетъ къ южному берегу его. Морякъ-спутникъ изъявляетъ сердечное желаніе не встрѣчаться болѣе съ „такими туфлями", претен-

дующими на имя лодокъ, и, увидавъ своего *дбринцо*, даетъ ему приличное наставленіе во избѣжаніе подобныхъ вчерашнему кувырковъ. Я расплачиваюсь (21 піастръ) за водный путь, и сажусь на своего гнѣдаго, и кстати выслушиваю лекцію о томъ, какъ не отставать отъ другихъ, чтобы и самому не мучиться, и.. дальнѣйшее прималчивается. Ѣдемъ. Орестіадское солнце посылаетъ намъ въ догонку свои, все еще палящіе, лучи. Приходится защищаться отъ нихъ, на удивленіе встрѣчному люду, зонтикомъ. Наговорившись вдоволь въ лодкѣ, теперь молчимъ. Отъ самаго почти озера и начался подъемъ въ гору. Мы взяли съ собою провожатаго до самой Шатисты, который и повелъ насъ самократчайшимъ путемъ или и просто безпутицей. На это соображеніе наводила меня непомѣрно плохая дорога и отсутствіе всякой придорожней селитвы, тогда какъ карта обѣщала намъ сейчасъ же одну деревню. Черезъ часъ времени мы достигли рѣчки *Быстрицы*, а по турецки *Индже Кара-су*, т. е. Малая Чорная—вода. Оказывается же она совсѣмъ не изъ малыхъ. Вытекая изъ Касторійскаго озера, она далеко врѣзывается на югъ, стараясь прорваться сквозь горную громаду, названную нами Антипиндомъ, пока не упрется въ громаднѣйшій Олимпъ, который дастъ ей неожиданно толчекъ къ сѣверу, и направитъ воды ея совсѣмъ инымъ путемъ, и на параллели истока ея изъ озера заставитъ ее ринуться въ Солунскій заливъ. Въ стародавнее время имя ея было *Аліакмонъ* [1]). Пріятная встрѣча съ полузабытымъ знакомымъ. Эта, зачастую твердимая древнею исторіей, граница, раздѣляющая Θессалію съ Македоніей, быстрѣйшая изъ быстрыхъ рѣкъ, извѣстныхъ древности. Странное дѣло!

---

[1]) Ἀλιάκμων, отъ ἁλίου (дорически, вмѣсто ἡλίου) ἀκμή, какъ полагать бы можно, но какое отношеніе могла имѣть рѣка къ солнцу, да еще именно къ его наибольшей высотѣ или жгучести? Скорѣе могли играть роль при образованіи сего слова ἁλιεῖς — рыболовы, а еще ихъ скорѣе—древніе туземцы Македоніи или Θессаліи съ ихъ языкомъ.

немедленно отворились передъ нами ворота. Насъ попросили пожаловать на верхъ. Тамъ, полный удивленія, встрѣтилъ насъ и заключилъ въ свои объятія, старый знакомый, Преосвященный *Александръ*, митрополитъ Сисанійскій, по фамиліи *Ласкарисъ*, [1]) уроженецъ Константинополя, бывшій воспитанникъ нашей С.-Петербургской Духовной Академіи, и еще недавно Великій Секретарь Великой Церкви, державшій въ нѣкоторомъ родѣ бразды правленія всего патріархата Константинопольскаго, [2]) и получившій наконецъ Сисанійскую каѳедру, сколько въ воздаяніе своихъ заслугъ, столько, еще болѣе того—въ очистку мѣста для другаго лица. Почетнымъ заточеніемъ, я помню, называли въ Царѣ градѣ такое возвышеніе пресловутаго архимандрита въ захолустнаго митрополита. Любопытно было, потому, намъ теперь встрѣтиться съ нимъ, не по одной причинѣ. Извинился онъ прежде всего передъ нами, въ качествѣ „провинціала", за свой рановременный сонъ, который мы поспѣшили объяснить истомляющими хлопотами епархіальнаго управленія.. Появленіе на столѣ самовара, вывезеннаго хозяиномъ еще изъ Петербурга, помогло однакоже скоро относиться намъ другъ къ другу безъ всякихъ фигуръ. Русская рѣчь полилась рѣкою.

---

[1]) Грѣшно было бы подумать, что это — продолженіе царскаго рода *Ласкарей*, угасшаго съ ослѣпленнымъ по приказанію Императора Михаила I Палеолога Царевичемъ Іоанномъ. Фабрика возстановляемыхъ древнихъ фамилій Византійскихъ находится на островѣ *Халки*, въ тамошней Богословской школѣ. Глава «патріотовъ», Ректоръ школы, Константинъ Типальдо, раздаетъ всѣ историческія фамиліи питомцамъ по своему усмотрѣнію. Такъ вышли, кромѣ *Ласкаря*, *Врієнній*, *Григорàсъ*, *Паламàсъ* и tutti quanti.

[2]) Мѣсто главнаго секретаря (Ἀρχιγραμματεύς = началокнижникъ бы по славянски) такого рода, что лицо, занимающее его, неизбѣжно выдвигается впередъ, и большею частію—на столько, что дѣлается предметомъ зависти и недоброжелательства между своими. Избыть пререкаемой личности обыкновенно не представляется другаго способа, кромѣ возведенія ея на «владычество» въ мѣстахъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ.. Преосвященный Александръ именно попалъ въ эту категорію. Назначеніе его *Сисанійскимъ* даже давало поводъ къ каламбуру. Вмѣсто: ὁ ἅγιος Σισανίου, острословы «фанаря» звали его: ὁ ἅγιος Ζιζανίου (плевела).

гой — третья, и т. д. Между нами царствовало гробовое молчаніе. „Вотъ удивится нашъ владыка“.. Заговорилъ-было я, съ намѣреніемъ оживить компанію, но никто не отзывался на мою заискивающую рѣчь. Видимо всѣ были подъ гнетомъ одного и того же непріятнаго чувства запоздалости, да пожалуй и усталости. Время близилось уже 9-ти часамъ. Выступавшія изъ мрака, еще болѣе его чорныя, пятна на горизонтѣ уже не разъ привѣтствованы были въ качествѣ желаннаго „предѣла страданій“, но всякій разъ оказывались по сю сторону его. „Это вѣрно, что надежда Византіи давно уже покоится глубокимъ сномъ“.. Слышится въ арріергардѣ. А! оставьте! говоритъ нетерпѣливо колонновожатый. Еще минутъ 5 — 6, и вдругъ вылетаетъ изъ устъ всѣхъ единодушное заявленіе: а вонъ огонекъ! Правда, что до него пришлось еще значительно „потянуть носъ“, по пословицѣ, измученнымъ туристамъ, но общее настроеніе перешло уже въ мажорный тонъ. Огонекъ разросся въ цѣлый рядъ свѣтящихся точекъ. Темная масса начала выказывать геометрическія очертанія. Послышался наконецъ и лай собакъ. Пахну́ло дымомъ, смрадомъ, копотью — всѣми знаменіями человѣческаго жилья. Жилье оказалось настоящимъ городомъ съ большими домами, прямыми улицами, мостовыми и пр. Какая-то гигантская башня сторожитъ надъ всѣмъ, но — нигдѣ ни души! Мирные граждане, надышавшись вечерней прохладой, уже отхлынули къ своимъ очагамъ, и намъ пришлось доискиваться по подоконьямъ чичероне, который бы указалъ намъ Владычній конакъ. Сонная улица оживилась топотомъ лошадей нашихъ. Рѣзко и непріятно прозвучалъ стукъ въ запертыя ворота высокаго дома, и повторялся нѣсколько разъ, пока какой-то дряхлый голосъ спросилъ сверху; пьёсъ? (кто). Отвѣтъ: проѣзжіе гости.—Деспо́тъ уже почиваетъ.—Разбуди его, скажи, что русскіе пріѣхали. — Послышались внутренніе глухіе стуки, перего́воры, скрипъ дверей, шаги, движеніе. Освѣтился рядъ оконъ, высунулась изъ ближайшаго къ намъ фигура, старавшаяся разсмотрѣть насъ, и

старой книгѣ, однакоже есть свидѣтельство, что не только въ прошломъ, но еще и въ XVII столѣтіи тутъ находилось училище. Авторъ хронографіи Эпира упоминаетъ о существованіи преданія, по которому мѣсто это заселено пастухами (влахами) еще въ XII (!) вѣкѣ. Но такъ какъ онъ смѣшиваетъ въ книгѣ своей Шатисту съ *Сисани*, бывшимъ главнымъ городомъ епархіи, то и нельзя вполнѣ заручаться его свидѣтельствомъ. Мѣстечко сего имени и доселѣ существуетъ на склонѣ сосѣдняго самодѣльнаго Синая [1]) съ двумя-тремя-стами жителей. Мы вчера могли бы видѣть его влѣво отъ дороги, если бы не мѣшала темнота ночи. Какъ древне оно само, и чѣмъ заслужило честь быть каѳедрой архіерея, объ этомъ могъ бы сказать только какой нибудь архивъ, но архивъ въ Турціи тоже, что лимонный садъ въ Россіи. Le Quien нашелъ гдѣ-то въ Turco-Graecia епископа Сисанійскаго подъ 7086 (1576) годомъ. Спасибо и за это свѣдѣніе. Значитъ, уже около 300 лѣтъ существуетъ епархія Сисано-Сятистійская. Безъименный этотъ владыка сихъ мѣстъ несомнѣнно былъ только епископъ, а не митрополитъ и принадлежалъ діоцезу Охриды, а не Константинополя, входя вѣроятно административно въ митрополію Касторійскую. Прослѣдить исторію Сисанійской каѳедры за оба ея періода: Болгарскій и греческій (съ 1776 г.) однакоже нѣтъ никакой возможности не только туристу, но и настоящему историку. Ученый владыка вчера завѣрялъ меня, что въ архивѣ его каѳедры есть (?) много (!) бумагъ, перешедшихъ изъ автокефальной Охриды, и что онъ, удосужившись, имѣетъ

шта, т. е. *ща* — на болгарскій манеръ, то и тогда оно — рѣдкость. Иное дѣло окончаніе *ште*, т. е. наше *ще*. Ему и быть слѣдуетъ по генію языка, но — *ща* или *шта*, а особенно — *ста*, не скоро встрѣтишь на картахъ въ чисто славянскихъ земляхъ.

[1]) Припомнимъ: Sina — zygo, Sina — tsiko. Авторъ: Les Turcs.. называетъ гору *Аскіо*, совершенно по гречески Ἄσκιον — безтѣнный. Если дѣйствительно такъ зовется гора, то мы уже совершенно въ правѣ отдѣлять первую часть имени, и видѣть въ ней «кому что любо».

Распросамъ и разсказамъ съ обѣихъ сторонъ конца не было. Тѣмъ временемъ приготовленъ былъ на скоро и ужинъ, приправленный и какъ-бы припорченный все тѣмъ же „солнечнымъ“ виномъ, котораго мѣсторожденіе владыка пріурочилъ къ своей епархіи. Пришлось намъ такимъ образомъ кушать сегодня въ двухъ епархіяхъ на трапезѣ двухъ митрополитовъ. Помазаніе высшаго образованія и того, что̀ передается древнею фразою: „nil admirari“, печатлѣетъ себя еще довольно ярко на молодомъ архипастырѣ Сисанійскомъ, но уже видимо его обхватываетъ собою тотъ общій и неизмѣнный типъ деспóтовъ греческихъ, котораго представителемъ можетъ служить, поживішій на свѣтѣ, владыка Касторійскій. Есть своя какъ бы школа духовнаго „владычества“ на Востокѣ, въ которой преподаватель есть праотеческій обычай. Всѣ учившіеся въ ней, подъ конецъ выходятъ, какъ мнѣ вѣрится, совершенно похожими другъ на друга, и именно такими, какими видѣли ихъ вѣка Златоуста и Фотія.

Сятиста 8 іюня 1865.

Въ греческой рѣчи нѣтъ звука *ш*. Когда грекъ хочетъ его выразить буквами своего алфавита, то ставитъ свое σ (сигма), т. е. *с*. Но, замѣчая въ тоже время, что напр. *ша* и *са* не одно и тоже, смягчаетъ слѣдующую за σ гласную, и за тѣмъ успокоивается, думая, что достигъ, чего хотѣлъ. Такимъ образомъ городъ *Шатиста* пишется у грековъ и частно и оффиціально Σιάτιστα. Хотѣлось бы сказать что нибудь генеалогическое въ честь пріютившаго далекихъ странниковъ мѣста. Но что и гдѣ отыскать? Имя очевидно славянское и не давнее,— по крайней мѣрѣ такимъ кажется самимъ грекамъ, не усматривающимъ въ немъ ничего Эллинозвучнаго [1]), и не находя его имени ни въ какой

---

[1]) *Шатаніе*, конечно, извѣстно славянскому языку. Но окончаніе имени: *ста* съ удаленнымъ отъ него удареніемъ,—явленіе, не вполнѣ славянское. Если даже его читать

же, сколько, по вашей пословицѣ, отъ кого-то кому-то.. молока. Дѣло, такимъ образомъ, въ *Прокѣ*.. Не утѣшительно слышать такія признанія, особенно, когда признающійся есть вашъ гостепріимный хозяинъ. Мы ободрили владыку надеждою, что, когда онъ будетъ „Вселенскимъ", вознаградятся всѣ его злостраданія. Журавль этотъ конечно еще въ небѣ, но все же зоркому глазу бывшаго Великаго Секретаря его видно съ земли.. Мы отправились къ чаю. Розговорились про Константинополь, про Великую Церковь, про болгарское движеніе.. Преосвященный выразилъ удовольствіе, что онъ въ своей епархіи находится за предѣлами этого, фатальнаго для Востока, дѣла. „Во всей моей духовной паствѣ, сказалъ онъ нѣсколько торжественно, нѣтъ ни одного славянина". [1]). Послѣдовало за этимъ дивленіе міроправительственному Промыслу, поставившему его, знающаго въ совершенствѣ одинъ отъ славянскихъ языковъ (русскій), въ мѣсто, гдѣ онъ не можетъ сдѣлать никакого употребленія изъ своего знанія, тогда какъ сплошь да рядомъ есть епархіи, гдѣ требуется до крайности такой знатокъ. Собесѣдникъ, въ свою очередь замѣтилъ, что тоже самое явленіе мнимой (или дѣйствительной, онъ не смѣетъ сказать) несообразности его ставило въ тупикъ, когда онъ былъ въ Россіи. На всемъ сѣверномъ берегу Чернаго моря, гдѣ есть у насъ три-четыре каѳедры архіерейскія, онъ не помнитъ, чтобы хотя одинъ изъ архіереевъ нашихъ, въ его время, умѣлъ сказать по гречески: καλη-μέρα, а между тѣмъ греки въ тѣхъ мѣстахъ составляютъ значительный процентъ населенія. „Видно, архіерею и не слѣдъ, даже въ самыхъ безразличныхъ предметахъ, двоиться", заключилъ собесѣдникъ. Такой выводъ, разумѣется, обществомъ нашимъ не былъ принятъ съ рукоплесканіями. Но замѣча-

---

[1]) *Ни одного.* А между тѣмъ въ Дорожникѣ *Буе* читаемъ о Шатистѣ: c'est encore une population uniquement grecque et zinzare, avec «*quelques Bulgares*».. Quelques, и — ни одинъ!

тельно уже то, что онъ могъ имѣть мѣсто въ человѣкѣ, въ нѣкоторомъ родѣ завѣдывавшемъ патріархатомъ съ разнонароднѣйшимъ населеніемъ.

Такъ какъ мы заявили твердое и непреклонное намѣреніе сегодня-же, и притомъ — по рану, ѣхать въ дальнѣйшій путь, то владыка поспѣшилъ предложить намъ свои услуги показать свой каѳедральный городъ. Прежде всего мы направились въ соборную церковь *Св. Димитрія*. Она — новой постройки, на видъ громадная, въ самомъ же дѣлѣ — изъ небольшихъ, говоря сравнительно. Такъ, весь ея поперечникъ только 16 шаговъ. Состоитъ изъ трехъ продольниковъ (нефовъ). Средній, наиболѣе широкій, накрытъ въ центральной части своей куполомъ, опирающимся на 4 колонны. При церкви возвышается четыреугольная стройная башня — колокольня. Надъ входомъ въ нее владыка указалъ намъ на мраморную плиту, украшенную изображеніемъ двуглаваго орла. Это украшеніе стоило каѳедрѣ 6.000 піастровъ и непомѣрныхъ хлопотъ. Мѣстнымъ начальствомъ (мудиромъ) невинная затѣя эта была представлена, куда слѣдуетъ, какъ свидѣтельство сепаративныхъ тенденцій жителей. Вопросъ „исчерпанъ" былъ „кошельками", заключилъ владыка, улыбаясь. Кромѣ Соборной, есть 6 другихъ церквей въ городѣ, раздѣляемомъ на два махалá, или по нашему, на 2 части, но ни одна изъ нихъ не замѣчательна ни древностію, ни чѣмъ бы то ни было. Изъ митрополіи владыка повелъ насъ въ училища *Аллилодидактическое* (взаимнаго обученія) и *Синтактическое*. Онъ надѣется открыть вскорѣ и *Эллинское*. Самыя эти наименованія ихъ уже показываютъ, что преподаваніе въ нихъ вращается главнѣйшимъ образомъ около роднаго языка, а прочія образовательныя науки примыкаютъ къ нему, какъ предметы побочные. Учащихся, разумѣется, множество. Для грека *школа* есть именно: отдыхъ отъ дѣла, σχολή, оттуда: σχολάζω — неработаю, а не занятіе, не трудъ. Осмотрѣли мы и *Дѣвоводникъ* (παρθεναγωγεῖον), т. е. женскую школу и библіотеку. Послѣдняя оказалась гораздо значительнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Она есть

даръ, завѣщанный городу однимъ профессоромъ Аѳинскаго Университета, *Ѳеодоромъ Мануси*, уроженцемъ Ша (ошибся: Ся) тисты. Имя это, въ свое время — вѣщее, паче же — зловѣщее, готово было воскресить въ памяти моей цѣлый десятилѣтній періодъ моей жизни. Помню сухую, гіенообразную фигуру Эллиниста-griномана, профессора исторіи во Всенаучникѣ (Πανεπιστήμεῖον) Аѳинскомъ, задушевнаго пріятеля о. *Фармакида*, — обоихъ вождей такъ называемыхъ „нѣмецкой“ партіи и заклятыхъ враговъ всего славянскаго, или общѣе — не Эллинскаго на Востокѣ, не переваривавшихъ въ своемъ ultra-патріотическомъ желудкѣ умственномъ даже одного имени русскихъ. Помню производимый ученымъ мужемъ въ эллинскомъ юношествѣ энтузіазмъ. Помню и газетную скорбь о немъ (въ значительной степени — напускную) интеллигенціи греческой послѣ его кончины, послѣдовавшей 1 ноября 1858 года [1]). И другаго Шатистейца невольно припоминаю я при этомъ, тоже извѣстнаго мнѣ по Аѳинамъ. Это Архіепископъ Мантинійскій (пресловутой *Аркадіи*), *Ѳеофанъ*, освящавшій въ 1855 г. нашу посольскую церковь въ Аѳинахъ, и украшенный за то орденомъ Св. Анны 1-й степени, а передъ тѣмъ долго бывшій первымъ секретаремъ [2]) Свящ. Сѵнода Элладскаго. Этотъ не получилъ нѣмецкаго помазанія, и въ свое время мирволилъ намъ русскимъ. Я не замедлилъ предста-

---

[1]) Родился въ 1793 г. Отецъ его занимался торговлей, и ради ея переселился въ Австрію, гдѣ и воспиталъ своего сына. Въ Вѣнѣ, при тамошней церкви греческой, состоялъ тогда и Фармакидисъ. Тамъ юноши-патріоты и подружились, оставаясь потомъ неразлучными до самой смерти одного изъ нихъ. Имѣя достаточный, отцовскій и свой, капиталъ, Мануси, умирая, завѣщалъ другу своему 15.000 драхмъ, а 30 тысячъ оставилъ своему питомцу. Фармакидисъ, умершій черезъ два года потомъ, не коснулся дружескихъ денегъ, а передалъ ихъ тоже своему питомцу — крестнику Мануси. Люди хотя и не нашей, какъ говорится, масти, но, по своимъ сильнымъ характерамъ и возвышеннымъ чувствамъ, стóятъ правдиваго и праведнаго слова!

[2]) Въ Аѳинскомъ Священномъ Сѵнодѣ, весь составъ, кромѣ королевскаго Эпитропа, служащихъ лицъ слагается изъ духовенства.

тельно уже то, что онъ могъ имѣть мѣсто въ человѣкѣ, въ нѣкоторомъ родѣ завѣдывавшемъ патріархатомъ съ разнонароднѣйшимъ населеніемъ.

Такъ какъ мы заявили твердое и непреклонное намѣреніе сегодня-же, и притомъ — по рану, ѣхать въ дальнѣйшій путь, то владыка поспѣшилъ предложить намъ свои услуги показать свой каѳедральный городъ. Прежде всего мы направились въ соборную церковь *Св. Димитрія.* Она — новой постройки, на видъ громадная, въ самомъ же дѣлѣ — изъ небольшихъ, говоря сравнительно. Такъ, весь ея поперечникъ только 16 шаговъ. Состоитъ изъ трехъ продольниковъ (нефовъ). Средній, наиболѣе широкій, накрытъ въ центральной части своей куполомъ, опирающимся на 4 колонны. При церкви возвышается четыреугольная стройная башня — колокольня. Надъ входомъ въ нее владыка указалъ намъ на мраморную плиту, украшенную изображеніемъ двуглаваго орла. Это украшеніе стоило каѳедрѣ 6.000 піастровъ и непомѣрныхъ хлопотъ. Мѣстнымъ начальствомъ (мудиромъ) невинная затѣя эта была представлена, куда слѣдуетъ, какъ свидѣтельство сепаративныхъ тенденцій жителей. Вопросъ „исчерпанъ" былъ „кошельками", заключилъ владыка, улыбаясь. Кромѣ Соборной, есть 6 другихъ церквей въ городѣ, раздѣляемомъ на два махала́, или по нашему, на 2 части, но ни одна изъ нихъ не замѣчательна ни древностію, ни чѣмъ бы то ни было. Изъ митрополіи владыка повелъ насъ въ училища *Аллилодидактическое* (взаимнаго обученія) и *Синтактическое.* Онъ надѣется открыть вскорѣ и *Эллинское.* Самыя эти наименованія ихъ уже показываютъ, что преподаваніе въ нихъ вращается главнѣйшимъ образомъ около роднаго языка, а прочія образовательныя науки примыкаютъ къ нему, какъ предметы побочные. Учащихся, разумѣется, множество. Для грека *школа* есть именно: отдыхъ отъ дѣла, σχολή, оттуда: σχολάζω — неработаю, а не занятіе, не трудъ. Осмотрѣли мы и *Дѣвоводникъ* (παρθεναγωγεῖον), т. е. женскую школу и библіотеку. Послѣдняя оказалась гораздо значительнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Она есть

„Все готово“, доложили намъ. Вчерашняя жалоба моя на лѣниваго коня имѣла послѣдствіемъ своимъ то, что на нынѣшній день его взяли въ свое распоряженіе болѣе крѣпкія и умѣлыя руки, а мнѣ достался, проученый будто-бы, доринцо. Любезно простился съ нами, за воротами своихъ палатъ, радушный владыка, изъявивъ сожалѣніе, что по обстоятельствамъ (!) не можетъ проводить насъ до самыхъ предѣловъ своей епархіи, весьма недалеко впрочемъ отстоящихъ отъ каѳедры въ сторону пути нашего. Но для насъ конечно уже не малая честь и то, что онъ провожалъ насъ за предѣлы своего дома. Только выбравшись за городъ, я могъ составить себѣ ясное и отчетливое понятіе о немъ топографическое. Онъ лежитъ на весьма значительной высотѣ (по *Буè*, 2.658 ф. надъ моремъ), обширенъ, взраченъ, и дѣйствительно можетъ быть названъ оазисомъ въ горной степи. Кругомъ его во всѣ стороны скалистая поверхность, составляющая послѣдніе отроги той хребтовины, которой сѣверная вершина зовется.. пусть — *Сина̀-зигосъ*, средняя — *Муричи*, а южная, ближайшая къ городу — *Червена*, въ высшихъ точкахъ своихъ зовомая еще *Буреносъ* (бурёна?), и которая окрещена у Пуквиля общимъ именемъ Bermius. Оставляемъ позади пресловутые виноградники, и все спускаемся съ подгорья, любуясь великолѣпнымъ зрѣлищемъ цѣлой линіи снѣжныхъ горъ на далекомъ западѣ. „Это — *Пиндъ*“ сказали намъ. Поклонъ ему глубокій. Люди владычніе, не смотря на наши упрашиванія вернуться, провожали насъ до самаго моста на Быстрицѣ, виноватъ — на Аліа́кмонѣ. Тутъ мы простились, пожавши (35 піастровъ) другъ другу руки, и поручивши имъ благодарить Преосвященнаго за его обязательное вниманіе къ странникамъ. Освободившись отъ опеки провожальной, мы вскорѣ могли убѣдиться, что языкъ человѣческій такъ же легко, только болѣе безнаказанно, можетъ быть разнузданъ, какъ и лошадь. Забыть же, только что поѣденный кормъ для обоихъ ихъ кажется самымъ простымъ, чуть не законнымъ, дѣломъ.. Ровная и мягкая дорога, веселые виды и гор-

вить на благоусмотрѣніе владыки замѣченную мною разность въ духѣ и одушевленіи двухъ шатистейцевъ одной и той же эпохи, посвятившихъ себя одному и тому же дѣлу—освобожденію своего племени отъ политическаго ига. Найдено было естественнымъ такое различіе характеровъ или душевныхъ настроеній. Тотъ профессоръ, а этотъ архіерей. Тотъ имѣетъ дѣло съ книгами и идеями, а этотъ—съ людьми и страстями. Тотъ витаетъ въ сферѣ возможнаго, а этотъ закабаленъ дѣйствительностію. Пусть будетъ такъ!

По возвращеніи въ „конакъ“ (что̀ бы сказалъ патріотъ-историкъ про такую профанацію обители владычней!), насъ уже ожидала напутственная трапеза. По условіямъ времени, она не могла быть роскошною. Европейскіе консервы играли на ней значительную роль. На приглашеніе почтеннаго амфитріона связать, и такъ сказать осмыслить, скромныя яствы все тѣмъ же солнцероднымъ напиткомъ, мы опасливо сослались на обстоящій насъ теперь мѣсяцъ „безъ буквы ρ.“, [1]) въ который жгучій Аполлонъ, издавна недолюбливающій варваровъ, вмѣсто смысла можетъ послать намъ „ударъ“ въ голову. Владыка поспѣшилъ успокоить насъ, лукаво замѣтивъ, что здѣсь вѣдь не Петербургское [2]) солнышко, которое не рѣдко, особенно по праздникамъ, заставляетъ людскія головы „ударяться“ о мостовую.. Бѣда намъ русскимъ вдаваться въ бесѣду съ людьми, видавшими виды, да еще виды—чисто русскіе!

---

[1]) Въ ходу у грековъ поговорка: когда мѣсяцъ (т. е. именованіе мѣсяца) имѣетъ въ себѣ букву ρ (ρὸ), пей вино — χωρὶς νερὸ (безъ воды). А когда мѣсяцъ не имѣетъ ρ пей μὲ νερὸ (съ водой). Неимѣющіе звука *р* мѣсяцы суть: май, іюнь, іюль, августъ т. е. жаркіе, когда цѣльное вино вредно, и полезно пить — растворенное водой. Во всѣ остальные мѣсяцы вино можно пить цѣльное отъ прохладнаго времени. Странно, что въ именахъ всѣхъ ихъ звучитъ и фатальное ρ.

[2]) Всѣ эти «Петербургскіе намеки, «провинціальность» и «деревенщина» обличаютъ въ человѣкѣ только прикрываемую жалобу на его загнанное положеніе въ глуши Сисанійской.

Гревенà, и даже заночевать тутъ въ... губернскомъ городѣ. И потому, отдохнувши, мы собирались идти осматривать его (отъ хана видѣнъ, только кончикъ его), зайти въ митрополію, поклониться владыкѣ мѣстному нѣсколько знакомому намъ по Константинополю, и за тѣмъ возвратиться въ свое пристанище. Но одно обстоятельство измѣнило весь планъ нашъ. Търпко донесъ намъ, что въ ханѣ не оказывается корма для лошадей нашихъ (а городъ-то на что?). Αὐτὸς ἔφα! О протестѣ и мыслить не слѣдуетъ. Узнали кромѣ того, что владыки нѣтъ въ городѣ, и что приличіе потребуетъ сущему съ нами сановнику представиться, какая тамъ есть, мѣстной власти, а она потомъ сочтетъ долгомъ своимъ отплатить визитъ.. Хлопоты и пустая трата времени! Послѣ нѣсколькихъ колебаній, рѣшено было потому, отдохнувши съ часикъ, ѣхать далѣе, и для очистки совѣсти прослѣдовать при этомъ городомъ, а на ночлегъ остановиться въ деревнѣ *Мавроней*, гдѣ, по малому числу проѣзжающихъ, отыщется вдоволь всего. Констатирую фактъ. Порѣшивши на этомъ, вдругъ повеселѣли всѣ, какъ будто избавились отъ бѣды. Вотъ вамъ и пресловутые интересы археологіи, географіи, статистики и даже простой туристики! Въ виду принятаго рѣшенія, отложили даже подкрѣпленіе себя чаемъ, а просто на просто растянулись на рогожкахъ и погрузились въ dolce far niente, любуясь видомъ упомянутой крѣпости и линіею горъ на восточномъ горизонтѣ. Мы были на параллели Олимпа и прямо въ лицо ему, но видѣть его не могли, потому что, по низкому положенію нашему, западныя подгорья его закрывали верхъ его отъ насъ, да и на нихъ лежала густая пелена облаковъ. Кипертъ ставилъ на этомъ мѣстѣ, между Пиндомъ и Олимпомъ, совершенно округленную гору *Бунаса*, [1]) съ ко-

[1]) Въ послѣдствіи времени большая греческая карта указала мнѣ вмѣсто горы, монастырь *Бунассья*, гору же самую пишетъ: Τσετινα (м. б. Щетина). Выходитъ, что не даромъ мнѣ бредилась тамъ селитва человѣческая.

торой несомнѣнно можно видѣть во всемъ величiи обѣ классическiя громады горныя. „Вотъ бы гдѣ поселиться", говорю я, указывая мѣсто горы на картѣ. — Тѣсновато, отвѣчаютъ мнѣ, тутъ и для мухи мало мѣста. — Послѣ этого — ясное дѣло — мнѣ оставалось археложить втихомолку. Надобно же чѣмъ нибудь почтить печатаемый все же толстыми буквами на картахъ, городъ или городокъ, носящiй странное имя (мн. число) *Гревена́* — по гречески, и должно быть *Гревены́* — по славянски. Предполагать славянское происхожденiе его такъ естественно, что всякое другое словопроизводство надобно считать напрасною попыткою. Но, согласившись на это, все же еще остается рѣшать, что́ именно считать корнемъ его: *гриву*, *гривну*, *гребень*, *грибъ* — наконецъ? Ни у греческихъ ни у римскихъ писателей, конечно, нѣтъ о немъ и помину. „Les Turcs" увѣряютъ, что въ древности тутъ былъ городъ *Элимея*, но мы знаемъ уже, какъ вѣрить этимъ „туркамъ". У Новогреческаго географа *Мелетiя* будто бы на мѣстѣ его ставится нѣчто съ именемъ: Αὐλαὶς (дворы) но онъ уже слишкомъ новъ, чтобы имени *Гревена́* явиться послѣ него. [1]). Вѣрно то, что въ числѣ епископiй „Архiепископа Болгарiи" была и *Гревенская*, которая вѣроятно, вмѣстѣ съ Сисанiйскою, сдѣлалась Митрополiей, по низведенiи самой въ митрополiю Константинопольскаго Патрiархата. А когда, какъ, и за что она попала въ число Болгарскихъ епископiй, это объяснитъ намъ развѣ только историографъ in petto *Архiепископiи*, преосвященный Александръ. Однакоже, когда я раскрылъ Пуквиля, то убогiй славяноименный городокъ явился передо мною въ ореолѣ такой древности, которую даже въ этихъ, пропитанныхъ историческою жизнiю, мѣстахъ, не грѣхъ назвать почтенною. Онъ нашелъ его въ сочиненiи Имп. Константина Багрянороднаго исчисленнымъ вмѣстѣ съ другими

---

[1]) Однакоже, въ граматѣ патрiарха *Пареенiя* 1643 г. Гревена дѣйствительно названо: *Авлесъ*. См. Сношенiя Россiи съ Востокомъ Ч. 2 стр. 265.

городами Македоніи, подъ именемъ: Gribania [1]) или по гречески: Γρίβανα, которое хронологія Эпира благозвучія ради измѣняетъ въ *Грйв-вана.* Негдѣ теперь справиться, такъ ли у Багрянороднаго, [2]) какъ у Пуквиля. Но что ученый описатель мѣстъ сихъ нерѣдко фантазировалъ, рядомъ съ фактомъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Такъ онъ, непростительнѣйшимъ для историка образомъ, сосѣднюю съ Гревена деревню *Мавроней,* которую мы, Богъ дастъ, увидимъ сегодня, преобразилъ въ книгѣ своей въ *Маронію* (городъ во Ѳракіи), и тоже сослался на Багрянороднаго (t. III. pag. 99)! Въ извѣстныхъ „Нотиціяхъ“ каѳедръ конечно напрасно было бы искать епархіи Гревенской, потому что весь почти Балканскій полуостровъ, исключая собственно Ѳракіи, слабо связывался церковными узами съ Константинополемъ, и для составителей Нотицій то, что находилось къ западу отъ Ѳессалоники и подвергалось безпрерывнымъ измѣненіямъ административнымъ и всякимъ инымъ, большею частію долженствовало быть именно: terra incognita. Оттого на всемъ пространствѣ вѣковъ, считая отъ Багрянороднаго, отыскался только одинъ архіерей Гревенскій, *Іоаннъ Копсохиръ* (рукосѣчный), о посвященіи котораго въ епископа Архіепископомъ Болгаріи *Львомъ* упоминаетъ *Логоѳетъ Акрополитъ,* по свидѣтельству Іерусалимскаго Патріарха *Досиѳея.* Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности узнать, когда это случилось. Левъ Архіепископъ Болгаріи былъ не одинъ. Да и кто такой Логоѳетъ Акрополитъ, и на какое сочиненіе

---

[1]) Не даромъ, значитъ, мы въ числѣ возможныхъ корней собственнаго имени: *Гревена* указали и на *грибы.*

[2]) По справкѣ оказалось слѣдующее: Въ Боннскомъ изданіи Багрянороднаго читается вмѣсто Γρίβανα, Πρίβανα. Это — разъ. Затѣмъ, въ *Синекдимѣ Іерокловомъ,* напечатанномъ при сочиненіяхъ Имп. Константина, тоже имя читается: Τρίμουλα. А въ одномъ пергаментномъ сборникѣ Церковныхъ правилъ (Номоканонѣ) XII вѣка оно прочитано мною еще иначе, а именно: Πρίμουλα. Далеко отъ подобныхъ именъ до нашего: *Гревена.*

его ссылается Досиѳей? Какъ бы то ни было, этотъ *Копсохиръ* есть единственно извѣстный Гревенскій архіерей древности. [1]). При Пуквилѣ святительствовалъ тутъ нѣкто *Варѳоломей.* Лѣтъ за 20 передъ этимъ былъ митрополитомъ Гревенскимъ *Іоанникій.* Ему наслѣдовалъ *Агапій,* а сему — *Геннадій,* нынѣшній владыка Гревенскій, еще такъ недавно смиренный іеродіаконъ Великой Церкви, изъ кончившихъ курсъ „докторовъ“ Халкинской семинаріи. [2]). На распросы наши у кой-кого о деспотѣ, намъ было отвѣчено, что мѣсто можетъ себя считать счастливымъ на архіереевъ. „И прежній былъ хорошъ, хорошъ и этотъ. Правда, что молодъ, всего отъ роду 28-мъ лѣтъ; за то ученъ (ἀμ· ἔχει παιδίαν)“.. Что лучше, когда паства довольна своимъ пастыремъ? Доволенъ ли ученый мужъ своею, чуть не послѣднею (79-ю) въ ряду другихъ, каѳедрою, это другой вопросъ. Пуквиль очень не хвалитъ физическія свойства города. Живя тутъ, онъ каждый день дѣлалъ куда нибудь поѣздки, чтобы спастись отъ разрушительнаго климата. Послѣ каждаго дождя дѣлается въ городѣ болото, пораждающее лихорадки. Тогдашній архіерей увѣрялъ франка, что въ городѣ нѣтъ человѣка достигшаго 50 лѣтъ. Ему самому было только 40 лѣтъ, а онъ былъ уже сѣдой, и печально предсказывалъ себѣ туже участь преждевременной смерти. По выслушаніи всего вышеизложеннаго, общество наше присудило: тѣмъ паче не оставаться долго въ такомъ не-

---

[1]) Въ книгѣ «Сношенія Россіи съ Востокомъ» упоминаются Гревенскіе Митрополиты: *Софроній,* пріѣзжавшій за милостыней въ Москву въ свитѣ своего Архіепископа Гавріила (Болгарскаго) въ 1586 г., *Каллистратъ*—1590 г., называемый Архіепископомъ (изъ?) Болгарской земли, — *Сергій,* бывшій въ Москвѣ въ 1625 г. и, приводимый подъ 1631 годомъ и состоявшій тогда на каѳедрѣ своей уже девять (!) лѣтъ, *Митрофанъ.*

[2]) Года за два передъ тѣмъ я слушалъ его указную проповѣдь вечернюю въ одной изъ Церквей Константинополя, и нашелъ въ немъ рѣдкій ораторскій талантъ. По живости и смѣлости жестовъ, онъ превосходилъ даже своихъ Аѳинскихъ собратій по Димосѳенову ремеслу. Длинную проповѣдь свою всю говорилъ наизустъ, и во все время владѣлъ собою свободно до удивленія. Стоилъ, потому, владычества надъ словесною паствою.

благополучномъ мѣстѣ. Едва упросилъ я оное подождать, пока я раздѣлаюсь съ жолтою книжкой, обѣщающей сообщить о *Гревено* нѣчто весьма древнее. Оказывается, что городъ построенъ выходцами крѣпости (castron) *Бухалисты* лежащей на древнемъ *Редіѣ* (теперь: *Венéтико*, притокѣ Гревенской рѣки [ruisseau — по автору „Les Turcs"] *Серини*) и отождествляемой съ древнѣйшимъ городомъ *Европомъ*. Значитъ первыми заселителями мѣста были „европейцы" въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова. О городѣ пресловутаго имени этого мы слыхали, конечно, но, на сколько можемъ припомнить, мѣсто ему всегда пріурочивали въ Македоніи, на нынѣшней рѣкѣ *Вардарѣ*. Во всякомъ случаѣ остается неизвѣстнымъ, когда именно Бухалистцы — европейцы заселили это мѣсто. Торчащая на глазахъ крѣпость постройкою своею обличаетъ сравнительно недавнюю эпоху. Она же, съ другой стороны, дастъ разумѣть, что мѣсто имѣло когда-то свою значительность. Тотъже Пуквиль говоритъ, что за 25 лѣтъ до него жило тутъ болѣе 2.000 семействъ. При немъ насчитывалось уже только около 150 мазанокъ. Теперь, по свидѣтельству Эпирской хронологіи, [1]) живетъ въ Гревена 230 семействъ, „большею частію оттомановъ эллинскаго племени".. Не достаточно было обулгаренныхъ грековъ - булгарофоновъ, греко - влаховъ, греко - албанцевъ, являются вотъ еще *Греки - турки!* Когда же мы доѣдемъ до настоящихъ грековъ, — „Греко-грековъ"? О христіанахъ гревенскихъ таже „хронологія" дѣлаетъ не ласковый отзывъ, что они невѣжды и люди безъ вкуса, но она удерживается сказать намъ, кто они родомъ. Можетъ быть — эллины оттоманскаго племени?.. Я сообщилъ коллегамъ отзывъ книги о горажанахъ, чѣмъ окон-

---

[1]) См, ч. 2. стр. 41. А на страницѣ 362-й той же книги, въ общемъ спискѣ селъ Гревенской области, указывается и подробно число ихъ по исповѣданіямъ. Выходитъ: Христіанскихъ домовъ 175, а Магометанскихъ 53. Какъ согласить съ этими цифрами выраженіе: въ наибольшей части (πλειόνων), не могу рѣшить,

чательно отбилъ у нихъ охоту видѣть городъ. Въ самомъ дѣлѣ, невѣжество, заразительный воздухъ и недавнее (19 мая) потопное разрушеніе, единственная историческая личность, да и та—съ отрубленной рукой, предполагаемое отсутствіе старыхъ людей, несимпатичное имя: *Гревена,* все это, въ связи съ преклонившимся днемъ, отвело насъ отъ первоначальнаго намѣренія проѣхать, при отбытіи съ мѣста, городомъ. Мы сошли съ своей ажурной галлереи цѣлые и невредимые, расплатились съ ханьджи (16 піастровъ) за его услуги страннымъ, поручили ему передать поклонъ нашъ Преосвященному Геннадію, когда онъ возвратится въ свою резиденцію, и поѣхали далѣе. Городъ остался вправѣ за горкою, въ полверстѣ отъ дороги, съ которой можно было видѣть только наивозвышенную часть его — христіанскій кварталъ, и то какъ бы только въ силуэтномъ очеркѣ, такъ какъ солнце стояло прямо за нимъ. Надобно было удовольствоваться этимъ. Ѣдемъ.. но, лучше пусть раскажетъ о нашемъ переѣздѣ, не намъ чета — именитость, Пуквиль, въ свое время отъ самой Шатисты ѣхавшій нашею дорогою. На сколько позволяетъ тряска на лошади, читаю въ его третьемъ томѣ его отправку изъ *Гревена.* Характеристичное обстоятельство. Проводниками его были, разумѣется, его любимцы греки. Укладывая и перекладывая багажъ его, они „обругали всѣхъ святыхъ Легенды“ (т. е. Минеи или Святцевъ), а потомъ все таки взяли благословеніе у владыки (присутствовавшаго при томъ.. еще бы смѣлъ отсутствовать, когда выѣзжаетъ такое величіе, какъ консулъ французскій!). Что-то какъ будто совсѣмъ безъ нужды и черезъ чуръ уже по французски ругаются греки того времени, да и у владыки-то благословляются тоже вопреки своему историческому нраву! Послѣ такой прелюдіи, путешественникъ пускается въ дорогу, которая „на одну милю идетъ къ западу и чуть чуть къ югу, между двумя буграми, покрытыми лѣсомъ“.. Все, какъ и передъ нами, только лѣсъ-то съ тѣхъ поръ уже порѣдѣлъ значительно. „Часъ съ четвертью мы ѣхали этою

аван-сценою Аліакмона, среди дубовой рощи, разбросанной букетами, группирующимися у Мавронея“.. Вотъ и весь разсказъ его о своемъ пути. Были уже сумерки, когда мы дѣйствительно достигли селенія: *Мавроней*.

Началось типическими освѣдомленіями объ ячменѣ и соломѣ, соотвѣтствующими нашему: „овесъ — сѣно есть“? — Искомое нашлось, но за то неискомаго не оказалось. Въ деревнѣ не было хана. Пришлось искать ночлега въ частномъ домѣ. Насъ пріютилъ у себя одинъ грекъ *Анагностъ*. Фамильное ли это имя домовладѣльца, или имъ знаменуется его должность (ἀναγνώστης — чтецъ), осталось для меня невыясненнымъ. Похоже на то, что онъ изъ рода анагностовъ мѣстной церкви, и состоитъ при ней Анагностомъ, слѣд. сугубо именуется такъ. Домъ вполнѣ греческій, хотя для чуткаго слуха и чуется въ рѣчи хозяина что-то привитое, некоренное, да и полной рисовки греческой въ движеніяхъ тоже нѣтъ. „Непремѣнно грецизованный волохъ“, говоритъ мой компаньонъ, „въ родѣ буковскаго Игумена“. Да и чего ждать въ самомъ дѣлѣ отъ *Мавро-нея* (чорно-новаго), какъ не смѣси вещей, извѣстныхъ подъ именемъ „несоизмѣримыхъ“? Дѣло въ томъ, что мы, на рубежѣ міровъ Славянскаго и Греческаго, выступаемъ въ полосу земли съ межеумочнымъ населеніемъ *цинцарскимъ* или *куцовлахскимъ*, распространеннымъ по всему протяженію Пинда отъ сѣверной точки его *Смольки* до южной *Велухи* и можетъ быть до самаго *Парнасса* съ *Геликономъ*. Это въ родѣ позвоночнаго столба Балканскаго полуострова, головою котораго надобно представлять *Пелопоннисъ* съ мозговымъ веществомъ — эллинствомъ, расходящимся оттуда тонкими нитями къ сѣверу по всему остову и сосредоточеннѣе по спинному хребту—Пинду черезъ сихъ самыхъ цинцарей или влаховъ, эллинствующихъ часто паче самихъ эллиновъ. Таковымъ мнѣ показался и нашъ сегодняшній Анагностъ. Его полное незнакомство съ *чайнымъ* производствомъ еще болѣе убѣждало насъ въ томъ. Какому настоящему греку

неизвѣстенъ всесвѣтный самоваръ нашъ? По крайней мѣрѣ, ни одинъ не покажетъ вида, что его удивляетъ бросаніе горячихъ углей прямо въ воду и не потуханіе ихъ въ ней. Пресловутый предковскій „греческій огонь“, въ водѣ горѣвшій, слишкомъ хорошо ему извѣстенъ.. А нашъ хозяинъ видимо озадаченъ былъ всѣмъ, что̀ видѣлъ передъ собою. Въ концѣ концовъ, онъ нашелъ дѣло опаснымъ, лишнимъ и безъ нужды усложненнымъ, когда увидѣлъ, что все сводилось къ заваркѣ чая въ кипяткѣ. Сто̀ило возить съ собою въ отдѣльномъ ящикѣ такую сложную, и до смѣшнаго человѣкообразную машину, когда можно вездѣ, гдѣ придется, согрѣть воду въ кофейникѣ, въ котлѣ, въ горшкѣ, чуть не въ фесѣ! То̀же и на счетъ прохлажденія себя кипяткомъ въ іюлѣ мѣсяцѣ не—аристотелевъ потомокъ расходился съ нами во взглядахъ. „Ну, а твой-то *кафесъ* развѣ не кипятится на огнѣ? спрашивалъ его нашъ Анахарсисъ. Что было отвѣтить на это? Если-бы спорщикъ былъ Ласкарисъ или иной какой потомокъ давнымъ да̀вно угасшихъ династій византійскихъ, онъ конечно вывернулся бы. А нашъ влахъ, да еще и *куцый*, только улыбнулся и пожелалъ намъ доброй ночи.

Маврoней. 9 іюня 1865. Среда.

Снится мнѣ новая квартира, коей одна стѣна состоитъ изъ сплошнаго зеркала.. Пріучившись съ раннихъ лѣтъ видѣть въ сновидѣніяхъ уроки и знаменія, я никакъ не могу допустить, чтобы такое, не легко фантазирующееся обстоятельство, какъ цѣльная зеркальная стѣна, пригрезилось даромъ, безъ толку, напрасно. Новое помѣщеніе давно мнѣ служитъ знакомъ *пере*мѣщенія. Не диво, потому, встрѣтиться съ такимъ образомъ въ дорогѣ Но.. зеркало во всю комнату! Впечатлѣніе отъ сна было на столь сильно, что я уже не могъ заснуть вновь, и всталъ очень рано. На дворѣ только что брезжилось. Густой туманъ мѣшалъ мнѣ разглядѣть что нибудь впереди себя, когда я вышелъ на улицу съ намѣреніемъ ознакомиться съ мѣстностію. Онъ го-

ворилъ ясно, что мы находились высоко надъ уровнемъ моря. Компаньоны спали глубокимъ сномъ. Жаль было прямо будить ихъ. Я прибѣгъ къ маневру, началъ ставить „опасную машину“, ходить, дуть, стучать.. Когда совсѣмъ разсвѣло, и машина начала шумѣть вмѣсто меня, а туманъ поднялся въ небо, я снова побродилъ около дома, высматривавшаго весьма пустынно, и прошелся до церкви. Анагность былъ уже тамъ, что-то прибирая или приготовляя. По словамъ его, церковь выстроена 50 лѣтъ передъ этимъ его дѣдомъ. А ограда церковная выстроена уже имъ самимъ. Слѣдовательно, это суть въ родѣ ктиторовъ или точнѣе — собственниковъ храма Божія. Во время послѣдней (крымской) войны, когда греческое движеніе достигало и этихъ мѣстъ, церковь подпала временному раззоренію отъ фанатиковъ турковъ [1]). Иконостасъ былъ весьма поврежденъ, св. иконы поцарапаны, царскія двери на куски сломаны, престолъ уничтоженъ, и пр. Теперь конечно слѣды варварства уже сглажены, и изувѣрство печатлѣетъ себя только еще кое гдѣ на иконахъ. Церковь, впрочемъ, изъ самыхъ обыкновенныхъ. Предметомъ бесѣды за утреннимъ чаемъ у насъ было именно это обстоятельство. „Ну, чтожъ? фанатизмъ за фанатизмъ!“ сорвалось у кого-то съ языка. А Христіане что дѣлаютъ, въ свою очередь, съ мечетями? обращаютъ ихъ въ школы, тюрьмы, загоны, тогда какъ „фанатикъ“ Магометъ II св. Софію сдѣлалъ первенствующимъ храмомъ своей вѣры!“ Отъ абсолютизма вообще — ни христіанскаго ни магометанскаго — разговоръ перешелъ къ терпимости вообще и въ частности, которая, на степени тоже абсолютности, неожиданно отождествлена была съ псевдолиберальничаніемъ.. Что-то почувствовалось при этомъ, направленное въ бровь, а попавшее въ глазъ. Разговоръ

---

[1]) Всѣ жители селенія — христіане. Считается около 50 домовъ. Священникъ одинъ. Есть и школа. Говорятъ и по гречески и по волошски, но учатъ въ школѣ, разумѣется, только по гречески.

на этомъ и оборвался. Солнце кстати заглянуло къ намъ въ окошко, и такъ сказать напомнило намъ, что пора послушать и его голоса, со всѣмъ не расположеннаго либеральничать подъ 40° широты въ моментъ своего наивысшаго стоянія въ нашемъ полушаріи. Мы заплатили г. Анагносту 77 піастровъ за ночлегъ, получили отъ него соразмѣрное число благопожеланій, и отправились далѣе.

Предшественники наши по „вояжу" согласно упоминаютъ о двухъ скалахъ—обелискахъ, стоящихъ на дорогѣ отъ Гревенъ къ Янинѣ, которые они называютъ воротами Пинда. Но дорогъ-то сказывается двѣ, одна прямая, и конечно весьма трудная, черезъ сѣдло (*Зигд*) хребта, другая нѣкоторымъ образомъ въ объѣздъ его, вправо, къ западу. Мы — всадники, такъ сказать, не патентованные — конечно избрали объѣздный путь. Но и тутъ не слѣдовали торною дорогою. Успѣвъ позабыть Слимницкія приключенія, мы возгорѣли желаніемъ видѣть одинъ монастырь, лежащій въ сторонѣ отъ дороги къ западу, на горѣ *Спйло* или грамматичнѣе *Спйлеонъ*, т. е. пещера или пещерный, въ которомъ есть не мало рукописныхъ старыхъ книгъ, по обычаю совершенно пренебреженныхъ. Воображеніе постаралось разрисовать и самыя рукописи и особенно ихъ пренебреженность, въ самыхъ яркихъ краскахъ. Послѣ сего, не ѣхать на поклонъ имъ сдѣлалось уже невозможностію. И такъ, прослѣдовавъ нѣсколько дорогою, и далеко не достигши „воротъ Пинда", мы, по указанію проводника, взятаго нами еще изъ Гревена (за 9 піастровъ), взяли вправо къ нависшей съ боку горѣ, пересѣкли діагонально отдѣлявшую насъ отъ нея каменистую равнину, и стали подниматься по косогору безконечными зигзагами. Чаялось тамъ вдали, за щетинистою макушкою громады, повтореніе зрѣлища, видѣннаго мною за много лѣтъ передъ этимъ [1]) въ Пело-

[1]) См. *Христіанскія Древности Греціи*, Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія. 1854. №№ 1 и 2.

поннисѣ на высотахъ, не уступающихъ этимъ своимъ грознымъ величіемъ. Не даромъ, думалъ я, примѣшалось тутъ слово: *пещера*. Вѣроятно и здѣсь ожидаетъ насъ своего рода *Мегаспилеонъ*, т. е. цѣлый громадный монастырь, втиснутый въ гигантскую пещеру при какой нибудь отвѣсной стремнинѣ. Томлю зрѣніе, поминутно высматривая подобную поражающую картину, и съ каждымъ новымъ поворотомъ лошади дѣлаюсь нетерпѣливѣе. Подъему же не предвидится и конца. Уже упомянутыя „ворота“ далеко остались позади насъ и крѣпко принизились, изъ обелисковъ обратившись въ кегли. Указывая на нихъ, колонновожатый нашъ съ любовію вспомнилъ, какъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, три русскихъ консула (Солунскій, Битольскій и Янинскій) охотились въ мѣстахъ этихъ, и именно въ воротахъ тѣхъ учинили какой-то актъ охотничій, обставленный особенною торжественностію, подавшій поводъ къ разнымъ заключеніямъ политическаго смысла между дипломатами Константинополя. Панорама горъ до утомленія величественна, но невыгодное положеніе наше — спиною къ нимъ и припекъ солнца мѣшаютъ разглядывать и разузнавать, гдѣ какая громада высится. Чувствуется уже усталость отъ безпрерывнаго напряженія мышцъ и отъ постоянной заботы о сохраненіи баланса на лошади. Скука разбавляется разсказами агоята (проводника) о подвигахъ нѣкоего *Джака*, прозваннаго также „туркофагомъ“, какъ и Элладскій *Никита* или побѣдоноснѣе — *Никитарасъ*. Наконецъ, когда ни для какой поджидаемой „пещеры“ не оставалось уже болѣе мѣста, послышалось мнѣ спереди: ну, слава Богу, вотъ и монастырь!

Дѣйствительно, на небольшой горной площадкѣ видится обнесенная стѣнкою куча зданій небольшихъ и не очень взрачныхъ. Пещеры.. но Богъ съ нею совсѣмъ! Съ отрадою, какую знаетъ только преизможденный путникъ, свалились мы съ лошадей, и взыскали хотя гдѣ нибудь какого нибудь пріюта. Повторялось впечатлѣніе Слѣпченскаго водворенія въ убогомъ архондарикѣ — сараѣ. Только тамъ мы

укрывались отъ наступавшей ночи и преслѣдовавшаго насъ дождя, а теперь по истинѣ спасаемся отъ кульминирующаго солнца. Не скоро показалось однакоже какое нибудь начальство пустыннѣйшей обители, да и то, которое показалось, высматривало какъ-то нерѣшительно и относилось къ намъ необщительно. Но на это нечего было смотрѣть. Благо, что нашлось живое существо. Мы поспѣшили испросить позволеніе видѣть церковь, которую немедленно намъ отворили. Она оказалась весьма скромныхъ размѣровъ, и не выдаетъ въ себѣ настоящей византійской постройки. Видимое дѣло, что въ какіе-то не очень отдаленные годы заново была передѣлана. Еще не вступая внутрь ея, мы освѣдомились изъ одной, весьма неграмотной, надписи, что имѣемъ честь быть въ „Ставропигіальномъ и Патріаршемъ“ монастырѣ. Надпись буквально сообщала слѣдующее: *Ставропигіальный и патріаршій* (что́ именно, не извѣстно, но конечно: монастырь) *освященный во имя всепресвятыя владычицы нашея и богородицы и приснодѣвы Маріи въ богоспасаемомъ градѣ (!) Спилеѣ въ епархіи Гревенъ. По желанію Блаженнѣйшаго Архіепископа господина Симеона Первой Юстиніаны и Ахридъ и съ желаніемъ мѣстнаго архіерея, господина Гавріила изъ села Миліи Мецовскаго* (округа). *Въ царствованіе Султана Мурата IIII. Въ годъ 7141, отъ Христа 1633. Индиктіона 1. Ктиторы: Димитрій іерей. Пахомій іеромонахъ. Сава іеромонахъ. Галактій іеромонахъ. Галати (?), Гавріилъ, Парѳеній — монахи. Димитрій. Оконченъ храмъ сей мая 28* [1]). Спасибо за столько именъ и

---

[1]) Σταυροπηγιακὸν καὶ πατριαρχικὸν ἁγιαστὲν ἐπ'ὀνόματι τῆς πανυπεραγίου Δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας ἐν τῇ θεοσόστῳ πόλει Σπιλαίο ἐν τῇ ἐπαρχίᾳ Γρεββενῶν. ἐν τῷ δὲ θελήματι τοῦ μακκαριωτάτου ἀρχιεπισκόπουκυ Συμεόνος ᾱ Ἰουστινιανῆς καὶ Αχριδῶν. καὶ ἐκ θελήματος τοῦ κατὰ τόπον ἀρχιερατεβόντως κυ Γαβριὴλ ἐκ χορήου Μηλήα Μετζόβου. Βασιλέως Σουλτὰν Μουράτη IIII.+ἐν ἔτη ζρμα+ἀπὼ χριστοῦ ͵αχλγ. ινδ. ά. Κτήτωρι+Δημητρίου Ἡερέος. Παχωμήου ἱερομονάχου. Σάβας ἱερομονάχου. Γαλακτίου ἱερομονάχου. Γαλάτη, Γαβριήλ. Παρθενίου=τῶν μοναχῶν. Δημητρήω.. ἐτελιόθη ὁ ναὸς οὕτως μαίου κη. Надпись

цифръ. Жаль только, что не сказано, вновь ли выстроенъ храмъ въ то время, или только возобновленъ. Мы вошли въ него южною дверью. Какъ и слѣдовало ожидать, нашли все его внутреннее украшеніе носящимъ на себѣ печать турецкой эпохи, — грубымъ, безвкуснымъ и небрежнымъ. Не на чемъ было остановиться, не чѣмъ заняться. Въ 5 — 6 минутъ кончивъ обзоръ всего до истрепанныхъ и засаленныхъ богослужебныхъ книгъ венеціанской печати, мы собирались уже выйти изъ церкви, какъ зоркій товарищъ поверхъ отворенной двери, сквозь ослѣпительный свѣтъ, успѣлъ различить на стѣнѣ подъ аркою еще другую надпись, обѣщавшую поспорить съ первою по безграмотности. Она гласила слѣдующее: *Богородице дѣво! Чрево твое, Всечистая. Поспѣшествомъ преподобнѣйшаго кавигумена Христофора іеромонаха, изъ села Козматея, историлъ* (расписывалъ) *отъ хоровъ снизу всю* (церковь, или стѣнную поверхность) *до двери. Кончено въ мѣсяцѣ августѣ, въ 10*(-й день) [1] *7166.* Тоже самое повторено и надъ западною дверью, заваленною всякимъ хламомъ, съ прибавкою: *Рукою меня грѣшнаго Михаила Зуграфа и Иліи Зуграфа, изъ селенія... рмы и изъ селенія Вурпіцико* [2]. Выходитъ такимъ образомъ, что цер-

---

освѣщаетъ передъ нами темное наименованіе горы неестественнымъ словомъ: *пещера*. Былъ когда-то на ней городъ *Спилеонъ*. И дѣйствительно, въ «хронологіи Эпира» указывается еще и теперь село этого имени съ 58 христіанскими домами. Село *Милія* и теперь значится на картахъ не подалеку отъ *Мецова*. Надпись сообщаетъ къ свѣдѣнію исторіи также два неизвѣстныхъ имени: *Симеона*, автокефальнаго Архіепископа Болгаріи и *Гавріила*, Митрополита Гревенскаго. Но странно, что она умалчиваетъ имя игумена обители. Можетъ быть, она тогда только что начиналась или возстановлялась изъ развалинъ, и первый ктиторъ ея, двукратно упомянутый въ записи, *Димитрій* іерей и былъ временнымъ настоятелемъ ея.

[1]) Θε̄ (θεοτόκε) Παρθέναι. Κιλία Σου, πάναγνε. Διὰ συνδρομῆς τοῦ πανοσιοτάτου καθιοιγουμένου Χριστοφόρου ἡερομονάχου ἐκ χορ' Κοσματέους. ἐστόρησεν ἀπὸ τοῦς χορὲς κάτοθεν ὅλην ἐος τῆ θύρα. Ε'τελιόθι μηνὶ Αὐγούστο. εἰς τὲς ῑ ζρξς. *Космати*, по хронологіи, село Гревенской епархіи съ 56-ю христіанскими домами.

[2]) ...δια χηρὸς κἀμοῦ τοῦ ἁμαρτολοῦ Μηχάλι ζουγραφου καὶ Ἠλία ζουγράφου ἐκ χόρας

ковь построена (или перестроена) въ 1633 году, а росписана въ 1658 г. Живописцы были сельчане и конечно самоучки. Что-то сочувственное къ нимъ пробилось у меня въ душѣ. Тоже были въ свое время „зуграфы", т. е. по нашему художники, но художники — наемники (какъ, въ концѣ концовъ, и теперешніе ихъ преемники и строгіе судіи); на сколько имъ платили, на столько они и мастерили. Мысль о томъ, что и l'art, какъ noblesse, тоже oblige артиста и что отъ хорошаго не можетъ (собственно: не должно) произойти худое, была бы необыкновеннымъ явленіемъ на мысленномъ горизонтѣ деревни *Вурпичико,* да еще за цѣлые два вѣка передъ симъ! Пусть хотя этимъ защищена будетъ честь ваша, *Михали* да *Илія* — не много братья по ремеслу! Сама кисть ваша не въ состояніи держать никакую адвокатуру.

Кромѣ церкви рѣшительно нечего было осматривать въ монастырѣ, и обѣщать онъ подобнаго ничего не могъ, такъ что уже начинало появляться раскаяніе въ томъ, что мы столько потрудились для него. А рукописи-то, да еще и пренебреженныя? Онѣ-то гдѣ? Все заставляло думать, что имъ не было даже повода появиться въ обители, процвѣтшей, какъ видно, уже во времена книгопечатанія. О какихъ нибудь царскихъ *хрисовулахъ* и патріаршихъ *питтакіяхъ* смѣшно было бы и спрашивать. Древніе *Синодики* и *таксидіотскія* книжки если и были, то давно конечно сплыли, по пословицѣ. Однакоже мы привязались къ нимъ, или изъ за нихъ, къ игумену, увѣряя его, что подобныя тетрадки мы находили по дорогѣ во всѣхъ безъ исключенія монастыряхъ, что онѣ для людей ученыхъ стóятъ часто больше, чѣмъ самые монастыри, что существованіе ихъ, за не-

---

...ρμας καὶ ἐκ χόρας Βουρπήτζικω. Имя перваго селенія вѣроятно читалось: Ζύρμα, коницкаго округа (по хронологіи), съ 18 христіанскими домами. *Вурпичико* теперь не указывается, но сходной съ нимъ формы названіе деревни: *Помпичико*, приводится.

имѣніемъ чего другаго, въ случаѣ можетъ пойти за документъ въ судебныхъ и иныхъ мѣстахъ. Подъ „иными“ мы конечно разумѣли прежде всего исторію, но легко понять, что за нею могла проскользнуть въ умѣ игумена и, такъ сказать, миѳологія, т. е. надежда на сборъ въ Россіи, которою живутъ монастыри Востока отъ дней царей и великихъ государей московскихъ. Какъ бы то ни было, мы съ своимъ навязчивымъ любопытствомъ отосланы были въ кладовую монастырскую къ одному сундуку, въ которомъ.. „Ну, вотъ это самое и требовалось доказать“, сказалъ весело компаньонъ мой, и готовъ былъ даже потрепать по плечу почтеннаго Спилеота за такую блестящую мысль.

Мы отправились, куда намъ было указано. Сундукъ нашли въ самомъ желанномъ, т. е. совершенно пренебреженномъ, положеніи, — заваленнымъ всѣмъ, чѣмъ можно, и не запертымъ, и очевидно никѣмъ давно не ревизованнымъ. Повѣяло древностію, чуть мы его открыли, настоящею, которую не грѣхъ, въ иномъ кружку, назвать чарующею. Въ часъ времени мы пересмотрѣли все, что хранилось, или было похоронено, въ сундукѣ. То были ветхія книги, сырыя, затхлыя, слѣпившіяся, червоточныя. Всѣ, по обычаю, богослужебнаго содержанія. Съ десятокъ между ними — *мемвраны* или пергаменты. Къ сожалѣнію, почти ни одной книги мы не нашли цѣлой. Не достаетъ обыкновенно либо начала, либо конца, а часто-и того и другаго вмѣстѣ. Не мало нашлось съ большими дефектами и въ срединѣ, оказались вырванными цѣлыя тетради. Всѣ до одной — греческія; болѣе замѣчательными показались мнѣ слѣдующія:

1. *Евангеліе*, въ большую четвертку. Пергаментное, писано въ 2 столбца, безъ начала и конца. XI — XII вѣка.

2. *Евангеліе* въ малую четвертку. Пергаментное, въ 2 столбца, съ знаками для чтенія, безъ конца. XI вѣка.

3. *Четвероевангеліе*, in 4. со множествомъ вырванныхъ листовъ. 1 столбецъ, безъ начала и конца. XI вѣка.

4. Таковое же въ 8 на хлопчаткѣ (бомбицинѣ). Послѣ каждаго изъ четырехъ евангелій замѣчено: *писана священная и покланяемая книга сія рукою Іоанна монаха и грѣшника, на островѣ Патмѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ самъ великій Богословъ написалъ: Въ началѣ бѣ слово.* Подъ одною изъ приписокъ стоитъ и лѣтосчисленіе: *мѣсяца апрѣля 23. индиктіона 2. Года 6647* (1139).

5. *Псалтирь*, въ 4°, на пергаментѣ. Толстая книга въ 68 тетрадей, по 10 строкъ въ срединѣ страницы крупнаго письма, заключающаго въ себѣ текстъ псалмовъ, съ толкованіями на него изъ разныхъ отцовъ на поляхъ книги, мелкаго письма. Судя по почерку, книга должна принадлежать XI — XII вѣкамъ. Это самая казистая изъ рукописей Спилеотскихъ. Жаль, что не оказалось на ней никакихъ замѣтокъ.

6. *Псалтырь*, въ большую четвертку, на хлопчаткѣ, содержитъ одинъ текстъ безъ толкованій, со всѣми обычными прибавленіями въ концѣ, какъ-то 9-ю пѣснями, Символомъ Вѣры, и пр. На первой страницѣ ея замѣчено: *даръ монаха* (собственно: *монаста*) *Климента книга эта. Обитель св. Стефана Первомученика.*

7. *Минея*, въ 4°. На пергаментѣ, содержащая въ себѣ службы трехъ мѣсяцовъ, марта, апрѣля и мая, со многими пропусками и позднѣйшими на мѣстѣ ихъ вставками. Главный текстъ долженъ быть не позже XI вѣка.

8. *Собраніе словъ Св. Григорія Богослова* въ 4°, на пергаментѣ. Это такъ называемое первое или древнѣйшіе изданіе ихъ въ числѣ 16-ти. Первое — на день Пасхи, послѣднее — на язву градобитія. Книга состоитъ изъ 39 тетрадей. Конца нѣтъ. Почеркъ той же эпохи,—XI—XII в. На листѣ, приклеенномъ къ доскѣ книги, бросились въ глаза слѣдующія замѣтки: 1) мѣсяца марта въ субботу 3-й недѣли св. Четыредесятницы, въ 3-мъ часу, индиктіона 5-го, Постригся.... и отецъ мой Іо(аннъ, А 9-го (числа) того же мѣсяца на св. Четыредесятницу

надѣлъ святый и ангельскій образъ (схиму), и 10-го того же мѣсяца ко Христу возшолъ. Года 6635 (1127) [1]. 2) Въ томъ же мѣсяцѣ, Инд. 5-го, постриглась... и мать моя... [2] а 8-го того же мѣсяца, въ 10-мъ часу въ горняя перешла. Года 6635 (1127). 3) Того же мѣсяца въ 31 день, въ понедѣльникъ, въ 3-мъ часу, инд. 6-го, года 6639, почила родная сестра моя, христова раба Евдокія. 4) мѣсяца февраля инд. 5-го, прибылъ тесть мой Варисъ (βαρὺς — тяжелый) въ городѣ и... продолженіе не сохранилось. На томъ же листкѣ есть и славянская замѣтка въ три строчки мелкаго письма, къ сожалѣнію совершенно неразбираемая. Въ началѣ указанъ и годъ, а именно сказано: Въ лѣто 7841-е (1333).. Кромѣ того, и на поляхъ книги есть не мало замѣтокъ о рожденіи, крещеніи и кончинѣ разныхъ лицъ, съ годами 6924—6978 (1416—1470). О многихъ, особенно подъ годами 6957 — 64 (1449 — 1456) замѣчено, что они умерли въ крѣпости (κάστρον), во время дозора или стражбы (ἐν ᾧ κατεσκόπησε) [3]. Есть и еще одна замѣтка или точнѣе — помарка, вверху листа, дурнаго почерка: *Акакій, божіею милостію архіепископъ 1-й Юстиніаны*, [4] без-

---

[1] Году 6635-му дѣйствительно соотвѣтствуетъ 5 индиктіонъ. Въ этомъ году Пасха Христова была 3-го апрѣля. Идя отъ нея назадъ, мы въ субботу 3-й недѣли поста встрѣчаемъ согласно съ памятною замѣткою 5-е число марта. 9-е число приходилось въ среду 4-й недѣли. Кончина обоихъ родителей писавшаго замѣтку приключилась такимъ образомъ въ четвертокъ 4-й недѣли великаго поста. Труднѣе оправдать хронологію замѣтки о кончинѣ сестры Евдокіи. Если годъ оставить тотъ же (6635-й), то 31-е марта придется не въ понедѣльникъ, а въ четвертокъ. Если же, какъ мною прочитано, видѣть въ немъ 6639-й годъ, то числу будетъ соотвѣтствовать вторникъ. А 6-й индиктіонъ неумѣстенъ ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ.

[2] Передъ словами: *отецъ* и *мать* есть аббревіатуры неразбираемыя. Предположительно: рабъ божій и раба божія. Имени матери нѣтъ возможности угадать.

[3] Какой собственно смыслъ слова, рѣшать не беремся. Стоя ли на наблюдательномъ посту въ крѣпости, умершій былъ убитъ непріятелемъ, или самъ, въ качествѣ непріятеля, высматривалъ крѣпость, и былъ убитъ съ нея? Возможно и то и другое. Наконецъ возможно и нѣчто, совсѣмъ иное.

[4] Ἀκάκυος, ἐλεῷ θῦ ἀρχηεπίσκοπος τῆς ᾱ Ἰουστινιᾶ.... ἀνύξω τὸ στόμα...

грамотностію своею обличающая въ писавшемъ не — эллина. Его же рукою, и тоже безграмотно, приписано по ниже: *Отверзу уста моя.* Имя *Акакія*, какъ и вышеприведенное *Симеона*, тоже въ первый разъ узнаемъ мы. Жаль, конечно, что оно не освѣщено лѣтосчислительною датою. Такъ какъ книга могла быть занесена сюда отъ инуды, то, на основаніи замѣтокъ ея изъ XII вѣка, мы не можемъ утвердительно сказать, что монастырь здѣшній существовалъ уже въ то время. Но замѣтки XV вѣка, по всему надобно думать, сдѣланы здѣсь, ибо упоминаютъ о крѣпости, которая и теперь указывается на картѣ въ окрестностяхъ монастыря къ востоку, какъ селеніе, обитаемое (по хронологіи) исключительно мусульманами (въ числѣ 81 дома или семейства). И такъ монастырь, по всей вѣроятности, существовалъ уже въ 1416 году.

9. *Синаксаріарій*, — по нашему какъ бы — *Прологъ*, за мѣсяцы сентябрь — февраль, т. е. цѣлое полугодіе въ 4°, на хлопчаткѣ, въ 2 столбца, хорошаго письма. Перваго листа не достаетъ. Въ концѣ есть приписка: *Окончена настоящая книга рукою меня, грѣшнаго Маркіана, тоже какъ бы и Іеромонаха, въ годъ 6849* (1341), *инд. 9, кругъ солнцу — 17, Лунѣ — 9, мѣсяца октября въ 1-й день.*

10. *Синаксаріарій*, мѣсяцы мартъ — августъ, второе полугодіе, въ 8°, на бумагѣ. Первыхъ листовъ нѣтъ. Замѣтокъ тоже нѣтъ. Письмо новое и неаккуратное. XVI — XVII вѣка.

11. *Требникъ* (εὐχολόγιον), въ 8°, на бумагѣ, безъ начала и конца. Есть въ срединѣ въ одномъ мѣстѣ замѣтка: *Попадья Комнина* (жена) *изъ Кастра приложила купленный ея матерью у Георго.. виноградникъ, за душу родителей ея Димитрія и сожительницы его Кираны, въ Великую Церковь. И вѣчная имъ память въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ. Аминь* [1]). Другая подобная же замѣтка гласитъ. *Въ 7022*

---

[1]) Ἡ παπαδιὰ τοῦ Κομνηνου ἀπὸ τὸ κάστρω. ἐπροσύλωσεν ὅπερ εἶχεν ἀγορασμένω

(1514) лѣто, въ сентябрѣ мѣсяцѣ приложилъ г. Михаилъ Ѳеотокисъ... что приложилъ, не сохранилось.

Сборникъ словъ въ 4°, на бумагѣ въ 2 столбца. Большинство словъ принадлежитъ Златоусту и другимъ церковнымъ витіямъ, между коими есть и Льва пресвитера изъ обители Византійцевъ на Великій пятокъ, начинающееся: Ὥσπερ κανόνος παραθέντος.., но наиболѣе любопытная вещь, это — значительное число надписываемыхъ: *Неофита, смиреннаго епископа Гревенскаго*. Когда жилъ этотъ архіерей — проповѣдникъ, не обозначено [1]). Отыскивать же указаніе на то въ самыхъ проповѣдяхъ его было некогда, да, полагаю, составило-бы напрасный трудъ. По крайней мѣрѣ вотъ и къ списку Гревенскихъ святителей тоже вѣщій сундукъ присоединилъ одно имя. Не даромъ, потому, мы подарили ему свой часовый отдыхъ.

Изъ архондарика уже не разъ давали знать, что тамъ ждутъ закусывать. Надобно было повиноваться, тѣмъ болѣе что наступалъ уже часъ „наилучшаго" [2]) кушанья. Когда я туда показался, первымъ вопросомъ мнѣ было, отыскалъ ли я? Я никакъ не могъ въ скорости сообразить, что̀ или кого мнѣ предлежало отыскивать. Но вопрошавшій былъ памятливѣе меня. Для меня было ясно, какъ день,

---

ἀμπέλει ἡ μήτηρ αὐτῆς ἀπὸ τὴν Γεοργώ σου (!). διὰ τὴν ψυχὴν τῶν γοναίων αὐτῆς. Δημητρίϐ καὶ τῆς συμβίϐ αὐτοῦ Κυράνας ἀς τὴν μεγάλην ἐκκλισίαν, καὶ αἰωνία ἡ μνήμη αὐτῶν ἐν τῷ νῦν αἰῶνι καὶ ἐν τῷ μέλλοντι, ἀμήν. Славная фамилія *Комниныхъ* ко времени замѣтки имѣла уже въ рядахъ своихъ простыхъ священниковъ, какъ видно! Не придумаю, что сказать въ объясненіе словъ: *Великую Церковь*. Невѣроятно, чтобы имѣлась въ виду Цареградская св. Софія.

[1]) Ни у *Каве*, ни у *Фабриція* не отыскивается такой писатель. Равно и объ *обители Византійцевъ* ничего мнѣ неизвѣстно.

[2]) Досужій юморъ греческихъ обителей, не уступающій таковому же нашихъ, выдумалъ *вопросъ:* какое самое аппетитное (ὀρεκτικόν) блюдо? *отвѣтъ*: Девятое (ἡ ἐννάτη) т. е. то, которое придется кушать въ 9-мъ часу (по нашему въ 3-мъ) дня, т. е. хорошо проголодавшись.

что я рылся въ хламѣ книжномъ только ради таксидіотскихъ записокъ, а онъ напередъ зналъ, что поиски мои будутъ напрасны. Въ замѣнъ ихъ, я показалъ прозорливому старцу Сборникъ Отеческихъ поученій, и въ немъ отыскалъ двѣ-три проповѣди епископа Гревенскаго *Неоѳита*, которыя и просилъ его показать при случаѣ владыкѣ Геннадію, который безъ сомнѣнія скажетъ ему за то спасибо, хотя монастырю Ставропигіальному и Патріаршему, прибавилъ я, и не Богъ знаетъ какъ честно и лестно должно быть слово признательности простаго епархіальнаго архіерея. При такихъ, смахивавшихъ на извѣтъ, словахъ моихъ, почтенный хозяинъ весело улыбнулся и сдѣлалъ рукою движеніе снизу вверхъ, на подобіе того, какъ поднимается съ земли и уносится въ небо легкая птичка. Жестъ означалъ фразу: „было да прошло“! т. е. прошло прежнее значеніе обители. А если бы практическій человѣкъ видѣлъ во мнѣ не столько ὁμότροπον, но и ὁμόφυλον себѣ, то, думаю, не усумнился бы прибавить: да не все ли равно, кто на мнѣ сидитъ и ѣдетъ: Патріархъ, или его вчерашній іеродіаконъ?

Минулъ тропическій злой. Повѣяло горной прохладой. Не зачѣмъ было долѣе оставаться. Поблагодаривъ о. игумена и прислугу ($13\frac{1}{2}$ + 8 піастровъ) за хлопоты ради непрошенныхъ гостей, мы еще разъ прошлись мимо церкви и кладовой и сдѣлали по направленію къ памятному сундуку движеніе рукою, одинаковое съ игуменскимъ, и затѣмъ простились съ мирною обителью, пожелавъ ей приращенія и людьми и иноческими подвигами [1]). Хотя монастырь стоитъ и не на

[1]) По видимому, есть полная возможность считать монастырь этотъ тѣмъ самымъ, о которомъ говорится въ книгѣ *Сношеній Россіи съ Востокомъ* (ч. 2 стр. 266). И тотъ и этотъ именуются Патріаршими. Возобновленіе того относилось къ 1640-вымъ годамъ. Этотъ освященъ въ 1633, а расписанъ въ 1658 году. Противъ этого предположенія можетъ говорить развѣ то обстоятельство, что монахи Гревенской области Успенскаго монастыря, пиша къ царю о помощи, указывали положеніе обители своей близъ града *Триц-*

вершинѣ горы *Спило*, все же положеніе его очень высокое. Почти подъ самыми стѣнами его и начался спускъ, который былъ впрочемъ только временной, обходя одинъ косорогъ и ведя насъ на другой. Довольство ли физическое отъ отдыха и „подкрѣпленія", воздухъ ли тонкій и прохладный, пропитанный ароматомъ сосны и душистыхъ травъ, виды ли горной природы, увлекающіе своимъ величіемъ, или другое что еще... ввѣвали въ сердце веселость чуть не дѣтскую. Достаточно было намъ съ спутникомъ переглянуться, чтобы едва не разлиться смѣхомъ отъ избытка самодовольства, которое скептикъ мой не замедлилъ охарактеризовать „глупымъ". И по дѣломъ, конечно. Есть время всякой вещи подъ небесемъ. Полагаю, что иногда стóитъ только посмотрѣться въ зеркало, чтобы и времени веселыхъ вещей сдѣлать рукою тотъ же фатальный жестъ „отъ земли къ небеси". Жаль, что такъ, но — ничего не подѣлаешь! Ѣдемъ сначала полной бездорожицей или чуть замѣтною тропинкой, которою обязался насъ вывести на *Периволъскую* дорогу взятый нами изъ монастыря гайдукъ. Проѣзжаемъ черезъ нѣкій *чифликъ* (мызу), любуясь его мѣстоположеніемъ. Поселиться бы тутъ? — спрашиваю я въ догонь товарища. Да! пока еще свѣтитъ солнце, получаю въ отвѣтъ, а въ потемкахъ можно и выселиться.. Дѣйствительно, не мало надобно имѣть мужества (и пороха), чтобы рисковать жить въ такомъ великолѣпномъ уединеніи. Спускаемся

кова, тогда какъ по близости Спилейскаго монастыря, по увѣренію записи монастырской, былъ городъ *Спилео*, а не Трицково. Но ничего похожаго на это послѣднее имя нельзя отыскать ни на картахъ ни въ «Хронологіи». Хорошо ли оно прочитано или древними лѣтописцами или составителями книги: «Сношенія Россіи»? Выйти же ему изъ названій сосѣднихъ мѣстъ: *Кастро* и *Тиста* (или Дпста) едва-ли была возможность. Другое возраженіе: если дѣло тамъ идетъ о нашемъ Спилейскомъ монастырѣ, то отчего о немъ хлопочетъ Патріархъ Вселенскій, а не Архіепископъ какой нибудь *Симеонъ*, напр.? Да оттого вѣроятно, что монастырь-то былъ патріаршій, ставропигіальный. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что патріархъ хлопоталъ объ епархіи, которая канонически не зависѣла отъ него.

незамѣтно, и такъ же незамѣтно поднимаемся не счетное число разъ, пока выѣзжаемъ на горный перевалъ, поросшій вѣковыми соснами. Пахнуло далекой родиной, только не болотисто песчаной, приниженной и приглаженной, ровной какъ скатерть, по типическому языку сказокъ нашихъ, на всѣ четыре углы. Нѣтъ, тутъ высота по меньшей мѣрѣ въ 4.000 футовъ абсолютной мѣры, обставленная на всѣ четыре стороны громадами, далеко превышающими и эти цифры. Просто — заглядѣнье! Мы сейчасъ же нарекли имя мѣсту: belvedere, и въ честь его сошли съ лошадей. Вѣдь надо же и воды выпить послѣ Спилеотской „горькосоленой" закуски.. А вода одна вредна — особенно въ такомъ разрѣженномъ слоѣ воздуха.. Все это, конечно, въ высшей степени резонно. Но, вотъ что оказалось на мой взглядъ совершенно непослѣдовательнымъ. Отъ воды, водицы, водочки.. вдругъ вспыхнула та самая сосна, подъ которой мы сидѣли. Проводнику нашему первому пришла въ голову такая огневая фантазія. Къ удивленію моему, всегда разсудительный и сдержанный Търпко, и тотъ оказался на сторонѣ поджигателей! И запылала и затрещала и задымилась моя прекрасная, гигантская сосна, не знать зачѣмъ и для чего! Пусть бы это было хотя ночью, потѣшилось бы зрѣніе, а то — при пожарѣ свѣчка! На мои протесты о безполезности и жалости подобнаго зрѣлища, мнѣ злорадостно отвѣчали: а что *его* жалѣть? Развѣ *онъ* жалѣетъ насъ?.. Если бы это происходило въ Россіи, я подумалъ бы, что дѣло идетъ о лѣшемъ, которому естественно быть хозяиномъ лѣса. А тутъ — потеряешь всякое соображеніе. — Да вѣдь этакъ мы произведемъ лѣсной пожаръ, заговорилъ было я еще, насъ нагонятъ, схватятъ, засудятъ.. Тутъ уже лица всѣхъ озарились самою веселою улыбкою. Не бойтесь, сказалъ мнѣ старикъ, тотъ, кто хватаетъ, не сидитъ въ лѣсу. Да и сосна сейчасъ же сама потухнетъ. Въ ней столько горной росы что та погаситъ огонь. И точно. Когда мы уже порядочно были отъѣхавши отъ своего belvedere, я, обернувшись, чтобы проститься съ нимъ,

увидѣлъ дерево уже въ одномъ дыму, безъ всякаго пламени. По истинѣ, такъ и *онъ*, сколько ни портитъ, ни сокрушаетъ, ни истребляетъ вѣковѣчныя историческія мѣста эти, присущая имъ влага горней жизни дѣлаетъ безсильными всѣ *его* жестокія, безсмысленныя потѣхи надъ ними!

Пришлось поплатиться за удовольствіе бельведерное. Большой подъемъ утренній влекъ за собою и большой спускъ вечерній. Сердце замирало, когда мы стали надъ кручею и смѣряли глазами всю глубину открывшейся передъ нами котловины, куда нужно было спуститься, чтобы выбраться на большую дорогу (читай: стежку), ведущую въ *Периволи* — намѣченный пунктъ нашего ночлега на нынѣшній день. Солнце, переставъ жечь насъ, стало ослѣплять своими низкими лучами. Зонтикъ, укрывая насъ отъ него, вмѣстѣ съ тѣмъ закрывалъ передъ нами и все, что было впереди. Не знаешь куда смотрѣть, за что держаться, какъ управиться и поминутно отдаешь себя въ полную волю животнаго, вѣря его безошибочному инстинкту самосохраненія. Натерпѣлись и настраховались, пока выѣхали на настоящую дорогу. Повилявши вмѣстѣ съ нею то на право то на лѣво, мы неожиданно увидѣли передъ собою небольшую церковь новой постройки, и при ней домикъ съ зачаткомъ оградной стѣны. Пожилой человѣкъ въ камилавкѣ и полуряскѣ встрѣтилъ насъ поклономъ, означавшимъ приглашеніе прохладиться на перепутьи водою. Разумѣется, мы воспользовались случаямъ размять ноги и осмотрѣли церковь, только что отстроенную. На вопросъ: зачѣмъ и для кого она тутъ въ пустомъ совершенно мѣстѣ? ктиторъ ея отвѣчалъ, что строилъ ее по обѣту Святому Николаю, и что надѣется основать тутъ монастырь.. Помоги Богъ! Видно, что не только усердія, но и умѣнія вести дѣло свое у человѣка много. Что̀ бы такому ревнителю избрать мѣстомъ своихъ подвиговъ сосѣдній *Спилеонъ!* Но, нѣтъ! у всякаго есть свое призваніе, внѣ котораго онъ изъ отлично способнаго дѣ-

лается часто ни на что не пригоднымъ. Если пословица велитъ варить, когда кипитъ, то, съ другой стороны, несомнѣнно надобно кипѣть, чтобы варилось.. Ѣдемъ. Разныя варіаціи празднomыслія продолжаютъ напѣваться въ головѣ моей на туже тему. Чтожъ? Вѣдь и тамъ (въ Спилео) тоже было когда-то совсѣмъ пустое мѣсто, а потомъ.. „А это вотъ большое и знаменитое село: *Піявка*", доносится до слуха моего.—Такъ-таки піявка? спрашиваю я. „Ну, конечно, по гречески, а не по русски. Селеніе зовется *Вделла*, а для удобства произносится: *Авдела*". Оно расположено влѣво на большой высотѣ и представляется весьма значительнымъ. „Хронографія" насчитываетъ въ немъ 450 домовъ — всѣхъ до одного христіанскихъ. Мнѣ стало ясно, откуда черпаетъ свое ктиторское одушевленіе строитель Никольской in petto обители. Еще одинъ поворотъ, и вправо, тоже на высотѣ, въ великолѣпной мѣстности забѣлѣлъ, освѣщаемый послѣдними лучами солнца, настоящій большой монастырь, названный мнѣ просто: *Троица*. Не у кого было ничего о немъ узнать. Любуюсь только имъ, и по истинѣ не надивлюсь тому, что творится. Вѣдь на глазомѣръ и 10-ти верстъ не будетъ разстоянія между существующимъ и имѣющимъ быть монастырями. За чѣмъ же новый при старомъ готовомъ? ужъ невыворотить ли пословицу-то на изнанку, и не сказать ли: не вари, когда кипитъ, и дай простынуть жару, потому что еще не знаешь, что выйдетъ изъ твоего варева? „У Бога есть".. (ἔχει ὁ Θεὸς), обыкновенно говорятъ греки въ подобныхъ случаяхъ. Безспорно, что *есть*, но вѣдь у него же есть вотъ и монастырь: Троица! Не разъ я оборачивался, чтобы полюбоваться еще несравненнымъ положеніемъ глубоко пустынной обители, жалѣя, что она лежитъ довольно въ сторонѣ отъ дороги, и что у насъ уже намѣченъ другой пунктъ ночлега. Еще спускъ и еще подъемъ на послѣднюю изъ мрачныхъ высотъ, грозно стоявшихъ передъ нами. Надъ нею высилось уже одно бѣлесоватое небо и — ничего болѣе. Тамъ и предѣлъ пути нашего. Лошади уже едва

плелись. Послѣдняя, конечно, была моя. По мѣрѣ приближенія нашего къ завѣтной линіи, казавшейся дотолѣ совершенно ровною, начали обозначаться на ней малыя неровности и малѣйшія движущіяся точки. Точкй скоро превратились въ людей, но не настоящихъ, а какихъ-то пигмеевъ, не превышавшихъ ростомъ силуэтировавшихъ рядомъ съ ними коровъ. Это было будущее поколѣніе Перивольцевъ,—дѣти, игравшіе на обрывѣ, закрывавшемъ отъ насъ самое селеніе, пока мы не поднялись въ уровень съ нимъ. Множество мальчугановъ изумило насъ. Не въ мѣру широкій масштабъ спутника опредѣлилъ численность ихъ круглымъ числомъ въ тысячу, производимые ими шумъ и гамъ могли бы, пожалуй, служить подтвержденіемъ тому. Предводитель каравана нашего, какъ старожилъ края, хорошо знакомъ со всѣми изворотами Пинда, и не разъ бывалъ въ Периволи. Онъ именно и направлялъ нашъ путь сюда, по извѣстнымъ ему станціямъ. Оттого чуть мы вступили торжественно, въ сопровожденіи толпы ребятишекъ, въ селеніе, насъ прямо повели въ знакомый ему домъ къ одному изъ старшинъ мѣста, гдѣ мы и были приняты со всѣми знаками глубокаго почтенія и расположенности. Чуть огласилось въ околоткѣ прибытіе такой именитости, какъ русскій консулъ, въ „районѣ“ котораго находится селеніе, сейчасъ же начались визиты одного за другимъ „прокритовъ“ мѣста. Входили все люди рослые, бодрые, крѣпкіе, важные и даже какъ бы властные, вели себя сдержанно, хотя и не принужденно, и говорили всѣ съ нами *по гречески*, а между собою по.. *римски*. Не замедлили представиться намъ и мѣстные священники, еще болѣе грецизованные, чѣмъ простые міряне. Отъ усталости и поздняго времени бесѣда наша съ ними не клеилась. Ей и совсѣмъ положилъ конецъ нашъ самоваръ.—Изъ семейства хозяина никто не показывался, вѣроятно по мѣстному этикету. Вечеръ закончился сравнительно богатымъ ужиномъ, въ яствахъ коего горная природа мѣста, по соображенію моему, не имѣла никакого представителя. Все, очевидно, росло,

спѣло и собиралось на придольныхъ полосахъ земли (о которыхъ слово впереди) и доставлялось на горы готовое.

Что же? Не поздравить ли себя, гдѣ не ждалось не чаялось, съ прибытіемъ въ настоящую *Румелію*, т. е. „Римскую землю“, на которой не только слышится, но и прямо хозяйничаетъ языкъ *римлянъ?* Чѣмъ больше я прислушиваюсь къ усобному разговору жителей, тѣмъ живѣе воскресаетъ въ памяти моей школьной calculus давноминувшихъ временъ. Приведенные къ горькой необходимости говорить въ стѣнахъ „класса“ исключительно по латыни, и естественно не отыскивая на каждую нужду подходящаго и грамматически укладывающагося слова, бѣдные римляне — ипербореи употребляли бывало такой ужасающій діалектъ Латинскій, какимъ только что говорить на Пиндѣ въ Периволи! Вотъ какъ будто въ самомъ дѣлѣ слетаетъ съ устъ какого нибудь Митреска или Іованеска цицероновское словцо, но чѣмъ оно заканчивается, не слушай хоромина!. Ну, далъ бы себя знать вамъ за такую латынь приснопамятный временъ оныхъ *бачко!* —[1]) думаю я. А между тѣмъ это была живая латинская рѣчь, строго слѣдующая своимъ правиламъ, отъ которыхъ отмахнулся бы Цицеронъ, какъ отъ издѣвки надъ роднымъ языкомъ. Подъ воздѣйствіемъ какого изъ варварскихъ народовъ, захваченныхъ всемірною имперіей, приняла она такую формировку, за рѣшеніемъ этого, для меня совершенно темнаго, вопроса слѣдуетъ обратиться къ спеціалистамъ дѣла. Для меня самое

---

[1]) Имѣется въ виду время 1825 — 1830 годовъ, къ которому мы уже относились разъ съ понятнымъ увлеченіемъ. См. томъ I стр. 17. Примѣчаніе. *Бачкомъ* называли мы смотрителя училища. Сначала онъ довольствовался тѣмъ, чтобы ученики въ стѣнахъ аудиторіи болтали по латински, а потомъ уже требовалъ, чтобы говорили и правильно, а фатальный calculus всучивался уже и за грамматическія ошибки. Въ виду этого «третій столъ» (онъ-же и *послѣдній*. Партъ тогда еще не знали), не ладившій съ грамматикой, упорно отмалчивался на всѣ вопросы, и говорилъ жестами, или мычалъ — mugiebat, что, въ свою очередь подало поводъ къ образованію слова: mugicus—мужикъ. О tempora!

имя *Влаха*, извѣстное предположительно съ XI, а много X вѣка, остается загадкой. Что оно славянскаго происхожденія, въ этомъ можно бы не сомнѣваться, но, будучи частной и чужой кличкой, ка́къ оно могло пріобрѣсти оффиціальность въ Римско-Византійской исторіи, и оттуда перейти во всеобщее употребленіе научное? При появленіи своемъ въ исторіи въ качествѣ народа, Влахи смѣшивались съ *Болгарами*, но этимъ не выясняется дѣло. Самые то Болгаре ктѐ были тогда, еще вопросъ. Сами себя Влахи упорно отказываются называть искуственно навязаннымъ имъ именемъ, и зовутъ себя съ гордостію *Думунами*, прямыми непосредственными потомками римлянъ, *колонистами* вѣчнаго города, и, пожалуй, еще можно сказать: *легіонистами*, т. е. какъ нибудь (?) происшедшими отъ наводнявшихъ когда-то Балканскій полуостровъ Римскихъ *легіоновъ*.. Все равно, какъ ни достать себѣ славное имя — мытьемъ или катаньемъ! Какъ бы то нибыло, они есть, и составляютъ свою народность, несомнѣнно родственную дре́внимъ римлянамъ. Они хвалятся, что ихъ можно встрѣтить на всемъ протяженіи отъ Дуная до Коринѳскаго залива и даже далѣе, — до мыса Матапана, расходящихся, правда, тонкими, но многочисленными нитями или жилами, и что численность ихъ простирается за 100 тысячъ. Солидная, но ни къ чему дѣйствительно солидному не ведущая цифра. И черногорцевъ тоже 100 тысячъ, но они составляютъ чуть не государство. А отъ *куцо-влаховъ* [1]) чего ожидать міру? ничего, кромѣ картографическаго затрудненія обозначить тѣмъ или другимъ способомъ мѣста ихъ осѣдлаго или кочеваго жительства. Говоримъ: *кочеваго*, потому

---

[1]) Въ Греціи, въ отличіе отъ *валаховъ* — жителей при-дунайскихъ княжествъ, ихъ называютъ *Куцо-влахами*; κουτζός значитъ: *хромой*. Чтѐ могло быть поводомъ къ такой кличкѣ, я не могъ доспроситься, когда былъ въ Греціи. Не сомнѣваюсь, что въ ней есть доля эллинской презрительности къ «варварамъ», на взглядъ которой Βλάχος и βλάξ одно и тоже. И по дѣломъ племени, съ незапамятныхъ временъ «храмлющему на обѣ плеснѣ» передъ эллинствомъ!

что есть множество пастуховъ, въ полномъ смыслѣ слова кочующихъ цѣлый годъ и цѣлую жизнь свою со стадами по горамъ Турціи (собственно-Европейской) и Греціи, и оттого называемыхъ βλαχοποιμένες. Но независимо отъ сихъ номадовъ, самые эти осѣдлые горцы, въ родѣ нашихъ хозяевъ *Периволъцевъ*, упомянутыхъ *Авделъцевъ* и многихъ другихъ, только часть года живутъ въ своихъ селахъ, а на другую часть дѣлаются кочевниками. Сплошными поселеніями они живутъ именно въ заоблачныхъ высотахъ Пинда, размежевывающихъ Эпиръ съ Ѳессаліей, откуда они вмѣстѣ съ туманами, дождями и снѣгами стекаютъ въ низкія, приморскія равнины на тепло и зелень, а съ возвращеніемъ лѣта снова, вмѣстѣ съ птичками, уносятся въ высшіе слои атмосферы. Насчитываютъ около 40 селъ, чисто валашскихъ, разбросанныхъ по несчетнымъ громаднымъ отрогамъ Пинда. Всѣ ли они слѣдуютъ существующимъ въ Периволи порядкамъ, нѣтъ вѣрныхъ свѣдѣній; но здѣшніе жители положительно оставляютъ пустыми дома свои на цѣлые полгода, т. е. съ Ноября до Мая мѣсяца. Въ концѣ Октября, управившись съ своими горными посѣвами и съ настоящимъ домовымъ хозяйствомъ, уходятъ (обыкновенно около „Димитріева дня", 26 окт.) со всѣмъ своимъ скотомъ и животомъ громаднымъ караваномъ въ привольныя мѣста Ѳессаліи, по близости къ Лариссѣ, гдѣ и пасутъ скотъ свой на нанимаемыхъ у тамошнихъ жителей поляхъ, и заготовляютъ рыбную и овощную провизію на горній сезонъ. Здѣсь же на мѣстѣ зимою остаются два три семейства по выбору или по найму, для храненія пустыхъ и запертыхъ, и иногда совсѣмъ занесенныхъ снѣгомъ, домовъ. Тяжелую и опасную задачу эту въ состояніи выполнять только очень крѣпкія натуры и привычныя къ защитѣ руки, которымъ нерадующую работу доставляютъ впрочемъ не столько паликары — искатели чужаго добра, сколько звѣри, и всего болѣе — медвѣди. За жителями слѣдуетъ конечно и духовенство, отправляющее свою службу въ странѣ пришельствія своего или въ церквахъ близъ лежащихъ

селъ, или въ кочевныхъ палаткахъ. Странная жизнь эта съ двумя, или даже больше, такъ сказать, родинами, движеніемъ и переселеніемъ съ мѣста на мѣсто, должна отзываться конечно и на характерѣ жителей. Какая, даже изъ наименѣе компетентныхъ національностей въ родѣ Турецкой, не готова бросить камень въ непостоянство и двоеличіе *Валаха*, служащаго по обстоятельствамъ и нашимъ и вашимъ, но не безсердечно, какъ еврей, а часто съ увлеченіемъ и самозабвеніемъ? Если такая молва идетъ о псевдо-римлянахъ княжествъ, гдѣ все имъ говоритъ, а князь Куза (называемый фатально нашею печатью: *Куца*) даже вопіетъ, что они суть *народъ*, да еще какой? все Августы, Овидіи, да Цинциннаты!, — то что говорить о здѣшнихъ межеумочныхъ *куцо*-влахахъ, пусть даже *Мегало*-влахахъ [1]), по книжному? Мнѣ кажется я и сейчасъ, закрывши глаза, вижу во всей позитурѣ каждаго, усѣвшагося на рогожкѣ, домнуля написаннымъ его праотеческое исповѣданіе гражданской вѣры: ubi bene, ibi patria. И напрасно было бы винить въ томъ людей. Надобно стать на ихъ мѣсто среди Славянъ, Албанцевъ, Грековъ и Турковъ, изъ коихъ, хотя что нибудь насущное обѣщающимъ элементомъ представляются одни Греки, чтобы понять ихъ вольное и невольное грекофильство и нерѣдко даже эллиноманію. Родной языкъ неотступно нашептываетъ имъ, что они румуны, а образованіе школьное и церковное дѣлаетъ ихъ греками. Какъ тутъ устоять на „золотой срединѣ“? Да и возможно ли отыскать таковую, хотя бы уже только позолоченую? Нѣтъ, этотъ всенародный хаосъ, изъ котораго сложилась настоящая чудовищная Турція, не под-

---

[1]) Эти Мегало-влахи засвидѣтельствованы византійцами. Они явились въ исторіи прежде своихъ дунайскихъ единоплеменниковъ, «замаравши» (съ эллинской точки зрѣнія) своимъ именемъ классическую Өессалію. Прибавка: *Мегало* предполагала бы существованіе гдѣ нибудь *Микро*-влаховъ, но таковыхъ не оказывается. Въ замѣнъ ихъ пронизирующій эллинизмъ сковалъ *Куцо*-влаховъ!

дается никакой систематизаціи, и по истинѣ только одинъ Богъ знаетъ, чтó изъ него выйдетъ, при усиліи Европы сформировать *что нибудь* и стремленіи Турціи обратить его въ *ничто*!

Периволи. 10 Іюня 1865. Жой.

Бунъ зіоа! Сказать еще можно такое привѣтствіе, но написать.. Боже сохрани! Всѣ ново-патріоты Молдовалахскіе огуломъ нападутъ на измѣнника, который осмѣлится написать по славянски, а не по латински, самомалѣйшее слово румынское. Въ отместку имъ за то, вотъ ихъ „первородные" братья историческихъ горъ и долинъ ни по латински ни по славянски и знать не хотятъ варварскаго поздравленія, а даже другъ другу, слышу, говорятъ: Καλημέρα! Да и чего другаго ожидать отъ селенія: Περιβόλι? Знаю, что еще вчера нѣкоторыхъ изъ насъ смутило не оправдываемое логикою обстоятельство: *греческое* имя у римской *селитвы*. Естественнѣе бы дѣлу выйти на оборотъ. Кто владѣетъ мѣстомъ, тотъ нарекаетъ ему и имя. Владѣтели мѣста— валахи, отчего же имя ему дано не *грэдинъ*, а *периволи*, что значитъ *садъ*, да еще и во множественномъ числѣ: сады (περιβόλια), какъ значится у Киперта? Да и что тутъ, въ поднебесной высотѣ, можетъ быть похожаго на сады? Все это безспорно такъ, но вѣдь тутъ Пиндъ съ его особыми историческими правами на всю окрестность. По чему знать, можетъ быть въ неизвѣстныя никому времена тутъ процвѣтали сады, въ которыхъ отдыхалъ уже римскій полководецъ *Флаккъ* (по мнѣнію одного папы, давшій имя свое *Влахамъ!*), закрѣпившій ихъ имя за мѣстомъ. Посѣтившіе насъ сегодня утромъ представители мѣстной интеллигенціи отозвались невѣдѣніемъ временъ давно минувшихъ, не указали ни на какую древнюю въ сосѣдствѣ мѣстность, и ограничились сообщеніемъ намъ, что село ихъ состоитъ изъ 350 домовъ, раздѣляется на 7 приходовъ съ столькими же священниками и имѣетъ

три церкви. Все управленіе у нихъ — свое собственное. Нѣтъ ни одного турка между ними. Когда-то ничего и не платили правительству, но то время прошло.. „А не хотѣли ли бы вы, чтобъ пришло какое нибудь еще *третіе* время, откуда нибудь съ юга изъ-за горъ?“ спросили мы не безъ маленькаго лукавства, конечно. Собесѣдники переглянулись, улыбнулись и сдѣлали какой-то неопредѣленный знакъ головой.. Это *онъ*, непремѣнно онъ мѣшаетъ отвѣчать запуганнымъ ученикамъ „Бачковымъ“ на ихъ родномъ языкѣ свободнымъ словомъ, онъ — calculus! — подумалъ я, и не ошибся. Эмиссары Панруманизма уже заглядываютъ въ „сады“ Пинда, и конечно смущаютъ мирныхъ пастуховъ Ѳессалійскихъ памятію Великой Влахіи. И пожалуй, что не вдругъ отвѣтишь на что нибудь „третіе“.

Мы подкрѣпились чаемъ, что̀ такъ кстати было послѣ сырой и чуть не холодной ночи. У пастуховъ по профессіи конечно нашлось-бы что нибудь и для напутственной закуски дорогимъ гостямъ, но — на дворѣ стояли *Петровки*.., а въ комнатѣ сидѣлъ мѣстный „батюшка“, да еще и не одинъ, для котораго эластичное слово нашихъ Петровокъ облекалось въ твердую и жосткую форму: Ζαρακοστή (четыредесятница). Мы пригласили честный клиръ къ участію въ своемъ чаѣ, который видимо былъ предметомъ пытливаго вниманія для него. Для меня же предметомъ истиннаго недоумѣнія были эти самые пастыри словеснаго стада, державшіе себя во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненно. Ихъ семь человѣкъ на 350 домовъ, неотступно думалось мнѣ. Всѣ они люди семейные, конечно, изъ тѣхъ же пастуховъ вышедшіе и слѣдовательно не располагающіе никакими особенными средствами. Какъ же и чѣмъ живутъ они? Круглымъ числомъ приходится по 50 домовъ на каждаго, отъ которыхъ и должны получать себѣ содержаніе. Не тема ли это для изслѣдованія тѣмъ, кто у насъ столько уже времени занятъ вопросомъ „объ улучшеніи быта духовенства“? Далекъ я отъ мысли считать напраснымъ вопросъ этотъ, самъ — воспитанный „ругою“ и

„требами“, и имѣвшій всю печальную возможность видѣть, какъ, послѣ оплакиваемой кончины воспитавшаго меня, остался только деревянный домъ съ рябиннымъ садикомъ и огородомъ при немъ, и—положительно ничего болѣе! А между тѣмъ приходъ, питавшій семью нашу, состоялъ, думаю именно изъ 350 домовъ, если не болѣе. Какимъ же образомъ выходитъ то разительное обстоятельство, что на приходахъ, въ родѣ Перивольскихъ, изъ 50 домовъ, люди успѣваютъ составлять себѣ даже капиталецъ, такъ что дѣти священническія—нерѣдкость увидѣть—открываютъ лавочки на Востокѣ, и ведутъ торговлю не хуже настоящихъ купеческихъ домовъ, а у насъ, если случится безвременная кончина служителя алтаря Господня, его семейство хоть иди по міру? Что нибудь одно: либо наши 300 — 350 домовъ бѣднѣе здѣшнихъ 50-ти, либо способъ содержанія духовенства здѣсь доходнѣе, чѣмъ у насъ, либо люди тутъ скопидомнѣе и нетребовательнѣе, чѣмъ тамъ.. Или, ужъ не сказать ли, въ успокоеніе себя, что надъ всѣмъ царитъ fatum,—что тѝ—римляне и греки, хотя и десятая вода на киселѣ, а то—мы—варвары, хотя тоже значительно попросѣянные уже сквозь сито жизни отъ временъ Анахарсисовъ?

Было 9 часовъ. Търпко доложилъ, что можно ѣхать. На провожаніе насъ собрался весь муниципалитетъ мѣста. Приличіе требовало пожелать чего нибудь наилучшаго гостепріимнымъ ($76\frac{1}{2}$ піастровъ за ночлегъ) хозяевамъ. Но гдѣ и въ чемъ это безотносительное „наилучшее“? Не чистая ли оно фантазія? А пожелать такое благо, котораго другой можетъ быть совсѣмъ и не знаетъ и не цѣнитъ и не хочетъ, разумно ли? Чтобы изъ Пинда вышло Монтенегро, сказать не трудно, но есть ли хотя малѣйшая надежда на то, чтобы загадываемое сбылось, и можно ли быть увѣреннымъ, что на Пиндѣ кто нибудь серьезно думаетъ о томъ? Всякая же другая политическая комбинація для заброшеннаго въ глубину материка племени не представляетъ въ себѣ ничего не только наилучшаго, но и просто лучшаго, чѣмъ его тепе-

решнее положенiе. Мы ограничились пожеланiемъ бравому населенiю долгихъ дней, широкихъ предпрiятiй и глубокихъ кладовыхъ,—самаго реальнаго въ ихъ, небогатой идеалами жизни, и по всей вѣроятности самаго цѣннаго для нихъ. Вонъ они, еще разъ поклонившись намъ цѣлой ширинкой, поворотили назадъ, и пошли каждый на дѣло свое и на дѣланiе свое до вечера.. Эта первая встрѣча моя съ народностiю, играющею свою извѣстную роль въ цѣлокупности православiя, встрѣча не съ единицами, какъ было доселѣ, а съ цѣлою массою людей одного племени и языка, заставила меня, болѣе чѣмъ я ожидалъ, остановиться на ней своимъ вниманiемъ. Отъ самаго села начавъ свой дальнѣйшiй подъемъ на преименитую гору классическаго мiра, отписанную такъ сказать къ нашему времени отъ эллинства и переданную неумолимымъ ходомъ исторiи безыменнымъ нѣкiимъ Влахамъ, я все думалъ о сихъ послѣднихъ. Вѣдь никакаго выхода имъ изъ ихъ межеумочнаго положенiя не предвидится ни въ близкомъ ни въ отдаленномъ будущемъ! Какую ни предполагать, неминуемую рано или поздно ломку и перестройку въ магометанскомъ кварталѣ Европы, ни чѣмъ не исправишь этой страшной черезполосицы въ немъ народностей, начиная съ нашихъ Славянъ и оканчивая Влахами. Мнѣ бы казалось, что осталось одно и единственное средство помочь бѣдѣ, это — добровольное переселенiе *своихъ* къ *своимъ*, основанное на взаимныхъ соглашенiяхъ,— на обмѣнѣ, покупкѣ, даровой уступкѣ, но ни въ какомъ случаѣ не на захватѣ и не на выгонкѣ. Развѣ не наталкиваетъ на это самое меркантильный духъ эпохи нашей, объ руку идущiй и развивающiйся съ неудержимымъ стремленiемъ человѣчества группироваться въ единоплеменныя и единоязычныя массы? Какое это опять шумное и подвижное время настало бы для Европы, въ отместку, такъ сказать, подобному же средневѣковому насильственному явленiю въ ней! Тогда первые Микро-влахи Пиндскiе ушли бы къ своимъ дѣйствительнымъ Мегало-влахамъ на Карпаты, Карпатскiе славяне перебрались бы на во-

спѣтыя „Херсонски степи“, Турки перекочевали бы въ свой Туркестанъ, Греки заняли бы свой Олимпъ, свой Пиндъ до самыхъ пограничныхъ Иперборeевъ, и свою прекрасную Іонію со всѣми островами Архипелага, Албанцы перешли бы въ *свою* Пеласгію, т. е. въ Віотію, Аттику, Морею — къ полному удовольствію близорукихъ зилотовъ Аѳинскихъ, отожествляющихъ ихъ съ автохѳонами земли своей, Армяне ушли бы въ Парѳію, Евреи въ Месопотамію, Византійцы въ.. свою исторію!

Поднимаемся все выше и выше, дѣлая зигзаги по совершенно сырой еще землѣ, едва начинающей покрываться полянкой, такъ какъ всего на все только три недѣли, какъ сошелъ снѣгъ съ подгорій этихъ. Двое провожатыхъ паликара, нанятые въ селеніи за 25½ піастровъ, идутъ впередъ воинственною поступью съ ружьями на плечахъ, стращая ими, по обстоятельствамъ совсѣмъ не того, кому слѣдуетъ бояться. Одного угораздило идти какъ разъ передо мной. Видя дуло ружья его, постоянно направленное на меня, и замѣчая въ немъ полное невниманіе къ своему „инструменту“, я не разъ желалъ отъ всей души, чтобы онъ покончилъ увлекательные разсказы о своихъ славныхъ подвигахъ на „звѣря“, дававшіе ему поводъ жестикулировать руками точь въ точь, какъ бы звѣрь-то все еще находился передъ его глазами. „Мишка“ Пинда, судя по разсказамъ героя, не знаетъ совсѣмъ манеры своего сѣвернаго роднаго питаться въ случаѣ нужды сосаніемъ своей лапы, а рыщетъ повсюду, ища болѣе существенной поживы. Разъ, такимъ образомъ, онъ задушилъ 250 овецъ и 35 муловъ Перивольскихъ, когда жители уже возвратились изъ кочевья въ горы.. Какъ будто черезъ чуръ много показалось намъ,—285 головъ за одинъ разъ! За то же и медвѣдь былъ.. въ двѣ оргіи (сажени) длиною! Составилась на „чорта“ облава изъ 70 охотниковъ, но куда тебѣ? И ухомъ не ведетъ! А вотъ это самое ружьецо уложило дружка! — Ну? слышится съ нашей стороны,—чтоже семьдесятъ-то тѣ, мыши, что ли, были? — Ты

бы на передъ посмотрѣлъ на него... мыши!.. комаромъ бы оказался передъ нимъ. Вотъ что! мыши!—Обидчивый тонъ этотъ заставилъ насъ повѣрить, что дѣло дѣйствительно такъ происходило, какъ разсказывалось.—Ну, а ты, паликарàсъ, тоже, случалось, охотился на *звѣря?* спросили мы другаго парня. Да! отвѣчаетъ онъ, и, прищурившись, глядитъ вдаль, какъ бы вовсе не придавая значенія тому, что съ нимъ было или бывало. Тоже *онъ* полакомился овечкой или теленкомъ, напередъ..—допытываемся мы. Ихъ было двое—перервалъ извѣстную рѣчь нашу бѣдовый охотникъ.—Съумѣй тутъ изворачиваться. Ружье?. Что—ружье? Обсѣкся, и все пропало! Нѣтъ, тутъ не ружье нужно, а ятаганъ..—Ну, и чтожъ? Прямо *ихъ* по головамъ? Ручка же, однако, должна быть у тебя. И такъ?—Что: и такъ! Растянулъ *его*.. [1]). Залпъ рукоплесканій огласилъ окрестность. Молодецъ! Вотъ такъ молодецъ! *Ихъ* рубилъ, а *его* [2]) повалилъ! Такъ какъ эти восторженныя похвалы произносились по русски, то разсказчикъ принялъ ихъ за чистыя деньги. „Васнь показываетъ“ однако, какъ фактъ, то обстоятельство, что на славной горѣ витаютъ не одни миѳы и преданія классическаго міра, а и живое племя тѣхъ (*Большой* и *Малой*) *Медвѣдицъ*, которыхъ фантазія древнихъ населителей ея помѣстила за какія-то дѣла или продѣлки на небо. Пуквиль разсказываетъ, что онъ имѣлъ въ виду посѣтить сосѣдній монастырь св. Троицы (видѣнный нами вчера), но что ему сказали, что монастырь тотъ находится въ запустѣніи, ибо

---

[1]) Τὸ' κρέμισα.. собственно: сбросилъ, повергнулъ. Какъ это мнѣ напоминаетъ приточный разсказъ дяди, имѣвшаго въ виду отучить меня отъ преувеличеній! «Потомъ мужикъ съ парнишкомъ въ лѣсъ (говоритъ притча) дрова рубить. Вотъ малый-то и бѣжитъ и кричитъ: Тятька, волки!—Гдѣ? Много?—*Трое.*—Да, волки ли? Какіе они шерстью?—*Оба* сѣры.—Да ты, подь-ко, собаку видѣлъ?—Какая тебѣ собака? Вотъ какой! ростомъ-то буд*етъ* съ телушку!

[2]) По гречески медвѣдь—ἀρκοῦδα, женскаго рода. Но оба разсказчика говорили о немъ въ среднемъ родѣ, подразумѣвая: θηρίον.

монаховъ поѣли медвѣди! Разсказы эти страннымъ образомъ занимали меня — не по сочувствію съ предметомъ ихъ — охотой, травлей, убійствомъ и проч., а потому, что воскрешали передо мной образы родной стороны, оффиціально символизируемой фигурой медвѣдя несущаго или держащаго на себѣ евангеліе. Какихъ тамъ разсказовъ о похожденіяхъ медвѣдей и о походахъ на медвѣдей не наслышался я въ былое время! Слушаю о нихъ теперь и перевожу въ памяти *то* время и рисую воображеніемъ *тѣ* мѣста... Такъ легко перенестись въ нихъ, при окружающей меня обстановкѣ. Если бы побольше лѣса, поменьше кручи, да поуже горизонтъ, можно бы было забыться и подумать, что тутъ просто совершается переѣздъ отъ Е* до П*, столько мнѣ памятныхъ. Но гдѣ тамъ взять такой непомѣрной громады, которая налегаетъ на насъ спереди, и вѣнчается тамъ далеко и высоко снѣжнымъ яичкомъ, за чтó и зовется отъ грековъ *Авго*, а отъ картографовъ (полагаю) *Чепель-Ово?* [1]) Мы впрочемъ оставляемъ ее влѣвѣ и выѣзжаемъ на длинную, горную поляну съ густою и высокою травою и желтыми цвѣтами—тѣми самыми, которые первые у насъ на сѣверѣ показываются въ маѣ мѣсяцѣ и служатъ первою радостію бѣгающимъ по необозримымъ полямъ нашимъ, такихъ же какъ они, желтыхъ и сіяющихъ дѣтей. Картина была настолько нова и привлекательна, что мы ради ея сдѣлали тутъ малый роздыхъ. Кстати, мѣсто носило знакомое имя *Дербенда*. Земля вся еще была мокра. Только за двѣ недѣли передъ тѣмъ сошелъ съ нея снѣгъ. Какіе плѣнительные виды во всѣ стороны! Засматриваюсь на нихъ до головокруженія. А между тѣмъ что-то неотступно какъ бы подступаетъ къ горлу и захватываетъ дыханіе. Куда ни взглянешь, отвсюду наплывъ чего-то, застилающаго глаза слезою. Конечно, это оно давноминувшее, съ его обаятельною обстановкою и съ

---

[1]) Αὐγό, а по древнему ὠὸν = яйцо, uovo по итальянски тоже — яйцо. *Чепель* вѣроятно албанизованное *Джебель* = гора.

его одуряющимъ ароматомъ, которому имя — юность. Какъ изъ нея были въ свое время невообразимо-смѣлые прыжки въ сѣдую древность на Парнассъ, на Пиндъ, на Олимпъ, такъ весьма естественъ этотъ контрвизитъ ей съ Пинда. Но.. къ чему поднимать давно улегшуюся пыль забвенія съ дорогихъ, но „глупыхъ“ дней жизни, какъ недавно одинъ будущій Меттернихъ выразился на берегахъ Босфора о своемъ прошедшемъ. Согласенъ, пусть и глупо, но несомнѣнно все таки дорого. Чтожъ? Довольно и этого побужденія, чтобы молвить о немъ слово.

Продолжаемъ путь. Впереди цѣлый лугъ голубыхъ цвѣтовъ. Ѣдемъ по нему. Все это колышущееся море состоитъ изъ незабудокъ, но такого высокаго роста, что я даже боюсь, не ошибся ли, назвавъ ихъ этимъ поэтичнымъ именемъ. Еще и еще природныя клумбы всѣхъ радужныхъ цвѣтовъ, кромѣ ярко-краснаго. Чего не пересмотрѣли глаза, пока мы доѣхали до западнаго склона горы, котораго хотя неизбѣжно было ожидать, но почему-то не имѣлось въ виду. Предстоявшій глубокій спускъ навелъ на меня уныніе, и только Дербендское „Подкрѣпленіе“ въ состояніи было разогнать его. На едва различаемой глубинѣ извивался ручеекъ, и ради его-то нужно было намъ понесть столько трудовъ, чтобы спуститься къ нему и подняться отъ него на такую-же или еще большую высоту. Послѣ несчетныхъ поворотовъ, поправокъ и самоободреній въ критическихъ случаяхъ, удалось благополучно спуститься къ потоку, который оказался настоящею горною рѣкою, не широкою, но весьма быстрою, которую назвали намъ *Вьёса.* На картахъ же она пишется: Viossa, Vavussa, Wojutza.. Такъ или иначе, но очевидно, что въ основѣ лежитъ славянское: *вьющаяся*, столько ей приличное за ея безпрестанно извивающееся русло. Она впадаетъ въ Адріатическое море, и есть одна изъ пяти рѣчекъ, получающихъ свое начало у *Зиго,* — наиболѣе выдающагося въ этой широтѣ пункта Пинда. На ней расположено и сельцо, названное намъ: *Госья* или *Гусья*, у Киперта одноименное съ рѣкою, и именно: *Вавусса*. Въѣхавъ

въ него по мостику, мы подпали подъ такіе жгучіе лучи солнца, что никакая мысль объ остановкѣ тутъ на часъ или два не приходила намъ въ голову. Форумъ деревни составляетъ площадка передъ кофейней и вмѣстѣ лавочкой. На ней мы и остановились, и, не сходя съ лошадей, вели переговоры о соломѣ, ячменѣ, и т. под., въ томъ числѣ и о съѣстныхъ предметахъ. Слушая то и другое, я съ своей стороны подъ впечатлѣніемъ конечно все еще воспоминаній дѣтства, спросилъ ханьджи, кивая на рѣку, нельзя ли тутъ достать свѣжей рыбы? Старый лукавецъ посмотрѣлъ куда-то въ бокъ, искривилъ ротъ, и отвѣтилъ: рыбы? Да еще и свѣжей? А вотъ, когда подойдетъ сюда янинское озеро, то наловимъ.. Такъ какъ то подойдетъ, очевидно, не скоро, то мы и поспѣшили оставить не ласковую *Вувосу* [1]). Начался опять длинный и трудный подъемъ на противоположный берегъ рѣки, но по крайней мѣрѣ менѣе опасный, чѣмъ спускъ. По мѣрѣ возвышенія нашего стали опять открываться чудные виды на оставленный берегъ, не поддающіеся описанію. Не мало поколесили мы, ища удобнаго стана для полдневаго отдыха. Выборъ мѣста условливался присутствіемъ по близости пастуховъ со стадами для поэзіи. Все, что было желательно, наконецъ отыскалось. Мы сдѣлали привалъ подъ тѣнью гигантской сосны. Вѣтерокъ разносилъ цѣлительный бальзамъ ея и убаюкивалъ тишайшимъ шелестомъ игольчатыхъ вѣтвей ея усталую и отяжелѣвшую отъ полдневаго зноя голову. Только бы предаться беззавѣтному отдыху. Но нѣтъ! кромѣ насъ есть и другія многочисленныя области бытія, которымъ никакого дѣла нѣтъ до нашихъ страданій и утѣшеній, и для которыхъ мы сами входимъ въ экономію жизни ихъ, какъ только образовательный матеріалъ, какъ средство,

---

[1]) Пишется и Βοῶσα и Βαδοῦσα, и Βωβοῦσα, очевидно съ цѣлію огречить имя. Мы выбираемъ послѣднее, анаграммируя его, чтобъ вышло: *нѣмая, заика*.. (Въ отместку селу за его издѣвку надъ нами). Причиною разногласія древнее имя рѣки: Ἀῷς.

какъ предметъ расчета, и расчета самаго злаго и преступнаго, по нашимъ людскимъ понятіямъ. Не многословя скажу, что отдохнуть не удалось. Уставъ безплодно отмахиваться отъ миріадъ мухъ, вызванныхъ только что начинающимся горнымъ лѣтомъ, и боясь изъ за ничего, такъ сказать, потерять спокойствіе духа, я оставилъ импровизованное ложе и подсѣлъ къ котелку, гдѣ искусными руками уготовлялась давно проектированная и пресловутая въ мѣстахъ этихъ, *буковáла*, и короталъ время наблюденіемъ коротанія его другими. Достойное буколическихъ временъ и нравовъ кушанье потребовало цѣлаго часа времени для того, чтобы явиться во всей своей красѣ и славѣ. Да столько же времени понадобилось потомъ, по острому выраженію полакомившагося имъ, на *боку валяться*, чтобы хоть сколько нибудь оно уклалось во желудкѣ. Наконецъ, и всадникъ былъ сытъ и конь накормленъ, какъ говорится въ сказкѣ, и мы поѣхали далѣе, заплативши за пресловутое блюдо всего 10½ піастровъ. Avis aux gourmands.

Насъ предувѣдомили, что предстоитъ сдѣлать перевалъ черезъ Пиндъ, и слѣдовательный самый высокій подъемъ, какой только намъ встрѣчался на пути. Ожидалась потому наитруднѣйшая дорога, но вышло иначе. Верхушка хребта представляла довольно ровные, и что всего удивительнѣе — мягкіе, скаты. Становимся все выше и выше, но направляемся не къ югу, гдѣ предположительно должна быть *Янина*, а къ западу, знаю, что напрасно спрашивать Търпка кáкъ какая мѣстность называется, а все таки, въ виду близкихъ снѣговъ, захотѣлось узнать имя высоты, на которой мы находились. Оказалось оно: *Кукурузъ*, не означаемое совсѣмъ на картахъ. Не думаю, чтобы проводникъ хотѣлъ подтрунить надъ нами, пѣтушась такимъ самокованнымъ словцомъ передъ легковѣріемъ нашимъ. Конечно, мы приближались къ 6.000 футовъ, ибо три раза ѣхали хотя и по рыхлому, но глубокому и сплошному снѣгу. Видъ къ низу на все *Загорье* восхитительный.

Давно и много я слышалъ и читалъ объ этомъ „Загорьѣ“ съ чисто славянскимъ именемъ и съ чисто (?) греческимъ населеніемъ, а радъ былъ видѣть его. Слава его уже болѣе вѣка расходится по всему Востоку, и, могу сказать, всякому греку имя Ζαγόρι знакомо и близко. Мнѣ довольно припомнить знакомыя по Аѳинамъ имена братьевъ *Ризари*, *Неофита Дуки*, *Геннадія*, всѣхъ родомъ изъ Загорья, славныхъ въ свое время: *Колѐтти* (если не ошибаюсь), *Нуццо*, *Псалидá* и пр. и прочее, чтобы сочувственно отнестись къ именитому мѣсту. Лѣтъ за 400 передъ этимъ оно уже играло значительную роль тутъ подъ именемъ *Войника*, состоя тогда изъ 14 селъ. Теперь всѣхъ селеній (по хронологіи — городковъ) насчитывается 46. Всѣ они чисто христіанскія и управляются сами собою. Пріятно отыскать въ Турціи такой оазисъ. Окружаетъ насъ растительность настоящая сѣверная. Только, напрасно я высматриваю нашихъ елей и березъ. Ихъ нужно еще посѣять тутъ. Многократно пересѣкаемъ лужи черной грязи, запоздавшей даже противъ нашей невылазимой, на цѣлый мѣсяцъ; а гдѣ посуше, тамъ прямо изъ земли выникаютъ лиловыя чашечки подснѣжника. Передній горизонтъ закрываетъ все таки сравнительно высокая горная масса, названная намъ *Пáпинкъ*. Отъ нечего дѣлать острословимъ, находя, что горѣ приличнѣе бы называться маменькой, а не папенькой. Карта однакоже полагаетъ предѣлъ пусторѣчію, давая горѣ совсѣмъ другое, нѣсколько странное, имя: *Лазари*, а Папинкъ обращая въ селеніе, лежащее у подошвы горы. Наступаетъ вечеръ, а пути нашему и конца не видится. Пришлось даже поблудить, безъ счета поворачивая туда и сюда подъ разными углами, неизвѣстными геометріи, и продолжая по прежнему то спускаться, то подниматься. На дорогѣ нашей должны бы, судя по картѣ, встрѣтиться 4 селенія, но кажется мы забрались слишкомъ высоко, и миновали ихъ, не видавши — изъ за ближайшихъ къ намъ возвышенностей. Послѣднее изъ нихъ *Скамнели* мы наконецъ усмотрѣли глубоко внизу и совсѣмъ

въ сторонѣ отъ насъ. Въ намѣреніи возстановить свою оріентировку, мы открыли сношенія съ нимъ посредствомъ живаго голоса, но способъ этотъ оказался бы пригоднымъ можетъ быть для нашихъ масляничныхъ ледяныхъ горъ, но никакъ не для Пинда. Изъ деревни доносился до насъ одинъ вой. Въ деревню отъ насъ доходилъ вѣроятно тоже не громъ. Такъ мы и раздвинулись, не объяснившись другъ съ другомъ. И сѣдоки и кони были непомѣрно уставши, а наступающіе сумерки въ такомъ глухомъ и дикомъ мѣстѣ способны были и на самый бодрый духъ навести уныніе. Я, разумѣется, тащился позади всѣхъ. Многократно слышалось спереди заботливое внушеніе: Не отставать, подгонять, пришпоривать.. Ничто какъ упомянутая тѣснота духа была причиною того, что дружескіе эти совѣты получили окраску приказовъ, и вызвали въ безъ вины виноватой сторонѣ отпоръ, достойный сожалѣнія.. Дѣло въ томъ, что у передоваго нашего былъ свой конь — ходокъ изъ первыхъ въ Янинѣ, да и самъ-то онъ не прочь былъ поспорить съ какимъ угодно наѣздникомъ, а у насъ лошади были наемныя, извозныя, старыя, худо кормленныя, да и смекающія къ томуже, что сѣдокъ-то во всѣхъ отношеніяхъ имъ па́ра, какъ говорится.. Вотъ и вышла разница положеній, помышленій и поползновеній, доведшая до-пореченій! что дѣлать? „Дорога есть мать безобразій“, сказалъ кто-то когда-то! Еще два-три мрачныхъ и угрюмыхъ поворота, и передъ нами выступило наконецъ превожделѣнное *Чепѣлово*,—цѣль нашихъ цѣлодневныхъ подвиговъ нынѣшнихъ. Пристанищемъ намъ послужилъ домъ одного русско-подданнаго, Г. *Чола́ки*, зажиточнаго и во всѣхъ отношеніяхъ „славнаго господина“. Всѣ впечатлѣнія вечера сгруппировались около одного блаженнаго ощущенія отдыха и покоя тѣлеснаго. Даже самоваръ, столько славный своими возбудительными свойствами, не могъ пересилить умственнаго разлѣненія или какъ-бы отупѣнія. День кончился впрочемъ весьма благополучно торжественнымъ и многояственнымъ ужиномъ, разбавленнымъ,

кромѣ крѣпкаго „Загорскаго“ вина, и водянистой политикой, въ силу упомянутаго уже мною правила о „мѣсяцѣ безъ буквы: *ро*“.

Чепелово [1]. 11 Іюня 1865.

Слушалъ во снѣ превосходную музыку, къ которой ни одно изъ обстоятельствъ минувшаго дня не могло приготовить мое воображеніе, чувствовалъ даже за собою чье-то присутствіе, волновавшее радостью душу. Разыгрываемая піеса начиналась словами: *Напитался нашъ* (кто? ускользнуло отъ сознанія) „*Божественнаго хлѣба*“.. Дай Богъ, чтобъ это было вѣстникомъ всего удачнаго и радующаго на нынѣшній день, обѣщающій намъ столько новыхъ впечатлѣній! Бойкій мальчуганъ, сынъ хозяина нашего, обѣщавшій намъ вчера показать, какъ онъ умѣетъ гарцовать не на какомъ нибудь тщедушномъ „доринцѣ“, а на молодой и неподступной „форадѣ“ (кобылѣ), уже ждалъ нашего пробужденія, чтобы доказать намъ справедливость похвальбы своей. Мы дали ему случай отличиться физическимъ удальствомъ, но, вслѣдъ за тѣмъ, посадили его на такую необъѣзженную кобылицу, передъ которой онъ совершенно спасовалъ. Отчего его родное село называется *Чепеловымъ,* допрашивалъ я, тогда какъ въ его алфавитѣ нѣтъ и звука *ч?* И отчего весь родной край его зовется *Загорьемъ*? Эллинская головка его еще не углублялась въ подобные вопросы, а ужъ, пожалуй, готова была весь міръ считать своимъ достояніемъ, подъ сладкіе національные напѣвы Элладскихъ учебниковъ. Въ самомъ

---

[1]) Однакоже — деревня: *Чепелево* и гора: *Чепель-ово* такъ одинаково звучатъ, что нѣтъ-ли тутъ какого нибудь географическаго смѣшенія и недоумѣнія? «Tchepel-ovo, montagne rempli de glaciers».. и пр. Такъ говоритъ Пуквиль (t. III. pag. 104). Можетъ быть и ему, какъ намъ гору: *Папинкъ*, сочинили проводники гору: Tchepel-ovo, указываемую по направлѣнію къ селу: *Чепелово*, а затѣмъ и насъ ввели въ искушеніе, заставивъ указывать въ ней Djebel-uovo.

дѣлѣ, кто могъ назвать эту междугорную полоску земли „За-горьемъ“? Всего бы естественнѣе искать происхожденія сего слова въ Эпирѣ, т. е. прежде всего въ Янинѣ, для которой мѣста эти находятся прямо „за-горою“ (Мичкели). Но въ такомъ случаѣ Янину исторически слѣдуетъ считать славянскимъ городомъ. А кто же посмѣетъ сдѣлать это? Сѣверяки Касторійскіе, Гребенскіе, Корченскіе и пр. тоже конечно могли считать мѣста эти „За горою“ относительно себя. Но какая исторія послушала бы ихъ и занесла ихъ невѣдомыя и никого не интересующія рѣчи на свои скрижали? Изъ мрака гаданій и недоумѣній вывела меня „Хронографія Эпира“. Кому, какъ не ей, знать, что и какъ тутъ есть и было? Она находитъ возможнымъ видѣть въ загоріи греческое Ζυγόρεια, т. е. *границы Зигд*, — сосѣдней высоты Пинда при селеніи: *Мецово*.. Ничего нѣтъ потому удивительнаго, что и *Чепелово* есть ничто иное, какъ искаженное Эллинское: Κύπελλον — [1]) купа, чаша, которую должно было напоминать вогнутое положеніе селенія.. Понятна мнѣ эта учено-патріотическая озлобленность бѣднаго Эллина на все славянское. Славянская номенклатура мѣстъ преслѣдуетъ его до самыхъ „кентровъ“ (по нашему: рожновъ) его національной жизни — въ Аттику, въ Пелопоннисъ. Она не даетъ ему покоя по всему Балканскому полуострову, если и не всегда предъявляя то тѣ, то другія, стѣсняющія его, права, то все же грозя ему чѣмъ-то, и постоянно раздражая его. Да уже одни варварскія окончанія собственныхъ именъ: *ава, ово, ица, ита* въ названіяхъ греческихъ селъ и даже городовъ,

---

[1]) Слѣдя за переходомъ греческихъ именъ въ латинскій языкъ, убѣждаешься, что въ древности греческое κ передъ тонкими гласными ε и ι, произносилось за *ц* или ч. Выходило бы такимъ образомъ вмѣсто *Ки*пеллонъ, *Чи*пеллонъ. Натяжка все-таки уступающая попыткамъ «Хронографіи» въ *Песчана* видѣть Ὀπισθιανά, въ *Горана* — Ἀγορανά, въ *Подюра* — Ὑπεκδορά (!), въ *Лѣсяна* — Ἀλεξιανά, и пр. и пр. Что сказать? Не уступаетъ г-ну Аравандину и нашъ Гильфердингъ, когда въ Τρανο-σιστα видитъ Треносище, въ Κοντόστοβον — Худостово, въ Βωλά — воля, въ Κρύφοβον — Крехово..

достаточны, чтобы поднять весь запасъ желчи въ поклонникѣ „великой идеи“. Человѣкъ думаетъ о Византіи, объ Антіохіи, объ Александріи, а у него, такъ сказать, на носу сидятъ Триполица, Востица, Ливадія, Превеза, Шатиста, Меццово, Чепелово!. По нашему сказать: это изъ рукъ вонъ! А какъ быть, если этотъ Эллинъ есть еще вмѣстѣ съ тѣмъ и русскій подданный, какъ нашъ почтенный хозяинъ? Загорье впрочемъ еще съ прошлаго столѣтія, по причинѣ своихъ постоянныхъ сношеній съ Дунайскими княжествами и съ Россіей, было въ нѣкоторомъ смыслѣ космополитировано, и до сихъ поръ, не смотря на антиславянизмъ Аѳинскихъ и Константинопольскихъ Эллиномановъ, сохраняетъ къ намъ русскимъ доброе расположеніе. Въ этомъ мы убѣдились яснѣйшимъ образомъ самолично сегодня утромъ, знакомясь съ Чепеловскимъ населеніемъ. По обычаю, насъ пришли поздравить съ пріѣздомъ старшины мѣста, съ духовенствомъ во главѣ, главою котораго въ свою очередь оказался мѣстный „даскалъ“, какъ и слѣдовало ожидать „многій въ словѣ“ и „далекій въ помыслѣ“. Разговорились естественно о Пиндѣ. По словамъ ученаго мужа, Пиндъ оканчивается въ Лепантскомъ заливѣ Геликономъ. — Ну, а на сѣверѣ вѣроятно Уральскими горами? спросили мы. — Нѣтъ, поближе, отвѣтилъ онъ, ухмыляясь, намъ довольно и *нашего Эма* (Haemus — Балканы). — Скромно и великодушно. Даже отъ Карпатовъ, даже отъ Тавра киммерійскаго отказывается отличный Загорянинъ! Изъ разговора съ посѣтителями подтвердилось, что „страна“ ихъ еще весьма недавно пользовалась административною автономіей, но сперва забралъ ее въ свои мягкіе когти пресловутый Али-Паша, а отъ него ее приняли желѣзныя перчатки Высокаго Девлета. Впрочемъ, и въ настоящее время она еще пользуется по многимъ статьямъ полнымъ сомоуправленіемъ, составляя нѣчто цѣлое, отдѣленное и тѣсно между собою связанное. И въ церковномъ отношеніи тоже, еще такъ недавно составляла отдѣльную единицу, цѣлую епархію *Велльскую* (τῆς Βελλᾶς) — подъ номинальнымъ

владычествомъ Янинской каѳедры, но великая церковь (Константинопольскій Патріархъ) нашла нужнымъ соединить ее въ 1843 г. съ Янинской Митрополіей [1]). Въ Чепеловѣ 150 домовъ и 5 священниковъ, слѣдовательно, каждый приходъ еще менѣе, чѣмъ у сосѣднихъ Периволъцевъ. Всѣ священники платятъ въ годъ владыкѣ эпитрахильной подати 20 піастровъ, а народъ платитъ отъ каждаго вѣнца 7 піастровъ. Жаль, что казалось неловкимъ узнать, какой-круглымъ числомъ — годовой доходъ каждаго священника Чепеловскаго? А чувствовалось, что онъ крайне не великъ. На что же столько священниковъ? Старый вопросъ, на который новый отвѣтъ получится тогда, когда перестанетъ имѣть мѣсто эпитрахильный налогъ. А это послѣдуетъ конечно in novissimis.

Русскій человѣкъ угостилъ насъ по русски чаемъ. Любезно простились мы съ нимъ, пожелавши его бѣдовому кавалларю быть со временемъ русскимъ кавалеромъ. Весело затѣмъ пустились въ „послѣдній" переѣздъ. На душѣ было хорошо. Впереди ожидало насъ удовольствіе видѣть большой городъ, — столицу, такъ сказать, классическаго *Эпира*, дохнуть чистымъ греческимъ воздухомъ, побывать на родинѣ боговъ и богинь „эллинскаго демононеистовства", повидать Додону, послушать разсказовъ объ Али-Пашѣ, поклониться новому мученику и пр., а въ тоже время и беззаботно отдохнуть денекъ — другой подъ сѣнію русскаго флага у гостепріимнаго хозяина, такъ великодушно сопровождающаго насъ отъ самаго Битоля. Янина есть точка поворота для насъ, — *тропикъ*, только еще не знаемъ, который

---

[1]) *Велла* (Bella?, Бѣлая?) предположительно древняя *Фотика*, въ 6-ти часахъ къ западу отъ Янины, теперь въ развалинахъ. Въ Хронографіи приводятся имена слѣдующихъ архіереевъ Велльскихъ: *Мануилъ* — 1233 г. *Антоній* — 1564 г. *Николай* — 1720 г. *Германъ* — 1729 г. *Ѳеодосій* (потомъ Ларисскій) — 1818 г. *Іосифъ* — 1822 г. *Моисей* — 1823 г. *Іосифъ* — вторично — 1840 г. *Іеровей* — 1842 г. (*Германъ* — 1860 г. былъ назначенъ, но возстановленіе каѳедры не состоялось).

изъ двухъ, — *рака* или *козерога.* До сей минуты мы еще не могли придти къ опредѣленному рѣшенію, что намъ придется дѣлать *за* Яниной, — возвратиться ли ракомъ въ Солунь, или сдѣлать козій прыжокъ впередъ къ Адріатикѣ. Не могли — вѣроятно потому, что еще не пришло для того время. Еще куда-то поднимаемся. Я уже потерялъ всякій разсчетъ послѣ вчерашняго кукуруза, и совсѣмъ не знаю теперь, когда мы бываемъ абсолютно выше, когда — ниже. Такъ какъ снѣгу больше не встрѣчаемъ, то и надобно думать, что мы уже перевалили черезъ Пиндъ, хотя слышимъ отъ колонновожатаго, что „перевалъ“ еще ожидаетъ насъ впереди. И точно, добравшись линіи горизонта, пересѣкавшей нашу дорогу, мы встрѣтили за ней спускъ, еще разъ такой же глубокій, какъ вчера и третьяго дня, къ небольшой рѣчкѣ, впадающей во вчерашняго *Аоса* или *Вьёсу* (ниже, около г. *Коницы*), которую карта называетъ *Войдомати.* Спускаемся къ ней, скрѣпя сердце и утѣшая себя мыслію, что это уже послѣдній трудъ по крайней мѣрѣ на нынѣшній день. Переходимъ въ бродъ бурный ручеекъ, и снова взбираемся на кручу, оканчивающуюся неожиданно широкою равниною, запертою со всѣхъ сторонъ горами. Особенно же южный край ея сторожитъ какъ бы сплошная стѣна, длинная и ровная хребтовина, въ которой сейчасъ же мы признали *Мичикели* [1]) карты, служащую сѣвернымъ берегомъ огромной Янинской котловины.

---

[1]) Въѣхать въ классическій Эпиръ, и прежде всего встрѣтиться съ такимъ вертопрашнымъ словомъ, какъ *Мичикели*, похоже было на разочарованіе. Конечно какъ нибудь по эпирски, если не по гречески, во всякомъ случаѣ болѣе важно и торжественно, звалась такая замѣчательная гряда горная въ древности, но имя ея затерялось и археологамъ предстоитъ отыскать его. Всего вѣроятнѣе, что это — *Тóмаръ* (Τόμαρος) древнихъ, съ его 100 ключами, при подошвѣ коего процвѣтало славнѣйшее капище древняго міра — *Додонское.* Что же касается теперешняго его имени, то оно можетъ быть албанское, волошское, наконецъ, какъ нибудь, даже славянское, только ужъ едва ли усмотрѣнное зоркою Хронографіею греческое: μέσο κέλλι.

По цвѣту ея однакоже слѣдовало заключить, что намъ придется тащиться до нея часа два. Съ этой стороны она не поражаетъ взора ни высотой ни фигурой своей. Вѣроятно, мы еще вчера видѣли ее съ снѣжныхъ высотъ кукурузскихъ, но не обратили на нее вниманія. За то теперь придется до пресыщенія насмотрѣться на ея частокольный обликъ. Прямо пересѣчь ее не представляется возможности, необходимо объѣхать или съ востока или съ запада. Мы взяли западное направленіе. Однообразіе земнаго дола, навѣвавшее скуку, восполнялось разнообразіемъ выси небесной, обѣщавшей намъ сцены самаго живаго интереса. Въ двухъ противуположныхъ концахъ небосклона поминутно слышались глухіе раскаты грома, и темныя массы облаковъ все расли и расли, поднимаясь тяжело и грозно съ горизонта къ солнцу, и укорачивая палящіе лучи его. За то уже, гдѣ оказывался просторъ прорваться имъ, они вознаграждали себя сугубо за небольшую задержку, напоминая мѣсту, что на тотъ разъ оно только въ 16 градусахъ разстоянія было отъ точки, исправляющей должность экватора. Гора все болѣе и болѣе профилируется, а мы тоже чуть замѣтно все поднимаемся на сѣверозападную оконечность ея. Подъ копытами лошадей раздается особый звукъ рыхлаго камня. Это самый гребень горы, приниженной въ мѣстѣ пересѣченія его дорогою. Послѣ нѣсколькихъ зигзаговъ, еще разъ открывается восхищенному взору нашему великолѣпное зрѣлище огромнаго озера, блестѣвшаго полосами подъ лучами солнца. Впрочемъ, по отдаленности его отъ мѣста наблюденія впечатлѣніе отъ него не такъ разительно, какъ незабвенная картина Охридскаго моря, какъ бы совсѣмъ васъ придавливающая къ землѣ своимъ величіемъ. Даже Касторійское озеро несравненно граціознѣе высматриваетъ, чѣмъ Янинское. Предстоитъ опять длинный и опасный спускъ въ глубокую равнину. Пришлось сойти съ лошадей и вести ихъ въ поводахъ. А между тѣмъ туча стала надъ головой, и то-и-дѣло напоминала намъ, что и безъ того скользкая стежка въ одну минуту

могла превратиться подъ ногами нашими въ катушку. Къ счастію, главная масса тучи шла поодаль отъ насъ, вѣроятно надъ самымъ городомъ, еще не различаемымъ нами частію за дальнимъ разстояніемъ, частію за дождемъ. Насъ только „вспрыснуло", да и то уже на низовьяхъ горы, гдѣ не было опасности споткнуться и упасть. Вся процедура спуска длилась съ полчаса. Можно представить, потому, какъ высоко лежитъ то *Загорье*, которое вчера съ снѣжныхъ вершинъ Пинда казалось намъ въ такой глубинѣ! Эта вторая глубина дѣлаетъ ту возвышенностію, но и сама она все еще есть весьма значительная высота сравнительно съ ожидающимъ насъ гдѣ нибудь морскимъ берегомъ, на который уже хотѣлось бы поставить истомленныя стопы свои.

Хотя не къ тому желанному, а все таки къ какому то берегу подъѣзжаемъ и спѣшиваемся съ коней своихъ. Не то рѣка, не то каналъ передъ нами, искуственный или естественный, соединяющій двѣ неравныя массы воды, — сѣверную, меньшую, зовомую *Лапсиста* или (по Пуквилю) *Лáбшиста* и южную, большую, составляющую собственно Янинское озеро. Огромный платанъ принялъ насъ подъ свои развѣсистыя вѣтви, какихъ сценъ дневныхъ и ночныхъ (и особенно послѣднихъ) не видавшія въ своемъ пустынномъ одиночествѣ, въ недавнее сравнительно время ужаснаго Аали! Теперь все тихо было подъ нимъ, привѣтно и привлекательно. Сосѣдній ханъ съ галлереею кругомъ, и густо зеленѣющая полянка во всѣ отъ него стороны придавали мѣсту дѣйствительно поэтическій колоритъ, какъ мнѣ и казалось еще съ горы. Ханьджи вынесъ намъ кофе, и узнавъ, кого имѣлъ честь принимать, готовъ былъ разсыпаться передъ нами въ тысячѣ ненужныхъ услугъ и простыхъ вѣжливостей. Намъ, однакоже, былъ данъ благій совѣтъ „не отдыхать до сыта", потому что мѣсто сырое, а теперь, послѣ дождя, и совсѣмъ не рекомендуемое. И ханъ и платанъ не даромъ украшаютъ его собою. Тутъ переправа черезъ упомянутый

каналъ. Потребованъ былъ съ того берега паромъ. Търпко сдалъ на него лошадей нашихъ, заставилъ насъ, по существующимъ положеніямъ, заплатить впередъ перевозную плату ($24\frac{1}{2}$ піастра), усадилъ насъ на почетныхъ мѣстахъ парома, и скомандовалъ παιδιά, ἐμπρός! Для меня не было сомнѣнія, что и во времена царя *Пирра* тутъ же и такъ же переправлялись загоряне въ *Куренту*, и Куренцы въ *Загорье*, только конечно первые назывались тогда какъ-нибудь болѣе классически, напр. *Пароренми* или *Перрэвами*, а вторые *Молоссами* или *Молоттами*. Чуть мы перебрались на зеленые луга послѣднихъ, и сѣли на отдохнувшихъ коней своихъ, какъ спутники мои, почувствовавъ себя — не въ осудъ будь исторіи! — и Молот*т*ами и Моло*х*ами вмѣстѣ, т. е. проще сказать: молодцами, гикнули, гаркнули и — только мы ихъ и видѣли съ Търпкомъ! Все это совершилось въ глазахъ, такъ сказать, самаго Зевса Додонскаго потому что, по Пуквилю, *Додона* находилась какъ разъ противъ переправы. Я и заговорилъ было объ этомъ обстоятельствѣ съ своими, когда мы были еще въ Перрэвіи, т. е. подъ платаномъ, но меня завѣрили честнымъ словомъ, что Додона лежитъ на *томъ* берегу озера, куда и ѣздятъ всѣ отыскивать ее. „Лежитъ“ и „отыскивать“! — подумалъ я. Значитъ, старуха-то еще на двое сказала, — заключилъ я совершенно подъ стать знаменитому прорицалищу. За минуту отъ городскихъ воротъ насъ поджидали наши наѣздники — цѣлые и невредимые. Всѣ вмѣстѣ мы вступили въ городъ, огласивши стукомъ ногъ своихъ животныхъ его кривыя, но чистыя и порядочно вымощенныя, и на тотъ разъ совсѣмъ вымытыя дождемъ, улицы. Ради полдневой поры онѣ были пусты, и мы, незамѣченные никѣмъ, тихо подъѣхали къ консульской квартирѣ, гдѣ тоже, повидимому, никому не было дѣла до насъ. Какая разница съ нашимъ шумнымъ въѣздомъ въ Битоль! Но есть время всякой вещи подъ небесемъ. Квартира оказалась большая, чистая, свѣтлая, въ центрѣ города, по близости Митрополіи, вполнѣ достойная чести быть Русскимъ Консульствомъ,

такъ обаятельно звучащимъ въ слухъ христіанскаго населенія въ провинціальныхъ городахъ Турціи, и въ частности въ Эпирѣ, гдѣ большинство жителей христіане православные. Весь остатокъ дня, естественно, посвященъ былъ одному отдыху и оконному ознакомленію съ мѣстностью. Озера только малая часть видѣлась изъ дома. Сосѣдніе дома мѣшаютъ любоваться имъ. Только далекій Пиндъ свободно рисуется на восточномъ горизонтѣ, по мѣстамъ убѣленный снѣгомъ. Отдѣльною громадою стоитъ южнѣе его гора *Джумерка* или *Цумерка*, подходящая уже къ границамъ Греціи. Отъ нечего дѣлать срисовалъ этотъ видъ, на сколько хватило умѣнья. При домѣ есть и небольшой садикъ, въ которомъ мы сочли долгомъ подышать чистымъ вечернимъ воздухомъ, какъ будто мало дышали имъ цѣлые дни и еще — на горахъ! Скоро, однакоже, нежданная сипота въ голосѣ, напомнившая намъ, что мы-въ Эпирѣ, славномъ своими болотами, вогнала насъ обратно въ комнаты.

Іоаннина. 11 Іюня вечеръ.

Точнѣе слѣдуетъ перевесть: *Іоаннины* (множественное число) съ греческаго: Τὰ Ἰωάννινα. Имя города очевидно христіанское, и даже въ христіанствѣ не очень древнее, едва выходящее за переживаемое нами тысячелѣтіе. Упоминается оно у историковъ, и именно у *Анны Комниной* [1]. О началѣ если не города, то имени его, *хронографія*

---

[1]) Свидѣтельство это находятъ у нея въ двухъ мѣстахъ (кн. V. гл. IV), дважды употребившей имя Ἰωάννινα. Но можно бы еще думать, что тутъ описка или опечатка, и что вмѣсто Ἰωάννινα надобно читать Κάννινα (Canina), крѣпость возлѣ приморскаго города Авлона. Такая ошибка указывается у нея самой хронографіей только въ другомъ мѣстѣ, а именно въ кн. V. гл. 1. писательницы. Но если ей тамъ было мѣсто, то могло быть и здѣсь. Въ обоихъ случаяхъ Императоръ Алексій спасается, послѣ своего пораженія, въ Охридѣ. Въ первый разъ это было совершенно естественно. Пораженіе произошло у Диррахія (Дураццо), и первый надежный пунктъ ищущаго спасенія могъ быть именно

Эпира гадаетъ слѣдующимъ образомъ. На самомъ выдающемся пунктѣ полуострова, занимаемаго теперь городомъ, существовалъ въ старину подобно столькимъ другимъ пустынный монастырь, посвященный св. *Іоанну* Предтечѣ. По удобству мѣста при немъ образовали поселокъ, поселокъ разросся въ городъ, городъ подавилъ собою монастырь.. повтореніе, значитъ, Битольской исторіи, темной, какъ и та, отъ темноты вообще среднихъ вѣковъ. Такъ ли было, кто можетъ сказать? По крайней мѣрѣ, это ничуть не хуже попытки навязать городу Ктитора одного изъ императоровъ, *Іоанна* по имени (*Цимисхія*, *Дуку*, *Комнина*). Какъ бы то ни было, исторія, освѣтившая это мѣсто въ 1081 г., находитъ Іоаннину уже значительною крѣпостію, — мѣстомъ богатымъ и цвѣтущимъ. Во все продолженіе растеряннаго царствованія Палеологовъ, городъ по необходимости раздѣлялъ общую участь края, то есть подчинялся первому, кто имъ такъ или иначе овладѣвалъ, всего же болѣе колеблясь между *Императоромъ* и *Деспотомъ*, то есть владѣтелемъ Эпира и Этоло-Акарнаніи, распространявшимъ въ разныя времена различно предѣлы своихъ владѣній, и резиденціей своей имѣвшимъ не рѣдко самую Янину. Изъ періода этого сохранились неложными памятниками его два Хрисовула Имп. *Андроника старшаго* 1319 и 1321 годовъ. Первый относится вообще къ городу, второй собственно къ Янинской Церкви. Изъ обоихъ документовъ

въ Охридѣ. Еслиже предположить, что вторичное пораженіе его было около Янины, то между нею и Охридою можно было найти съ десятокъ удобныхъ для спасенія мѣстъ. Да и прямо говорится (у Анны Комниной) о семъ вторичномъ пораженіи, что Алексѣй попалъ въ Охриду черезъ *Струги* (διὰ τῶν Στρουγῶν). А мѣсто сего имени находится къ сѣверо-западу отъ Охриды, совершенно въ противоположную отъ Янины сторону. Возраженіемъ противъ сего можетъ служить то, что писательница отличаетъ Κάνινα отъ Ἰωάννινα, и что говоря о послѣднемъ городѣ, ставитъ въ связи съ нимъ округъ *Вагенетію* (διὰ τῆς Βαγενητίας τὰ Ἰωάννινα), упоминаемый и въ сказанныхъ хрисовулахъ 1321 и 1361 годовъ,— лежащій къ юго-западу отъ Янины.

видно, что въ началѣ XIV вѣка городъ уже процвѣталъ дѣйствительно, а не гадательно. Изъ той же эпохи и приставшій къ Палеологамъ „царь“ *Симеонъ* почтилъ городъ своимъ хрисовуломъ 1361 г. Онъ можетъ считаться представителемъ стороны Деспотовъ, ибо въ дѣйствительности былъ таковымъ, на сколько къ его времени уцѣлѣло изъ державы перваго *Михаила*, и втораго по немъ *Ѳеодора*, съ которымъ мы уже познакомились въ краткомъ изложеніи Солунскаго царства.

Своеобразное и весьма любопытное явленіе представляетъ собою эта держава пресловутыхъ Деспотовъ, въ свое время игравшая такую важную или и прямо фатальную роль въ дѣлахъ разлагавшейся и улетучивавшейся имперіи, равно тяжелая и ненавистная и своимъ и чужимъ, а равно не любившая ни Византію ни Европу, ни славянъ ни албанцевъ и никого на свѣтѣ, кромѣ своего sic volo. Для того, кто привыкъ укладывать историческія событія въ готовую рамку дѣлъ, лицъ, мѣстъ, эпохъ, встрѣтится при изученіи ея цѣлая масса неясностей, неточностей и прямыхъ несообразностей, могущихъ отбить всякую охоту къ изслѣдованіямъ у человѣка. Самое простое обстоятельство: гдѣ средоточилась правительственная жизнь Деспотства въ теченіе 200 слишкомъ лѣтъ ускользаетъ отъ яснаго представленія. То *Арта*, то *Янина* фигурируютъ въ значеніи столицы, то выступаютъ вдругъ на первый планъ *Касторія*, *Аргиро-Кастро*, *Превеза*, *Авлонъ*.. Впрочемъ, подъ конецъ эфемернаго бытія державы лжеименныхъ *Ангеловъ*, наша Янина выступаетъ положительно съ характеромъ столицы или хотя резиденціи властителя края. Находясь теперь въ ней, я какъ бы долгомъ своимъ считаю, на сколько могу, уяснить себѣ и размѣтить по станціямъ тотъ маршрутъ, которымъ шла съ 1204 по 1430 годъ хаотическая исторія отложившихся отъ имперіи областей, центромъ, и какъ бы знаменемъ коихъ былъ все таки древній Эпиръ, чтобы хотя какая нибудь образовалась канва для желающаго дѣлать историческіе наброски, могущіе освѣтить темную и вообще печаль-

ную, но любопытную фазу тоже въ своемъ родѣ „борьбы за существованіе“ (входящей теперь въ такую моду), только борьбы не безсознательно-разумной и цѣлесообразной, а большей частію безцѣльной и какъ бы разумно-глупой!

Думаемъ, не разъ уже у насъ выпало слово о *Комнино-Палеологахъ*, какъ о чемъ-то цѣльномъ, непрерывномъ, столько фатальномъ для Византіи и унаслѣдованнаго ею императорскаго принципа. Но между Комниными и Палеологами исторія поставила еще запятую такъ сказать, — живую иронію подъ именемъ *Ангеловъ*, изъ худыхъ наихудшихъ державцевъ Константинова престола, накликавшихъ на него первую (латинскую) катастрофу. Эта-то забракованная въ Византіи, затертая и развѣянная по міру фамилія вдругъ ярко блеснула и загремѣла въ далекомъ и глухомъ краю, который кстати тогда напомнилъ всѣмъ свое классическое имя *Эпира*. Для полноты слова, повторимъ еще разъ родословіе перваго Деспота Эпирскаго. У императора *Алексія І Комнина* было 3 сына и 4 дочери. Имена послѣднихъ: *Анна* (писательница), *Марія*, *Евдокія* и *Өеодора*. Царевенъ тогда выдавали замужъ за *своихъ*, подданныхъ имперіи, славныхъ или родомъ или заслугами или инымъ чѣмъ, дававшимъ право на высокую почесть родства съ царствующимъ домомъ. Младшей изъ упомянутыхъ Царевенъ выпалъ такимъ образомъ жребій быть женою не знатнаго и неславнаго, но за то прекраснаго юноши *Константина*, по отцу ли носившаго фамилію *Ангела*, или именно за свое пригожество такъ прозваннаго. Отъ четы этой родились четыре сына и двѣ дочери. Изъ сыновей получили извѣстность *Андроникъ* и *Іоаннъ*. Первый былъ отцомъ *Исаака* и *Алексія* бывшихъ одинъ за другимъ императорами. Отъ втораго *Іоанна*, носившаго титулъ *Севастократора*, родились тоже четыре сына: *Исаакъ*, *Өеодоръ*, *Константинъ* и *Мануилъ*. Но, какъ полагать надобно, ихъ всѣхъ старше былъ незаконно прижитый родителемъ *Михаилъ*. Сему-то, непатентованному законностью, и

суждено было начать собою рядъ государей Эпирскихъ. По завоеванiи крестоносцами Константинополя и по введенiи феодальной системы въ новозавоеванной имперiи, Михаилъ, несмотря на то, что носилъ имя царствовавшей династiи, присталъ къ чужеземному престолодержцу, и пригляд҄ѣвшись къ новому двору Латинско-Византiйскому, носившему въ себѣ всѣ зачатки несостоятельности, и въ тоже время будучи одаренъ предпрiимчивымъ духомъ, отправился изъ Константинополя за сильнѣйшимъ изъ вассаловъ Имперiи, *Бонифацiемъ* Солунскимъ искать себѣ счастiя, но свернулъ съ дороги, и очутился далеко за Ѳессалоникой въ приморскомъ городѣ *Диррахiѣ*, правитель котораго вѣроятно не зналъ, которой изъ Имперiй принадлежитъ онъ вмѣстѣ со всѣмъ поморьемъ, Ласкаревой или Балдуиновой. Михаилъ съ разу рѣшилъ недоумѣнiе чиновника, женившись на его дочери и завладѣвши мѣстомъ на правахъ конечно трехъ послѣднихъ династiй— *Дукъ*, *Комниныхъ* и *Ангеловъ*. Въ теченiе какого нибудь года вдругъ его ловкостiю и неустрашимостiю образовалась новая держава, по кличкѣ греческая, въ существѣ же сбродная и разнонародная, упиравшаяся западными предѣлами своими въ Адрiатическое море, и эластично касавшаяся съ сѣвера и востока владѣнiй Бонифацiя и земель славянскихъ. На продѣлки мирнаго завоевателя некому было обратить должное вниманiе. Дѣла у всѣхъ было, какъ говорится, по горло. Оттого рискованное [1]) предпрiятiе его и увѣнчалось, можетъ быть для него самаго неожиданнымъ успѣхомъ. Съ него мы и начнемъ свой пробный списокъ Деспотовъ *Этоло-Акарнанiйскихъ*.

---

[1]) Вагабондажу, онъ, впрочемъ, могъ научиться и раньше. Оба сродные братья его *Исаакъ* и *Алексѣй*, — потомъ Императоры — не мало времени жили при дворѣ Египетскаго калифа *Салахъ Эддина* (Саладина), съ которымъ и свели тѣсную дружбу. Весьма возможно, что съ ними и вся семья *Ангеловъ* жила тамъ же.

По цвѣту ея однакоже слѣдовало заключить, что намъ придется тащиться до нея часа два. Съ этой стороны она не поражаетъ взора ни высотой ни фигурой своей. Вѣроятно, мы еще вчера видѣли ее съ снѣжныхъ высотъ кукурузскихъ, но не обратили на нее вниманія. За то теперь придется до пресыщенія насмотрѣться на ея частокольный обликъ. Прямо пересѣчь ее не представляется возможности, необходимо объѣхать или съ востока или съ запада. Мы взяли западное направленіе. Однообразіе земнаго дола, навѣвавшее скуку, восполнялось разнообразіемъ выси небесной, обѣщавшей намъ сцены самаго живаго интереса. Въ двухъ противуположныхъ концахъ небосклона поминутно слышались глухіе раскаты грома, и темныя массы облаковъ все расли и расли, поднимаясь тяжело и грозно съ горизонта къ солнцу, и укорачивая палящіе лучи его. За то уже, гдѣ оказывался просторъ прорваться имъ, они вознаграждали себя сугубо за небольшую задержку, напоминая мѣсту, что на тотъ разъ оно только въ 16 градусахъ разстоянія было отъ точки, исправляющей должность экватора. Гора все болѣе и болѣе профилируется, а мы тоже чуть замѣтно все поднимаемся на сѣверозападную оконечность ея. Подъ копытами лошадей раздается особый звукъ рыхлаго камня. Это самый гребень горы, приниженной въ мѣстѣ пересѣченія его дорогою. Послѣ нѣсколькихъ зигзаговъ, еще разъ открывается восхищенному взору нашему великолѣпное зрѣлище огромнаго озера, блестѣвшаго полосами подъ лучами солнца. Впрочемъ, по отдаленности его отъ мѣста наблюденія впечатлѣніе отъ него не такъ разительно, какъ незабвенная картина Охридскаго моря, какъ бы совсѣмъ васъ придавливающая къ землѣ своимъ величіемъ. Даже Касторійское озеро несравненно граціознѣе высматриваетъ, чѣмъ Янинское. Предстоитъ опять длинный и опасный спускъ въ глубокую равнину. Пришлось сойти съ лошадей и вести ихъ въ поводахъ. А между тѣмъ туча стала надъ головой, и то-и-дѣло напоминала намъ, что и безъ того скользкая стежка въ одну минуту

могла превратиться подъ ногами нашими въ катушку. Къ счастію, главная масса тучи шла поодаль отъ насъ, вѣроятно надъ самымъ городомъ, еще не различаемымъ нами частію за дальнимъ разстояніемъ, частію за дождемъ. Насъ только „вспрыснуло", да и то уже на низовьяхъ горы, гдѣ не было опасности споткнуться и упасть. Вся процедура спуска длилась съ полчаса. Можно представить, потому, какъ высоко лежитъ то *Загорье*, которое вчера съ снѣжныхъ вершинъ Пинда казалось намъ въ такой глубинѣ! Эта вторая глубина дѣлаетъ ту возвышенностію, но и сама она все еще есть весьма значительная высота сравнительно съ ожидающимъ насъ гдѣ нибудь морскимъ берегомъ, на который уже хотѣлось бы поставить истомленныя стопы свои.

Хотя не къ тому желанному, а все таки къ какому то берегу подъѣзжаемъ и спѣшиваемся съ коней своихъ. Не то рѣка, не то каналъ передъ нами, искуственный или естественный, соединяющій двѣ неравныя массы воды, — сѣверную, меньшую, зовомую *Лапсиста* или (по Пуквилю) *Лáбшиста* и южную, большую, составляющую собственно Янинское озеро. Огромный платанъ принялъ насъ подъ свои развѣсистыя вѣтви, какихъ сценъ дневныхъ и ночныхъ (и особенно послѣднихъ) не видавшія въ своемъ пустынномъ одиночествѣ, въ недавнее сравнительно время ужаснаго Аали! Теперь все тихо было подъ нимъ, привѣтно и привлекательно. Сосѣдній ханъ съ галлереею кругомъ, и густо зеленѣющая полянка во всѣ отъ него стороны придавали мѣсту дѣйствительно поэтическій колоритъ, какъ мнѣ и казалось еще съ горы. Ханьджи вынесъ намъ кофе, и узнавъ, кого имѣлъ честь принимать, готовъ былъ разсыпаться передъ нами въ тысячѣ ненужныхъ услугъ и простыхъ вѣжливостей. Намъ, однакоже, былъ данъ благій совѣтъ „не отдыхать до сыта", потому что мѣсто сырое, а теперь, послѣ дождя, и совсѣмъ не рекомендуемое. И ханъ и платанъ не даромъ украшаютъ его собою. Тутъ переправа черезъ упомянутый

каналъ. Потребованъ былъ съ того берега паромъ. Търпко сдалъ на него лошадей нашихъ, заставилъ насъ, по существующимъ положеніямъ, заплатить впередъ перевозную плату (24½ піастра), усадилъ насъ на почетныхъ мѣстахъ парома, и скомандовалъ παιδιά, ἐμπρός! Для меня не было сомнѣнія, что и во времена царя *Пирра* тутъ же и такъ же переправлялись загоряне въ *Куренту*, и Куренцы въ *Загорье*, только конечно первые назывались тогда какъ-нибудь болѣе классически, напр. *Парореями* или *Перрэвами*, а вторые *Молоссами* или *Молоттами*. Чуть мы перебрались на зеленые луга послѣднихъ, и сѣли на отдохнувшихъ коней своихъ, какъ спутники мои, почувствовавъ себя — не въ осудъ будь исторіи! — и Молот*т*ами и Моло*х*ами вмѣстѣ, т. е. проще сказать: молодцами, гикнули, гаркнули и — только мы ихъ и видѣли съ Търпкомъ! Все это совершилось въ глазахъ, такъ сказать, самаго Зевса Додонскаго потому что, по Пуквилю, *Додона* находилась какъ разъ противъ переправы. Я и заговорилъ было объ этомъ обстоятельствѣ съ своими, когда мы были еще въ Перрэвіи, т. е. подъ платаномъ, но меня завѣрили честнымъ словомъ, что Додона лежитъ на *томъ* берегу озера, куда и ѣздятъ всѣ отыскивать ее. „Лежитъ" и „отыскивать"! — подумалъ я. Значитъ, старуха-то еще на двое сказала, — заключилъ я совершенно подъ стать знаменитому прорицалищу. За минуту отъ городскихъ воротъ насъ поджидали наши наѣздники — цѣлые и невредимые. Всѣ вмѣстѣ мы вступили въ городъ, огласивши стукомъ ногъ своихъ животныхъ его кривыя, но чистыя и порядочно вымощенныя, и на тотъ разъ совсѣмъ вымытыя дождемъ, улицы. Ради полдневой поры онѣ были пусты, и мы, незамѣченные никѣмъ, тихо подъѣхали къ консульской квартирѣ, гдѣ тоже, повидимому, никому не было дѣла до насъ. Какая разница съ нашимъ шумнымъ въѣздомъ въ Битоль! Но есть время всякой вещи подъ небесемъ. Квартира оказалась большая, чистая, свѣтлая, въ центрѣ города, по близости Митрополіи, вполнѣ достойная чести быть Русскимъ Консульствомъ,

такъ обаятельно звучащимъ въ слухъ христіанскаго населенія въ провинціальныхъ городахъ Турціи, и въ частности въ Эпирѣ, гдѣ большинство жителей христіане православные. Весь остатокъ дня, естественно, посвященъ былъ одному отдыху и оконному ознакомленію съ мѣстностью. Озера только малая часть видѣлась изъ дома. Сосѣдніе дома мѣшаютъ любоваться имъ. Только далекій Пиндъ свободно рисуется на восточномъ горизонтѣ, по мѣстамъ убѣленный снѣгомъ. Отдѣльною громадою стоитъ южнѣе его гора *Джумерка* или *Цумерка*, подходящая уже къ границамъ Греціи. Отъ нечего дѣлать срисовалъ этотъ видъ, на сколько хватило умѣнья. При домѣ есть и небольшой садикъ, въ которомъ мы сочли долгомъ подышать чистымъ вечернимъ воздухомъ, какъ будто мало дышали имъ цѣлые дни и еще — на горахъ! Скоро, однакоже, нежданная сипота въ голосѣ, напомнившая намъ, что мы-въ Эпирѣ, славномъ своими болотами, вогнала насъ обратно въ комнаты.

Іоаннина. 11 Іюня вечеръ.

Точнѣе слѣдуетъ перевесть: *Іоаннины* (множественное число) съ греческаго: Τὰ Ἰωάννινα. Имя города очевидно христіанское, и даже въ христіанствѣ не очень древнее, едва выходящее за переживаемое нами тысячелѣтіе. Упоминается оно у историковъ, и именно у *Анны Комниной* [1]). О началѣ если не города, то имени его, *хронографія*

[1]) Свидѣтельство это находятъ у нея въ двухъ мѣстахъ (кн. V. гл. IV), дважды употребившей имя: Ἰωάννινα. Но можно бы еще думать, что тутъ описка или опечатка, и что вмѣсто Ἰωάννινα надобно читать Κάννινα (Canina), крѣпость возлѣ приморскаго города *Авлона*. Такая ошибка указывается у ней самой хронографіей только въ другомъ мѣстѣ, а именно въ кн. V. гл. 1. писательницы. Но если ей тамъ было мѣсто, то могло быть и здѣсь. Въ обоихъ случаяхъ Императоръ Алексій спасается, послѣ своего пораженія, въ Охридѣ. Въ первый разъ это было совершенно естественно. Пораженіе произошло у Диррахія (Дураццо), и первый надежный пунктъ ищущаго спасенія могъ быть именно

Эпира гадаетъ слѣдующимъ образомъ. На самомъ выдающемся пунктѣ полуострова, занимаемаго теперь городомъ, существовалъ въ старину подобно столькимъ другимъ пустынный монастырь, посвященный св. *Іоанну* Предтечѣ. По удобству мѣста при немъ образовали поселокъ, поселокъ разросся въ городъ, городъ подавилъ собою монастырь.. повтореніе, значитъ, Битольской исторіи, темной, какъ и та, отъ темноты вообще среднихъ вѣковъ. Такъ ли было, кто можетъ сказать? По крайней мѣрѣ, это ничуть не хуже попытки навязать городу Ктитора одного изъ императоровъ, *Іоанна* по имени (*Цимисхія*, *Дуку*, *Комнина*). Какъ бы то ни было, исторія, освѣтившая это мѣсто въ 1081 г., находитъ Іоаннину уже значительною крѣпостію, — мѣстомъ богатымъ и цвѣтущимъ. Во все продолженіе растеряннаго царствованія Палеологовъ, городъ по необходимости раздѣлялъ общую участь края, то есть подчинялся первому, кто имъ такъ или иначе овладѣвалъ, всего же болѣе колеблясь между *Императоромъ* и *Деспотомъ*, то есть владѣтелемъ Эпира и Этоло-Акарнаніи, распространявшимъ въ разныя времена различно предѣлы своихъ владѣній, и резиденціей своей имѣвшимъ не рѣдко самую Янину. Изъ періода этого сохранились неложными памятниками его два Хрисовула Имп. *Андроника старшаго* 1319 и 1321 годовъ. Первый относится вообще къ городу, второй собственно къ Янинской Церкви. Изъ обоихъ документовъ

въ Охридѣ. Еслиже предположить, что вторичное пораженіе его было около Янины, то между нею и Охридою можно было найти съ десятокъ удобныхъ для спасенія мѣстъ. Да и прямо говорится (у Анны Комниной) о семъ вторичномъ пораженіи, что Алексѣй попалъ въ Охриду черезъ *Струги* (διὰ τῶν Στρουγῶν). А мѣсто сего имени находится къ сѣверо-западу отъ Охриды, совершенно въ противоположную отъ Янины сторону. Возраженіемъ противъ сего можетъ служить то, что писательница отличаетъ Κάνινα отъ Ἰωάννινα, и что говоря о послѣднемъ городѣ, ставитъ въ связи съ нимъ округъ *Вагенетію* (διὰ τῆς Βαγενητίας τὰ Ἰωάννινα), упоминаемый и въ сказанныхъ хрисовулахъ 1321 и 1361 годовъ,— лежащій къ юго-западу отъ Янины.

видно, что въ началѣ XIV вѣка городъ уже процвѣталъ дѣйствительно, а не гадательно. Изъ той же эпохи и приставшій къ Палеологамъ „царь“ *Симеонъ* почтилъ городъ своимъ хрисовуломъ 1361 г. Онъ можетъ считаться представителемъ стороны Деспотовъ, ибо въ дѣйствительности былъ таковымъ, на сколько къ его времени уцѣлѣло изъ державы перваго *Михаила*, и втораго по немъ *Өеодора*, съ которымъ мы уже познакомились въ краткомъ изложеніи Солунскаго царства.

Своеобразное и весьма любопытное явленіе представляетъ собою эта держава пресловутыхъ Деспотовъ, въ свое время игравшая такую важную или и прямо фатальную роль въ дѣлахъ разлагавшейся и улетучивавшейся имперіи, равно тяжелая и ненавистная и своимъ и чужимъ, а равно не любившая ни Византію ни Европу, ни славянъ ни албанцевъ и никого на свѣтѣ, кромѣ своего sic volo. Для того, кто привыкъ укладывать историческія событія въ готовую рамку дѣлъ, лицъ, мѣстъ, эпохъ, встрѣтится при изученіи ея цѣлая масса неясностей, неточностей и прямыхъ несообразностей, могущихъ отбить всякую охоту къ изслѣдованіямъ у человѣка. Самое простое обстоятельство: гдѣ средоточилась правительственная жизнь Деспотства въ теченіе 200 слишкомъ лѣтъ ускользаетъ отъ яснаго представленія. То *Арта*, то *Янина* фигурируютъ въ значеніи столицы, то выступаютъ вдругъ на первый планъ *Касторія, Аргиро-Кастро, Превеза, Авлонъ*.. Впрочемъ, подъ конецъ эфемернаго бытія державы лжеименныхъ *Ангеловъ*, наша Янина выступаетъ положительно съ характеромъ столицы или хотя резиденціи властителя края. Находясь теперь въ ней, я какъ бы долгомъ своимъ считаю, на сколько могу, уяснить себѣ и размѣтить по станціямъ тотъ маршрутъ, которымъ шла съ 1204 по 1430 годъ хаотическая исторія отложившихся отъ имперіи областей, центромъ, и какъ бы знаменемъ коихъ былъ все таки древній Эпиръ, чтобы хотя какая нибудь образовалась канва для желающаго дѣлать историческіе наброски, могущіе освѣтить темную и вообще печаль-

ную, но любопытную фазу тоже въ своемъ родѣ „борьбы за существованіе“ (входящей теперь въ такую моду), только борьбы не безсознательно-разумной и цѣлесообразной, а большей частію безцѣльной и какъ бы разумно-глупой!

Думаемъ, не разъ уже у насъ выпало слово о *Комнино-Палеологахъ*, какъ о чемъ-то цѣльномъ, непрерывномъ, столько фатальномъ для Византіи и унаслѣдованнаго ею императорскаго принципа. Но между Комниными и Палеологами исторія поставила еще запятую такъ сказать, — живую иронію подъ именемъ *Ангеловъ*, изъ худыхъ наихудшихъ державцевъ Константинова престола, накликавшихъ на него первую (латинскую) катастрофу. Эта-то забракованная въ Византіи, затертая и развѣянная по міру фамилія вдругъ ярко блеснула и загремѣла въ далекомъ и глухомъ краю, который кстати тогда напомнилъ всѣмъ свое классическое имя *Эпира*. Для полноты слова, повторимъ еще разъ родословіе перваго Деспота Эпирскаго. У императора *Алексія I Комнина* было 3 сына и 4 дочери. Имена послѣднихъ: *Анна* (писательница), *Марія*, *Евдокія* и *Θеодора*. Царевенъ тогда выдавали замужъ за *своихъ*, подданныхъ имперіи, славныхъ или родомъ или заслугами или инымъ чѣмъ, дававшимъ право на высокую почесть родства съ царствующимъ домомъ. Младшей изъ упомянутыхъ Царевенъ выпалъ такимъ образомъ жребій быть женою не знатнаго и неславнаго, но за то прекраснаго юноши *Константина*, по отцу ли носившаго фамилію *Ангела*, или именно за свое пригожество такъ прозваннаго. Отъ четы этой родились четыре сына и двѣ дочери. Изъ сыновей получили извѣстность *Андроникъ* и *Іоаннъ*. Первый былъ отцомъ *Исаака* и *Алексія* бывшихъ одинъ за другимъ императорами. Отъ втораго *Іоанна*, носившаго титулъ *Севастократора*, родились тоже четыре сына: *Исаакъ*, *Θеодоръ*, *Константинъ* и *Мануилъ*. Но, какъ полагать надобно, ихъ всѣхъ старше былъ незаконно прижитый родителемъ *Михаилъ*. Сему-то, непатентованному законностью, и

суждено было начать собою рядъ государей Эпирскихъ. По завоеваніи крестоносцами Константинополя и по введеніи феодальной системы въ новозавоеванной имперіи, Михаилъ, несмотря на то, что носилъ имя царствовавшей династіи, присталъ къ чужеземному престолодержцу, и приглядѣвшись къ новому двору Латинско-Византійскому, носившему въ себѣ всѣ зачатки несостоятельности, и въ тоже время будучи одаренъ предпріимчивымъ духомъ, отправился изъ Константинополя за сильнѣйшимъ изъ вассаловъ Имперіи, *Бонифаціемъ* Солунскимъ искать себѣ счастія, но свернулъ съ дороги, и очутился далеко за Ѳессалоникой въ приморскомъ городѣ *Диррахіѣ*, правитель котораго вѣроятно не зналъ, которой изъ Имперій принадлежитъ онъ вмѣстѣ со всѣмъ поморьемъ, Ласкаревой или Балдуиновой. Михаилъ съ разу рѣшилъ недоумѣніе чиновника, женившись на его дочери и завладѣвши мѣстомъ на правахъ конечно трехъ послѣднихъ династій— *Дукъ*, *Комниныхъ* и *Ангеловъ*. Въ теченіе какого нибудь года вдругъ его ловкостію и неустрашимостію образовалась новая держава, по кличкѣ греческая, въ существѣ же сбродная и разнонародная, упиравшаяся западными предѣлами своими въ Адріатическое море, и эластично касавшаяся съ сѣвера и востока владѣній Бонифація и земель славянскихъ. На продѣлки мирнаго завоевателя некому было обратить должное вниманіе. Дѣла у всѣхъ было, какъ говорится, по горло. Оттого рискованное [1]) предпріятіе его и увѣнчалось, можетъ быть для него самаго неожиданнымъ успѣхомъ. Съ него мы и начнемъ свой пробный списокъ Деспотовъ *Этоло-Акарнанійскихъ*.

---

[1]) Вагабондажу, онъ, впрочемъ, могъ научиться и раньше. Оба сродные братья его *Исаакъ* и *Алексѣй*, — потомъ Императоры — не мало времени жили при дворѣ Египетскаго калифа *Салахъ Эддина* (Саладина), съ которымъ и свели тѣсную дружбу. Весьма возможно, что съ ними и вся семья *Ангеловъ* жила тамъ же.

1. МИХАИЛЪ I (Ивановичъ) [1], 1204 — 1216 г. Послужной списокъ человѣка, какъ у насъ привычно выражаться, замаранъ не разъ и неодинакимъ образомъ. Еще юношей онъ былъ заложникомъ со стороны своего родственника, императора *Исаака*, при Германскомъ императорѣ *Фредерикѣ I*, ведшемъ европейское ополченіе *третьяго* Крестоваго похода въ Палестину, — въ 1189 г. Это могло послужить для него школою шатательства по свѣту, автономическихъ затѣй, измѣнчивости и лживости. Плевельныя сѣмена эти пали на весьма пригодную землю: бывъ разъ посланъ императоромъ (Алексіемъ II) для сбора податей въ одну провинцію, онъ тамъ отложился отъ него и самъ пожелалъ царствовать. Случиться это могло послѣ 1195 года. Побитый посланнымъ противъ него войскомъ, онъ бѣжалъ къ султану Иконійскому — въ 1201 году, ища у него спасенія, и въ слѣдующіе за тѣмъ годы съ помощію его раззорялъ города своего отечества. Съ паденіемъ своей династіи и покореніемъ родной страны иноземцами, присталъ къ послѣднимъ — въ 1204 г. Въ томъ же и въ слѣдующемъ году образовалъ свою державу,—вассальную законнаго самодержца Никейскаго, и, насколько могъ, подкапывался подъ чужеземцевъ. А въ 1209 г. заключилъ союзъ съ латинскимъ властелемъ Константинополя и назвалъ себя его вассаломъ, но въ тоже время сошелся и съ бывшимъ императоромъ Византіи Алексіемъ III. Систематически отнималъ у латинцевъ приморскіе города, забранные ими, и обѣщалъ папѣ подчиненіе себя и всей страны. Такъ онъ игралъ вещами божескими и человѣческими до самой своей кончины. Увлекаясь какимъ-то фатальнымъ внушеніемъ или предчувствіемъ, онъ еще въ полномъ цвѣтѣ силъ, назначилъ себѣ преемника (обходя собственнаго сына) — своднаго брата своего *Θеодора*, проживавшаго при

---

[1]) Для большей ясности и впечатлительности, мы позволяемъ себѣ величать Деспотовъ по отчеству.

дворѣ Никейскомъ. Чуть тотъ прибылъ на свое нежданное наслѣдство, какъ Михаилъ кончилъ дни свои убитый слугою своимъ ночью въ постелѣ, вмѣстѣ и съ женою, коея имя осталось для исторіи неизвѣстнымъ. Послѣдовало это печальное и открытое для многихъ гаданій обстоятельство въ 1216 году.

2. ѲЕОДОРЪ (Ивановичъ), 1216 — 1230. Мы съ личностію этою уже хорошо знакомы. Своими завоевательными планами и успѣхами второй Деспотъ далеко оставилъ за собою перваго, и вполнѣ оправдалъ расчеты и надежды того. Начиная съ сосѣдней Ѳессаліи, онъ забиралъ въ свои руки все, что уже два—три столѣтія привыкло переходить отъ одного властителя къ другому, наконецъ цѣликомъ взялъ все царство Солунское, добрался до Адріанополя, возмечталъ о настоящемъ самодержавіи и короновалъ себя Императоромъ въ 1222 г., какъ бы совсѣмъ игнорируя и Константинопольскаго и Никейскаго вѣнценосцевъ, но всѣ шумныя затѣи его обратилъ въ ничто сѣверный сосѣдъ его болгарскій краль Асень II, побѣдивши, взявши въ плѣнъ и ослѣпивши, по жестокому обычаю эпохи, новаго Августа въ 1230 году.

3. МИХАИЛЪ II (Михайловичъ), 1230—1267 г. Прямой наслѣдникъ былъ Деспота Михаила I, и также какъ отецъ, незаконнорожденный, но также, какъ онъ, способный на всѣ руки. Пока держfeatured жавствовалъ сперва въ Эпирѣ, а потомъ чуть не на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, его дядя, онъ жилъ гдѣ-то въ неизвѣстности. Но чуть того постигло великое несчастіе, возведшее на престолъ его, его меньшаго брата *Мануила*, человѣка слабаго и неспособнаго, онъ вдругъ явился во владѣніяхъ отца своего, на правахъ законнаго Деспота, и отдѣлилъ ихъ политически отъ эфемерной Имперіи Ѳессалоникской, а когда умеръ и Мануилъ, выгнанный племянникомъ *Іоанномъ* (сыномъ Ѳеодора) властвовать изъ Ѳессалоники въ Ѳессалію, то забралъ по сосѣдству и его владѣнія, черезъ что и сдѣлался настоящимъ государемъ тогдаш-

ней *Эллады*, опричъ южной оконечности ея, отошедшей къ франкамъ и ими мужественно отстаиваемой. Подобно отцу и дядѣ, онъ также приставалъ то къ Никейскому, то къ Константинопольскому дворамъ. Отъ перваго онъ получилъ санкцію обоего деспотства, и чуть-было даже не женился на дочери императора Θеодора II (Ватаци-Ласкара), а потомъ возсталъ противъ него, добиваясь вѣроятно расширенія обоихъ владѣній до предѣловъ дядиной монархіи, но разбитъ былъ наголову на поляхъ Пресны императорскимъ войскомъ въ 1259 г., что̀ нѐ помѣшало однако-же ему потомъ снова быть въ ладу съ возстановленной въ Византіи Имперіей, и снова ополчиться противъ нея въ 1264 году [1]). Неугомонный человѣкъ скончался въ 1267 г. Онъ былъ женатъ на славной своимъ благочестіемъ *Θеодорѣ* изъ фамиліи *Петрамировъ*, отъ которой имѣлъ трехъ сыновей: *Никифора, Іоанна* и *Димитрія* [2]) (иначе Михаила) и трехъ же дочерей, но, по блаженному обычаю времени или своего рода, имѣлъ также и двухъ незаконныхъ сыновей: *Θеодора* и *Іоанна*, изъ коихъ послѣднему—своему любимцу—далъ въ удѣлъ Θессалію, самъ первый ослабивши такимъ образомъ свою державу, и изъ одного сдѣлавши два деспотства. Іоаннъ былъ признанъ потомъ въ своемъ достоинствѣ Палеологами и даже носилъ титулъ Севастократора (второй — по Автократорѣ или Самодержцѣ), и

---

[1]) По увѣренію Дюканжа (Familiae Byzantinae. с. 32. р. 170), онъ отнялъ у Михаила Палеолога Солунь, и короновался по примѣру дяди, императоромъ. Но объ этомъ совершенно молчатъ Византійцы. Ссылка Дюканжа на Пахимера (кн. 1, гл. 30) оказывается ошибочною.

[2]) Объ *Іоаннѣ* извѣстно, что онъ жилъ въ Константинополѣ, и женатъ былъ на дочери Торникія Севастократора, свояченицѣ брата перваго Палеолога—императора, именемъ *Іоанна*, тоже Севастократора. *Димитрія* историки называютъ зятемъ самого императора Михаила I, женившимся на дочери его *Аннѣ*, а по смерти ея, на дочери Болгарскаго краля *Тертера*, уже разведенной съ кралемъ Сербскимъ. О потомствѣ обоихъ братьевъ ничего неизвѣстно. Третій братъ *Θеодоръ* палъ въ Пресненской битвѣ.

жилъ до 1282 года, имѣя резиденціей своей городъ Патры [1]) въ Пелопоннисѣ.

4. НИКИФОРЪ (Михайловичъ), 1267—1288 г. наслѣдовалъ отцу въ укороченныхъ предѣлахъ дѣдовскихъ владѣній. Онъ также былъ признанъ Деспотомъ отъ тестя своего императора Θеодора II, на дочери котораго Маріи (будто-бы той самой, которая была невѣстой отца его) онъ былъ женатъ. Это былъ изъ самыхъ тихихъ и дружественныхъ Имперіи Деспотовъ, не игралъ ни религіей, ни политикой, и былъ правитель хорошій, чѣмъ конечно обязанъ былъ прежде всего христіански-доброму материнскому воспитанію. Въ его время къ Эпирской державѣ присоединены были и сосѣдніе острова *Керкира* (Корфу), *Кефаллинія* и *Иθака*. По смерти Маріи, имѣлъ въ замужествѣ за собою *Анну* (Ивановну), племянницу Михаила I Палеолога [2]). Отчего всѣ послѣдующіе Деспоты Эпирскіе его рода, кромѣ *Комниныхъ-Ангеловъ*, писались еще и *Палеологами*. Отъ первой жены имѣлъ онъ дочь, соименную ей *Марію*, отъ второй сына *Θому* и дочь *Θамарь*. Умеръ въ 1288 году.

5. ΘОМА (Никифоровичъ), 1288—1318 г. малолѣтнимъ вступилъ на престолъ отеческій и правилъ страною подъ опекой матери своей, женившей его на своей двоюродной племянницѣ, тоже *Аннѣ* (Михайловнѣ), дочери императора *Михаила II Палеолога* (не царствовавшаго) и сестрѣ императора Андроника Младшаго. По случаю брака

---

[1]) Вѣрнѣе, что надобно разумѣть *Новыя-Патры*, городъ въ Θессаліи, называемый попросту: *Патраджикъ*, или по ученому: *Ипати* (Ὑπάτη).

[2]) Эта вторая *Анна* должна быть дочь упомянутаго выше *Іоанна Севастократора*, Михаилова брата. Надобно представлять это потому, что у обоихъ братьевъ было по дочери Аннѣ. Множество тожественныхъ именъ въ фамиліяхъ Комниныхъ и Палеологовъ вноситъ крайнюю сбивчивость въ изложеніе событій временъ тѣхъ. Образчикъ сего намъ представляетъ ученый и осторожный *Дю-Канжъ*, утверждающій, что Анна, по смерти мужа, вышла за убійцу его Θому, Кефаллинійскаго графа! См. XL. Stemma Palaiologorum.

сего, Θома тоже пожалованъ въ Деспоты отъ имени императора Андроника Старшаго. Супружество это было бездѣтнымъ. Въ 1318 году Θома былъ убитъ своимъ шуриномъ, мужемъ сводной сестры Маріи, *Іоанномъ*. Съ нимъ пресѣкся по прямой линіи домъ Михаила I. Наслѣдство перешло на старшую сестру Марію, которой помощникомъ, повѣреннымъ, соправителемъ явился мужъ ея

ІОАННЪ, графъ Кефалонскій и Закинѳскій, 1318—1324 г. Онъ былъ французъ родомъ, но изъ какой фамиліи, неизвѣстно. Негдѣ отыскать и справиться, чтó именно произошло между братомъ и сестрой или вѣроятнѣе между нимъ и ея мужемъ. Но его, а не другаго кого, современники обвиняли въ убійствѣ Θомы. Мотивъ овладѣнія престоломъ былъ-бы самымъ подходящимъ при этомъ. Но Іоаннъ оказывается хорошимъ человѣкомъ. Чтобы совершенно сойтись съ своими подданными, онъ даже перешелъ изъ латинства въ православіе. Борьба между императорами дѣдомъ и внукомъ (Андрониками Старшимъ и Младшимъ) помогла ему утвердиться на деспотствѣ. Властвовалъ онъ предположительно до 1324 года, оставивъ послѣ себя двухъ дѣтей *Θому* и *Іоанна* [1]). Къ его времени можно относить первую, неудачную

---

[1]) Въ семъ пунктѣ историческаго каталога *Деспóтовъ* мы слѣдуемъ исключительно «Хронографіи Эпира», ставящей двѣ пары Θомъ и Іоанновъ, одну вслѣдъ за другою. Но надобно признаться, что у современныхъ историковъ (Акрополита, Пахимера, Григоры и Кантакузина) дѣло представляется весьма неяснымъ. Они говорятъ объ *одномъ* Θомѣ, сынѣ Никифора и объ *одномъ* Іоаннѣ, называемомъ ими то *Дукой* (δοὺξ, а по Кантакузину—Δοῦκας, т. е. изъ фамиліи *Дука*), какъ-бы княземъ или, по теперешнему, герцогомъ, то *Контомъ* (Κόντος—графъ, comte)—по Григорѣ. Онъ самый (Кантакузинъ) и былъ женатъ на Аннѣ (Андрониковнѣ) и имѣлъ сына Никифора. Умеръ же въ 1335 г. Чей сынъ былъ, историкъ не говоритъ. Но упоминаетъ также вскользь и о Дес отѣ Θомѣ, женатомъ на дочери императора Михаила II, Аннѣ, котораго (Θому) называетъ сыномъ Деспота Никифора. Выходилъ бы по сему рядъ Деспотовъ слѣдующій: *Никифоръ I*, *Θома*, *Іоаннъ*, *Никифоръ II*. Іоаннъ этотъ совпадалъ бы съ нашимъ Іоанномъ II (Ивановичемъ). По историку же Никифору Григорѣ, дѣло представляется въ такомъ видѣ: Анна (Михайловна)

попытку Имперіи (Андроника Старшаго) поглотить въ себя монархію Деспотовъ.

ѲОМА II (Ивановичъ) наслѣдовалъ отцу. О немъ извѣстно только то, что онъ сосваталъ за себя племянницу императора Андроника (Старшаго?) еще разъ именемъ *Анну* (Андрониковну), которая и прибыла въ Эпиръ, чтобы повѣнчаться со своимъ женихомъ, но прежде, чѣмъ это случилось, Ѳома былъ убитъ младшимъ братомъ. Когда и какъ и почему произошло это новое братоубійство, неизвѣстно.

ІОАННЪ II (Ивановичъ) воцарился вмѣсто брата и женился на его невѣстѣ, которая и отравила его за его жестокости въ 1335 году, имѣя отъ него трехъ дѣтей, одного — мужескаго и двухъ — женскаго пола.

НИКИФОРЪ II (Ивановичъ). Вступилъ на престолъ семилѣтнимъ мальчикомъ. Править же страною взялась мать его *Анна*. Въ виду такого ненадежнаго положенія державы, когда-то сильной и грозной, Имперія, въ лицѣ Андроника Младшаго (съ Кантакузинымъ), сдѣлала вторичную попытку присоединить ее къ себѣ, и на сей разъ

выходитъ за-мужъ за Ѳому, и ее же имѣетъ потомъ, убившій Ѳому *Контъ* (безъ имени), названный племянникомъ (ἀδελφιδοῦς—сынъ сестры или брата) убитаго. При вторичномъ упоминаніи о случаѣ (убійствѣ) Контъ (опять безъ имени) называется Кефаллинійскимъ. Наконецъ, безыменный убійца является у писателя уже прямо Деспотомъ Этоло-Акарнанійскимъ *Іоанномъ!* Умираетъ же онъ насильственною смертію «служившей ему, равно «какъ и бывшему передъ нимъ Деспоту, казнію. Ибо онъ убилъ своего брата, какъ тотъ «убилъ брата своей матери, и тѣмъ досталъ себѣ деспотство. Поелику казнь привыкла «давать себя знать, наконецъ, въ подобныхъ случаяхъ, то и онъ насильственно лишился «жизни отъ тайно поданнаго ему женою яда. Сдѣлала же она это, чтобы упредить свою «собственную погибель. И такимъ образомъ она стала преемницей власти въ Этоло-Акар«наніи, съ двумя своими дѣтьми». (Кн. XI, гл. 3). Дѣтей писатель разумѣетъ конечно Ѳому и Іоанна, которыхъ вообще придаютъ Аннѣ II (Михайловнѣ). Но изъ дальнѣйшаго разсказа того же писателя открывается, что вдова Конта Іоанна ищетъ передать свои владѣнія императору Андронику Младшему, и что она есть дочь Протовестіарія Андроника (тоже изъ Палеологовъ), слѣдовательно это уже Анна III (Андрониковна), которая не

гораздо успѣшнѣе. Послѣдовало формальное отреченіе правительницы съ сыномъ отъ верховныхъ правъ надъ страною. Анна сдѣлалась пенсіонеркою Имперіи, а Никифора обручили съ дочерью Великаго Доместика (Кантакузина). Но своего рода зилоты, ревновавшіе объ автономіи страны, успѣли тайно отправить (около 1341 года) Никифора въ Италію къ его родственникамъ, а вскорѣ за тѣмъ и мать его съ двумя дочерьми бѣжала изъ Солуня въ свои бывшія владѣнія, но на дорогѣ попалась въ руки царскаго правителя Θессаліи, тоже возвращенной уже Имперіи, для которой занялась какъ-бы заря обновленія на ея западныхъ предѣлахъ. Но со смертію Андроника Младшаго, новое междоусобіе императоровъ *Іоанна V Палеолога* и тестя его императора *Іоанна Кантакузина* испортило все. Имъ воспользовался третій претендентъ на Эпиръ и Θессалію, властитель сѣвера *Стефанъ* Сильный, *Душанъ*. Въ 1346 году онъ подчинилъ своей власти обѣ бывшія Деспотіи—Эпирскую и Θессалійскую, и поставилъ правителемъ первой своднаго брата своего *Симеона*, а второй — нѣкоего *Премюба* или *Пряліба* (Πρεάλιμπος — у Грековъ) или *Прилапа* „мужа благоу-

могла быть женою Θомы I (Никифоровича), и надобно предположить, что былъ другой Θома (Ивановичъ), какъ это и дѣлаетъ «Хронографія», а слѣдовательно и другой Іоаннъ, но вѣроятно различный отъ Конта, женившійся на ней, и имѣвшій отъ нея сына Никифора и двухъ дочерей. Григорà такимъ образомъ предположительно смѣшалъ двухъ Іоанновъ убійцъ въ одно лицо. Но, и допустивши это смѣшеніе, все же нѣтъ возможности объяснить его выраженіе: «онъ убилъ своего брата, какъ тотъ убилъ брата своей матери». Видно только, что было два убійства, походившія другъ на друга. Ни дѣйствительно существовавшій Θома (I-й по нашему списку), ни предполагаемый (Θома II-й) не могутъ идти за убійцъ. Таковыми выступаютъ только Іоанны, или лучше одинъ Іоаннъ I Контъ, какъ видно изъ Григоры, отравленный своею женою, кто бы она ни была, Анна ли Михайловна, Анна ли Андрониковна или, наконецъ, Марія (Никифоровна). Прибавимъ ко всему вышесказанному, что выраженіе писателя: Братаничъ (ἀδελφιδοῦς) или точнѣе: сестреничъ, невызываемое совершенно положеніемъ дѣйствующихъ лицъ, и заставляющее племянника убійцу жениться на своей теткѣ, кладетъ окончательный мракъ на неясное дѣло.

годнаго" (у Раича) „превосходившаго другихъ смысломъ, смѣлостію и военною опытностью" [1]) (Кант.).

СИМЕОНЪ или Симонъ (у Кантакузина), сынъ краля *Стефана* Дечанскаго и *Маріи*, внучки императора Михаила I Палеолога, подписавшійся подъ упомянутымъ нами Хрисовуломъ 1361 г. „Самодержцемъ Римлянъ (Грековъ) и Сербовъ". Несомнѣнно, это тотъ самый Симеонъ *царь*, съ именемъ котораго мы встрѣтились въ Касторійской ктиторской замѣткѣ 1352 г. Тамъ онъ не называется, конечно, Деспотомъ, но что онъ былъ имъ, это несомнѣнно. Хронографія резиденціей его указываетъ городъ *Арту*—вѣроятно только на основаніи сказаннаго Хрисовула, но видно, что власть его простиралась и на Касторію. Чтобы совсѣмъ прикрѣпить себя, такъ сказать, къ странѣ, подпавшей подъ его самодѣльный скипетръ, Нееманичъ-Палеологъ вздумалъ еще породниться и съ Комнино-Ангелами, и женился на дочери послѣдняго Деспота Іоанна и сестрѣ Никифора II (все еще малолѣтняго, конечно) *Ѳомаидѣ*. Управлялъ своими областями муже-

---

[1]) Однако же по *Лаоникову* перечню поставленныхъ Душаномъ въ разныя области своей державы правителей оказывается, что начальникомъ Этоліи былъ *Прялупъ*, а Ѳессаліи (τὰ ἀμφὶ τὴν Τρίκην καὶ Καστορίαν) нѣкто *Николай Жупанъ*. О Симеонѣ или Синиссѣ (*Синишъ*—по Раичу) нѣтъ у него и помину при этомъ. Какъ согласить эту разность, не знаемъ. Развѣ предположить, что знаменитый «Romaniae, Sclavoniae et Albaniae imperator», смотря вдаль и вширь, просмотрѣлъ стоявшаго обруку съ нимъ брата, какъ по всему видно, крѣпко помнившаго, что онъ не только кралевичъ, но еще и Палеологъ, и чтобы дать безопасный исходъ его силамъ и помысламъ, замѣстилъ имъ *Николая Жупана* или точнѣе — *Прялупа*, которому достались Жупановы владѣнія. Съ страннымъ именемъ этого Ѳессалійскаго намѣстника мы не знаемъ, какъ поступить. Славянинъ Раичъ читаетъ его: *Прилапъ*. Кантакузинъ слышитъ въ немъ: *Преалимбосъ*, ему слѣдуетъ и «Хронографія Эпира». По Лаонику имя произносится: Πριαλούπις и Πριαλούπας, т. е. Прялупъ. Мы предпочитаемъ слѣдовать весьма точному писателю Кантакузину, слышавшему въ концѣ слова звукъ славянскій *б* (μπ), и соединяя его съ Лаониковымъ ου, ищемъ въ немъ корня: *любить*, а не *лупить*. Во всякомъ случаѣ, если *Прелюбъ* отзывается натяжкой, то все же лучше замѣнить его *Прелѣпомъ*, чѣмъ *Прялупомъ* или *Прилапомъ*.

ственно и славно, обративши въ ничто новыя завоевательныя покушенія императора Кантакузина и отнявши у Өессалійскаго правителя Янину. По смерти брата Душана (1356 г.) онъ, уже именовавшій себя царемъ (Βασιλεύς), предъявилъ права на всю его державу, доставшуюся по наслѣдству племяннику того *Стефану Урошу V*. На сей конецъ онъ, выпустивши синицу изъ рукъ, погнался за журавлемъ въ небѣ, по нашей пословицѣ, отправился изъ своихъ владѣній воевать съ племянникомъ, слабымъ и неспособнымъ человѣкомъ, но вмѣсто него наткнулся на храбрыхъ воеводъ своего воинственнаго брата, напомнившаго своею судьбою исторіи еще разъ примѣръ Александра Македонскаго. Послѣ разныхъ и многократныхъ неудачъ, искатель приключеній вынужденъ былъ отказаться отъ своихъ затѣй и возвратиться въ свои владѣнія, но тамъ оказался уже другой, настоящій, законный Деспотъ —

НИКИФОРЪ II, неизвѣстно какъ и когда возвратившійся изъ Италіи, гдѣ возросшій и чѣмъ занимавшійся. Несомнѣнно, что въ виду утвердившейся въ родовыхъ владѣніяхъ его новой (Сербской) династіи, онъ поступилъ на службу Имперіи, и вѣроятно отъ шурина своего (императора Матөея Кантакузина) поставленъ былъ правителемъ Эгейскаго поморья, надъ которымъ тотъ начальствовалъ. Исторія застаетъ его въ городѣ *Эносѣ* губернаторомъ. Заслышавъ о новыхъ проискахъ своего зятя—царя, онъ немедленно, по выбытіи сего изъ предѣловъ его владѣній, отправился туда и безъ труда утвердился на престолѣ предковъ своихъ, чему, конечно, не мало помогло поднятое имъ знамя эллинизма, притѣсненнаго и попраннаго будто бы (мы видѣли это въ Касторіи Симеонова времени, неоставившаго по себѣ ни какихъ слѣдовъ Славянства!) Сербократіей. Не знаемъ, не было ли во всемъ этомъ болѣе Кантакузинской, чѣмъ чисто Эллинической подкладки? Симеонъ былъ слишкомъ Палеологъ, чтобы радѣть о немъ и стоять за него. Скоро однако же Никифоръ убѣдился, что отъ Импе-

ріи, какой бы она цвѣтъ ни носила, ему совершенно нечего ожидать, своихъ силъ, по удаленіи Сербскихъ дружинъ, нѣтъ никакихъ, чтобы бороться со врагомъ, а врагъ неотступно напиралъ на него съ сѣвера и запада подъ знаменемъ новой народности Албанской; вслѣдствіе всего этого, онъ придумалъ сдѣлать отчаянный скачокъ по направленію къ тому же Славянскому сѣверу, но помимо своего зятя, а именно рѣшился развестись съ Деспиной Анной (четвертой по фатальному капризу исторіи), и искать руки сестры бывшей жены Душана, Болгарской кралевны. Привелъ ли онъ это въ исполненіе, неизвѣстно, но жену свою [1]) оставилъ, отправивши ее сперва въ Арту, а потомъ въ Пелопоннисъ, гдѣ проживалъ на феодальномъ положеніи ея братъ Мануилъ (Кантакузинъ). Затѣмъ онъ завелъ войну съ безпокойными Албанцами, въ которой и погибъ въ 1358 г. Дѣтей по себѣ не оставилъ.

СИМЕОНЪ (вторично). Не успѣвши въ своихъ замыслахъ въ Сербо-Болгаріи, „Палеологъ" нашъ возвращался на свое „царство", но нашелъ тамъ уже другаго монарха, и притомъ своего близкаго родственника, выгнать котораго или не хотѣлъ, или не могъ, и удовольствовался тѣмъ, что оставилъ за собою клочокъ земли отъ Касторіи до Водены. Но чуть онъ провѣдалъ о бѣдственной кончинѣ шурина, поспѣшилъ завладѣть обоими южными деспотствами. Въ Эпирѣ онъ могъ сдѣлать это безпрепятственно, но въ Ѳессаліи встрѣтилъ сильнаго конкуррента, нѣкоего славо-грека (?) *Клапена* или *Хлапена,* женатаго на дочери покойнаго правителя страны *Прелюба,* и потому тоже какъ бы законнаго Деспота. Проходимцы Греко-Славяне поладили между собою безъ войны. Симеонъ даже выдалъ дочь свою *Ангелину* [2])

---

[1]) Lebeau (т. XX, стр. 363) называетъ ее *Маріей*, и утверждаетъ, что изъ-за нея и вышла у Никифора война съ Албанцами, будто-бы огорченными тѣмъ, что онъ поступилъ съ нею такъ несправедливо и жестоко.

[2]) «Хронографія» зоветъ ее *Ангеликой*, честя ее «женщиной благочестивой и благо-

за шурина Клапенова и Прелюбова сына, *Ѳому*. Между тѣмъ Эпироты, въ отсутствіе Симеона, соскучились правленіемъ Деспины Ѳомаиды, и потребовали себѣ у „царя“ особаго правителя,—кого нибудь изъ его родственниковъ. Тотъ, къ удивленію, охотно согласился на ихъ просьбу, и послалъ къ нимъ своего новопріобрѣтеннаго зятя, самъ же остался на прежнемъ положеніи.

ѲОМА III (Прелюбовичъ) принялъ такимъ образомъ бразды правленія въ 1367 году. Эпироты и въ частности Янинцы, приняли его восторженно, но вскорѣ жестоко поплатились за свою преждевременную радость. Человѣкъ оказался самыхъ дурныхъ наклонностей,—скряга, тираннъ и нечестивецъ. Особенно такимъ онъ сталъ выявлять себя по смерти своего тестя (неизвѣстно когда послѣдовавшей). Послѣ долгаго правленія своего, онъ былъ убитъ собственными тѣлохранителями 23 декабря 1385 г. въ 5-мъ часу ночи, съ согласія, какъ говорятъ современники [1]), жены его, влюбившейся будто-бы въ одного юношу

роднѣйшей, достолюбимой и народожеланной». *Хлапена* она считаетъ сербомъ, женившимся не на дочери, а на вдовѣ *Преалимба*, Ѳому же, сына сего послѣдняго, называетъ вслѣдствіе сего: πρόγονος τοῦ Χλαπένου, разумѣя, очевидно, подъ этимъ «пасынка». Повидимому, этого самаго Клапена дочь *Елена* была за-мужемъ за Маркомъ Кралевичемъ. Кантакузинъ называетъ его даже родственникомъ Душана, которому онъ измѣнилъ разъ, передавшись императору.

[1]) Странно, что Дюканжъ любовника Деспины называетъ *Иникомъ Давало*, испанцемъ родомъ, и заставляетъ ее выйти за-мужъ не за него, а за владѣтеля острова Кефалоніи изъ фамиліи *Токковъ*, хотя тоже утверждаетъ, что любовникъ имѣлъ вліяніе на всѣ дѣла правленія, и былъ ненавидимъ всѣми, кромѣ любившей его. Еще страннѣе, что Лаоникъ, передавая скандальную исторію Деспины, называетъ мужа ея не *Ѳомой*, а *Прялупомъ*, у котораго и «сынъ былъ того же имени». Но Деспотъ настолько былъ деспотомъ, тяжелымъ и противнымъ народу, что имя его не могло забыться, и перешло изъ рода въ родъ, и оно есть—Ѳома. Какая-то историческая фатальность связывается съ этимъ именемъ, которой нельзя не замѣтить. Перваго Ѳому убиваетъ шуринъ Іоаннъ, втораго—братъ, тоже Іоаннъ. И третій Ѳома тоже падаетъ отъ руки убійцы и тоже, повидимому, родственной, такъ какъ Изаулъ выходитъ братомъ Кефалонской Дукиссѣ, а не далѣе какъ

иностранца, по имени *Исава* или *Изаула*. Жители столицы (Янины) немедленно объявили правительницей страны оставшуюся вдову, Деспину *Ангелину*, вызвавъ на первый разъ въ совѣтники ей изъ Ѳессаліи ея брата *Іоасафа* [1]), тамошняго Деспота, сына же Ѳомы Прелюба совсѣмъ устранили отъ престолонаслѣдія. Впрочемъ, сейчасъ же оказалось, что „кесарю“ (такъ титуловался Іоасафъ) неудобно жить внѣ своихъ владѣній, а Ангелинѣ одной неудобно править государствомъ. Всѣмъ міромъ присудили потому вызвать изъ Кефалоніи брата тамошней Дукиссы Маріи (жены нѣкоего Леонарда) для управленія страною. И сей оказался... Изаулъ!

ИЗАУЛЪ (можетъ быть *Исавъ*, можетъ быть *Саулъ, Савлъ*..) не замедлилъ прибыть въ Янину, и 30 января 1386 г. сочетался бракомъ съ Ангелиной, и въ томъ же году получилъ изъ Константинополя знаки Деспотскаго достоинства, а въ слѣдующемъ году ловкій человѣкъ ѣздилъ уже на поклонъ къ Баязету въ завоеванный симъ послѣднимъ Солунь, служа, по пословицѣ, и нашимъ и вашимъ. Надобно думать, что онъ не забылъ въ тоже время сдѣлаться и православнымъ. По смерти Ангелины въ 1395 г. женился вторично на дочери албан-

---

за одно поколѣніе передъ тѣмъ этой Дукиссой была дочь Деспота Никифора, Марія же именемъ! И что всего страннѣе,—всѣ убійцы женаты потомъ на вдовахъ убитыхъ ими! Не есть-ли тутъ вся фатальность только одно историческое недоразумѣніе, — смѣшеніе именъ, лицъ и обстоятельствъ? Похоже какъ будто на то, что у насъ выражается пословицей: Слышалъ звонъ, да не знать, откуда онъ?

[1]) Откуда у Ангелины взялся братъ *Іоасафъ*? А что сталось съ дѣтьми Симеона, *Дукой* и *Стефаномъ?* Обоимъ имъ указывается мѣсто жительства (ссылки) Эллада. Отчего Симеонъ, исполняя просьбу Эпиротовъ, не послалъ княжить надъ ними котораго нибудь изъ сыновей? Правда, что перваго изъ нихъ ослѣпляетъ тесть — все тотъ же правитель *Клапенъ* — черезъ что человѣкъ дѣлается неспособнымъ къ управленію страной. Но второй? И не странно-ли: Симеонъ не только не мститъ Клапену за ослѣпленіе сына, но еще дружитъ съ нимъ, и выдаетъ за пасынка (или шурина) его дочь Ангелину! Хоть бы уже удержался отъ сего (онъ, или историкъ его) канонами церкви, возбраняющими бракъ между родными.

скаго вождя Іоанна Спаты [1]), *Иринъ*. Въ 1399 г. пошелъ войною на другаго предводителя албанцевъ *Гкіона*, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Родственники его флорентинцы выкупили плѣнника за 10.000 флориновъ. Послѣ 17-лѣтняго безславнаго управленія, умеръ въ 1403 г. Чуть его не стало, неугомонные албанцы со всѣхъ сторонъ устремились на обряхлѣвшую за 200 лѣтъ существованія державу Ангеловъ, взяли Янину и другіе города, и всю администрацію мѣста обратили въ хаосъ. Не вынося такаго насилія, эпироты еще разъ обратились за море, съ поисками правителя себѣ. Таковой нашелся въ лицѣ управлявшаго Іоническими островами (опричъ Керкиры) отъ имени Неаполитанскаго Короля, итальянца изъ фамиліи *Токковъ*. Имя его —

КАРЛЪ, родственникъ Изаула, предпослѣдній владѣтель Эпирскій. Согласившись на просьбу эпиротовъ, онъ дѣйствительно усмирилъ албанцевъ и переселился со всѣмъ съ островъ своихъ на твердую землю. Управлялъ страною съ перемѣннымъ счастіемъ, нося также званіе Деспота или, какъ видно изъ одного турецкаго документа, военачальника, — *Дуки*. Когда именно принялъ онъ въ свои руки бразды правленія, въ Хронографіи не говорится, — по видимому ранѣе 1410 года. Печальнымъ эпизодомъ его правленія можно считать борьбу его съ претендентомъ на шаткій престолъ его, сыномъ Ѳомы III, *Прелюбомъ*. Этотъ деспотичъ обратился къ султану Мусѣ (сыну Баязета) съ просьбою возвратить ему владѣнія отца его. Турокъ, давно подсматривавшій Эпиро-Ѳессалію, радъ былъ случаю вмѣ-

[1]) И къ имени *Спаты*, не менѣе, чѣмъ къ столькимъ другимъ, пристаетъ историческая путаница. По Лаонику, не Изавлъ, а самъ Прялупъ (т. е. Ѳома) былъ женатъ на дочери (Іоанна) Спаты. Онъ же и разбитъ былъ и взятъ въ плѣнъ.. Вообще, *Лаоникъ* (или *Николай*) *Халкокондилъ* изъ ораторскаго педантства гонялся, кажется, болѣе за фразой, чѣмъ за фактомъ.

шаться въ дѣла ея, но не взялъ стороны претендента, а напротивъ, чуя въ немъ болѣе опасную силу — законность династическаго преемства, засадилъ его въ тюрьму и выкололъ ему глаза. Освободившись такимъ образомъ случайно отъ него, Карлъ продолжалъ деспотствовать безцвѣтно по 1430-й годъ. Умеръ въ іюнѣ сего года, владѣвши краемъ долѣе всѣхъ своихъ предмѣстниковъ, и завѣщавъ по смерти своей часть своихъ владѣній — собственно Этолію и Акарнанію — тремъ сыновьямъ своимъ (всѣмъ — незаконорожденнымъ) *Мемнону*, *Турну* и *Эркулію*, а Эпиръ — племяннику своему тоже *Карлу*, сыну упомянутаго Леонарда и шурину Императора Константина XII Палеолога. Бракъ его съ Аѳинскою принцессою Францискою былъ бездѣтенъ.

КАРЛЪ II. Не успѣлъ бѣдный Деспотъ осмотрѣться на своемъ новомъ мѣстѣ, какъ на владѣнія его устремилась послѣдняя, и самая страшная, гроза — турецкое завоеваніе. И дѣлить-то было нечего тремъ братьямъ Карловичамъ, между тѣмъ двое изъ нихъ отправились съ жалобой въ Солунь къ Султану на третьяго. Чувствуя бѣду, туда же поѣхалъ и третій. Тамъ, въ виду гораздо бо́льшей бѣды, они бросили усобную распрю и соединились всѣ противъ племянника, требуя у Амурата защиты правъ своихъ на всѣ отеческія владѣнія. Легко предвидѣть, чѣмъ должна была кончиться эта позорная траги-комедія. Султанъ послалъ, подъ командою своего Великаго Визиря *Синана*-паши, цѣлую армію съ приказомъ забрать всѣ владѣнія покойнаго Дуки Эпирскаго. Если бы Эпироты оказали сопротивленіе силѣ, то приказаніе вѣроятно тогда же было бы исполнено. Но столица Деспота Янина сдалась побѣдителю безпрекословно. Ею и удовольствовался онъ. Это было въ 1431 году. Въ рукахъ Карла осталась Арта съ ея округомъ. Проживая въ ней, онъ то ссорился, то мирился съ своими дядьями, тоже кое надъ чѣмъ властвовавшими, пока въ 1449 г. на канунѣ праздника Благовѣщенія, оттоманскія войска не

взяли Арты, и не положили конца его ущербленному владычеству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему Этоло-Акарнанійскому Деспотству. Карлъ вынужденъ былъ затѣмъ отправиться на свои острова, доживать свой вѣкъ; дядья же его ушли въ непроглядный мракъ, недоступный свѣточу исторіи.

Такъ началось и кончилось это *незаконорожденное* государство, заставившее фигурировать и въ началѣ своемъ и въ концѣ своемъ лицъ *незаконнаго* происхожденія! 14 Правителей на 250 лѣтъ — ни много ни мало. Не всѣ они ясно очерчиваются воображеніемъ, и ни на одномъ изъ нихъ не останавливаешься съ полнымъ историческимъ удовольствіемъ. До величія всѣмъ имъ далеко. Едва ли кто нибудь изъ нихъ зналъ въ точности предѣлы своихъ владѣній и едва ли владѣлъ совершенно тѣмъ же, чѣмъ владѣлъ его предшественникъ. Двое изъ нихъ претендовали на царское достоинство. Пятеро были—греки, двое — славяне, трое — итальянцы, одинъ французъ — за ними въ перспективѣ временъ видятся облики Деспинъ, двѣ-три *Анны, Марія, Ѳомаида, Ангелина* и *Ѳеодора,* причисленная древностію къ лику Святыхъ. Личности женскія еще слабѣе и сглаженнѣе очертываются исторіей, чѣмъ мужескія. А гдѣ неясность и неопредѣленность, тамъ и неудовлетворительность. Мы первые недовольны составленнымъ нами спискомъ владѣтелей страны, въ которой мы находимся, за періодъ бытія ея сравнительно недавній, но, подобно древнимъ временамъ, весьма темный. Утѣшаемся тѣмъ, что все таки онъ можетъ послужить объединяющею рамкою хаотическому рисунку, подписываемому: *Этоло-Акарнано-Эпирская Деспотія.*

Все это, химерически задуманное, случайно объединившееся, и кое-какъ державшееся цѣлое пришелъ, тронулъ и навсегда разсыпалъ тотъ политическій ураганъ, который уже десятки лѣтъ носился чуть не по всему пространству бывшей — всемірной имперіи, и напиралъ неотразимо на Византію. Окончательное порабощеніе края знамено-

носцами ислама (1450 г.) только тремя годами упредило паденіе Константинополя. Янина же, какъ мы видѣли, уже прежде сего лѣтъ 20 была подъ игомъ новыхъ римлянъ своего времени, забиравшихъ все, до чего доставала долгая рука. Ее въ 1431 г. взялъ нѣкій самозванный „господинъ всего запада", неизвѣстный прежде, безвѣстный послѣ, *Синанъ*-паша. Сохранилось его воззваніе [1]) къ жителямъ столицы о сдачѣ ея „великому государю". Городу, переносившему столько времени невзгоду осаднаго положенія, беззащитному топографически и политически, что оставалось дѣлать, какъ не подчиниться? Да и великій государь могъ быть не хуже маленькаго государя Ѳомы или какого

---

[1]) Оно настолько любопытно, что рѣшаемся сообщить его въ переводѣ, сдѣлавши послѣдній съ греческаго текста его. Вѣроятно, болѣе или менѣе, въ немъ можно видѣть общій типъ подобныхъ воззваній поработителей христіанскаго Востока, которыхъ мы привыкли считать неумолимо жестокими варварами. Вотъ оно:

«Отъ головы головъ и господина всего запада, Синана-паши рѣшеніе и привѣтъ преосвященнѣйшему Митрополиту Іоаннинскому и почетнѣйшимъ начальникамъ: капетану *Стратигопуло* и сыну его капетану г. *Павлу*, и первомастеру *Вуисаву* и первому секретарю *Станицѣ*, и прочимъ Іоаннинцамъ, большимъ и малымъ. Знайте, что насъ послалъ великій государь взять это мѣсто съ его крѣпостями отъ Дуки, и далъ намъ такой приказъ: которая крѣпость или селитва покорится намъ по добру, пусть небоится ничего, ни озлобленія, ни грабежа и никакого раззоренія; а которая крѣпость или селитва не покорится, приказано разрушить ее, раззорить до основаній, какъ я и сдѣлалъ съ Ѳессалоникой. Посему пишу вамъ и говорю, чтобы вы покорились мнѣ добромъ, и не полагались на слова франковъ, потому что ни въ чемъ вамъ не помогутъ, а развѣ только раззорятъ васъ, какъ раззорили Солунцевъ. Посему-то, заклинаю васъ Богомъ неба и земли и пророкомъ М'хаммедомъ и семью чинами и 124-мя пророками Божіими и душею своею и головою своею и саблею своею, которою опоясываюсь, не имѣть никакого страха (опасенія), что мы сдѣлаемъ между вами или плѣнъ или наборъ или захватъ дѣтей, но и въ церквяхъ вашихъ пусть звонятъ, какъ водится. Владыка пусть имѣетъ свой греческій судъ и всѣ свои церковныя права. Начальники, у которыхъ есть имѣнія, пусть имѣютъ свои вотчины, свои помѣстья и всѣ свои вещи — безъ всякаго прекословія. И другое, что потребуется, мы вамъ дадимъ. А если будете упорствовать и не покоритесь добромъ, знайте, что, какъ мы поступили съ Ѳессалоникой, раззоривши церкви, опустошивши и уничтоживши все, такъ раззоримъ и васъ и вещи ваши, и — Богъ взыщетъ за то съ васъ».

нибудь бродяги Прялупа. Онъ славился на первыхъ порахъ великодушіемъ и обѣщалъ общую защиту обижаемымъ отъ обидчиковъ. При передачѣ города, выговорены были жителями и нѣкоторыя льготы, изъ коихъ немаловажною было позволеніе христіанамъ оставаться въ крѣпости, гдѣ было у нихъ 18 церквей, въ числѣ ихъ и митрополія. Всѣхъ же въ городѣ было болѣе 20 кварталовъ или частей. Изъ этого видно, какой цвѣтущій городъ былъ встарину *Іоаннины*. Къ 1435 г. относится одно обстоятельство мѣстное, напоминающее пресловутое похищеніе Сабинянокъ. Турецкій гарнизонъ города, состоя конечно изъ людей холостыхъ, получилъ, по просьбѣ своей, дозволеніе отъ „великаго государя" набрать себѣ женъ изъ дѣвицъ мѣстнаго населенія. И такъ, въ одинъ изъ большихъ праздниковъ, турки забрались въ крѣпость, окружили Митрополію, и, по выходѣ народа отъ обѣдни, расхватали кому что Богъ послалъ. Такъ какъ при этомъ предъявленъ былъ жителямъ и приказъ Султанскій, то родственники похищенныхъ признали случай за fait-accompli, и даже выслали плѣнницамъ законное приданое. Этимъ, по Хронографіи, объясняется потурченіе столькихъ христіанскихъ фамилій въ Янинѣ. „Совершившійся фактъ" этотъ однако же смахиваетъ на сказку. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что въ разныя времена, подъ давленіемъ обстоятельствъ, много жителей христіанъ сдѣлались магометанами по вѣрѣ и турками по языку, и есть въ городѣ домà, теперь чисто турецкіе, завѣдомо бывшіе нѣкогда греческими. Эта родственная близость и свычка обѣихъ половинъ населенія и были конечно причиною, что Янина, сравнительно говоря, благоденствовала подъ турецкимъ игомъ. Начало злыхъ дней ея можно относить къ 1612 г. Въ это время какой-то монахъ *Діонисій*, по прозванію „Псо-философъ", произвелъ возмущеніе въ краѣ, имѣвшее въ виду освобожденіе страны. Собравъ и фанатизовавъ окрестныхъ поселянъ, новый Варкохабъ въ Сентябрѣ того года напалъ на жителей Янины магометанъ. Дѣло кончилось, разу-

мѣется, полной неудачей. Много горожанъ изъ христіанъ погибло при этомъ отъ мстительной руки побѣдителей, обвинявшихъ тѣхъ въ подстрекательствѣ бунтовщиковъ. Такъ какъ крѣпость была главнымъ мѣстомъ подвиговъ зилотовъ, то, за весьма малымъ исключеніемъ, христіане были выселены изъ нея въ 1413 г., а черезъ 5 лѣтъ запрещено было кому бы то ни было изъ христіанъ жить въ ней, причемъ, конечно, всѣ церкви въ ней были или разрушены или обращены въ мечети и школы и другія заведенія общественныя. Въ 1635 г. многія поземельныя права эпиротовъ, выговоренныя при подчиненіи страны туркамъ, были совершенно отмѣнены, и при томъ по невѣроятному поводу побѣды надъ персами Эпиротовъ-Спагидовъ, бывшихъ въ арміи султана въ числѣ 12 тысячь человѣкъ, и сражавшихся будто бы подъ распущенными христіанскими знаменами. Эта вопіющая несправедливость еще разъ послужила поводомъ къ отпаденію множества христіанъ здѣшнихъ въ магометанство. Въ „Хронографіи", кромѣ списка Деспотовъ Эпирскихъ, есть списокъ и Янинскихъ Правителей, начинающійся впрочемъ не съ 1431, а съ 1550 года. Почти около двухъ столѣтій (1600 — 1786) властвовала одна и таже фамилія. Системы этой правительство турецкое повидимому намѣренно держалось не только въ Эпирѣ, но и въ другихъ мѣстахъ. Только подобнымъ — на свой образецъ феодализмомъ и можно объяснить появленіе такого Сатрапа-тиранна, какимъ показалъ себя пресловутый *Али-бей* Тепеленецъ, о которомъ нельзя умолчать, бывши въ Янинѣ.

Спѣшимъ успокоить читателя. Мы вовсе не намѣрены писать исторіи „маленькаго государя" Эпира. Намѣтимъ только точки поворотовъ въ его жизни и дѣятельности. Родился онъ въ 1741 г. Явился предводителемъ *клефтовъ* (воровъ) въ 1758 г. Назначенъ пашой Өессаліи въ 1786 г. Забралъ въ свои руки Янину съ Эпиромъ въ 1788 г. Поставленъ Визиремъ всей Румеліи въ 1804 г. Подпалъ немилости Султана въ 1819 г. Вступилъ въ борьбу съ нимъ въ

1821 г. Убитъ 24 Января 1822 г. Албанецъ родомъ, клефтъ—ремесломъ, эпикуреецъ — жизнію, онъ политически несочувствовалъ ни туркамъ, ни грекамъ, ни славянамъ, ни даже своимъ единокровнымъ албанцамъ, соціально — грабилъ всѣхъ и все, гдѣ и какъ попало, религіозно — былъ полный индиферентистъ, хотя по формѣ и держался Ислама. Не любя и не уважая, собственно, никого, онъ все таки ближе всѣхъ былъ къ грекамъ православнымъ, цѣня въ нихъ главнымъ образомъ, конечно, отвагу и клефтскія наклонности. Передаютъ, что одинъ пустынникъ изъ грековъ, нѣкто *Козма* [1]), народный учитель

---

[1]) О *святомъ* — по истинѣ человѣкѣ этомъ мы распрашивали на мѣстѣ «и правыхъ и лѣвыхъ», и отъ всѣхъ единогласно слышали отзывы восторженнаго удивленія и сердечнаго увлеченія. Въ Яннинѣ онъ явился лѣтъ за 15 до Али-паши, слѣдовательно около 1773 года. Говорилъ публично въ церквахъ поученія народу, въ которыхъ требовалъ исправленія нравовъ и грозилъ, что если сего не будетъ, придетъ звѣрь *Алисъ* съ тремя желѣзными носами (тремя сыновьями: *Мухтаромъ*, *Вели* и *Зали*), причинитъ имъ тысячи бѣдъ, впуститъ въ каждый домъ по змѣѣ (по солдату). Объ Яннинѣ въ частности пророчествовалъ, что на нее придутъ три бѣды: огонь, албанцы и чума (φοτιὰ, ἀρβανιτιὰ, καὶ πανώλη). Подъ огнемъ разумѣлъ расправу Али съ народомъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Албанцы напали на Янину въ 1828 и 29 годахъ, когда всѣ регулярныя войска ушли изъ края на Дунай. Чума свирѣпствовала въ 1820 и 21 годахъ. Пользуясь громаднымъ значеніемъ въ народѣ, онъ обходилъ съ своею проповѣдью села и греческія, и албанскія, и чисто турецкія. Вездѣ принимали его, какъ пророка. Дошелъ такимъ образомъ и до знаменитой мѣстности: *Сули*, гдѣ тоже предсказывалъ и объ Али, и о греческомъ возстаніи, и объ участіи въ общемъ дѣлѣ Сульотовъ, говоря, что они «отворятъ двери» и проч. Былъ и въ мѣстечкѣ: *Тепеленъ*, гдѣ также народъ — всѣ Албанцы — стекся къ нему, какъ къ Святому. Въ числѣ другихъ представился ему и юный *Али* изъ мѣстныхъ беевъ. Козма, увидавъ будущую знаменитость, ласкательно сказалъ юношѣ: «ты будешь великій человѣкъ, завладѣешь всѣмъ отъ Стамбула до сихъ мѣстъ, въ рукахъ будешь имѣть сокровища, и много христіанъ возмешь на свою шею (погубишь)». Малый шутя спросилъ: — возму и *Бератъ* (столицу Албаніи)? — «И Бератъ твой будетъ. Тамъ ты вспомнишь меня», отвѣчалъ Пророкъ. Такъ какъ Козма постоянно нападалъ на евреевъ, и какъ бы возставлялъ противъ нихъ народъ, то Яннинскіе жиды заплатили пашѣ тогдашнему 40 тысячъ піастровъ, взнесши на Святаго обвиненіе въ сообщничествѣ съ русскими и требуя смерти его. Паша далъ приказъ словить его, и «порѣшить» съ нимъ. Пророка удавили и тѣло его бросили въ рѣку.

и проповѣдникъ предсказалъ ему, когда онъ былъ еще юношей, его великую будущность, и тѣмъ предрасположилъ албанца къ его единоплеменникамъ. Въ своей борьбѣ съ Султаномъ, ища, гдѣ только могъ, себѣ союзниковъ, онъ прямо поджигалъ грековъ къ возстанію, и въ этомъ отношеніи заносится ими въ рядъ своихъ первоподвижниковъ (πρωταγωνιστῶν) свободы, хотя конечно — въ своихъ видахъ и интересахъ. Онъ не прочь былъ поиграть въ великодушіе съ христіанами, и не спускалъ своимъ единовѣрцамъ ихъ извѣтовъ на тѣхъ по дѣлу вѣры. Ходитъ между эпиротами много разсказовъ о мнимой наклонности Тебеленца къ Православію. Всѣмъ извѣстенъ, невѣроятный для его времени, его поступокъ съ однимъ молодымъ грекомъ, искавшимъ принять магометанство изъ за любви къ одной мусульманкѣ. Мать переметчика въ отчаяніи идетъ съ жалобой на обезумѣвшаго сына къ самому Али. Тотъ успокоиваетъ ее и призываетъ къ себѣ сына. „Что побудило тебя оставить вѣру отцовъ своихъ“? спрашиваетъ паша. — Явленіе Пророка (Магомета), отвѣчаетъ тотъ.— О!! Вотъ какъ! — восклицаетъ Али. И много разъ онъ тебѣ являлся? — Да! неоднократно. — Ну, такъ послушай же ты, пёсъ негодный! Мнѣ вотъ уже 70 лѣтъ. Я и родился мусульманиномъ, и живу, какъ учитъ пророкъ, а еще вотъ до сихъ поръ не удостоился видѣть его. Тебѣ же, щенку, онъ явился, да еще и не разъ! Пусть только пожалуется еще хоть разъ мнѣ на тебя мать, такъ я тебѣ покажу пророка!“ Не диво потому услышать, что въ свое время, члены „Дружескаго общества“ (Φιλική Ἑταιρία), замышлявшіе освобож-

---

Ученики его погребли тѣло, и на мѣстѣ мученической кончины его воздвигли монастырь. Али, когда овладѣлъ Бератомъ, дѣйствительно вспомнилъ про Святаго. Тогда глава (черепъ) его обносилась уже какъ святыня по христіанскимъ селеніямъ. Али приказалъ обдѣлать ее въ золото съ дорогими каменьями и невозбранно носить по Янинѣ, первый самъ благоговѣйно поцѣловавъ ее. Онъ же помогъ и церковь выстроить въ монастырѣ преподобнаго.

деніе грековъ, не прочь были провозгласить Али государемъ проектируемой ими Греціи, въ убѣжденіи, что онъ склоненъ принять христіанство. Но.. довольно о семъ феноменѣ [1]). Послѣ него Янина сошла съ пьедестала исторической извѣстности, и вотъ уже около 50 лѣтъ политически прозябаетъ, не переставая жалѣть о томъ, что воля сильныхъ отрѣзала „эллинственнѣйшій“ Эпиръ отъ Эллады.

Янина. 12 Іюня. Суббота.

Новолуніе и сопряженная съ нимъ перемѣна погоды. Такъ какъ въ предшествовавшіе дни мы постоянно лелѣемы были краснымъ солнышкомъ, то есть опасеніе, что вчерашняя гроза была только предисловіемъ къ цѣлому ряду пасмурныхъ дней. По крайней мѣрѣ, нынѣшній есть одинъ изъ такихъ. Мы не торопились привѣтствовать его, наслаждаясь въ полномъ смыслѣ слова беззавѣтнымъ отдыхомъ тѣла и мысли. Не даешь цѣны такому благу, когда пользуешься имъ постоянно. Нужно поколесить по Пинду и попасть къ далекимъ Иперборeямъ (въ обратномъ смыслѣ), чтобы съ любовію и чуть не умиленіемъ припомнить свою выспреннюю келью — книжницу, мирную, свѣтлую, прекрасную. Миръ ей. Пьемъ утренній чай и составляемъ программу дня. Рѣшено прежде всего представиться владыкѣ города Іоаннинъ и Экзарху всего Эпира и Керкиры [2]) (!), к. *Парѳенію*. Сановника предварительно извѣстили о нашемъ намѣреніи быть у него. Г. Консулъ представилъ насъ Его Почтенности [3]). Преосвященный —

---

[1]) По смерти тирана, найдено было въ казнѣ его 30 милліоновъ піастровъ, или, по тогдашнему курсу, франковъ.

[2]) Керкира (Корфу), и прежде присоединенія острова къ Греческому королевству, имѣла своего Митрополита, и вмѣстѣ съ другими Іоническими островами пользовалась своего рода церковною конституціей. По недавности факта присоединенія, Королевство еще не успѣло протестовать противъ оффиціальнаго анахронизма Янино-Керкирскаго.

[3]) Η Σεβασμιότης. Общій титулъ архіереевъ и на Востокѣ есть тотъ же, что у

бодрый и важный старецъ — принялъ небывалыхъ гостей съ отверстыми объятіями, подивившись сперва тому, что видитъ въ Янинѣ такую рѣдкость — русскихъ духовныхъ лицъ, а потомъ еще болѣе тому, что слышитъ изъ устъ ихъ свою родную рѣчь во всей полнотѣ ея совершенствъ и недостатковъ. Обстоятельство это какъ будто сдѣлало его нѣсколько сдержаннѣе въ бесѣдѣ съ нами и скупѣе на комплименты. Не ручаюсь, можетъ быть мнѣ такъ показалось. При митрополитѣ тутъ-же находился и боголюбивѣйшій [1]) *Діонисій*, епископъ Парамиѳійскій, единственный, до нашего времени досуществовавшій изъ четырехъ епархіальныхъ архіереевъ бывшихъ четырехъ епископій, подчиненныхъ Янинской каѳедрѣ. Оба святителя такъ мало уклонялись отъ общаго типа іерарховъ Восточныхъ, что не представляется случая сказать о нихъ что нибудь особенное. Прощаясь, митрополитъ заявилъ свою увѣренность, что мы часто будемъ видѣться, пока находимся временно его согражданами, да еще и близкими сосѣдями.

На первый день мы ограничились этимъ визитомъ. Состояніе погоды гнало насъ домой. Я поспѣшилъ въ свой уголъ и пользуясь пока живымъ еще впечатлѣніемъ имени, лица и мѣста первостоятеля церкви Эпирской, углубился въ любезную „Хронографію“ съ цѣлію вычитать въ ней все, что извѣстно и достозамѣчательно о каѳедрѣ Янинской. Мы упомянули выше, что имя: *Іоаннины* встрѣчается уже

насъ: πανιερότης — преосвященство. Но въ Константинополѣ и Аѳинахъ членовъ Синода величаютъ титломъ: Σεβασμιώτατος. Въ переводѣ на русскій языкъ, титулъ этотъ утрачиваетъ свою значительность. За членами Синода, имъ же ублажаются и всѣ митрополиты par déférence или чаще: complaisance. Нашихъ *высокихъ* — преосвященствъ, преподобій, благословеній и проч. приниженный Востокъ не знаетъ. За то не скупится на *великихъ*, по памяти своего минувшаго величія.

[1]) Θεοφιλέστατος. Такъ величается оффиціально Патріархомъ (а за нимъ и Митрополитомъ) простой епископъ. Митрополита же патріархъ титулуетъ *Священнѣйшимъ* — Ἱερώτατος.

въ XI в. у Анны Комниной. Но хронографія, ссылаясь на Лекеня (Oriens Christianus), находитъ имя города извѣстнымъ еще въ IX в. Подъ Соборнымъ дѣяніемъ, бывшимъ въ Константинополѣ въ 879 г., подписался: *Захарія Іоаннинскій* [1]). Непомѣрное разстояніе между этимъ первымъ Янинскимъ архіереемъ и слѣдующимъ за нимъ, въ 500 почти лѣтъ, заставляетъ какъ-бы усомниться въ дѣйствительности факта. Но болѣе рѣшительнаго чего нибудь противъ него сказать не имѣемъ. Конечно, тò была не митрополія, а епископія, ибо въ Нотиціи областей имперскихъ, приписываемой императору Льву Мудрому, слѣдовательно почти современной подписи Соборной, городъ Іоаннины числится подъ митрополіей Навпактской [2]). Когда собственно возвысилась каѳедра на степень митрополіи, остается неизвѣстнымъ [3]). Въ упомянутомъ нами хрисовулѣ императора Андроника 1320 г. говорится о ней, какъ уже о митрополіи, имѣвшей подъ собою 4 епископіи [4]). Хронографія полагаетъ, что съ запустѣніемъ Никополя, послѣ погрома Болгарскаго въ 1034 году, церковныя права бывшей столицы Эпира перешли на Іоаннину, но въ упомянутой Нотиціи преемникомъ *Нико-*

---

[1]) Ζαχαρίου Ἰωαννίνης.. Такъ пишется въ актахъ Фотіева Собора, котòрый въ свое время восточные не усомнились назвать Вселенскимъ, въ отместку Антифотіеву Собору, бывшему въ томъ-же Царѣ-градѣ за 10 лѣтъ передъ тѣмъ.

[2]) ΛΕʹ. Τῇ Ναυπάκτῳ Νικοπόλεως. Ὁ Βουνδίτζης. Ὁ Ἀετοῦ. Ὁ Ἀγχελώου. Ὁ Ῥογῶν. Ὁ Ἰωαννίνων. Ὁ Φωτικῆς. Ὁ Ἀδριανουπόλεως. Ὁ Βοθρωτοῦ.. А въ Росписи областей и городовъ имперскихъ, называемой: *Синекдимъ Іероклювъ*, въ той же области «Стараго Эпира», указываютъ слѣдующіе 12 городовъ: столица (митрополія) Νικόπολις, Δοδόναι, Εὔροια, Ἀκνίου, Ἀδριανούπολις, Ἀππὼν, Φοινίκη, Ἀγχιασμὸς, Βουτρυτὸς, Φωτική, Κέρκυρα-νῆσος, Ἰθάκη-νῆσος.

[3]) Вѣроятно, при императорѣ Андроникѣ Старшемъ, измѣнившемъ не мало административный порядокъ епархій.

[4]) Парамиѳійскую, Велльскую, Дріинупольскую и Химаррскую. Дріинупольская (съ Химаррской) возведена въ митрополію. Велльская присоединена къ Янинской каѳедрѣ. Осталась одна Парамиѳійская.

поля въ этомъ значеніи указывается *Навпактъ*, которому іерархически подчинена была и Янина, какъ епископія. Къ сожалѣнію, года составленія Нотиціи также нельзя опредѣлить съ точностію. Хронографія считаетъ его 860-мъ. Но тогда Никополь еще процвѣталъ. На томъ же Соборѣ 879 г. засѣдали и Никопольскій *Николай*, и Навпактскій *Антоній*. Какъ бы то ни было, въ „Хронографіи“ съ 1383 года по 1845-й насчитывается 25 предстоятелей [1]) каѳедры Іоаннинской, изъ коихъ трое: *Ѳеолиптъ* (1515), *Матѳей* (1601) и *Парѳеній* (1638) были потомъ Вселенскими Патріархами. Къ нимъ мы можемъ еще причислить *Іоакима*, двукратно занимавшаго Янинскій престолъ и недавно бывшаго тоже патріархомъ Константинополя. Знаменитостью въ своемъ родѣ между Янинскими іерархами можно считать *Климента* (1714—1733), родомъ съ острова Хіо, оказавшагося по рукоположеніи безграмотнымъ. Янинцы не хотѣли принимать его, но онъ умолилъ ихъ потерпѣть его худость, обѣщаясь научиться въ скорости всему, что нужно. На сей конецъ онъ поручилъ другимъ управленіе епархіей, и самъ 5 лѣтъ провелъ въ одномъ монастырѣ, учась у одного даскала изъ Янины всей Эллинской энциклопедіи. Вышелъ изъ своей запоздалой школы ученѣйшимъ человѣкомъ, возбудившимъ удивленіе въ Константинополѣ и Европѣ. Послѣ него былъ выбранъ на каѳедру Янинскую еще болѣе знаменитый ученый, историкъ и географъ, писатель *Мелетій*. Но, какъ видно, его мало плѣняла слава древняго Эпира. Онъ предпочелъ Іоаннинамъ Славныя Аѳины, и извѣстенъ въ

---

[1]) Вотъ ихъ списокъ. Послѣ Захаріи 879 г.... Севастіанъ 1383. Матѳей +1387. Гавріилъ 1388... Неофитъ 1484. Ѳеолиптъ 1516. Нифонъ 1543. Іоасафъ 1580. Матѳей 1601. Манассія +1613. Матѳей 1614. Парѳеній 1638. Каллиникъ—1647... Климентъ—1714. Іероѳей—1733. Григорій—1769. Неофитъ—1770. Григорій (вторично) +1776. Паисій—1777. Макарій—1798. Іероѳей—1810. Гавріилъ—1827. Венедиктъ—1830. Іоакимъ—1834. Іоакимъ (изъ Хіо)—1838. Іоанникій—1840. Іоакимъ (вторично)—1845. Іоанникій—1851. Парѳеній—нынѣшній.

Эллинской литературѣ подъ именемъ *Аѳинскаго*. Янинская каѳедра занимаетъ теперь 13-е мѣсто въ ряду митрополій Константинопольскаго Патріархата.

Все вышеписанное писалось подъ неблагопріятными дѣлу обстоятельствами почти не перемежавшихся визитовъ разныхъ знакомыхъ нашего хозяина, узнавшихъ о его возвращеніи да еще и съ гостями. Нужно было показываться и вести бесѣду обо всемъ, чтò могло занимать посѣтителей. Еслибы была охота, въ теченіе четырехъ-пяти часовъ можно бы было собрать разнаго балласта книжнаго на 10 страницъ такихъ, какъ эта, но не занимаютъ меня ходячія мелочи жизни, а крупныхъ вопросовъ не приходилось затрогивать. Было нѣсколько лицъ и изъ мѣстнаго духовенства, въ числѣ ихъ и „священно-проповѣдникъ“ [1]) епархіальный, отрекомендованный намъ какъ „бѣдовый богословъ“. На вопросъ мой сему послѣднему, есть-ли у него подъ руками сборники проповѣдей, въ родѣ *Киріакодромовъ*, *Духовной Трапезы*, *Духовной Цѣвницы*, *Пастырской Свирѣли* и пр., собесѣдникъ отвѣчалъ, что онъ читалъ и будетъ читать одного *Минятія*, но собственно, при составленіи проповѣдей, не руководствуется никѣмъ, какъ образцомъ, а любитъ быть „самимъ собою“. Хорошее правило, особенно, когда самъ-то есть „самъ“... Кстати вспомнили при этомъ и объ *Евгеніѣ Булгари* [2]), долго жившемъ и учившемъ въ Янинѣ прежде,

---

[1]) Ἱεροκήρυξ, назначаемый епархіальнымъ архіереемъ, а въ Греціи—и прямо Синодомъ. Δεινὸς θεολόγος.. Нескромно, но простительно мѣсту, столько сдѣлавшему для греческаго образованія. Въ прошломъ столѣтіи было не мало такихъ «бѣдовыхъ» церковныхъ витій въ Турціи, печатавшихъ свои проповѣди большею частію въ Венеціи. Наши гомилетисты и не слыхали о нихъ.

[2]) Встрѣтившись въ Янинѣ съ этимъ, давно мнѣ извѣстнымъ и памятнымъ, не только именемъ, но какъ-бы даже лицомъ (по лучшему изъ портретовъ его, хранящемуся въ Екатеринославѣ), я не могу удержаться, чтобъ не сказать о немъ чего нибудь больше, чѣмъ одно его тамъ учительство. «Возстановитель Эллинскаго образованія» родился въ городѣ

чѣмъ отправиться просвѣщать [1]) своимъ Эллинскимъ образованіемъ темную далекую Русь, вмѣстѣ съ его землякомъ *Никифоромъ Ѳеотоки*, коего „Киріакодромъ", переведенный и изданный въ Москвѣ по-гречески, гость имѣлъ случай видѣть (но, конечно, не читать).

За завтракомъ естественно перецѣживалось все видѣнное и слышанное въ теченіе утра. Время было подумать и о вечерѣ. Освѣдомленіе моё о часѣ, въ который начинаются Янинскія вечерни, потерпѣло, какъ говорится, фіаско. На общее обсужденіе вдругъ вызванъ былъ вопросъ: не поѣхать-ли намъ на Островъ?—А дождикъ-то (тогда накрапывавшій)?—Что—дождикъ? Не затопитъ же онъ озера.—На такую неопровержимую правду что было возразить? Немедленно дано было приказаніе изготовить лодку. Утѣшился зрѣлищемъ ея, наконецъ, мой спутникъ мореходъ. Лодка была настоящая греческая „варка", а не корыто славянское, приводившее его въ отчаяніе на озерахъ Охрид-

---

Корфу 11 августа 1716 года, въ самый день чудеснаго избавленія города отъ Турецкой осады. Отецъ его былъ небогатый и незнатный человѣкъ, уроженецъ острова Закинѳа. Его имя было *Элевѳерій*, данное въ память освобожденія (ἐλευθερώσεως) роднаго города. Учился юношей въ Корфу и въ Кефалоніи, наконецъ, въ Артѣ,—гдѣ только были славившіеся тогда учители. Изъ послѣдняго города онъ долженъ былъ бѣжать, боясь гнѣва тамошняго архіерея, на котораго сочинилъ жалобу патріарху отъ имени одного священника, подпавшаго запрещенію владычному. Перемѣстившись въ Янину, онъ продолжалъ учиться и у тамошняго даскала, который, замѣтивъ въ немъ необыкновенныя способности, отправилъ его, на средства мѣстныхъ торговцевъ, доучиваться въ Падую. Въ 1742 году онъ возвратился въ Янину уже настоящимъ ученымъ мужемъ, и заблисталъ славою на весь Греческій міръ. Но черезъ 8 лѣтъ завистники, обвинивши его въ неправославіи, вынудили оставить Янину. Затѣмъ лѣтъ 10 скитался онъ, уча по разнымъ мѣстамъ, между прочимъ и на Аѳонѣ, но непризнательность единоплеменниковъ заставила его бросить все, и удалиться сперва въ Германію, а потомъ въ Россію, гдѣ онъ и скончался въ глубокой старости 16 іюня 1806 года.

[1]) Впрочемъ, такія мысли объ эллинскомъ свѣтѣ и русскомъ мракѣ принадлежатъ болѣе Аттикѣ, чѣмъ Эпиру. Эпироты, около двухъ столѣтій уже находящіеся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Россіей, и изъ нея выносящіе жизненныя начала индустріи и свободы, справедливѣе и признательнѣе къ намъ, чѣмъ потомки Солона и Перикла.

скомъ, Преспинскомъ и Касторійскомъ. Крѣпкія мышцы ударили веслами, и мы понеслись по тихому озеру на историческій „Островъ", не имѣющій собственнаго имени, по отсутствію конкурренціи на его нарицательное имя. Поэты мѣстные, не обинуясь, зовутъ его „Парадисомъ" (раемъ), въ который горожане любятъ уединяться цѣлыми семействами на зелень и прохладу изъ своего пыльнаго или грязнаго, и во всякомъ случаѣ душнаго, аида, чтобъ не сказать прямо: ада. Кромѣ красотъ природы, влечетъ ихъ туда и святыня. На такомъ, сравнительно маломъ, клочкѣ земли находится 7 монастырей, обращенныхъ теперь, по примѣру чуть не всего Востока, въ мызы или дачи, завѣдываемыя по старой памяти духовнымъ лицомъ, титулуемымъ Игуменомъ [1]). Наиболѣе посѣщаемые изъ нихъ городскою публикою, суть: *Пантелеймоновскій* и *Св. Николая*. Къ первому мы и направлялись теперь. Положеніе его на берегу озера, красивое—конечно, но далеко не соотвѣтствующее идеѣ „Рая". Какъ и слѣдовало ожидать, мы нашли его малымъ, тѣснымъ и нестройнымъ,—скорѣе подворьемъ какого нибудь монастыря, чѣмъ настоящимъ монастыремъ, и изъ записей тамошнихъ узнали, что онъ и на самомъ дѣлѣ есть приписной скитъ *Метеорскаго Варлаамскаго* монастыря, и считаетъ за собою около 300 лѣтъ бытія. Въ началѣ XVI столѣтія два родные братья, монахи *Нектарій* и *Ѳеофанъ* поселились тутъ въ одной пещерѣ при нѣкоемъ старцѣ *Саввѣ*. По смерти его, они ушли на Аѳонъ къ проживавшему тамъ, бывшему Патріарху Вселенскому *Нифону*, но онъ отослалъ ихъ обратно къ мѣсту ихъ подвига. Возвратившись, они выстроили церковь во имя Предтечи въ 1508 году. Тѣснимые мѣстными владыками

---

[1]) Всѣхъ же монастырей въ Эпирѣ «Хронографія» насчитываетъ до 60-ти. И дѣйствительно, стоитъ только взглянуть на Пуквилеву карту окрестностей Янины, чтобы повѣрить такому непомѣрному числу. Хорошо-бы досужему археологу осмотрѣть ихъ и сказать что нибудь про нихъ.

и нѣкоторыми изъ городской знати, они удалились въ Метеоры, построили тамъ такъ называемый Варлаамскій монастырь, и приписали къ нему свою Янинскую обитель. Умерли Ѳеофанъ въ 1544, а Нектарій въ 1550 году [1]). Время постройки церкви, потому, сравнительно недавнее, но архитектурный стиль ея напоминаетъ собою эпоху благолѣпныхъ Византійскихъ построекъ XII—XIII вѣковъ. Есть даже преукрашенныя (со внѣ) тройныя окна. По крайней мѣрѣ одно такое рисуется въ стѣнѣ алтаря. Внутри, конечно, все убого, безвкусно и запущено. Вновь по стѣнамъ росписана она въ 1789 г. при архіереѣ Григоріѣ [2]). Размѣры ея 10 шаговъ длины и 6 ширины. Трехъ и даже четырехвѣковая древность совсѣмъ не диво на Востокѣ и для меня далеко не рѣдкость; и потому нечего было болѣе разсматривать въ храмѣ. Мы побывали, постояли и потомились отъ напора тяжелыхъ представленій, и въ невеселой комнатѣ, гдѣ кончилъ свою шумную и, по-албански, геройскую жизнь, полнѣйшій типъ восточнаго Сатрапа, Тираннъ *Али*, пробитый насквозь пулями; полъ ея говорилъ намъ лучше всякаго разсказчика о томъ, что тутъ происходило 24 января 1822 года почти въ туже пору дня, въ которую мы разсматривали мѣсто событія.. Волка съѣлъ медвѣдь.. сказалъ, философствуя, одинъ изъ компаніи. А гдѣ-то тѣ зубы, подумалъ я, которымъ суждено сгрызть медвѣдя? Да, и что толку въ томъ, что все ѣсть да грызть? Не лучше-ли было бы лѣснаго звѣря обратить въ ручнаго потѣшнаго „мишку“?

---

[1]) Свѣдѣнія эти мы заимствуемъ изъ ихъ завѣщанія 1542 года, напечатаннаго при особой службѣ имъ, изданной въ Венеціи въ 1815 году. По «Хронографіи», они были изъ знатнаго (ἀρχοντικῆς) рода *Псара́*. Выстроенный ими монастырекъ и есть Пантелеймоновъ, существовавшій прежде нихъ въ развалинахъ, и давшій имя мѣсту (и самому ихъ монастырю?).

[2]) 1789 годъ, съ именемъ архіерея (конечно, Янинскаго) *Григорія*, обнаруживаетъ хронологическую неточность приведеннаго нами выше списка Янинскихъ митрополитовъ, взятаго изъ «Хронографіи».

Мы направились къ монастырьку *Св. Николая*, по прозванію *Рѣдкаго* (σπανοῦ). Онъ тоже стоитъ на самомъ берегу озера, и высматриваетъ весьма живописно. Съ перваго же взгляда онъ показался мнѣ древнѣе Пантелеймоновскаго. Своимъ началомъ онъ упредилъ турецкое иго, и, какъ все византійское, возбуждалъ собою въ душѣ моей жалость. Не привязывались къ нему такія тревожныя воспоминанія, какими богатъ сосѣдъ его. Оттого все въ немъ вѣяло тишиною, грѣло и ласкало сердце. Главнымъ предметомъ вниманія нашего въ монастырѣ конечно была церковь — такихъ же малыхъ размѣровъ, какъ и сосѣдняя. Въ притворѣ ея въ одной нишѣ есть изображеніе четырехъ монаховъ и одного мірянина, стоящихъ передъ Св. Николаемъ въ молитвенномъ положеніи. Существующія при нихъ надписи объясняютъ ктò были эти иноки. Всѣ они — члены одной и той же знаменитой при Палеологахъ фамиліи *Филанѳропиныхъ* [1]. Первый, *Михаилъ Филанѳропинъ*, названъ Икономомъ и Кандидатомъ (?) Святѣйшей Митрополіи Іоаннинской. Скончался въ 6850 (1342) году. Вторый—*Георгій*, поименованъ прото-асинкритомъ (первымъ секретаремъ) Іоаннины. Умеръ въ 6865 (1357) г. Третій—*Макарій*, почилъ въ 7013 (1505) г. Четвертый — *Маврикій* [2], сакелларій Іоанницскій, въ ангель-

---

[1]) При имп. Іоаннѣ Ватаци сталъ извѣстенъ нѣкто *Алексій Дука Филанѳропинòсъ*. Другой Алексій, изъ тойже фамиліи, игралъ при Палеологахъ весьма важную политическую роль, и дожилъ до времени Андроника Младшаго, котораго дядею называется у Пахимера. Очень можетъ быть, что Янинскіе Филанѳропины суть отпрыски того же самаго знаменитаго дома. Что изъ него вышли духовныя лица, это нерѣдкость въ византійской исторіи.

[2]) Такъ прочла собственное имя Хронографія. Въ нашей записной книжкѣ стоитъ только конецъ имени... φιχης. Вообще надписи читаются такъ: 1) Ἐκοιμήθη ὁ δοῦλος τοῦ Θῦ Μιχαὴλ ὁ Φιλἀνθρωπηνὸς καὶ μέγας οἰκονόμος, ἔτι δὲ καὶ ὑποψήφιος τῆς ἁγιωτάτης μητροπόλεως Ἰωαννίνων, ἐπὶ ἔτος, ϛων. 2) Ἐκοιμήθη ὁ δοῦλος τοῦ θῦ Γεώργιος ὁ Φιλανθρωπινὸς καὶ πρωτασιγκρίτης Ἰωαννίνων, ἐπὶ ἔτος, ϛωξε. 3) Ἐκοιμήθη.. Μακάριος ὁ Φιλανθρωπινὸς, ζιγ. 4) Εκοιμήθη... φιχης ὁ Φιλανθρωπινὸς καὶ σακελλάριος Ἰωαννίνων, ὁ διὰ τοῦ ἀγγελικοῦ σχήματος μετονομασθεὶς Μανθέος, ζμβ. 5).. Νεόφυτος ἱερομόναχος ὁ Φιλανθρωπινὸς, ζμ.

скомъ образѣ переименованный *Маноеемъ* (Матөеемъ?), скончался въ 7042 (1534) г. Пятый—*Неофитъ*, іеромонахъ, умеръ въ 7040 (1532) г. Шестой и послѣдній Филанөропинъ *Іоасафъ*, обновилъ и расписалъ своды и потолокъ храма съ своими учениками въ 1542 г. А въ 1560 г. онъ же, съ помощію тѣхъ же учениковъ, расписалъ и три притвора церкви [1]). Иконопись представляется неподправленною, а потому можетъ быть рекомендуема вниманію спеціалистовъ дѣла.

Изъ остальныхъ пяти монастырьковъ острова приходилъ искусительный помыслъ взглянуть хотя издали на такъ называемый: *Спасъ*, т. е. Спасовъ, который Пуквиль выдаетъ за мѣсто несчетныхъ тайныхъ казней, совершенныхъ по приказу неистоваго тиранна. Но уже вечерѣло, и намъ время было возвратиться во своями. Благополучно переплыли мы рукавъ озера, отдѣляющій островъ отъ города; чего чего не разсказалъ бы онъ о тысячелѣтней жизни послѣдняго, если бы нашлась возможность заговорить ему! Не безъ того конечно, что кошмаромъ лежавшій на памяти, страшный Тепеленецъ и тутъ оштриховалъ себя передъ моимъ воображеніемъ неумолимымъ злодѣемъ, топившимъ въ глухія ночи беззащитныя жертвы своего сладострастія и своей мстительности въ глубинѣ водной [2]). Могло терпѣливое озеро видѣть и сносить по-

---

[1]) Ἀνικαινίσθη.. διὰ συνδρομῆς τε(sic)παρὰ τοῦ τιμιωτάτου ἱερέως, Κυρίου Μιχαὴλ καὶ οἰκονόμου τῆς ἁγιωτάτης μητροπόλεως Ἰωαννίνων τοῦ Φιλανθρωπινοῦ, ϛω ἔτη δὲ μετὰ παρέλευσιν χρόνων ΣΜ (240) ἀνεκαινίσθη τὸ δεύτερον πάλιν οὗτος ὁ θεῖος ναὸς διά τε θώλον καὶ ὀροφὸν, καὶ ἀνιστορίθη διὰ συνδρομῆς κόπου τέ καὶ ἐξόδοῦ ὑπὸ τοῦ ἐν ἱερομονάχοις κυρῷ Ἰωάσαφ τοῦ Φιλανθρωπηνοῦ καὶ τῶν φοιτητῶν, ἐπὶ ἔτους. ΖΝ (7050).

[2]) По преимуществу разсказывается охотно и съ прикрасами трагическая смерть «Прекрасной Евфросиніи», въ которую влюбился сынъ Сатрапа, Мухтаръ-паша, что весьма не нравилось отцу. Несчастная была племянница Ларисскаго Митрополита Гавріила (потомъ архіерействовавшаго въ Яннинѣ), была замужемъ и имѣла двухъ дѣтей. Воспользовавшись отсутствіемъ ея мужа и своего сына, извергъ въ одну ночь (10 Января 1801 года) захватилъ ее вмѣстѣ съ другими 16-ю христіанками, бывшими у него на худомъ счету, и приказалъ утопить всѣхъ въ озерѣ, что и было въ точности исполнено.

добныя проявленія жестокости и насилія безъ сомнѣнія и при какихъ нибудь царяхъ *Неоптолемѣ, Адметѣ, Эакидѣ*.. Но въ тѣ варварскія времена можетъ быть, согласно съ нашею пословицею, „по Сенькѣ была и шапка". А то, чуть не въ наше время, какой нибудь плюгавый албанецъ не зналъ числа и мѣры своимъ неистовствамъ, душилъ, топилъ и рѣзалъ подобныхъ себѣ, и далеко лучшихъ себя, однимъ движеніемъ руки, даже менѣе того — однимъ поводомъ глазъ! Тогда какъ все кругомъ было тихо и молчаливо, меня волновала напрасная злоба. Раздраженіе было послѣднимъ, вынесеннымъ мною изъ поѣздки въ „Парадизъ", впечатлѣніемъ. Мы пристали къ берегу по близости крѣпости, и за попутьемъ вошли въ нее, не столько для ея осмотра, сколько такъ сказать для очистки совѣсти, или прямѣе — для записной книжки. Русскому обществу, — въ такомъ подозрительномъ костюмѣ — предводимому русскимъ чиновникомъ мѣстнымъ, а и того важнѣе — принадлежащему къ персоналу зловѣщаго Московъ-Серая въ Стамбулѣ, высматривать, что̀ и ка̀къ есть и дѣется, и можетъ случиться въ крѣпости, держащей ключъ отъ всего Эпира, не беззазорно было, это правда. Но чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, было и небезопасно, какъ замѣтилъ одинъ ultra-боязливецъ между нами, не одобрявшій моего намѣренія высмотрѣть, гдѣ тѣ 16 древнихъ колоннъ, вставленныхъ въ крѣпостную мечеть, о которыхъ говоритъ хронографія, съ этимъ я бы не согласился, тѣмъ болѣе, что все въ крѣпости принимало уже праздничный видъ, по случаю наступавшаго царскаго праздника, и караулъ при крѣпостныхъ воротахъ встрѣтилъ насъ со всѣми знаками благорасположенности, какихъ только можно ожидать иноземцу отъ „дружественной державы". А не стыдно будетъ, если какой нибудь болванъ неотесанный вдругъ скажетъ вамъ: *ясакъ!* — слышу я отвѣтъ на свои мысли. Правда, что стыдно, но вѣдь не менѣе, пожалуй, стыдно сидѣть и неотёсывать его своимъ независимымъ отлично-пригоднымъ для отёски значеніемъ и положеніемъ въ краѣ. Полагая, что вообра-

жаемый „ясакъ“ уже произнесенъ передъ нами, мы сдѣлали видъ, что у мечети смотрѣть нечего, да если бы и было что̀, не стоитъ, и поворотили вспять, утѣшивши себя зрѣлищемъ разныхъ подмостковъ, поддерживающихъ новолунія съ звѣздами, лучами и иными украшеніями, предназначенными завтра играть роль иллюминаціи. Достигли квартиры своей уже ночью.

Кассопія. 13 Іюня 1865 г.

За ¼ до осьми часовъ по восточному счету начали раздаваться на улицѣ будильные удары въ каждые христіанскіе ворота, — одинъ замедленный и два — вслѣдъ за нимъ ускоренные. Это былъ звонъ янинскій, достойный тѣхъ временъ, когда городъ звался еще *Кассіопіей* или *Кассопой* (Κασσώπη). Вѣрующіе приглашались въ храмы Божіи на воскресную молитву. Такой примитивный способъ благовѣста могъ бы привести въ умиленіе душу благонастроенную. Но въ моей еще отъ вчерашняго посѣщенія крѣпости остался малый осадокъ злости, и мнѣ казалось, что этотъ робкій, тупой и глухой, *стукъ.. тукъ-тукъ*, слышимый во дни наши въ такомъ большомъ и бойкомъ городѣ, отзывается уже неумѣстною трусостію христіанскаго населенія. Нѣсколько я успокоился, когда черезъ ¼ часа послѣ того послышался не вдалекѣ и звукъ церковнаго *сймантра* (желѣзной полосы, подвѣшенной на цѣпяхъ за оба конца). Все же нѣсколько похоже, если не на звонъ, то на звяканье. А когда же услышится въ столицѣ Эпира колоколъ, котораго родиной не грѣшно назвать мѣста эти? [1]). Думаю — тогда, когда пришлетъ его въ даръ (хотя напр. новомученику Георгію) какой ни-

[1]) Припомнить слѣдуетъ столько извѣстные древнему міру *Додонскіе колокольчики* (тазы, котелки, чашечки..), оглашавшіе дубраву, среди которой стояло знаменитѣйшее прорицалище *Зевса Додонскаго*. Очень можетъ быть, что они слышались въ мѣстности нынѣшней Янины.

будь монархъ Европы, котораго побоятся мѣстные правители обидѣть отказомъ въ принятіи подарка, или когда вотрутся тутъ пропагандисты римскіе, умѣющіе отворять всякія двери, если нужно, и лбомъ и даже боками. Сладко спали мои спутники. Жаль было будить ихъ. Я вышелъ одинъ изъ дома въ намѣреніи обойти сколько можно болѣе церквей заразъ. Прежде всего конечно направился въ митрополію, на дворѣ которой зашелъ въ часовню Новомученика, чтимаго отъ горожанъ за *святаго*, прославленнаго чудесами [1]). Мое вниманіе привлекла тутъ къ себѣ большая икона его страданій и мученической кончины. Привыкши видѣть въ подобныхъ изображеніяхъ мучителемъ языческаго „игемона" въ костюмѣ римскаго воина или и самого царя вѣнценосца, вдругъ видишь въ качествѣ его изображеннымъ современнаго турецкаго пашу со всею современною обстановкою, и не знаешь, чему дивиться болѣе,—смѣлости ли живописца или равнодушію мѣстнаго начальства, которое какъ ни избѣгаетъ случаевъ взглядывать въ христіанское чтилище, все же не можетъ не знать, что внутри его оно само выставлено на позоръ и на (тайныя) проклятія вѣрующихъ. Имѣя въ виду еще возвратиться въ соборную церковь на обѣдню, я пошелъ отыскивать другія, и конечно направился прежде всего въ *Архимандрію*, извѣстную въ городѣ болѣе самой Митрополіи. Теперь это приходская церковь, не такъ давно совершенно зáново перестроенная и сравнительно весьма обширная. Прежде, конечно, тутъ былъ монастырь, давшій имя по памяти своихъ настоятелей, цѣлому околотку. Встрѣтившійся мнѣ по пути школьникъ съ охотою взялся провести меня туда, да и въ другія мѣста, въ томъ числѣ и на Синайское Подворье, гдѣ, по примѣру всѣхъ другихъ Подворій знаменитой обители, есть церковь Св. Великомученицы *Екатерины*. Мы остались на литургію въ церкви Успенія Божіей Матери *Перивлéпты*, такъ какъ узнали, что тамъ слу-

---

[1]) Мы къ нему сейчасъ возвратимся.

житъ самъ владыка; я прошелъ особыми дверцами прямо въ алтарь, гдѣ уже стоялъ Преосвященный Парамиѳійскій, не участвовавшій въ богослуженіи. Оканчивалась утреня. По обычаю всего Востока, за Великимъ Славословіемъ непосредственно началась литургія. Особеннымъ великолѣпіемъ и порядкомъ, какъ и слѣдовало ожидать, богослуженіе не отличалось. По прочтеніи Евангелія, что-то еще слышалось, произносимое въ формѣ объявленія съ одного изъ стасидовъ (стоялокъ), по случаю царскаго праздника, и чуть оно было кончено, владыка возгласилъ: *яко да подъ державою Твоею всегда храними*, и проч. На великомъ входѣ онъ обязательно помянулъ имена и своихъ гостей цареградскихъ.

Изъ церкви, въ сопровожденіи консульскаго каваса, мы направились въ домъ Новомученика, находящійся на краю города. Не смотря на то, что онъ привыкъ принимать въ своихъ свѣтлыхъ и уютныхъ комнатахъ посѣтителей всякаго рода, мы оказались въ немъ *рѣдкими* гостями. Насъ принимала невѣстка Святаго, жена его единственнаго сына, на то время отсутствовавшаго. При ней былъ и сынъ ея, малолѣтній ребенокъ. Насъ немедленно провели въ устроенный тутъ же въ комнатахъ *параклисъ* (придѣлъ, часовню), посвященный мученику, и украшенный иконой его, неискусно писанной. Изображенъ онъ въ албанскомъ костюмѣ, какъ доселѣ одѣваются люди его состоянія и званія. Родомъ онъ былъ изъ Гревенской епархіи, изъ селенія *Тцурхлй* [1]), народностію болгаринъ, при св. крещеніи названъ *Геор-*

---

[1]) По хронографіи, въ селеніи *Тцурхли* (при разсказѣ, оно намъ слышалось какъ: *Тцефли*) 112 домовъ магометанъ и 46 христіанъ, и языкъ послѣднихъ — эллинскій. Если послѣднее справедливо, то странно было бы считать мученика Болгариномъ. Хронографія уклончиво называетъ его Македонцемъ, съ чѣмъ въ согласіе шло бы таинственное слово его о Св. Димитріѣ. Можетъ быть предки его переселились изъ Македоніи въ Гревено. Что онъ говорилъ Греческимъ, а не Болгарскимъ языкомъ, это вѣрно, хотя, собственно, не можетъ считаться доказательствомъ ни pro ни contra.

гіемъ, православнаго вѣроисповѣданія. Въ Янинѣ служилъ у одного бея *сеисомъ*, т. е. конюхомъ. Мусульманская прислуга звала его по своему *Гяуръ-Хассаномъ*, чѣмъ онъ всегда обижался. Въ 1836 г. онъ женился на мѣстной обывательницѣ-гречанкѣ, и черезъ годъ прижилъ съ нею сына Іоанна. Но не долго наслаждался семейнымъ счастіемъ христіанинъ среди магометанъ. Несомнѣнно, что была какая-то интрига служебнаго характера послѣднихъ противъ перваго, пружины которой могли скрываться въ самыхъ пустыхъ случайностяхъ и мелочахъ обыденной жизни, приведшая его къ фатальному концу. Выдвинулось на сцену столь обыкновенное въ Турціи явленіе — обвиненіе Георгія въ принятіи ислама и возвращеніи потомъ къ вѣрѣ отцовъ своихъ. Христіанинъ отрицалъ взведенную на него клевету, но нашлись, конечно, свидѣтели, подтверждавшіе его магометанство — въ бытность его сеисомъ въ домѣ магометанина. Дѣло огласилось и вскорѣ приняло общенародный характеръ. Фанатики грозили смертію мнимому отступнику. Разсказываютъ, что 17 Января 1837 года, въ день воскресный, [1]) Георгій одѣлся по праздничному, и, выходя утромъ изъ дома, съ особеннымъ чувствомъ прощался съ женой, завѣщевая ей беречь сына, потому что отселѣ и впредь отъ него будетъ имѣть свое пропитаніе. Жена смутилась его словами. Съ дороги онъ еще разъ вернулся проститься и по прежнему поручалъ ей беречь сына. На распросъ ея, что̀ все это значитъ, онъ отвѣчалъ таинственно: „я знаю, что дѣлаю. Вчера проминулъ отсюда святый Димитрій“. Чуть онъ вышелъ на базаръ, на него напали турки, крича, что онъ измѣнникъ вѣры, и пр. Едва не разорвали на куски человѣка. Мѣстный би́мбаши (тысячникъ, маіоръ) вырвалъ его у народа и отвелъ къ мѣстному пашѣ *Нури-Мустафѣ*.

---

[1]) Такъ какъ днемъ казни мученика считается 17 число Января, то сцена прощанія его съ семействомъ должна была имѣть мѣсто тремя днями ранѣе, и не въ воскресный день.

Паша отослалъ его къ кади для усовѣщенія. Оттуда опять его привели къ пашѣ, и отъ него уже въ тюрьму, изъ которой болѣе не вышелъ несчастный. Трое сутокъ его тамъ мучили, вынуждая признаться въ своемъ мусульманствѣ и отречься Христа. Наваливали на него камень въ 100 окъ (около 8 пудовъ) вѣсомъ, вбивали подъ ногти рукъ его иглы, и вкладывали голову его въ какую-то деревянную завертку и сдавливали ее до того, что у жертвы выкатывались глаза. Давимый камнемъ, онъ спалъ глубокимъ и „сладчайшимъ" сномъ. Были и нравственныя попытки отвлечь его отъ Христа. Особенно старался соблазнить его какой-то старикъ ренегатъ изъ влаховъ. Христіане съ своей стороны не оставляли исповѣдника, и, собираясь къ нему по ночамъ, поддерживали его. Наконецъ, видя его непреклонность и боясь разроставшагося въ пользу его говора народнаго въ городѣ, его повѣсили. Такъ онъ висѣлъ мертвый цѣлую ночь, и тутъ-то окружавшая мѣсто казни толпа видѣла сошедшій на него съ неба *свѣтъ*, единодушно всѣми принятый за ореолъ *святости*, приличный мученику. Одинъ изъ сторожившихъ казненнаго солдатъ, при видѣ этого *перваго* чуда [1]),

---

[1]) Чудеса начали оглашаться вскорѣ по кончинѣ Новомученика. Кажется того же 1837 года на утреннемъ богослуженіи въ недѣлю Ваій два мальчика — колченогій и нѣмой — получили полное исцѣленіе, приписанное молитвамъ Святаго. Одна паралычная женщина изъ окрестностей *Мецова*, по совѣту своихъ родныхъ хотѣла какъ нибудь добраться до городка, гдѣ слышала, что есть лѣкаря́. Наканунѣ отправки своей туда видитъ во снѣ, что кто-то въ фустанелѣ (албанскій костюмъ) спрашиваетъ ее, на что́ же она рѣшилась? Та отвѣчала: ѣду въ Мецново.—Не ѣзди, говоритъ ей фустанела́съ, тамъ тебѣ не будетъ пользы. А ты ступай въ Янину. Тамъ найдешь лѣкаря. — Да у меня нѣтъ лошади, чтобы ѣхать туда.—Не безпокойся, завтра будетъ у тебя и лошадь.—Утромъ кто-то подъѣхалъ къ дому больной, вынесъ и посадилъ ее на своего мула, и провожалъ до самой Митрополіи Янинской. Здѣсь ссадилъ ее съ животнаго, и.. былъ таковъ! Женщина тутъ же встала на ноги, совсѣмъ здоровая. Ее всенародно допрашивали передъ Митрополитомъ. Другая недужная, 25 лѣтняя дѣвица изъ Загорья, невладѣвшая ногами, приволочена была матерью въ домъ Святаго и тамъ выздоровѣла. 40 дней народъ ходилъ смотрѣть ее.— Ὁ Πρίγκος ἰατρὸς (μασκαρᾶς κἀι φαρμαζόνος) ἅμα τὴν ἶδε εἰς τὰ ποδάρια, ἔκαμε τὸν σταυρόν

отъ страха ли или отъ фанатической злости, выстрѣлилъ въ него изъ ружья, чѣмъ и закрѣпилъ навѣки истинность факта. Впечатлѣніе быстро разлетѣвшейся по городу вѣсти о случаѣ было глубокое и потрясающее. Оттого и погребеніе Новомученику сдѣлано было торжественное. Отпѣвали его два архіерея — свой Янинскій и Гревенскій. Множество магометанъ, и въ особенности магометанокъ, вполнѣ сочувствовали герою христіанства. Къ сожалѣнію, тогдашній Митрополитъ (недавно бывшій Вселенскимъ Патріархомъ) *Іоакимъ* оказался слабымъ для того, чтобы отстоять дѣло своего безпомощнаго единовѣрца, хотя, какъ увѣряютъ, не переставалъ побуждать христіанъ быть при исповѣдникѣ и поддерживать въ немъ духъ. Вдова страдальца до самой кончины своей пользовалась всеобщимъ сочувствіемъ и уваженіемъ и конечно усерднымъ вспомоществованіемъ, свидѣтельствомъ котораго можетъ быть и тотъ домъ, въ которомъ мы находились. Она умерла всего года за два передъ этимъ, говорятъ, отъ печали, не могши перенести упорнаго отказа нынѣшняго владыки Янинскаго на ея просьбу открыть въ дому ея годичное празднованіе бывшему сожителю ея. Сынъ Святаго не имѣетъ особаго рода занятій, и живетъ боголюбивыми приношеніями благочестивыхъ согражданъ, а также и разныхъ посѣтителей, въ родѣ насъ, и, какъ говорится, есть человѣкъ — та́къ себѣ.

Именитому городу принадлежитъ имя и другаго мученика — тоже изъ „новыхъ", *Іоанна*, предварившаго Георгія болѣе, чѣмъ на 300 лѣтъ. Проживая въ Константинополѣ, и занимаясь ремесломъ цирульника, онъ также обнесенъ былъ мусульманами, что, находясь предъ тѣмъ въ

του. Ποῦ πρὶν πατοῦσε τὴν ἐκκλησίαν! (Лѣкарь Принко — маскарадникъ и фармазонъ — какъ увидѣлъ ее на ногахъ, сотворилъ крестное знаменіе! А прежде — ни ногой въ церковь)! Такъ заключилъ разсказъ свой о Святомъ Новомученикѣ Георгіѣ Духовникъ *Харалампій*.

городѣ *Трикнѣ* (въ Ѳессаліи), принялъ исламъ. За свидѣтелями, какъ всегда, дѣло не стало. Смѣлость, съ какою онъ отрицалъ ихъ показанія, разозлобила фанатиковъ. Послѣ разныхъ жестокихъ мукъ, ему отсѣкли голову 18 Апрѣля 1526 г. Въ этотъ день и совершается мѣстно въ Янинѣ его память. Честная глава его хранится, какъ святыня въ Метеорскомъ Варламовомъ монастырѣ.

Мы спѣшили домой, чтобы застать въ Митрополіи оффиціальное „славословіе" (въ родѣ нашего „Царскаго молебна") о здравіи и благоденствіи и побѣдѣ надъ супостатами (!) державнѣйшаго и тишайшаго [1]) Государя Абд-улъ Азисъ-хана, но нашли квартиру свою переполненною гостями, и должны были остаться дома, слышали только вторичную канонаду, ушедёрную музыку военную, шумъ и гамъ народа по близости (около Митрополіи). Въ числѣ гостей нашихъ были и два мѣстныхъ археолога, — давно извѣстный мнѣ своею книгою, г. *П. Аравандинόсъ*, авторъ стократно-упомянутой мною *Хронографіи Эпира*, и другой г. *Цимýри*. Бесѣда съ ними, разумѣется, была самаго оживленнаго свойства. Рѣчь зашла конечно и о пресловутой *Додонѣ* съ говорливыми голубками (по нашему сказать бы: чечотками), вѣщимъ дубомъ, упомянутыми колокольчиками и пр. Хотя мнѣ и хорошо была извѣстна изъ сочиненія перваго попытка его искать Додону въ самой Янинѣ, и именно въ крѣпости, гдѣ теперь высится мечеть съ древними колоннами, и авторъ зналъ, что я знакомъ съ его книгой, но онъ съ смиреніемъ настоящаго ученаго, на вопросъ мой о наиболѣе вѣроятномъ мѣстѣ всесвѣтнаго прорицалища древности, отвѣчалъ, что различные различно думаютъ, и что большинство ученыхъ пріурочиваютъ ему гору *Кастрицу* (какъ бы: крѣпостцу), находящуюся на юж-

---

[1]) Γαληνότατος (отъ: γαλήνη—тишина на морѣ), serenissimus. Во всякомъ случаѣ наше: *тишайшій* не выражаетъ сути дѣла. Польское: *jaśnie* (вельможный) ближе бы подходило къ дѣлу, но тоже односторонне.

номъ берегу озера, гдѣ есть еще остатки циклопскихъ называемыхъ построекъ, чѣмъ окончательно расположилъ меня видѣть эту, и безъ того уже намѣченную у меня, Додону.

Оба владыки также почтили насъ своимъ посѣщеніемъ. Съ ними всего лучше бесѣда клеилась о Его Величествѣ, „народо (разумѣй: греко-)любивомъ" султанѣ, подъ сѣнію милостиваго и правдолюбиваго правительства котораго все цвѣтетъ и благоухаетъ.. Честью для насъ также можно считать и визитъ учителей мѣстной семинаріи, или оффиціальнѣе *Зосимовской Школы* (Ζωσιμαία Σχολή), — людей всѣхъ съ весьма достаточнымъ для мѣста образованіемъ. Бесѣда съ ними, начавшись обоюдными любезностями, мало по малу, минуя все учебное и научное, перешла прямо къ животрепещущему вопросу народностей. Опать явились на сцену и тенденціозно-смѣшной *Пловдивъ* вмѣсто историческаго *Филиппополя*, и антиканоническій *Св. Стефанъ* — въ Балатѣ, и Иларіонъ и Унія, и пр. Вышли настоящіе „дебаты", какъ выразился скорый на сближенія спутникъ мой. Оказалось, что мы, какъ филеллины, живя въ славной памяти Византіи, должны были умѣрять жаръ *Панславистовъ*, а не поддувать вызовомъ болгаръ въ русскія школы, разсылкою по Турціи славянскихъ книгъ, славофильскими комитетами и пр. и пр. Не скажу, чтобъ и гостямъ нашимъ не пришлось при этомъ выслушать такихъ характеризацій *панэлленизма*, отъ которыхъ у патріота кипитъ желчь и стучатъ зубы. Что дѣлать? Еще разъ пришлось вызвать на сцену филеллина (!) Лорда Редклифа съ его пресловутымъ совѣтомъ панелленистамъ, стараться болѣе всего размножиться.. А затѣмъ уже сами собою исчезнуть и *Пловдивъ* и *Солунь* и самъ *Цариградъ*, на мѣсто же ихъ возсіяютъ вновь Византія, Ѳессалоника, Филиппополь.. Я даже выразилъ надежду или опасеніе, что тогда и наша *Москва* будетъ извѣстна подъ настоящимъ эллинскимъ именемъ Μόσχα, и нѣмецкій *Мюнхенъ* всѣ будутъ звать: Μόναχον.. Впрочемъ, мы разстались дружелюбно, съ пожеланіемъ чтобы ожили и

процвѣли по всему Востоку не только увядшіе разсадники эллинскаго образованія, но даже Додонскіе дубы съ прорицалищемъ Юпитера Панэллинскаго.

Учительскому персоналу гимназіи поревновали сами учредители ея или потомки [1]) ея учредителя, въ свое время весьма извѣстнаго богача, ведшаго торговлю въ Россіи, *Панагіота* (сокращенно — *Папа*) *Зосимà*, гражданина, хотя и не уроженца Янины. По обстоятельствамъ, я не могъ видѣться съ ними, хотя давно сочувствую ихъ имени, весьма славному и почитаемому въ эллинскомъ мірѣ. Славятся собственно 5 или 6 сыновей родоначальника Панагіота, и между ними особенно братья *Николай* и *Зой*. Всѣмъ извѣстно завѣщаніе Николая, сдѣланное въ 1843 г. въ Москвѣ. Изъ него видно, что на Янинскую школу, носящую имя завѣщателя, было отписано 290,000 рублей ассигнац. Вся же, завѣщанная имъ сумма простиралась свыше милліона тогдашнихъ рублей. Самая незначительная доля капитала досталась родственникамъ и слугамъ. На равнѣ съ эллинскими воспользовались имъ и русскія учрежденія. Право, нельзя налюбоваться довольно такимъ рѣдкимъ и свѣтлымъ явленіемъ нравственнымъ!

Кончился дневной шумъ съ неоднократно-возобновлявшимися изъ крѣпости пушечными салютами, поздравленіями, маршировками и пр. Консульство наше наравнѣ съ другими домами освѣтилось плошками и фонариками. У кого была охота, пошелъ глазѣть на городскую иллюминацію. Подремавши надъ Гильфердингомъ, отысканнымъ въ хозяйской библіотекѣ, я прильнулъ къ „Хронографіи“, справедливо по-

[1]) Точнѣе: родственники, чѣмъ потомки. Прямыхъ потомковъ въ мужескомъ колѣнѣ, далѣе своихъ сыновей, Панагіотъ Зосимà не имѣлъ. Всѣ же сыновья его провели вѣкъ свой холостыми, съ цѣлію, какъ говорятъ нынѣшніе ихъ панигиристы, не раздроблять нажитаго сообща капитала, отписаннаго всецѣло на дѣла благотворенія.. Если это правда, то «днемъ съ огнемъ» поискать, по пословицѣ, еще такого другаго примѣра благотворительныхъ интенцій человѣческихъ!

лагая, что лучшаго мѣста для ознакомленія съ нею нѣтъ, какъ Янина. Отыскалъ въ ней и *Панагіота Зосиму* и четырехъ сыновей его: *Анастасія, Михаила, Зоя* и *Николая* [1]), занесенныхъ въ списокъ благотворителей города. Съ удовольствіемъ прочелъ я въ томъ же спискѣ не мало и другихъ фамилій, тоже вѣроятно изъ Эпира, жертвовавшихъ на свою отчизну наши русскіе рубли, и слѣдовательно или жившихъ въ Россіи, или ведшихъ съ нею торговлю. Таковы: братья *Мелà*, братья *Вреттò*, Хаджи-*Нйку*, Хаджи-*Коста*, *Маруλи*, *Горголи*, *Зу́ка*, *Коницоти*, *Христóдулъ*, *Балáно*, *Каплáнц*, и пр., такъ что, по всѣмъ ихъ завѣщаніямъ, набирается весьма солидная цифра въ 1.107.610 рублей ассигнаціонныхъ, процентами съ которой жилъ и живетъ эллиничнѣйшій городъ Турціи. Право, пріятная встрѣча! Не нашелъ я въ ряду ихъ, не знаю почему, не менѣе славное имя милостивца (ἐλεοθέτου) *Ризáри* или собственно двухъ братьевъ *Манѳа* и *Георгія Ризáри* [2]), урожденцевъ все того же пресловутаго Загорья, предпочетшихъ свой милліонный капиталъ завѣщать на славныя Аѳины, гдѣ на ихъ деньги выстроена и содержится столько лѣтъ уже Богословская школа ихъ имени. Они тоже по мѣсту жительства и дѣятельности, наши русскіе. За именами *Зосимá* и *Ризари* я охотно ставлю симпатичную личность *Зоя Каплани*, односельца съ Зосимà. Сирота, выгнанный изъ дома

---

[1]) Прибавляютъ къ нимъ еще два имени: *Ѳеодосія* и *Іоанна*. Первый — Ѳеодосій, представляется далеко упредившимъ всѣхъ другихъ по жизни и дѣятельности. Умирая (1793 г. Москва), онъ завѣщалъ каждому изъ братьевъ своихъ по 40.000 рублей. *Іоаннъ* велъ торговлю въ Нѣжинѣ, † 1786 г. Анастасій проживалъ въ Москвѣ, издавая сочиненія разныхъ, славившихся тогда грековъ. *Зой* былъ кажется банкиромъ въ Москвѣ, и имѣлъ русскіе чины. *Михаилъ* жилъ болѣе въ Италіи. *Николай*, переживщій всѣхъ братьевъ, умеръ въ 1842 г.

[2]) *Манѳъ* умеръ въ Россіи въ 1821 г., а *Георгій* въ Аѳинахъ 1 Іюля 1841 года. Какъ и Зосимы, оба брата не вступали въ бракъ. Живую память послѣдняго я еще засталъ въ Аѳинахъ въ 1850 г. Считался онъ вообще черствымъ и скупымъ человѣкомъ.

мачихой, онъ мальчикомъ продавалъ дрова въ Янинѣ, которыя таскалъ на спинѣ своей, пока не вошелъ въ компанію съ другими бѣдняками, имѣвшими грузоваго осла. Не допущенный разъ даже ночевать въ ханѣ, онъ велъ потомъ торговлю въ Бухарестѣ и Москвѣ, и завѣщалъ по смерти своей капиталъ въ 180.000 франковъ на Янинскую школу и на другіе предметы благотворенія. Нося имя *Пикрозоя* (πικρὰ ζωή — горькая жизнь), онъ считался для незнающихъ дѣла безмѣрнымъ скрягой, благотворя тысячамъ въ тайнѣ, по Евангелію. Умеръ въ Москвѣ въ 1809 г. [1]) Существуетъ на русскомъ языкѣ и его біографія, изданная отдѣльною книжкой, которой не удалось мнѣ впрочемъ видѣть. Таже „Хронографія" въ особомъ перечнѣ старѣйшихъ и почетнѣйшихъ фамилій Янинскихъ, дала мнѣ случай пріятно встрѣтиться съ нѣсколькими, давно мнѣ извѣстными и отчасти близкими именами: *Дросо, Палли, Пондики, Комбати* и пр. [2]) Припомнилось мнѣ при этомъ и то живое и глубокое сочувствіе Эллинской столицы всему, что происходило въ тѣ годы (1850—1860) въ Эпирѣ, и въ частности — здѣсь въ Янинѣ, и еще частнѣе — въ здѣшней именитой гимназіи. У славныхъ *Аѳинъ* съ пресловутой (по Али-пашѣ, капиталистамъ и школьному дѣлу) *Іоанниной* можно было замѣтить тогда что-то въ родѣ родства или свойства, тѣснѣйшаго, чѣмъ съ какимъ бы то ни было другимъ центромъ разбросаннаго по свѣту гречества. Ослабила эту связь только

---

[1]) Разсказывалъ мнѣ бывшій консулъ нашъ въ Аѳинахъ, *И. К. Папарригопуло*, что въ то время, какъ *Зосима́* у всѣхъ былъ въ славѣ и любви въ Москвѣ, *Пикрозоиди* отталкивалъ отъ себя всѣхъ своею скупостію. Оба умерли почти въ одно время. Перваго провожали въ могилу знать и пышность, послѣдняго—тысячи бѣдняковъ, получавшихъ отъ него тайно милостыню.

[2]) Также, извѣстные ученостію, *Неофитъ Дука, Георгій Геннадіосъ* — оба изъ Загорья, *Константинъ Асопій*, доселѣ профессоръ Аѳинскаго университета и первый филологъ Греціи, — *Георгій Ставро*, учредитель Эллинскаго Банка, *Анастасій Гуда*, медикъ и писатель, издавшій уже 8 томовъ «параллельныхъ жизней» (по примѣру Плутарха) замѣчательныхъ грековъ новѣйшей исторіи.

въ послѣдніе года искусственно возбужденная „мужами аѳинейскими“ ходульная симпатія къ Ѳракіи, по поводу начавшагося тамъ Болгарскаго движенія.

Додона. 14 Іюля 1865. Понедѣльникъ.

Солнце уже высоко стояло надъ высокимъ Пиндомъ, когда мы привѣтствовали другъ друга съ добрымъ утромъ. Да позволитъ мнѣ ослѣпительное свѣтило дня взглянуть на него изъ сѣдой древности. Здѣсь вѣдь, въ первоначальной лабораторіи эллинскаго міросозерцанія, имѣла мѣсто, конечно, и первая попытка составить хотя сколько нибудь подходящее понятіе о томъ, что̀ тамъ творится въ недосягаемомъ верху съ такимъ неизмѣннымъ, ежедневно возобновляющимся порядкомъ, правда не строгимъ, но отъ того еще болѣе любопытнымъ, — чередуясь то свѣтомъ, то мракомъ, то движеніемъ, то покоемъ, то жаромъ, то холодомъ. Появится.. начнетъ подниматься.. все выше и выше.. ждешь, что совсѣмъ уйдетъ въ небо, — нѣтъ, опять начнетъ опускаться, подойдетъ къ землѣ и — скроется за нею — „въ закровѣ и завѣсѣ“ (ἐν κρυπτῷ καὶ παραβύστῳ)... кто или что? Вотъ это-то и есть вопросъ нерѣшимый! Очевидно — нѣчто живое, смыслящее, задавшееся опредѣленною цѣлію, дѣлающее свое дѣло не смотря ни на что и даже утомляющееся по нашему и, въ концѣ концовъ, отправляющееся ко сну, похожее какъ будто на насъ такимъ образомъ. Но, что именно? неизвѣстно. Нашихъ зрительныхъ трубъ у древности нѣтъ, чтобы изблизи посмотрѣть на отдаленнаго пѣшехода. Даже въ закопченное стекло едва ли кому приходитъ мысль взглянуть на него. И весьма не безопасно такое дѣло. Какъ разъ ослѣпнешь. Но, вотъ кстати онъ самъ, невѣдомый иксъ, когда приходитъ часъ отдыха его вечерняго, сбрасываетъ съ себя свѣтовую хламиду и остается, какъ и мы, въ одномъ хитонѣ. Тогда можно и высмотрѣть его. И чтоже? О, отецъ жизни (Ζεῦ πάτερ)! Вѣдь это просто свѣт-

ленькой кружокъ! Но, и то правда, чему же и катиться по кристальному своду, какъ не кружку? Дѣло ясное, это — колесо, у котораго спицы (ἧλοι) [1]) отъ быстраго обращенія не различаются, отбрасывая только тѣнь отъ себя по небу, въ видѣ лучей. Онѣ-то безпрестанною смѣною своею и производятъ рябь въ глазахъ у человѣка, желающаго заглянуть куда не слѣдуетъ. Однако же, исчисленныя свойства таинственнаго бѣгуна небеснаго не приложимы къ простому колесу. Они предполагаютъ колесничника, ворочающаго τοὺς ἧλους.. Пусть онъ и будетъ отъ сего самаго, — ἥλιος, незримый конечно, какъ и самъ Зевсъ, не изъ земно-родныхъ очевидно, но приставленный къ нимъ и проживающій въ странѣ Блаженныхъ, въ *Илисіяхъ* (ἡλίου λύσις?), гдѣ обыкновенно и проводитъ ночь.. На этомъ убаюкивающемъ пунктѣ и остановиться бы эпиротскому міросозерцанію. Но, не даромъ была тутъ и процвѣтала другая фабрика идей — *Додона*, устроенная залетными изъ Египта пташками по другимъ образцамъ. Для нея своедѣльный *Иліосъ* казался только переходной стан-

---

[1]) Признаемся въ филологической натяжкѣ, производя ἥλιος отъ ἧλος. Очень бы хотѣлось отыскать корень перваго имени, чтобы дѣйствительно заключить отъ него къ древнѣйшему міросозерцанію Эллинскаго ума; ни ἐλαύνω ни ἁλίσκω не удовлетворяютъ, хотя по смыслу своему и могли бы быть притянуты генетически къ солнцу — гонящему или гонимому по небосклону, а равно и (въ какомъ нибудь отношеніи) ловящему что нибудь (напр. облака) или ловимому кѣмъ нибудь (луною, тьмою). Очень можетъ быть, что корень слова: ἥλιος таится въ какомъ нибудь не греческомъ языкѣ тогдашнихъ туземцевъ сихъ мѣстъ, и прежде всего, конечно, въ языкѣ таинственныхъ пеласговъ, предковъ будто бы нынѣшнихъ Албанцевъ. Къ сожалѣнію, я совершенно не знакомъ съ языкомъ сихъ послѣднихъ, и не знаю, есть ли въ немъ что нибудь, намекающее на солнце, и звучащее: эль (*аль*, *ыль*..), F'эль, S'эль, Фс'эль.. Несомнѣнно, что *придыханіе*, которымъ начинается слово, должно быть или придуваніемъ (губнымъ) или свистѣніемъ или шипѣніемъ, однимъ словомъ: должно имѣть мѣсто на внѣшности устъ, а не въ глубинѣ, гдѣ мѣсто придыханію г или *х* или (арабскому) *зх*, смѣшиваемому изобрѣтателями новаго греко-нѣмецкаго, гелленскаго произношенія, съ дигаммами перваго порядка, беззазорно и смѣхуподобно пишущими ἥλιος — *Геліосъ*, вовсе не помышляя, что тѣмъ самымъ возбуждаютъ въ Эллинахъ неподдѣльный гомерическій смѣхъ — Γέλως.

ціей мысли, успокоивалъ и на время, но не убѣждалъ. Кто бы онъ ни былъ этотъ *Иліосъ*, или *F*(дигамма) *Эліосъ*, пусть даже *Селіосъ* — братъ *Селины* (Луны), все же онъ долженъ принадлежать къ вѣдомству признаваемаго всѣми Додонами Зевса-громовержца, и слѣдовательно занимать опредѣленное въ небесномъ Олимпѣ мѣсто. По зрѣломъ обсужденіи педантовъ-ритуалистовъ, оказалось, что это не иной кто, какъ *Фивъ* (Фебъ), сынъ земли и неба, и родной братъ *Фивы* (Фебы). Оба они съ сестрой и ходятъ ежедневно между небомъ и землей, одинъ — днемъ, другая — ночью, гоняясь другъ за другомъ. Хорошо бы и такъ, но и Фивъ, не имѣя такъ сказать законнаго метрическаго свидѣтельства, не удержался при дальнѣйшей систематизаціи надземныхъ властей и областей. Ему подставлено было ходячее имя *Аполлона*, у котораго всѣ, требуемые закономъ документы на солнечество оказались въ исправности. Даже случай съ сыномъ его *Фаетономъ*, чуть не сожегшимъ всего неба, отыскался въ записяхъ архивныхъ. Что оставалось дѣлать Янинцу тѣхъ временъ съ *Иліосомъ-Аполлономъ*? Махнуть на все рукой, по нашей выразительной пословицѣ.

Намъ, лучше древнихъ разумѣющимъ, что̀ такое *Иліосъ* и хорошо знающимъ, кто̀ такіе *Фивъ* и *Аполлонъ*, и подавно слѣдовало бы махнуть рукой на всю баснословную древность со всѣми ея пресловутыми Дельфами, Додонами, Элевсинами.., относясь къ нимъ, какъ возрастный человѣкъ относится къ игрушкамъ своего дѣтства. А между тѣмъ, чѣмъ ближе мы подходимъ къ завѣтной *классической* землѣ, тѣмъ живѣе становится желаніе видѣть ее во всѣхъ ея, прославленныхъ баснословіемъ мѣстностяхъ. Былъ и естественный поводъ къ тому. На семейномъ совѣтѣ нашемъ за утреннимъ чаемъ разсматривался первостепенный для насъ въ настоящія минуты вопросъ о направленіи пути, которымъ намъ предстоитъ возвратиться домой. Точно магнитомъ тянуло мысль мою при этомъ къ Востоку. Повидавши

Эпиръ, естественно было пожелать видѣть и Өессалію. Дѣтское воображеніе, въ первый разъ знакомившееся (по Шрекку) со всѣмъ, что̀ зовется „классическимъ", помню, готово было принимать Эпиръ и Өессалію за родныхъ брата и сестру. Чѣмъ-то похожимъ на обиду послѣдней казалось и теперь проѣхать мимо нея. Предположеніе, что мы ее отчасти видѣли въ минувшій четвертокъ съ снѣговыхъ вершинъ Пинда, никого не удовлетворяло. Запугивающій аргументъ отъ имени „цѣлой жизни" бралъ верхъ. „Вѣдь *цѣлую жизнь* будемъ все раскаиваться, что были такъ близко къ пресловутой „отчизнѣ боговъ", и не заглянули въ нее, говорилось внушительно. Правда, что отъ *цѣлой*-то жизни осталась уже небольшая *частичка*, а „богородная" земля вѣроятно очень похожа на какую нибудь негодную къ труду человѣческому пустошь, но слово: *Өессалія* зашивало всѣ прорѣхи. Ѣхать! Но — куда, до коихъ мѣстъ, въ какой прибрежный пунктъ Эгейскаго моря? Въ *Воло*? Далеко. Въ *Солунь*? Не ближе. А главное, мѣстности-то все малопроѣздныя и небезопасныя представляются на пути семъ, фатально-„восточномъ". Мнѣ лично желалось остаться вѣрнымъ разъ принятому западному направленію и проѣхать Балканскій полуостровъ отъ моря до моря. Звеномъ, соединяющимъ крайности, явился, какъ бы по вдохновенію предложенный хозяиномъ планъ: съѣздить въ *Метéоры*, и возвратиться въ Янину! Чуть не раздались рукоплесканія при такомъ блестящемъ проектѣ, озабоченныя лица вдругъ прояснились, что-то тихо убаюкивающее какъ будто послышалось въ воздухѣ; будь мы спириты, намъ оставалось бы осмотрѣться въ комнатѣ, и поискать, не сдѣлана ли какая нибудь мебель изъ вѣщаго дуба Додонскаго, подсказавшаго такую комбинацію.. Карта дѣйствительно указываетъ мѣсто пресловутымъ *Метéорамъ* (т. е. Метеорскимъ монастырямъ) въ Өессаліи. На счетъ разстояній тутъ-же получены самыя успокоительныя свѣдѣнія: оказывается всего 12 часовъ пути между двумя пунктами. Наконецъ, самое важное — от-

личный Търпко объявилъ, что онъ ѣдетъ съ нами, и что ни въ комъ другомъ, кромѣ него, мы не имѣемъ нужды. Чего-же еще болѣе? И такъ рѣшено: завтра же мы въ *Ѳессаліи*!

А пока чтò, мы взялись за зонтики и отправились отдавать визиты. Прежде всего, конечно, пошли въ именитое *Зосимское Училище*, теперь скромно именующееся гимназіей. Ученія въ ней не застали, потому что былъ уже полдень, или по другому чему, не могу сказать. Одинъ изъ учителей г. *Стéфанъ* показалъ намъ школьное зданіе во всѣхъ его подробностяхъ. Такъ напомнило мнѣ оно собою сырую, гнилую, темную и неумытую Константинопольскую *Великую Школу Рода*, что я, зная ту, почти могъ разсказать водившему насъ Кикерону (Чичероне) напередъ, гдѣ что есть или быть должно въ этой. Ни тамъ ни здѣсь никто не думаетъ обитель музъ сдѣлать привлекательною, заманивающею однимъ своимъ видомъ къ себѣ юное воображеніе, а за нимъ и сердце. Наукѣ, какъ Иракловой неодѣтой истинѣ, предоставляется, какъ видно, тутъ самóй завлекать любознательную юность. И чтоже? Въ огромномъ большинствѣ она дѣйствительно стремится такъ сказать безъ оглядки туда, гдѣ я, даже однихъ съ нею лѣтъ будучи, безъ тоски не просидѣлъ бы и 10 минутъ. Чѣмъ объяснить такую разницу? Строго-формальнымъ, тѣснящимъ и давящимъ порядкомъ нашего (временъ оныхъ) обученія, и легкимъ, какъ бы прямо веселымъ, характеромъ школьнаго дѣла у грековъ и можетъ быть вообще у Восточныхъ. Чтобы *училище* сдѣлать *школой* (σχολὴ — отдыхъ), мы едва ли годимся для этой задачи, по крайней мѣрѣ, мы того времени совсѣмъ не годились. Довольно мнѣ двухъ-трехъ пріемовъ разговорныхъ сопровождавшаго насъ учителя, чтобы сразу понять весь секретъ двухвѣковыхъ успѣховъ Янинской школы, этой можно сказать купели возродившагося на глазахъ нашихъ эллинства. Я не даромъ распространяюсь о ней въ стѣнахъ ея. Значеніе ея въ новой исторіи греческой громадное. Теперешняя гимназія составляетъ

уже четвертую или пятую фазу ея развитія, не только не самую блестящую, но, я сказалъ бы, уже довольно тусклую. Передъ Аѳинскими учебными заведеніями она, просто историческая ветошь. Ни библіотеки ея, ни музея мы не видѣли, потому что ключи отъ нихъ находятся на рукахъ одной мѣстной знаменитости, не давно вышедшей изъ учительскаго персонала заведенія, и еще не расквитавшейся съ нимъ вполнѣ. Отошедъ значительно отъ гимназіи, я еще оборотился посмотрѣть на нее. Вѣдь все-таки она намъ какъ бы.. но о Ζεῦ πάτερ! смѣю ли я договорить?. какъ бы *своя*, — на наши „ассигнаціи" выстроена, содержалась и содержится доселѣ. Живой родникъ, такъ сказать, эллинства — и славянскіе рубли! Какая издѣвка судьбы надъ заносчивымъ самоублаженіемъ патріотовъ!

Археолога *Цимури* мы не застали дома. За то я истинно очарованъ былъ всѣмъ, что встрѣтилъ въ домѣ достоуважаемаго автора „Хронографіи Эпира", г. *Аравандино*. Ни въ чемъ ни малѣйшимъ образомъ не высказываетъ себя тутъ ученый человѣкъ. Видѣнъ одинъ простой палликаръ, какихъ сотни можно видѣть въ Греціи, напоминающій собою обойденнаго или забытаго *агониста* (принимавшаго участіе въ войнѣ за независимость), въ родѣ фустанельныхъ „стратиговъ" (почетныхъ генераловъ), знакомыхъ мнѣ по Аѳинамъ. Скромное уклоненіе отъ похвалъ его ученымъ трудамъ и даже какъ бы прямое нежеланіе говорить о нихъ, въ соединеніи съ болтовней о чемъ попало, удивили меня. Точно не онъ есть творецъ извѣстной подъ его именемъ книги, цѣнимой ареопагомъ Европы! Не безъ удивленія и онъ видѣлъ въ своемъ домѣ русскихъ людей, да еще такаго покроя, занимающихся исторіей его роднаго угла. Великодушно предложилъ мнѣ отличный человѣкъ, на память знакомства нашего, въ даръ свой настольный и уже довольно поистрепанный экземпляръ *Хронографіи*, хотя я, зная весьма ограниченныя средства писателя, всячески пытался ввернуть словцо о воздаяніи. Съ полнымъ утѣшеніемъ оста-

вилъ я свѣтлый и уютный домикъ историка, пожелавши такимъ, какъ онъ, видѣть весь народъ эллинскій. Подобнымъ людямъ невольно уступаешь даже въ ихъ исключительныхъ взглядахъ на свое значеніе историческое и географическое. Какъ не желать, въ самомъ дѣлѣ, Эпиро-Θессалійцамъ и даже Македонцамъ возвращенія своей родной стороны къ великому и славному политическому существованію? И какъ отказать въ этомъ желаніи? Такъ оно естественно и такъ сочувственно въ принципѣ всѣмъ! Стократно жалѣешь, чуть не болишь, о томъ печальномъ и непоправимомъ обстоятельствѣ, что фатальная колонизаціонная система разсѣяла живучій и кипучій народъ по всѣмъ, такъ сказать, щелямъ Востока, не скучивши его надлежащимъ образомъ нигдѣ, и оставивши отдаленнымъ потомкамъ терпкую оскому неосуществимыхъ надеждъ политическихъ, выдѣлавшую изъ естественныхъ поборниковъ и проводниковъ равноправности человѣческой эгоистовъ и притѣснителей себѣ подобныхъ!

Заручившись, при послѣднемъ визитѣ, въ своемъ родѣ благословеніемъ осмотрѣть *Додону* именно тамъ, гдѣ мы ее уже давно намѣтили, мы, послѣ малаго отдыха въ квартирѣ, забрали съ собой книги, карандаши, разныя мѣры и неразлучные порт-моннѐ, и спустились на озеро. Тамъ уже ожидала насъ довольно приличная и удобная лодка съ сильными, загорѣлыми гребцами и тщедушнымъ штурманомъ, котораго немедленно замѣнилъ нашъ Босфорскій мореплаватель. Указанъ румбъ Z. Z. O. Раздалась команда: ἐμπρός, и — мы понеслись второй разъ по историческимъ водамъ. Городъ остался позади насъ, а съ нимъ и все изъ живучей современности. Окружающія озеро горы, видѣвшія его за тысячи лѣтъ передъ нами, заговорили намъ о его и своемъ минувшемъ. Такъ-же на нихъ смотрѣли и тоже въ нихъ видѣли и тѣхъ отдаленныхъ временъ пловцы, подобно намъ направлявшіеся къ одному изъ прибрежныхъ холмовъ, стяжавшему славу божественныхъ откровеній. Но, пока мы доберемся до него въ своей

утлой конхилѣ, я считаю долгомъ справиться, гдѣ слѣдуетъ, предварительно о томъ, что 1) *Додона* находилась у народа *Молоттовъ* или въ *Молоссидѣ*. Народъ же и землю съ подобными именами древняя географія указываетъ за *Өеспротіей*. Өеспротія же должна лежать за *Хаоніей*, Хаонія же.. въ Эпирѣ, или точнѣе *среди* Эпира [1])! И безъ малѣйшей охоты острить, напрашивается при семъ на языкъ за словомъ: Хаонія, хаосъ! Но все же ближайшая сосѣдка пустоименной Молоссиды, *Өеспротія* очерчивается у древнихъ нѣсколькими ясными признаками. Такъ, въ ней былъ городъ *Амвракія*, столица славнаго царя Пирра, которой очевидно должно искать на Амвракійскомъ, теперь Артскомъ, заливѣ. И такъ, что̀ находится (смотря изъ Греціи) *за* нынѣшнимъ Артскимъ округомъ, то̀ и есть Молоссида, а слѣдовательно и мы находимся какъ разъ въ ней. 2) Около Додоны въ Омирово (Гомерово) время жили воинственные *Перревы*, а Перревія отожествляется (у Пуквиля и др.) съ нынѣшнимъ *Загорьемъ*. Слѣдовательно, указанія опять мѣтятъ на насъ. 3) Тотъ-же Омиръ называетъ Додону „труднозимнею“ (δυσχείμερον). Признакъ хотя довольно общій, но все же подходитъ къ замерзающему иногда по всей своей поверхности Янинскому озеру. 4) Додона (по Стравону) лежитъ подъ горою *Томаромъ* [2]).. Имя это конечно не дожило до на-

---

[1]) Χαονία μέση τῆς Ἠπείρου (Стефанъ). Вопросъ: откуда древніе географы начинали свое перечисленіе областей Эпирскихъ? отвѣтъ: разные — разно. Затѣмъ естественно выйти хаосу у желающаго видѣть предметы ясно. *Хаонія* была повидимому сѣвернѣе всѣхъ другихъ у *Акрокеравнскихъ* (теперь: *Химара*) горъ. *Өеспротія* южнѣе ея тянулась по берегу, можетъ быть, до самаго Артскаго залива. *Молоссія*, хотя тоже въ какой-то точкѣ выходила къ морю, но собственно была внутри материка. Додону древніе причисляли и къ Молоссамъ и къ Өеспротамъ. Значитъ, она была на границѣ двухъ областей. Молоссы когда-то были довольно бойкимъ и сильнымъ народцемъ и имѣли своихъ царей. У одного изъ нихъ, именемъ *Адмета*, проживалъ, спасая животъ свой, знаменитый *Өемистоклъ*.

[2]) Τόμαρος (или Τμάρος — по Стравону). Гора съ этимъ именемъ извѣстна и те-

шего времени, но все же хребетъ *Мичкели* съ южнымъ заворотомъ его *Дрискомъ* [1]), на столько значительны въ мѣстности этой, что весьма хорошо могутъ играть роль Томара, изъ подошвы котораго вытекали когда-то 100 (!) источниковъ. Эта-то сотня ключей и могла образовать несуществовавшее вѣроятно ни при Омирѣ, ни при Стравонѣ Янинское озеро, началомъ которому могли служить болотистыя топи, окружавшія, какъ извѣстно, священную рощу. 5) Додона омывается рѣкою того же имени, ежедневно около полудня высыхавшею въ тѣ далекія времена, и имѣвшею кромѣ того странное свойство зажженный факелъ тушить, а потухшій зажигать.. Если такая рѣка принадлежитъ къ области не одного воображенія, то, за невозможностію отожествить ее съ извѣстными большими (пересыхаетъ въ полдень..) рѣками Эпира, все же ей умѣстнѣе быть тамъ, гдѣ много воды, неизвѣстно, какъ, когда и отчего образовавшейся теперь въ озеро, поглотившее можетъ быть десятки рѣчекъ, подобныхъ Додонской.

Этихъ признаковъ довольно для насъ на первый случай. Осталь-

перь по близости города Эль-Бассана, но очевидно, что не о ней идетъ тутъ рѣчь. На новой картѣ Эпира и Θессаліи, греческой, Томаръ отожествляется съ *Стугарой* Киперта, лежащей къ западу отъ Янины, на какомъ основаніи, неизвѣстно. За то, у Киперта какъ разъ къ югу отъ озера Янинскаго указывается мѣстность подъ общимъ именемъ Tomarochoria (Τομάρου *χωρία-Селенія Томара*), намъ это было бы на руку, но греческая карта называетъ туже мѣстность *Кацано-Хоріа.* Не слѣдуетъ умолчать о созвучномъ имени *Томуровъ*, по Стравону, истолкователей вѣщаній Зевса Додонскаго, иначе *Θемистовъ*, а проще—священниковъ, получившихъ это имя отъ горы *Томара.* Недовольный этимъ, Пуквиль почему-то воображаетъ Додонскихъ левитовъ, по обычаю семитическихъ племенъ обрѣзанными, и скандально ищетъ видѣть въ *Томурѣ* «отсѣченный хвостъ» (τομὴ οὐρᾶς), только хвостъ въ иносказательномъ смыслѣ.. Вотъ — и не prophète, а чуть ли не—fripon!

[1]) Δρύσκος можно считать производнымъ отъ: δρῦς — дубъ, что опять было бы съ руки намъ. Но есть писатели, у которыхъ пресловутое дерево зовется не *дубъ*, а *букъ* (φηγὸς-fagus). Впрочемъ, родъ и качество Додонскаго вѣщуна, еще дѣло не ясное.

ныхъ будемъ досматриваться на самомъ мѣстѣ. Подплываемъ къ берегу и пристаемъ къ нему у такъ называемой *скáлы* (лѣстницы). Передъ нами стелется ровное поле, а за нимъ высится горка продолговатой формы каменистаго наслоенія, на самой вершинѣ которой пріученный къ подобнымъ зрѣлищамъ взоръ различалъ остатки древней постройки. Мы пересѣкли поле и стали подниматься къ развалинамъ по древнему, отлогому спуску, на коемъ встрѣтили и слѣды бывшихъ когда-то воротъ, да еще и не однихъ. На вершинѣ холма оказалась довольно просторная площадь, обнесенная циклопскими стѣнами неправильныхъ очертаній съ выходящими и входящими углами. Такихъ акрополей (вышгородовъ, кремлей, дѣтинцевъ).. приходилось мнѣ видѣть множество въ Греціи. Обыкновенно они не составляли въ древности самого города, а только служили охраною его, крѣпостію. Думается потому, что, если тутъ была Додона, то ея надобно искать гдѣ нибудь около холма, ниже его, на его скатахъ, и именно на томъ склонѣ, которымъ мы взошли на вершину, обращенномъ къ озеру, потому что въ эту только сторону можно замѣчать слѣды бывшихъ когда-то построекъ. Но ни на верху, ни по бокамъ горы я не могъ усмотрѣть ничего похожаго на основанія храма, обыкновенно въ видѣ болѣе или менѣе обширнаго параллелограмма, еще менѣе—уцѣлѣвшихъ, или хотя разломанныхъ колоннъ, безъ коихъ почти не мыслимъ древній храмъ въ Греціи. Наиболѣе выдающаяся точка мѣстности, впрочемъ, дѣйствительно занята четыреугольною постройкою, но совсѣмъ новаго вида и характера, а именно—малою церковію во имя Св. *Аѳанасія*, къ томуже недавно еще заново перестроенною. Ничего въ ней, вѣющаго глубокою древностію, не обнаруживала ея внѣшность. Но—все же.. Зачѣмъ она явилась тутъ? Когда получила начало бытія своего? Не привязывалось ли къ мѣсту ея въ древности какое-нибудь преданіе языческой эпохи? Кто можетъ отвѣтить на это? Но, чуть я произнесъ мысленно это слово отчаянія, какъ живой отвѣтъ уже стоялъ передъ нами въ

видѣ хозяина мѣста, достопочтеннаго игумена *Кастрицкой* обители св. Предтечи, тутъ же по близости пріютившейся, о. *Діонисія*, услышавшаго о прибытіи „франковъ“ въ его владѣнія, и вмѣсто франковъ нашедшаго „своихъ“. Привѣтствуя насъ, пустынникъ конфузился, что не умѣлъ объясниться съ нами. Когда же мы сразу пожелали ему добраго вечера на его родномъ языкѣ, онъ вдругъ просіялъ отъ такого, достойнаго Додонскихъ вѣщаній, обстоятельства, и съ перваго же слова пустилъ въ насъ единственнымъ числомъ въ изъясненіе своего крайняго удовольствія отъ встрѣчи съ нами. Замѣтивъ мою интенцію расспрашивать его о томъ о семъ, онъ торжественно заявилъ, что въ такой жаръ и послѣ такаго подъема непремѣнно надобно прохладиться водою и дать себѣ отдыхъ, вслѣдствіе чего, не долго думая, и повлекъ насъ въ свой монастырь, оказавшійся, какъ и слѣдовало ожидать, тѣснымъ, невзрачнымъ и ровно ничѣмъ не замѣчательнымъ, хотя церковь его, или покрайней мѣрѣ центральная часть ея, съ высокимъ и краснымъ куполомъ и могла бы напомнить угасающую Византію. Въ теченіи 5—6 минутъ ознакомившись въ стѣнахъ его со всѣмъ, въ томъ числѣ и съ „старицею“ обители, мы усѣлись на дворикѣ въ тѣни широковѣтвистыхъ деревъ, которыя Пуквиль par complaisance назвалъ *дубами*, и подъ воздѣйствіемъ предложеннаго угощенія отдались въ волю крылатыхъ мечтаній о давно минувшемъ. Вѣтерокъ шелестилъ листьями надъ головою, и, почему не сказать? — какъ будто нашептывалъ что-то въ чуткое ухо. Зевсъ, Жевсъ, Іевсъ.. не то слышалось, не то придумывалось, хотя-не-хотя. *Герондисса*, готовя намъ кофе, звенѣла чѣмъ-то за дверями своей кельи. Не черная она голубка, конечно, но все же черница, да еще и старая, именно—то, что Иродотъ разумѣлъ, когда хотѣлъ употребить слово πελειὰς въ значеніи прислужницъ Додонскаго святилища. Звуки толкущаго и трущаго пестика ея правда исходили изъ ступки, а не изъ священныхъ тазовъ или колокольчиковъ, но настолько были внятны, что, сиди тутъ на нашемъ мѣстѣ старожилы

Селлы [1]), *Дріопы, Доллопы, Еллопы, Парорэи, Эніаны, Атинтаны* и.. tutti quanti, они сейчасъ бы прочли въ нихъ или другимъ истолковали глаголъ божества! За 12 лѣтъ передъ симъ, я также сидѣлъ въ тѣни и прохладѣ надъ ручьемъ *Кастальскимъ* (и тоже у церкви Св. *Іоанна*), на предполагаемомъ мѣстѣ Дельфійскаго прорицалища, и напрягалъ всѣ силы ума своего, чтобы угадать тайну производства совершавшихся тамъ откровеній. Конечно, не одно и тоже *Додона* и *Дельфы*. Тамъ Пиѳія сама вѣщала, да еще почти всегда стихами — то что открывало ей божество. Здѣсь же необходимъ былъ посредствующій толкователь невнятнаго языка божескаго. Но и говорили тамъ — Аполлонъ пѣвецъ, а здѣсь, Зевсъ — громовержецъ. Для спири-

---

[1]) Важны для насъ первые изъ нихъ, Σελλοί — по Омиру и Ἑλλοί — по Пиндару. Стравонъ уже въ свое время пускался въ разсужденія по поводу этой разноголосицы. А въ сущности (что мы уже замѣтили выше при словѣ ἥλιος) дѣло сводится все къ тому же свистящему губному придыханію или придуванію. При спокойной рѣчи слышалось вѣроятно *Fеллы*, при возбужденномъ состояніи говорящаго — *Селлы*. Отъ нихъ и мѣстность эта называлась *Эллопіей*, встрѣчаемой у Исіода. По Пуквилю, Селлы — Пелазги родомъ, жили около *Гардіки* (по нему — Додоны), стѣны которой ему его современники гардикіоты называли будто-бы прямо *оградою Селловъ* (!). Несомнѣнно впрочемъ, что въ Еллопіи былъ и городъ *Елла*, которому Пуквиль (угождая и нашимъ и вашимъ) пріурочиваетъ мѣсто на Кастрицѣ. Все четырехчасовое (на 20 верстъ) разстояніе между двумя городищами по западному берегу озера, онъ необинуясь и зоветъ на своей картѣ: Hellopie Селловъ и Аристотель помѣщаетъ у Додоны и по рѣкѣ Ахелою, называя мѣстность ту *Старою Элладою*. Наравнѣ съ Селлами, онъ упоминаетъ и о народѣ Грековъ (Γραικοί), зовомыхъ теперь, говоритъ, Эллинами. И такъ — *Элла, Эллопія, Эллы, Эллины*, да въ добавокъ еще — старая *Эллада*! Вотъ до какихъ родниковъ Эллино-гречества добрались мы!

Не лишнимъ считаемъ присовокупить къ сказанному о *Селлахъ*, что въ Conversations-Lexicon'ахъ Додонскіе жрецы именуются, на мѣстномъ вѣроятно, нарѣчіи Selloi oder Helloi, т. е. греческое падежное окончаніе множ. числа: οἱ, причитается къ корню слова!. Стравоновъ *Томуръ* обращается такимъ образомъ въ *Эллой*. А за тѣмъ?. Затѣмъ охотникамъ до сближеній открывается обширное поле для изслѣдованій о сродствѣ культовъ *Іеговы* и *Іевга* (Зевса) Додонскаго. Въ самомъ дѣлѣ, у Моисея — *Элоимъ*, въ Евангеліи — *Элои*, въ Додонѣ — *Эллой*!

товъ нашего времени, вѣроятно, вполнѣ разоблачается провѣщаніе Пиѳіи. Какъ бы отнеслись они къ Додонской мистеріи, не знаю. Пуквиль, не будучи спиритомъ, и уже совсѣмъ не мистикъ, съ плеча разрубилъ гордіевъ узелъ, сказавъ: On a dit avec raison (еще бы нѣтъ!), que le premier devin ou prophète (!) fut le premier FRIPON!. Не спасибо на худомъ словѣ! Онъ замѣчаетъ при томъ, что вѣровать легче, чѣмъ разсуждать. Но съ такимъ-же правомъ можно возразить ему, что отрицать легче, чѣмъ изслѣдовать. Самъ же онъ замѣчаетъ, что *Софоклъ*, *Плутархъ* и *Евстаѳій* называютъ дубъ Додонскій „много язычнымъ" (πολύγλωσσος). Выраженіе это даетъ разумѣть, что въ Додонѣ первенствующимъ факторомъ чудеснаго было не многосмысліе, столь удобное для friponnerie, а многоязычіе, подъ которымъ не вдругъ укроется плутовство. А если въ самомъ дѣлѣ у священнаго дерева слышалась разноязычная рѣчь? Тогда какъ обойти этотъ фактъ? Плутня, предполагающая скрытыхъ въ дуплѣ дерева всевозможныхъ языковѣдцевъ, съ трудомъ можетъ быть допущена. Схоластически приписывать слову γλῶσσα значеніе обветшавшаго, неупотребительнаго выраженія, мѣшаетъ связанное съ нимъ прилагательное: πολὺς. Чтоже остается Пуквилямъ дѣлать? сказать, что писатели тѣ не знали, чтó говорили? И легко и — неразсудительно, конечно!. Къ сожалѣнію, мы такъ мало знакомы съ исторіей Додонскаго прорицалища, что не можемъ сказать ничего въ объясненіе или въ защиту его прорицательной практики. Приводимый, помнится мнѣ, кѣмъ-то фактъ своекорыстнаго приказа одной изъ Пеліадъ здѣшнихъ Віотійцамъ „учинить нечестіе", кончившагося трагическимъ для нея исходомъ, говоритъ скорѣе, по моему мнѣнію, о неумѣстности въ дѣлѣ плутовства, чѣмъ вообще о плутовскомъ его характерѣ и о построеніи всего, тутъ бывшаго и совершавшагося, чисто на лжи и обманѣ. Правда, наибольшій авторитетъ древности, Иродотъ критически отнесся къ разсказу о перелетѣ изъ Египта въ Эпиръ *черной голубки*,

заговорившей здѣсь человѣческимъ языкомъ (что̀ повидимому легло въ основу всего прорицательнаго характера Додонскаго чтилища), и весьма естественно объясняетъ эту сказку тѣмъ, что завезенная въ Ѳеспротію египтянка, по началу не умѣя говорить мѣстнымъ языкомъ, казалась людямъ щебечущею по птичьи, а потомъ, изучивши языкъ, заговорила по человѣчески. Въ память, и можетъ быть по примѣру своей родины, она устроила тутъ и чтилище Верховнаго Существа, открывши при немъ *ворожбу* (μαντεῖον) или *гадалище*, говоря по нашему. О самомъ впрочемъ „гаданіи“ Иродотъ не отзывается ни въ какомъ смыслѣ. Такъ же, безъ неодобрительныхъ намековъ, относится къ прорицалищу и Димосѳенъ. За ними и Павсаній и Стравонъ и Еврипидъ и самъ Омиръ говорятъ о немъ безъ скептицизма. Конечно, все это были люди, такъ сказать, вѣрующіе, но вѣра не помѣшала однакоже Иродоту отрицать чудесное превращеніе птицы въ человѣка, а Стравону — отличать въ „баснословимомъ (о дубѣ и голубкахъ) поэтическое отъ дѣйствительнаго“.

Процедура угощенія кончена. Новая Пелія [1]) или Пеліада пожелала намъ счастливаго пути и провѣщала, что мы благополучно съѣздимъ въ чудныя *Метеоры*, только уже въ Додону не возвратимся болѣе. Мы заговорили было о необходимости, по возвращеніи, посѣтить *Гардики*, гдѣ тоже.. но экс-Пиѳія не дала договорить намъ нечестивой рѣчи и какъ съ треножника заявила торжественно, что

---

[1]) По Стравону, у Ѳеспротовъ и Молоттовъ, на ихъ языкѣ, стариковъ зовутъ πελίους, а старухъ — πελίας, сходно съ тѣмъ, какъ Македонцы своихъ почетныхъ людей, старшинъ, зовутъ πελιγόνους.. Боюсь надоѣсть, настаивая на своемъ сближеніи звуковъ пеласгическаго: πελ и славянскаго: *бѣл*. А весьма естественно было бы Додонцамъ называть стариковъ своихъ *бѣлыми* а старухъ: πε-λί-ας-*бѣ-лы-я*. Если *Еллы*, *Селлы*, или еще иначе какъ были греки, то этимъ какъ бы дѣлается намекъ, что другіе народцы не были ими. Значитъ, какіе нибудь то *Молотты*, то *Молоссы* могли быть просто Моло*тсы* т. е. Молодцы, въ концѣ концовъ — славяне!

двухъ Додонъ нѣтъ, что Гардики.. тьфу! что тамъ и монастыря нѣтъ. Старица очевидно вообразила передъ собою древнихъ Віотійцевъ. За то новый Томуръ о. Діонисій, провожая насъ опять на ту же площадку, на освѣдомленіе наше о циклопскихъ стѣнахъ и особенно о большой грудѣ камней въ одномъ мѣстѣ, чтб бы такое она значила, и не имѣетъ ли какого особеннаго названія, откровенно признался, что онъ мало что смыслитъ въ исторіи, слыхалъ впрочемъ, что тѝ были царскія палаты, въ которыхъ жили когда-то сперва царь *Ипиросъ*, а потомъ царь *Венеціаносъ*.. Ясное дѣло, что онъ толковалъ намъ вѣщее слово божества *Хрона* (Сатурна-Времени) по чужому лексикону. Не болѣе удачныя объясненія онъ давалъ намъ и въ церкви Св. Аѳанасія, которую мы пожелали разсмотрѣть извнутри. Иконостасъ ея очевидно пожертвованъ какимъ нибудь Московскимъ торговцемъ изъ Янины. Подписи на мѣстныхъ иконахъ русскія. **IС. ХС. ГДЬ ВСЕДЕРЖИТЕЛЬ — МР. ѲV. ѠБРАЗЪ ПРСТЫѦ БЦЫ...СКІѦ — ОБРАЗЪ. СТГО АѲАНАСІѦ ПРІАРХА АЛЕѮАНДРІИСКАГО.** Какого времени эта русская иконопись, нигдѣ не означено. Можно относить ее къ началу текущаго столѣтія. Стѣны Церкви также украшены изображеніями разныхъ святыхъ не дурной кисти греческой. Въ ряду святыхъ помѣщенъ и юноша *Іоаннъ*, мученикъ Янинскій, изображенный въ богатой одеждѣ, потому что былъ архондопуло (баричъ), по словамъ о. Игумена. Новомученика *Георгія* впрочемъ не оказалось, хотя „исторированіе“ стѣнъ относится къ 1862 г. Налюбовавшись видомъ отъ церкви на озеро и на окрестныя горы, имъ же „числа и мѣры нѣтъ“, мы раскланялись съ теперешнимъ владѣльцемъ преславной когда-то мѣстности, пожелавъ ему долгой, а монастырю его широкой жизни [1]), не

---

[1]) Въ монастырькѣ, не смотря на его незначительность, сохраняются частицы св. мощей Апостола *Ѳомы* (?), Мучениковъ: *Прокопія*, *Трифона*, *Меркурія*, *Евстратія*, *Исидора*, и *Іоанна Милостиваго*. Отъ о. Игумена мы узнали что въ монастырѣ *Элеусъ* (Ми-

въ смыслѣ конечно территоріальнаго расширенія, а размноженія его братства, ибо какой же онъ игуменъ т. е. *вождь*, когда вести совершенно не кого? Чуть мы обратились лицомъ опять на площадь къ большой грудѣ камней, какъ возобновился наплывъ на мечтательную способность души представленій изъ міра давно отжившаго и глубоко погребеннаго въ исторической почвѣ мѣста, и даже какъ будто не разъ хороненнаго тутъ. Темнота въ самыхъ первыхъ преданіяхъ о Додонскомъ святилищѣ. Что тутъ явился орудующимъ не какой нибудь простой смертный, въ родѣ *Трофонія*, и не полу-богъ, какъ сынъ *Латоны*, а самъ *Зевсъ* — предержащій, это, такъ сказать, первый догматъ Додонскаго культа. Что существовалъ тутъ и приличный храмъ чудотворившему божеству, это также разумѣется само собою. За тѣмъ, самое видное мѣсто во всемъ занимаетъ „священное дерево", какъ родникъ и проводникъ высшихъ откровеній. Какого рода оно было, сказанія уже двоятся. Вообще признается, что то былъ *дубъ*, даже не отрицая за нимъ имени: φηγὸς, ибо и это есть тоже одна изъ разновидностей дуба — δρυὸς, какъ свидѣтельствуютъ глоссаріи. Способъ же происхожденія, обнаруженія, принятія и передачи деревомъ откровеній составляетъ вопросъ, думаю, на всегда не рѣшимый. Былъ ли это особенный шелестъ или лепетъ листьевъ, былъ ли какой нибудь стукъ, звонъ, гулъ или прямо голосъ, исходившій изъ ствола или дупла древеснаго, было ли наконецъ нѣчто, заявлявшее себя въ опредѣленной, осмысленной и понятной, но теперь неугадываемой формѣ при деревѣ, во всякомъ случаѣ звуковой, слышимой, неизвѣстно. Въ связи съ дѣломъ провѣщанія ставимые, какіе бы тамъ ни были, *мѣдные* инструменты могли бы указывать собою уже на дальнѣйшее развитіе его, на вторую фазу, когда, отъ множества ли притекавшихъ вѣрующихъ, при-

---

лующей) на «островѣ» хранится глава св. великомученицы *Варвары*. Вѣроятно, тоже только частица отъ главы.

выкшихъ соединять съ идеей божества, величія, блескъ и шумъ, или въ подкрѣпленіе, оразноображеніе, а то и прямо въ замѣнъ, можетъ быть не всѣхъ уже удовлетворявшей, прежней невнятной формы провѣщанія (хорошо знакомое спиритамъ обстоятельство), наконецъ и просто для отвлеченія не въ мѣру пытливаго духа скептиковъ отъ сущности дѣла къ внѣшней, случайной обстановкѣ его (возможно и это при вѣрѣ въ священность и недоступность божества), первоначальная мистерія богооткровенія облеклась въ формы общественнаго богослуженія, и прежній оракулъ сталъ переходить уже въ уставное (или по вдохновенію) пѣснопѣніе, молитвословіе, проповѣдь, и *прорицалище* (μαντεῖον) уступило мѣсто простому *чтилищу* (σεμνεῖον) или *святилищу* (ἱερὸν, ναὸς, τέμενος, βωμὸς..). Тогда металлическое звучаніе (особенно же синармоническое [1]) могло быть (какъ и теперь бываетъ и было въ Іудейской церкви) пособникомъ къ благоговѣйному и умиленному настроенію молящихся, но несомнѣнно, что въ тоже время оно упраздняло совершенно прежній характеръ всего Додонскаго дѣла, не къ чести его и не къ выгодѣ его. А между тѣмъ, тамъ „за горами“ стало славиться съ увлекательнымъ именемъ бога поэзіи, живаго, юнаго, прекраснаго настоящее *Прорицалище Дельфійское.* Додонскому громовержцу угрожала опасная конкурренція. Парализировать ея успѣхи можно было только ея же пріемами. Не здѣсь ли мѣсто намъ вставить въ Додонскую исторію параграфъ о Египетской голубкѣ? Еслибы таинственная птичка для того только прилетѣла сюда изъ за моря, чтобы объявить человѣческимъ (на языкѣ *Елловъ,* т. е. греческимъ?) голосомъ волю божества о постройкѣ тутъ храма Зевсу, то ея игра, скажемъ по

---

[1]) Приходитъ на мысль, не были ли то подвѣшенные подъ деревомъ колокольчики, въ родѣ нынѣшнихъ телеграфныхъ изоляторовъ, издававшіе при малѣйшемъ теченіи воздуха чуть слышимые, тонкіе звуки. Происходили бы они безъ всякаго удара (язычкомъ, перышкомъ..) въ металлъ, и отъ того самаго казались бы чудесными.

нашему, не стоила бы свѣчъ. Такую заповѣдь могла передать людямъ всякая мѣстная курица. Дѣло шло, по всей видимости, о подысканіи и пріобрѣтеніи за моремъ для умолкавшаго прорицалища настоящей Пиѳіи, но съ другимъ апломбомъ, Пиѳіи — ворожеи, какими искони обиловала черная Африка, да и до сихъ поръ не бѣдна. Еллы, оказывающіеся предками столько извѣстныхъ „хитрыхъ грековъ“, скоро должны были убѣдиться, что даже подъ громкимъ (и даже можетъ быть грознымъ) именемъ Томуровъ, имъ не придется съ успѣхомъ состязаться во имя уходящаго со сцены Зевса съ моднымъ и такъ близко (въ образѣ солнца) поставившимъ себя къ человѣку, божествомъ. Забота не отстать отъ Дельфъ породила и у нихъ, такимъ образомъ, *Пелію* вмѣсто *Пиѳіи*. Если таковая, для вящшаго эффекта, дѣйствительно сыскана была въ Египтѣ, и должна была по началу безмолвствовать или только безсмысленно ворковать, то и легко объяснить, отчего у первоисторика греческаго оказывается, вмѣсто одной, три Пеліады въ Додонѣ (по Стравону прямо: старухи — γραιαί), коихъ даже имена вошли въ исторію. Это были *Променія*, *Тимарета* и *Никандра*, — очевидно всѣ гречанки, вѣроятно первыя ученицы египтянки, вынужденныя, какъ и Дельфійскія, провѣщавать т. е. говоритъ искуственно, неестественно, стихомѣрно (Павс. VII. 25. 1.). Думаемъ, что не только намъ, отдаленнымъ и временемъ и мѣстомъ и всѣмъ, безпристрастнымъ разсказчикамъ, но и современнымъ Додонцамъ, могло казаться неудобнымъ, если не прямо зазорнымъ, состояніе на службѣ пророчицъ, хотя бы и старыхъ, у такого невоздержнаго божества, какъ Зевсъ (по греческимъ понятіямъ вовсе не pater, какъ у чужеродныхъ римлянъ: Devs — или Jevs-pater, т. е. Jupiter). Не утверждаемъ, но чѣмъ другимъ объяснить не знаемъ, то обстоятельство, что къ культу Дія приплелась въ Додонѣ и *Діона* (Мать Венеры), σύνναος, какъ бы сохрамница Зевсова. Какъ видно, въ этотъ, третій бы по нашему, женскій періодъ прорицалища Додонскаго старый пеласгійскій способъ общенія

съ духовнымъ міромъ былъ уже дискредитованъ окончательно и оставленъ. Но ничто конечно не мѣшало удержать при святилищѣ его прежнюю, освященную временемъ богослужебную обстановку, и колокольчики можетъ быть дѣлали свое дѣло еще усерднѣе, чѣмъ при Томурахъ. Вѣковая практика привнесла съ собою окрѣплыя формы, отъ которыхъ мѣсто, если бы и хотѣло, уже не могло отказаться. Такъ Страбонъ разсказываетъ, что Корфіоты того времени посвятили Додонскому божеству статую, державшую въ рукахъ мѣдную плеть, состоявшую изъ трехъ цѣпей съ привѣсками на концахъ, и придѣланную такъ, что при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, привѣски ударяли въ мѣдную доску или щитъ какой нибудь вогнутой фигуры, и издавали такой продолжительный звукъ, что могъ бы кто, пока онъ длится, сосчитать числа отъ единицы до 400. *Для* чего и *для* кого сдѣлана и посвящена была въ храмъ эта художественная вещь? Вѣроятно и самый вопросъ въ этой формѣ былъ бы сочтенъ не умѣстнымъ тогда. Принималось къ свѣдѣнію только *отъ* кого и *по*чему вещь посвящалась богу. Все Павсаніево описаніе Греціи состоитъ изъ перечисленія подобныхъ „возложеній" божеству. Такимъ образомъ и Додонское прорицалище могло долго еще имѣть свою прежнюю, шумливую и звучащую обстановку, когда въ ней уже не было никакой надобности, и продолжать славиться давно отжитою славою, пока наконецъ волей не волей не замолкли, подобно вѣтвямъ вѣщаго дуба, Томурамъ, звонцамъ, и болтуньи „старицы" Додонскія и все языческое богооткровеніе не подведено было къ печальному и посмѣвательному знаменателю: Pontifex maximus, ставшему привиллегіей—eo ipso—Римскихъ Кесарей! Любопытно бы было, конечно, доискаться, когда въ послѣдній разъ Римско-Византійская исторія занесла на свои страницы имя капища Додонскаго [1]). Припоминается

---

[1]) Равно любопытно было бы узнать откуда нибудь, кто, когда и какъ занесъ въ пресловутое святилище язычества первыя христіанскія идеи. Вѣрится какъ будто бы, что

мнѣ гдѣ-то у кого-то вычитанное извѣстіе, что Юліанъ, предпринимая свой фатальный походъ на Персовъ, посылалъ гонцовъ и въ Дельфы и въ Додону спросить у возстановлённаго имъ Олимпа „Двѣнадцати

«отступникъ», адресуясь къ давно умолкшимъ прорицалищамъ, о чемъ конечно зналъ лучше, чѣмъ всякій другой, хотѣлъ только и здѣсь прошумѣть преждевременной «побѣдой надъ Галилеяниномъ», и Додона тутъ явилась только для отвода глазъ, хотя о современномъ Юліану христіанствѣ въ ней мы тоже не найдемъ свидѣтельствъ. Въ Oriens Christianus приводятся имена пяти епископовъ Додонскихъ: *Ѳеодора*, *Филоѳея*, *Уранія*, *Юліана* и *Іоанна*. Втораго имя встрѣчается въ спискахъ отцевъ Халкидонскихъ, слѣдовательно должно относиться къ 451—5 году. Но о первомъ Ѳеодорѣ говорится только, что онъ засѣдалъ на первомъ Ефесскомъ Соборѣ, и подписанъ подъ актами его: Θεόδωρος, ἐπίσκοπος Δωδώνης Παλαιᾶς Ἐπείρου. Но разумѣется ли тутъ *первый* изъ двухъ знаменитыхъ соборовъ Эфесскихъ, *Вселенскаго* III и такъ называемаго *Разбойничаго*, или только первый по времени изъ всѣхъ, бывшихъ въ городѣ Ефесѣ? Таковый занесенъ на скрижали исторіи подъ 196 годомъ, бывшій по поводу разногласій о днѣ празднованія Пасхи. Можно, впрочемъ, не сомнѣваться, что дѣло идетъ объ Ефесскомъ Вселенскомъ Соборѣ, бывшемъ спустя 70 лѣтъ по смерти Юліана. Въ Нотиціяхъ Епархій, (имп. *Льва* и др.) Додона отожествляется съ *Водицей*, Δωδώνη ἡ Βονδίτζα. Это была первая изъ епископій Навпактской Митрополіи. Такъ какъ и *Никольская* и *Артская* и *Янинская* Митрополіи въ разныя времена были тоже епископіями Навпактскаго митрополита, то неудивительно, что и Додонская числилась подъ нимъ же. И нѣтъ потому крайности переставлять ее географически ближе къ Навпакту на этомъ одномъ основаніи. Но что сдѣлать съ приведеннымъ выше средневѣковымъ *Додона или Водица*—Βονδίτζα? Вондица есть несомнѣнно нынѣшняя *Воница*, лежащая на южномъ берегу Амвракійскаго или Артскаго залива, слишкомъ далеко отъ Янины, да ктому же и не въ Старомъ Эпирѣ, а въ Акарнаніи. Вѣроятно, средневѣковый педантизмъ держался нашего правила: на обумъ, руководясь которымъ, мы въ прошломъ столѣтіи однимъ почеркомъ пера возстановили древніе города: *Одиссосъ*, *Херсонисъ*, *Севастополь*... Знаю, что отзываясь такъ о среднихъ вѣкахъ, я, такъ сказать, подрываюсь подъ самого себя, но что дѣлать? Забредши въ глухой лѣсъ, поневолѣ ищешь выйдти изъ него. Въ средніе вѣка, какъ и теперь, могло быть мѣсто и досточтимому преданію и достохвальному гаданію. Надобно умѣть сдѣлать выборъ между ними. Не безъизвѣстны попытки пріурочить *Додону* къ мѣстечку *Дуниста* (какъ бы: *Дудуница*) въ области *Вальто* греческаго королевства, къ Востоку отъ Артскаго залива. Всѣмъ гаданіямъ и преданіямъ о мѣстѣ пренменитой Додоны грозитъ положить конецъ ученый археологъ греческій *Константинъ Карапаносъ*, лѣтъ 10 спустя послѣ нашей поѣздки отыскавшій Додону, хотя тоже по близости Янины, но совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, именно тамъ гдѣ указывалось городище древняго *Пассарона*, къ западу отъ Янины за горою *Оличкою*.

блаженныхъ", какой исходъ будетъ имѣть его предпріятіе. Былъ ли полученъ отвѣтъ изъ прорицалищъ, и какой онъ былъ, не могу припомнить. Очень можетъ быть, что здѣшняя Пелія поручила передать памфлетисту Галилейской вѣры: иди, и до свиданія [1]).

Мысли эти служили финаломъ моей работы умственной и отчасти физической, посвященной именитому мѣсту. Сидя на берегу озера у лодки, я рисовалъ видъ горы Додонской и высматривалъ воображеніемъ, въ дополненіе къ сухому наброску сухихъ очертаній, оживленнѣйшія сцены давноминувшаго, на протяженіи 23-хъ столѣтій, такъ какъ начало славы Додонскаго Дія (Зевса, Юпитера — тожъ) относится къ XIX вѣку до Р. Х., а конецъ его пусть совпадаетъ съ кончиной Юліана. Со всѣхъ концовъ тогдашняго не широкаго и не далекаго свѣта стекались сюда люди вѣры слушать опредѣленія божественной воли относительно каждаго изъ нихъ. Какое бы оно ни было — пусть самое непріятное и печальное, все же, уходя отсюда, люди уносили съ собою безконечно благое, благопотребное и ублажающее убѣжденіе въ *высшемъ* незримомъ и не ощутимомъ и непостижимомъ *провидѣніи* не не только вообще надъ дольнымъ міромъ, но и въ частности надъ каждымъ живымъ существомъ, назначеннымъ для разумной жизни и надъ каждымъ моментомъ этой жизни. Вотъ почему неодолимо влечетъ меня къ себѣ всякій памятникъ древнѣйшей вѣры человѣчества — даже въ самомъ обезображенномъ ея проявленіи. А такія усилія от-

---

[1]) Осмѣлился бы я отъ имени всего *Додекаѳея* (12 боговъ) провѣщать «felicium temporum Reparatori» слѣдующій хрисмосъ:

Пирушку кесарей твою мы всѣ прочли:
Смѣяться мастеръ ты надъ ними и надъ нами.
Мы милому дружку награду припасли —
О, смертный! Поспѣши блаженствовать съ богами.
(т. е. умирай скорѣе).

крыть, узнать, приручить, такъ сказать, къ себѣ, облечь въ формы и пріурочить къ извѣстнымъ предметамъ, дѣйствіямъ и представленіямъ способъ общенія человѣка съ божествомъ, такія счастливыя находки, сказалъ бы я, по истинѣ стоятъ того, чтобы по слову Псалмопѣвца *поучаться* въ нихъ, какъ тоже — *законъ Господни*, насколько человѣчество понимало тогда своего *Господа* и насколько вѣрило въ законъ его — *день и нощь*. Спептикамъ нашего времени нѣтъ ничего легче, какъ обезславить однимъ пошлымъ словомъ то, къ чему предки наши по крови или цивилизаціи 20 вѣковъ относились съ глубокимъ почтеніемъ и довѣріемъ. Но пусть бы они съумѣли объяснить хотя такое напр. обстоятельство, какъ разсказанная *Павсаніемъ* (VII. 21. 1), печальная повѣсть *Кореса* и *Каллирои*, могущая послужить канвой не только для романа, но и для характеристики вообще религіозной жизни древнихъ. Случай принадлежитъ городу Патрамъ и относится уже къ Римскому періоду. Что было предсказано Додонскимъ оракуломъ, то и сбылось надъ обоими дѣйствующими лицами повѣсти вполнѣ. А еще разительнѣе случай съ самимъ мѣстнымъ царемъ *Александромъ* I Эпирскимъ, переданный историкомъ *Титомъ Ливіемъ* (кн. VIII, гл. 24). Додонскій богъ далъ ему предостереженіе на счетъ жизни съ самыми ясными указаніями на угрожающую опасность. Предсказаніе сбылось буквально. Нѣтъ, „фрипонствомъ" тутъ не объяснишь ничего, а скорѣе дашь только поводъ заподозрить въ себѣ присутствіе извѣстной доли его, напирая на него.

Не скоро разстанешься съ *тѣмъ* берегомъ. Не даромъ онъ—тотъ! Додоны давно уже не видно, а колокольчики ея все еще звенятъ въ слухъ ума моего хоть бы такимъ переговоромъ: а что, если въ са-самомъ дѣлѣ *тамъ* что нибудь было, выходящее изъ міроваго порядка? Какъ допустить его? Чѣмъ объяснить? Кому приписать?.. Когда не отрицаешь, то соглашаешься, а когда соглашаешься, то будь готовъ на объясненія. Недомолвки и обиняки естественно вызываютъ

желаніе вывести кроющагося за ними на чистую, какъ говорится, воду. Такая очередь для Додонскихъ таинствъ конечно должна наступить, но защитнику ихъ чуть не придется тутъ лавировать между Сциллой и Харибдой. Съ одной стороны Пуквиль съ его скептицизмомъ, а съ другой — хоть тотъ же о. Діонисій, замѣстившій древнихъ Томуровъ, съ его догматизмомъ! Съ первымъ, очевидно, намъ нѣтъ возможности сойтись, даже и уступая ему кое въ чемъ. Со вторымъ же и никакой нужды въ уступкахъ не предвидится по единству почвы, на которой мы стоимъ оба, а сойтись едва ли легко. Что *тамъ* было и то и другое, передаваемое исторіей, и даже многое конечно, чего она не занесла на свои страницы, догматизмъ охотно соглашается на это, но за то разрубитъ гордіевъ узелъ такимъ топоромъ, отъ котораго не поздоровится ни исторіи, ни критикѣ, ни самому пожалуй догмату. Что выгадаетъ серьезное изслѣдованіе, если всѣ тайны прорицалища мы припишемъ вмѣсто Дія діаволу? Пуквилей этою сдѣлкою мы не заманимъ къ себѣ, а всю древность языческую оттолкнемъ отъ себя. И такъ, что же думать намъ, сегодняшнимъ додонцамъ? То, что могъ бы думать *Профетъ*, называемый *Фрипономъ*. Предположительно онъ разсуждалъ бы такъ въ подобномъ случаѣ: для тебя мое дѣло — плутовство. Понятно, отчего оно тебѣ такимъ кажется. Пророчества ты не имѣлъ случая узнать, а съ плутованьемъ можетъ быть знакомишься ежедневно. Что пророки были и бываютъ, и что пророчество возможно, порукой въ этомъ можетъ служить все человѣчество всѣхъ временъ, у котораго ни грубою насмѣшкой, ни тонкою силлогистикой не истребишь этого воображаемаго предразсудка. Человѣкъ, хотя бы и не говорилъ того, хотя бы вовсе не зналъ о томъ, но всѣмъ складомъ существа своего исповѣдуетъ и проповѣдуетъ, что онъ есть образъ Божій и подобіе Божіе, и что, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ творить подобное дѣламъ Божіимъ, въ разнообразныхъ прояв-

леніяхъ силы, возвышающейся надъ общимъ уровнемъ человѣческихъ способностей, и потому самому относимыхъ болѣе или менѣе поспѣшно къ Богу. Почему такой избранникъ съ спеціальнымъ даромъ прорицанія не могъ быть или бывать и въ языческой Додонѣ?.. Но дерево? Но звонцы? Но Томуры?. Всѣ они могли быть только пособниками „ипофиту" къ переходу его въ состояніе прорицателя. Подобные пріемы пророчественные не безъизвѣстны намъ и изъ библіи. Шелесть и шумъ древесныхъ вѣтвей, вой вѣтра, пѣніе, колоколъ, музыка... не возбуждаютъ-ли и въ насъ ощущеній инаго, высшаго порядка, и не вызываютъ-ли въ душѣ потугъ къ изліянію ея отборною, не обыденною рѣчью? А прибавьте къ этому глубокое уединеніе, діэту, раннюю подготовку ad hoc, а главное — глубокую вѣру въ себя у эксцентричной Пеліады, прототипа нашихъ, столько извѣстныхъ ворожей стараго закала, приступающихъ къ прорицанію неохотно, съ видимымъ насиліемъ себѣ, съ корчами, съ бранью, и какъ бы выбрасывающихъ изъ себя вѣщія слова.. Что тутъ не возможнаго, чтобъ явилось нѣчто совсѣмъ выходящее изъ ряда вонъ? Но пророчество и вмѣстѣ язычество? скажетъ догматистъ, относящій послѣднее цѣликомъ къ области „нечистой силы". Какъ совмѣстить, чѣмъ связать ихъ? Не далеко ходя, свяжемъ свидѣтельствомъ самаго Слова Божія. Припомнимъ волхвовъ египетскихъ, превращавшихъ трости свои, также какъ и Ааронъ въ змѣй, знаменитую Аендорскую волшебницу, студныхъ пророковъ Вааловыхъ, надѣявшихся однимъ призываніемъ молитвеннымъ свести огонь на жертву съ неба, приснопамятныхъ волхвовъ персидскихъ, злоименнаго Симона волхва, заслужившаго въ народѣ имя *великой силы Божіей,* безыменнаго сотника римскаго, оказавшагося съ такою вѣрою, какой не имѣлъ и Израиль, другаго сотника, на столько благоговѣйнаго и любившаго молиться, что молитва его, возсылаемая къ какому-нибудь Зевсу Саронскому (вмѣсто Додонскаго) или Астартѣ Финикійской, взошла

прямо къ истинному Богу! Припомнимъ, что исповѣдалъ устами своими при семъ послѣднемъ случаѣ первенствовавшій между учениками Христовыми Апостолъ: *Мнѣ Богъ показа ни единаго скверна или нечиста глаголати человѣка* (Дѣян. X 28). Ибо *во всякомъ языцѣ боящися Его и дѣлаяй правду, пріятенъ Ему есть* (— 35). Наконецъ, самъ Іисусъ Христосъ, пророчески, еще младенствуя, названный *свѣтомъ во откровеніе языковъ*, не указалъ-ли многократно на таящуюся въ глубинѣ существа человѣческаго и присущую всѣмъ безъ исключенія такую чудодѣйственную силу, передъ которой блекнутъ, такъ сказать, всѣ чудные разсказы всего баснословія языческаго, и которою преисполненъ былъ, по своему Богочеловѣчеству Самъ Онъ, до того, что какъ бы не могъ понять, какимъ образомъ можно не имѣть ея? *О роде не вѣрный!* восклицалъ Онъ. *Маловѣре! почто усомнился еси?* говорилъ Онъ начавшему чудотворить ученику. *Невѣрствіемъ* объяснялъ Онъ неудачныя попытки въ другое время учениковъ исцѣлять болѣзни. Наконецъ, при одномъ разительномъ и для всякихъ Додонъ поучительномъ обстоятельствѣ совмѣстнаго проявленія въ человѣкѣ невѣрія и вѣры, Онъ, не обинуясь возвѣстилъ вслухъ всего человѣчества чудную и неудобопріемлемую истину: *вся возможна вѣрующему* (Мар. IX. 23), и даже при другомъ подобномъ случаѣ объяснилъ способъ, какимъ достигается та, по истинѣ творческая возможность. *Иже аще речетъ.. и не размыслитъ въ сердцѣ своемъ, но вѣру иметъ, яко еже глаголетъ — бываетъ: будетъ ему, еже аще речетъ* (— XI. 23)... Дальше сего намъ идти некуда, да и не зачѣмъ. Всякому догматисту, надѣемся, ясно послѣ сего, какъ день, что и помимо нечистой силы, не только въ Додонѣ, но и по всюду, гдѣ есть человѣкъ, могли и могутъ совершаться дѣла, по языческому міровоззрѣнію прямо божескія, а по нашему — пусть хотя богоподобныя. Какъ Богъ *не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ*, такъ Онъ не есть только Богъ нѣкоторыхъ, а Богъ — всѣхъ. *Ины овцы имамъ, яже не*

суть отъ двора сего, говорилъ въ уясненіе божественнаго міроправленія Господь. Видите-ли: *Его* овцы, хотя и другаго *двора*. И ихъ *подобаетъ привести* ему, *пастырю доброму* — на истинную паству истиннаго Бога. Правда, по Его слову, *вси, елико ихъ* (пастырей) *пріиде прежде* Его, *татіе суть и разбойницы*, но все же были пастырями и пасеніе, значитъ, шло. Чужими они считали овецъ своихъ, и при первой опасности оставляли ихъ на жертву волку, но, повторяемъ, все же были пастыри, хотя и наемники, сегодня *Селлы*, завтра *Томуры*, послѣзавтра *Пельи* или *Пеліяды*, только не видно, чтобы... *фрипоны*. Мотивъ или принципъ тѣхъ и другихъ конечно равно непохвальный, но существенно различный. Удалось-ли мнѣ хотя сколько нибудь отстоять честь древнѣйшаго чтилища человѣческаго, не знаю. Буду доволенъ тѣмъ, если Томуры нашего времени, *спириты* съ своего рода Пеліями (только рѣдко старыми), *медіумами* откроютъ или почуютъ въ древней Додонѣ нѣчто себѣ родственное, и держась сами за нее, какъ за историческій прецедентъ своей системы, съ своей стороны съумѣютъ лучше меня поддержать честь ея.

Пиндъ. 15 Іюня 1865 г. Вторникъ.

Поздравляемъ себя не только съ добрымъ, но и съ хорошимъ утромъ. Погода окончательно установилась и предвѣщаетъ настоящій лѣтній знойный день. Успокоиваемъ себя мыслію, что тамъ „въ горахъ“ (какъ будто и безъ того мы не находимся на абсолютной высотѣ 1600 футовъ!) будетъ прохладно. Мысль о „горахъ“ всучила намъ въ руки и карту ихъ. Изъѣздившій ихъ Пуквиль, разумѣется, тутъ-же присутствовалъ, раскрытый на томъ самомъ мѣстѣ 1-го тома, гдѣ у него вставлена картинка: Vue de Janina et du Pinde. Видъ предположительно снятъ съ острова, потому что городъ съ обоими „рогами“ своими видится en face. Рисовавшій, такимъ образомъ дол-

женъ былъ сидѣть спиною къ Пинду, а между тѣмъ на рисункѣ за озеромъ, занимающимъ первый планъ, и городомъ видна у него масса горъ, покрытыхъ снѣгомъ, а надъ ними высится кромѣ того еще громадный конусъ, тоже бѣлый, приходящійся на параллели южной оконечности города. Какъ могъ составиться подобный видъ, не понимаю. Предположить, что весь снѣговой хребетъ заозерный изображаетъ горы, стоящія къ Западу отъ Янины, мѣшаетъ подпись: et du Pinde. Выходитъ какъ будто уже licentia zographica, позволительная какой нибудь „книгѣ козмографіи", а вовсе не капитальному сочиненію: Voyage de la Grèce. Какъ бы то ни было, поражающая громада горъ и помимо рисунка смотритъ въ глаза намъ до того внушительно, что готова навесть уныніе на душу, хотя мы уже и „видали виды", по пословицѣ. Ее нужно пересѣчь, чтобы спуститься въ Ѳессалію. Обсуживается программа экскурсіи. Отдыхаемъ въ ханѣ X, обѣдаемъ въ ханѣ Y, ночуемъ въ ханѣ Z, остритъ товарищъ мой ханолюбивый. А гдѣ же въ самомъ дѣлѣ придется намъ ночевать сегодня? спрашиваю я. Отвѣтъ бывальца: въ *Меццово*. Боязливое возраженіе: до Меццова вѣдь 12 часовъ?.. Отвѣтъ: двѣнадцать добрыхъ! Вотъ перспектива! Добрые-то въ такихъ горахъ должны показаться весьма злыми. Но что дѣлать? придется пересчитать ихъ. За то виды, краски, тѣни, флора, фауна.. подшучиваетъ спутникъ. Прибавьте, говорю я: и довги человѣцы съ долгими барутами (ружьями).. Ну, ужъ на этомъ извините, говоритъ мнѣ одобрительно лицо, отвѣчающее за *свой районъ*. Блаженной памяти Али-паша не шутилъ съ долгими туфеками (тоже, что барутами). Онъ угомонилъ рыцарей ущелій. Да къ тому же дорога, которою вы поѣдете, есть большая, караванная. День и ночь тянутся по ней торговые люди изъ *Трикалъ* въ *Янину* и обратно, и ханы съ алгебраическими буквами пожалуй не пустыя слова. Вотъ увидите.. Все это говорилось, когда мы, по примѣру Израильтянъ, съ покрытою головою и жезломъ въ рукѣ ходили вокругъ стола, направляясь отъ раки къ

ра́ку и обратно, однимъ словомъ, когда закусывали на дорогу. Настроеніе общества было благодушное. Можно было пожалѣть немного, что отличный хозяинъ не простеръ относительно насъ до конца своего великодушія, не рѣшился прогуляться съ нами до самыхъ *Метеоръ*, но пожаловаться на то было бы уже непозволительною дерзостію со стороны такихъ непрошеныхъ гостей, какъ мы.

8 часовъ. Търпко съ лошадьми и багажомъ нашимъ давно уже отправился кругомъ озера по берегу на ту сторону. Спускаемся и мы на берегъ, всему говоримъ: до пріятнаго свиданія, и въ третій разъ плывемъ по вѣщему озеру, можетъ быть таящему въ себѣ пресловутые сто источниковъ священной горы *Томара*, а вѣрнѣе несочтимые источники слезъ погубленныхъ въ немъ жертвъ неистоваго самовластія. Тишина теперь на немъ невозмутимая, вода не колыхнется, и отраженіе на ней солнца, стелющееся широкою полосою впереди насъ, до того ослѣпительно, что надобно было закрывать глаза. Направляемся діагонально къ *Дура-хану*, или прибрежной корчмѣ, служащей точкой отправленія каравановъ, идущихъ въ Ѳессалію. Имя свое: *Дура* или *Дора* получилъ ханъ отъ сосѣдняго монастыря, которому онъ принадлежитъ и который собою пропитываетъ. Черезъ часъ медленнаго плаванія мы поравнялись съ монастырькомъ тѣмъ. Стоитъ онъ при самомъ озерѣ, со стороны котораго обсаженъ деревьями, придающими ему заманчивый видъ. Конечно, теперь это не болѣе какъ мыза, отданная (на извѣстныхъ условіяхъ) во владѣніе какому-нибудь лицу, титулующемуся игуменомъ и имъ поддерживаемая. Гребцы наши не замедлили отрекомендовать намъ ге́ронду (старца), какъ человѣка заботливаго, приведшаго обитель въ цвѣтущее (!) состояніе. Предмѣстникъ же его довелъ было ее до полнаго запустѣнія, ибо былъ болѣе паликаръ, чѣмъ инокъ, во время „апостасіи“ (бунта по нашему) присталъ къ *Гривѣ*, герою греческому и съ тѣхъ поръ неизвѣстно куда дѣвался. А были и денежки у него? спросили мы. Ну, когда бъ были,

то онъ не присталъ бы къ голыдбѣ, а нашелъ бы себѣ съ ними почище работу. Да развѣ это худая работа, освободить родную землю? удивленно запросили мы словоохотливаго разсказчика. Гребецъ захихикалъ при наивномъ вопросѣ нашемъ. Ужъ конечно онъ самъ не присталъ бы ни къ гривѣ, ни къ хвосту какой бы то ни было апостасіи, кончающейся пропаданіемъ безъ вѣсти людей, да еще игуменовъ! Вотъ и пристань, а при ней и ханъ съ огромнымъ развѣсистымъ деревомъ. Въ тѣни его укрылся съ нашими лошадьми и нашъ экс-палликаръ Търпко, встрѣтившій насъ укоромъ за то, что мы цѣлые два часа держали его тутъ сиротой. Признаться, видъ подведеннаго мнѣ коня тоже навѣялъ на меня что-то сиротское. Опять отрѣшиться отъ всего твердаго, осѣдлаго, покойнаго и безопаснаго и висѣть цѣлые дни, качаясь между землей и небомъ! Но смущеніе было дѣломъ одной минуты. Чуть мой карій зашагалъ своею обычною, тяжелою и лѣнивою поступью, я вдругъ вошелъ въ ролю ѣздока и все пошло по прежнему. Сейчасъ-же начался подъемъ на гору по довольно отлогому склону ея, сплошь каменистому. Дорога проложена по перемычкѣ, соединяющей *Мичкели* съ *Дрискомъ*. Когда-то тутъ была настоящая большая мощеная дорога, можетъ быть еще *римская*, но она до того испорчена, что первая забота проѣзжаго, какъ видно, состоитъ теперь въ томъ, чтобы не дотронуться до нея. Естественно, что съ подъемомъ на высоту открывались и новые виды, и все шире и шире, но чтобы любоваться ими надобно было оборачиваться назадъ, что не было въ привычкахъ коня моего. Одинъ общій обзоръ съ высотъ всей котловины Янинской, по Пуквилю *Еллопіи*, вдругъ бы рѣшилъ можетъ быть, гдѣ всего вѣроятнѣе могло быть мѣсто Додоны. У археологовъ говорятъ есть чутье въ подобныхъ вещахъ. Пусть же они и оглядываются и останавливаются, не тревожась мыслію о роковыхъ двѣнадцати часахъ впереди.

Зигзаги безъ конца. Обнаженная совсѣмъ мѣстность, глухая и пу-

стынная, оживляемая нѣсколько линіею телеграфныхъ столбовъ. Однотонно и неприглядно. Отдыхомъ для глазъ была малая нежданная деревушка, которую намъ назвали *Ардамити*, съ правой стороны дороги. Довольно видная церковь впереди домовъ привлекла къ себѣ мое вниманіе издали различаемою надписью, начертанною надъ входными дверями ея. Подъѣхавъ ближе, я прочиталъ хронологическую дату 7130-й годъ отъ сотворенія міра, соотвѣтствующій христіанскому 1622-му, и ничего болѣе. Сельцо высматриваетъ веселымъ и оживленнымъ. Слышатся пѣсни работающихъ женщинъ — рѣдкость, съ какою мы еще не встрѣчались во все наше странствованіе. Часъ времени мы употребили, пока взобрались на перевалъ горы, опредѣляемый у *Ламй* въ 2774 фута абсолютной высоты. Значитъ, всего отъ уровня озера мы поднялись только на 1174 фута, по его же исчисленію. Какъ будто мало. Наскучивъ однообразіемъ голой покатости *Мичкели*, мы радостно привѣтствовали открывшуюся передъ нами чудную панораму *Пинда*, съ неподдающимися никакому описанію очертаніями ея и красками. Въ трехъ или четырехъ мѣстахъ изъ сплошной линіи горныхъ вершинъ выникали въ небо то шатромъ, то крышей, то несчетными буграми снѣжныя массы. Справа, по ближе къ намъ одинъ такой гигантскій сугробъ намъ назвали знакомымъ именемъ *Перистéри*, тоже съ тремя верхами крылообразными, какъ и памятная Битольская голубка, только по видимому повыше той, ибо вся ея макушка была въ снѣгу, хотя мы подвинулись уже въ сердце лѣта недѣли на двѣ послѣ Битоля, да и спустились градуса на полтора къ Югу. Другая влѣво блестѣвшая громада, несоотвѣтственно своему виду, на картѣ пишется *Зигосъ* (ярмо, сѣдло, коромысло). Мѣстоположеніе ея какъ разъ по прямой линіи къ *Гревено*, и можно бы не сомнѣваться, что ѣдучи изъ *Периволи*, мы уже пересѣкали ее въ ея сѣверномъ протяженіи. Южную, сравнительно высшую вершину ея намъ предстоитъ „ступаніемъ и пядію измѣрить“ завтра.

Насладившись величественнымъ, хотя и не новымъ зрѣлищемъ, мы сдѣлали рукою прощальный привѣтъ оставляемому Эпиру. Въ жестѣ томъ не было впрочемъ ничего съ намекомъ на скорбь по разлукѣ. Я уже сказалъ, что для дѣтскаго воображенія, сочувствовавшаго всѣмъ дивамъ миѳологіи классической, *Эпиръ* и *Ѳессалія* представлялись братомъ и сестрой, разумѣется юными и прекрасными, а главное своими, своего кружка людьми, которые какъ будто вотъ вотъ выглянутъ изъ-за забора и кивнутъ головой по направленію въ поле, гдѣ столько травы, цвѣтовъ, ягодъ.. О, дѣтство человѣчества! Сколько въ тебѣ наивнаго, влекущаго, прелестнаго! Полетѣлъ бы въ твою радужную ширь всею силою сочувствія, да изъ окна смотрятъ строгіе глаза, зовущіе въ комнату за ученическій столикъ на урокъ. Но, не довольно-ли уже учиться? Вѣдь вся книжка исчитана и съ указкой и безъ указки отъ доски до доски. Все тѣже въ ней буквы, только сочетаніе ихъ различное. То-ли дѣло тамъ за заборомъ.. Ну же, лѣнивый Буцефалъ, скорѣе туда! Спускъ съ перевала нѣсколько круче, чѣмъ былъ подъемъ, хотя подъ ногами все тотъ же камень и растительность убогая. Доѣзжаемъ до раздѣла путей. Влѣво къ Сѣверу поворачиваетъ дорога, по нашимъ понятіямъ все таже тропинка, въ *Загорье*, а прямо на Востокъ спускается наша „большая" Ѳессалійская, заслуживающая имя стежки, но величаемая „Царскою" дорогою. И какъ ей не украшаться такимъ завиднымъ титуломъ? По ней разъѣзжали въ самую давнюю древность еще до войны Троянской, девять царей Ѳессалійскихъ или по тогдашнему *Эмонійскихъ* [1]), когда естественная тому времени пытли-

---

[1]) И имя *Эмонія* (Αἱμονία-Haemonia) и ея девять областей (royaumes) взяты нами, такъ сказать, на прокатъ у новыхъ географовъ. Древніе дѣлили край на 4 только части: Θετταλιῶτις, Πελασγιῶτις, Φθιῶτις и Ἑστιαιῶτις (Страбонъ), и самое большее на 5 частей, присоединивши къ тѣмъ четыремъ еще приморскую *Магнисію*. Самою старожильною изъ нихъ можно бы считать *Пеласгіотиду*, явно указывающую на принадлежность ея древнѣйшему изъ историческихъ племенъ нашей части свѣта. *Ѳессаліотида* заселена, какъ

вость влекла того или другаго изъ нихъ посмотрѣть, что за земля тамъ лежитъ за высокимъ Пиндомъ, и какіе тамъ цари царствуютъ, и доходитъ-ли до нихъ широкій *Пéлагосъ,* котораго начало (*архѝ*), какъ и всего хорошаго и великаго, находится въ ихъ несравненной родной землѣ.. Хотѣлось бы, не скажу повидать (за первымъ кустомъ или утесомъ можешь и теперь попасть на такого *царя*), а послушать какого нибудь того времени Величества, вѣроятно *Пеласгà* родомъ, и хотя что нибудь опредѣленное составить о перıодѣ *до-Еллинскомъ* мѣстъ этихъ. Кое какъ еще можно представить царство величиною съ нашу хорошую волость, но уже затруднишься повѣрить, что страна величиною съ нашу небольшую губернію могла выставить 280 кораблей, конечно съ какимъ-нибудь войскомъ въ помощь союзникамъ, воевавшимъ пресловутую Трою, а затѣмъ, поступаясь все глубже и дальше въ историческія преданія Өессаліи, находишь, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, по пословицѣ. Но.. еще будетъ время потолковать объ этомъ.

Углубляемся въ ущелье, обставленное съ обѣихъ сторонъ твердынями, скрывающими отъ взора нашего высшія части горъ, такъ ярко награвированныхъ на картѣ Пуквиля и поименованныхъ вправо отъ дороги: *Чукарелли,* а влѣво: *Чукарука.* Это странное: *Чу!ка..* изъ какой можетъ быть эпохи? отвѣтить на это могли бы только упомянутые девять царей Өессалійскихъ или царь *Неоптолемъ* Эпирскій, сынъ *Ахилла,* оказавшагося по изслѣдованіямъ покойнаго Венелина (или другаго какого панслависта) славяниномъ. Полуденное

свидѣтельствуютъ древніе, выходцами изъ Эпирской *Өеспротіи.* Общій тому и другому имени звукъ: *өес* служилъ бы подтвержденіемъ сему. Θεσπρῶτοι значило бы: өес—*первые,* Θεσσαλοὶ, өес—*другіе,* самое же приставное: *өес,* по аналогіи словъ: θεσμὸς, θεσπέσιος, θέσκελος, θέσφατος..., могло бы значить *Божій* или даже *Богъ,* съ идеей котораго древніе не церемонились. Эти «первенцы Божіи», и у себя дома довольно вліятельные, перебравшись за горы, стали главнымъ народомъ Өессаліи и дали ей свое исключительное имя.

солнце пекло насъ нещадно и возбуждало жажду, о которой намъ слѣдовало бы подумать когда мы были еще на озерѣ. Не безъ удовольствія потому мы завидѣли при одномъ, довольно крутомъ спускѣ впереди себя ханъ, именуемый въ гидахъ *Кира́*, что значитъ на языкѣ нынѣшнихъ Неоптолемовъ: госпожа. Пуквиль намекая повидимому на то, утверждаетъ, что ханъ выстроенъ женою *Солимана* паши, предмѣстника *Али* и, значитъ, такъ или иначе „госпожею". Замѣчателенъ онъ фонтаномъ и большими тѣнистыми деревьями, да еще военнымъ „карауломъ", находящимся при немъ—сколько успокоительнымъ, столько же и тревожнымъ предисловіемъ къ нашему дальнѣйшему пути. Размявши въ живописной мѣстности одеревенѣвшія ноги и запасшись изъ „хана съ Марафетомъ" отличною водою, мы отправились далѣе, вмѣсто ожидаемаго подъема все спускаясь въ глубь къ сухому (въ теперешнее сухое время) потоку *Дипота́ми* (двойная рѣка), идущему съ Сѣвера изъ Загорья и соединяющемуся недалеко отъ хана съ другимъ потокомъ, идущимъ съ Востока, и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ образующему горную рѣчку, пробирающуюся ущеліями, параллельно главному хребту Пинда, и впадающую уже настоящею рѣкою въ заливъ Арты, по близости города этого имени. Пуквиль даетъ ей классическое имя *Инаха*, отличнаго отъ тождеименной рѣки въ Пелопоннисѣ. На какомъ историческомъ основаніи онъ географируетъ такимъ образомъ, неизвѣстно, чуть-ли не на одномъ томъ, что какъ въ Пелопоннисѣ былъ городъ *Аргосъ* съ рѣкою Инахомъ, такъ и *Амфилохійскій Аргосъ* (Ἄργος Ἀμφιλοχικὸν), существовавшій предположительно на мѣстѣ нынѣшней Арты, долженъ омываться водами Инаха [1]). Какъ бы то ни было, упомянутый потокъ, идущій съ Востока, по Пуквилю есть именно Инахъ, и мы будемъ имѣть удовольствіе ѣхать вдоль него до

---

[1]) Ни какой другой картографъ, ни самъ старый спеціалистъ дѣла, *Целларій*, не говорятъ тутъ объ *Инахѣ*.

самаго Меццова. По мѣрѣ приближенія нашего къ нему, дорога начала оживляться зеленью. Невысокій кустарникъ забѣгалъ на встрѣчу намъ съ обѣихъ сторонъ и провожалъ насъ до самаго моста, построеннаго на сѣверномъ рукавѣ его по близости соединенія его съ восточнымъ. По видимому отъ этого дву-рѣчія мѣстность вмѣстѣ съ мостомъ и зовется *Дипотáми*, передавши это имя и самому потоку загорскому. Тутъ тоже былъ когда-то ханъ, которому Пуквиль даетъ имя: *Балдунъ*. Теперь видится только остовъ его. Держась прежняго направленія, мы поѣхали за мостомъ вдоль сѣвернаго потока, представлявшаго болѣе шансовъ быть проѣзжею дорогой, но по счастію встрѣтившійся намъ вскорости пастухъ спасъ насъ отъ фатальной ошибки. Мы воротились къ мосту и отъ него взяли восточное направленіе, врѣзавшись въ русло лжеименнаго *Инахи*. Собственно дорога идетъ по правому сѣверному его берегу, но множество разъ сходитъ въ самое русло. Търпко отобралъ отъ насъ показанія, на сколько мы боимся воды и усидимъ-ли, если случится переходить ее по самый животъ лошади. Мы успокоили его на счетъ своего мужества и поручили ему избирать наикратчайшій путь. Эта желанная прямизна заставила насъ ни какъ не менѣе двадцати разъ переѣзжать въ бродъ стремительно несущуюся рѣчку. Шумъ отъ теченія ея по каменистому ложу былъ по истинѣ оглушительный. Частые завороты ея дѣлали то, что не рѣдко чуть замолкалъ ревъ воды позади насъ, впереди уже слышался другой. Горы съ своей стороны не переставали являть передъ нами чудное зрѣлище безпрерывно смѣнявшихся панорамъ природы дикой, грозной, подавляющей, но тѣмъ не менѣе влекущей къ себѣ магнетически взоръ и сердце. Выѣзжаемъ передъ одинъ мостъ, по которому мы разумѣется, не считаемъ нужнымъ ѣхать ради лѣтняго маловодія. Справа двумя потоками низвергается каскадъ въ 5—6 саженей вышины, образовался онъ конечно изъ тающихъ на вершинѣ снѣговъ. Даже совсѣмъ неожиданно наѣхали на одинъ катарарктъ.

Со дна рѣчки торчатъ сѣдыя глыбы камня, напомнившія мнѣ въ миніатюрѣ Нильскій катарравтъ у Ассуана. Шума и чуть не вопля водянаго прибыло столько, что по истинѣ затыкай уши! Мало однихъ, показываются вдали еще и другіе пороги, точно на Нилѣ. Ну, значитъ скоро будетъ привалъ, говоритъ товарищъ. Далѣе вторыхъ катарравтовъ никто еще не ѣздилъ! И точно, нависшія на рѣчку высоты скоро стали расходиться и передъ нами открылась небольшая зеленѣющая равнина. Мы оставили рѣку въ сторонѣ и взобрались на пригорокъ, съ котораго увидѣли передъ собою двѣ-три постройки невзрачныя, но манившія къ себѣ неудержно взоръ нашъ, страдательно подчинявшійся ихъ магической силѣ. Не долго думая, мы приворотили къ первой изъ нихъ, оказавшейся конечно, ханомъ, въ тѣни котораго и свалились съ лошадей своихъ истомленные болѣе, нежели сколько можно было ожидать по расчету времени. Много значитъ разслабляющій физическій покой нѣсколькихъ дней, въ которые мы видимо стали отвыкать отъ сѣдла.

Такъ какъ строгій Търпко отсчиталъ намъ всего одинъ часъ для отдыха, то мы немедленно и приступили къ подкрѣпленію себя коечѣмъ изъ янинскаго запаса. Тѣмъ временемъ ханьджи сообщилъ намъ, что въ Конакѣ насупротивъ отдыхаетъ подобно намъ путешествующій одинъ *деспо́тисъ*, который уже и освѣдомлялся о насъ, замѣтивъ насъ по одеждѣ нашей. Былъ или нѣтъ въ извѣстіи семъ намекъ особаго содержанія, все равно мы поспѣшили сдѣлать визитъ владыкѣ по правилу: чинъ чина почитай. Оказалось, что это былъ епископъ *Кожанскій*, или по оффиціальному титулу *Сервійскій*, епархіальный архіерей одной изъ восьми епископій, подчиненныхъ Солунскому митрополиту, человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма солидный и почтенный. На тотъ моментъ онъ имѣлъ еще почетный титулъ „Экзарха Великой Церкви“ [1]) т. е.

---

[1]) Ἔξαρχος = лицо Ἐξ ἀρχῆς—отъ начальства посланное и дѣйствующее. Такъ какъ

былъ отряженъ патріархомъ въ Өессалію для производства слѣдствія надъ однимъ изъ своихъ собратій и даже болѣе, чѣмъ собратій — надъ митрополитомъ. Окончивъ возложенное на него порученіе, онъ возвращался теперь въ свою каѳедру. Мы разсказали ему о цѣли своего путешествія. Онъ счастливымъ себя призналъ, встрѣтивъ въ такой глуши столичную именитость и просилъ насъ устроить свой обратный путь черезъ его епархію. При разговорѣ нашемъ выяснилось для меня то обстоятельство, что епископы митрополичьихъ областей *почти* въ такомъ же отношеніи поставлены къ патріарху, какъ и ихъ митрополиты и что зависимость ихъ отъ послѣднихъ есть большею частію чисто-номинальная, чтѐ и помимо разговора, подтверждалось уже однимъ титуломъ собесѣдника, какъ экзарха патріаршаго престола. Случай мнѣ представился разспросить владыку про его каѳедральный городъ *Сервію* (по турецки: *Сельбидже*), о которомъ я еще въ Константинополѣ слышалъ, какъ о мѣстѣ, гдѣ есть не мало поживы для археолога. Его Преосвященство однакоже оказался плохимъ цѣнителемъ исторической ветоши, и ничего не могъ сообщить мнѣ о находимыхъ будто бы тамъ древнихъ надписяхъ. Изображенія же ктиторскія на стѣнахъ старыхъ церквей онъ дѣйствительно видалъ, но вѣдь

начальство можетъ быть всякое отъ самаго важнаго до ничтожнаго, то и экзархъ можетъ значить много, можетъ и ничего незначить. Во всякомъ случаѣ титулъ этотъ прекращается вмѣстѣ съ прекращеніемъ возложеннаго на титулоносца порученія, существуетъ впрочемъ и безсмѣнное званіе *экзарха*. Такъ, за исключеніемъ не многихъ, митрополиты Константинопольскаго патріархата носятъ пустоименный титулъ экзарховъ какой-нибудь области прикосновенной къ ихъ епархіи. Янинскій напримѣръ зовется экзархомъ всего Эпира. Экзарховъ Чернаго моря насчитывается пять. Первоначально, это были повѣренные патріарха по управленію его собственными владѣніями въ епархіяхъ. Ради удобства или бóльшаго порядка, управленіе это поручалось самимъ же епархіальнымъ архіереямъ, которые по сему случаю и титуловались патріаршими экзархами. Разъ добытый этотъ титулъ, каѳедры удерживали за собою навсегда. Такъ полагать надобно вышли теперешніе, ничего не выражающіе *экзархи*, напримѣръ *Өессаліи* (Веррійскій), *Второй Өессаліи* (Ларисскій), *всей Өессаліи* (Солунскій), и пр.

это вещи обыкновенныя. Сервія теперь деревня, мало кѣмъ посѣщаемая и жить въ ней архіерею не приходится. Совсѣмъ другое дѣло *Козáни* (читай: *Кожіаны*, множественное число). Это настоящій городъ въ 400 и больше домовъ, хотя и далеко ему до сосѣдней *богатой* Сятисты. Вообще епархія Сервійская представляется ея духовному пастырю малою и убогою. Не насчитывается въ ней и 50 селеній, да и селенія какъ обыкновенно, на половину христіанскія, на половину магометанскія. Старую пѣсню приходится слышать, значитъ. Появившійся съ лошадьми Търпко прекратилъ бесѣду нашу, не предвѣщавшую впрочемъ большаго интереса. О самомъ занимательномъ, о предметѣ и исходѣ его экзархальной поѣздки на Югъ, намъ къ сожалѣнію не приходилось завесть рѣчь. Самъ же слѣдователь a latere не считалъ благоразумнымъ разговориться о ней съ людьми „встрѣчными и поперечными", по русской поговоркѣ, да притомъ еще и столичными жителями. И дѣйствительно, легко могло статься, что языкъ скажетъ теперь одно, а рука напишетъ потомъ куда слѣдуетъ другое, и выйдутъ такимъ образомъ „изъ одной бани, да не однѣ вѣсти".

Отъ мѣста, гдѣ мы отдыхали, измѣняется направленіе дороги нашей. Доселѣ мы ѣхали почти прямо на сѣверъ и солнце имѣли сзади себя, что было не малою выгодою для насъ. Теперь поворачиваемъ вмѣстѣ съ рѣкою, чуть не прямо на югъ. Но къ счастью и солнышко тоже не стоитъ на одномъ мѣстѣ. Вечерняя пора спать поставила его за спину намъ. Рѣчка продолжаетъ дѣлать свои изгибы, и мы опять то и дѣло пересѣкаемъ ее въ бродъ, съ чѣмъ уже совершенно свыклись. Гора „голубка" показала намъ наконецъ съ боку свою бѣлую голову, но такъ все видѣлось въ раккурсѣ, что я не съумѣлъ схватить и закрѣпить воображеніемъ своимъ какой-нибудь обликъ ея, напоминающій птицу. Вечеръ наступалъ со всѣми своими чарующими взоръ красками, и клалъ глубокія тѣни на горныя неровности. Заглядывало въ сердце и безпокойство при мысли о не-

всю длину меридіана [1]) отъ Скарда до Парнасса. Но легкая дрожь, прошедшая по потной спинѣ, заставила меня поскорѣе возобновить подвижное положеніе тѣла. Чуть мы подались нѣсколько впередъ къ Югу по площади къ пріятно зеленѣвшимъ деревьямъ, какъ передъ нами показалась хижина, отрекомендованная намъ подъ именемъ *Дервéна*, по нашему какъ бы „казачьяго поста", значитъ жилое мѣсто, возбудившее во мнѣ такое сочувствіе (платоническое, конечно) къ себѣ, въ силу странной наклонности души жалѣть и лелѣять все сирое и оставленное. При хижинѣ есть и источникъ холодной (еще бы нѣтъ!) воды, это неоцѣнимое благо для пѣшехода, взбирающагося въ такомъ изнеможеніи на перевалъ и особенно — со стороны Меццова. Хотя-не-хотя, отрекомендовались и мы Дервенскимъ мытарямъ въ качествѣ кашишей (монаховъ), ѣдущихъ на поклоненіе въ Метеоры. Слово „поклоненіе", я думаю, принято было ими за ораторскій пріемъ съ нашей стороны. Ибо кому же не извѣстно, что въ Метеоры люди нашего покроя отправляются обыкновенно не на поклоненіе, а на покаяніе.. Мнѣ показалось даже, что шумѣвшіе у воды палликары, провожая насъ прищуренными глазами, обуревались именно этою самою идеей и можетъ быть едва удерживались, чтобы не послать во слѣдъ намъ привѣтственно: юхха! Жалѣть покаянниковъ едва-ли кому приходитъ въ голову. Когда попался, то значитъ, стоилъ того. Таково исповѣданіе вѣры любаго палликара.

Понемногу спускаемся, держа направленіе къ Юго-Востоку. Гигантская „вѣшалка облаковъ" неравномѣрно сколочена зиждительною рукою Верхотворца круга небеснаго. Восточный бокъ ея далеко не такъ крутъ, по крайней мѣрѣ въ мѣстахъ этихъ, какъ западный, но все же приходилось беречься и заботиться о своего-рода равновѣсіи

---

[1]) Меридіанъ — не въ точномъ смыслѣ. Истинный меридіанъ соединяетъ не Скардъ, а Олимпъ съ Парнасомъ.

какой. „Утро вечера мудренѣе“, сказалъ мнѣ товарищъ, отложивъ рѣшеніе вопроса до завтра и занявшись постановкой въ злоименномъ Анилѣ нашего краснаго солнышка дорожнаго — самовара. Гостинница, не смотря на свою обширность и вѣроятно знаменитость въ краѣ, оказалась до того неудобною къ ночлегу, что мы предпочли на всю ночь остаться на галлереѣ вопреки мнѣнію хозяина, стращавшаго насъ не одною только горною сыростію, но и ворами, что на нашъ взглядъ расходилось какъ будто бы съ репутаціей его заведенія.. Мы стоически отвѣтили ему на это опасеніе его, его же народной пословицей, немножко дикой, это правда, но въ своемъ родѣ аксіоматической: „любитъ богъ вора, но любитъ также и хозяина“. При тускломъ свѣтѣ фонаря я попытался было прочесть что нибудь изъ гидовъ о Меццово, но отложилъ ознакомленіе съ нимъ до возвратнаго пути, который можно будетъ проложить даже прямо на „подсолнечникъ“, какъ съострилъ озлобленный спутникъ мой, наводившій справки у ханджи о томъ, что есть и чего нѣтъ въ его хозяйствѣ подлунномъ для прокорма путниковъ, и нашедшій только „то, чего нѣтъ“. Огорченный неуспѣхомъ, онъ далъ мѣсту имя, вмѣсто ἀνήλιος — ἀνίλεως (немилосердый), что какъ разъ совпадало съ моимъ недовѣріемъ къ объясненію мѣстнаго названія солнцемъ. Педантство эллиномановъ мнѣ хорошо извѣстно и очень можетъ быть, что какое нибудь влахское *анилуй* или славянское: *унылый* переэллинизовано патріотами въ *Анилій*. Возраженіемъ нашему предположенію служитъ конечно, терминъ: *просиліосъ,* усвояемый городку. Но какой давности онъ самъ, не извѣстно. Пуквиль впрочемъ уже упоминаетъ о немъ. Странно однако, что по его словамъ (тоже и у *Буé*), южная часть селитвы, слѣдовательно та, гдѣ мы находимся, есть Pros-ilion, а не наоборотъ. Такъ или иначе назвать ее, но несомнѣнно, что она ближе къ солнцу (πρὸς τὸν ἥλιον), ибо находится на высотѣ не менѣе 4000 футовъ.

Меццово. 16 Іюня. Среда.

Уступивъ просьбамъ „друга горъ“ по старой его профессіи, т. е. Търпка, мы хотя и не измѣнили своего рѣшенія спать на открытомъ воздухѣ, но насколько могли завѣсили свою ложницу рогожами, забранными изъ комнатъ. Поступлено было опасливо, но не совсѣмъ расчетливо. Съ рогожами намъ вынесены были и именно тѣ неумолимые враги человѣка, отъ которыхъ мы бѣжали, рискуя самимъ здоровьемъ своимъ. Часовъ до 10-ти я приводилъ въ порядокъ свои дорожныя замѣтки подъ храпъ товарища, прерываемый по временамъ стономъ и какъ бы глухимъ говоромъ, выражавшимъ чуть-ли не угрозу. Смыслъ ея я понялъ, когда, потушивъ фонарь, самъ взыскалъ покоя. Уже была полночь, а я все еще не спалъ, борясь ожесточенно, но совершенно напрасно съ старожилами Пинда. Естественно, что чувство жизни присущее и неуловимымъ взоромъ (а руками и — подавно) организмамъ заставляло ихъ укрываться тамъ, гдѣ по теплѣ, а голодъ.. Но, что говорить? Разсвѣтъ нашелъ меня уже опять бодрствующимъ и судорожно зѣвающимъ. Чуть восходящее свѣтило дня озарило розовыми лучами своими противолежащія намъ высоты, я направилъ свою зрительную трубку на вѣнчавшую ихъ кучку зданій. Это было *Меццово,* печатаемое на картахъ большими буквами и отъ давнихъ лѣтъ привлекавшее къ себѣ мое вниманіе, а съ нимъ и воображеніе. Почему-то какъ бы не вѣрилось даже, что это оно самое, наше европейское Квито, у котораго берутъ свое начало пять рѣкъ, и которое представляется какъ бы господиномъ и хозяиномъ всего Пинда. Труба даетъ различить съ десятокъ невзрачныхъ домовъ, верхъ одной церкви, что-то похожее на башню или на мельницу, и — ничего болѣе. *Просилій* очевидно отвернулся отъ *Анилія* и — по дѣломъ. На нашей сторонѣ всего насчитывается (невидныхъ съ мѣста наблюденія) 50—60 домовъ, а на той сторонѣ ихъ скучено до

что мы мѣшаемъ другъ другу. Нѣсколько разъ то мы пускали ихъ впередъ, то они насъ. Изъ этой маленькой неурядицы вышло полезное обстоятельство то, что разстояніе до „Auberge“ Итинерера мы укоротили на $1/3$ положеннаго на то времени. Правда, что приходилось многократно гнаться при этомъ за умчавшимися впередъ и хлестаться о придорожные кусты, которыми чуть не сплошь усажено тутъ сухое русло рѣки, но за то не оставалось времени для мысли объ Аполлонѣ, да и лошадь, бѣжа быстро, тоже не имѣла времени терзать меня поминутнымъ дряганіемъ то той, то другой ногой, въ намѣреніи согнать кусающую муху. Часовъ около двухъ дня, вдругъ впереди́ дороги нѣсколько влѣво высунулась изъ земли какая-то коковка. Кустики бѣжали передъ нею, а она оставалась неподвижно. Черезъ нѣсколько минутъ она какъ бы взобралась на пьедесталъ, а потомъ этотъ пьедесталъ вытянулся въ цѣлую стѣну. Все вмѣстѣ было темно-фіолетоваго цвѣта. Одинъ изъ приставшихъ вояжировъ объявилъ намъ, что это *Метеоры*. Поклонъ имъ пока мысленный. Нечего и говорить, что отселѣ все вниманіе мое приковалось къ предмету, который сразу же заявилъ себя выходящимъ изъ ряда вонъ. А вотъ и „трактиръ“ съ чѣмъ-нибудь конечно болѣе съѣдобнымъ, чѣмъ одинъ лукъ. Онъ красиво пріютился на площадкѣ въ тѣни развѣсистаго дерева у правой береговины рѣки. Не столько усталость, сколько жажда заставили насъ сдѣлать привалъ тутъ. Мнѣ же кстати пришло въ голову сдѣлать набросокъ именитаго мѣста, какъ оно въ первый разъ цѣлокупно видится съ дороги. Ханджи, какъ и предшественникъ его, угостилъ насъ за неимѣніемъ чего-другаго краснымъ виномъ, служащимъ видно панацеей голодному человѣку въ мѣстахъ этихъ. Урочныя 20 минутъ протекли. Рисунокъ конченъ. $2^1/_2$ піастра мѣстному Ганимеду за нектаръ уплачены. Отъѣзжающимъ въ *Трíкала* (по книжному въ *Трикку*) всадникамъ произнесено ὥρα σας καλή (часъ вамъ добрый). Все значитъ было готово къ продолженію пути, котораго оставалось всего

частности къ Меццовитамъ, о которыхъ не мало говора слышится въ *Пан*эллинскомъ мірѣ и вѣроятно скоро пойдетъ рѣчь въ *Пан*романскомъ [1]). Мой неблагопріятный отзывъ о минувшемъ ночлегѣ совершенно сходился съ таковымъ же моего спутника. Не менѣе нашего озлобленнымъ казался и нашъ путеводитель и тѣлохранитель. Но причина его дурнаго расположенія духа была другая. Вышли какія-то недоразумѣнія у него съ хозяиномъ по фуражнымъ счетамъ. Скиѳу казалось, что „римлянинъ“ хочетъ содрать съ него кожу. Мы старались успокоить единоплеменника, замѣтивъ ему въ духѣ аѳинскихъ панегиристовъ благотворителямъ „Рода“, что еслибы паче чаянія и дѣйствительно произошло произнесенное имъ „обдираніе“, то все же онъ можетъ быть увѣренъ, что оно пойдетъ на пользу общую. Ибо, почему знать, не останется-ли послѣ ханджи капиталецъ тысячъ во сто, и не будетъ-ли онъ отписанъ на какой нибудь новый *Политехніонъ* или *Панэпистиміонъ* in partibus fidelium? Въ починъ добраго дѣла, мы уплатили хозяину за ночлегъ 12 піастровъ.

Покончено съ самоваромъ. Быстро все уносится на низъ и укладывается на мула. Еще нѣтъ и 7 часовъ утра, а у насъ все уже готово къ отъѣзду. Хозяинъ желаетъ намъ благополучнаго пути, мы говоримъ ему: до свиданія и садимся на лошадей, съ предчувствіемъ труда, превосходящаго вчерашній. Вчера, по сказанію одной изъ нашихъ дорожныхъ книгъ, мы проѣхали только 37 километровъ (почти столько же верстъ). Сегодня намъ придется сдѣлать ихъ около 50. За то ночлегъ намъ обѣщается въ самыхъ *Метеорахъ*. „Подай Господи“! говорю я, заботливо смотря на черную и грозную массу

---

[1]) Нынѣшніе хозяева классическаго Пинда *Волохи*, или *Велико-влахи*, считаютъ Меццово какъ бы своею столицею. Но по духу, образованію и всему складу церковной жизни, городокъ представляется чисто греческимъ. Такъ было по крайней мѣрѣ до сего времени. Нельзя впрочемъ сомнѣваться, что Римляне Дунайскихъ береговъ куютъ серпы Панрумынства и для Пинда.

твердынями. Это не есть впрочемъ единичный, изъ земли такъ сказать выросшій гигантскій каменный грибъ или иной какой формы растительный уродъ. Подобнаго свойства и вида аггломераты очевидно гранитной формаціи видятся разбросанными и въ другихъ мѣстахъ по горизонту. Въ одномъ мѣстѣ, къ сѣверу, мнѣ показались точно четыре просфоры, приставленныя одна къ другой, въ другомъ рисовалась какъ бы опрокинутая чайная чашка съ кусочкомъ сахара на верху. Всѣ эти диковиныя каменныя глыбы на мой взглядъ похожи на край громаднаго платья, спускающагося уступами или съ Пинда или съ Олимпа и дѣлающаго при самой землѣ вертикальные загибы причудливыхъ формъ, съ обнаружившеюся подкладкой. Какъ части неизмѣримаго цѣлаго, онѣ ничтожны сами по себѣ, но на микроскопическій взоръ наблюдателя, умаленнаго сравнительно съ ними до инфузоріи, все еще кажутся страшными громадами. Съ приближеніемъ нашимъ къ нимъ стали выдѣляться изъ общаго фона картины отдѣльныя массы, каждая своихъ особенныхъ очертаній. Пора уже было отыскивать на нихъ взоромъ пресловутые монастыри, изъ коихъ одинъ снятый у Пуквиля (т. III. л. 314), представляетъ нѣчто, до изумленія странное и невиданное. Провожатый нашъ имѣлъ сугубый интересъ вести насъ къ цѣли кратчайшимъ путемъ, но мнѣ казалось, что мы давно уже сравнялись съ Метеорами, и даже частію миновали ихъ, направляясь параллельно имъ все къ югу. И вотъ между ними и нами вдругъ оказался цѣлый городокъ съ большою и видимо древнею церковію [1]). Только это нежданное обстоятельство и дало намъ въ руки надлежащій масштабъ для провѣрки громаднаго рисунка, развивавшагося передъ нами. Сейчасъ же видно стало, что насъ от-

---

[1]) Городокъ зовется *Калабака*, памятный мнѣ по перипетіямъ Крымской войны, не мало шума надѣлавшій тогда въ эллинскомъ мірѣ. Старое византійское имя его: *Стаги* (Σταγοί), мн. число.

дѣляетъ отъ Метеорскихъ скалъ-столбовъ еще большое пространство, съ которымъ намъ надобно спѣшить покончить, ибо „къ вечеру есть и преклонился есть день“. Точнѣе же дѣло подходило уже къ ночи. Благоразуміе требовало спуститься въ лежавшую передъ нами селитву и остаться въ ней на переночевку. Ни мы, ни Търпко не бывали въ Меeторахъ и понятія не имѣемъ, что и какъ тамъ есть, бываетъ и случиться можетъ. Но желаніе скорѣе быть у цѣли погнало насъ безъ оглядки далѣе. Мы обогнули съ Юга городъ, и стали подниматься на ту сторону долины въ упоръ грозно чернѣвшимъ твердынямъ, выдвигавшимся одна за другою и не оставлявшимъ какъ бы мѣста для дороги. Мѣстность имѣла дико-пустынный и вселяющій уныніе характеръ. Дѣлаемъ то сюда то туда повороты, скользя по каменнымъ глыбамъ и безъ конца поднимаясь куда-то въ непроглядныя тѣснины. Чуть показалась впереди нѣкая прогалинка съ ровнымъ ложемъ, какъ бы нарочно обсѣченнымъ, какъ провожавшій насъ албанецъ раскланялся съ нами, сказавъ: на! Метеоры! На лѣво показался узкій переулокъ между скалами, онъ въ него нырнулъ и — былъ таковъ! Мы стали было кричать, зовя его назадъ для объясненій, но знатокъ дѣла Търпко сказалъ намъ, что мы напрасно надсажаемся, что человѣкъ видно сдѣлалъ свое дѣло, привелъ насъ, куда взялся вести и не воротится болѣе ни за что! Утѣшилъ! Но, что же мы будемъ дѣлать далѣе? Порѣшили слѣдовать тропинкой пока она есть, а тамъ — аллахъ керимъ! Но едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ, какъ гдѣ-то въ высотѣ по правую руку услышали человѣческій голосъ. Поднявши по направленію его глаза, мы увидѣли на верху громадной отвѣсной скалы прицѣпившуюся къ ней башню, оканчивающуюся домикомъ съ широкимъ окномъ. Въ обѣ стороны отъ нея по окраинѣ утеса различаются стѣны съ окнами и кровли. Ясно, что это и есть монастырь, и именно главный изъ монастырей: *Метéоръ*, сообщившій свое имя и другимъ обителямъ. Обрадовавшись такому открытію, мы

въ тоже время увидѣли лицомъ къ лицу всю оставленность и безвыходность своего положенія. Куда дѣваться намъ на ночь? Знаю изъ разсказовъ, что доступа другаго къ пустыножителямъ нѣтъ, кромѣ подъема на веревкѣ. Но одинъ взглядъ туда — въ ужасающую высь, производилъ во мнѣ головокруженіе. Слышанный на верху голосъ былъ однакоже не даромъ. Насъ замѣтили оттуда и по крику нашему на уходившаго провожатаго заключили, что мы новички въ дѣлѣ, которымъ требуется подать руку помощи. Намъ сдѣлали оттуда окликъ. Тишина пустынная позволяла различать каждое слово. Рѣчь была греческая. Разумѣется спрашивали кто мы, куда, откуда, какъ.. Мы отвѣчали, что богомольцы, издалека, ѣхали именно въ Метеоры, и доѣхавши, вотъ не знаемъ что дѣлать. Насъ конечно сейчасъ же дружелюбно привѣтствовали съ пріѣздомъ, и просили добро пожаловать на верхъ, на какой конецъ изъ широкаго окна стали спускать толстую веревку. При видѣ ея на меня напалъ такой страхъ, что я поскорѣе просилъ встащить ее назадъ, и на отрѣзъ отказался отъ воздушнаго полета. Тогда намъ предложили сверху взлѣзть по лѣстницѣ, спущенной отъ половины башни къ самой подошвѣ скалы совершенно отвѣсно, неизвѣстно какъ прицѣпленной къ ней и состоящей изъ болтовъ или досчечекъ, самымъ простымъ образомъ устроенныхъ по правиламъ веревочныхъ лѣстницъ. Одинъ взглядъ на нее привелъ меня въ содраганіе. Я съ отчаяніемъ признался, что ни какъ не могу рѣшиться на подъемъ ни тѣмъ ни другимъ способомъ и просилъ отцовъ обители наставить насъ, что намъ дѣлать въ подобныхъ обстоятельствахъ, особенно въ виду наступавшей уже ночи. Намъ объявили, что другаго средства нѣтъ поправить дѣло, какъ ѣхать въ монастырь *Стефановъ*, куда можно попасть по мостику, переброшенному черезъ пропасть (однако!.) не только самимъ, но и лошадямъ. Мы поблагодарили за наставленіе, но объяснили, что „Св. Стефанъ“, какъ и всѣ прочіе 20 монастырей Метеорскихъ, для насъ есть — terra

всю длину меридіана [1]) отъ Скарда до Парнасса. Но легкая дрожь, прошедшая по потной спинѣ, заставила меня поскорѣе возобновить подвижное положеніе тѣла. Чуть мы подались нѣсколько впередъ къ Югу по площади къ пріятно зеленѣвшимъ деревьямъ, какъ передъ нами показалась хижина, отрекомендованная намъ подъ именемъ *Дервéна*, по нашему какъ бы „казачьяго поста", значитъ жилое мѣсто, возбудившее во мнѣ такое сочувствіе (платоническое, конечно) къ себѣ, въ силу странной наклонности души жалѣть и лелѣять все сирое и оставленное. При хижинѣ есть и источникъ холодной (еще бы нѣтъ!) воды, это неоцѣнимое благо для пѣшехода, взбирающагося въ такомъ изнеможеніи на перевалъ и особенно — со стороны Меццова. Хотя-не-хотя, отрекомендовались и мы Дервенскимъ мытарямъ въ качествѣ кашишей (монаховъ), ѣдущихъ на поклоненіе въ Метеоры. Слово „поклоненіе", я думаю, принято было ими за ораторскій пріемъ съ нашей стороны. Ибо кому же не извѣстно, что въ Метеоры люди нашего покроя отправляются обыкновенно не на поклоненіе, а на покаяніе.. Мнѣ показалось даже, что шумѣвшіе у воды палликары, провожая насъ прищуренными глазами, обуревались именно этою самою идеей и можетъ быть едва удерживались, чтобы не послать во слѣдъ намъ привѣтственно: юхха! Жалѣть покаянниковъ едва-ли кому приходитъ въ голову. Когда попался, то значитъ, стоилъ того. Таково исповѣданіе вѣры любаго палликара.

Понемногу спускаемся, держа направленіе къ Юго-Востоку. Гигантская „вѣшалка облаковъ" неравномѣрно сколочена зиждительною рукою Верхотворца круга небеснаго. Восточный бокъ ея далеко не такъ крутъ, по крайней мѣрѣ въ мѣстахъ этихъ, какъ западный, но все же приходилось беречься и заботиться о своего рода равновѣсіи

---

[1]) Меридіанъ — не въ точномъ смыслѣ. Истинный меридіанъ соединяетъ не Скардъ, а Олимпъ съ Парнасомъ.

Продолжая идти ею, упираемся въ глубокую трещину на столько широкую, что не представляется никакой возможности попасть въ стоящій за нею на самомъ краю обрыва домъ. Проводникъ нашъ даетъ условный знакъ недоступнымъ Метеоритамъ, извѣщающій о прибытіи странниковъ. Изъ оконъ дома проэктируется по скалѣ огонекъ и черезъ какое-то отверстіе начинается переговоръ. Слѣдуетъ за тѣмъ докладъ по начальству, хлопанье дверями, клики и отклики гдѣ-то за стѣною и послѣ всего наступаетъ мертвая тишина. Звуки возвращаются усиленные и умноженные. За большими дверями, смотрѣвшими въ лицо намъ, раздаются стукъ, скрипъ и даже визгъ желѣза. Отворяются тяжелыя половинки. Видится внутренность освѣщенной фонарями комнаты. Съ десятокъ дюжихъ рукъ выдвигаютъ изъ двери мостикъ обставленный перилами. Не хитрая „махина“ достигаетъ скалы нашей и открываетъ прямое сообщеніе столпниковъ съ матерою землею. Привѣтствуемся и вступаемъ въ монастырь, гдѣ насъ ожидаетъ уже о. Игуменъ, человѣкъ нашихъ лѣтъ, не казистой наружности, но какъ скоро оказалось, весьма достойный быть тѣмъ, что есть. Намъ отведено было лучшее помѣщеніе со всѣми удобствами пустынными. Вкратцѣ ознакомившись съ нами, досточтимый о. *Константій* поспѣшилъ предоставить намъ полную свободу дѣйствій, отдавши въ наше распоряженіе брата *Софронія*, готоваго на всякую услугу и раскланявшись съ нами безъ всякихъ излишковъ мірской аффектированной вѣжливости. Мы конечно не замедлили поставить самоваръ, съ появленіемъ котораго на столѣ вся обстановка комнаты приняла радующій домашній видъ. Всѣ, столь многоразличныя фазы проведеннаго нами дня, какъ бы никогда не бывали. Блаженство наступившаго покоя сглаживало всѣ шероховатости дороги отъ встрѣчи съ караваномъ на Зиго до внушительнаго оклика дервенъ-аги. Маленькая, даже почти пріятная дрожь пробѣгала по тѣлу только при воспоминаніи Метеорской скалы, но ее

довольно солидно и зажиточно высматривавшій изъ своего зеленѣющаго оазиса. Но на первыя освѣдомленія наши о продовольствіи, ханджи показалъ такой видъ нестяжательности, что ханъ его могъ по истинѣ быть названъ предисловіемъ къ метеорской пустынѣ. Съ тоской на сердцѣ мы проѣхали мимо него, успокоиваемые старикомъ, что черезъ четверть часа найдемъ все, что намъ нужно, въ другомъ ханѣ.

Терпѣливо ждемъ сего *другаго* пристанища, съ весьма ограниченными надеждами на обрѣтеніе въ немъ *сего*.. Малакасскій пустынножитель имѣлъ полное право говорить намъ, съ чего мы взяли, что у него должно быть и то и другое? Онъ самъ, напротивъ, пробавляется кое-чѣмъ около проѣзжающихъ. Не надобно воображать, что тутъ какая нибудь Орловская или Курская губернія съ постоялыми дворами, ни даже Малороссія съ ея корчмами. Тутъ буколическая Өессалія съ голыми членами, живописными лохмотьями, дудками и пикульками, прославленными подъ именемъ свирѣлей, сырыми пещерами, животнымъ запахомъ и.. но всего не перечтешь. Въѣзжаемъ въ каменистый потокъ со струйкою кристальной воды, который слѣдуетъ привѣтствовать снявши шапку. Это верховье пресловутаго *Пенея*, столько извѣстнаго классическому міру, игриво протекающаго по всей области и впадающаго между *Олимпомъ* и *Оссой* въ Эгейское море. Черезъ версту съ небольшимъ показалась и „гостинница," долженствующая разыграть передъ нами роль Пандориной шкатулки. Стоитъ она надъ самымъ Пенеемъ въ поразительно-дикомъ и живописномъ мѣстѣ. Еле дышущіе, свалились мы съ лошадей своихъ и въ первой тѣни улеглись съ блаженнымъ ощущеніемъ все-тѣлеснаго покоя. Давно намъ слѣдовало расправить свои члены и сосчитать кости, по крайней мѣрѣ осмотрѣть ушибы. Слава Богу, все было найдено въ цѣлости и въ порядкѣ. Настала пора заняться „Пандорой". Зная всѣ перипетіи миөа, я въ качествѣ Прометея отказался отъ безплоднаго допроса, чѣмъ и чѣмъ

есть. Кромѣ упомянутыхъ нами *Феръ* приводятся еще населенныя мѣстности: *Гонны* и *Гомфы*. Первая лежала при входѣ въ *Темпейскую* долину и слѣдовательно была далеко отъ нашего мѣста. О второй у Юлія Цезаря прямо сказано: „Пришелъ въ Гомфы — первый городъ, когда идешь изъ Эпира въ Өессалію". Такое выраженіе писателя самовидца и самодѣтеля весьма подходитъ къ положенію Метеоръ. Если мы присовокупимъ къ сему, что γόμφος значитъ деревянный гвоздь, клинъ, стержень, то вѣроятность тожества Гомфовъ съ Метеорами можетъ перейти въ прямую достовѣрность. Но въ промежуточный между Гомфами и Метеорами періодъ тутъ являются еще не менѣе подходящіе къ дѣлу *Стаги* (Σταγοί), тоже форма имени во множественномъ числѣ. Правда, что имя это придавалось нынѣшнему городку Калабакѣ, котораго епископъ доселѣ титулуется *Стагскимъ*, а по неумѣлому переводу *Стагонскимъ* (ὁ Σταγῶν), но и самый городъ видимо есть только какъ бы приставокъ къ Метеорамъ, безъ нихъ вѣроятно и не появился бы, изъ нихъ вышелъ и ради ихъ живетъ, самъ въ себѣ не имѣя положительно ничего жизненнаго и привлекающаго. Откуда же взялось слово: *Стаги*? Читатель предчувствуетъ, что мы забредемъ съ нимъ въ свою родную славянщину — послѣднее пристанище филологическихъ гаданій изслѣдователей нашего пошиба. Да! Славянское ухо сейчасъ узнаетъ въ словѣ наши *стяги*, а если не стяги, то *стоги*. И то и другое словопроизводство можно считать равно подходящимъ и даже — вѣроятнымъ, имѣя передъ глазами по сосѣдству съ нимъ такіе диковинные предметы, какъ эти каменныя глыбы, представляющіяся изумленному воображенію чѣмъ попало — лѣснымъ частоколомъ, болотными кочками, снопами, копнами, возами, сапогами (по признанію одного современнаго чеботаря.. книгъ) [1]),

---

[1]) Да позволена мнѣ будетъ одна не скромность. Не потому-ли именитый книготворецъ усмотрѣлъ фигуру сапога въ Метеорскихъ твердыняхъ, что во время Крымской

тутъ, такъ сказать, еще въ колыбели. Вотъ, когда онъ подростетъ, познакомится гдѣ-то въ подгорьяхъ Пинда съ Наядой *Крейзой*, родитъ отъ нея сына и дщери, въ томъ числѣ и памятную мнѣ отъ младыхъ ногтей *Дафну*, захватитъ въ лоно свое еще пять-шесть рѣчекъ и рѣчонокъ, тогда надобно посмотрѣть на него! Бѣдная *Дафна*, надъ обращеніемъ которой въ дерево лѣтъ за 40 передъ этимъ мною столько пролито слезъ, по подсказу одной картинки 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, родилась и выросла на берегахъ Пенея, хотя мои „мужіи аѳинейстіи", помню и завѣряли меня, что мѣстопроисхожденіе миѳа было и есть по близости Аѳинъ, въ урочищѣ *Дафни*, а когда-то вся Сирія вѣрила, что случай произошелъ въ ея столицѣ Антіохіи, тоже на подобномъ основаніи! Романическія похожденія Аполлона начались по большинству сказаній въ Ѳессаліи, гдѣ онъ, прогнанный за разныя проказы съ Олимпа, пасъ овецъ у царя *Адмета*, поэтической памяти, не того историческаго, у котораго проживалъ обиженный Ѳемистоклъ, а у другаго древнѣйшаго, царствовавшаго въ *Ферахъ* (одно изъ 9-ти упомянутыхъ нами царствъ Ѳессалійскихъ), родственника *Язона* Аргонавта. Да успокоится благосклонный читатель. Мы не пойдемъ слѣдомъ за пресловутымъ проходимцемъ древности далѣе Пенея. Видно, что онъ и доселѣ не забываетъ любимыхъ когда-то мѣстъ. Ужъ какъ мы ни помогаемъ ему своими зонтиками, давая знать, что довольно его милостей къ намъ, все напрасно. Зной дѣйствительно становился невыносимымъ. Обычный въ ущеліяхъ вѣтеръ, даже какой-нибудь вѣтерокъ, и не показывался. Насъ нагоняютъ упомянутые всадники, видимо наровя быть нашими спутниками. Кони-ли у нихъ лучше, всадники-ли у насъ хуже, только вскорѣ оказалось,

---

жаться нравственно и не рѣдко еще славиться доблестями древнее общество, руководимое такими свыше преподаваемыми и безусловно авторитетными блазненными уроками?

есть. Кромѣ упомянутыхъ нами *Ферѣ* приводятся еще населенныя мѣстности: *Гонны* и *Гомфы*. Первая лежала при входѣ въ *Темпейскую* долину и слѣдовательно была далеко отъ нашего мѣста. О второй у Юлія Цезаря прямо сказано: „Пришелъ въ Гомфы — первый городъ, когда идешь изъ Эпира въ Θессалію". Такое выраженіе писателя самовидца и самодѣтеля весьма подходитъ къ положенію Метеоръ. Если мы присовокупимъ къ сему, что γόμφος значитъ деревянный гвоздь, клинъ, стержень, то вѣроятность тожества Гомфовъ съ Метеорами можетъ перейти въ прямую достовѣрность. Но въ промежуточный между Гомфами и Метеорами періодъ тутъ являются еще не менѣе подходящіе къ дѣлу *Стаги* (Σταγοί), тоже форма имени во множественномъ числѣ. Правда, что имя это придавалось нынѣшнему городку Калабакѣ, котораго епископъ доселѣ титулуется *Стагскимъ*, а по неумѣлому переводу *Стагонскимъ* (ὁ Σταγῶν), но и самый городъ видимо есть только какъ бы приставокъ къ Метеорамъ, безъ нихъ вѣроятно и не появился бы, изъ нихъ вышелъ и ради ихъ живетъ, самъ въ себѣ не имѣя положительно ничего жизненнаго и привлекающаго. Откуда же взялось слово: *Стаги*? Читатель предчувствуетъ, что мы забредемъ съ нимъ въ свою родную славянщину — послѣднее пристанище филологическихъ гаданій изслѣдователей нашего пошиба. Да! Славянское ухо сейчасъ узнаетъ въ словѣ наши *стяги*, а если не стяги, то *стоги*. И то и другое словопроизводство можно считать равно подходящимъ и даже — вѣроятнымъ, имѣя передъ глазами по сосѣдству съ нимъ такіе диковинные предметы, какъ эти каменныя глыбы, представляющіяся изумленному воображенію чѣмъ попало — лѣснымъ частоколомъ, болотными кочками, снопами, копнами, возами, сапогами (по признанію одного современнаго чеботаря.. книгъ) [1]),

---

[1]) Да позволена мнѣ будетъ одна не скромность. Не потому-ли именитый книготворецъ усмотрѣлъ фигуру сапога въ Метеорскихъ твердыняхъ, что во время Крымской

частности къ Меццовитамъ, о которыхъ не мало говора слышится въ *Пан*эллинскомъ мірѣ и вѣроятно скоро пойдетъ рѣчь въ *Пан*романскомъ [1]). Мой неблагопріятный отзывъ о минувшемъ ночлегѣ совершенно сходился съ таковымъ же моего спутника. Не менѣе нашего озлобленнымъ казался и нашъ путеводитель и тѣлохранитель. Но причина его дурнаго расположенія духа была другая. Вышли какія-то недоразумѣнія у него съ хозяиномъ по фуражнымъ счетамъ. Скиѳу казалось, что „римлянинъ" хочетъ содрать съ него кожу. Мы старались успокоить единоплеменника, замѣтивъ ему въ духѣ аѳинскихъ панегиристовъ благотворителямъ „Рода", что еслибы паче чаянія и дѣйствительно произошло произнесенное имъ „обдираніе", то все же онъ можетъ быть увѣренъ, что оно пойдетъ на пользу общую. Ибо, почему знать, не останется-ли послѣ ханджи капиталецъ тысячъ во сто, и не будетъ-ли онъ отписанъ на какой нибудь новый *Политехніонъ* или *Панэпистиміонъ* in partibus fidelium? Въ починъ добраго дѣла, мы уплатили хозяину за ночлегъ 12 піастровъ.

Покончено съ самоваромъ. Быстро все уносится на низъ и укладывается на мула. Еще нѣтъ и 7 часовъ утра, а у насъ все уже готово къ отъѣзду. Хозяинъ желаетъ намъ благополучнаго пути, мы говоримъ ему: до свиданія и садимся на лошадей, съ предчувствіемъ труда, превосходящаго вчерашній. Вчера, по сказанію одной изъ нашихъ дорожныхъ книгъ, мы проѣхали только 37 километровъ (почти столько же верстъ). Сегодня намъ придется сдѣлать ихъ около 50. За то ночлегъ намъ обѣщается въ самыхъ *Метеорахъ*. „Подай Господи"! говорю я, заботливо смотря на черную и грозную массу

---

[1]) Нынѣшніе хозяева классическаго Пинда *Волохи*, или *Велико-влахи*, считаютъ Меццово какъ бы своею столицею. Но по духу, образованію и всему складу церковной жизни, городокъ представляется чисто греческимъ. Такъ было по крайней мѣрѣ до сего времени. Нельзя впрочемъ сомнѣваться, что Римляне Дунайскихъ береговъ куютъ серпы Панрумынства и для Пинда.

„Доброе утро“ Өессалійское давно заглядывало въ окна нашей опочивальни, оказавшейся тоже настоящею Метеорскою, т. е. стоящею надъ обрывомъ, а мы все еще спали сладкимъ и крѣпкимъ сномъ, въ отместку Анилійскому ночлегу. Братія честныя обители, окончивши свою молитву, отправлялись на дѣло свое и на дѣланіе свое. Пора было и намъ вспомнить, что мы пріѣхали въ нее не для бездѣлья, на что намекалъ и сонъ мой, поставившій меня среди огромнаго нѣкоего зданія, полузасыпаннаго землею, которое мы осматривали при свѣчахъ, читай: при слабомъ и тускломъ свѣтѣ сбивчивыхъ показаній и неустойчивыхъ заключеній. Изъ архондарика нашего открывался обширный видъ на весь склонъ Метеорской возвышенности до самаго *Саламврія* (Пенея), и вся равнина *Калабацкая*, за которою высился громадный хребетъ *Козякъ*, по картамъ *Кожакасъ*, направляющійся съ Юга на Сѣверъ и упирающійся своею южною оконечностію подъ острымъ угломъ въ Пиндъ. Налюбовавшись на картину природы и на свое къ ней мирное расположеніе, мы попросили у о. Игумена позволенія осмотрѣть все, что есть древняго и вообще любопытнаго въ его обители. Въ отвѣтъ на это онъ поспѣшилъ сообщить намъ, что по обстоятельствамъ, въ которыхъ не кого винить кромѣ времени, назначеннаго для каждой вещи подъ небесемъ, въ монастырѣ его не оказывается ничего интереснаго, хотя онъ и зовется „Царскимъ“ и „Патріаршимъ“. То же, что еще можно показывать пытливымъ заѣзжимъ, все давно осмотрѣно и описано ими, въ томъ числѣ и русскимъ архимандритомъ Порфиріемъ. Я слышалъ (въ 1861 г.) изъ устъ самого нашего ученаго путешественника о его странствованіи въ этихъ мѣстахъ и въ свое время завидовалъ ему, но скупой изслѣдователь христіанскихъ древностей Турціи до сихъ поръ ничего не сообщилъ къ общему свѣдѣнію изъ того, чѣмъ самъ обогатился, на что я и счелъ долгомъ своимъ пожаловаться о. Константію, въ видѣ anticipationis benevolentiae его. Онъ немедленно приказалъ отворить намъ

хватило на столько, чтобы понять всю ненадобность ронять своего сѣдока, особенно при галопѣ. А что? Вотъ вамъ и Господи помилуй, навороженное вами, говорю я убѣдившись, что все обстоитъ благополучно. Случай этотъ заставилъ насъ усугубить свое вниманіе къ своему положенію весьма ненадежному въ виду предстоявшей намъ экзерциціи, которая въ пору мастерамъ манежнаго дѣла.

Сотворивши крестное знаменіе, начинаемъ свой перевалъ, упорно смотря себѣ подъ ноги и не поднимая взора выше головы своей лошади, что бы ни чѣмъ не смущаться и даже не развлекаться. Длинный зигзагъ налѣво съ подъемной линіей подъ угломъ 25 и чуть-ли еще не прямѣе. За нимъ другой, затѣмъ третій и такъ далѣе. Вдругъ покажется, что конецъ дорогѣ—каменная глыба, страшно нависшая, перегораживаетъ ее, не оставляя мѣста не только парѣ копытъ лошадиныхъ, но кажется самимъ лапкамъ зайца. Между тѣмъ стежка ухитряется пробраться полъ-аршинными ступенями по-за скалѣ и опять вытягивается въ ниточку, виляя то направо то налѣво. Въ одномъ изъ такихъ узкихъ и скользкихъ проходовъ, вдругъ изъ-за поворотнаго угла показалась на встрѣчу голова осла, за осломъ выдвинулся мулъ, навьюченный огромными мѣшками, за нимъ другой, и потомъ цѣлый торговый караванъ. Куда дѣться намъ? Попятились, посторонились, прижались къ скалѣ, отчаянно держась за шею коня, готоваго стать на дыбы на крутой покатости горнаго склона. Случись при этомъ столпленіи кромѣ перебранки людей еще таковая же четвероногихъ, я не знаю, что бы осталось отъ насъ, занимавшихъ самую не выгодную, стратегически говоря, позицію. И все таки фатально открылась возможность вторично кому-то вспомнить про эктенію съ: Господи помилуй! Спускавшееся сверху упрямое животное до того наперло на передоваго нашего, что стащило браваго всадника на землю. Положеніе было критическое, но слава Богу, все ограничилось легкимъ ушибомъ и тяжкимъ гнѣвомъ пострадавшаго на

логу. Нигдѣ въ обители другой какой нибудь надписи историческаго смысла я не доискался. Остается и намъ, потому, вмѣстѣ съ „Хронографіей Эпира“ прибѣгнуть къ безавторитетному показанію нѣкоего Неапольскаго епископа *Агаѳангела*, записавшаго на „кодикѣ“ монастырскомъ въ 1835 г. 19 Декабря слѣдующее: „Изъ нѣкоторыхъ старыхъ рукописныхъ записей и патріаршихъ грамать доказывается ясно, что священная Метеорская у Стаговъ обитель Св. Первомученика и Архидіакона Стефана и ея божественный храмъ, построены вмѣстѣ, въ царствованіе греко-римскаго императора Византіи *Іоанна Катакузина* въ 1350 г. отъ Христа. Отчего и священный сей монастырь издревле есть царскій и патріаршій, ставропигія самогосподственная“. Явно-интенціозная замѣтка эта какими руководствовалась рукописными памятниками и патріаршими граматами, которыя бы подтверждали фактъ построенія монастыря Имп. Іоанномъ Кантакузинымъ, не извѣстно. Сомнительно, чтобы что нибудь существовало гдѣ нибудь въ этомъ родѣ. Въ той же замѣткѣ упоминается хрисовулъ господаря Угро-влахійскаго 1398 г. [1]) съ именемъ *Владислава*. Онъ показался мнѣ нуждающимся въ повѣркѣ, и я изъявилъ желаніе видѣть его въ подлинникѣ. Когда мы, по осмотрѣ всѣхъ рѣдкостей церковныхъ, распивали утренній чай въ свѣтлыхъ сѣняхъ игуменскихъ комнатъ, о. Константій обязательно принесъ мнѣ желанный до-

---

[1]) Откуда взялъ *Агаѳангелъ* 1398-й годъ своей замѣтки, повторенный потомъ и Хронографіей? Съ 1392 по 1411 г. царствовалъ въ Венгріи *Сигизмундъ*, которому хотя и былъ конкуррентомъ *Владиславъ* V (*Ягеллонъ*, Литовецъ), но едва ли могъ фигурировать на оффиціальныхъ актахъ «угро-влахійскихъ». Вѣроятнѣе предположить, что *Агаѳангелъ* видѣлъ тотъ самый документъ, который и мы держали въ рукахъ, но не съумѣлъ прочесть его дату, писанную по славянски. Не скроемъ, что и мы въ цифрахъ ея тоже видимъ неясность. Второе ц мы выдаемъ за 90. Но извѣстно, что для выраженія этого числа у славянъ пріурочена буква ч. Выправиться, когда жилъ *Евѳимій*, «Архіепископъ и Митрополитъ всей земли Угро-влахійской», къ сожалѣнію негдѣ.

кументъ. Онъ оказался въ двухъ экземплярахъ — почти тожественныхъ спискахъ, писанныхъ славянскими буквами, но волошскимъ языкомъ, писанъ же отъ имени *Ефтемія, Божіею милостію архіепископа и митрополита всей земли угро-влахійской*, и составляетъ дарственную запись монастырю на владѣніе частицею мощей св. муч. *Харалампія* и перстомъ св. Первомученика *Стефана*. Годъ означенъ цифровыми буквами ,ҁцҁ, то есть 6996-й или 1488-й отъ Рождества Христова, слѣдовательно безъ малаго на 100 лѣтъ позже указаннаго въ замѣткѣ и въ хронографіи года. Подъ актомъ есть и подписи. Первая, совершенно ясно разбираемая, есть: *Драгоміръ, великій Ворникъ*. Слѣдующая за нею: *Іоаннъ Владиславъ*, по мнѣнію моему, весьма сомнительна [1]). Какъ бы то ни было, отъ упомянутой даты росписанія церкви св. Стефана мы идемъ глубже въ древность на небольшое количество лѣтъ; очень можетъ быть, что обстоятельство пожертвованія кѣмъ-то въ Валахіи кому-то изъ Метеоритовъ и было поводомъ къ постройкѣ тутъ монастыря во имя Первомученика. Отъ 1488 года до эпохи Имп. Кантакузина остается не малый промежутокъ времени. Наконецъ, таже замѣтка отсылаетъ всякаго любопытнаго увѣриться въ древности монастыря къ одной надписи, высѣченной на той скалистой площади, которою мы вчера подъѣхали къ монастырю, гдѣ читается имя нѣкоего *Іереміи* съ годомъ 6700 (1192)-мъ. Такъ какъ мы были уже готовы идти подъ руководствомъ о. Софронія осматривать всю мѣстность бывшихъ, и еще существующихъ Метеорскихъ монастырей, то и условились по дорогѣ высмотрѣть рѣдкій въ византійской графикѣ курьезъ — высѣченную на скалѣ подножной над-

---

[1]) Положимъ, что подъ митрополичьей граматой ради скрѣпы и законности могъ подписаться «Великій Ворникъ». Но кстати ли было ниже его подписаться еще самому Господарю Угро-Влахіи? Въ ряду государей Венгріи около 1488 г. дѣйствительно отыскивается *Владиславъ* или Ladislas, по однимъ II, по другимъ VI.

пись. Мы простились съ о. Игуменомъ до вечера и отправились „пѣшкомъ съ батожкомъ,“ а точнѣе съ однимъ зонтикомъ, на археологическую охоту, за стѣны, а за недостаткомъ ихъ просто за предѣлы обители, — въ міръ, сказалъ бы я, еслибъ подолѣе пожилъ со столпниками. Первымъ дѣломъ было отыскать Іереміину надпись. Скала подъ нею замѣтно сравнена, и конечно въ весьма давнее время. Никакихъ слѣдовъ чего нибудь, вызвавшаго ее, въ окрестности нельзя замѣтить, такъ что появленіе ея тутъ можно приписать одному случайному капризу случайнаго путника, желавшаго убить лишній часъ времени занятіемъ праздныхъ рукъ своихъ. Было высѣчено когда-то около 10—12 буквъ, изъ коихъ уцѣлѣли и читаются отчетливо только двѣ: самая первая, имѣющая фигуру греческаго ϛ (стигма), замѣняющаго ΣΤ, и предположительно шестая, ясно выдающая себя за Ε.. Всѣ другія надобно долго и тщательно разсматривать, и за всѣмъ тѣмъ опредѣлять только гадательно. Сообщенное намъ чтеніе надписи предполагаетъ въ началѣ ея хронологическую дату, при чемъ въ ϛ видитъ букву-цифру, означающую 6, и здѣсь, по занимаемому ею первому мѣсту, выражающую собою тысячный знакъ. За нею чуть очерчиваются другія двѣ буквы, похожія нѣсколько на Ψ и на Μ, обѣ имѣющія цифровое значеніе. Изъ совокупности всѣхъ трехъ выходилъ бы 6740-й годъ отъ сотворенія міра, и 1232-й отъ Рождества Христова. Въ слѣдующемъ за тѣмъ ряду буквъ дѣйствительно есть возможность прочитать слово: ΙΕΡΕΜΙΑΣ, но также возможно придумать множество и другихъ чтеній, что конечно не важно. Важенъ вопросъ: надобно ли въ первыхъ буквахъ надписи видѣть непремѣнно цифры? Обыкновенно надъ буквами - цифрами сверху проводится черта горизонтальная, одна ли, общая всему числу, или надъ каждою буквой своя особенная, коротенькая. Здѣсь и слѣда нѣтъ подобной черты. Кромѣ того, у Византійцевъ не было въ обычаѣ начинать какія бы то ни было памятныя замѣтки прямо числомъ, безъ предше-

ствующаго слова ἔτος или укороченно ἔτ.. Здѣсь опять выходитъ противное тому. Вообще, открытіе тутъ хронологической даты мнѣ показалось, на мѣстѣ наблюденія ея, чистымъ произволомъ. Прибавимъ къ сему, что выводимый изъ предполагаемаго чтенія годъ, не есть ни 1350-й Агаѳангеловой [1]) замѣтки, ни вообще совпадающій съ царствованіемъ Кантакузина.

Ближайшій къ Св. Стефану Метеоръ-монастырь есть *Св. Троицы*. Служащая ему пьедесталомъ каменная глыба сравнительно небольшихъ размѣровъ, но странныхъ очертаній, представляется какъ бы трехъ этажною и къ верху съуженною. Верхушка утеса застроена или, какъ представляется издали, облѣплена какъ бы птичьими клѣтками. Съ приближеніемъ нашимъ къ нему, клѣтки превратились въ убогія и ветхія хаты или каливы, связанныя между собою простѣнками, изъ коихъ къ низу спускалась отвѣсно по скалѣ деревянная лѣстница ступенекъ въ 30. Кругомъ и на верху царствовала мертвая тишина. Точно стоялъ передъ нами сказочный, заколдованный замокъ. Мы начали кликать столпниковъ. Долго никто не отзывался и не показывался съ верху. Отъ нечего дѣлать сперва товарищъ, а потомъ и я, попробовали подниматься по лѣсенкѣ, и нашли, что дѣло это не невозможное. Только кто поручится, что на высотѣ двухъ-трехъ саженей подъема не случится фатальное головокруженіе, и тогда.. поминай, какъ звали! Подъемной же веревки тутъ не оказывалось, да о ней я и думать не смѣлъ. Насъ избавилъ отъ риска благороднаго, но не благоугоднаго дѣла, показавшійся на верху старецъ, который понявши наши намѣренія и опасенія, открылъ намъ вовсе неожиданный, секретный ходъ на столбъ, имъ самимъ устроенный, т. е. такую же

---

[1]) Кто такой этотъ *Агаѳангелъ*, и гдѣ епархія *Неапольская*, какъ и зачѣмъ онъ былъ въ Метеорахъ, мнѣ не могли объяснить на мѣстѣ. Вѣроятно, былъ только титулоносный настоятель одной изъ приходскихъ церквей Константинополя.

лѣстницу, придѣланную къ камню и замаскированную. Мы поспѣшили воспользоваться ею и хотя тоже не безъ труда, но по крайней мѣрѣ безъ страха смерти, взобрались на верхъ. Тамъ насъ привѣтствовалъ другой старецъ, о. игуменъ *Анѳимъ*, человѣкъ весьма почтенный, заслуживающій похвалу и благодарность уже за то одно, что снисходительно отнесся къ робкому чувству не привычныхъ къ волтижировкѣ посѣтителей, но за то самое заслужившій, какъ онъ самъ признался, не благоволеніе, а прямо нареканіе въ новшествѣ отъ большихъ монастырей, стоящихъ за старый порядокъ вещей. Старецъ немедленно показалъ намъ свою церковь, малую, тѣсную и темную, но по хорошему плану византійскихъ храмовъ построенную и посвященную Св. Троицѣ. Ей предшествуетъ несоразмѣрно большой притворъ накрытый куполомъ, служащій очевидно мѣстомъ сбора братій на всякую потребу. Намъ предложены были для поклоненія частицы св. мощей Апостола *Іакова брата Господня*, *Григорія Неокесарійскаго*, мучениковъ *Пантелеимона*, *Трифона* и *Анастасія Персянина* (правая рука), и преподобнаго *Никанора*, мнѣ совсѣмъ неизвѣстнаго. Это конечно самые цѣнные предметы въ обители; напрасно было бы доискиваться, какъ и откуда досталась ей та или другая святыня, особенно же мощи св. Апостола *Іакова*, въ первый разъ мною слышимыя и встрѣчаемыя. Изъ другихъ предметовъ, находящихся въ церкви, обращаетъ на себя вниманіе икона Богоматери съ подписью живописавшаго ее *малѣйшаго Ризо изъ епархіи Аграфовъ* [1]). Годъ выставленъ 7226 или 1718. Замѣтивъ мою пытливость, о. игуменъ похвалился мнѣ, какъ рѣдкостію, эпитрахилемъ розоваго атласа съ вышитыми по

---

[1]) Διὰ χειρὸς ἐλαχίστου Ῥήζου ἐκ τῆς Ἐπαρχίας τῶν Ἀγράφων. ζσ κ ς. Мѣстечко *Аграфа*, и по нему цѣлая область, лежитъ на южномъ протяженіи Пинда, въ самыхъ высокихъ частяхъ его, около 6,000 футовъ абсолютной высоты. Эта родина пресловутыхъ *клефтовъ* (воровъ, разбойниковъ) получила будто бы свое названіе отъ того, что Турец-

нему въ два ряда иконами разныхъ святителей. Внизу есть тоже вышитая подпись: *боголюбивѣйшій епископъ Святѣйшей епископіи Деріупольской и Аргирокастрійской, Парѳеній. 1664 года. Маія 3* [1]). Всѣ прочія принадлежности ризницы не заслуживаютъ вниманія. Росписаніе церкви по стѣнамъ относится къ 1741 г., притворъ же росписанъ ранѣе, и именно, какъ гласитъ замѣтка существующая надъ входными дверьми, *росписанъ при епископѣ нашемъ Арсеніи, издержками господина Михаила.. изъ села Велóни, при игуменѣ Іонѣ, въ 1692 г.* [2]) Тутъ же сказано, что куполъ притвора выстроенъ въ 1676 г. (предположительно). Всѣ этѣ надписи очевидно гораздо позднѣе самой церкви. Выведши насъ изъ нея, о. Анѳимъ указалъ намъ со внѣ южной стѣны ея выставленными въ рядѣ камней, двѣ плиты мягкаго желтоватаго камня. На большей изъ нихъ читается шестистрочная

кому правительству никогда не удалось составить *перепись* оя жителей, ни даже населенныхъ мѣстностей. Впрочемъ, насчитывается въ ней до 60 селъ, когда-то имѣвшихъ самоуправленіе, но при Али-пашѣ вошедшихъ въ санджакъ Фарсальскій. *Ρýзо* (пишется: Ρίζο) очень извѣстное въ Греціи фамильное имя.

[1]) Θεοφιλέστατος ἐπίσκοπος τῆς ἁγιωτάτης ἐπισκοπῆς Δεριουπόλεως καὶ Ἀργυροκάστρου Παρθένιος. Ἐν ἔτει α χξδ. Μαΐου γ. *Деріуполь* есть вѣроятно тоже, что извѣстный *Дріинуполь* византійской эпохи, смѣщенный позднѣйшимъ *Аргирокастромъ*, въ 1830 г. изъ епископальныхъ городовъ Янинской митрополіи возведеннымъ на митрополію. *Деріуполь* или описка или педантическая замашка.

[2]) Ἱστορήθη.. Ἐπὶ τοῦ ἁγιωτάτου ἐπισκόπου ἡμῶν Ἀρσενίου.. δἰ ἐξόδου κὺρ. Μιχοηριχυ (?) Ἐκ χώρας Βελόνης αχцв. Арсеній, такъ какъ названъ *нашимъ*, то конечно есть мѣстный архіерей τῶν Σταγῶν. Неразборчивое имя усерднаго дателя предположительно есть Μιχαὴλ Ρίκος.. Село: *Велони* (иголка) не отыскивается на картахъ. Имени епископа *Арсеній* нѣтъ въ Oriens Christianus, ни *Парѳенія* Деріупольскаго. Къ надписи прибавлено: οἱ κτίτορες τοῦ θόλου αχγч. Въ томъ же притворѣ надъ дверью лѣвой стороны начертана еще надпись: Ἱστορήθη ἡ θεία αὕτη μονὴ διὰ συνδζομῆς τοῦ ὁσιωτάτου καθηγουμένου Παρθενίου, ἐπὶ τοῦ ἁγιωτάτου ἐπισκόπου ἡμῶν, τοῦ λογιωτάτου Θεοφάνους χψμα. ὀκτ. β. Хотя говорится о всей обители (μονή), но по видимому разумѣть надобно церковь. Въ Oriens Christianus не отыскивается также и имя Ѳеофана. Книга напечатана за одинъ годъ до его даты.

надпись хорошаго письма, по гречески: *рукою Никодима монаха и бѣднаго лоскутника* [1]), а на меньшей, очевидно служащей восполненіемъ той, высѣчено: *года 6984* (1476). Вѣроятно, это и есть настоящій годъ постройки если не монастыря, то церкви. Впрочемъ обѣ плитки вставлены въ стѣну тамъ, гдѣ начинается уже притворъ, такъ что есть возможность относить постройку самой церкви къ древнѣйшему времени. На вопросъ нашъ, нѣтъ ли чего еще достопримѣчательнаго въ обители, старецъ повелъ насъ въ пещерную церквицу Предтечи, убѣжденный, что она можетъ указать намъ на дату болѣе отдаленнаго времени, чѣмъ всѣ нами видѣнныя. Церковь оказалась собственно не пещерою приходною, а комнатою, высѣченною въ скалѣ. Внутренность имѣетъ форму правильнаго круга въ 6 шаговъ въ діаметрѣ, на восточной сторонѣ котораго выдолблено меньшаго размѣра полукружіе, служащее алтаремъ. Занимательный храмикъ освѣщается надстроеннымъ сверху куполомъ. Входъ въ него съ сѣвера. Стѣны и куполокъ внутри сплошь расписаны. Тщательно сдѣланная подпись утверждаетъ, что *божественный и всечестный храмъ воздвигнутъ и живописанъ.. въ 7190 году, 7-го Мая* [2]). Получается такимъ образомъ всего 1682 годъ, вопреки ожиданіямъ досточтимаго Метеорита, склоннаго, какъ видно, не уступать другимъ въ притязаніяхъ на глубокую древность своей обители. Признаться, и я ожидалъ отъ такого курьеза чего нибудь болѣе древняго и замѣчательнаго.

Окончивъ обозрѣніе зданій, болѣе или менѣе миніатюрныхъ, мы

---

[1]) Διὰ χειρὸς Νικοδήμου καὶ πτοχοῦ ῥακενδύτου ἔτους ͵ϛ ϡ π δ. Ракендитъ значитъ: одѣтый въ лоскутья, въ заплаты, въ трапье. Смысла слова въ надписи объяснять не нужно. Строила или писала или иное что дѣлала рука Никодима, и какое онъ значеніе имѣлъ въ обители или для обители, неизвѣстно.

[2]) Ἀνεγέρθη καὶ ἐζωγραφήθη ὁ θεῖος καὶ πάνσεπτος ναὸς οὗτος... Ἐπὶ ἔτους ͵ζρч. Ἐν μηνὶ μαίῳ ζ.

возвратились въ игуменскую келію, чуть ли не единственную во всей обители, и нашли тамъ вмѣсто иноковъ, трехъ мальчиковъ школяровъ изъ сосѣдняго городка, обучающихся чтенію и церковному пѣнію, а на случай и пустынному житію. Они напоили насъ, по Евангелію, *чашею студены воды*, собираемой тутъ же отъ дождя небеснаго и даже выдержали экзаменъ, объяснивши намъ гдѣ, кто и по какому случаю произнесъ эти слова. Въ одномъ изъ шкафиковъ комнаты усмотрѣли мы и библіотеку монастырскую. Книги хотя и лежатъ плашмя одна на другой, но видно, что надъ ними бдитъ хозяйское око. Каждая имѣетъ на корешкѣ своемъ наклеенный билетикъ съ означеніемъ ея наименованія. Почти всѣ богослужебнаго содержанія и печатныя. Къ немалому утѣшенію своему, я усмотрѣлъ между ними и три рукописи, изъ коихъ двѣ мемвраны,—одна *Евангеліе* въ большую четвертку, въ два столбца хорошаго письма, огромной толщины въ 417 листовъ, по видимому должна относиться къ XII вѣку, другая—сборникъ словъ *Златоуста*, въ осмерку, 34 тетради безъ конца, должна принадлежать XV вѣку, Ни хронологическихъ, ни иныхъ какихъ замѣтокъ мы на нихъ не отыскали. При нашемъ занятіи рукописями, о. игуменъ вспомнилъ, что въ ризницѣ есть еще одна рукописная книга, на которую какой-то архіерей обратилъ особенное вниманіе, и велѣлъ беречь ее вмѣстѣ съ дорогими одеждами и сосудами. Она оказалась *Астрономіей* извѣстнаго ученаго историка и географа греческаго, Аѳинскаго Митрополита, *Мелетія*. Кто въ Метеорахъ могъ интересоваться такимъ произведеніемъ человѣка, считавшагося еще не такъ давно между своими верхомъ учености божественной и мірской (до слова: задверной θύραθεν)—не самъ ли онъ оставилъ ее тутъ, и не его ли собственною рукой она и писана? Переведенный съ Аѳинской на Янинскую каѳедру, ученый мужъ съ большою неохотою ѣхалъ въ Эпиръ, и въ Ѳессаліи заболѣлъ. Очень можетъ быть, что онъ и проживалъ нѣкоторое время въ Метеорахъ, и ихъ страннымъ подне-

бесным положеніемъ наведенъ былъ на мысль разсуждать и писать о небѣ [1]).

Все въ этой маленькой надземной обителькѣ показалось мнѣ хотя сравнительно и въ убогомъ видѣ, но въ надлежащемъ порядкѣ, и, какъ говорится, все на своемъ мѣстѣ. Кому не нуженъ такъ называемый міръ, то что̀ лучше, какъ отдѣлиться отъ него въ недосягаемость, и оттуда относиться къ нему съ загробнымъ равнодушіемъ? Но, есть ли хотя что нибудь на самомъ дѣлѣ, соотвѣтствующее подобной мечтѣ: человѣку, хотя бы и поднебесному, нужны пища, одежда, отопленіе, освѣщеніе, инструменты, лекарства и пр. и пр. Гдѣ взять все это, какъ не въ мірѣ? А если послѣднему есть желаемый доступъ и на отшельническій „столпъ", то къ чему сей послѣдній? Вотъ изъ пяти троицкихъ Метеоритовъ, троихъ нѣтъ на мѣстѣ: они—въ мірѣ на послушаніи. Безъ нихъ, безъ ихъ мірскаго труда и обыденной суеты, остальные анахореты умерли бы съ голоду и холоду. Мало этого. Міръ, какъ видно, задѣваетъ ихъ за болѣе глубокую потребность души—отживая, любоваться жизнію другихъ. Надобно глубоко, глубже костей и мозговъ, проникнуться чаяніемъ иной жизни, и съ нетерпѣніемъ Апостола (Павла) ждать минуты разрѣшенія и соединенія со Христомъ, чтобы дѣйствительно спозаранку послать міру, хотя бы съ сего самаго Метеора, прощальный привѣтъ навѣки! А все же, и одна попытка такого надмірнаго, если не внѣмірнаго, жительства плѣняетъ меня, отрезвляя упивающееся формами кратковременнаго бытія землелюбивое чувство. Ни о чемъ подобномъ, повидимому, не думая, съ тѣмъ же пустынническимъ радушіемъ, точнѣе же—равнодушіемъ, провожалъ насъ почтенный Тріадитъ до самаго низа. На прощанье, я просилъ его пе-

---

[1]) Въ книгѣ: Νεοελληνικὴ Φιλολογία, Βρετοῦ. Ἀθῆναι 1854 говорится впрочемъ, что Мелетій еще въ бытность его начальникомъ Янинской (Второй, или Епифаніевой) школы написалъ одно астрономическое сочиненіе, остающееся неизданнымъ.

ренести *мемвраны* изъ кельи въ ризницу, и цѣнить ихъ не менѣе, чѣмъ знаменитый эпитрахиль. Евангеліе же совѣтовалъ обложить приличною матеріею (парчею, бархатомъ), на что̀ мы съ своей стороны пожертвовали 20 піастровъ. Да школярамъ дали по 2 піастра на душу. Этимъ и закончились первые расходы наши на день сей.

Впечатлѣніе отъ первыхъ двухъ, осмотрѣнныхъ нами, Метеорскихъ обителей вынесено вообще достойное ихъ имени, хорошее. Конечно, это не Аѳонъ, гдѣ все такъ громадно, крѣпко, строго, важно, немного даже какъ бы страшно — отъ грозныхъ стѣнъ съ бойницами до непомѣрно длинныхъ богослуженій. Наиболѣе тяжелую особенность тамошніе монастыри — за̀мки имѣютъ въ себѣ зловѣщій пиргъ или *пи̇ргу,* какъ выражаются наши пройди - свѣтъ соотечественники, занесенные туда рокомъ (большею частію въ образѣ Дуная) и преслѣдуемые и на чужбинѣ памятію кто карцера, кто чуховки, а кто и прямо тюрьмы. Тутъ смирительныхъ пирговъ не видится, но правду сказать, ими вѣетъ отъ всей висящей въ воздухѣ обители. Спустившись на землю, чувствуешь себя точно освобожденнымъ изъ заключенія. Можетъ быть это испытываетъ только нашъ братъ, забѣглый гость, а не сами хозяева, не знаю. Нашъ любезный провожатый, космополитъ въ частномъ Метеорскомъ смыслѣ, замѣтно не раздѣляетъ мысли о крайней необходимости спасаться на столпѣ, и во всякомъ случаѣ предпочитаетъ такой столпъ, съ котораго ведетъ лѣстница на землю, въ родѣ Троицкаго. Теперь онъ ведетъ насъ „на памятникъ нѣмой шумливыхъ давнихъ дней“, на плоскую возвышенность *Псаро́петру,* въ переводѣ, рыбный камень, которой имя объясняется ходячимъ предположеніемъ, что на скалѣ той былъ когда-то общій Метеорцевъ базаръ, и такъ какъ главный спросъ отшельниковъ былъ обыкновенно будто бы на рыбу (а не на *фасо̀ль,* не на *кукъя̀,* не на *ла́хана?*), то ея больше всего и привозили окрестные продавцы сюда, отчего скала и прозвалась рыбною. Что-то припоминается мнѣ изъ

палестинскихъ разсказовъ, что и тамъ по близости Лавры св. Саввы тоже есть мѣсто, зовомое или называвшееся рыбнымъ базаромъ (*Псарбпазаронъ*) [1]. Значитъ такое вторженіе упомянутаго нами выше „міра" за его предѣлы было общимъ явленіемъ даже въ древнія, небожительныя времена. Припомнимъ при этомъ Аѳонскую *орѣшницу* (Карею) того же смысла. На вопросъ нашъ, что теперь есть и видится на историческомъ мѣстѣ, проводникъ отвѣтилъ: тоже, что и вездѣ. По этой причинѣ мы и минули его, спѣша на болѣе существенную поживу. Указаны вдали развалины монастыря *Пандократоръ* (Вседержитель). Внизу источникъ ключевой воды, посвященный Богоматери, и именно въ честь ея *живоноснаго источника* въ Константинополѣ. Не спускаемъ глазъ конечно съ поминутно мѣняющейся панорамы Метеорской, хотя полуденное солнце и мѣшаетъ намъ разсматривать тѣ части ея, которыя представляютъ наибольшій интересъ минуты. Давно уже нами намѣчена точка, къ которой мы движемся отъ самой „Троицы," но какъ-то вышло, что она какъ бы вдругъ неожиданно раскрылась передъ нами всею грудою своихъ некрасивыхъ очертаній, напоминающихъ все, что не подходитъ подъ какую нибудь правильную форму. Утесъ значительно больше Троицкаго. Намъ онъ названъ симпатичнымъ именемъ *Русáни*. Приблизившись къ нему, мы разглядываемъ построенный на верху скалы, другой экземпляръ какъ бы того же самаго монастырька, но съ тою отчаявающею разницей, что тутъ нѣтъ ничего пристроеннаго какимъ бы то ни было способомъ, къ камню. Отвѣсная и голая скала торчитъ неприступно до самаго верха, а на верху высунулась впередъ ея какая-то клѣтка, очевидно,

---

[1]) Однакоже, всѣ эти *псарбпетры* и *псаропáзары* показываютъ, что древніе пустынножители знали не только полакомиться рыбою, но еще и называть ее сравнительно позднѣйшимъ словомъ: ψάρι, сокращенно отъ: ὀψάριον - кушанье, вáрево, а не настоящимъ эллинскимъ: ἰχθύς.

подъемный балконъ. Кромѣ него, спускается изъ одного окошка, болѣе другихъ низкаго, деревянная лѣстница, уже знакомая мнѣ по впечатлѣніямъ вчерашняго вечера. Мы дали знать голосомъ столпникамъ, что пришли гости. Никто оттуда не отзывается, ни показывается. Нетерпѣливый спутникъ мой, недолго думая говоритъ: такъ лѣстница-то для чего же? Подходитъ къ ней, треплетъ и трясетъ ее до того, что она начинаетъ издавать какія-то скрипящіе и воющіе звуки, коробившіе меня; смотрю, уже онъ карабкается по ней на сажень отъ земли! Подъ тяжестію его, старая расхлябавшаяся, расколотившаяся и безъ того жалкая, самодѣльная машина ходенемъ ходила. Мы съ проводникомъ просто кричали, а неустрашимый все лѣзъ и лѣзъ впередъ на пятисаженную высоту. Ну, а какъ дома-то никого нѣтъ? говорю я въ отчаяніи, и некому ему отворить окошка?. Но усиленный крикъ нашъ дошелъ до слуха анахоретовъ. Окно отворилось, и высунувшаяся изъ него фигура ободрительно заговорила поднимавшемуся на счетъ благонадежности лѣстницы. До насъ доносились одно за другимъ: впередъ! смѣлѣе! не бойся! еще, ну!. Вотъ и конецъ! раздалось, послѣ всего, протяжно и весело. Фигура встащила и приняла въ свои объятія аеровата нашего. Долго стоитъ онъ блѣдный и понуренный въ окнѣ, прижавшись къ косяку, и на сколько есть легкихъ, хватаетъ воздухъ.—Что? Какъ? спрашиваю я.—Нну! отвѣчаетъ онъ, и не входитъ больше ни въ какое собесѣдованіе. Тѣмъ временемъ изъ подъ балкона начала спускаться толстая, но такая же старая, какъ и лѣстница, веревка съ привязанною къ ней сѣтью. Вотъ она на полу и мы приглашаемся воспользоваться ея услугами. Нападаютъ поперемѣнно то недоумѣніе, то прямое уныніе. Подхожу и отхожу не одинъ разъ. О. Софроній употребляетъ всѣ аргументы „располагающіе,“ и самый главный изъ нихъ a nihilo, обѣщается сѣсть со мною вмѣстѣ въ сѣтку и держать (!) меня на рукахъ. Наконецъ случись, Боже сохрани, оборваться—онъ съумѣетъ упасть ниже

меня. Все бы это кончилось ничѣмъ, но улыбающійся саркастическій видъ торжествующаго товарища на верху всунулъ меня однимъ, такъ сказать, махомъ въ сѣтку. Оба съ проводникомъ, мы усѣлись внутри ея. Опытный въ подобной процедурѣ, онъ поднялъ края ея, стянулъ, завязалъ и вздѣлъ на желѣзный крюкъ. Раздался на верху зловѣщій скрипъ. Что-то схватило насъ, стиснуло и прижало одного къ другому такъ, что вырывавшійся изъ груди какой-то вопль ужаса такъ тамъ и остался на всю безконечную минуту подъема. Незнать за чѣмъ вертимся въ воздухѣ, а ужъ какъ дышемъ, одинъ Богъ вѣсть! Я становлюсь ниже товарища. Ну?! Стукъ о что-то.. Ничего, живъ. Невѣдомая сила кидаетъ насъ въ сторону. Крюкъ даетъ непрошенную тукманку въ голову, и мы садимся на деревянный полъ. Товарищъ спѣшитъ поздравить „съ пріѣздомъ.“ Сѣтка опустилась, и члены наши получили свободу, но двигнуть ими нѣтъ возможности. Услышавъ привѣтствіе по гречески и понявъ, что то идетъ отъ игумена, я хотѣлъ по достоинству отвѣтить хозяину мѣста поклономъ и покусился встать, но мгновенно сѣлъ обратно на полъ. Ноги дрожали и голова болталась. Рѣчи никакой! Комическое положеніе это длилось минуты 4. Окрѣпши немножко, я настоящимъ образомъ поздоровался съ о. *Агаѳангеломъ*, значительно не похожимъ на своего сосѣда, Троицкаго игумена. Несомнѣнно, что прежде чѣмъ стать ему „благимъ ангеломъ,“ онъ былъ хорошимъ палликаромъ. Шатаясь, я направился за нимъ въ церковь, которую прежде всего мы поискали видѣть. Она оказалась приглядной архитектуры и довольно просторною, судя по тѣснотѣ мѣста. Красивый куполъ ея поддерживается четырьмя мраморными колоннами. По бокамъ полукруглые клиросные выступы. Все, какъ водится въ настоящихъ византійскихъ храмахъ. При большемъ запасѣ усердія, вкуса и разумѣется матеріальныхъ средствъ, можно придать внутренности изящный видъ, но печать запущенности, неумѣлости, лѣности лежитъ положительно на всемъ. Намъ выложили для поклоненія глав-

ную святыню обители, главу *св. Великомученицы Варвары*. Она хранится въ шестиугольномъ деревянномъ ковчежцѣ, украшенномъ рѣзьбою [1]). Черепъ главы открытъ для лобзанія. Онъ расколотъ на три неравныя части и по всему видно, далеко не весь тутъ цѣлокупно, и то, что есть, не составляетъ самаго верха главы. Видна, какъ обыкновенно, одна голая кость. Цвѣтъ ея темноватый. Въ другомъ ковчежцѣ хранятся частицы мощей св. мучениковъ *Трифона* и *Харалампія*, самыя общія на Востокѣ. Еще въ одномъ св. муч. *Пантелеимона* и *Прокопія*, и наконецъ въ четвертомъ особо св. *Кирика* мученика младенца. Церковь Преображенія Господня расписана иконами густо и пестро, но мало замѣчательными, въ 7065 (1557) году, при игуменѣ *Арсеніѣ*, Ноября 24, индиктіона 15, какъ значится въ усмотрѣнной нами, по обычаю надъ входною дверью, исторической замѣткѣ. Вѣроятно, къ этому же или ближайшему времени надобно относить и первое заселеніе утеса отшельниками или хотя постройку на немъ храма, видимо древняго. Самъ о. настоятель обители не могъ ничего сказать намъ въ наше просвѣщеніе, частію по своей недавности въ ней, а частію и по непригодности къ подобнымъ задачамъ. На распросы наши о возможномъ *кодикѣ* при церкви, также почтенный авва отвѣчалъ безмолвнымъ киваніемъ головы спереди и назадъ и сжатіемъ при этомъ губъ, что̀ въ совокупности означало наше простоволосое: нѣту-ти! По крайней мѣрѣ мы были утѣшены предъявленіемъ намъ стараго помянника обители, гдѣ подъ рубрикою: „ктиторы,“ отыскали имена архіерея *Іереміи*, и іеромонаха того же имени, за коимъ слѣдовало еще 12 именъ іеромонаховъ, а потомъ 53 имени простыхъ мона-

---

[1]) По окраинѣ ковчежца вычекано: + ἡ τιμία καὶ ἁγία κάρα τῆς ἁγίας μάρτυρος Βαρβάρας + καὶ εἶναι κτῆμα καὶ θησαυρὸς τοῦ Ρουσὰν μοναστήρη Μετεόρων, т. е честная и святая глава (собственно черепъ) св. муч. Варвары. И есть стяжаніе и сокровище монастыря Метеорскаго Русанъ.

ховъ, и во главѣ ихъ опять таки имя *Іереміи*. Конечно, это не были ктиторы, а просто разновременные братія обители, вносимые въ Синодикъ, одинъ за другимъ, на чтд указываетъ и не одинаковый характеръ письма синодичнаго. Когда жилъ архіерей Іеремія, не мѣсто тутъ доискиваться, да и какой онъ епархіи, не говорится. А съ однимъ именемъ ничего не подѣлаешь. Помянникъ однако же былъ для насъ только какъ бы зарею восходящаго солнца. Съ нѣкоторою торжественностію о. игуменъ вынулъ откуда-то и подалъ намъ свернутый *Патріаршій Сигилліонъ*, въ которомъ мы должны были найти все, что намъ желается. Это была грамота Вселенскаго патріарха *Іереміи* (еще разъ!), выданная іеромонахамъ *Іоасафу* и *Максиму* Росанскимъ [1]). Годъ подъ нею означенъ 7049 или 1541-й отъ Рождества Христова. Слѣдовательно, все же обители насчитывается несомнѣнныхъ 300 слишкомъ лѣтъ, но архитектурный стиль и видъ церкви можетъ отодвинуть ее еще лѣтъ на 100 и болѣе, въ глубь вѣковъ.

Не безъ лукавства нѣкотораго мы доложили старцу, что начало обители его восходитъ ко времени, когда печати еще не существовало, а тогдашніе Русаниты службу Божію все-таки конечно правили, правили же ее они по рукописнымъ книгамъ. Вѣроятно, такимъ гнильемъ у него гдѣ нибудь заваленъ цѣлый уголъ. Во все время этой прелюдіи, игуменъ тонко улыбался, давая знать, что онъ привыкъ къ такимъ маневрамъ, когда завѣдывалъ драгоцѣннымъ гнильемъ не въ такой гнилушкѣ, какъ Русани. Уголъ не уголъ, а все же добрая охабка книжнаго старья оказалась и у этихъ столпниковъ. При первомъ взглядѣ на нее, я различилъ въ ней два-три темнорусыхъ обрѣза столь хорошо мнѣ знакомаго пергамента. Это были:

---

[1]) Τῶν Ῥωσάνων. Никакаго объявленія этого имени мнѣ не удалось найти ни у кого, ни услышать отъ кого нибудь. Хронографія зоветъ монастырь τῆς Ρουσσιανῆς ни по гречески, ни по каковски. Фальшивый девотъ *Пуквиль* превращаетъ слово въ Rosaria!

1. *Праксапостолъ*, въ 16° мелкаго, чистаго письма. Совершенно полный и хорошо сохранившійся экземпляръ. Книжка должна принадлежать XII вѣку, и конечно занесена сюда отъ инуды. Никакихъ замѣтокъ на ней, однакоже, не оказалось, вопреки моему чаянію и къ немалому сожалѣнію. Рѣдкость не малая въ подобномъ дѣлѣ — не только начало, но и конецъ рукописи, это: „нынѣ отпущаеши“ переписчика, при которомъ онъ даетъ себѣ полную свободу всякаго рода сердечныхъ изліяній, въ томъ числѣ и хронологическихъ.

2. *Отечникъ*, неизвѣстно какой редакціи, in 4°, прямаго и тщательнаго письма, выносящаго книгу, по моему мнѣнію, въ первое христіанское тысячелѣтіе. Къ сожалѣнію, нѣтъ у ней ни начала ни конца. Для облегченія справокъ въ будущемъ, я вымѣтилъ первую, попавшуюся подъ глаза, главу изъ него: Περὶ Διδύμου, τοῦ ἀπὸ ὀμμευτὸν τοῦ σουγερ... кончается глава словами: Ἐν οῖς τελη (sic)-οῦται καὶ ὁ μακάριος Δίδυμος.

3. *Житія Святыхъ*. Мѣсяцъ *Ноябрь*. Въ листъ. 2 столбца. Очень много бумажныхъ вставокъ. Подобно предыдущей, неполна и крѣпко изуродована, и также безъ замѣтокъ.

4. *Богородичникъ*, in 8° на хлопчаткѣ (бомбицинѣ), которой изъ 4-хъ редакцій, я не могъ рѣшить, по неотысканію подъ руками печатнаго. Книга полная. Въ концѣ есть приписка: *рукою меня грѣшнаго Савина, изъ села Закеи* [1]). Сочетаніе предлога ἀπὸ съ винительнымъ: χώραν (села) уже одно показываетъ, что книга не глубокой древности.

5. *Молитвословъ* (требникъ). На бумагѣ in 16°. Книжка полная, датирована 7130 (1622) годомъ.

6 — 9. *Минеи служебныя*: *Декабрь*, бум. 8°.. 7054 (1546) года.

---

[1]) Διὰ χειρὸς ἐμοῦ τοῦ ἁμαρτωλοῦ Σαβήνου ἀπὸ χώραν Ζακέας.

Январь, бум. 4°, 2 столбца. Въ концѣ есть приписка: *окончена настоящая книга рукою меня Нила монаха, какъ будто бы духовника, находящагося въ келліи Каллистрата* [1]. *Года 7033* (1525). *Сентябрь.* Въ листъ бум. 2 столбца. 6922 (1414) года, безъ замѣтокъ. *Іюнь*, бумага 4°. Въ концѣ замѣчено: *писано рукою неученаго монаха Порфирія* [2]. Безъ даты.

10. Сборникъ отеческихъ мнѣній, Василія Великаго, Григорія Нисскаго, Прокла, и другія бумаги въ листъ. Толстая книга, красиваго письма, къ сожалѣнію безъ начала. На послѣдней страницѣ приписано: *настоящая книга писана въ Мизиөрѣ, рукою Мануила Чикандили, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, осмаго индиктіона, 6878* (*1370*) *года* [3].

И такъ, всего 10 манускриптовъ, по Русански хирографовъ, по русски же рукописей, уцѣлѣвшихъ, какъ надобно думать, отъ немалаго ихъ собранія. Спасибо и за не многое. Удивительно, кàкъ не сохранилось ни одного Евангелія, которымъ прежде всего во всѣ времена снабжались иноческія обители. Вѣрно оно было не въ одномъ экземплярѣ, было да сплыло, по пословицѣ. Засидѣлись мы за книжнымъ дѣломъ долѣе, чѣмъ слѣдовало, у Русанійскихъ Метеоритовъ, насчитаныхъ нами въ наличности не больше трехъ. Поблагодаривъ ихъ словомъ и дѣломъ (40 піастровъ), мы попросили у игумена благословенія возвратиться „на землю". На сей разъ вся процедура спуска лично для меня была чуть не одной забавой, знаменовалась однимъ легкимъ *охомъ* вверху, когда я, затянутый и сплюсну-

---

[1]) Ἐτελιώθη τὸ παρὸν βιβλίον διὰ χειρὸς ἐμοῦ Νίλου μοναχοῦ τάχα πνευματικοῦ, εὑρισκομένου εἰς κελλίον Καλλιστράτου. Ἔτους ͵ϛλγ.

[2]) Ἐγράφη διὰ χειρὸς ἀμαθοὺς μοναχοῦ $\frac{\text{п}}{\text{ρ}}\Big|\frac{\text{ф}}{\text{ς}}$.

[3]) Ἡ παροῦσα βίβλος ἐγράφη ἐν τῷ Μυζιθρᾷ διὰ χειρὸς Μανουὴλ τοῦ Τζυκανδύλη κατὰ μῆνα ἀπρίλιον ὀγδοῆς ἰνδικτιῶνος ϛωοη ἔτους. *Мизиөрà*, сокращ. *Мистрà* (муж. рода) есть средневѣковое имя *Спарты*, чтó въ Пелопонисѣ.

тый, вдругъ повисъ въ отверстіи балкона, и еще болѣе легкимъ *ахомъ* внизу, когда я, совсѣмъ не ожидая того, вдугъ сѣлъ благополучно на матерую землю. Прежде меня спустившійся братъ Софроній поспѣшилъ освободить меня изъ узилища. Такъ какъ, при заключеніи въ оное, приняты были всѣ мѣры къ сохраненію возможно правильнаго положенія тѣла, то я и не испыталъ теперь прежняго дрожанія въ колѣнахъ, и имѣлъ удовольствіе сейчасъ же, стоя, наблюдать, какъ кружась и качаясь, спускался тѣмъ же путемъ, вслѣдъ за мною и товарищъ, нашедшій, что лѣстничный путь, въ сравненіи съ веревочнымъ, есть „каторга". Издали размѣнялись мы съ столпниками помаваніемъ рукъ и словомъ: Εὐχή (взаимная другъ о другѣ молитва, благопожеланіе, обѣтъ..), и пошли въ путь свой радуяся.

Давно уже было за полдень. Солнце пекло по іюньски, да еще и по Метеорски, отражаясь жгучими лучами отъ раскаленныхъ скалъ, палило лица наши сквозь зонтикъ. О. Софроній не переставалъ сообщать намъ разныя мѣстныя свѣдѣнія, но я увѣренъ, что если я не запишу ихъ сегодня же, завтра и слѣда ихъ не останется въ памяти [1]). Да и Богъ съ ними! Благо, тутъ не такъ давно былъ одинъ не намъ чета писатель, наблюдатель, статистъ и даже моралистъ. Вѣрно онъ все не только выслушалъ, но и подслушалъ, подсмотрѣлъ, записалъ, повѣрилъ, измѣрилъ, перехерилъ, и теперь уже гдѣ нибудь печатаетъ, вмѣстѣ съ своими *двадцатью томами* Аѳонскихъ замѣтокъ. Мы же, въ качествѣ съ одной стороны туристовъ, а съ другой хотя идеалистовъ, намѣтили себѣ не далекую и не глубокую цѣль

---

[1]) Желательно, чтобъ нашелся болѣе насъ досужій спеціалистъ дѣла, прожилъ не менѣе мѣсяца въ Метеорахъ, обходилъ, осмотрѣлъ и описалъ все, что осталось отъ бывшихъ тутъ 24-хъ (!) монастырей, и даже фотографировалъ каждую, исторически отмѣченную мѣстность. Предметъ на столько курьезенъ и интересенъ, что изданіе несомнѣнно окупило бы себя съ лихвою.

поглядѣть на дивы Метеорскія, и теперь отъ одного нерукотворен-наго столпа отшельническаго идемъ прямо къ другому. Другой этотъ зовется по просту: *Варламъ* по имени основателя его Варлаама, съ которымъ мы познакомились на Янинскомъ островѣ. Издали онъ не поражалъ насъ своимъ величіемъ, но когда мы подошли къ нему, онъ показался мнѣ страшнѣе вчерашняго, по преимуществу зовомаго *Метеорскимъ*, утеса. Громадная отвѣсная скала высилась передъ нами, иззубренная и исковерканная вверху то природою, то постройками, и, гдѣ видятся послѣднія, довольно ровною линіею выступающая въ небо, и даже живописно рисующаяся рядами оконъ. На самомъ высшемъ пунктѣ ихъ выдается надъ стремниною навѣсъ, котораго подробности трудно различить снизу, но легко угадать назначеніе. Нѣсколько правѣе его, торчатъ отвѣсно прикрѣпленныя къ скалѣ, четыре висячія лѣстницы, поставленныя одна съ боку другой и одна выше другой такъ, что съ одной приходится переступать на другую въ мѣстахъ ихъ соединенія, и приводящія къ одной дверцѣ малой комнаты, прилѣпленной къ утесу въ мѣстѣ, гдѣ представляется какъ бы нѣкая выемка каменной громады, укорачивающая весь отвѣсъ на $1/4$ высоты. Отъ множества ступенекъ рябитъ въ глазахъ, отстоятъ же онѣ одна отъ другой, глазомѣрно судя, чуть не на полъаршина! Передъ *Варламомъ* кажется просто пигмеемъ посѣщенный нами *Русани*. И тамъ выборъ двухъ путей сообщенія съ небовсельниками представлялъ задачу головоломную, Тутъ одна мысль о подъемѣ наводила на сердце уныніе неодолимое. Насъ скоро замѣтили изъ горной обители и вступили въ переговоры съ о. Софроніемъ. Черезъ нѣсколько минутъ, изъ подъ балкона начала опускаться фатальная ниточка, по мѣрѣ приближенія къ землѣ все утолщавшаяся и наконецъ обратившаяся въ корабельный канатъ, съ желѣзнымъ крюкомъ на концѣ, къ которому прицѣпленною зрѣлась и знакомая уже намъ люделовная мрежа. Когда я подошелъ къ ней и провелъ по ней

взоромъ до самаго балкона, у меня, безъ всякаго преувеличенія, потемнѣло въ глазахъ, и я, какъ пьяный, отошелъ на пригорокъ и сѣвъ на камень, долго сознавалъ себя какъ бы совсѣмъ уничтоженнымъ. Чтобы я могъ висѣть и тутъ и тамъ и даже вонъ тамъ?.. Ни за что на свѣтѣ! сказалъ я бодрившемуся товарищу. Онъ же, оглядѣвъ, ощупавъ, и чуть ли даже не попробовавъ зубами значительно потертый канатъ, потрясши ажурный мѣшокъ и обревизовавши крюкъ, объявилъ мнѣ рѣшительно: „а вѣдь я поднимаюсь"! Съ Богомъ! отвѣчалъ я смѣльчаку, и далъ кое какія порученія, относящіяся къ нашей спеціальности, и безъ того ему свычныя. О. Софроній усадилъ его въ сѣтку, завязалъ, закрѣпилъ, пошевелилъ и такъ и этакъ, и ударилъ въ ладоши. Я зажмурилъ глаза отъ страха. Не поминайте лихомъ! Слышу, еще имѣетъ духъ шутить отдѣлившійся отъ долу земнаго, живой Метеоръ. И пошелъ и пошелъ кружиться и подниматься. Господи! Какую смертную тоску перепыталъ я, пока онъ, обратившись точно въ птичку, подлетѣлъ къ балконному отверстію и исчезъ въ немъ.

Условлено было пробыть товарищу на верху съ часъ времени, а потомъ спуститься, чтобъ еще успѣть дойти засвѣтло до своей квартиры. Тѣмъ временемъ я располагалъ снять, на сколько умѣю, карандашомъ очеркъ скалы съ обоими ужасающими подъемами. Занятіе шло успѣшно. Я наводилъ уже послѣдніе „штрихи" на листочикъ записной книжки, какъ замѣтилъ, что на вершинѣ 4-й лѣстницы что-то стало двигаться. То была фигура человѣка, обращеннаго лицомъ къ утесу и быстро спускавшагося по ступенькамъ. Любопытство приковало взоръ мой къ неожидаемому зрѣлищу. Съ ловкостію бѣлки фигура переступила съ 4-й на 3-ю лѣстницу, и меньше чѣмъ въ 2 минуты была уже на землѣ.. Не запнувшись, не отряхнувшись, даже не покачнувшись, однимъ словомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, почтенный Варламитъ направляется ко мнѣ, привѣтствуетъ меня отъ име-

ни всего братства съ прибытіемъ въ ихъ пустыню, и.. вынимаетъ изъ одного кармана графинъ съ водой, изъ другаго стаканъ съ вареньемъ, изъ за пазухи стаканъ, рюмку, и незнать что еще, но всего удивительнѣе изъ за спины достаетъ, какъ-то хитро подвязанный цѣлый подносъ! Обитель предлагаетъ страннику привычное угощеніе со всѣмъ принятымъ этикетомъ, даже и съ подносомъ! Меня, естественно, тронуло такое вниманіе. Мало сего. Слѣдомъ за первымъ столпникомъ спустился съ такою же легкостію и другой, почтенной наружности, сановитый старецъ. Это былъ іеромонахъ о. *Тимоѳей*. Онъ повторяетъ привѣтствіе лично отъ себя и отъ имени отсутствующаго игумена *(Даніила)*, и изъявляетъ сожалѣніе о томъ, что обитель лишена удовольствія видѣть такого рѣдкаго гостя въ стѣнахъ своихъ. Разговоръ переходитъ на сіи самыя стѣны, внушающія такой неодолимый ужасъ намъ приземнымъ людямъ. Со словъ Метеорита оказывается, что страхъ тутъ болѣе воображаемый, чѣмъ дѣйствительный. И говорилъ онъ это съ такою искренностію и простотою, и съ такимъ убѣжденіемъ, что произвелъ на меня впечатлѣніе. Въ примѣръ представлялъ мнѣ моего спутника, который нашелъ, что воздушное путешествіе имѣетъ такую прелесть, съ которой не сравнится не только никакой галопъ, но и никакой морской бѣгъ подъ парусомъ.. Однимъ словомъ, о. Тимоѳей склонялъ меня послѣдовать примѣру товарища.—Сядете въ сѣтку, зажмуритесь, прочитаете всего одинъ разъ: *Отче нашъ*, и уже на верху! Я въ сотый разъ посмотрѣлъ на черное отверстіе балкона, провелъ глазами по отдѣляющему его отъ земли разстоянію въ 45 саженей [1]) и замахалъ судорожно руками.—Ну, такъ лѣстница! заговорилъ

---

[1]) 'Οργιαί.. Древняя, доселѣ не вышедшая изъ употребленія у грековъ, мѣра, соотвѣтствующая французскому toise, равна разстоянію конца пальцевъ одной руки до конца пальцевъ другой—горизонтально протянутыхъ. По Плинію = 10 (!) пядямъ, точнѣе 6 или 7-ми.

одобрительно опытный эксшкиперъ какого нибудь трехантиря, можетъ быть пріученный лазить по шканцамъ чуть не съ младенчества. Тутъ все дѣло въ рукахъ, только не давай промаха, и ничего не бойся! Да и разстояніе гораздо короче. Снаровку надобно имѣть только при переходѣ съ одной лѣстницы на другую. Зато, тутъ кстати отдохнуть можно.—Во все это время я не сводилъ глазъ съ системы лѣстницъ и изучилъ ее, такъ сказать, всю наизустъ. Вѣдь это не то, что Русанійская балаболка, разсуждалъ я, на живую нитку сшитая. Тутъ все вбито въ скалу гвоздями и залито свинцомъ, крѣпко, прочно и неподвижно.. Ну, а какъ при перемѣнѣ лѣстницъ, я не попаду рукой за ступеньку слѣдующей лѣстницы или ухвачусь, а потомъ повисну? договариваю я уже вслухъ свое „боязливое помышленіе“. Не безпокойтесь, завѣряетъ знатокъ дѣла, лѣстницы такъ приставлены одна къ другой что и рука и нога сами поймутъ, что̀ надобно дѣлать и ошибки не будетъ. Разумѣется, тутъ вся сила въ рукахъ, но за то, хватаясь за ступеньки всею крѣпостію мышцъ, уже не о чемъ больше думать, впередъ и впередъ!—Чтожъ? Впередъ такъ впередъ, повторилъ я машинально и подошелъ къ лѣстницѣ. Но, переведши взоръ по ней одной, я повѣсилъ голову безнадежно.—Да зачѣмъ вы смотрите къ верху, говоритъ мнѣ руководитель. Въ томъ-то и весь секретъ, чтобы имѣть передъ глазами только то, что въ ровень съ ними и ни за что не заглядывать впередъ. и ни какимъ образомъ не оглядываться внизъ. Со всѣмъ этимъ согласенъ, сказалъ я, но есть вещи, въ которыхъ никто не властенъ. И руки и ноги будутъ дѣлать свое дѣло, а какъ голова закружится?. Тогда, гдѣ спасеніе? Ни предвидѣть ни предупредить такого обстоятельства нельзя. И вотъ я предлагаю отцамъ проектъ обвязать меня веревкой и конецъ ея прикрѣпить къ подъемному канату, который по мѣрѣ восхода моего будетъ подтягиваться къ верху на столько, что если я и оборвусь съ лѣстницы, то все же не убьюсь сразу, а только повисну подъ балкономъ.. Дѣтски

неосмысленный расчетъ! Но все же онъ давалъ мнѣ крѣпость и— странное дѣло—даже совершенно успокоивалъ меня на счетъ возможнаго головокруженія. Немедленно спущенъ былъ канатъ съ подвязанною къ нему благонадежной толщины веревкой. Все было сдѣлано по моему желанію. Я поставилъ ногу на первую ступеньку и на прощанье спросилъ: а сколько всѣхъ такихъ?—Сочтемъ тамъ на верху, отвѣчено было мнѣ шутливо. Перекрестился я и попробовалъ переставить ногу съ одного болта на другой. Рука судорожно ухватила верхнюю соотвѣтствующую ступеньку, и дѣло пошло хорошо. Всякій предметъ, всякій помыслъ, всякое ощущеніе, все, все въ сторону! Одно на умѣ: берись, держись, ставай, переступай.. А вотъ и не за что впереди взяться. Снизу кричатъ: переступайте! Въ право ловите рукой.. Словилъ что-то, тогда какъ лѣвая рука замерла на своей ступенькѣ, которую должна уступить ногѣ, и сама идти за правою. Тѣло неизбѣжно должно повиснуть. Моментъ крѣпко нехорошій. Но разстояніе между лѣстницами такъ незначительно, что діагональное направленіе корпуса почти мгновенно перешло опять въ прямое, и я утвердился на второй лѣстницѣ. Да! правда, что въ подобномъ критическомъ положеніи руки и ноги сами узнаютъ и находятъ, что и какъ нужно сдѣлать. Равно и то правда, что волей неволей поищешь отдыха послѣ такого salto mortale. Переходъ со второй лѣстницы на третію уже не представлялъ мнѣ прежней трудности, а на четвертую я переступилъ, думаю, ни чуть не хуже слѣдовавшаго за мною черезъ одну лѣстницу о. Тимоѳея. Наконецъ, прямо надъ головою моею раздается человѣческій голосъ. Слышу, да не различаю словъ,—не тѣмъ занятъ. Дрожащая рука, ищущая по привычкѣ впереди еще и еще, какъ якоря спасенія, болта, вдругъ крѣпко охватывается другою встрѣчною рукою. Магнетически пропадаетъ при этомъ напряженіе мышцъ во всѣхъ моихъ членахъ, я отдаюсь влекущей силѣ и весь разслабленный втаскиваюсь въ дверцу, о которой никакаго представ-

ленія уже не оставалось у меня въ мысляхъ. Осмотрѣвшись, я увидѣлъ себя въ малой комнатѣ, устланной коврикомъ съ мягкими подушками. Отвязали отъ меня не нужную веревку и уложили меня такъ, что по всему тѣлу разошлось блаженное ощущеніе покоя, испытываемаго развѣ только выздоравливающимъ послѣ тяжкой болѣзни. Одно механическое управленіе въ дыханіи замѣняло для меня все на цѣлыя 7—8 минутъ. Мало по малу улеглась судорожная тревога оконечностей рукъ и ногъ, и я почувствовалъ силу располагать ими по произволу. Открылась бесѣда съ давно уже ожидавшимъ сего момента о. Тимоѳеемъ. Онъ не преминулъ доложить мнѣ, въ отвѣтъ на мой забытый вопросъ, что всѣхъ ступенекъ на *лѣсенкѣ* числомъ 67! При этой цифрѣ я невольно подался въ глубь комнаты отъ бѣдовой дверцы.. Это было знáкомъ къ дальнѣйшему подъему по остававшимся еще внутреннимъ переходамъ обители. Пошатываясь и подпираясь палкой, выступилъ я на дворикъ монастырскій, прямо въ лицо храму Божію и едва могъ вѣрить, что это макушка горы, а не памятный лужокъ, по которому можно бѣжать во всѣ стороны до самаго небосклона. Первое впечатлѣніе было радующее. Освѣдомившись, что спутникъ мой сидитъ въ архондарикѣ надъ одною старою книгою и что-то списываетъ, я предсталъ передъ него, не нарушая его покоя. Онъ поднялъ голову и всплеснулъ руками. Какъ!. Вы?. И тоже въ сѣткѣ? Ну, нѣтъ! Отвѣчаю я, подымай выше! Это только рукоперымъ рыбамъ путаться въ сѣтяхъ. А мы порхаемъ свободной птичкой по отвѣснымъ стѣнкамъ, съ небольшой разницей, что мой хвостъ тянулся за мною саженей на десять.—Ну, вотъ и отлично, замѣтилъ весело мой невольный археологъ, избавляете меня отъ карандаша. Не знаю что легче, провесть ли прямую линію, или подняться на канатѣ?. Пожалуй, что не вдругъ рѣшишь, согласился я съ художникомъ, дивясь на страшно негеометрическія линіи его рисунка. Далеко имъ до каната.

Небольшое общество Варламитовъ окружило насъ, съ любопыт-

ствомъ слѣдя за всѣмъ, что мы дѣлали. Я счелъ долгомъ освѣдомиться объ о. игуменѣ обители. Мнѣ отвѣчали, что съ самаго утра отправился на метохъ, и они не надѣются, чтобы возвратился сего дня. Впрочемъ, за нимъ пошлютъ немедленно. Чѣмъ больше я возражалъ, что это ненужно, совсѣмъ напрасно, тѣмъ болѣе на томъ настаивало братство. Слушая наши упражненія въ любезничаньи, старожилъ товарищъ только улыбался, и едва слышно протянулъ сквозь зубы: „врутъ". Ему почему-то показалось, что игуменъ дома, только заперся, чтобы избыть какихъ нибудь нескромныхъ просьбъ съ нашей стороны.. Выходило бы такимъ образомъ, что мы съ перваго же раза начали играть въ жмурки. Но предположеніе скептика мнѣ казалось неосновательнымъ. Все въ обители дышало простотою и непосредственностію, и отъ всѣхъ вѣяло дѣтскою искренностію, я бы сказалъ какою-то горною свѣжестію во всемъ—отъ босыхъ ногъ до нечесанныхъ волосъ! Даже въ потокѣ жалобъ нѣкоего *добропобѣдца,* обиженнаго всѣмъ міромъ, очевидно не принадлежащаго къ братству и не по своей волѣ занесеннаго въ высокіе слои атмосферные, мнѣ слышалось тоже глубоко искреннее чувство.. Послѣ вторичнаго угощенія водо-вареньемъ и проч., мы отправились въ церковь, никогда незапертую и какъ-то по домашнему высматривающую. Послѣднему впечатлѣнію помогаетъ предшествующая самому храму большая, свѣтлая и чистая зала въ 20 шаговъ длины и въ 9 ширины, совершенно открытая со входа. Изъ нея три двери ведутъ въ нарѳиксъ (притворъ), самъ по себѣ уже похожій на церковь съ 4-мя столбами посрединѣ, поддерживающими куполъ. За нимъ точно такое же квадратное пространство занято самою церковію, опять съ 4-мя столбами и куполомъ поверхъ ихъ и съ тремя полукруглыми выступами на востокъ, югъ и сѣверъ, по Аѳонскому образцу. Все зданіе показалось мнѣ весьма пригляднымъ и хорошо содержимымъ, посвящено памяти *Всѣхъ Святыхъ,* и однопрестольно по древнему обычаю. Намъ вынесены были изъ со-

кровищницы на поклоненіе части и частицы св. мощей, удивившія меня своимъ множествомъ. Во главѣ всего находился крестъ съ частицею Животворящаго Древа. Потомъ слѣдовали: перстъ *Предтечи и Крестителя Іоанна*, плечевая часть св. Апостола *Андрея Первозваннаго*, перстъ (и 3 кусочка) св. *Василія Великаго*, ступня сестры его св. *Макрины*, лѣвая рука св. *Іоанна Златоустаго* (и его же часть отъ колѣна), св. *Григорія Неокесарійскаго*, св. *Власія*, св. *Трифиллія*, *Нифона*, патріарха Цареградскаго, св. великомуч. *Пантелеимона* и *Нестора*, св. *Даміана безсребренника*, новомучениковъ *Іоанна Янинскаго* (глава) и *Николая Меццовскаго* (тоже глава), *Кипріана Новаго*, нѣкого *Эмира*, (?) нѣкоего *Сеха* (?), обоихъ ктиторовъ обители: *Нектарія* и *Ѳеофана*, ихъ послушника *Венедикта* и многихъ другихъ неизвѣстныхъ. Мы въ своемъ перечнѣ придаемъ имъ нѣкоторый порядокъ, но на практикѣ ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ. Святыня доставалась, вкладывалась или вставлялась въ ковчежцы и иныя хранилища, приспособлялась, украшалась въ разныя времена разными лицами и разными способами, такъ что иная блеститъ и первенствуетъ, а другая, не смотря на свою историческую цѣнность, едва извѣстна, и должна быть отыскиваема.

Окончивъ поклоненіе Святынѣ, мы съ о. Софроніемъ занялись измѣреніемъ храма и составленіемъ плана его, хотя единственнымъ мѣриломъ при этомъ у насъ могъ быть только нашъ собственный шагъ. Отправляясь утромъ въ археологическіе поиски изъ своей квартиры, забыли, какъ это не рѣдко бываетъ, взять съ собою необходимѣйшую вещь, метръ, да и не одинъ метръ, а и еще кое что, не менѣе существенное, о чемъ придетъ череда сказать въ свое время.. Исполнивъ и эту задачу, мы уже всецѣло посвятили себя графикѣ, или выразительнѣе эпиграфистикѣ, отъ которой впрочемъ большой поживы не ожидали, ибо знали, что главный запасъ ея—библіотека—намъ недоступенъ. Догадливый о. Игуменъ, отправляясь на хуторъ,

или взялъ съ собою ключъ отъ библіотеки или заперъ его гдѣ-то въ неизвѣстномъ никому мѣстѣ, чтобы, на случай, если пріѣдутъ москвиты изъ Св. Стефана, они практически дознали смыслъ ихъ собственной поговорки: „поцѣлуй пробой, и иди домой". Впрочемъ о. Софроній утѣшилъ насъ извѣстіемъ, что въ библіотекѣ книги все печатныя, оставалось воспользоваться тѣмъ, что есть. Пересмотрѣвъ стѣнную иконопись церкви слишкомъ общаго „аѳоно-турецкаго" характера, мы остановились на освѣщающей ее ктиторской замѣткѣ, начертанной, по обычаю, надъ входными дверями; она сообщаетъ слѣдующее: *Воздвигнутъ съ основаній и расписанъ* (исторированъ) *божественный и всечестный храмъ честныя обители Всѣхъ Святыхъ Преподобнѣйшими іеромонахами и самобратіями* (родными братьями), *господами Нектаріемъ и Ѳеофаномъ. Годъ 7057* (*1548*). *Возобновленъ 1780* [1]). Что̀ именно возобновлено, напрасно бы кто сталъ доискиваться теперь. Подобную же ктиторскую запись намъ указали и въ параклисѣ (придѣльной церкви) трехъ Святителей. Въ ней говорится: *Ветхій параклисъ трехъ Святителей, Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго воздвигнутъ съ основаній и расписанъ преподобнѣйшими іеромонахами и монахами честныя обители Всѣхъ Святыхъ, при Игуменахъ гг. Кириллѣ и Сергіѣ Іеромонахахъ и самобратіяхъ, года 7135. Расписанъ же рукою меня грѣшнаго Іоанна іерея съ чадами его въ 7145 г., изъ города Стаговъ* [2]). Живопись одного характера съ храмовою, но, естественно, нѣсколько посвѣжѣе. Насъ провели и въ со-

[1]) Ἀνηγέρθη ἐκ βάθρων καὶ ἀνιστορήθη ὁ θεῖος καὶ πάνσεπτος ναὸς τῆς σεβασμίας μονῆς τῶν Ἁγίων Πάντων παρὰ τῶν ὁσιωτάτων ἱερομονάχων καὶ αὐταδέλφων κυρῶν Νεκταρίου καὶ (κυρῶν) Θεοφάνους. Ἔτος ͵αφμη· ͵ϡνζ. Ἀνεκαινίσθη ͵αψπ. Было ли что до нихъ на мѣстѣ нынѣшняго монастыря, неизвѣстно.

[2]) Τὸ παλαιὸν παρακλήσιον τῶν τριῶν Ἱεραρχῶν Βασιλείου τοῦ μεγάλου, Γρηγορίου τοῦ θεολόγου καὶ Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου ἀνεγέρθη ἐκ βάθρων καὶ ἀνιστορήθη παρὰ

судо-хранилище (ризницу по нашему). Тамъ прежде всего привлекли къ себѣ наше вниманіе три русскія иконы: 1) Эммануила, то есть Іисуса Христа въ отроческомъ возрастѣ, стараго Московскаго пошиба, сейчасъ же бросающагося въ глаза. На ней есть и замѣтка греческая: *пожертвована настоящая икона въ честную обитель Всѣхъ Святыхъ, что на столпѣ* (ἐν στήλλῳ) *Варлаамъ. Изъ Москвы, Великой Россіи, Индиктіона 14. Въ годѣ 7139, содѣйствіемъ Сергія Іеромонаха* [1]). 2) Божіей Матери Владимірскія, въ мѣдномъ золоченомъ окладѣ, украшенномъ по мѣстамъ эмалью. Вѣнецъ съ дорогими камнями. Подпись на серебряной пластинкѣ съ голубою финифтью: *Арсеній архіерей 7097* [2]). 3) Св. Николая съ годомъ 7161. Всѣ эти не великой цѣны сокровища, упредившія дни наши за 200 и болѣе лѣтъ, не произвели на насъ расчитаннаго о. сосудохранителемъ впечатлѣнія. Хотѣлось отъ обители болѣе глубокихъ памятниковъ минувша-

---

τῶν ὁσιωτάτων ἱερομονάχων καὶ ά τῆς σεβασμίας μονῆς τῶν Ἁγίων Πάντων, ἡγουμενευόν—των κυρρίν Κυρίλλου καὶ Σεργίου τῶν ἱερομονάχων καὶ αὐταδέλφων. Ἔτους ͵ϛρλε (1627). Ἱστορήθη δὲ διὰ χειρὸς κἀμοῦ τοῦ ἁμαρτωλοῦ Ἰωάννου ἱερέως μετὰ τῶν τέκνων αὐτοῦ, ἐν ἔτει ͵ϛρμε. ἐκ χώρας Σταγῶν. Странное обстоятельство. Вслѣдъ за ктиторами родными братьями, въ 1627 г. опять игуменствуютъ въ обители двое родныхъ братьевъ!

[1]) Ἀφιερώθη ἡ παροῦσα εἰκόνα εἰς τὴν σεβασμίαν μονὴν τῶν Ἁγίων Πάντων τὴν ἐν στήλλῳ Βαρλαάμ, ἀπὸ Μοσχοβίας τῆς Μεγάλης Ῥωσίας. Ἰνδικτιόνας ιδ. ἐπὶ ἔτη ͵ϛρλθ, διὰ συνδρομῆς Σεργίου ἱερομ.. *Сергій* этотъ конечно тотъ-же, что и въ предыдущей надписи. Въ книгѣ: Сношенія Россіи съ Востокомъ ч. II. стр. 70 и 179 приводится, что въ Маѣ 1629-го и въ Апрѣлѣ 1636-го года пріѣзжалъ въ Москву за милостыней Всесвятскій архимандритъ *Іоасафъ*, и еще прежде, въ 1592 г. тамъ же былъ архимандритъ Всесвятскій Дамаскинъ. Сношенія монастыря съ Россіей, значитъ, были.

[2]) Кромѣ этой двуименной подписи: Ἀρσένιος ἀρχιερεὺς, есть на иконѣ и подробная замѣтка о ея приношеніи монастырю: ταπεινὸς ἀρχιεπίσκοπος Ἐλασσόνος στέλλω τὴν παροῦσαν εἰκόνα εἰς τὸ μοναστήριον Βαρλαάμ ἀπὸ Μοσχοβίας, διὰ ψυχικήν μου σωτηρίαν. Ἀρχιεπίσκοπος Ἐλασσόνος Ἀρσένιος. Пребываніе его въ Москвѣ относится такимъ образомъ къ 1589 году. Извѣстно, что по отбытіи изъ Россіи Вселенскаго патріарха *Іереміи*, Арсеній остался въ Москвѣ, и въ 1591 г. еще былъ тамъ.

го. Избалованный древностями вкусъ нашъ самую эпоху первоздателей церкви и „столпа“ находитъ мало занимательною. Изъ другихъ, не русскихъ иконъ еще можно указать на деревянные складни съ иконами Благовѣщенія Богородицы, Рождества и Усѣкновенія Предтечи, и Богоматери съ Младенцемъ, приложенные въ обитель въ 7161 (1653) г. нѣкіимъ *Филимономъ.* Болѣе интереса заключали въ себѣ другія двѣ вещи, хранящіяся въ той же ризницѣ. Первая — шелковый *эпитрахиль,* состоящій изъ двухъ продольныхъ полосъ, съ златотканными, спускающимися одно за другимъ попарно, изображеніями, имѣющими предметомъ своимъ содержаніе 24-хъ кондаковъ и икосовъ Богородичнаго Акаѳиста. Поверхъ изображеній вышиты и первыя слова соотвѣтствующихъ имъ священнопѣній. Вещь дѣйствительно замѣчательная, требовавшая если не высокаго художническаго таланта, то долгаго времени и великаго терпѣнія. Есть внизу изображеній и подпись, тоже вышитая, на греческомъ языкѣ, гласящая: преосвященнѣйшаго и словеснѣйшаго Митрополита Кизическаго, о. Митрофана, изъ Ѳивъ Віотійскихъ, есть это собственность, въ 1661 году [1]). Вторая: *Подколѣнникъ* (ὑπογονάτιον), по нашему: *палица,* съ вышитымъ шелками по розовому атласу изображеніемъ Господа Іисуса Христа, съ предстоящими Божіею Матерію и Св. Іоанномъ Предтечей. Подписано: *Діонисія, Вселенскаго патріарха Константинополя* [2]), безъ означенія года. Я доспрашивался затѣмъ старыхъ священныхъ сосудовъ, крестовъ, Евангелій. Ничего въ такомъ родѣ не оказалось.

---

[1]) Τοῦ πανιερωτάτου καὶ λογιωτάτου μητροπολίτου Κυζίκου, Κυρίου Μητροφάνους, τοῦ ἐκ Θηβῶν τῆς Βοιωτίας, κτῆμα ἱερόν ἐστι τοῦτο. Ἐν ἔτει αχξα. Въ Oriens Christianus приводятся двѣ соборныхъ подписи сего Митрофана 1671 и — 72 гг.

[2]) Διονυσίου οἰκουμενικοῦ πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως.. Который изъ трехъ патріарховъ сего имени, жившихъ на разстояніи 100 лѣтъ (1545 — 1680), неизвѣстно.

Болѣе нечего было осматривать въ монастырѣ. Пора была подумать и о возвращенiи. Но при первомъ намекѣ на то, намъ представили на видъ, что можетъ скоро прибыть Игуменъ, такъ какъ за нимъ уже давно посланъ нарочный, а онъ весьма будетъ жалѣть, если разойдется съ нами, а съ другой стороны, что время идетъ уже къ ночи, а въ воздухѣ похоже на непогоду, намъ же все таки не близко до Св. Стефана. Посовѣтовавшись между собою, мы рѣшили заночевать на мѣстѣ. Сходили вмѣстѣ съ братiями къ вечернѣ, заглянули въ двѣ-три кельи братскiя, тщательно осмотрѣли вóротъ въ подъемной комнатѣ, убѣдились до неотразимой очевидности, что канатъ подниметъ и спуститъ съ десятокъ такихъ тщедушныхъ вояжеровъ, какъ мы съ товарищемъ вмѣстѣ, и хотя потертъ уже довольно, но прослужитъ еще не одинъ годъ, слѣдовательно опасности отъ разрыва его не предвидится совсѣмъ. На случай же, чтобъ машина не дала вдругъ задняго хода, приняты всѣ мѣры, и проч. Сознаютъ всѣ, что лучшебъ было конечно, если бы вмѣсто простой сѣтки, подвязано было что нибудь въ родѣ ящика, кресла или еще иначе какъ. Но.. чѣмъ сложнѣе, тѣмъ не надежнѣе дѣло. Случайно и совершенно неожиданно, въ этой же самой висячей комнатѣ я встрѣтился съ старою надписью, высѣченной на каменной плитѣ, вставленной въ стѣну возлѣ иконы Христа Спасителя. Еще разъ повторены честныя имена ктиторовъ—написано: *Нектарiй и Θеофанъ ктиторы. Года 7041* [1] (1533), и ничего болѣе. Какая нужда была явиться тутъ такой замѣткѣ, не вдругъ рѣшишь. Развѣ предположить, что висѣлка эта имѣетъ значенiе главныхъ воротъ монастыря, въ которыхъ происходитъ первое ознакомленiе съ нимъ посѣтителя, а съ *нимъ* значитъ прежде всего съ тѣмъ генiемъ труда, терпѣнiя и смѣтки, ко-

---

[1]) Νεκτάριος καὶ Θεοφάνης. οἱ κτήτορες. ἔτους ͵ϛμα.

торый съумѣлъ устроить ихъ. И дѣйствительно, ужъ если чѣмъ достойно и праведно похвалиться мѣсту, такъ это своимъ входомъ, своею, по истинѣ великою и чудотворною брамою, въ которую не войдешь, не перекрестившись. Измѣряя глазами высоту балкона надъ уровнемъ скалы при подошвѣ утеса, я хотя не находилъ преувеличеннымъ число 45 саженей ихъ взаимнаго отстоянія, но все же пожелалъ увѣриться въ томъ такъ сказать осязательно. Пожалѣлъ я вторично, что мы забыли взять съ собою метръ; эта *фтóра*, какъ говаривалъ мой блаженной памяти родитель, однакоже немедленно была поправлена. Метръ въ скорости отыскался, и притомъ.. у насъ въ карманѣ! Мнѣ съ охотой помогли сдѣлать самыя точныя измѣренія. Спустили длинную веревку съ подвязанною тяжестію, которую потомъ тщательно вымѣряли. Оказалось все разстояніе въ 46 метровъ и 0,60, что̀ не мало удивило всѣхъ присутствующихъ. Такъ какъ французскій метръ равенъ нашимъ 22½ вершкамъ, а 46,6 метровъ— 65 аршинамъ и 9 вершкамъ, то вся длина веревки, и слѣдовательно высота мѣста, составитъ только 21⅜ сажень! Sic transit..

Стемнѣло. Водворилась сугубая тишина пустынная. Луна полуосвѣщала предметы, страшныя неровности сглаживались, разстоянія скрадывались и можно было подумать, что стóитъ протянуть изъ окна руку, чтобы схватить кустикъ, рисующійся за стекломъ и составляющій большое дерево, растущее на верхушкѣ противолежащаго такого же громаднаго утеса, какъ и Варлаамскій. Мы скучаемъ съ товарищемъ. Заняться нечѣмъ. Читать и перечитывать „Послѣдованіе святыхъ и богоносныхъ отцевъ нашихъ и самобратій Нектарія и Θеофана,“ и проч. [1]), не находимъ достаточно занимательнымъ. Попытались развлечь-

---

[1]) Ἀκολουθία τῶν ἁγίων καὶ θεοφόρων πατέρων ἡμῶν καὶ αὐταδέλφων Νεκταρίου καὶ Θεοφάνους, τῶν κτιτόρων τῆς σεβασμίας καὶ Βασιλικῆς (?) μονῆς τοῦ Βαρλαάμ, τῆς ἐν τῷ Μετεόρῳ, τῶν ἐξ Ἰωαννίνων, τὸ γένος Ἀψαραιείς. Ἐν Βενετίᾳ. 1815.

ся постановкой самовара, но такой рѣдкой *михани* (машины) въ обители не оказалось, мы же, въ надеждѣ возвращенія къ ночи домой, не запаслись ею. Пускались и въ распросы братій о томъ о семъ, но чего нибудь особеннаго, выходящаго за предѣлы самыхъ простыхъ явленій жизни, не предстояло услышать, какъ оказалось съ перваго же слова. Конечно у всякаго „дожившаго до половины зубовъ," есть непремѣнно въ памяти маленькій запасецъ случаевъ, если не чудесныхъ, то хотя чудныхъ, но для того, чтобы кто-нибудь захотѣлъ подѣлиться сокровищами своего душевнаго тайника, требуется тоже цѣлый запасъ содѣйствующихъ условій. На подмогу явилась гроза. Раскаты грома и безъ того страшные и потрясающіе, отдаваясь не скончаемымъ эхомъ отъ скалы къ скалѣ, были поистинѣ поразительные, а ослѣпительный блескъ молніи, падая на выдающіяся части каменныхъ глыбъ и оставляя въ глубокой тьмѣ междугорныя разсѣлины, рисовалъ не менѣе дикія и ужасающія картины. Но и это-развлеченіе имѣло свой конецъ. Братство обители позвано было на вечерю, за которою немедленно слѣдовало и *повечеріе*, которое для вящшей точности слѣдовало бы называть намъ готовымъ и ходячимъ словомъ: *паужинъ* (ἀπόδειπνον), т. е. тѣмъ, что слѣдуетъ по-*ужинѣ* (δεῖπνον), замѣнившемъ древнеславянскую *вечерю*. Намъ гостямъ вечерняя трапеза доставлена была въ нашу комнату и конечно съ дополненіями противъ мѣстнаго устава. Неотлучный спутникъ нашъ аппетитъ нашелъ ее очень вкусною. Но заботливая судьба предпослала ей еще и нѣкотораго рода закуску, въ видѣ двухъ принесенныхъ о. Тимоѳеемъ документовъ, разумѣется въ копіяхъ. Первый былъ: *Патріаршій Сигилліонъ*, выданный братьямъ *Нектарію* и *Ѳеофану* Патріархомъ Вселенскимъ *Іереміею* на постройку монастыря св. Предтечи, что на островѣ Янинскаго озера. Подъ документомъ выставлены 7038-й годъ (1530 отъ Рождества Христова), индиктіонъ 3-й. Такъ какъ содержаніе его не относилось къ Метеорамъ, то мы и не занялись имъ.

Второй: *Ктиторское распоряженіе* основателя монастыря Нектарія. Ни эта, высокочтимая обителію, запись основателя и первонаставника ея не представляетъ въ себѣ особеннаго интереса. Пробѣжавъ ее, въ память писавшаго ее, мы вымѣтили только начало и конецъ ея, которые читаются слѣдующимъ образомъ: „Поелику и я (sic: κἀγῶ) Нектарій, въ іеромонахахъ и духовникахъ наименьшій, путеводимый божественнымъ маніемъ и хотѣніемъ, отправившись изъ Варлаамова камня, что въ Метеорѣ, на Іоаннинскій островъ ради посѣщенія и обозрѣнія нашихъ монастырей Славнаго Предтечи и Великаго Николая, что въ Лепенѣ“.. Дѣло идетъ о закрѣпленіи тѣхъ монастырьковъ за обителью Варлаама. Кончается документъ такъ: „чего ради и состоялась настоящая наша распорядительная грамата, которая и выдана сказанному духовному отцу г. Неофиту и дружинѣ его, въ завѣреніе. Мѣсяца Ноября 25, въ годъ 7028 (1520), индиктіона 8“ [1]).

Умилившись нашею книгоманіей, одинъ изъ прислуживавшихъ за вечернею трапезою братій отыскалъ гдѣ-то книгу съ „настоящими старыми“ письменами, покрючковатѣе тѣхъ, которыя мы разсматривали со стеклышками. Съ нѣкоторою торжественностію предъявлена она была мнѣ. Была, конечно, греческая, и оказалась сборникомъ разныхъ богословско-аскетико-каноническихъ статей. Какъ звалась она, я не знаю. У нея не сохранилось ни начала ни конца. Видно, что состояла изъ двухъ различныхъ частей, или отдѣльныхъ книгъ, ради экономіи вмѣстѣ когда-то переплетенныхъ. Въ первой содержатся вопросы и отвѣты по разнымъ предметамъ церковной практики, То,

---

[1]) Ἐπειδὴ κἀγὼ Νεκτάριος ὁ ἐν ἱερομονάχοις καὶ πνευματεκοῖς ἐλάχιστος θείᾳ νύσει καὶ θελήσει ὁδηγηθεὶς καὶ παραγενόμενος ἀπὸ Βαρλαὰμ τοῦ Μετεόρῳ λίθου ἐν τῇ νήσῳ Ἰωαννίνων, ἐπισκέψεως χάριν καὶ ἐπιβλέψεως τῶν ἡμετέρων μοναστηρίων τοῦ ἐνδόξου Προδρόμου καὶ τοῦ ἐν τῷ Λεπενῷ μεγάλου Νικολάου... Τούτου γὰρ χάριν ἐγεγόνη καὶ τὸ παρὸν ἡμέτερον διατακτήριον γράμμα, καὶ ἐπεδόθη τῷ εἰρημένῳ πνευματικῷ πατρὶ κυρίῳ Νεοφύτῳ καὶ τῇ συνοδίᾳ αὐτοῦ εἰς ἀσφάλειαν. Ἐν μηνὶ Σεπτεμβρίῳ κε. ἐπὶ ἔτους ͵ςκη. ἰνδ. π.

что уцѣлѣло, начинается словами [1]): „чтобы привесть ее (душу) въ отчаяніе, чтобы она подумала, что уже ей нѣтъ спасенія“... За этой первой статьей слѣдуетъ вопросъ, озаглавливаемый такъ: „если приключится мнѣ ночное мечтаніе“... Послѣдній вопросъ начинается повѣствовательно словами“: нѣкоторые въ Киновіи старцы спросили того же старца“.. отвѣтъ на него заключается словами: „какъ сказалъ ангелъ Антонію, что это суть судьбы Божіи“. По симъ указаніямъ досужій спеціалистъ дѣла можетъ доискаться, что̀ это за книга. Вторая часть содержитъ въ себѣ, говоря по нашему: разныя матеріи (ὑποθέσεις). Ихъ насколько осталось — числомъ 40. Состоятъ большею частію изъ мнѣній разныхъ духовныхъ писателей, какъ то: Св. *Ефрема, Палладія,* аввы *Исаіи* и другихъ. Конца этой части, какъ мы уже сказали, нѣтъ. Послѣдній сохранившійся листъ ея заканчивается словами: „если бы я слушалъ совѣта отча, не впалъ бы въ такія и тол (икія)“... Къ немалому утѣшенію моему, отыскалась въ концѣ перваго отдѣла книги хронологическая замѣтка, указывающая на 6735 годъ, индиктіонъ 15-й, и по всей видимости современная написанію всего текста. Писатель обратился ко Христу очевидно съ словомъ благодарности, и ничего другаго не счелъ нужнымъ сказать въ память о себѣ вѣкамъ грядущимъ. Книга существовала такимъ образомъ въ 1227 году, и слѣдовательно теперь ей уже 638 лѣтъ! Случай мнѣ въ несчетный разъ поддаться обаянію исторической давности, отъ котораго у меня никогда не хватаетъ силъ защитить себя. Гдѣ тѣ руки, которыя гладили, графили, писали эти темные, поко-

[1]) Εἰς τὸ ἐνέγκαι αὐτὴν εἰς ἀπόγνωσιν, ὡς νομῖσαι μηκέτι ἔχειν σωτηρίαν..
Ἐρώτησις. Ἐὰν γινομένης μοι τῆς νυκτερινῆς φαντασίας...
Ἐρώτησις. Τινὲς ἐν τῷ κοινοβίῳ γέροντες ἠρώτησαν τὸν αὐτὸν γέροντα.. Ἀπόκρισις... Καθὼς εἶπε τῷ Ἀντωνίῳ Ἄγγελος ὅτι ταῦτα κρίματα τοῦ θεοῦ εἰσί.
Εἰ γὰρ ἤκουσα τῆς συμβουλῆς τοῦ πατρός, οὐκ ἂν ἐνέπεσον ταῖς τοσαύταις καὶ τηλι...

робленные листы, тѣ глаза, которые съ любовію и заботою смотрѣли на нихъ, та душа, которая, кончивъ всю работу и возблагодаривъ за нее Христа, уныло заглядывала (какъ это столько разъ приходилось читать мнѣ) въ далекую, въ нашу будущность, и трогательно говорила: „ты будешь жить, дельтосъ (книжечка), а рука, тебя начертавшая, сотлѣетъ"?. И *она* ли одна сотлѣетъ?. Грустно.

Столпъ Варлаамъ. 18 Іюня 1865.

А вотъ же, честныя руки Златоуста, Нифона и обоихъ ктиторовъ обители, которымъ мы вчера покланялись, не сотлѣли! Помыслъ объ этомъ долго занималъ меня въ тишинѣ ночи. Значитъ, у медали, какъ говориться, есть и обратная сторона. Едва ли есть какая нибудь надежда отыскать хотя одну, собственноручно писанную Златоустомъ, букву. Всѣ сотлѣли. А рука, сотни тысячъ ихъ начертавшая, еще зрится въ своемъ составѣ и отчасти даже образѣ. Какъ объяснить это? Пріемомъ Пуквилевскимъ? Но, кстати отличный изслѣдователь, исколесившій весь край, не зашелъ ни въ одинъ изъ Метеорскихъ монастырей, чтобы не скромпрометировать „калойеровъ" въ глазахъ тиранна Али-паши, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ. Мы воспользуемся этимъ случаемъ, и тоже обойдемъ его съ его взглядами, чтобы не скромпрометировать его передъ калойерами.. Довлѣетъ, и безъ него, дневи нашему злоба его. Отъ агіологіи перейдемъ къ метеорологіи, о которой громогласно говоритъ имя мѣста. Мы уже коснулись выше этой номенклатуры, и отозвались о ней невѣдѣніемъ. Теперь, находясь на высотѣ, и пытаясь *высокая мудрствовать*, позволимъ себѣ предположить истинный геологическій смыслъ въ навѣянномъ какъ бы съ вѣтра, имени. Почему эти два-три десятка лжеименныхъ метеоровъ не могли быть настоящими „метеорами", по нынѣшнему: „аеролитами"? Что они слишкомъ громадны, это не причина не

быть имъ таковыми. Можетъ быть пройдетъ еще какой нибудь десятокъ лѣтъ, и наука окончательно признаетъ всѣ, падающіе къ намъ изъ воздуха камни порожденіемъ „меланхолической спутницы" планеты нашей, какъ отзывается о лунѣ мечтательная поэзія, или единороднаго чада ея, какъ думаетъ о ней мечтающая наука. Тогда и здѣшніе всѣ метеоры тоже сочтены будутъ за лунныя изверженія, происшедшія въ до-человѣческія времена, — какія или которыя, объ этомъ нѣкому знать. Мы же, выходя отъ упомянутаго принципа высокомудрствованія, можемъ прибавить отъ себя: въ тотъ именно микро-космическій моментъ, когда спутникъ земли, сперва конечно подобно всѣмъ членамъ солнцева семейства, имѣвшій вращательное движеніе кругомъ родившей его, потерпѣлъ фатальное ущербленіе массы съ одной стороны, и не могши вслѣдствіе сего переворотиться на спину, потянулся парализованно по орбитѣ своей, всегда стоя къ намъ передомъ.. Памятникомъ этой катастрофы *за-воздушной* (μετ-αέριος) и служили бы эти странныя и дикообразныя формаціи, въ которыхъ знатоки дѣла находятъ оба вида гранита — красный и сѣрый, аспидникъ, гнейсъ, хлоритъ, сіенитъ, талькъ и кварцъ.. Мало развѣ этихъ особенностей, чтобъ имѣть право считаться нашимъ Метеорамъ инородцами на землѣ? Если бы это каменоверженіе совпало еще съ титаномахіей миѳологіи, то лучшаго бы и желать ничего не оставалось. Такія и другія, имъ подобныя, фантазіи сопутствовали мнѣ, когда я, рано утромъ бродя по темени Варлаамова метеора, на сколько его остается еще свободнаго отъ монастырскихъ построекъ, впитывалъ въ себя рѣдкія, и конечно уже болѣе не повторимыя, воздѣйствія на душу страннаго мѣста.

Первое свѣдѣніе, доставленное намъ на сей день съ долу земнаго, было не ободряющаго свойства. Почтеннаго о. Игумена посланецъ не нашелъ на метохѣ. Онъ отправился далѣе въ *Трикала* (вмѣстѣ и съ ключемъ отъ библіотеки). Нечего было дѣлать. Надле-

жало удовольствоваться вычитаннымъ вчера отвѣтомъ Ангела великому Антонію: *это суть судьбы Божіи.* Отстоявъ вмѣстѣ съ собратіями божественную службу, мы объявили о. Софронію, что желали бы не медля отправиться далѣе къ монастырю Преображенія. Сборовъ не предстояло никакихъ. Сказано — сдѣлано. Малое раздумье привзошло только относительно выбора пути, которымъ слѣдовало спуститься съ неба на землю. Я выбралъ для себя лѣстницу, какъ предметъ, мнѣ уже обстоятельно извѣстный. Товарищъ мой ее же избралъ именно потому, что былъ незнакомъ съ нею еще и хотѣлъ поверстаться съ ея опасностями. Мы дружески простились съ столпниками, поблагодаривъ ихъ добрымъ словомъ и добрымъ *солидомъ* или *иперпиромъ*, говоря языкомъ первыхъ заселителей ихъ мѣста, въ $114\frac{1}{2}$ *номизмъ* (піастровъ) или въ 4580 *фоллей* (паричекъ), а унылому и озлобленному владыкѣ безъ владѣній указали на совѣтъ Апостольскій: *побѣждать благимъ злое* [1]). О. Тимоѳей проводилъ насъ въ пріемный покойчикъ къ роковой дверцѣ. При видѣ ея, не скажу, чтобы мнѣ было весело, напала позѣвота, вѣрный знакъ внутренней тревоги. Не смотря на то, я счелъ своимъ долгомъ въ качествѣ опытнаго человѣка, дать нѣкоторыя практическія наставленія спутнику, но его въ самый торжественный моментъ не оказалось на лицо! Ищу и не надивлюсь, а привратникъ ухмыляется и киваетъ головой за дверцу. Оказалось, что смѣльчакъ давно уже спускается тамъ вмѣстѣ съ Софроніемъ. И такъ, ждать больше нечего. Заботливый метеоритъ спрашиваетъ, не нужно-ли на случай перевязать меня веревкой.. Этого недоставало! Ухватываюсь всею силою рукой за первую перекладину, и уже вишу надъ пропастью. Addio и Εὐχή и конецъ всякому „умному дѣланію"! Начинается чисто-физическая работа мускуловъ. Ставай, держись, не

---

[1]) Имя невольнаго столпника *Каллиникъ*, бывшій архіерей какой-то епархіи, сосланный въ Метеоры патріархомъ въ наказаніе.

видь, не слышь, не чуй и не подпускай ни малѣйшаго разсужденія! Идеть, ничего! Первая смѣна. На секунду отдыхъ. Ни-куда! Ни однимъ уголкомъ глаза! Боже сохрани! Ниже и ниже. Вторая смѣна. Къ чему отдыхъ? Дальше!. Снизу доносится: браво! Это подстрекаетъ меня посмотрѣть туда, но къ счастію разсудокъ беретъ верхъ. Точно памятный фрегатскій матросикъ, говорю себѣ съ каждой ступенькой: „есть"!, и знать больше ничего не хочу, пока не дошло до того, что вмѣсто: есть, оказалось впереди: нѣтъ, т. е. конецъ лѣстницѣ. Стою припавши къ скалѣ, и чувствую, что шатаюсь, какъ отъ сильнаго вѣтра. Ноги подкашиваются, и кисти рукъ непроизвольно движутся. Даю себѣ зарокъ не рисковать. „Все умѣренное хорошо" [1]), говоритъ греческая пословица. И мало одной. Въ подспорье ей другая, еще короче и еще рѣзче, шлетъ приказъ: „ничего черезъ чуръ".

По вчерашнему, сижу на томъ же самомъ камнѣ и насматриваюсь на выспреннюю обитель. Не очень казисто она выглядываетъ съ высотъ своихъ и оставляетъ во мнѣ память о себѣ, какъ о сиротѣ, донашивающей материнское обветшавшее платье. Правда, все, что требуется для монастыря, въ ней есть, и кельи и церковь, и святыня и исторія и игуменъ и три іеромонаха и человѣкъ 7—8 братства, и метохъ и другія угодья, но все это какъ будто тоже виситъ на воздухѣ, неустойчиво, не прочно. Во вчерашнихъ вечернихъ бесѣдованіяхъ съ анахоретами не веселою нотою прозвучала въ уши мои все таже жалоба, на того же *Кузу*, этого bête noire всего мірка Graeculorum [2]), какъ ихъ честитъ безсердечный Западъ, послѣ разгрома

---

[1]) Πᾶν μέτριον καλόν.. Пословица въ ходу въ образованныхъ кругахъ общества, Μηδὲν ἄγαν.. только у ученыхъ.

[2]) Всего несноснѣе для грека то, что мать князя гречанка. Ἐξ ἰδίων τὰ βέλη, говорятъ въ утѣшеніе свое обижаемые «неблагодарнымъ».

Византіи пустившихся по́ міру съ своимъ разодраннымъ кошелемъ, сшитымъ изъ лоскутьевъ симпатій историческихъ, религіозныхъ, торговыхъ, научныхъ.. Далеки мы отъ мысли бросать камень и въ такую отдаленную личность, какъ Куза и въ такихъ высокихъ метеоритовъ, какъ жалующіеся на него. Мы констатируемъ только печальный для религіозной метеорологіи фактъ. Хорошее молоко давала придунайская vache blanche младенцамъ о Христѣ, разнымъ отшельникамъ, столпникамъ, затворникамъ и всякимъ бездомнымъ подворникамъ, бродящимъ по Востоку, какъ по своему праотеческому достоянію, съ болѣе или менѣе явными замашками гнѣваться на всякаго, кто бы замѣтилъ, что кошель-то уже крѣпко поизносился, и что роль классическихъ Данаидъ даже и въ „толстоголовой" Скиѳіи уже рѣдко кто берется играть въ нашъ практическій вѣкъ. Не только въ Метеорахъ [1]), которые одинъ лишь благочестивый филологъ Пуквиль пытался возвесть въ „Святые", но и на оффиціально *Святой* горѣ и даже въ самомъ, по библіи, *Святомъ-градѣ*, говорятъ, уже начинаютъ встрѣчать упомянутыхъ забѣглыхъ младенцевъ съ пустыми подойниками [2]). Можно не сомнѣваться, что на одномъ семъ, сравнительно безлюдномъ столпѣ Варлаамовомъ можно найти въ числѣ братства и грека-туркомерита, и грека съ островов, и морейца и іонійца и не знаю какого еще. Гдѣ готовые хлѣбъ, кровъ и плащъ, тамъ и философъ, а по нашему монахъ! Не потому непремѣнно онъ тамъ, какъ у насъ не рѣдко голословятъ, что гдѣ готовое и даровое, тамъ и при-

---

[1]) До «Царя изъ исправниковъ» и обитель Варлаамская ежегодно получала дохода изъ княжествъ около 400,000 піастровъ (почти 20,000 рублей). Я было усомнился въ такой крупной цифрѣ, но мнѣ дали понять, что когда дѣло идетъ о *тѣхъ* «островахъ блаженныхъ» (νῆσοι τῶν μακάρων), то никакая цифра не велика!

[2]) Да не сочтетъ благой читатель моего «подойника» профанаціей вещей божескихъ и человѣческихъ. Мнѣ памятенъ одинъ чиновникъ одного вѣдомства, который называлъ, еще менѣе кстати, извѣстный и близкій ему департаментъ «дойною коровой»..

манка неспособности и лѣности — лѣнтяй и неспособный между греками рѣдкость, а потому, что ими открывается человѣку полный досугъ взять на себя другой, не менѣе тяжелый трудъ духовный, соотвѣтственно тѣмъ высокимъ понятіямъ, какія установились о немъ черезъ цѣлый рядъ вѣковъ.. Читатель видитъ изъ сего, что мы дѣйствительно уже начинаемъ слѣдовать высказанному выше правилу: „все умѣренное хорошо". Не одобрять кошельниковъ можно, но отрицать самый кошель не логично.

Нѣсколько мрачныя мысли эти быстро разсѣялись при открывшемся блестящемъ зрѣлищѣ перваго и главнаго изъ монастырей Метеорскихъ, *Преображенскаго*, или попросту: *Преображенья*. Мы вторично подходили къ нему, и на этотъ разъ уже безъ неодолимаго страха и смущенія, взявши вчера не мало уроковъ мужества и равнодушія и чуть-ли даже не превозношенія. Утесъ утесомъ конечно, ни хуже не лучше своего сосѣда, но монастырь далеко не такъ угрюмо и какъ бы безнадежно смотритъ, какъ Варлаамовъ, видимо лучше его обстроенъ и, если не владѣетъ теперь, то несомнѣнно владѣлъ нѣкогда большимъ достаткомъ. Мы остановились передъ его внушительнымъ фасадомъ, отличающимся отъ Варлаамовскаго высокою башнею, напоминающею зловѣщую *пиргу* Аѳонскую. Дано было знать на верхъ о нашемъ прибытіи. Незамедлило долетѣть оттуда въ отвѣтъ: добро пожаловать, или до слова: „добро рѣшили" (опредѣлили, постановили). И вслѣдъ затѣмъ, изъ-подъ балкона, придѣланнаго къ башнѣ, сталъ опускаться канатъ съ подвязанною къ нему сѣткой. Знакомые уже хорошо со всѣми подробностями подъемной машины, мы съ довѣрчивостію относились теперь ко всему, что видѣли передъ собою; только, ощупывая фатальный крюкъ, все еще боязливое воображеніе находило возможнымъ и сломаться ему и разогнуться и просто какъ нибудь сорваться. О лѣстницѣ почему-то никто и не вспоминалъ, хотя она висѣла прямо, какъ струнка, и составляла одно цѣлое безъ

переломовъ Варлаамовской. Сѣтка разостлана по землѣ. Я сажусь на нее поджавши ноги. Тоже дѣлаетъ и Софроній, уже не хвалясь по вчерашнему въ случаѣ чего упасть прежде меня и ниже меня. Устье ея стягивается и вздѣвается на крюкъ. Дается знакъ на верхъ. Насъ обоихъ гнетъ нѣкая сила вдругъ въ три погибели, и напираетъ одного на другаго подъ немыслимыми сочетаніями. Страшно неловко, да вѣдь всего на минуту, думаю. А вотъ и думать некогда. Насъ встряхнуло и закружило то направо, то налѣво до того, что руки машинально наладились было ухватиться за что нибудь, но такого, кромѣ кружащагося товарища ничего не оказывалось. Круженіе кончилось и началось вздрагиваніе и подталкиваніе снизу вверхъ. Въ груди становится не ловко. Зажмурьтесь! говоритъ товарищъ. Но я еще на землѣ сидя, пересталъ видѣть отъ надвинувшейся на глаза шапки. Да и къ чему бы послужила та или другая перемѣна въ положеніи? Вѣдь уже изъ сѣтки не вылѣзешь. Считать развѣ, какъ фотографы считаютъ: разъ, два, три.. Но имъ хорошо, они стоятъ на твердомъ полу, а тутъ.. ухъ! что это такое? А это онъ, временный властитель дней нашихъ, крюкъ дотронулся не ласково до головы моей. Но было не до него. Насъ кинуло въ сторону и уложило на полу, твердости котораго позавидовалъ бы и фотографъ. Воображаю, въ какихъ смѣшныхъ положеніяхъ встрѣтило насъ дорогихъ гостей честное братство обители, привычное, впрочемъ, уже къ подобнымъ сценамъ. Едва мы могли оправиться и выкарабкаться изъ мережи, а стать на ноги не скоро оказались способными. Между тѣмъ макарàсъ (воротъ) пошелъ доставать оставшагося на землѣ спутника. Прошло не мало минутъ, пока спущенный съ него канатъ началъ снова навиваться на свое мѣсто, дрожа и скрипя отъ круговаго хода трехъ рабочихъ силъ. Показалась минуты черезъ три въ отверстіи и сѣтка съ комически выглядывавшею изъ нея добычей. По ней то я и заключилъ, какое забавное

зрѣлище должны были представлять не задолго передъ тѣмъ и мы съ Софроніемъ.

И такъ, слава Богу, благополучно достигли мы главной цѣли нашего путешествія въ *Метеоры*, увидѣли себя въ мѣстѣ, которое по преимуществу носитъ это странное имя, и въ настоящее время какъ бы заслоняетъ собою всѣ другіе монастыри. Какъ бы не нарокомъ насъ встрѣтилъ на дворѣ монастырскомъ о. Игуменъ *Каллиникъ*, высокій и коренастый старикъ съ властными манерами, орлинымъ взоромъ и голосомъ, который мѣстное баснословіе заставляетъ слышаться у Варлаамитовъ. Костюмъ его не навелъ бы ни кого на мысль ни о гребнѣ, ни о зеркалѣ, ни о самой водѣ, пожалуй. Съ перваго же раза онъ произвелъ на насъ побѣждающее впечатлѣніе. Почему-то я именно такимъ его и представлялъ себѣ, зная, что монастырь его сродни нашему именитому Суздальскому.. Освѣдомившись отъ насъ о чисто поклоннической, и частію археологической цѣли нашего пріѣзда въ Метеоры, онъ провелъ насъ въ церковь, и былъ таковъ! Церковь уже снаружи плѣнила меня своимъ чистымъ и стройнымъ характеромъ. Стиль ея византійскій, хотя и не цвѣтущей эпохи. Планъ въ главныхъ чертахъ тотъ же, что и Всесвятской Варлаамской, но превосходитъ ее размѣрами, хотя и не позволяетъ все-таки назвать ее большою. Вся напримѣръ ширина ея между клиросными выступами съ Юга на Сѣверъ не превышаетъ 20 шаговъ, длина же отъ входной двери до алтаря только 15 шаговъ. Высокій и красивый куполъ, покоющійся на 4-хъ колоннахъ, только 8 шаговъ въ діаметрѣ. Спереди пристроенъ къ церкви нарѳиксъ, тоже съ 4-мя колоннами по серединѣ, но безъ купола. Онъ сообщается съ церковью тремя дверями. Въ Юго-Западномъ углу его стоитъ ктиторская гробница. Къ ней я и направилъ прежде всего стопы свои, надѣясь, какъ въ Охридѣ, найти на ней древнюю, изсѣченную на камнѣ надпись. Ничего подобнаго не оказалось. Но и безъ надписи всѣмъ и каждому извѣстно, что

тутъ почиваетъ ктиторъ *Іоасафъ*, бывшій самодержецъ Византійскій, конечно перемѣнившій въ монашествѣ свое имя. На вопросъ о семъ прежнемъ его имени, безъ всякой запинки отвѣчаютъ: *Іоаннъ Кантакузинъ*. Пріятная, чуть не радостная встрѣча. Этотъ писатель-государь есть самая симпатичная для меня личность во всемъ періодѣ Комниныхъ — Палеологовъ. Послѣ его отреченія отъ престола въ 1355 году, исторія потеряла его, похоронивши такъ сказать, въ одномъ изъ Константинопольскихъ монастырей. И вотъ гдѣ очутился рѣдкій и презамѣчательный человѣкъ, завершившій свое земное поприще вполнѣ достойнымъ себя актомъ, удаленіемъ не только изъ міра, но какъ бы съ самой земли. Съ теплымъ чувствомъ близости я разсматривалъ потомъ послѣднее дѣло рукъ intrus-порфироносца, заплатившаго за свое напрасное величіе дерюгою вольнаго заточника. Но не долго я утѣшался полною и нераздѣльною мыслію о немъ, какъ о ктиторѣ мѣста. Внутри храма надъ средними входными дверями я прочиталъ слѣдующую ктиторскую замѣтку, писанную буквами явно позднѣйшими времени Императора Кантакузина: *Воздвигнутъ съ основаній и росписанъ всечестный и божественный храмъ сей* [1]) *Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, Преображенія, споспѣшествомъ и трудомъ находящихся братій, при игуменѣ, господинѣ Симеонѣ Іеромонахѣ. Въ годъ 7061. Въ мѣсяцѣ Ноябрѣ 8. индиктіона 11.* Выходитъ такимъ образомъ годъ постройки церкви (и росписанія) 1553-й. Разница между этою датою и временемъ блаженной памяти Импера-

---

[1]) † Ἀνηγέρθη ἐκ βάθρων καὶ ἀνιστορήθη ὁ πάνσεπτος καὶ θεῖος ναὸς οὗτος τοῦ κυ καὶ Θυ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ιυ Χυ τῆς Μεταμορφώσεως, διὰ συνδρομῆς καὶ κόπου τῶν εὑρισκομένων ἀδελφῶν. Ἡγουμενεύοντος κυροῦ Συμεὼν ἱερομονάχου. Ἐπὶ ἔτους ς^ω^ Ξ^ω^ Α^ω^. Ἐν μηνὶ Νοεμβρίω η. ἰνδ. ια. **Выходитъ фатальный годъ взятія турками Константинополя и конца Восточной Имперіи. Не странно-ли, что о существовавшей уже около 200 лѣтъ тутъ же церкви, и тоже Преображенской, «братія» не упоминаютъ ни единымъ словомъ? А если еще ктиторъ ся былъ Императоръ?!**

тора оказывается на 200 лѣтъ! Когда я стоялъ разочарованный передъ этимъ открытіемъ, товарищъ мой принесъ мнѣ копію другой подобной же замѣтки, усмотрѣнной имъ со внѣ храма на плитѣ, вставленной въ стѣну. Она гласила слѣдующее: *Возсозданъ всечестный сей храмъ Преображенія Господа нашего Іисуса Христа, споспѣшествомъ и трудомъ еще (?) находящихся братіи. Года 7053* (1545 отъ Р. Х.) [1]. Согласить эти двѣ записи ктиторскія можно только допустивши, что послѣдняя говоритъ о началѣ постройки церкви, а первая о концѣ росписанія ея. Во всякомъ случаѣ, полагаясь на ихъ свидѣтельство, я уже не находилъ нужнымъ разглядывать попристальнѣе стѣнную иконопись храма, ни его притвора, да и самая гробница Іоасафова какъ бы вдругъ потеряла для меня свое обаяніе. Ея положеніе въ углу, при входѣ въ церковь, явившуюся спустя два столѣтія послѣ Іоанна — Іоасафа, говоритъ въ пользу какого-нибудь другаго ктитора или *возсоздателя* церкви, а не его, погребеннаго безъ сомнѣнія въ мѣстѣ, которое при немъ служило домомъ молитвы. Какого бы великаго смиренія ни былъ бывшій Самодержецъ, но по кончинѣ его ему бы непремѣнно отвели мѣсто въ церкви. Замѣтивъ мою неудовлетворенность археологическую, меня такъ сказать, насильно повели въ алтарь, обѣщая порадовать меня тамъ разгадкой всѣхъ недоумѣній. И дѣйствительно, уже самый входъ въ алтарь представлялъ нѣчто необычное. Вводящая въ него дверца упиралась въ самую (сѣверную) стѣну алтаря и отъ того получила изогнутое направленіе. Вошедши ею въ святилище, я вмѣсто общей Востоку формы алтарной, столько

---

[1]) Ἀνοικοδομήθη ὁ πάνσεπτος οὗτος ναὸς τῆς Μεταμορφώσεως τοῦ κυ ἡμῶν Ιοῦ Χοῦ διὰ συνδρομῆς καὶ κόπου τῶν.. εὑρισκομένων ἀδελφῶν. Ἔτους ͵ζνγ. Не знаемъ, насколько понималъ тонкости филологіи писавшій замѣтку, и имѣлъ-ли онъ въ виду, употребляя вмѣсто: ᾠκοδομήθη выраженіе: ἀνοικοδομήθη, дать знать потомству, что рѣчь идетъ не просто о *созданіи*, а о *возсозданіи* храма. Въ обѣихъ замѣткахъ квалификація братій «находящимися» должна повидимому имѣть нѣкій особенный смыслъ..

мнѣ извѣстной, увидѣлъ другую церковь укороченныхъ размѣровъ, накрытую также куполомъ, опирающимся съ одной стороны на столбахъ, а съ другой на стѣнѣ большой церкви и имѣющую полукруглый выступъ на Востокъ, очевидно предназначенный для алтаря. Мнѣ объяснили, что это и есть самая древняя, первоначальная церковь монастыря. Къ ней въ послѣдствіе времени пристроена была большая церковь, послѣ чего изъ этой сдѣлали уже алтарь той. Оттого онъ и кажется несоразмѣрно великимъ и вообще не соотвѣтствующимъ принятымъ образцамъ. Вотъ сего-то храма и былъ ктиторомъ блаженной памяти Императоръ! Такъ заключилъ свои указанія нашъ путеводитель. Но, такой великій ктиторъ такого малаго зданія! возразилъ я, хотя самъ не вѣрилъ въ силу своего возраженія, зная, что Имперія Палеологовъ была уже чистая пародія на монархію Константина и даже Юстиніана, и свое величіе мѣряла самымъ ничтожнымъ масштабомъ. Въ окончательное подтвержденіе всего вышесказаннаго мнѣ предъявили еще одну ктиторскую замѣтку болѣе древняго времени, чѣмъ обѣ предыдущія. Въ ней говорилось слѣдующее: *Воздвигнутъ съ исподовъ основанія и возсозданъ божественный и всечестный храмъ сей Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа трудомъ и расходомъ преподобныхъ отцевъ нашихъ Аѳанасія и Іоасафа, въ 6896 году. Онъ же и ктиторъ. Исторированъ поспѣшествомъ и трудомъ малѣйшихъ братій. Года 6992 индиктіона 2. Мѣсяца Ноября 21* [1]). Что думать о сей надписи? Во 1-хъ то, что она сочинена, и сочинена интенціозно. Во 2-хъ, что не только не уясняетъ, но напротивъ еще болѣе запутываетъ ктиторскій вопросъ, выводя на сцену

[1]) Ἀνεγέρθη ἐκ βάθρων θεμελίου καὶ ἀνηκοδομήθη ὁ θεῖος καὶ πάνσεπτος ναὸς οὗτος τοῦ κῦ καὶ θῦ καὶ Σρος ἡμῶν Ιῦ Χῦ, διὰ κόπου καὶ ἐξόδου τῶν ὁσίων πρων ἡμῶν Ἀθανασίου καὶ Ἰωάσαφ, ἐν ἔτει, ͵ςωςς. ὁ καὶ κτίτωρ. Ἀνιστορήθη διὰ συνδρομῆς καὶ κόπου τῶν ἐλαχίστων ἀδελφῶν. Ἔτ. ͵ςλςΒ. ἰνδ. β. μηνὶ Νοεμ. κα.

новое лице, оттѣняющее царственнаго ктитора. Какъ бы то ни было, изъ надписи видно, что въ 1484 г. тутъ вѣрили и завѣряли, что начало монастыря, или по крайней мѣрѣ церкви, относится къ 1388 году, въ который тутъ жили преподобные отцы *Аѳанасій* и *Іоасафъ*. О первомъ ничего мы не можемъ ни утверждать ни отрицать, потому что совершенно не знаемъ его. Второй же, если скрываетъ въ себѣ Императора *Іоанна Кантакузина*, есть яркое историческое лицо. Поприще его политической дѣятельности обнимаетъ собою періодъ въ 25 — 30 лѣтъ, кончаясь 1355 годомъ, когда ему было конечно не меньше 50 лѣтъ отъ роду. Возможно такимъ образомъ, что онъ жилъ еще въ 1388 году и былъ ктиторомъ церкви. Но упомянутая гробница въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ записи прежде него угодило другое безвѣстное имя *Аѳанасія*, оставляютъ въ умѣ скрупулъ сомнѣнія въ вѣрности мѣстнаго преданія о ктиторѣ-императорѣ. Обходя затѣмъ всю церковь снаружи и тщательно осматривая предположительно древнѣйшую часть ея восточную, я неожиданно встрѣтился еще съ одною ктиторскою замѣткою, высѣченною на мраморномъ столбикѣ, раздѣляющемъ, по правиламъ византійской архитектуры, центральное окно алтарной абсиды на два пролета. Начертана она хорошими прямыми буквами и читается такъ: *Возсозданъ всечестный сей храмъ Господа нашего Іисуса Христа поспѣшествомъ честнѣйшаго въ монахахъ Іоасафа. Года 6896* [1]). Совсѣмъ бы не мѣсто ей быть на одной изъ принадлежностей окна и чувствуется, что она также сочинена, какъ и внутренняя, и именно уже послѣ пристройки большой церкви. Что здѣсь не упоминается имя Аѳанасія, это доказываетъ только усилившуюся со временемъ интенцію приписать все ктиторство монастыря Іоасафу. Титулованіе въ сей над-

---

1) Ἀνηκοδομήθη ὁ πάνσεπτος οὗτος ναὸς τοῦ χῦ ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ διὰ συνδρομῆς τοῦ τιμιωτάτου ἐν μοναχοῖς Ἰωάσαφ. ἔτ. ϛωϚϛ.

писи Іоасафа честнѣйшимъ, съ полнымъ игнорированіемъ Аѳанасія, и прямое исключеніе его изъ ктиторовъ въ предшествующей надписи, такъ безграмотно заявленное, только усиливаютъ предположеніе о *дѣланности* обѣихъ этихъ записей. Можетъ быть дѣйствительно вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ ктиторилъ тутъ и нѣкто Іоасафъ, но не тотъ, который въ Константинопольскомъ монастырѣ *Мáнгана* изъ самодержца Іоанна сдѣлалъ себя „монахомъ Іоасафомъ“. Не будемъ спѣшить заключеніями. Конечно, въ обители должны быть и другія болѣе точныя и положительныя (даже вѣроятно автографическія) свидѣтельства о томъ, что Манганскій инокъ кончилъ дни свои Метеорскимъ столпникомъ. О пребываніи (по нѣкоторымъ сказаніямъ) его въ Аѳонскомъ Ватопедѣ, по видимому тамъ не сохранилось никакаго преданія. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ намъ еще неудалось услышать о томъ.

Рядомъ съ церковію, съ сѣверной стороны ея возвышается весьма красивое, хорошаго византійскаго стиля зданіе братской трапезы, напоминающее собою, особенно своею абсидою на восточной стѣнѣ, тоже отчасти церковь, чѣмъ любили отличаться и славиться въ древности монастыри, умѣвшіе питанію придавать смыслъ молитвы. Зданіе образуетъ собою параллелограммъ длиною въ 34 шага и шириною въ 11, съ рядомъ колоннъ по срединѣ, раздѣляющихъ его въ длину на двѣ половины. Всѣхъ ихъ числомъ 5. Къ средней изъ нихъ приставлена перегородка, раздѣляющая зданіе по ширинѣ тоже на двѣ половины или точнѣе отдѣльныя комнаты. 17 оконъ освѣщаютъ ея внутренность. Такая роскошь для Метеорскихъ отшельниковъ „ракендитовъ“ была бы не объяснима, не предположивши, что строитель ея кромѣ того, что былъ человѣкъ со средствами, еще и привыкъ къ постройкамъ пышнымъ и изящнымъ. Разумѣется, въ монастырѣ и трапеза также считается и зовется Іоасафовою. И точно, она болѣе, чѣмъ сама церковь говоритъ о царской щедрости и царственныхъ понятіяхъ о вещахъ. Но, съ другой стороны, зачѣмъ бы ей быть въ

30 шаговъ длиною, а сосѣдней съ нею первоначальной Іоасафовой церкви всего въ 8 или 10 шаговъ? Въ настоящее время только передняя половина трапезы служитъ своему первоначальному назначенію, и то не всегда. Позволяю себѣ рисовать воображеніемъ гдѣ нибудь въ уголкѣ свѣтлаго и изящнаго покоя, напоминающаго чертоги византійскіе, сгорбленную фигуру экс-Императора, дряхлаго старца съ живымъ и пламенѣющимъ взоромъ не ветшающей души, ядущаго въ умиленіи съ деревяннаго пинакія безъелейное сочиво. Добрая иллюзія эта вдругъ разсѣялась, чуть мы вышли за двери зданія. Спутникъ мой усмотрѣлъ еще разъ, подобную № 2-му, ктиторскую замѣтку, вставленную въ наружную стѣну трапезы, на право отъ входа. Подобно прежнимъ она, безжалостно разрушая радужныя мечты мои, сообщала слѣдующее: *Воздвигнута съ исподовъ основанія настоящая трапеза поспѣшествомъ и трудомъ обрѣтшихся братій и расходомъ господина Симеона іеромонаха игуменствующаго, мѣсяца Августа 10, года 7065* [1]). По нашему счету значитъ все это происходило въ 1557 году, спустя почти ровно 200 лѣтъ послѣ возможнаго прибытія и переселенія на Метеорскую скалу славной памяти „Великаго Доместика", а потомъ и Соимператора. И еще разъ въ наученіе наше являются ктиторами всего наилучшаго въ обители загадочные *обрѣтшіеся* или *обрѣтающіеся* братія ея, руководимые и, какъ теперь видно, даже оплачиваемые нѣкіимъ паче самодержца богатымъ, усерднымъ и эстетически-развитымъ, игуменомъ *Симеономъ,* не упавшимъ духомъ даже отъ разгрома Византіи и отъ скончанія державы Константиновъ! Чьей, какъ не его быть и упомянутой гробницѣ Іоасафовой послѣ всего, что мы видѣли и прочли? А не фальсификація-ли видѣнное и читанное нами? Спросить такъ можно, но вмѣсто отвѣта тоже слѣдуетъ неизбѣжный

---

[1]) Ἀνηγέρθη ἐκ βάθρων θεμελίου ἡ παροῦσα Τράπεζα διά συνδρομῆς καὶ κόπου τῶν εὑρεθέντων ἀδελφῶν καὶ δι' ἐξόδου ἡγουμενεύοντος κὺρ Συμεὼν ἱεροχα. μηνὶ Αὐγούστῳ Ι. ,ζξε.

вопросъ: кому она была нужна? Не естественнѣе-ли было обители и какимъ бы то ни было *обрѣтающимся* въ ней братіямъ во всѣ времена и годы твердить одно и тоже, вѣщее имя *Іоасафа? Симеонъ* хорошъ, на что лучше? Можетъ быть и онъ тоже Палеологъ одинъ изъ тысячи, но все же не царь. Цари во первыхъ намъ всѣ извѣстны, а во вторыхъ, когда nolens-volens вступаютъ въ монастырь, то не имѣютъ честолюбія быть *іеро*монахами [1]).

Насъ провели въ архондарикъ, свѣтлую и веселую комнату, выходящую окнами къ подъемной сторонѣ утеса. Тамъ уже поджидалъ насъ о. игуменъ. На первый мой намекъ на сомнительное ктиторство Императора Кантакузина въ его обители, онъ отвѣтилъ не только „большими глазами", какъ говорятъ греко-французы, но еще чѣмъ-то въ родѣ оскорбленной невинности, да чуть-ли даже не жалѣніемъ о неисправимомъ миселлинизмѣ чужеродца, даже въ такомъ безразличномъ историческомъ фактѣ ищущаго случая уколоть его національное чувство. Блаженной и присной памяти самодержецъ тутъ жилъ много лѣтъ, строился, рукодѣльничалъ, спасался, тутъ умеръ и погребенъ. Видѣли гробницу его? говорилъ мнѣ укорительно старецъ, преемникъ Іоасафовъ. Тутъ и камни всѣ знаютъ, что это гробница ктитора. Ктитора-то ктитора, отвѣчаю я, да можетъ быть другаго, напр. хоть *Аѳанасія.* — Вотъ еще! кто такой Аѳанасій, чтобъ его похоронили въ церкви? — Ну, пусть онъ будетъ Іоасафъ, продолжаю я, да не Кантакузинъ. Развѣ мало есть и было Іоасафовъ на свѣтѣ? — Но, что же вамъ сдѣлалъ Кантакузинъ? За что вы не хотите видѣть его здѣсь? — Видите ли, осмѣлился я доложить собесѣднику, самодержецъ-то въ 1355 г. вмѣсто вѣнца наложилъ на себя кукуль. Было тогда ему вѣрно за 50 лѣтъ. Да здѣсь бы онъ прожилъ еще 33 года, пока кончилъ постройку

---

[1]) Виноватъ. Одинъ изъ императоровъ (кажется, *Михаилъ Дука*) былъ архіепископомъ Ефесскимъ.

церкви, и насчиталось бы ему такимъ образомъ 90 лѣтъ.—Да хотя бы и всѣ 100, вамъ-то что за дѣло? Поистинѣ, слѣдовало признаться, что мнѣ во первыхъ не Метеорцу, во вторыхъ совсѣмъ не греку, оффиціальнымъ образомъ не было никакаго дѣла до жившаго тутъ когда-то давно „честнѣйшаго" или „преподобнѣйшаго" о. Іоасафа. Развѣ мало у насъ есть вещей, продолжалъ за живо задѣтый о. Каллиникъ, принадлежавшихъ блаженной памяти Императору (что, собственно, говоря языкомъ математики и требовалось доказать, или показать)? Иконы, кресты, скиптры (!), Евангеліе съ собственноручною подписью.—Довольно, довольно! прерываю я, выказывая полнѣйшее успокоеніе. Мнѣ достаточно увидѣть подпись блаженной руки его, чтобы довѣриться во всемъ вполнѣ мѣстному преданію.—Ну, вотъ давно бы такъ, заключилъ довольный своею побѣдою Метеоритъ. И кому, какъ не ему, было, на память своего бывшаго царскаго имени, пристроить къ соборной церкви и придѣлъ *Св. Іоанна Предтечи* [1]), доселѣ существующій? И кто, какъ не Императоръ, могъ пріобрѣсть такую драгоцѣнность, какъ *святыя страсти,* которыя и достались послѣ него монастырю? А столько св. мощей, и какихъ мощей! Да, что говорить? прибавилъ апологетъ, махнувъ рукой и ударивъ въ ладоши. Послѣднее было знакомъ, чтобы несли же наконецъ гостямъ (а съ ними и

---

[1]) Пристроенъ съ Юга къ бывшей Іоасафо-Аѳанасіевой церкви, обращенной теперь въ алтарь. Онъ показался мнѣ совсѣмъ недавнимъ и я не обратилъ достаточно вниманія, о чемъ теперь жалѣю. Еще болѣе жалѣю, что въ настоящее время не могу произнести никакаго суда относительно еще одной ктиторской замѣтки, голословно, безъ всякихъ объясненій, занесенной въ нашу записную книжку и читаемой въ переводѣ такъ: *воздвигнутъ съ основаній всечестный сей и божественный храмъ святыхъ, славныхъ, боговѣнчаемыхъ великихъ царей и равноапостоловъ Константина и Елены, поспѣшествомъ и расходомъ преподобнѣйшаго въ монахахъ, г. Діонисія съ сущими при немъ*... Если бы тутъ не было прямаго указанія на ктитора *Діонисія*, можно бы и здѣсь искать намека на дѣло Императора Кантакузина, вѣнчавшагося императорскимъ вѣнцемъ въ праздникъ святыхъ Константина и Елены, день, конечно для него навсегда памятный.

хозяину) привычное угощеніе. Отличный человѣкъ хотя и не имѣлъ вѣроятно случая узнать, что мы славяне называемъ жизнію центральную часть своего тѣла, но по всему видно было, что былъ глубоко убѣжденъ въ томъ. Такое сочувствіе съ нами начальника мѣста было намъ на руку. Привязавшись къ сообщенному имъ факту собственноручной подписи Императора Кантакузина на Евангеліи, которое не могло быть иное, какъ рукописное и пергаментное, я подступилъ къ нему уже съ прямымъ запросомъ о библіотекѣ монастырской, въ которой по общему мнѣнію Востока, больше мембранъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, кромѣ Аѳона. Старика какъ будто передернуло при этомъ. Видимо, не по сердцу ему была такая рѣчь. Но онъ, по слову премудраго, уже *ятъ былъ усты своими,* проговорившись о собственноручной подписи Императора и о стольких другихъ вещахъ, свидѣтельствующихъ о немъ. — Были у насъ когда-то, началъ онъ какъ бы про себя говорить, и мембраны и всякое другое старье, да теперь остались только пустыя мѣста отъ нихъ. Пожалуй, вотъ полюбуйтесь ими. Онъ всталъ и повелъ насъ въ *библіотеку*, комнату, извѣстную подъ этимъ именемъ для экстерновъ, а между своими слывущую за *сокровищехранительницу* (θησαυροφυλακεῖον). Нечего и говорить, что мы были въ самомъ блаженномъ настроеніи, напоминавшемъ мнѣ зубримое нѣкогда и ни на волосъ непонимаемое „предощущеніе къ (!) безконечному“, поминутно излетавшее изъ устъ преподавателя эстетики (Богъ да проститъ его!). Преданіе о Метеорскихъ рукописяхъ самое общее и ходячее на Востокѣ. Не было причины считать его преувеличеннымъ. Напротивъ, слѣдовало думать, что оно далеко ниже того, что должно быть въ дѣйствительности. Вѣдь это не наши единоплеменники сиромахи, въ глазахъ которыхъ и слѣпченскій десятокъ гнилушекъ идетъ за цѣлый подвалъ или погребъ книжный. Тутъ эллинское: „себѣ на умѣ“ готово встрѣтить тебя на каждомъ шагу, и о. Каллиникъ менѣе другихъ способенъ былъ разубѣдить въ томъ кого бы

то ни было. И вотъ мы въ библіотекѣ. Комната, довольно просторная, не совсѣмъ свѣтлая, сырая и неприглядная, завалена по угламъ разнаго рода хламомъ, не похожимъ на книги, еще менѣе на сокровища. Десятка три рукописей дѣйствительно впрочемъ оказались на лицо, занимая мѣсто на полкахъ одного шкафа, до того пустыхъ, что цѣлое напоминаетъ старческій ротъ съ пятью-шестью зубами вмѣсто 32-хъ. Какъ? только всего? спрашиваю я, быстро перебирая одинъ за другимъ разбитые и истрепанные служебники, требники и т. под. ветошь XVI—XVII столѣтій, не заслуживающую вниманія. А гдѣ же Евангеліе-то съ подписью Іоасафа-Іоанна Императора??

Что случилось при этомъ вопросѣ, въ точности передать не могу. Тутъ, какъ говорится, „оказался въ рукописи пропускъ"‥ Припоминается на мѣстѣ Игумена какой-то магъ, ударяющій чѣмъ-то о что-то и вызывающій цѣлый рядъ видѣній, только ни какъ не иллюзивныхъ, а совершено реальныхъ, провѣренныхъ и зрѣніемъ, и осязаніемъ и даже обоняніемъ нашимъ, въ родѣ множества каменныхъ ступенекъ, обставленныхъ корзинами, коробами, сундуками, стѣнъ, увѣшанныхъ платьемъ, мѣшками и разными церковными принадлежностями и пр. Въ числѣ того другаго не замедлило явиться и завѣтное Евангеліе, принадлежавшее императору-иноку и помѣченное его рукою. Не безъ торжественности подалъ мнѣ его о. Каллиникъ, раскрытое на вѣщемъ автографѣ. Это была малая и толстая книжка въ 32-ю долю листа, одѣтая въ бархатъ обветшалый съ потемнѣвшимъ золотымъ шитьемъ или тканьемъ, чистаго пергамента и тщательнаго письма, вся безъ малѣйшаго дефекта, довольно впрочемъ подержанная и разбитая, видимо не глубокой древности, но какой именно, опредѣлить нельзя, такъ какъ не имѣетъ въ себѣ никакой хронологической замѣтки. На оборотѣ передней дощечки ея читается одно и единственное слово: Ἰωάσαφ. Вотъ и все! Какой Іоасафъ, ищи, гдѣ хочешь! По характеру письма Евангеліе точно могло принадлежать императору, даже

быть писано его рукою иноческою, но принадлежало-ли? Было-ли писано?. Вопросъ, значитъ, все таки упирается въ личность Метеорскаго *Іоасафа*-ктитора. Жаль мнѣ остановиться на такомъ неудовлетворительномъ выводѣ, но что дѣлать? Плохимъ подспорьемъ императорству Іоасафа можетъ служить обстоятельство, что чей-то автографъ стоитъ совершенно одиноко, какъ привычно писать царямъ и что всякій другой Іоасафъ не императоръ прибавилъ бы непремѣнно что нибудь къ своему имени, опредѣляющее его соціальное положеніе. Да наконецъ, почему знать, не занесена-ли книга въ Метеоры и отъинуда? Другое подобное же, но еще меньшаго объема Евангеліе оказалось съ припискою: *настоящая книга принадлежитъ Неофиту Іеромонаху отъ страны Этоліи изъ города Ф... и архимандриту* [1]). Года нѣтъ. — А кромѣ этихъ двухъ книжицъ, будто бы уже и нѣтъ никакихъ другихъ? робко спрашиваю я. — Найдется и еще нѣсколько, вяло отвѣчаютъ мнѣ, да только.. хлопоты съ ними! Вотъ тутъ бывали когда-то, прибавляютъ, указывая на цѣлый рядъ сундуковъ съ крѣпкими затворами. Явно, что это своего рода книжное кладбище, въ которомъ мирно покоятся отжившія мемвраны до не вѣсть какаго радостнаго утра. На усиленное желаніе мое взглянуть на запрятанныя сокровища хотя однимъ глазомъ, мнѣ оказали благосклонность-открыли одинъ изъ сундуковъ. Какъ и слѣдовало ожидать, попались подъ руку отеческія писанія, и всего болѣе *Златоустъ, Лѣствичникъ, Метафрастъ*, все конечно пергаменты, и въ большинствѣ фоліанты [2]). По-

---

[1]) Τὸ παρὸν βιβλίον ὑπάρχει Νεοφύτου ἱερομονάχου ἐκ μέρους Αἰτωλίας ἐκ πόλεως Φιπ $^{\pi\pi}$, καὶ ἀρχιμανδρίτου. Съ именемъ *Неофита* мы уже встрѣчались въ Варлаамскомъ монастырѣ. Одно-ли и тоже это лицо, ничего нельзя сказать. Стенографически означенному городу всего бы естественнѣе быть *Филиппамъ* (мн. число), но о такомъ городѣ въ Этоліи совсѣмъ неизвѣстно.

[2]) Между прочими попались подъ руку: 1) *Псалтирь* съ прекрасными рисунками

рывшись въ нихъ минутъ 5 — 6 и видя, что становлюсь предметомъ общаго ожиданія и вѣроятно даже нетерпѣнія, я пожелалъ вѣчнаго покоя погребеннымъ мемвранамъ, и безнадежно отошелъ отъ ихъ могилы. И было кстати. Меня ожидали другіе предметы любопытства, и конечно, прежде всего множество ковчежцевъ съ св. мощами, между коими первенствовалъ содержавшій въ себѣ такъ называемыя: *Святыя Страсти*. Я приложился къ ряду маленькихъ отверстій, но положительно не могъ дать себѣ отчета, что именно означается этимъ страннымъ именемъ. Конечно тутъ должны быть, какъ и въ Лаврѣ Аѳонской, частицы малѣйшія Животворящаго Древа, терноваго вѣнца, багряницы, трости и т. под., достовѣрность которыхъ въ наши отдаленныя времена не можетъ уже быть предметомъ никакаго разслѣдованія (кромѣ развѣ микроскопическаго). Если Аѳонскія „Св. Страсти" могли быть приношеніемъ Императора Никифора Фоки, то и Метеорскія откуда въ самомъ дѣлѣ взялись, какъ не отъ императорскаго же даянія? Изъ св. мощей мы приложились къ десницѣ *Св. Іоанна Златоуста* [1]), обѣимъ рукамъ *Св. Параскевы* преподобно-мученицы, ручкѣ св. младенца *Кирика*, части *Св. Ахилла Ларисскаго*. Затѣмъ намъ ска-

---

по золотому полю, стоющими изученія. 2) *Евангеліе* — одно изъ многихъ подобныхъ — съ миніатюрами, тоже замѣчательно красивыми. 3) *Евангеліе* вмѣстѣ съ *Псалтиремъ* весьма мелкаго письма. 4) *Апостолъ* удивительно мелкаго письма. 5) Хорошій списокъ *Кассіанова жизнеописанія подвижниковъ*. 6) *Сборникъ* разныхъ статей, по просту зовомый у грековъ: «куварас̂ъ» съ цѣлымъ трактатомъ о богомилахъ.. Всѣ кожаныя, конечно. Всѣхъ же рукописей въ библіотекѣ монастырской можно полагать до 400 числомъ. Объ этой цифрѣ я слыхалъ еще въ бытность свою на Аѳонской горѣ. Надобно жалѣть, что онѣ доселѣ ни кѣмъ не разсмотрѣны и не-описаны. Повидимому о. Порфирію не болѣе нашего удалось видѣть ихъ. Впрочемъ желаю, чтобъ я ошибся.

[1]) Что сказать о сей десницѣ великаго Святителя? Въ монастырѣ Варлаама мы видѣли шуйцу его. Приходилось бы весьма кстати даже это сосѣдство двухъ Святынь. Но я не могу забыть, съ какимъ теплымъ чувствомъ радости и умиленія я смотрѣлъ на десницу Златоустову въ 1859 году въ Аѳонскомъ Филоѳеевскомъ монастырѣ. Исключаетъ-ли одна святыня другую, нельзя рѣшить, не сличивши ихъ между собою.

зали, что въ особыхъ ковчежцахъ хранятся 12 главъ разныхъ угодниковъ Божіихъ. Подъ главами, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, надобно разумѣть черепныя кости, частію цѣльныя, частію въ небольшихъ кускахъ. Поименованы намъ были при этомъ Святые мученики: *Пантелеймонъ*, *Θеодоръ Стратилатъ* и Мецовскій *Николай*; Святители: *Григорій Богословъ*, *Модестъ*, и *Іоаннъ Милостивый*, преподобные *Іоаннъ Лѣствичникъ* и ктиторы обители: *Аθанасій* и *Іоасафъ*.

Іоасафъ.. Остановился я и взоромъ и сердцемъ болѣе другихъ ковчежцевъ на семъ послѣднемъ. Радуюсь, что глава эта занесена древностію въ рядъ Святынь. Чего болѣе всего желалъ, конечно, державный боголюбецъ при жизни, какъ не святости по смерти? Да будетъ потому память его со святыми! Но за тѣмъ, сколькимъ другимъ чувствамъ открывается въ душѣ просторъ при видѣ этого темножелтаго, лоснящагося и благоухающаго темени! Сколько разъ, читая писанную имъ исторію своего управленія царствомъ, я увлекался образомъ писателя-царя, несомнѣнно высоко даровитаго человѣка, съ обширнымъ образованіемъ, возвышеннымъ духомъ, глубокимъ благочестіемъ, умнаго, тонкаго, чистаго, всегда сдержаннаго, смиреннаго, великодушнаго, человѣколюбиваго.. Я не перечислилъ бы всѣхъ привлекательныхъ сторонъ этой симпатичной исторической личности, кончившей свое блестящее поприще, какъ и слѣдовало ожидать, тою же безвѣстностію, какою и было начато оно. Его собственная исторія забываетъ сказать намъ, кто онъ? Откуда? Гдѣ родился? Гдѣ и какъ воспитался? Ни слова обо всемъ этомъ во всѣхъ трехъ томахъ его блестящаго творенія. Даже и имени отца своего не съумѣлъ передать къ общему свѣдѣнію умнѣйшій человѣкъ. Какъ бы случайно, совершенно мимоходомъ, въ двухъ-трехъ строкахъ упоминаетъ онъ, что отецъ его, почти юноша на 22-мъ году сдѣланъ былъ правителемъ Пелопонниса, гдѣ жилъ и умеръ послѣ 8 лѣтъ правленія и гдѣ предположительно родилъ своего сына. Самаго же его исторія безъ вся-

кихъ предисловій встрѣчаетъ сверстникомъ и самымъ приближеннымъ человѣкомъ царевича и потомъ царя, завѣщавшаго ему разъ свой престолъ помимо сына. Почти все, что относилось къ его частной жизни, заносилось имъ въ исторію въ самыхъ слабыхъ чертахъ, какъ бы ненарокомъ, неохотно, противъ воли. Гдѣ же такому человѣку и кончить было свою необычайную жизнь, какъ не на Метеорскомъ утесѣ? Я готовъ этому вѣрить, хотя бы хронологія совсѣмъ не на моей оказалась сторонѣ. Онъ самъ, *Великій Доместикъ*, т. е. слуга своего бѣдствующаго отечества, укрывавшійся столько лѣтъ за фигурой самодержца, на мой взглядъ укрывается въ этомъ безмолвномъ ковчежцѣ теперь. „Іоасафъ" на книгѣ, „Іоасафъ-ктиторъ" здѣсь, и ровно ничего больше! Кому, какъ не ему играть въ такія историческія жмурки? Отчего не могъ онъ, подобно извѣстному ему конечно Алексію, человѣку Божію, прожить здѣсь свои 33, а можетъ быть и болѣе [1]), года никому не вѣдомымъ, кромѣ Бога? Благо въ столицѣ было извѣстно, что бывшій самодержецъ заключился въ обители Манганской, а потомъ удалился изъ нея невѣдомо куда. Пронесся слухъ, что онъ оказался на Аѳонѣ въ неприступныхъ твердыняхъ Ватопедскаго монастыря. Тѣмъ все и кончилось! Онъ доводился тестемъ оставшемуся на престолѣ императору и дѣдомъ его преемнику, царствовавшимъ въ совокупности 70 лѣтъ, но повидимому ни которому изъ нихъ не было до него никакаго дѣла. Странно, что онъ какъ бы совершенно скрылся у всѣхъ изъ вида, даже у своихъ собственныхъ дѣтей, проживавшихъ феодально въ Пелопоннисѣ. Это-то и наводитъ на мысль, что онъ мо-

---

[1]) Годъ кончины экс-императора Іоасафа остается неизвѣстнымъ. Въ 1367 г. онъ еще былъ живъ. См. замѣтки поклонника Св. Горы, Кіевъ. 1864. стр. 192. *Дюканжъ* (Familiae Byzantinae 1729. p. 210) положительно завѣряетъ, что онъ жилъ и въ 1375 г. Lambeccius, на сомнительныхъ данныхъ опираясь, указываетъ смерть его подъ 20-мъ числомъ Ноября 1410 года. Тамъ-же..

жетъ быть доживалъ гдѣ нибудь дни свои въ полномъ incognito. Что онъ могъ нѣсколько времени провесть на Аѳонѣ, это дѣло возможное. Но тамошнее многолюдство, да и близость къ Солуню, гдѣ онъ такъ часто проживалъ во дни своего тревожнаго царствованія, должны были заставить его искать убѣжища гдѣ-нибудь далѣе, въ глухомъ и новомъ мѣстѣ, гдѣ бы уже ни онъ съ міромъ, ни міръ съ нимъ не встрѣтились окончательно. Какъ только подумаешь о подобномъ мѣстѣ, Метеорскія скалы сейчасъ предстаютъ воображенію. Преданіе Свято-Стефанитовъ, что монастырь ихъ выстроенъ Кантакузинымъ, можетъ имѣть свое основаніе. Поживши тамъ, человѣкъ „изъ ряда вонъ“ захотѣлъ можетъ быть совсѣмъ, такъ сказать, отрѣшиться отъ земли, и высмотрѣлъ себѣ какъ разъ подходящее мѣсто между доломъ земнымъ и небомъ на семъ *Метеорѣ*, отъ него конечно и получившемъ свое не заурядное имя.

Когда все вышеписанное переходило у меня въ умѣ, передъ насъ принесенъ и поставленъ былъ еще одинъ ящикъ, но не для поклоненія, а для дивленія. — Ну, а эти *скиптры* откуда могли попасть къ намъ, если по вашему не было тутъ никакаго Кантакузина? спросилъ меня игуменъ съ побѣдоноснымъ выраженіемъ въ лицѣ. Слово: *скиптры* я уже слышалъ отъ него еще въ архондарикѣ, но думалъ, что или онъ обмолвился, или я ослышался. Но вотъ оказывается, что дѣло идетъ именно о томъ, что знаменуется словомъ. Но, прежде чѣмъ заглянуть въ этотъ новый ларецъ Пандоринъ, я позволю себѣ нарисовать не одно лицо того или другаго Византолога нашего, или какаго бы то ни было, обращенное ко мнѣ и вопросительно и недовѣрчиво, а то даже и завидливо.. Видѣть такую рѣдкость, какъ *Скипетръ* (пусть хотя одинъ даже) *Византійскихъ Императоровъ*.. да это стоитъ не знаю какихъ трудовъ, усилій и жертвъ! Что-же вижу я, мнимый счастливецъ? Какія-то небольшія серебряныя, позолоченныя палочки или прутики, измятыя, изогнутыя, искривленныя и поломанныя, однимъ словомъ—ни на что не по-

хожія. Передъ этимъ неожиданнымъ зрѣлищемъ я просто, какъ говорится, сталъ въ тупикъ. Мы въ недоумѣніи пересматривались съ товарищемъ, готовымъ прыснуть отъ смѣха. Вотъ такъ скипетры императорскіе! говорю я ему мысленно, и въ глазахъ его совершенно ясно читаю отвѣтъ: по Сенькѣ и шапка! — Да вѣдь это дѣтскія игрушки, заявляю я о. Игумену. Обиженный такимъ отзывомъ, онъ забираетъ свои „дудки" и укладываетъ обратно въ ящикъ, не говоря ни слова. Я едва упросилъ его оставить ихъ незакрытыми на секунду, чтобы замѣтить для себя хотя какое-нибудь подобіе ихъ.—Вѣдь этакъ онъ намъ ничего не покажетъ больше, говоритъ мнѣ укорительно сквозь зубы товарищъ. Нечего было дѣлать. Приходилось отыскивать въ дѣлѣ серьезную сторону. Мнѣ пришло на мысль назвать „скиптры" [1]) тріумфомъ императора надъ какими-нибудь „варварами", которымъ и по дѣломъ имѣть такія мизерныя регаліи, но я сейчасъ же почувствовалъ, что бѣжа классически отъ Сциллы, впадаю въ Харибду.. Къ счастію, слѣдующій за скиптрами патентъ монастыря на императорское ктиторство, былъ уже выложенъ. Это была: *Іоасафова чаша..* Послѣ скиптровъ она показалась намъ чуть не драгоцѣнностію, хотя далеко ей до чести быть „царскою вещію", и я видалъ въ Констан-

---

[1]) Σκῆπτρον, въ единственномъ числѣ совсѣмъ и неупотребительно. Говорится обыкновенно: τὰ σκῆπτρα. Корень слова: σκήπων — палка, трость, посохъ.. Этотъ символъ верховной власти былъ не одинаковъ въ разныя времена. Украшаясь въ верхней части своей при языческихъ императорахъ изображеніемъ орла или побѣды, онъ у христіанъ обратился въ Labarum, а судя по историку *Созомену*, уже въ его время двоился, полагать бы можно имѣлъ вверху или крестовую перекладину или квадратный кусокъ полотна (начало нашихъ хоругвей), а иногда вмѣсто него книгу или икону. Изъ книги Императора *Константина Багрянороднаго* мы узнаемъ, что такаго рода *Скипетры* находились и при церквахъ въ ризницѣ, можетъ быть для Царскихъ встрѣчъ. Такъ ихъ было въ Великой церкви 12, въ церкви Св. Стефана въ Дафни — 3.. были-ли это тожественные экземпляры (старые, новые, большіе, малые, золотые, золоченые..), или разнообразились фигурою, и употреблялись когда нужно всѣ вмѣстѣ, трудно сказать съ опредѣленностію. Вѣроятнѣе послѣднее.

тинополѣ ковши и чаши арабской или персидской работы, самой умѣренной цѣны гораздо болѣе интересныя, чѣмъ она. Разумѣется, ни на ней, ни на предыдущемъ номерѣ, нѣтъ никакаго знака принадлежности ихъ бывшему императору. Но съ другой стороны, если бы завѣщавшій ихъ монастырю (кто бы онъ ни былъ) монахъ былъ изъ простыхъ смертныхъ, онъ не имѣлъ бы ни нужды ни повода ни простаго случая обзаводиться такими, не подходящими къ его состоянію предметами. За чашею былъ вынутъ для показа *платъ Іоасафовъ,* тонкой златотканной работы по красному атласу, конечно весьма ветхій. Затѣмъ слѣдовала цѣлая коллекція *крестовъ* металлическихъ, костяныхъ, деревянныхъ въ дорогихъ съ каменьями окладахъ, и искусно плетенныхъ изъ тончайшей сребропозлащенной проволоки, изъ коихъ ни одинъ не показался мнѣ очень древнимъ [1]). Особеннаго вниманія заслуживаетъ *Энколпіонъ* (по нашему архіерейская панагія) изъ цѣльнаго камня (агатовой породы) съ изображеніемъ св. Георгія, довольно грубой впрочемъ работы. Если и онъ имѣлъ значеніе императорской регаліи, носимой вѣнценосцемъ на груди, то ему по истинѣ слѣдуетъ быть изъ военной добычи, отнятой у какаго-нибудь краля, жупана, войводы, конта, дуки.. Много и другихъ вещей изъ утвари церковной, болѣе или менѣе не похожихъ на нынѣшнія, лѣниво пробѣгало утомленное зрѣніе наше. Ихъ множество и разнообразіе опять возвращали меня къ вѣрѣ въ существующее въ обители преданіе. Не даромъ онѣ тутъ. Не вѣтромъ же занесены въ такое ужасающее захолустье. Если бы даже и не было готоваго уже царственнаго имени

---

[1]) Наиболѣе цѣнные кресты деревянные мельчайшей рѣзьбы, почернѣвшіе, конечно отъ времени, помѣчены годами: 7103 (1595) и 7132 (1624). Крестовъ русской работы я не замѣтилъ. И вообще мнѣ показалось, что, наперекоръ сосѣду Варлааму, въ обители Іоасафа (не странно-ли это повтореніе столько извѣстныхъ въ святцахъ именъ)? «русскимъ духомъ не пахнетъ».

Іоасафа, слѣдовало бы прибѣгнуть къ таковому въ объясненіе всего того, что мы видѣли въ заколдованной сокровищницѣ. Послѣднимъ предметомъ вниманія нашего были двѣ небольшихъ размѣровъ, весьма ветхія иконы Іисуса Христа и плачущей Богородицы. На обратной сторонѣ ихъ стоитъ объяснительная замѣтка: κτιτορικαί (ктиторскія). Ихъ, ради великаго къ нимъ почета, кладутъ въ Великую пятницу на плащаницу. Конецъ же и вѣнецъ всего на мой взглядъ, есть древняя икона Богоматери, хранящаяся тамъ же въ особомъ ящикѣ, писанная, какъ и упомянутыя двѣ, тоже на деревѣ, съ малыми изображеніями разныхъ Святыхъ кругомъ въ видѣ рамки. При каждомъ изъ нихъ была когда-то и частица мощей его, памятію чего остались теперь однѣ ямки, въ которыхъ были св. мощи. У ногъ Богоматери различается фигура колѣнопреклоненной женщины и при ней надпись: *Марія, благочестивѣйшая царица, Ангелина, Комнина, Дукина, Палеологиня.*. Если бы еще хронологическая дата ко всей этой генеалогической характеристикѣ! Къ сожалѣнію, я не досмотрѣлся таковой нигдѣ на потемнѣвшей иконѣ [1]). Царицъ съ именемъ *Маріи* не мало. Но въ родѣ Палеологовъ, покрайней мѣрѣ въ царствующей династіи, только двѣ Маріи могли по праву называть себя „царицами", это во 1-хъ, жена (третія) предпослѣдняго Императора Византійскаго Іоанна VII, дочь Трапезунтскаго державца; во 2-хъ, дочь Андроника III, младшаго, выданная въ замужество за Михаила-Асана кралевича Болгарскаго. Затѣмъ, есть еще двѣ *Маріи,* обѣ незаконнорожденныя, тетка и племянница, одна—дочь Михаила, перваго изъ Палеологовъ, выданная за *Апагу,* другая—дочь Андроника старшаго, вы-

---

[1]) Икона хорошаго древняго письма. Теперь я очень жалѣю, что не выпросилъ у Игумена дозволенія разсмотрѣть и описать ее подробно на досугѣ въ кельѣ. Въ окладѣ ея 8 различныхъ изображеній Святыхъ. Имена ихъ полагаю, дали бы поводъ къ какимъ нибудь историческимъ выводамъ.

данная за *Токтая*—обоихъ тохарскихъ или татарскихъ владѣтелей, которыя тоже при случаѣ могли писаться царицами. Послѣдняя по смерти мужа проживая въ Константинополѣ, имѣла свой дворъ и титуловалась *Владычицей Мугулiйской*, т. е. Монгольской (Δέσποινα Μουγουλίων).

О. Игуменъ многоразличными способами давалъ знать, что есть время всякой вещи подъ небесемъ, болѣе же всего крякалъ, внушая намъ память того, что у насъ на Руси зовется адмиральскимъ часомъ. Столько занимавшiй его еще такъ недавно, императоръ-ктиторъ какъ бы вовсе уже и не существовалъ не только въ Метеорахъ, но и вообще на свѣтѣ. Я же старался всячески оттянуть моментъ разставанiя съ сокровищами, зная, что вижу ихъ въ первый и въ послѣднiй разъ. Но такъ какъ „нуждѣ и боги повинуются", то, не долго думая, мы очутились въ своемъ архондарикѣ, сказать правду, уставшiе физически и умственно. Требовался настоящiй отдыхъ, которому мы и предались, пока гостепрiимная обитель не извлекла насъ изъ него обѣдомъ, который грѣшно было назвать даже завтракомъ. Но не слѣдовало забывать, что мы во первыхъ находимся между землей и небомъ, во вторыхъ, переживаемъ постъ, а въ третьихъ, застигнуты пятницей, съ которой въ монастыряхъ не шутятъ. Подъ влiянiемъ расточаемыхъ нами похвалъ царскому обилiю сокровищъ обители, о. Каллиникъ видимо умягчался сердцемъ и намъ открылась возможность обратиться къ нему съ покорною просьбою о дозволенiи пересмотрѣть *Хрисовулы* монастырскiе, разумѣется подъ наблюденiемъ какаго-нибудь депутата съ его стороны. Пока ихъ не вѣсть откуда доставали, пересчитывали, развязывали и переносили къ намъ въ комнату, я успѣлъ сдѣлать очеркъ церкви и трапезы съ восточной стороны, еще разъ безплодно пожалѣвши, что не надоумился или побоялся, отправляясь изъ дома, взять съ собою походный фотографическiй приборъ, многократно мнѣ служившiй въ моихъ недалекихъ экскурсiяхъ. При видѣ старыхъ

свертковъ, разложенныхъ по дивану пріемной комнаты, вострепетало радостію сердце мое. Впрочемъ большинство ихъ, писанныхъ на бумагѣ, съ перваго же раза поубавили археологическій восторгъ мой. Всѣхъ документовъ оказалось числомъ 14. Изъ нихъ 8 суть то, что звалось когда-то *Хрисовуломъ*, т. е. царскою граматою съ красною подписью и за золотою печатью (Χρυσῆ βοῦλλα = bulla). Послѣдняя если еще находится на своемъ мѣстѣ, то составляетъ величайшую рѣдкость. Золото вообще не любитъ залеживаться, а при граматахъ, вися на длинныхъ шнуркахъ, разрывающихъ собою пергаментъ, представляется и совсѣмъ неудобнымъ, такимъ образомъ и мы ни при одномъ изъ 8 Хрисовуловъ не отыскали ни одной печати. Мы перечислимъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

1. Хрисовулъ Императора *Андроника Палеолога, Старшаго,* на кожѣ. Длина его 2.18, ширина 0.36 фр. метра. Датированъ 6797 (1289) годомъ. инд. 2. Подпись: *Андроникъ, во Христѣ Богѣ вѣрный царь и самодержецъ Римлянъ, Дука, Ангелъ, Комнинъ, Палеологъ* [1]). Документъ содержитъ въ себѣ дарственную запись на разныя угодья монастырю *Ликосада,* коего документы (по раззореніи его, конечно) поступили въ Метеорскій монастырь.

2. Хрисовулъ царя *Симеона,* на кожѣ, состоитъ изъ трехъ ку-

---

[1]) Первый изъ *Палеологовъ*, надѣвшій Императорскій вѣнецъ, не иначе долженъ былъ сознавать себя, какъ intrus на Византійскомъ престолѣ, и оттого не пропускалъ случая именовать себя публично родственникомъ трехъ предшествующихъ царственныхъ династій, съ которыми дѣйствительно причитался въ дальнемъ родствѣ. Ему конечно по привычкѣ болѣе, чѣмъ по расчету политическому подражалъ и сынъ его *Андроникъ*. Но внукъ и преемникъ сего послѣдняго подписывался уже просто: *Палеологъ*, считая вполнѣ окрѣпшею уже свою династію. Послѣднее видно изъ Хрисовула № 3. Упоминаемый въ документѣ монастырь *Ликосада* встрѣчается въ Хрисовулѣ № 3. Тамъ ему указывается мѣсто по близости городка или мѣстечка: *Фанáри*, которое можно видѣть на всѣхъ картахъ Θессаліи. Лежитъ нѣсколько южнѣе города Трикалъ. У Киперта, къ Югу отъ Фанари, читается и прямо Loxada, что очевидно есть одно и тоже съ: Ликосада.

сковъ, приклеенныхъ одинъ къ другому, длина перваго 0.83, втораго 0.43, третьяго 0.44, ширина же одна для всѣхъ 0.29½ фр. метра. Данъ въ Августѣ 6837 (1329) г. инд. 12. Подписался: *Симеонъ, во Христѣ Богѣ вѣрный царь и самодержецъ Романіи и Сервіи, Палеологъ*[1]).

---

[1]) Этотъ *Симеонъ Палеологъ* есть конечно извѣстный у историковъ *Синисса*, сводный братъ Стефана Сильнаго или *Душана*, сынъ царевны или княжны изъ рода Палеологовъ, которую историки называютъ *Маріей*, и именно дочерью *Іоанна* Палеолога *Кесаря*. Не царствовавшихъ *Іоанновъ Палеологовъ* исторія знаетъ трехъ: 1) брата перваго Палеолога Императора Михаила *Севастократора* и потомъ *Деспота*, умершаго еще при жизни брата, слѣдовательно ранѣе 1282 г., 2) внука Михаилова, сына Андроника Старшаго, носившаго титулъ *Кесаря*, умершаго будто-бы бездѣтнымъ въ 1308 г. Послѣднему она дѣйствительно могла бы доводиться дочерью. Бракосочетаніе ея съ Стефаномъ Дечанскимъ относятъ къ 1326 году, слѣдовательно ей тогда могло быть лѣтъ 20, самое пригодное для брака время. Третій Іоаннъ Палеологъ былъ тоже внукъ Михаиловъ, сынъ другаго сына его Константина, и тоже *Кесарь*. Обыкновенно Кралену Марію, мачиху Душана считаютъ дочерью этого самаго Іоанна. Тоже самое говорили и мы, разбирая исторію правителей Солунскихъ. (См. ч. I. стр. 138). Одно при этомъ могло бы вводить изслѣдователя въ недоумѣніе. Бракосочетаніе Дечанскаго Краля относится къ 1326 году, а Іоаннъ, замечтавшійся отъ родства своего съ Кралемъ, уже въ 1325 г. представляется возставшимъ противъ брата своего Императора Андроника, а въ 1326 г. умираетъ на пути въ свои Солунскія владѣнія. Какъ бы то ни было, представляется болѣе вѣроятнымъ, что вторая жена Краля Дечанскаго была гречанка, а не Влахиня, дочь Бассарабы, воеводы Влахо-Запланійскаго, какъ полагаетъ историкъ *Бранковичъ* (Ранчь. т. II. стр. 668), отъ которой будто бы родился *Синишка*, то есть Симеонъ нашего Хрисовула, только конечно не «дщи Императора Іоанна Палеолога, внука же Михаила Палеолога» (втораго сего имени, Андроника сына), въ 1326 г. еще не родившагося. Обошедши кое какъ этотъ первый камень преткновенія въ исторіи нашего Палеолога изъ славянъ, мы наталкиваемся на другой хронологическій, минуть который не легко. Симеонъ въ своемъ Хрисовулѣ упоминаетъ о своемъ братѣ *Никифорѣ Деспотѣ*, упредившемъ его по управленію страною. Братомъ онъ могъ называть Никифора, потому что былъ женатъ на сестрѣ его *Өомаидѣ*, и говорить подобнымъ образомъ онъ могъ только послѣ 1358 года, когда Никифоръ (2-й сего имени, женатый на дочери Императора Іоанна Кантакузина) погибъ въ войнѣ съ албанцами. А между тѣмъ Хрисовулъ Симеоновъ датированъ 6837, то есть 1329-мъ годомъ Это было бы за долго до термина, къ которому пріурочивается исторіей вторичное славянское овладѣніе южными частями Балканскаго полуострова при *Стефанѣ Сильномъ*, царѣ Сербскомъ, то есть до 1346 года. Да и самъ Симеонъ могъ быть тогда только трех-

Предметъ его пожалованіе монастырю *Завландіонъ* [1]) угодья *Горбово,* метоха *Св. Николая*, съ виноградниками, выгонами и мельницами въ *Трикала*, метоха *Богородицы,* именуемаго *Калогріани,* монастырька *Св. Димитрія,* съ его имуществами... Пишется, что поелику всѣ эти мѣста подарены монастырю Завландійскому братомъ Симеона Деспотомъ *Никифоромъ Дукою*, то онъ подтверждаетъ даръ братній. Упоминается также, что монахи монастыря того жаловались ему на своего митрополита.

3. Хрисовулъ Императора *Андроника (Младшаго)*, на кожѣ, 0.95 × 0.28 фр. метра, 6840 (1332) года. Подпись: *Андроникъ, во Христѣ Богѣ вѣрный царь и самодержецъ Римлянъ, Палеологъ.* Данъ вышеупомянутому монастырю *Ликосада,* честной обители, чествуемой во имя Пресвятыя Богородицы, около *Фанаря.* Тоже содержаніе: подарствованіе монастырю нѣкоторыхъ метоховъ около г. *Трикала.*

4. Хрисовулъ того же *Андроника III Младшаго*, писанный на бумагѣ 0.40 × 0.30, относящійся къ 6844 (1341) г. Выданъ въ Мартѣ мѣсяцѣ, инд. 4, игумену *Макарію* (вѣроятно того же Завландійскаго монастыря) съ его монахами, въ подтвержденіе правъ обители на владѣніе разными угодьями въ окрестностяхъ г. *Трикалъ.*

лѣтнимъ младенцемъ. Остается предположить описку въ десятичной цифрѣ Л, и вмѣсто нея, руководясь 12-мъ индиктіономъ, читать Ѯ. Годъ Хрисовула выйдетъ тогда 1359-й, именно слѣдующій за смертью *Деспота Никифора*, въ который и естественно было монастырю искать подтвержденія своихъ правъ на владѣніе тѣмъ или другимъ мѣстомъ у новаго государя.

[1]) Ζαβλανδίων и Ζαβλανδινῶν.. Монастырь сего имени назывался такъ конечно отъ сосѣдства своего съ мѣстомъ *Завланди*, что очевидно есть славянское *Завлади* или *Завлады*, произносимое на греческій манеръ. На греческой картѣ Эпиро-Θессалійской близъ городка *Арда́ми* на Сѣверъ отъ Трикала, поставлено селеніе Ζεβλανδία, несомнѣнно одно и тоже съ упоминаемымъ въ Метеорскихъ Хрисовулахъ. Не догадались мы спросить, не владѣетъ-ли монастырь Преображенскій теперь замѣчательнымъ, какъ видно, въ свое время, мѣстомъ.

Заповѣдуется впрочемъ приказомъ не мѣшаться мѣстному епископу въ дѣла монастырскія.

5. Хрисовулъ царя *Стефана (Душана)*, на бумагѣ, 0.46 × 0.31½ фр. метра, 6857 (1349) года, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, инд. 2. Подпись, какъ и документъ самый, греческая: *Стефанъ, во Христѣ Богѣ вѣрный царь и самодержецъ Сервіи и Романіи* [1]). Содержитъ подарствованіе монастырю Завландійскому селенія того же имени.

6. Хрисовулъ *его* же монастырю Ликосада, бумага, 0.80 × 0.27, 6857 (1349) года. Подпись греческая: *Стефанъ во Христѣ Богѣ вѣрный царь и самодержецъ Сервіи и Романіи.* Содержаніе его: подарствованіе подворій у Трикала.

7. Хрисовулъ царя *Симеона*, бумага 0.57½ × 0.31, года 687.. въ мѣсяцѣ Маѣ, инд. 4. Старшая цифра по соотвѣтствію съ 4-мъ индиктіономъ должна быть тоже 4. Выйдетъ такимъ образомъ 1366-й годъ. Подпись греческая: *Симеонъ, во Христѣ Богѣ вѣрный царь и самодержецъ Римлянъ и Сервовъ и всего Албана, Уресисъ, Палеологъ* [2]). До-

---

[1]) А вотъ и самъ *Стефанъ*, если не великій, то сильный, «за презельную любовь родителей» прозванный *Душаномъ* (въ смыслѣ нашего: душа, душенька), а отъ исторіи заслуживающій быть названнымъ *душителемъ*. Въ Хрисовулѣ онъ говоритъ, пишетъ и подписывается по гречески. Языку Эллинскому если онъ не научился въ дѣтствѣ при дворѣ дѣда, женатаго на греческой царевнѣ (Симонидѣ), то имѣлъ случай выучиться, когда вмѣстѣ съ отцомъ проживалъ въ Константинополѣ въ заточеніи. На престолъ отеческій онъ вступилъ въ 1336 году, а черезъ 10 лѣтъ, по завоеваніи отъ Имперіи многихъ земель, въ томъ числѣ и Θессаліи, не довольный *кралевскимъ* титуломъ, провозгласилъ себя *Царемъ Самодержцемъ.* Наши Хрисовулы 1349 года онъ выдалъ потому на 5-мъ году своего царствованія, когда краемъ этимъ управляли отъ его имени воеводы *Николай* и потомъ *Прѣлюбъ* или *Прялупъ.* Преставился не дюжинный своего времени человѣкъ 18 Декабря 1355 года.

[2]) Въ лѣтосчисленіи Хрисовула стоитъ ϛωο; отъ послѣдней буквы — цифры не осталось ничего, но несомнѣнно, что стояла тутъ д. Годъ 1366-й хорошо падаетъ на эфемерное царствованіе Симеоново, съ которымъ мы познакомились въ Касторіи. Ни Сербіей, ни Греціей не владѣвшій этотъ «самодержецъ Романіи и Сервіи», видно дѣйствительно счи-

кументъ выданъ монастырю *Горбово* на постройку башни въ мѣстѣ Завланди, и на владѣніе разными угодьями.

8. Хрисовулъ *Ангела Дуки*, жителямъ мѣстечка Фанаря. Не сохранился весь въ цѣлости. Дука величаетъ себя въ немъ царемъ, употребляя выраженіе: *царства моего* (τῆς βασιλείας μου). Какъ и въ настоящихъ граматахъ императорскихъ, въ немъ оставлялось пустое мѣсто для собственноручнаго внесенія Государемъ-дарствователемъ словъ: χρυσόβουλλος λόγος, но слова эти написаны черниломъ, а не киноварью, что составляло привиллегію царскаго письма. Да и самая подпись, состоящая всего изъ двухъ словъ: *Ангелъ Дука* [1]), сдѣлана

тался государемъ въ мѣстахъ этихъ. Въ слѣдующемъ году эпироты къ нему обращались съ требованіемъ себѣ по примѣру прежнихъ лѣтъ *Деспота*. Здѣсь же въ Өессаліи властвовала темная личность греко-славянская, нѣкто *Хлапенъ* или *Клапенъ*, зять и преемникъ Прелюба, и шуринъ пресловутаго Өомы Эпирскаго. Надобно думать, что это были уже послѣдніе дни жизни самозваннаго «самодержца» и вмѣстѣ его неуловимаго царства. Проживалъ онъ, то въ Воденѣ, то въ Касторіи, то въ Янинѣ, и, на сколько позволялъ Хлапенъ (холопъ? хлопецъ?), служившій повидимому, кромѣ него и Императору, можетъ быть и въ Өессалійской Трикжѣ (Трикалахъ). Изъ Хрисовула № 5 мы видѣли, что селеніе *Завланди* отдано было во владѣніе монастырю Св. Георгія, вѣроятно сосѣднему съ нимъ. Черезъ 17 лѣтъ въ томъ же сельцѣ ищетъ утвердиться еще другой монастырь, тоже съ славянскимъ именемъ: *Горбово*. Развалины Горбовской обители указываютъ теперь въ двухъ часахъ разстоянія отъ Метеоръ.

Если приведенный выше Хрисовулъ (№ 2) относить къ 1359 г. (что неизбѣжно сдѣлать), то за 7 лѣтъ нѣсколько измѣнилось если не самое положеніе, то воззрѣніе на оное, Симеона. Тогда онъ считалъ себя въ правѣ подписываться, какъ подписывался Душанъ, «Самодержцемъ Сервіи и Романіи». Теперь прибавляетъ къ прежнему титулу еще и: «всей Албаніи». А что и того курьезнѣе, даетъ себѣ еще имя *Уреси* (Уроша), бывшее въ любви и почетѣ у Сербовъ. Имя это носилъ въ то время дѣйствительный законный преемникъ Душана, сынъ его *Стефанъ Урошъ V*, человѣкъ слабый и неспособный, особенно такимъ казавшійся послѣ дѣятельнаго и могущественнаго отца своего. Симеонъ не только игнорировалъ, но видимо вытѣснялъ совсѣмъ племянника; не знаемъ, пережилъ-ли онъ его, и если пережилъ, то такъ отнеслись къ нему преемники распавшейся державы Душана.

[1]) Кто этотъ *Дука Ангелъ*, не вдругъ отыщешь, особенно когда видишь, что онъ тоже употребляетъ выраженіе: «Царства моего». Изъ Касторійской ктиторской записи

тоже чернилами. За поврежденностію документа не видно, какаго онъ времени.

9. Хрисовулъ нѣкоего *Алексія Ангела*, бумага, 0.30 × 0.26 фр. метра, въ Августѣ мѣсяцѣ II индиктіона, 6896 (1388) года. Подпись: *Алексій Ангелъ* [1]). Писано подобно предыдущему №, не киноварью, а чернилами. За словомъ: Ангелъ стоитъ еще: *Кесарь*, написанное повидимому собственноручно Алексіемъ. Документъ выданъ по поводу спора Метеорскихъ монаховъ *Макарія* и ученика его съ нѣкіимъ архимандритомъ *Ананіемъ* о перемѣщеніи келліи „Богородицы".

10. Клятвенная грамата, бумага, 0.72 × 0.50, 6850 (1342) года, въ Августѣ мѣсяцѣ, инд. II. Подпись: *Михаилъ Агрiилопулъ* [2]). Вы-

---

видно, что у Симеона былъ сынъ именемъ (!) *Дука*, владѣвшій гдѣ-то, чѣмъ-то въ Ѳессаліи и женатый на дочери упомянутаго выше Хлапена, который наконецъ и ослѣпилъ его. Какъ сынъ Деспины *Ѳомаиды* изъ фамиліи Комниныхъ-Ангеловъ, онъ могъ называться и *Ангеломъ*. Ни Урошемъ ни Палеологомъ ему не съ руки было именоваться.

[1]) Еще темнѣе и безвѣстнѣе имя *Алексія Ангела*, называющагосебя *Кесаремъ*. Линія Деспотовъ Ѳессалійскихъ изъ того же рода Комниныхъ Ангеловъ, которые властвовали въ Эпирѣ, прекратилась въ 1324 г. съ смертію *Іоанна II*, умершаго бездѣтнымъ. Такъ какъ онъ имѣлъ въ замужествѣ за собою дочь (незаконную) Императора Андроника Старшаго, то тесть и воспользовался смертію его, какъ случаемъ взять Ѳессалію въ непосредственную зависимость отъ Имперіи, подъ управленіемъ имперскихъ чиновниковъ, рядъ которыхъ открылъ Солунскій Правитель, нѣкто *Мономахъ*. Такъ конечно дѣло шло до завладѣнія страны Душаномъ въ 1346 г. Новый порядокъ (на старый ладъ) протянулся вѣроятно до конца XIV столѣтія. Что Симеонъ считался и назывался царемъ и самодержцемъ этихъ мѣстъ, это не подлежитъ болѣе сомнѣнію послѣ его хрисовуловъ. Но въ 1385 г. здѣсь оказывается правителемъ (и даже *царемъ*) нѣкто *Іоасафъ*, почему-то называемый у историковъ братомъ Ангелины, дочери Симеона, и слѣдовательно. какъ бы сынъ и преемникъ Симеона. А подъ 1390 годомъ упоминается уже (безымянно) нѣкто съ титуломъ *Кесаря*. Такъ какъ и *Алексій Ангелъ* нашего Хрисовула тоже записалъ себя на немъ «Кесаремъ», то вещь весьма вѣроятная, что это есть одно и тоже лицо, можетъ быть уже послѣднее въ ряду властителей Ѳессалійскихъ, выступившее въ исторію со лженменною кличкою *Ангела*. Чей онъ былъ сынъ, сколько времени правилъ, и чѣмъ именно правилъ, остается (для насъ по крайней мѣрѣ) неизвѣстнымъ.

[2]) У историковъ встрѣчается имя правителя Ѳессаліи (по крайней мѣрѣ южныхъ

дана жителямъ мѣстечка Фанари на владѣніе какою-то землею. Документъ, не знать зачѣмъ приклеенъ къ № 8. Хотя и тотъ и другой не относится собственно къ дѣламъ монастырскимъ, и оба имѣютъ въ виду жителей Фанарійскихъ, но суть два разновременныхъ документа, отчего мы и дали имъ отдѣльную нумерацію.

11. Приказъ, бумага 0.45 × 0.28½. Безъ года. Въ мѣсяцѣ Маѣ, инд. 15. Эта дата и служитъ вмѣсто подписи царской, она сдѣлана киноварью. Неизвѣстно кто приказываетъ, чтобы преподобнѣйшіе монахи, богомольцы царства его, всѣ подвизающіеся въ пещерахъ Стагійскаго скита, не были ни въ чемъ обезпокоиваемы митрополитомъ Лариссы, всечестнымъ и (экзархомъ) Второй Θессаліи и всей Эллады и въ Господѣ отцемъ его царства, всеобщимъ судіею римлянъ, киръ *Антоніемъ*, и повиновались бы честнѣйшему въ іеромонахахъ и Проту Скита Стагонъ, и въ Господѣ отцу Его Царства... Бумага во многихъ мѣстахъ попорчена. На оборотѣ документа замѣчено: приказъ царя, киръ Симеона [1]).

12. Два Приказа неизвѣстно чьи, вѣроятно того же Симеона, на

частей ея около *Новыхъ Патръ*), нѣкоего *Стефани Гавріилопуло*, носившаго даже титулъ «Деспота», умершаго въ 1333 г., слѣдовательно въ періодъ до-Сербскій. Такимъ же могъ быть и *Агріилопуло* нашего документа въ 1342 году. Впрочемъ индиктіонъ 2-й (а въ немъ нельзя сомнѣваться, потому что написанъ буквами: δευτέρας) не соотвѣтствуетъ сказанному году. Вѣроятно въ датѣ ϛων надобно предполагать стершееся въ концѣ ζ, и годъ долженъ выйти 1349-й. Но въ этомъ году Θессаліей уже владѣли Сербы.

[1]) Если приказъ № 11 дѣйствительно изданъ отъ имени царя *Симеона*, какъ замѣчено на оборотѣ документа, то значитъ еще при немъ (предположительно въ 1362 или 1377 годахъ, которымъ соотвѣтствовалъ 15-й индиктіонъ) мѣсто это уже заселено было подвижниками (ἀσκητῶν), образовавшими изъ себя жительство по образцу Аѳонскому, съ *Протомъ* во главѣ и съ именемъ *Скита Стагонъ*, и обитавшими *въ пещерахъ*.. Послѣднее выраженіе заставляетъ думать, что Метеоритамъ здѣшнимъ предшествовали троглодиты, и что начало первымъ можетъ быть дѣйствительно положили первоктиторы здѣшніе *Аѳанасій* и *Іоасафъ* въ 1388 г.

бумагѣ, помѣченные оба мѣсяцемъ Ноябремъ, индиктіономъ 11-мъ. Они адресованы на имя киръ *Нила* [1]), Прота скита *Стагдпъ*, обѣщаютъ ему всякое покровительство, чтобы онъ не былъ безпокоимъ ни тревожимъ ни кѣмъ, будутъ-ли то (свои) монахи, или греки или албанцы, или другой кто.. Эта классификація обидчиковъ не можетъ служить основою для этнографическихъ выводовъ, въ томъ или другомъ смыслѣ. Единственное заключеніе отъ нея—къ малограмотности писавшаго приказъ. Упоминаются въ приказѣ и „приснопамятные родители царства моего“. Какъ будто бы приказатель былъ одинъ изъ Палеологовъ. Къ сожалѣнію, отсутствіе лѣтосчислительной даты мѣшаетъ яснѣе взглянуть на дѣло.

13. Грамота Синодальная (Συνοδικὸν Γράμμα), принадлежавшая монастырю Завландійскому, бумага, 0.93 × 0.33, выдана въ Іюнѣ,

---

[1]) Упомянутый въ предыдущемъ примѣчаніи «Протъ Стагійскаго Скита», въ первомъ изъ приказовъ названъ и по имени *Ниломъ*. Имя само по себѣ не рѣдкость въ монашескомъ мірѣ, но оно получаетъ для насъ неожиданно интересъ особаго рода, проливая нѣкоторый свѣтъ на все еще не ясно очертывающуюся передъ нами личность Метеорскаго Іоасафа. Кто знакомъ съ сочиненіемъ Императора Іоанна Кантакузина, тому извѣстно, что исторіи его предшествуютъ два дружескія «посланія» или письма, вопросное нѣкоего *Нила*, побуждающаго друга своего писать исторію своего времени и отвѣтное нѣкоего *Христодула*, обѣщающаго слѣдовать приглашенію своего друга и дѣйствительно пишущаго вслѣдъ за тѣмъ свои знаменитыя хроники, обнимающія собою сравнительно небольшой періодъ времени отъ 1320 по 1362-й годъ. Издатель (Боннскій) Кантакузиновой исторіи въ «Христодулѣ» видитъ весьма естественно только δοῦλον Χριστοῦ, раба Христова, самаго автора-императора. Соотвѣтственно сему, и имя «Нила» тоже считаетъ вымышленнымъ, оказавшимся нужнымъ историку въ видѣ ораторскаго пріема. Теперь мы имѣемъ возможность думать, что искренній повѣствователь своихъ дѣлъ не оказалъ неправды, даже когда рисовалъ передъ нами увлекшій его своимъ историческимъ теченіемъ Нилъ. Нельзя не пожалѣть, что документы № 12 не имѣютъ на себѣ хронологической даты. Во всякомъ случаѣ, руководясь 11-мъ индиктіономъ, можно тутъ предполагать годы: 1373 и 1388-й. Послѣдній отлично бы гармонировалъ съ упомянутой ктиторской хронологіей. Не есть ли этотъ безвѣстный Протъ въ послѣдствіи патріархъ Вселенскій *Нилъ* 1379 — 87 годовъ?

индиктіона 8-го. Годъ не отыскался. Начало: *„Были не малыя стычки и соблазны между монахами честныя обители... и воеводами“..* Относительно метоха Богородицы, называемаго *Калогріяни,* коего границы и опредѣлены съ точностію. Документъ весьма изветшавшій, наклеенъ на холстѣ. Вверху его есть двѣ смежныя дирки, служившія для шнуровъ печати. Подписей нельзя разобрать.

14. Грамота Патріаршая, бумага 0.34 × 0.29 фр. метра, за подписью *Діонисія, милостію Божіею архіепископа Константинополя, Новаго Рима и Вселенскаго Патріарха* [1]). Дана въ Октябрѣ мѣсяцѣ, 7-го индиктіона. Внушается монастырю Метеорскому избѣгать случаевъ вмѣшивать въ свои дѣла мірскія власти.

15. Грамота Митрополита Ларисскаго *Іоасафа,* бум. 0.39 x 0.28 фр. метра. Весьма попорчена сыростію. Дана монахамъ Метеорскимъ, по поводу раздора ихъ изъ-за какого-то завѣщанія. Митрополитъ совѣтуетъ имъ жить мирно. Нѣтъ ни мѣсяца ни индиктіона. Годъ выставленъ 6901 (1393-й). Подписался: † *Іоасафъ, милостію Божіею митрополитъ Ларисскій, Пречестный и Экзархъ Второй Өессаліи и всей Эллады* [2]).

16. Грамота (Σιγελλιῶδες Γράμμαν. sic!) его же, бумага дана тѣмъ же монахамъ, тоже по тяжебному дѣлу, въ Февралѣ, индикта 9, года 6909 (1401). Писалъ документъ дикеофилаксъ *Мануилъ.* Подпись тоже, что и въ № 15.

---

[1]) Одинъ только извѣстенъ Патріархъ Константинопольскій *Діонисій,* правившій церковію съ 1472 по 78-й годъ, подходящій къ этому времени. Указываемый 7-мъ индиктіономъ годъ долженъ быть 1474-й.

[2]) Число *Іоасафовъ* умножается еще Митрополитомъ Ларисскимъ, правившимъ своею церковію, какъ видно изъ №№ 15, 16 и 17 съ 1393 по 1402-й годъ. Имени его нѣтъ у Лекеня въ Oriens Christianus. Въ старыя времена «Элладой» преимущественно звалась Өессалія; остаткомъ чего можетъ служить титулъ Ларисскаго Митрополита: *и всей Эллады.* Теперь онъ зовется только экзархомъ Второй Өессаліи. Титулъ Элладскаго отошелъ отъ

17. Грамота заявительная (Παῤῥηστιαστικὸν Γράμμα) того же Митрополита Ларисскаго *Іоасафа*, бумага 0.43 × 0.30. Содержаніе: пожертвованіе монастырю Высшему (ὑψιλότερον) виноградника на вѣчное поминовеніе, монахомъ Неофитомъ. Подпись: † *Іоасафъ, милостію Божіею Архіепископъ (?) Ларисскій, Пречестный и Экзархъ Второй Өессаліи и всей Эллады* 6910 (1402) года, инд. 10. Начало: *Радуйтесь Назареевъ* (Назореевъ, то есть христіанъ вообще, или посвященныхъ Богу, то есть однихъ монаховъ? Вѣроятнѣе послѣднее) *ликостоянія, поелику къ вамъ Богъ..* и проч. Упоминается въ грамматѣ и имя *Іоасафа подвижника* [1]). Видно изъ документа, что архіепископъ лично присутствовалъ въ столпѣ (πύργος) Метеорскомъ съ епископомъ Трикскимъ, съ протонотаріемъ *Мануиломъ Тихоміромъ,* съ Дикеофилакомъ тоже *Мануиломъ Кивиркисомъ.* Со стороны же мона-

---

него предположительно съ учрежденіемъ автономной *церкви Элладской* въ королевствѣ Греческомъ. Когда-то отъ каѳедры Ларисской зависѣли 28 епископій. Три изъ нихъ: Димитріадская, Элассонская и Фанаро-Ферсальская возведены давно уже въ Митрополіи. Изъ остальныхъ удержались еще епископскія каѳедры въ *Трикала*, въ *Стагахъ*, въ *Гардики* и въ *Ѳавмакѣ*. Экзарха *первой* Өессаліи нѣтъ. Экзархомъ просто *Өессаліи* титулуется Веррійскій Митрополитъ, а Экзархомъ *всей Өессаліи* Өессалоникскій.

[1]) Мы охотно отзываемся на приглашеніе актовой бумаги: «радоваться», встрѣтившись наконецъ документально съ именемъ таинственнаго *Іоасафа*, названнаго въ грамотѣ *подвижникомъ* (аскетомъ ἀσκητής). Радуемся и тому обстоятельству, что находимъ его еще въ живыхъ въ 1402 году. Только выигрываетъ-ли отъ сего его кантакузинство? Сомнительно. Уже его ктиторство, датируемое 1388 годомъ, наводило на насъ недоумѣніе. Хотя о. Игуменъ Метеорскій, подобно тому генералу, который, составляя реляцію о побитыхъ туркахъ, не стѣснялся увеличивать число ихъ, говоря, что не для чего *жалѣть* поганыхъ, и нежалѣлъ придавать своему Іоасафу Кантакузину и 90 и 100 лѣтъ, но нѣкоторое историческое чутье мѣшало вѣрить тому. Теперь завѣряетъ въ томъ неоспоримо свидѣтель-самовидецъ, современный Іоасафу, документъ. Не будь Кантакузину конкуррента, конецъ бы всему дѣлу. Но сдѣланное нами выше примѣчаніе объ *Алексіѣ Ангелѣ* открываетъ въ этихъ мѣстахъ въ 1385 г. еще одного *Іоасафа* и даже царя, но не Кантакузина.

стыря были: господинъ *Іоасафъ*, съ другими мужами *сего* скита, равно какъ и съ папирофилакомъ церкви Стагійской и икономомъ *Кало-Іоанномъ*.

18. Завѣщаніе монаха Неофита (Ναιωφύτου), ктитора монастыря Вседержителева въ Метеорахъ, вѣроятно то самое, о которомъ упоминается въ предшествующемъ номерѣ, бумага 0.40 × 0.39, на сколько сохранился документъ. Конецъ его оторванъ, и лѣтосчисленіе потому неизвѣстно.

19. Договоръ Аѳонскаго Ватопедскаго монастыря съ монахомъ о нѣкоей келліи, на бумагѣ. Индиктіона 3-го года, 6903 (1395). Документъ подписали: *Каѳигуменъ Священной, царской, великой обители Ватопедской, Ѳеодоритъ,* іеромонахъ. Проигуменъ *Игнатій.* Екклисіархъ *Григорій*, и 5 монаховъ.

20. Передаточное свидѣтельство (Ἀποδεικτικὸν Ἐκδοτήριον), выданное царицею (?) *Маріею* монаху *Іоасафу* въ Маѣ мѣсяцѣ, инд. 9, года 6894 (1386-го). Предметъ его: передача первою послѣднему разныхъ вещей, бывшихъ у нея въ залогѣ или на сохраненіи. Начинается любопытный актъ сей такъ: *Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Марія царица Ангелина, Дукена, Палеологиня къ тебѣ, сладчайшему моему господину и истинному брату моему,* киръ *Іоанну Дукѣ, въ Божественномъ и Ангельскомъ образѣ нареченному Іоасафу монаху...* Подписано чернилом: † *Марія царица Ангелина, Дукена, Палеологиня* [1]). Подписи принявшаго переданныя вещи нѣтъ.

---

[1]) Ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος. Μαρία βασίλισσα Ἀγγελίνα, Δοῦκαινα, ἡ Παλαιολογίνα. Πρὸς σὲ τὸν γλυκύτατόν μοι αὐθέντην καὶ γνήσιον ἀδελφόν μου κυρ. Ἰωάννην τὸν Δοῦκα, τὸν διὰ τοῦ θείου καὶ Ἀγγελικοῦ σχήματος ὠνομασθέντα Ἰωάσαφ μοναχόν... Подпись: † Μαρία Βασίλισσα Ἀγγελίνα, Δούκενα ἡ Παλαιολογίνα. Поставленный передъ именемъ: Παλαιολογίνα членъ показываетъ, что главнымъ и прямымъ образомъ она была изъ царствующаго дома *Палеологовъ*, а съ другими причиталась

Мы нарочно къ концу приберегли этотъ, столько интересный въ вопросѣ нашемъ документъ № 20; онъ сообщаетъ затемненной личности ктитора Іоасафа такую рѣзкую и опредѣленную черту, которая можетъ выставить его въ полномъ историческомъ свѣтѣ, лишь бы только освѣщающій его предметъ самъ представилъ въ себѣ ясныя и всѣмъ извѣстныя черты. Сего-то желаннаго обстоятельства и не обѣщаетъ намъ, къ сожалѣнію, документъ нашъ, упирающійся въ личность совсѣмъ невѣдомую исторіи. Но прежде ожидаемаго разочарованія, утѣшимъ себя сообщаемымъ въ № 19 извѣстіемъ, что метеорскій *Іоасафъ* дѣйствительно имѣлъ дѣло съ Аѳонскою горою, какъ онъ обѣщался въ своей исторіи (кн. IV, гл. 42), и именно съ Ватопедскимъ монастыремъ, въ которомъ онъ намѣревался провесть остатокъ дней своихъ. Надобно потому вѣрить, что царственный инокъ, уладивъ дѣло между императорами сыномъ и зятемъ, не оставался болѣе въ Манганской обители, а отправился на Аѳонъ, гдѣ и поселился въ одной изъ келлій Ватопедскаго монастыря. Но на Аѳонѣ слишкомъ большое значеніе имѣло имя бывшаго Императора по его живому и непосредственному участію въ дѣлѣ Паламитовъ съ Варлаамитами, и Царю-богослову, сошедшему на степень простаго инока, вѣроятно покоя не давали приверженцы и противники, еще такъ недавно (1351 г.) соборно изслѣдованнаго и порѣшеннаго ученія о „Ѳаворскомъ свѣтѣ“,

---

только въ родствѣ. Видно, Ангеловыхъ и Дукиныхъ *Марій* могло быть нѣсколько; чтобы не смѣшаться съ ними, Царица и зоветъ себя Палеологиней. Нашъ языкъ, не знающій членовъ, не въ состояніи передать всего оттѣнка мысли греческаго выраженія. Слово: γνήσιος не значитъ непремѣнно: *родной*. Обыденный смыслъ его: подлинный, настоящій, истинный... что, очевидно, не можетъ служить къ уясненію отношеній между братомъ и сестрой.

Однакоже, на иконѣ Богородичной Марія зоветъ себя и *Комниной*, и притомъ еще титулуется «благочестивѣйшей», каковой титулъ, повидимому, принадлежалъ исключительно Императрицѣ.

чѣмъ и вынудили его укрыться въ совершенно глухую и пустынную мѣстность. Можетъ быть именно упомянутый-то *Нилъ* и былъ его совѣтникомъ и руководителемъ и даже общникомъ принятаго имъ рѣшенія. „Благовонный цвѣтъ“, какъ называетъ Кантакузина историкъ *Дука Михаилъ Непотъ* (стр. 19 бон. изд.), хотѣлъ закончить бытіе свое на недосягаемыхъ высотахъ, въ разрѣженномъ отъ мірскихъ пристрастій и даже припоминаній воздухѣ... Отъ этихъ ласкающихъ душу представленій отвлекаетъ насъ безжалостно послѣдній изъ документовъ и дѣлаетъ это такъ просто, ненамѣренно и положительно, что не оставляетъ мѣста никакой лавировкѣ мысли. Мы видѣли, что онъ сообщаетъ не важный въ сущности фактъ тотъ, что нѣкая *Царица Марія*, принадлежащая къ тремъ царственнымъ родамъ: *Ангеловъ*, *Дукъ* и *Палеологовъ*, передала что-то своему родному брату *Іоанну Дукѣ*, переименованному въ Ангельскомъ образѣ *Іоасафомъ*; происходило это въ 1386 году. Такая отчетливая дата ставитъ все содержаніе документа въ опредѣленную желанную рамку. Но что же выходитъ? Странное обстоятельство. Во первыхъ, Іоасафъ оказывается *Дукою*, а не Кантакузинымъ, а во вторыхъ у него является сестра *Марія*, да еще и *Царица*, каковой у Кантакузина не было, по крайней мѣрѣ исторія не знаетъ. А что Іоасафъ передаточнаго акта и Іоасафъ ктиторъ Метеорскаго монастыря суть одно и тоже лицо, въ этомъ едвали можетъ быть и малѣйшій скрупулъ сомнѣнія. Съ другой стороны и актовая Царица Марія не съ вѣтра, такъ сказать, очутилась при Іоасафѣ. Мы уже читали ея имя почти тѣми же словами написанное на монастырской иконѣ Богоматери, очевидно украшавшей когда-то ея домашнюю божницу. И такъ, *Іоасафъ* и *Марія* у насъ какъ бы на лицо. Но кто они были въ свое время, этого надобно еще доискиваться и вѣроятно безъ надежды доискаться. Мы уже пробовали найти подходящую Царицу *Марію*, не зная еще о ея близкомъ родствѣ съ ктиторомъ Іоасафомъ, но ни одна изъ найденныхъ

не входила (а теперь и подавно не войдетъ) въ нашу историческую рамку. Предположить бы, что исторія проглядѣла какую нибудь сестру Императора Кантакузина, бывшую въ замужествѣ за какимъ нибудь неусмотрѣннымъ и не важнымъ „величествомъ“ того времени? Но ужели она, въ такомъ случаѣ, не прибавила бы къ своимъ родословнымъ именамъ еще и ближайшаго родоваго имени *Кантакузиной?* Да и гдѣ взять „Царей“, кромѣ исторически извѣстныхъ, для всѣхъ Палеологинь изъ средины XIV вѣка, кромѣ развѣ мишурныхъ Императоровъ Трапезундскихъ; но тѣ всѣ были *Комнины*, слѣдовательно и наша Марія не опустила бы случая украсить себя славнымъ именемъ *Комниной.* И такъ, еще разъ, что же дѣлать? Оставить Кантакузина и подыскать *Іоанна Дуку*, жившаго ранѣе 1386 года. Готоваго таковаго мы имѣемъ въ Хрисовулѣ № 8, а еще прежде встрѣчались предположительно съ нимъ же въ Касторійской ктиторской записи. Но въ обоихъ случаяхъ имя *Дука* представляется какъ бы собственнымъ, а не нарицательнымъ, не фамильнымъ. Такъ какъ, однакоже, ни въ какихъ святцахъ имени св. *Дуки* не встрѣчается, то позволительно предположить, что у человѣка было и другое, менѣе ходячее имя, которое могло быть опускаемо и частно и оффиціально, но котораго не могла забыть родная сестра. Почему не быть таковымъ Іоанну?

Теперь череда за „Царицей Маріей, Ангелиной“ и проч. Подобно тому, какъ Іоанна мы отыскивали тамъ, гдѣ ему оффиціально и мѣста нѣтъ, не можемъ ли мы и Маріи поискать у того же Неєманича-*Палеолога*, какъ видно очень дорожившаго родствомъ съ царственными домами? Его сынъ *Дука*, фигурирующій вмѣсто собственнаго подъ фамильнымъ именемъ, не даетъ ли намъ если не права, то повода, и въ его дочери, пресловутой *Ангелинѣ*, угадывать туже самую игру именословную? „Ангелина“ тоже не есть собственное имя, а таковое несомнѣнно она должна была имѣть. Чтоже проще, какъ именоваться ей Маріей? Іоаннъ и Марія (у насъ: „Иванъ да Марья“) суть самыя

ходячія христіанскія имена. Въ „Исторіи Эпира", приписываемой *Михаилу Дукѣ Непоту* (гдѣ она именуется *Ангелиной* почему-то), она называется прямо „блаженною, благочестивѣйшею *Царицей* Дукеной, Палеологиней", хотя она была женою только Деспота, сперва *Θомы*, а потомъ *Изава*, и вовсе не царствовала [1]). Столько есть намековъ на ея тожество съ актовой Царицею Маріей! На поприще исторіи она выступила (по свидѣтельству Дуки Непота) въ 1367 г., когда

---

[1]) Удивительно разнорѣчивы сказанія о сей государынѣ у историковъ. Вотъ что пишетъ о ней *Лаоникъ Халкокондилъ* въ своей исторіи (кн. IV, стр. 212, бон. изд.) Ἡ δὲ γυνὴ τούτου (τοῦ Θωμᾶ) ὡς ἑώρα τὸν νεανίαν (Ἰζάουλον), ἠράσθητε αὐτοῦ. ἦν γὰρ καὶ ἐς ἄλλους πρότερον φοιτῶσα (εἰς) ἄνδρας καὶ ἀκόλαστος, συγγινομένη τοίνυν τῷ νεανίᾳ, καὶ ἐπιμαινωμένη αὐτῷ ἐς τὸν ἔρωτα, συντίθεται αὐτῷ ἐπὶ τῷ ἀνδρὶ ἐπιβουλὴν καὶ ἐξηγουμένης τῆς γυναικὸς ἐς τὴν κοίτην, ὡς ἀνεπαύετο Πριαλοῦπας ὁ ἡγεμών, ἀνεῖλέ τε αὐτὸν ἅμὰ σὺν τῇ γυναίκι καὶ ἅμα συγκατίσχει τὴν ἡγεμονίαν αὐτῷ... Хуже такого отзыва и придумать трудно. Имени преступной жены писатель не приводитъ. Совсѣмъ иначе представляетъ ее историкъ *Дука Непотъ*. Онъ зоветъ ее εὐσεβὴ, εὐμενεστάτην χρηστὴν, χρυσὴν, ἀγαθήν, μακαρίαν, и общее сѣтованіе о ней умершей города Янинъ изображаетъ въ самыхъ трогательныхъ и разительныхъ чертахъ, въ оттѣненіе ея перваго мужа «отступника, безстыдника, изверга». Онъ не скрываетъ впрочемъ, что былъ постыдный наговоръ на «золотую по истинѣ Ангелину», вслѣдствіе чего тираннъ оставилъ ее совершенно. Убіеніе его совершено одними сторожами его, въ числѣ 4-хъ человѣкъ. Замужество вдовы съ Изавомъ было чуть не невольное, и проч... Таковая весьма бы подходила къ нашему акту, если бы какимъ нибудь образомъ оказалось, что она была... Марія.

Какое нибудь было же основаніе у историка (Дуки Непота) называть ея «Царицей». Мимоходомъ онъ сказалъ, впрочемъ, что Янинцы, испрашивая себѣ особаго правителя у «Царя» (Симеона) отправились и отъ его лица и отъ себя къ *Θомѣ* въ Водену, которому и «поручаютъ все относящееся къ царствованію» (καὶ γνωρίζουσιν αὐτῷ τὰ τῆς βασιλείας ἅπαντα). Дѣло шло такимъ образомъ уже о *царствѣ*. Не предположить ли, что Симеонъ передалъ при этомъ зятю и свой вѣнецъ Царскій? Его послѣдній Хрисовулъ Метеорскій помѣченъ 1366 годомъ. Въ 1367 году послѣдовало избраніе Θомы въ Деспоты Эпира. Одно сходилось бы съ другимъ. Но не помѣшаетъ ли этому предположенію внезапное появленіе въ 1385 г. въ этихъ мѣстахъ Царя Іоасафа, прямаго бы преемника и наслѣдника Симеону, въ какомъ бы году ни приключилась смерть сего послѣдняго? Неизвѣстно, когда и послѣ кого онъ принялъ царство, очевидно то самое, надъ которымъ такъ или иначе, царилъ отецъ его.

отецъ ея, царствовавшій во *Влахіи Элладской* (т. е. въ поселеніяхъ Волошскихъ, разсѣянныхъ по Пинду и называвшихся у историковъ „Великой Влахіей"), выдалъ ее замужъ за сына бывшаго правителя Өессаліи *Прялупа* или, по нашему, *Прелюба* [1]), извѣстнаго тиранна Янино-Эпирскаго *Өому*, съ которымъ проживала сперва у отчима Хлапена въ Верріи, а потомъ въ Воденѣ, откуда вмѣстѣ съ нимъ переѣхала въ Янину, пережила его, вышла за другаго мужа, и скончалась 28 Декабря 1395 г. въ Янинѣ, гдѣ и погребена. Такимъ образомъ въ 1386 году она весьма могла называться всѣми актовыми именами и адресоваться къ нѣкоему Государю-братцу, которымъ, въ свою очередь, отлично бы приходился упомянутый Дука Симеоновичъ. Не достаетъ только обѣимъ историческимъ личностямъ подходящихъ именъ. Но вотъ что далѣе выходитъ, чего никакъ не ожидаешь! Въ перечнѣ властителей Эпирскихъ мы, говоря о Деспотѣ *Өомѣ* III (или II), упомянули, что, по смерти его, въ помощь вдовѣ его правительницѣ, былъ вызванъ изъ Триккалъ на время братъ ея Царь *Іоасафъ*... Откуда взялся у Ангелины братъ Іоасафъ? Исторія (и ктиторская запись касторійская) знаетъ только сына Симеонова, по имени *Дуку*, да еще вскользь упоминаетъ о другомъ сынѣ *Стефанѣ*, чѣмъ-то владѣвшемъ въ предѣлахъ нынѣшней Греціи и женатомъ на итальянкѣ. А тутъ вдругъ возникаетъ откуда-то Симеоновъ сынъ Іоасафъ! Ясное дѣло, что, согласно предположенію нашему, у Дуки было еще другое, собственное имя, которое вотъ и отыскалось. Оно-фатальное-есть именно: Іоасафъ! Но, со временъ извѣстнаго Индійскаго Царя Іоасафа, промѣнявшаго багряницу на вретище, неслыханное дѣло, чтобы какой нибудь вѣнценосецъ носилъ его. Оно стало достояніемъ пустынь и иноческихъ обителей. Потому неизбѣжно кажется вывесть заключеніе,

---

[1]) Πρέλουμπος — по Дукѣ Непоту.

что называвшійся имъ инокъ или, несмотря на свое иночество, продолжалъ быть Государемъ, или сталъ извѣстенъ историку подъ нимъ уже въ другой періодъ своей жизни, и названъ въ этомъ мѣстѣ книги его такъ per anticipationem.

Чтоже? Отыскался ли Іоасафъ метеорскій ктиторъ? не смѣемъ утверждать сего не по одному только уваженію къ мѣстному преданію и не по одному сочувствію съ Іоанномъ-Іоасафомъ Кантакузинымъ, а по какому-то чутью, что мы не напали на настоящій слѣдъ Іоасафовъ. Какъ бы и чтобы тамъ ни говорилось, а собственныхъ именъ *Іоанна* и *Маріи* тутъ нѣтъ. Затѣмъ, на сколько Кантакузина, на столько же и предполагаемаго Іоанна Дуку Симеоновича [1]), мѣшаетъ признать

---

[1]) Что исторически извѣстно о семъ первенцѣ и естественно наслѣдникѣ Симеона, называющаго себя Царемъ и Палеологомъ? Мы уже разъ высказали наше удивленіе по поводу того, что Симеонъ, на просьбу Эпиротовъ дать имъ особаго правителя, отрекомендовалъ имъ своего зятя, а не сына. Какое значеніе сего факта? Проще всего то, что сынъ въ глазахъ Симеона считался наслѣдникомъ и преемникомъ его во *всей* его державѣ. Наслѣдовалъ ли онъ ее? Вотъ здѣсь-то и оказывается тотъ непроглядный историческій мракъ, который падаетъ отчасти и на наши Метеоры. При жизни отца, онъ, конечно, значилъ не много, и вѣроятно не управлялъ ни чѣмъ; однако же, по собраннымъ Дюканжемъ свѣдѣніямъ, онъ отличался военными доблестями и былъ любимъ народомъ. Но, на его несчастіе, онъ былъ женатъ на дочери уже не разъ упомянутаго нами *Хлапена*, владѣвшаго пограничною полосою между Македоніей и Өессаліей, который, опасаясь завоевательныхъ затѣй зятя, зазвалъ его въ Касторію, и тамъ вѣроломно ослѣпилъ. Когда это произошло, неизвѣстно, естественнѣе думать, что уже по смерти Симеона, когда Дука уже *царилъ* въ его мѣсто, но вѣроятно очень скоро по воцареніи, потому что бѣдный человѣкъ, какъ правитель, остался совершенно неизвѣстенъ исторіи. Хрисовулъ № 8, въ которомъ мы пытались подъ именемъ *Дуки Ангела* видѣть сего самаго преемника Симеонова, къ сожалѣнію, не имѣетъ при себѣ хронологической даты. Остается гадать, что, лишившись зрѣнія, несчастный человѣкъ бросилъ и жену и царство, и постригся въ монахи съ именемъ Іоасафа, подъ которымъ мы и встрѣчаемъ его въ 1385 г. Какъ шло, и какого рода было правленіе въ этихъ мѣстахъ, въ теченіе 15 — 20 лѣтъ, до-и послѣ-сказаннаго года, остается совершенно невыясненнымъ. Въ 1388 г. является съ своимъ Хрисовуломъ тутъ уже нѣкій *Алексѣй Ангелъ* съ титуломъ *Кесаря*, послѣ чего уже не только *Дукѣ*, но и *Іоасафу* — Царю не остается болѣе мѣста. За то, какъ разъ приходится ему мѣсто ктитора въ Метеорахъ.

въ передаточномъ актѣ Царицы Маріи отсутствіе при имени его титула: „Царь". Положимъ, что и тотъ и другой съ переименованіемъ въ Іоасафа перестали царствовать, но все же были Царями, и ревнивая до подобныхъ титуловъ „Царица," кажется, не опустила бы случая, для собственной чести, возвеличить брата своего царскимъ достоинствомъ. Но... мало всей вышеприведенной путаницы. Іоасафамъ нашимъ суждено размножиться еще однимъ. Является третія комбинація съ тѣмъ же вѣщимъ именемъ, которую также нельзя пройти молчаніемъ. Писатель *Кодинъ* Куропалатъ, въ своемъ перечнѣ самодержцевъ Византійскихъ, сообщаетъ слѣдующее неожиданное извѣстіе. Говоря объ Императорѣ *Іоаннѣ* V *Палеологѣ* [1]), четвертомъ Самодержцѣ изъ этой династіи, преемникѣ Андроника младшаго и совмѣстникѣ Кантакузина, и давая ему всего 2½ года царствованія (по Раичу 37, по общепринятому счисленію 42 года) говоритъ и о немъ, какъ о Кантакузинѣ, что онъ „переименовался въ Ангельскомъ образѣ *Іоасафомъ*". Никто другой не говоритъ ничего подобнаго объ Іоаннѣ семъ, напротивъ общій отзывъ о немъ у историковъ, какъ о человѣкѣ совсѣмъ непохожихъ на монашество наклонностей. Да и самъ Кодинъ, называя его *вторымъ* сего имени въ ряду Палеологовъ, даетъ намъ поводъ заключать, что историкъ смѣшалъ тутъ двѣ личности: дѣда и внука. У Императора Іоанна V были два сына: *Андроникъ* и *Мануилъ*. Первый былъ обойденъ отцомъ въ наслѣдствѣ престола въ пользу втораго, и въ отместку за то, обоихъ ихъ засадилъ въ темницу, правивъ государствомъ 2½ (отсюда можетъ быть смѣшеніе у Кодина) года, потомъ конечно самъ попалъ въ ихъ руки, и уже доживалъ вѣкъ свой частнымъ человѣкомъ на островѣ Митилинѣ. И такъ, у этого Андроника, intrus

---

[1]) У сего, перваго между Палеологами *Іоанна*, была и сестра именемъ *Марія*, выданная въ замужество за *Гатилюза*, помогшаго Іоанну согнать съ престола Кантакузина. Но, очевидно, что ни ему, ни ей нѣтъ никакаго повода быть Метеорскими.

Императора, былъ сынъ *Іоаннъ*, полуослѣпленный, вмѣстѣ съ отцомъ, своимъ соименнымъ дѣдомъ въ 1375 г., когда ему было еще всего 5 лѣтъ. По смерти отца и дѣда, онъ разъ разыгралъ туже роль, какъ и отецъ его, въ отношеніи дяди своего Императора *Мануила*. На время отсутствія сего послѣдняго въ Европу, сдѣлавшись правителемъ столицы, онъ незамедлилъ присвоить себѣ и титулъ Императора, съ которымъ по возвращеніи дяди долженъ былъ разстаться, и потомъ вассально управлялъ Ѳессалоникой, или, какъ выражается историкъ (Дука гл. 23), Ѳессаліей, и при томъ, судя по выраженію того же историка, не только управлялъ, но и прямо: *царствовалъ* (βασιλεύσαντος). Конецъ жизни его не извѣстенъ. Нельзя сомнѣваться, что его именно Кодинъ внесъ въ свой каталогъ Самодержцевъ подъ именемъ Іоанна, *шестаго* изъ рода Палеологовъ, и *втораго* сего имени. Хотя и упоминается, что онъ былъ женатъ, но это не мѣшаетъ ему быть на послѣдокъ дней своихъ и монахомъ. Онъ-то и былъ „третій“ Іоасафъ разбираемой эпохи, промѣнявшій вѣнецъ на кукуль, и въ нѣкоторомъ родѣ тоже конкуррентъ Кантакузина на метеорское ктиторство, хотя въ 1388 году ему насчитывалось бы всего 18 лѣтъ, а въ годъ передаточнаго акта Царицы Маріи, еще менѣе двумя годами [1])! И такъ, на основаніи того, что подручно намъ въ настоящія минуты, не до-

---

[1]) Этимъ Іоанномъ-Іоасафомъ мы занимаемся болѣе надлежащаго только потому, что оказывается возможность смѣшать его съ Кантакузинымъ. Есть въ библіотекѣ кардинала Барберини греческій манускриптъ, принадлежавшій когда-то греку *Димитрію Леонтари*, на одномъ листѣ котораго бывшій владѣлецъ сдѣлалъ слѣдующую семейную замѣтку: «Въ 6919 (1411) г. мѣсяца 1 (Читать слѣдуетъ: инд. 4) родилась Анна Ласкарина Леонтарина, моя дочь, въ мѣсяцѣ Ноябрѣ 21 (на) Введеніе Пресвятыя Богородицы, на второй день послѣ смерти приснопамятнаго Царя, переименовавшагося въ Божественномъ и ангельскомъ образѣ Іосифомъ (читай: Іоасафомъ) монахомъ». Со времени открытія этой замѣтки, ее обыкновенно относятъ къ лицу Императора Іоанна Кантакузина, заставляя такимъ образомъ его жить до 1411 года. Мы помнимъ заповѣдь о. Каллиника не мѣшать Кантакузину жить и 100 лѣтъ, и рады бы были увѣриться въ томъ, что это онъ именно пре-

слѣдившись ничего вѣрнаго и совершенно яснаго о метеорскомъ Іоасафѣ, мы предоставляемъ это сдѣлать досужему преемнику нашему по изслѣдованію, который рѣшится провести по крайней мѣрѣ недѣлю времени въ надземной обители, и пересмотритъ *всѣ* рукописныя книги библіотеки ея со всѣми ихъ замѣтками, и перероетъ всѣ полки, вышки, углы и подвалы монастыря, а равно пересмотритъ съ увеличительнымъ стекломъ всѣ иконы, кресты и разные сосуды церковные. Намъ думается, что для него не составитъ не только исторической загадки, но и простаго вопроса личность, надъ уясненіемъ которой мы напрасно столько времени трудимся.

Наше занятіе актами обители продолжалось до самой ночи. Уто-

ставился 20 Ноября 1411 года. Но во первыхъ, комментаторы Кодина (Меурсій и Ламбецій), приводя Барберинскую замѣтку, склонны въ *Іоасафѣ* ея видѣть скорѣе Іоанна V Палеолога, зятя Кантакузинова, чѣмъ самаго Кантакузина,—какъ болѣе подходящаго по возрасту своему къ термину 1411 года. А во вторыхъ, изслѣдованіе личности *Димитрія Леонтаря* заставляетъ свести предположеніе еще на болѣе юное лицо, именно на нашего «на время Царя» Іоанна Палеолога, правителя Өессаліи (внука перваго Іоанна Палеолога и правнука Кантакузина), у котораго, по словамъ историка *Дуки* (гл. 23), Димитрій Леонтарь «пользовался первыми почтеніями». Кому, какъ не ему, потому, было свойственнѣе отмѣтить на своей книгѣ день кончины своего бывшаго Государя и конечно благодѣтеля? По поводу всего этого, нельзя пройти молчаніемъ, что *Пуквилю* монахи Метеорскіе говорили, что ихъ монастырь выстроилъ въ честь Іоасафа въ 1371 г. *Іоаннъ Палеологъ*, или точнѣе говоря, не выстроилъ, а только обнесъ отшельническія кельи стѣною. Который изъ Іоанновъ Палеологовъ? Конечно первый, царствовавшій въ томъ году. Что онъ могъ посвятить (sous l'invocation) *Іоасафу*, это легко объяснить предположеніемъ, что Іоасафъ сей есть не кто иной, какъ Императоръ Кантакузинъ, его опекунъ и тесть, тутъ скончавшій дни свои, и можетъ быть уже причисленный мѣстно къ Святымъ. Этимъ же самымъ можно объяснить монашеское имя и обоихъ упомянутыхъ нами выше Іоасафовъ, и стольких другихъ Іоасафовъ, размножившихся потомъ. Перваго (Дуки Симеонова) дядя (Никифоръ) былъ женатъ на дочери Кантакузина. Втораго (Іоанна Барберинской замѣтки) бабка (Елена) была тоже дочь Кантакузина. Оба они были государями Өессаліи, звались Царями, и очевидно слѣдовали примѣру великаго въ своемъ родствѣ человѣка. Пребываніе такимъ образомъ на метеорскомъ столпѣ болѣе или менѣе продолжительное и совершенно укрытое Императора Кантакузина можно бы считать фактомъ.

мились и зрѣніе и вниманіе. Столпники уготовали намъ вечерю царскую, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ Царской обители. Болѣвшій съ самаго полудня Игуменъ раздѣлилъ съ нами трапезу нашу, вѣнцомъ которой было кушанье *ревани*, имѣвшее задачею своею затмить памятную *Буковалу*. Состояло оно изъ муки съ медомъ, жареной на сковородѣ. О. Каллиникъ съ младенческой простотой выхвалялъ его сладость при всякой новой ложкѣ, и, подъ воздѣйствіемъ ея, былъ весьма любезенъ съ гостями. Но... дружба дружбой, а служба службой! Чуть я замолвилъ ему словечко о томъ, чтобы двѣ, намѣченныя мною и оставленныя такъ сказать на верхосытку, рукописи остались въ комнатѣ нашей на всю ночь для болѣе досужаго и покойнаго осмотра ихъ, онъ, точно очнувшись, сказалъ: а онѣ еще здѣсь! и приказалъ сейчасъ же отнести ихъ на *свое* мѣсто. Ни что не помогло. Признаюсь отъ этого обстоятельства сладость ревани значительно для меня поубавилась, а товарищу моему она даже напомнила, по созвучію, пріемъ ревеню. Но нечего было дѣлать. На цѣлую ночь мы оставались безъ работы. — Слѣдуетъ глаза беречь, сказалъ внушительно на прощаніе о. Игуменъ. Пришлось такимъ образомъ согласно съ ораторскою фигурой Эллинской, „нужду сдѣлать любочестіемъ,“ т. е. показать видъ, что мы сами первые заботимся о своихъ глазахъ, и затѣмъ сомкнуть ихъ, довольствуясь и утѣшаясь тѣмъ, что имъ и безъ того удалось высмотрѣть многое, чего весьма легко могли совсѣмъ не видѣть. Стоило только напримѣръ Игумену „заболѣть“ сегодня утромъ, а не послѣ обѣда, и мы не видѣли бы ни хрисовуловъ, ни скиптровъ, ни такаго множества ковчежцевъ съ св. мощами, въ томъ числѣ и съ главою самаго ктитора обители, Іоасафа. Занявшись именемъ и лицомъ сего *втораго* изъ ктиторовъ, я совсѣмъ позабылъ про перваго, который названъ въ ктиторской замѣткѣ *Аѳанасіемъ*. Надобно же познакомиться хотя нѣсколько и съ нимъ. На запросъ мой о. Софронію, что тутъ въ Метеорахъ извѣстно о немъ, меня просто на просто ото-

слали за справками къ *Никодиму*—этой исторической паноплѣ нынѣшней церковной учености греческой, т. е. къ сборнику синаксарей, составленному и изданному ученымъ и трудолюбивымъ святогорцемъ начала текущаго столѣтія, старцемъ Никодимомъ. Книгу его имѣетъ всякая, сколько нибудь благоустроенная обитель Востока, потому что на каждой утрени неотмѣнно и повсемѣстно читается въ церкви по 6-й пѣснѣ канона краткое житіе на общепонятномъ языкѣ чествуемаго Святаго дня, по его сборнику. Мнѣ немедленно принесли изъ церкви столько извѣстную книгу. Память Преподобныхъ ктиторовъ обоихъ вмѣстѣ торжественно правится въ обители 20 Апрѣля. Дѣйствительно, подъ числомъ этимъ, есть у Никодима Синаксарь „Пре́подобнаго *Аѳанасія,* создавшаго обитель Метеора". Изъ него мы узнаемъ, что первостолпникъ Метеорскій былъ, т. е. вѣроятно родился въ 1310 году. Происходилъ изъ *Патарджика* по нынѣшнему или *Новыхъ Патръ* по древнему. Получилъ образованіе въ Ѳессаликѣ, откуда перебрался на Аѳонъ, гдѣ сблизился съ славившимися тогда безмолвниками (ἡσυχασταί) Григоріемъ Синайскимъ, Исидоромъ, Каллистомъ и другими, и поступилъ на послушаніе къ нѣкоему Григорію Іеромонаху отшельнику. Вмѣстѣ съ нимъ отбылъ съ Аѳона въ г. *Веррію,* а оттуда наконецъ въ *Стаги,* гдѣ старецъ поселился въ одной пещерѣ, а Аѳанасій выбралъ себѣ мѣсто на верху скалы, гдѣ вмѣстѣ съ другими двумя отшельниками устроилъ общежительное братство. Скончался въ мірѣ 70 лѣтъ отъ роду, слѣдовательно въ концѣ XIV вѣка, удостоившись дара прозрѣнія [1]). О сотрудникѣ его *Іоасафѣ* подъ тѣмъ же числомъ

---

[1]) Συναξαριστὴς τῶν δώδεκα μηνῶν τοῦ 'ενιαυτοῦ.. ὑπὸ τοῦ ἐν μονάχοις ἐλαχίστου Νικοδήμου 'Αγιορείτου. 1819. Βενετία. 4°. 3 τόμοι. Подъ 20 Апрѣля, послѣ краткаго жизнеописанія преподобнаго Аѳанасія, прибавлено: Преподобный Іоасафъ сподвижникъ вышеприведеннаго Аѳанасія, что въ Метеорѣ, въ мирѣ скончавается. По обычаю, Никодимъ и его почтилъ плохимъ двустишнымъ ямбомъ: Ἀθανασίῳ ἐν πόλῳ (?) 'Ιωάσαφ Νῦν συγχορεύεις συμμεριστὴς ὡς πόνων.

сказано: „въ мирѣ скончался“, и ничего болѣе! чтоже? Возможное ли дѣло, чтобы такой ученый и любознательный человѣкъ и историкъ, какъ *Никодимъ*, не упомянулъ ни однимъ словомъ о томъ, кто такой былъ Іоасафъ, если бы это былъ Императоръ? Особенно онъ не могъ этого сдѣлать какъ Аѳонецъ, который не могъ не знать, что метеорскій Іоасафъ есть ватопедскій Іоасафъ-Кантакузинъ, столько памятный святой горѣ защитою *ея* ученія о Ѳаворскомъ свѣтѣ.

Стаги. 19 Іюня 1865. Суббота.

Еслибъ я былъ спиритъ, а не спиритуалистъ только, то подумалъ бы, что блаженный духъ отыскиваемаго мною ктитора обители въ теченіе ночи многократно давалъ мнѣ знать о своемъ присутствіи, и усиливался войти со мною въ общеніе. Чей-то шорохъ, шелестъ, скрёбъ поминутно раздавался то въ томъ, то въ другомъ углу комнаты. Я не имѣлъ смѣлости объяснить его себѣ иначе, какъ только самымъ простымъ способомъ, который легко угадать, въ чемъ и да проститъ меня новое нашихъ дней „откровеніе“, грозящее поднять на ноги весь существовавшій когда-то на мѣстахъ, теперь нами занимаемыхъ, грѣшный родъ нашъ, заставить его говорить съ нами, показываться намъ и даже фотографироваться! Чтобы проще сего, въ самомъ дѣлѣ, какъ спросить черезъ медіума: который ты изъ двухъ или трехъ Іоасафовъ, считаемый обителью за ктитора? Отвѣтъ прямой и ясный: „такой-то,“ затѣмъ и дѣлу бы конецъ! Не шутя, мнѣ и спать не давалъ ктиторскій вопросъ. Суть же его составлялъ все таки *онъ*, царь-писатель инокъ. Мнѣ все чудился въ тишинѣ ночи его скрипящій по листамъ мемвраны или бомбицины *каламосъ* [1]), дополняв-

---

[1]) Κάλαμος — камышъ, трость, писало... въ употребленіи до сихъ поръ у восточныхъ народовъ.

шій и исправлявшій его прежнее повѣствованіе о пережитомъ времени. Смѣнивши скипертъ на перо, рѣдкій человѣкъ года три-четыре, надобно полагать, неустанно сидѣлъ тутъ гдѣ-нибудь въ затишьи, и все писалъ, писалъ, пока не поставилъ точку на 50-й главѣ четвертой книги своихъ „исторій“. Боннскіе издатели его творенія находятъ, что послѣднія событія, внесенныя имъ въ свою исторію, относятся къ 1362 году [1]). Если онъ несомнѣнно еще былъ живъ въ 1375 г., то въ теченіи 20-ти лѣтъ частной, уединенной жизни сколько еще пережилъ и перевидѣлъ предметовъ, достойныхъ любопытства и памяти потомства. Но въ программу занятій его не входило разсказывать „о чемъ попало“. Онъ не былъ историкъ ради исторіи. Онъ, по его собственному признанію, повѣствовалъ только о томъ, „чего былъ очевидцемъ и соучастникомъ, или что самъ слышалъ отъ лицъ участвовавшихъ“, и при этомъ „ни по благосклонности, ни по ненависти, не уклонился отъ истины“ [2]). Въ одной древней характеристикѣ Византійскихъ самодержцевъ онъ названъ милостивымъ и справедливѣйшимъ [3]). Хвала ему и урокъ намъ, тоже иногда составляющимъ памятныя записки и убѣжденнымъ, что мы „ничего не предпочитаемъ истинѣ“ [4]).

Я всталъ до солнышка, разбуженный биломъ, приглашавшимъ небольшое братство на утреннюю молитву. Меня влекло за уставные предѣлы ея въ чистое поле. Пусть не дивится читатель, слушая такую рѣчь. Есть оно это *поле* и на Метеорскомъ камнѣ. Можно заклю-

---

[1]) По G. Cave (ст. 11 р. 43. Appendix.), они не идутъ далѣе 1357 года.

[2]) Οὔτε πρὸς χάριν, οὔτε πρὸς ἀπέχθειαν ἐξέβημεν τῆς ἀληθείας... Кант. Ч. III. стр. 364. Бон. изд.

[3]) Ἰωάννης ὁ Κανταχουζινὸς, ὁ ἐλεήμων καὶ διχαιότατος. Каталогъ Императоровъ Константинопольскихъ Matthaei Cigala. Помѣщенъ у Бандури: Imperium orientale. Parisiis. 1711. 1. pag. 246.

[4]) Ἐγώτε μηδὲν μελλήσας, τὴν διήγησιν ᾿εκθήσομαι τῶν πραγμάτων, τῆς ἀληθείας προτιμῆσας μηδέν. Кант. Ч. 1, стр. 12.

чить изъ сего, какой величины этотъ громадный камень. Вдыхая росистый воздухъ, и такъ сказать охватываясь мѣстностію со всѣмъ ея непосредственнымъ интересомъ дѣйствительности и проходящей передъ глазами жизни, я старался оторвать отъ себя заманчивые, но тусклые и нѣмые образы давноминувшаго. Надобно было насматриваться на *Метеоры*, отъ которыхъ сегодня же мы будемъ далеко, далеко. Когда солнце облило своими лучами всю окрестность и разостлало по ней пестрый шахматъ свѣтотѣней въ самой причудливой игрѣ красокъ, можно было залюбоваться открывшеюся картиной. Пришла въ голову искусительная мысль срисовать рѣдкостную панораму на память себѣ. Работа не для руки самоучки, и выполненіе должно выйти самое лубочное, но сказано: искушеніе! Если привычка есть „вторая натура," то охота есть третія натура—ничего съ ней не подѣлаешь. Время шло, и сосѣднее пѣніе смолкало, а наконецъ и совсѣмъ перестало. Столпники, отправивъ (по уставу: о Субботѣ) въ придѣлѣ Предтечи поминовеніе по усопшимъ, выходили поглазѣть на мое упражненіе, и объясняли мнѣ, какъ какой выдающійся пунктъ зовется. Всѣ три пересмотрѣнныя нами вчера обители внутреннія: *Троицы*, *Дусаны* и *Варлаама* были передъ глазами, а монастырь *св. Стефана* надобно было отыскивать.

Кончивъ работу, я сдѣлалъ визитъ о. Игумену, обошелъ еще разъ церковь и трапезу. Въ первой съ бо́льшимъ противъ прежняго вниманіемъ остановился на большой, древней иконѣ Богоматери, поставленной у праваго столба и украшенной ризой сребропозлащенной стараго чекана. Мнѣ сказали, что она взята изъ одного женскаго монастыря, устроеннаго сестрою ктитора Іоасафа, монахинею, Маріею [1].

---

[1] За собственное имя ктиториссы не ручаюсь. Можетъ быть я отъ себя прибавилъ его по догадкѣ, такъ какъ дѣло шло о сестрѣ Іоанна-Іоасафа, въ документѣ № 20, и на другой иконѣ Богородичной именующей себя *Маріей*. Но важно это преданіе монастыря

Никакой подписи на ней я не отыскалъ. Это было послѣднее мое безплодное изысканіе въ обители. Какъ и слѣдовало ожидать, я прощался съ нею, не весело настроенный. Обветшалость и запущенность печатлѣлись въ ней на всемъ, отъ стѣнъ зданій до одеждъ братій. Монастырь въ послѣднее время, говорятъ, еще поправился. Бывшій передъ о. Каллиникомъ Игуменъ (теперешній Русанійскій) довелъ дѣло его до полнаго запустѣнія. Удивляться надобно, какъ еще уцѣлѣли его книжныя и иныя сокровища. Мы пожертвовали отъ своего страннического запаса въ корванъ его лепту вдовицы (166 піастровъ), поблагодарили старца за обязательную внимательность и довѣрчивость къ намъ, а братій за ласки и услуги, и направились къ воротамъ или, все равно, къ замѣняющему ихъ, филологически родственному съ ними, *вороту* навѣсной комнаты. Куда дѣвалось прежнее чувство страха? Я даже съ какимъ-то неумѣстно-храбрымъ любопытствомъ разсматривалъ всѣ подробности подъемной машины, весело сѣлъ на разостланную на полу сѣтку, и чуть не напрашивался на критическій моментъ, когда повисну надъ бездною. — Часъ вамъ добрый! — прогремѣлъ на прощанье о. Игуменъ, и я, стиснутый, сдавленный, скрюченный, едва успѣлъ промолвить: ἡ εὐχή σας!, какъ очутился въ фатальномъ отверстіи, и пошелъ сперва кружиться, а потомъ плавно спускаться на долъ земной. Имѣлъ духъ уже не зажмуриваться и вглядывался во все. Ранѣе, чѣмъ ожидалось, мы изъ метеоритовъ обратились — сказать бы хоть — въ троглодитовъ. Гигантскія скалы, запиравшія собою со всѣхъ сторонъ небольшую площадку, дѣйствительно напоминали собою стѣнки пещеры,

---

о сестрѣ ктитора, какъ *монахинѣ*, тѣмъ, что имъ устраняется возможность видѣть въ ней *Ангелину*, жену Деспота Эпирскаго Ѳомы, умершую *не* монахиней, а слѣдовательно, и въ ея братѣ *Дукѣ-Іоасафѣ*, искомаго нами Метеорскаго ктитора. *Пуквилю* Метеориты говорили, что нѣкая *Марія Палеологиня* въ 1436 г. выстроила женскій монастырь (un autre couvent) во имя св. Троицы.

нагибающіяся къ верху и оставляющія по серединѣ окошко для просвѣта и для вѣтра. Спустившійся прежде насъ столпникъ развязалъ насъ, попросилъ типически нашихъ молитвъ, и пожелалъ намъ счастливаго пути. Что-то, отзывающееся благомъ, чуть не счастіемъ, прошло по сердцу, когда я поднялъ глаза на ужасающую высь, и сознялъ себя *не* на ней... Нѣтъ, не всякій пригоденъ для довольствованія тѣмъ порядкомъ жизни, который стоитъ подъ рубрикою „отреченія"—въ неисчислимой разновидности его, и въ частности — *от*бытія, *от*шествія, *от*рѣшенія, такъ сказать, *от*сѣченія себя отъ цѣлокупности *при*роды,— всего *при*вѣченнаго, *прі*уроченнаго, *при*своеннаго сердцемъ! Отдыхая, я сдѣлалъ для себя слабый набросокъ карандашомъ въ записную книжку рѣдкаго и навсегда памятнаго зрѣлища Метеорскаго *столба* или и прямо: *Метеора*, какъ его зоветъ вчерашній Никодимъ. Исполнивъ этотъ скучный долгъ туриста-наблюдателя, и раскланявшись въ послѣдній разъ зонтиками съ надзиравшими за нами сверху, двумятремя анахоретами, мы поплелись обратно къ св. *Стефану* кратчайшимъ путемъ. О. Софроній по прежнему указывалъ намъ дорогу. Бесѣда наша долго вращалась около того, какимъ образомъ могъ взобраться на ту или другую высоту, отвѣсную и неприступную, *первый* пустынножитель? Предположеніе, что онъ вбивалъ одинъ за другимъ и одинъ надъ другимъ, въ твердыни утесовъ гвозди или скобы, держась на которыхъ все поднимался выше и выше, не выдерживаетъ критики даже въ кабинетномъ сужденіи a priori. При видѣ же самыхъ твердынь съ ихъ крѣпчайшею массою, съ ихъ неровностями, трещинами, и всего болѣе выступами, иногда большими навѣсами — даже, всякая попытка объяснить подобнымъ образомъ дѣло кажется просто смѣшною. Пришла кому-то изъ насъ троихъ фантазія предположить, что первоначально утесистые бока горъ-камней не были такъ прямы и отвѣсны, что ихъ такими сдѣлали уже потомъ сами отшельники, и что еще и теперь тамъ гдѣ-нибудь позади „за кулисами" могутъ отыскаться

такія неровности, по которымъ съ малыми приспособленіями, возможенъ восходъ на верхъ. Но о. Софроній, вполнѣ компетентный судія въ этомъ дѣлѣ, положительно завѣрилъ, что такое обстоятельство не могло и не можетъ имѣть мѣста. Но и не Икаромъ же взлетѣлъ тотъ первый, кто поселился хотя напримѣръ на этой „чертовой (пусть будетъ хотя — Вулкановой) наковальнѣ", какою представляется гигантская кокова, самая высшая точка Метеоровъ, теперь необитаемая — бывшая у насъ на виду, и зовомая кратко: *Ая* (конечно: Ἁγία, подразумѣвается: μονή)? Конечно не взлетѣлъ на миѳическихъ восковыхъ крыльяхъ. Но онъ могъ употребить для того болѣе надежный матеріалъ—дерево. Мы порѣшили, что необходимо допустить возможность предварительной постройки лѣсовъ или подмостковъ, въ видѣ пирамидъ или козелъ въ нѣсколько этажей, по которымъ и взбирались со всѣмъ запасомъ нужныхъ инструментовъ первые заселители метеорскихъ столповъ. Что какому-нибудь Кантакузину не только возможно, но и весьма свычно было подводить такія осадныя „миханы" (машины), въ этомъ не можетъ быть никакаго сомнѣнія. Устроивъ же разъ на верху подъемный воротъ, отшельники обходились уже безъ посредствующихъ, сложныхъ, громоздкихъ и ломкихъ способовъ сообщенія, и опускаясь сверху на канатѣ, могли дѣйствительно вбивать въ скалу и гвозди, и крючья, и утверждать на нихъ лѣстницы.

Полные впечатлѣній, мы возвратились въ монастырь *св. Стефана.* Сколько радостно, столько же и сердито встрѣтилъ насъ тамъ забытый и оставленный на волю судебъ, Търпко, а когда мы объявили ему, что сейчасъ же ѣдемъ въ обратный путь, онъ просіялъ, какъ ребенокъ, получившій гостинецъ, и пошелъ готовить все немедленно къ отъѣзду. Мы разсказали о. Константію о своихъ похожденіяхъ, на половину удачныхъ, на половину—нѣтъ, въ первенствующихъ обителяхъ метеорскихъ, и попросили его показать намъ и его „сокровище-хранилищу". Онъ не обѣщалъ намъ ничего, достойнаго любопытства нашего,

но охотно показалъ все, что имѣла цѣннаго его обитель. Дѣйствительно, похвалиться особенно было не чѣмъ. Тѣже кресты рѣзные изъ дерева и изъ кости (такъ называемой единорога), тѣже неглубокой древности иконы, плащаница, лампадки фигурныя, и пр. Кромѣ перста св. первомученика *Стефана* и главы священномученика *Харалампія,* оказались еще въ монастырской сокровищницѣ: часть Животворящаго Древа, Перстъ *Предтечи,* частицы мощей—*св. Апостола Филиппа, свв. Василія В., Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Григорія Нисскаго, Григорія Неокесарійскаго, Ефрема Сирина* и др. неизвѣстныхъ угодниковъ. Въ библіотекѣ насчитывается до 60 книгъ, почти все печатныхъ. Изъ рукописныхъ мы взглянули на: Евангеліе in 8°, на бумагѣ, безъ даты, сборникъ словъ *Златоуста* 6856 (1348) г., литургію 7149 (1641) г., писанную іеромонахомъ *Евѳиміемъ* и — другую литургію 7152 (1644) г. съ изображеніемъ святителей, писанную нѣкіимъ *Исаіей.* Досточтимый о. Игуменъ въ отсутствіе наше откопалъ гдѣ-то и поднесъ намъ для ознакомленія, въ видѣ археологическаго дессерта къ поданной намъ напутственной закускѣ, еще два патріаршихъ *Сигилліона,* оба писанные на бумагѣ — 1) Вселенскаго Патріарха *Іереміи,* данный въ 7053 (1545) г. въ Февралѣ мѣсяцѣ 3-го индиктіона, монастырю св. Стефана, обновленному тогда Іеромонахами *Филоѳеемъ* и *Герасимомъ..* [1]). Опредѣляются отношенія монастыря къ епископу Стагійскому, которому онъ, между прочимъ, обязывается выдавать ежегодно по фунту воску (!). Подъ актомъ разбирается подпись „смиреннаго митрополита Новыхъ Патръ, *Григорія*". 2) За свинцовою печатью, на одной сторонѣ которой читается: *Рафаилъ, Божіею милостію Архіепископъ Константинополя Новаго Рима, и Вселенскій Патріархъ,* а на другой — находится изображеніе Богоматери. Выданъ

---

[1]) Начинается: ἐπειδὴ ζήλῳ θείῳ κινηθεὶς ὁ ὁσιώτατος ἐν ἱερομονάχοις κύριος Φιλόθεος ἀνεκαινίασε τὸν..

въ 7113 (1605) г. монастырю св. Стефана, стоящему на горѣ *Куклioли*, по акту, на имя Игумена *Іоасафа*. Монастырь зовется Патріаршимъ и Ставропигіальнымъ, и ставится внѣ всякой зависимости отъ мѣстнаго (Стагійскаго) архіерея, а равно и отъ монастыря Метеорскаго (конечно—Преображенскаго). Упоминается о его метохѣ *Бутоъ*, въ Валахіи. Между подписями хорошо читаются: Іоаннинскій—*Неофитъ*, Анхіальскій—*Аѳанасій*, Лимнскій—*Константій*, Месимврійскій—*Христофоръ*, Анкирскій—*Парѳеній* и Никомидійскій—*Іероѳей* [1]).

Все было готово къ отъѣзду. Вполнѣ достойный своего поста и имени, о. Константій отказался отъ жертвуемыхъ нами на его обитель двухъ турецкихъ лиръ [2]), что, впрочемъ, не помѣшало намъ все-таки оставить въ стѣнахъ ея, подъ разными предлогами, 133 піастра. Наши лощади ожидали насъ уже на мірской сторонѣ. Старцы проводили насъ за мостикъ и любезно простились съ нами. О. Софроній былъ прикомандированъ къ намъ въ спутники до самаго города, чему мы, конечно, были весьма рады. Въ уваженіе того, что у добраго провожатаго кромѣ ногъ (и тѣхъ—усталыхъ) не было другаго способа передвижки, и мы пошли пѣшіе. Кстати, путь нашъ шелъ къ низу по отлогой наклонности, упирающейся въ самую рѣчку *Саламврію* или именитый *Пеней*, орошающій всю великую равнину Ѳессалійскую до самаго пресловутаго *Темпейскаго* устья его. Начало этой равнины именно тутъ, у Метеоръ или извѣстнѣе у города *Калабаки*, получившаго недавно новую военную славу во время нашей Крымской войны. Въ прошлую среду мы видѣли его издали, но минули, какъ бы со-

---

[1]) И въ этомъ актѣ тоже говорится о пожертвованныхъ Угровлахійскимъ воеводою монастырю св. мощахъ. При семъ воевода названъ *Ватиславомъ*, а жена его *Неаксіей* (Νεαξίας).

[2]) Въ 1637 г. монастырь былъ въ долгу на 150 рублей. Игуменъ *Митрофанъ* послалъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу архимандрита *Гавріила*. Выдано 40 соболей и 20 рублей!

всѣмъ не замѣтивши, частію отъ крайней усталости, частію отъ направленнаго инуды вниманія нашего. Теперь намъ не миновать его, да и весьма кстати. О. Софроній обѣщаетъ намъ тамъ большую археологическую наживу. Все опускаемся несчетными зигзагами по усѣянной каменными глыбами землѣ, насматриваясь на рѣзкое по своей дикости зрѣлище. Темный, избуравленный и ноздреватый фонъ камней напоминалъ мнѣ собою лаву. Желая отколупать себѣ на память одну фигурную сосульку отъ придорожной скалы, я убѣдился, что мнимо-рыхлый составъ метеорскихъ твердынь тверже самаго гранита, какимъ я видѣлъ его въ Египтѣ. Вбивать въ такую стальную толщу гвозди, держась на воздухѣ, могъ бы только развѣ Вулканъ, доисторическій сихъ дѣлъ мастеръ. А вотъ и оно, *Каламбацкое поле*, столько прославленное шумливыми газетами Аѳинскими въ 1854 году, по случаю одержанной тутъ надъ турками пресловутымъ *Хаджи-Пéтро,* побѣды. Наговорившись, на сколько хватало моего нерасположенія къ предмету, о семъ безцѣльномъ и безплодномъ подвигѣ п*а*ликаровъ, воевавшихъ съ п*у*ликарами изъ-за какого нибудь пал*ѐ*каро.., какъ въ свое время острили надъ калабацкими героями „мужи Аѳинейстіи", несочувствовавшіе эллинской въ пользу сѣверныхъ варваровъ диверсіи,—мы подошли къ городу, или точнѣе городку, неровно и неказисто разбросанному по лѣвому берегу рѣчки, столько памятной намъ своими изворотами по дорогѣ въ Метеоры. Мы прямо направились къ церкви, еще издали намѣченной нами. Стиль зданія обличаетъ Византійскую эпоху постройки его, хотя и мало подходитъ къ общему образцу церквей послѣднихъ вѣковъ византизма. Не смотря на полдневые часы отдыха и укрывательства въ тѣни домовъ отъ жгучихъ и ослѣпительныхъ лучей солнца, немедленно отыскался человѣкъ, который со всею предупредительностію отворилъ намъ двери своей „митрополіи". Съ перваго же раза оказалось, что мы не ошиблись, назвавши зданіе базиликой, прежде чѣмъ вошли въ него. Это не базилика Солунская, конечно. Размѣры ея весьма скромны, отно-

сительно говоря, но все же внѣшняя длина ея будетъ болѣе 15, а ширина болѣе 8 саженей. Главный корпусъ ея раздѣленъ на три нефа, средній въ 8, боковые въ 4 шага шириною, длина общая съ алтаремъ 32 шага. Нефы раздѣлены двумя капитальными стѣнами съ двумя пролетами въ каждой, сведенными аркою, опирающеюся на колонну. Средній нефъ выше боковыхъ, и также какъ они, накрытъ деревяннымъ потолкомъ. Собственно церкви предшествуетъ притворъ, да еще и не одинъ, а по аѳонски — внѣшній и внутренній. Мы вошли во внѣшній сначала. Ширина его — общая всему храму — 19 шаговъ, а длина только 6. Онъ весь росписанъ по стѣнамъ заурядною кистью. Три стѣны западная, сѣверная и южная заняты изображеніями мучениковъ, а восточная, отдѣляющая его отъ внутренняго притвора, вся, кромѣ входной двери, покрыта представленіемъ Страшнаго Суда довольно замысловатаго изобрѣтенія. Вообще, живописное украшеніе сего притвора заставляетъ ожидать чего-то недюжиннаго впереди. Внутренній притворъ на одинъ шагъ длиннѣе внѣшняго, и также росписанъ по стѣнамъ, кромѣ сѣверной стѣны, на которой взоръ мой встрѣтилъ рѣдкую, или просто еще невиданную мною вещь,—копію двухъ документовъ, утверждающихъ права Стагійской епископіи на владѣніе разными угодьями, а именно: одного *Хрисовула Императора Андроника Младшаго,* и одного *Сигилліона Вселенскаго Патріарха Антонія.* Первый начинается словами: *Поелику боголюбивѣйшій епископъ святѣйшей епископіи Стагійской..* всего 31 строка. Дата: 6840 (1332) г. индиктіона 4, въ мѣсяцѣ Мартѣ. Второй начинается почти также: *Поелику боголюбивѣйшій епископъ Стагійскій явился къ нашей мѣрности..* 33 строки. 6901 (1393) года. Индиктіона 1, въ мѣсяцѣ тоже Мартѣ. Письмо крупное, тщательное и видимо недавнее. Цвѣта буквъ — черный и красный — совершенно свѣжіе. На западной стѣнѣ того же притвора, надъ упомянутою входною дверью есть и историческая замѣтка о росписаніи храма, гласящая слѣдующее: *Всечестный и божественный храмъ сей... истори-*

рованъ (росписанъ) *послѣшествомъ и расходомъ Боголюбивѣйшаго епископа святѣйшей епископіи Стагійской, киръ Іоасафа и Пахомія Іеромонаха, Стаматія священника и Икононома, Георгія священника и Сакелларія, Димитрія священника и Сосудохранителя, Іоанна священника и Сакеллія, Георгія священника и Екклисіарха, Панагіота священника и Хартофилака, Георгія священника и Канстрисія, Христофора священника и іеромонаховъ Стефана, Іоанна и* (Θεο)*фила. Исторированъ же рукою меня грѣшнаго Неофита монаха Критянина, подъ руководствомъ киръ Ѳеофана монаха, отличнаго живописца, который прозванъ Бахиѳенъ, вмѣстѣ съ киръ Язй, священникомъ изъ той же самой страны. При архіерействѣ Преосвященнѣйшаго Митрополита Ларисскаго Даніила. Въ 7081 (1573) г. Инд. 1. и оконченъ въ мѣсяцѣ Августѣ 15* (дня) [1]).

Притворъ этотъ отъ самаго святилища отдѣляется капитальною стѣною, пробитою тремя пролетами, соотвѣтственно тремъ нефамъ церкви, изъ коихъ средній, широчайшій, раздѣляется двумя колоннами на три части. Такъ какъ ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ навѣшенныхъ дверей, то сквозь отверстія средняго я давно уже всматривался въ одинъ предметъ, тоже еще въ первый разъ встрѣчаемый мною, занимающій самую средину храма. Вошедъ внутрь его, я не безъ удивленія увидѣлъ передъ собою высокую изъ бѣлаго мрамора каѳедру, образующую собою правильный шестисторонникъ, въ углахъ котораго поставлены тонкія колонны, поддерживающія пирамидальный балдахинъ. Нижняя часть каѳедры состоитъ изъ глухихъ стѣнокъ, верхняя, ажурная только изъ шести упомянутыхъ колоннокъ. На эту послѣднюю, имѣющую видъ ротонды, ведутъ съ Запада и Востока мраморныя же лѣстницы, въ 7 ступеней каждая. Мраморныя плиты,

---

[1]) Любопытно это чинословіе составлявшихъ въ старыя времена мѣстное церковное управленіе лицъ, и съ распорядкомъ ихъ по служебнымъ степенямъ. Странно, что нѣтъ между «оффиціалами» нынѣшняго *экдика.* О прозвищѣ: *Бахиѳенъ* не знаю, что сказать.

одѣвающія низъ каѳедры, покрыты рельефными изображеніями креста, листьевъ и въ одномъ мѣстѣ Евангельской исторіи о явленіи Ангела Мѵроносицамъ. Характеръ всѣхъ этихъ изображеній весьма древній. О. Софроній поспѣшилъ отрекомендовать мнѣ рѣдкую вещь, назвавъ ее *Андрониковымъ трономъ*... Андроникъ и тронъ очевидно говорятъ объ Императорѣ, а такъ какъ въ притворѣ читается во всю стѣну Хрисовулъ Императора Андроника младшаго Палеолога, то есть поводъ заключать, что его же имя привязывается и къ воображаемому царскому трону, украшающему собою Стагійскую церковь. Но, если имя *Андроника* тутъ взято такъ сказать на прокатъ, то откуда и какъ могло составиться понятіе *трона?* На чемъ построено это преданіе, предположеніе, убѣжденіе, и какого оно времени, и гдѣ, и кѣмъ засвидѣтельствовано? Никакаго отвѣта на всѣ эти вопросы не у кого найти. Обошелъ я кругомъ нѣмой памятникъ, взошелъ по ступенькамъ наверхъ, все осмотрѣлъ, осязалъ, обыскалъ, но не разжился положительно ни чѣмъ, чтобы проливало на него какой нибудь свѣтъ. Оставалось признать его, согласно съ преданіемъ, *трономъ*, только... не Андрониковымъ, а Христовымъ, т. е. *амвономъ*, съ котораго, по древнѣйшему обычаю церковному, возглашалось слово Христово, т. е. Евангеліе. Образцы такихъ троновъ или привычнѣе каѳедръ, только изъ цѣльнаго камня и, естественно, меньшаго размѣра, мы видѣли въ Солунѣ, въ бывшей церкви св. *Софіи* и на дворѣ *Ротонды*. Правда, что урочное мѣсто ихъ теперь не по срединѣ церкви, а въ сторонѣ, но это можно назвать случайностію, а еще вѣрнѣе обычаемъ позднѣйшаго времени. Изъ древнихъ описаній св. Софіи Константинопольской, а равно у писателей телетургиковъ *Германа* и *Симеона Солунскаго* [1]), мы видимъ, что амвонъ стоялъ по срединѣ храма, пря-

[1]) ...τὸν ἄμβωνα προ τῆς θύρας τοῦ βήματος ἵστασθαι... *Германъ*... ὁ μὲν πρὸ τοῦ βήματος ἄμβων... *Симеонъ*.

мо передъ святыми вратами алтаря, и имѣлъ два схода, одинъ къ большимъ (царскимъ) дверямъ храма, другой къ алтарю, т. е. одинъ западный и одинъ восточный, точь въ точь какъ въ Стагійской базиликѣ. Такой же срединный амвонъ недавно найденъ въ раскапываемой церкви монастыря Святителя Николая въ Мирахъ, и такой же во всей цѣлости сохраняется въ Римѣ въ древнѣйшей церкви св. Климента. Константинопольскій Софійскій названъ у одного поэта *столбомъ* (πύργος), упоминаются и *колонны* его изъ чистаго золота и *труллъ* (куполъ) поверхъ всего [1]. О ступеняхъ и говорить нечего. Итакъ, вмѣсто эфемернаго трона жалкаго Императора, мы имѣемъ передъ собою образчикъ амвона первохристіанскихъ временъ, едва ли не единственный на всемъ Востокѣ! Что могъ восходить на него и Императоръ, имѣвшій (по крайней мѣрѣ въ св. Софіи Константинопольской) особое для себя мѣсто на южной сторонѣ солеи, въ этомъ нѣтъ причинъ сомнѣваться [2]. И онъ, какъ лицо полуосвященное, могъ иногда что нибудь прочесть или сказать всенародно въ церкви, но изъ этого не слѣдуетъ, что мѣсто то есть императорскій престолъ. Представляется вопросъ: какого времени этотъ амвонъ, а за нимъ и вся цер-

---

[1]) *Павелъ Силенціарій.* Извѣстно его стихотворное описаніе церкви св. Софіи въ 1229 стихахъ. Въ видѣ прибавленія къ нему, есть особое описаніе амвона въ 304-хъ стихахъ. Въ 52-мъ изъ нихъ встрѣчается выраженіе: πύργος. И нашъ Стагійскій тоже имѣетъ фигуру шестиугольнаго столба, съ ведущими на него двумя лѣстницами.

[2]) По *Кодину* (De officiis. Cap. XVII), при коронованіи Императора, помазаніе его муромъ совершается именно на семъ *Амвонѣ*, конечно для того, что бы всему народу можно было видѣть этотъ существенный актъ царскаго вѣнчанія. На Софійскомъ амвонѣ могло помѣститься *много* человѣкъ. Стагійскій имѣетъ въ діаметрѣ всего 2 шага. Строителемъ Софійскаго былъ Императоръ Юстиніанъ В. τὸν τὲ ἄμβωνα μετὰ τῆς σολέας ἐποίησε μετὰ σαρδονύχων... σὺν κιόνων ὁλοχρύσων καὶ κρυῶν καὶ ἀσπίδων καὶ σαπφείρων... *Анонимъ.* А послѣ паденія купола, сокрушившаго амвонъ, ἐποίησαν αὐτὸν οὐδαμινὸν διὰ λίθων καὶ κιόνων ἀργυρενδύτων, и проч. по недостатку средствъ, а куполка надъ нимъ и совсѣмъ не сдѣлали. *Гликасъ. Кодинъ.*

ковь, въ которой онъ, сверхъ всякаго ожиданія, уцѣлѣлъ до нашего времени? Очевидно, что *Стаги-Калабака* есть весьма древнее христіанское заселеніе, упредившее собою наше тысячелѣтіе, но сказать что нибудь положительное въ этомъ смыслѣ, я въ настоящее время никакъ не могу. Порадовалъ было меня мой зоркій товарищъ, усмотрѣвшій на самомъ „тронѣ" привѣшенную малую деревянную досчечку, исписанную бѣлыми буквами по черному полю, но не надолго. Въ четырехъ строкахъ безграмотнаго письма оказалось слѣдующее: *Божественный и всечестный храмъ преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и присноДѣвы Маріи, накрытъ потолкомъ, посиѣшествомъ и расходами Боголюбивѣйшаго епископа святѣйшей епископіи Стаговъ, господина, господина Арсенія, съ благоговѣйнѣйшимъ Маноиломъ Іерѣемъ и Сакелларіемъ: эпитропъ же церкви Какам.... логоветъ.* Въ 1753 году. Ничто въ церкви, въ настоящемъ ея положеніи, не говоритъ за ея глубокую древность, и напрасно я осматривалъ ея алтарь, ея стѣны, колонны и все прочее. Вѣроятно, съ перестройкой потолка за 100 лѣтъ передъ этимъ, все, что еще оставалось древняго на стѣнахъ ея, было истреблено, въ видахъ поправки и улучшенія. Странно, что почтенная „Хронографія", по характеру девотка и патріотка, не упомянула ни однимъ словомъ о такомъ рѣдкомъ предметѣ, какъ здѣшняя церковь. Съ Пуквиля нельзя и требовать подобнаго вниманія къ нему. Онъ здѣсь провелъ одну только ночь „подъ меланхолическимъ мерцаніемъ луны, укрываясь (отъ чего?) подъ зонтикомъ, какъ подъ балдахиномъ"... Не до изслѣдованій было пряташемуся меланхолику. Сколько онъ ни прикидывайся то индифферентнымъ въ духѣ своей эпохи, то другомъ грековъ и ихъ религіи, въ душѣ своей онъ былъ рутинный папистъ, и не любилъ православія, ни всего византизма.

Чтобы какой нибудь потомокъ, читающій строки эти, какъ мы— Пуквилевы, черезъ 50 лѣтъ, не сдѣлалъ такого же заключенія и о насъ самихъ, не воспользовавшихся простымъ и легкимъ способомъ

узнать и то и другое въ Stagous-Kalabak, отъ вполнѣ пригоднаго къ тому лица, мѣстнаго епископа, мы спѣшимъ заявить, что еще на пути отъ Метеоръ къ городу намъ стало извѣстно, что его нѣтъ дома, и потому мы не поискали случая представиться Его Преосвященству. Но все же о. Софроній, въ честь именитаго [1]) города, зазвалъ насъ въ одинъ домъ на *чашу студеной воды* и на короткій отдыхъ. Не находили мы себя особенно уставшими и не чувствовали жажды, но на любезное приглашеніе человѣка, столько услугъ намъ оказавшаго, нашли не любезнымъ отказа́ться. Кстати, палящій зной полуденный грозилъ намъ полнымъ разлѣненіемъ, столько опаснымъ для верховой ѣзды. Пріютъ нашъ оказался на краю города. При домѣ есть и садикъ, а въ садикѣ большое тѣнистое дерево, подъ которымъ мы и улеглись на рогожкахъ. Сознаніе удовлетвореннаго желанія, поддерживаемое и разцвѣчаемое узорами (какъ благозвучнѣе назвать скорописныя каракули?) записной книжки, блажило душу. Слишкомъ быстрый переходъ отъ сухой, суровой, невзрачной природы Метеорской къ мягкой, ровной, влажной, цвѣтущей мѣстности пригородной, въ соединеніи съ тихою обстановкою семейнаго быта, не прошелъ безслѣдно по сердцу, еще открытому для впечатлѣній всякаго рода и не на одну минуту заставилъ меня кружиться помысломъ то тамъ, то сямъ, увлекая меня по временамъ въ третью сферу жизни — исторію, не общую (пусть не опасается читатель!), а ту, *свою*, частнѣйшую, до которой никому нѣтъ дѣла, кромѣ ея самотворца. Для Іоасафовъ отжившихъ,

---

[1]) *Лекенъ* нашелъ имя Σταγῶν въ нотиціяхъ епархій *Льва Мудраго* и *Филиппа* (?) *Кипрскаго*. Если же, по мнѣнію ученаго историка географа греческаго Мелетія, позднѣйшіе *Стаги* суть древнѣйшіе *Гомфы*, то гомфскій епископъ *Евстаѳій* упоминается ранѣе 532 года. По *Пуквилю*, Гомфы были тамъ, гдѣ теперь *Кастри* или *Кастраки* (крѣпостца, городище), между Метеорами и Калабакой. Тамъ могъ быть акрополь Гомфскій, а самая селитва могла тянуться до базилики, и даже до рѣки.

отцарствовавшихъ, давно отпраздновавшихъ юбилей своего краснаго бытія, можетъ имѣть заманчивость и голый, неприступный утесъ Метеорскій. Но какъ согласить съ общимъ міровымъ порядкомъ вотъ то не естественное признаніе, которое я слышу въ настоящую минуту, исходящее отъ крошечнаго существа, еще не разцвѣтшаго, еще не начинавшаго царствовать въ своемъ маленькомъ кружкѣ идей и желаній, говорящаго вамъ, со всею прелестію невѣдѣнія, что оно посвятитъ себя или уже посвятило даже, Богу, оставитъ и отца и мать, и домъ и садикъ, и уйдетъ (съ любимой куклой?) въ пустыню далеко дальше Метеоровъ?.. Конечно, подобное безсознательное риторство слагается подъ воздѣйствіемъ частыхъ встрѣчъ и обращеній съ сосѣдними пустынножителями, но развѣ не точно такъ выходили изъ *Авенировъ Іоасафы*, изъ *Растковъ Саввы*, изъ *Пенелопъ Ирины*, *Меланіи*, *Екатерины*, *Варвары?..* И вдругъ, ex abrupto изъ за этой, чарующей цвѣтистой канвы обрисовывается въ воображеніи моемъ, вмѣсто дѣтской, колоссальная мужская фигура съ краснымъ, рябоватымъ лицомъ, накрытымъ такимъ же фесомъ, съ смѣлымъ взоромъ и повелительными жестами, видѣнная мною не разъ тамъ далеко за горами... Какой-то старый палликаръ разсказываетъ по близости не то Търпку, не то другому кому, про неизбѣжнаго „героя Калабаки“, славнаго *Хаджи-Петро*. И вотъ онъ сіяетъ въ моей памяти всѣмъ своимъ величіемъ, не столько впрочемъ грознымъ, сколько шумнымъ и трескучимъ. Іоасафомъ не пахнетъ отъ него ни съ какой стороны. Еще не забытая исторія „прекрасной Жанны“ заморской, влюбившейся заочно въ громадныя формы архипалликара, и плѣнившей сердце его своими фунтами стерлинговъ, готова застлать туманомъ самыя радужныя фантазіи, вызываемыя посвящающею себя Богу маленькой компатріоткой великаго патріота. Окончательно, думаемъ, сниметъ съ нихъ иллюзивный ореолъ обстоятельство, встрѣчаемое только по *сю* сторону міра, а именно, подаренный нами на прощаніе за гостепріимство будущей

отшельницѣ, турецкій талеръ, возбудившій въ ней не скрываемый восторгъ самаго приземнаго, не *метеорнаго* свойства.

Насидѣвшись въ воображаемой прохладѣ, и надышавшись горячимъ воздухомъ, не безъ чувства прощаемся съ добрымъ и привѣтливымъ и надолго памятнымъ братомъ *Софроніемъ*, высказывая ему свою глубокую благодарность и свои пожеланія быть ему рано или поздно игуменомъ, выше чего едва ли видится ему что нибудь на *лѣствицѣ Божественнаго восхода*. Кто кому изъ насъ завидуетъ теперь? спросилъ я его разставаясь. Зондъ былъ запущенъ довольно глубоко въ метеорство пустынника. Онъ неопредѣленно улыбнулся, и сдѣлалъ рукою жестъ направо и налѣво, означавшій: вамъ дорога туда, а мнѣ — сюда. Поручая ему кланяться земностолпникамъ, мы сотворили крестное знаменіе и двинулись въ путь къ рѣчкѣ, когда-то въ доисторическія времена имѣвшей будто бы духъ и капризъ затопить всю Ѳессалію, а теперь переѣзжаемой въ бродъ. Пересѣкши ее, мы какъ будто раскланялись уже и съ самою *Элладою* древнѣйшихъ временъ. Какъ не пожелать и ей, вмѣстѣ съ Эпиромъ, примкнуть наконецъ къ оторванной отъ нея въ 1827 г. части, и тѣмъ доказать математикѣ политики, что вовсе не паралогизмъ присоединеніе цѣлаго къ части? Да будетъ! Тащимся по старой дорогѣ, постоянно пяля глаза вправо на гигантскія кочки каменнаго болота, не похожія одна на другую, да уже кстати досказать, и вообще ни на что не похожія, всего же менѣе похожія на извѣстные въ наукѣ *Метеоры*. Держимся все именитаго *Пенея*. Нѣтъ, Ѳессалія идетъ за мною. Не отстанетъ она скоро, дорогая сверстница завѣтныхъ 30-хъ годовъ, я это знаю. Это не *Камзолова* и не *Отшибиха* родныхъ мѣстъ съ рѣкою *Поперешной*, которыхъ весь историческій интересъ состоитъ въ томъ, что они отъ чего-то отшиблись, чему-то стали въ поперекъ, и чей-то камзолъ видѣли на вѣку своемъ. Не то земля боговъ и полубоговъ и даже четверти боговъ, каковъ напримѣръ, сейчасъ возникающій передо мною изъ зеленѣющей

поляны Саламврійской розовымъ листоцвѣтомъ, „царевичь Ѳессалійскій“, производившій когда-то на дѣтское воображеніе столь сильное впечатлѣніе! Кому быть имъ, какъ не быстроногому *Ахиллесу*, неуязвимому, подобно богамъ, по всему тѣлу, исключая пяты? Памятно мнѣ мое первое усиліе изобразить героя съ помощію кисточки и китайской туши, вмѣсто дотолѣ мнѣ служившихъ пера и чернилъ. Его голыя руки и ноги, при шлемѣ на головѣ, еще въ тѣ малологичныя времена мнѣ казались несообразностію. За то поясъ съ висячими лентами, на которыхъ можно было перепробовать всѣ сорты красокъ отъ *ери-елисійки* [1]) до *лазореваго камня* и до базарныхъ *румянъ*, казался мнѣ весьма внушительнымъ уборомъ на войнѣ, и я даже жалѣлъ, отчего Кульневъ, Платовъ и Багратіонъ — тогдашніе герои изображались безъ него. Миръ ему, давно прошедшему! Не сомнѣваюсь, что оно именно, а не Ѳессалія и не какой либо царь или царевичь здѣшній тѣхъ не проглядно-далекихъ временъ, доселѣ затрогиваетъ сердце. Вмѣстѣ съ водою горнаго потока, на встрѣчу намъ несется съ горъ и освѣжающій вѣтерокъ. Настоявшіяся за минувшіе дни лошади бѣгутъ шибче обыкновеннаго. Вездѣ, гдѣ позволяетъ мѣстность, мы ѣдемъ рысцою. Тихо и весело на душѣ.

3 часа. Auberge. Товарищъ оборачивается и вопросительно помахиваетъ головою въ *ту* сторону. Отчего нѣтъ? отвѣчаю я, и поворачиваю коня своего къ памятному дереву. Отдыхаемъ подъ нимъ. Я въ послѣдній разъ наглядываюсь на скученный видъ Метеоръ. Возвышающаяся надъ всей панорамой тупоголовая шишка есть очевидно утесъ *Ая* или *св. Модеста*. Столповъ или стоговъ Іоасафова, Варламова и другихъ меньшихъ совсѣмъ не видно. Ихъ заслоняетъ собою

---

[1]) *Ярь Веницейская* или *Венеціанская* въ народномъ говорѣ обратилась въ *Елисейку*, и затѣмъ по мѣстному жаргону, требующему вмѣсто *я* звукъ *е*, и вмѣсто *ѣ*—*и*, сдѣлалась Елисійкой, а изъ *яри* превратилась въ *ерь*.

налегшая слѣва высота, которую можно считать первою ступенькой *Олимпа.* Повторилось со мною еще разъ то, что уже многократно приходилось испытывать въ моихъ quasi-ученыхъ экскурсіяхъ. Находясь на самомъ мѣстѣ изслѣдованій подъ живыми и непосредственными воздѣйствіями видимаго и осязаемаго, забываешь о книгахъ и содержащихся въ нихъ упредившихъ изслѣдованіяхъ. А потомъ за нихъ хватишься, но уже поздно. Я раскрылъ на досугѣ *Буе* и *Изамбера*, чтобы узнать отъ нихъ, сколько именно разстоянія отъ Калабаки до Хана *Малакасса.* Послѣдній прямо отмѣтилъ 7 часовъ. Спасибо за точность. Но, оказалось при семъ, что часа за два передъ этимъ онъ могъ бы оказать мнѣ еще большую услугу, если бы своевременно попалъ подъ руку. Говоря о *Калабакѣ*, *Стаги*—тоже, любезный itinéraire древлесловствуетъ и говоритъ, что на мѣстѣ теперешняго города былъ въ древности тоже городъ: Eginum, котораго крѣпость занялъ *Цезарь* воюя съ *Помпеемъ* (пріятная встрѣча!); одна древняя надпись, говоритъ онъ, находящаяся на восточной стѣнѣ церкви св. *Іоанна* (а не Богоматери?), подтверждаетъ эту догадку... Что-бъ было, вмѣсто мечтательнаго праздномыслія sub tegmine fagi, раскрыть мнѣ вѣщую книгу, именно для того и везомую съ собою! Нѣтъ, раскрылась она теперь, когда указаніе ея ни къ чему не ведетъ, или ведетъ къ напрасному раздраженію. Ничего сего не понимая и въ виду не имѣя, Търпко нетерпѣливо докладываетъ, что мы засвѣтло не доѣдемъ до Хана, что теперь вѣдь мы одни, и не съ кѣмъ намъ играть въ перегонку, какъ было въ середу, и проч. Мы успокоиваемъ старика тѣмъ, что по книгѣ, на которую онъ напрасно прогнѣвался, до Хана считается 5 часовъ его старческой ѣзды, и что ровно столько же остается до заката солнца. Дѣло улаживается, и мы ѣдемъ мирно впередъ по прежнему гусемъ, въ роли авангарда товарищъ, готовый мужественно встрѣтить и отразить всякую напасть, старикъ—сзади, наводящій страхъ одною громадою своихъ мѣшковъ, чемодана, ящика съ самоваромъ, кувши-

новъ, бутылокъ... и наконецъ въ центрѣ каравана я, во всеоружіи зрительной трубы, кошелька и записной книжки. Мѣсто до нельзя глухое. Ни души на встрѣчу намъ. Да и не до того, чтобы разсматривать, что тамъ есть и чего нѣтъ впереди. Солнце мѣшаетъ смотрѣть впередъ. Изъ за зонтика не видишь даже головы коня своего. Дорога вьется вмѣстѣ съ русломъ рѣчки. Повторяются прежнія впечатлѣнія, только свободныя теперь отъ давленія преобладающей мысли о Метеорахъ, и оттого до такой степени легкія и разбѣгающіяся, что въ итогѣ отъ нихъ не остается ровно ничего. Съ западаніемъ солнца падаютъ и силы физическія. Еще часъ! докладываетъ на распѣвъ передовой. Непріятный мотивъ, а придется выслушать его до конца. За то завтра въ это время будемъ уже дома, утѣшаю я товарища, хотя знаю, что между „завтра" и „дома", не смотря на ихъ логическую несоизмѣримость, стоитъ отчаявающимъ соединительнымъ звеномъ страшный перевалъ *Зиго*. „Ѳессалійскій пастушокъ" ранѣе, чѣмъ мы ожидали, угналъ свои стада за Пиндъ, и намъ пришлось доканчивать свой путь сегодняшній въ „роскошной" тѣни гигантскаго ущелья, навѣвавшаго на сердце непреодолимое уныніе. Повеселѣло, когда мы увидѣли передъ собой ханъ, въ которомъ угощались просяной лепешкой. Не смотря на крайнее изнеможеніе, рѣшились дотянуть еще добрую версту до „свѣтлаго" хана, и таки добрались до Mala-Cassa все еще засвѣтло. Прошло нѣсколько минутъ, пока мы овладѣли своими ногами, но зато уже въ остатокъ вечера не давали имъ покоя. Ханъ стоитъ надъ самымъ потокомъ; было бы не простительно для насъ не исходить его вдоль и поперекъ, на сколько позволяла хаотическая неровность каменнаго ложа его, заносимаго и разносимаго катящимися сверху глыбами непомѣрной величины. Въ зимнее время, по словамъ ханджи, тутъ бываетъ такое свѣтопреставленіе, что можно потерять разсудокъ отъ ужаса, особенно въ ночные часы. Теперь все было мирно и покойно. Вмѣсто воя вѣтра и рева воды, слышалось

одно ласкающее и усыпляющее журчаніе, вторимое шелестомъ листьевъ въ прибережныхъ деревьяхъ, не похожихъ на классическія дафны (лавры), тощихъ, погнутыхъ и искалѣченныхъ зимними невзгодами. Рѣка по маловодью едва заслуживаетъ имя потока. Спутникъ успѣлъ однакоже отыскать гдѣ-то между каменьями выбоину на столько глубокую, что искупался въ ней, памятуя, что на дворѣ стоитъ Іюнь мѣсяцъ и надъ головой праздникъ Купалы, слѣды котораго, кстати, не помню кто-то отыскивалъ въ миѳологіи греческой и слѣдовательно пожалуй на берегахъ сего самаго Пенея. Я же ограничился тѣмъ, что набралъ изъ воды нѣсколько голышей до того округленныхъ водоворотнымъ катаньемъ по стремнинамъ, что имѣли видъ какъ бы обточенныхъ машиной. Чай мы пили на балконѣ, имѣя передъ собою картину, которой позавидовалъ бы любой пейзажистъ. Тутъ же расположились и ночлегомъ, завѣсившись съ подвѣтренной стороны рогожкой.

Пеней. 20 Іюня 1865. Воскресеніе.

Даровое: perpetuum mobile, и вмѣстѣ — sonabile, творилось въ удовольствіе наше цѣлую ночь. Такъ творилось оно постоянно, безсмѣнно въ теченіе множества вѣковъ. Его слушалъ и видѣлъ еще Ной греческаго баснословія, *Девкаліонъ* съ женою *Пиррою* и сыновьями: *Эллиномъ, Грекомъ* и *Ромеемъ*, а скорословно — Ромьёмъ. Послѣднихъ двухъ придаемъ ему мы сами, на томъ же основаніи, на какомъ древность отыскала у него сына Эллина.. Бывши въ Македоніи, мы имѣли случай узнать, что у него былъ сынъ *Македонъ*. Въ Элладѣ естественно родятъ ему *Эллина*. Надобно же откуда-нибудь вывести генеалогически и *Грека* [1]). Но дѣло не въ томъ, кто при немъ былъ, а — что съ нимъ

---

[1]) По матери Девкаліона, когда-то будто бы вся Ѳессалія звалась *Пандорой*. По *Исіоду* (Гезіоду), Пандору взялъ за себя не *Промиѳей* (извѣстный похититель божествен-

случилось. Въ одно прекрасное утро ему, какъ и намъ, хотѣлось еще спать, можетъ быть, подъ шумокъ вѣтерка и легкое хлопанье рогожи, какъ до него донесся отчаянный крикъ: *потопъ!* И дѣйствительно, произошло нѣчто такое, что и сыну Пандоры [1]), слыхавшему про самыя странныя вещи, не могло придти въ голову. Съ обычнаго-ли „отцу боговъ" похмѣлья, или такъ, ради потѣхи, Олимпіецъ толкнулъ ногой надоѣвшій ему *Олимпъ*. Гора пошатнулась и налегла на сосѣднюю ей *Оссу*. Текшему между ними Пенею не осталось выхода въ море, и онъ затопилъ Өессалію. Все живущее погибло. Спаслись только *Девкаліонъ* и *Пирра*, доплывшіе въ лодочкѣ до Парнасса. Заглянувши въ Өессалію, можно-ли не вспомнить этого, въ высшей степени любопытнаго, преданія мѣстнаго, въ которомъ и слѣпой видитъ, по пословицѣ, обезображенное сказаніе Библіи? Насъ разбудилъ торопливый Търпко еще до солнышка извѣстіемъ тоже о наводненіи только въ самыхъ малыхъ размѣрахъ. Самоваръ кипѣлъ, и вода бѣжала черезъ край. Пора было плыть на — Зигѣ. Классически умылись мы священною водою чудотворившей когда-то рѣки, и причесались, глядя въ ея зеркальную по-

---

наго огня), а братъ его или племянникъ, *Эпимиѳей*, которому первый отсовѣтовалъ союзъ съ такой опасной фабрикаціей Ифеста (Вулкана), ибо, владѣя искрою божества, видѣлъ въ дѣлѣ продѣлку Зевса... Слишкомъ загадочный миѳъ этотъ стóитъ глубокаго изученія *Про*метей и *Эпи*метей—не наши-ли это: передній и задній умъ?

[1]) Аристотель гдѣ-то говоритъ, что, бывшее въ его время въ ходу имя *Эллина* вытѣснило собою древнѣйшее: *Грека*. Слѣдовательно, послѣдній предшествовалъ первому. Откуда же онъ взялся, если Эллинъ, со всѣмъ своимъ потомствомъ, непосредственно вышелъ изъ *Девкаліона* и *Пирры*, этой родоначальной четы пресловутаго РОДА (γένους)? Что же касается *ромея, ромейца, ромъѣса*... то какъ разъ по нему чудесное происхожденіе его изъ костей *матерой матери*, бросаемыхъ на-отмашъ родоначальникомъ. Не мало бы изумился конечно сей послѣдній, если бы черезъ много вѣковъ узналъ, что его потомки называютъ себя *римлянами*. Грекъ—заклятый врагъ Рима съ его папою—и римлянинъ! Особенно страннымъ, думаю, должно казаться такое qui-pro-quo понятій для настоящихъ римлянъ или вообще итальянцевъ, очень ясное и рельефное представленіе имѣющихъ о Greco di Levanto.

верхность. Все, какъ бывало въ старь, до Троянской эпохи! Возвращаясь въ ханъ, мы прочли высѣченную на дверяхъ его ктиторскую (sic) замѣтку, гласящую слѣдующее: *притяжаніе Св. Николая* (т.-е. церкви св. Николая, по близости гдѣ-нибудь находящейся). *Разрушенъ былъ* (ханъ) *пиратами мятежными въ 1854. Возстановленъ г. Димитріемъ Кирготи Іоаннійцемъ и Іоанномъ Ангелиди и всѣмъ... 1859.* Вотъ до какихъ мѣстъ доходило волненіе, возбужденное нашею крымскою войною. И здѣсь дѣло кончилось тѣмъ же, чѣмъ вездѣ, т. е. разрушеніемъ и потомъ возстановленіемъ. А кто же эти „мятежные пираты"? Не турки же, которые отбивались тогда отъ повстанцевъ-христіанъ. Значитъ, это свою же братью честятъ такъ ктиторы Кирготисъ и Ангелидисъ! На скоро подкрѣпившись чаемъ и метеорскимъ сухаремъ, мы заплатили ханджи по бешлыку съ души за тихое пристанище, и весело стали подниматься въ гору знакомою уже мѣстностію. При подъемѣ, трудъ передвижки всею своею тяжестію падаетъ на бѣдное животное. Сѣдоку легко и привольно. Свѣжесть силъ тѣлесныхъ и покой душевныхъ, утренняя прохлада, свѣтъ, падающій на всѣ предметы сзади,— все благопріятствовало наилучшему настроенію духа на цѣлые полтора часа. Вотъ взбираемся и на красную овальную горку съ сосновымъ лѣсомъ. Еще и еще подъемъ подъ болѣе острымъ угломъ. Обостряется съ нимъ и горная прохлада. Чувствуется, что мы уже на Пиндѣ. Открываются виды на далекую окрестность горную, но, чтобы услаждаться ими, необходимо оборачиваться, на что неспособною дѣлается шея, одеревенѣвшая отъ постоянно согнутаго положенія тѣла. Еще мало, и передъ нами открывается ровная площадь. А вотъ и военный пикетъ или „караулъ" съ колодцемъ. Мы значитъ уже на перевалѣ. Даемъ себѣ минутный отдыхъ, пьемъ воду, разминаемъ ноги и любуемся великолѣпной панорамой сѣверныхъ развѣтвленій Пинда. А Олимпъ еще разъ въ облакахъ. Не удается мнѣ высмотрѣть его съ западной стороны.

Прощай Θессалія! Больше не увидимся. Простыя эти задушевныя слова сорвались съ языка моего невольно. Моей симпатіи, чуть не привязанности къ „золотой" Θессаліи я объяснить себѣ не могу иначе, какъ допустивши какой-нибудь забытый эпизодъ ученической жизни, оставившій по себѣ глубокій слѣдъ на сердцѣ, и связанный съ ея именемъ,—какую-нибудь картину, книгу, географическую карту, относящуюся къ ней. Если она пріурочила себѣ названіе золотой въ моихъ „памятяхъ", то за Эпиромъ слѣдовало бы остаться имени хотя серебрянаго, но и до этого онъ не дослужился. Западъ вообще наводитъ меланхолію на душу. Можетъ быть это единственная причина нелогическаго предпочтенія восточныхъ частей горизонта западнымъ, зачастую замѣчаемая у дѣтей, и въ свое время отразившаяся и на моихъ понятіяхъ. Особенно не могъ блестѣть передъ моимъ воображеніемъ Эпиръ въ настоящія минуты, когда предстоялъ намъ громадный, крутой и опасный спускъ въ него съ *Зиго*. Мы подъѣхали къ нему и инстинктивно слѣзли съ лошадей, охваченные почти ужасомъ, при видѣ той глубины, въ которую предстояло намъ спуститься. Каждый ведя своего коня, начали мы трудную операцію, и не менѣе 40 минутъ употребили, пока достигли ровнаго мѣста и могли опять сѣсть на лошадей. Никому изъ насъ заблаговременно не пришло на мысль отъ спуска повернуть вправо, и поѣхать *присолнечною* стороною на *Меццово*. Когда вспомнили объ этомъ, было уже поздно. Часовъ около 8-ми мы снова отдыхали въ тѣни памятнаго хана, въ коемъ ночевали подъ минувшую среду. Странное впечатлѣніе! Не вѣрилось, что бы всего прошло 4 дня, какъ мы были тутъ. Длинный рядъ пережитыхъ нами своеобразныхъ ощущеній, подаренныхъ намъ метеорскими дивами, дѣлалъ для насъ минуты часами. Свое бывшее убѣжище мы нашли опустѣвшимъ. Хозяинъ его, какъ „добрый христіанинъ", былъ въ церкви на обѣднѣ ради воскреснаго дня, про который мы совсѣмъ было и забыли. И намъ легко было послѣдо-

вать его примѣру, но предложить это на общее обсужденіе не достало духа. Тщетно припоминалось мнѣ и мое обѣщаніе самому себѣ поговорить по подробнѣе объ европейскомъ *Квито,* т. е. Мецовѣ, на обратномъ пути. Послѣ Метеоръ интересъ его крѣпко поубавился. Роковое: ѣдемъ, было произнесено, и мы чуть не съ злорадованіемъ поспѣшили оставить мѣсто, какъ это дѣлаешь, бывало, съ любою почтовою станціей у насъ въ Россіи. На цѣлый часъ легкій спускъ въ русло Пуквилева *Инаха,* а вѣрнѣе *Арахва* — по древнему, и потомъ повтореніе памятнаго вилянія безъ числа и мѣры по его извилинамъ, съ поминутнымъ бродомъ черезъ его шумныя, но мелкія воды, пока въ полдневный зной не мы укрылись въ томъ самомъ ханѣ, гдѣ встрѣтились во вторникъ съ Кожанскимъ владыкой.

Всетѣлесное изнеможеніе заставило насъ прежде всего прилечь и порядкомъ вздремнуть въ пополненіе краткаго сна минувшей ночи. Потомъ, конечно, дѣло пошло о „подкрѣпленіи“. Гостинница, не смотря на свое имя: *Учъ-Ханъ* (три хана), не стоитъ и трети настоящаго хана. Буфетъ ея ограничивался одними „маслинками“. Съ немалыми поисками удалось, замѣсто десерта, достать двѣ луковицы. Этимъ и заключился обѣдъ нашъ. Приправою ему служила мысль, что вечеромъ мы будемъ лукулльствовать въ Янинѣ, наслаждаясь всѣми дарами природы и кулинарнаго искусства. За то не взыскательный столъ нашъ стоилъ намъ всего одинъ бешлыкъ съ микроскопической чашечкой кофе включительно. Ѣдемъ далѣе. По сторонамъ горы, а за ними верхушки другихъ горъ. Отъ главнаго ущелья, которымъ мы ѣдемъ, расходятся въ стороны другія меньшія. Тутъ бы расходиться освѣжительному вѣтерку, а между тѣмъ его и въ поминѣ нѣтъ. Солнце палитъ немилосердно. Одна отрада — рѣчка, снующая постоянно подъ ногами нашими, и дающая намъ возможность часто временно утолять жажду, наконецъ и она откланялась намъ и понеслась прямо къ Югу, взявши съ насъ слово еще увидѣться, а гдѣ, объ этомъ пока ничего неиз-

вѣстно. Вотъ и мостъ *двурѣчный*, за которымъ повѣяло близостію и тѣмъ благополучіемъ, которое такъ знакомо русской лѣни, предвкушающей конецъ труда. Мы стали подниматься къ перемычкѣ хребта Мичкели, котораго напрасно высматривали изъ за ближайшихъ высотъ. Какъ-то странно было не слышать болѣе шума воды, преслѣдовавшаго насъ почти весь нынѣшній день. Въ сторонѣ развалившійся, но вопреки риторикѣ, не живописный ханъ. Подъемъ и подъемъ прямо въ лицо солнцу, которое хочетъ какъ бы заставить меня измѣнить свое серебряное представленіе объ Эпирѣ въ золотое. Но не удастся ему. Озлобленное назойливостію его воображеніе не придастъ эффекту вечернихъ лучей его другаго цвѣта, кромѣ „самоварнаго". Не даромъ слово о самоварѣ. Мы подъѣзжаемъ къ хану съ марафетнымъ фонтаномъ, осѣненнымъ высокими, густолиственными деревьями, и по сердцу (плотяному конечно) пробѣгаетъ желаніе напиться тутъ чаю. Но очевидно, что его ожидаетъ полнѣйшее фіаско. Търпко иронически предлагаетъ поставить самоваръ въ лодкѣ на самомъ озерѣ, гдѣ вода еще ближе... Кому, какъ не ему, завѣдывающему багажемъ, рѣшать дѣло? Мы смирились передъ его замѣчаніемъ и подошли къ фонтану, чтобъ умыть свои пылающія лица. Замѣтивъ наше движеніе, сердобольный ханджи спѣшно останавливаетъ насъ, говоря: какъ? Потнымъ и усталымъ пить холодную воду? не моги сего быть! Вмѣсто воды, въ тотъ же моментъ выносятъ намъ изъ комнаты по стакану краснаго вина... не берусь описывать послѣдовавшаго за пріемомъ его чувства физическаго вседовольства. Не только неумѣстный самоваръ, но самое солнце съ его все еще жгучими лучами вызывали на безотчетный смѣхъ фальшиво подбодренную голову. За то ѣхалось скоро и какъ бы совсѣмъ не чувствительно впередъ на перевалъ позабытаго за минувшіе дни *Томора*. Наконецъ вотъ и оно Янинское озеро, со всею окружающею его котловиною! Рады были безконечно такому ласкающему зрѣлищу. Избѣгая стропотнаго пути проѣзжей дороги, мы бе-

ремъ вправо и ѣдемъ, куда глаза глядятъ, направляясь прямо къ озеру, посылавшему намъ въ видѣ привѣта ослѣпительную полосу свѣта, все тускнѣвшую по мѣрѣ приближенія нашего къ нему. Заозерная гора *Оличка* [1]), высившаяся двумя громадными пирамидами на западномъ небосклонѣ, готовилась упрятать за собою своего ежедневнаго гостя Аполлона. И давно пора ему отдохнуть. Когда мы спустились къ самому озеру, его уже и слѣдовъ не было на небѣ. Но за то по землѣ разошлись удушливая гарь и сырой болотистый запахъ, эта антисолнечная демонстрація земнаго дола, освободившагося отъ надзора своего приставника и дядьки, и пустившагося „во вся тяжкая", преимущественно же во вся темная... Привѣтствуемъ памятный *Дура-ханъ*, и слѣзаемъ, точнѣе же сползаемъ съ лошадей, уставшіе до мозга костей. Търпко отправляется съ багажемъ и животными кругомъ озера, а мы нанимаемъ себѣ каикъ, заранѣе ублажая себя мыслію, какой покой насъ ожидаетъ впереди въ прохладѣ, въ тишинѣ, при лунѣ... Условіе сдѣлано за 16 піастровъ доставить насъ прямо въ городскую пристань. Мой мореходъ въ восторгѣ. На лодкѣ оказался и парусъ. Вотъ посмотрите, какъ подмахнемъ въ одинъ моментъ къ тому берегу, грозитъ мнѣ аргонавтъ. Махнули, но... на томъ берегу очутились только черезъ два часа! Радушно встрѣтилъ насъ любезный хозяинъ, именно сегодня поджидавшій насъ. Онъ весьма сомнѣвался, чтобы метеорскія обители отверзли передъ нами свои археологическія сокровища и не расчитывалъ потому, чтобы мы засидѣлись долго безъ дѣла на пустыхъ камняхъ. Распросамъ и разсказамъ, разумѣется, и конца не было, пока была возможность говорить.

---

[1]) Olitzika, 'Ολύτσικα... Les monts Olichiniens. Зовется и *Олица*. Очевидно, названіе славянскаго происхожденія. По мнѣнію *хронографіи*, гора эта, или цѣлый рядъ горъ, есть древній Κασσώπαιον. При подошвѣ его лежатъ 14 селеній и нѣсколько монастырей. Въ высотѣ уступитъ хребту *Мичкели* (по *Лами:* Mjeli и koli — доить стадо?).

Янина. 21 Іюня. Понедѣльникъ.

Очнешься на минуту, вспомнишь, что ѣхать не куда, и снова предашься такому блаженному чувству довольства, что самъ себѣ завидуешь, по выраженію одного счастливца. Въ стародавнее время, когда привезетъ бывало родная изъ города гостинецъ пухлый, ароматный пряникъ, то и засыпаешь съ нимъ въ рукѣ, боясь, какъ бы онъ не обратился въ сновидѣніе и не улетѣлъ вмѣстѣ съ пробужденіемъ. Такимъ пряникомъ казались мнѣ теперь Метеоры. Не выпускаешь ихъ изъ мысли и ревниво, въ виду воображаемой какой-то потери, ссылаешься памятью на записную книжку, гдѣ, во свидѣтельство реальности полученнаго гостинца, зрится даже панорама метеорскихъ диковинъ. Первымъ дѣломъ радостнаго утра было присѣсть именно къ сей самой записной книжкѣ и обревизовать все, попавшее на ея невзрачныя странички, а многое для закрѣпы перевесть съ карандаша на чернила. Сколько оказалось при этой повѣркѣ сдѣланныхъ замѣтокъ, пропусковъ, недосмотровъ, недописокъ, недодѣлокъ! Простѣйшія на свѣтѣ вещи, и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма нужныя, ускользали отъ разсѣяннаго вниманія загроможденной впечатлѣніями головы. Теперь негдѣ взять ихъ для пополненія все болѣе и болѣе выявляющихся пробѣловъ. Аккуратнѣе меня оказался спутникъ мой, завѣдывавшій финансовымъ отдѣломъ совершённой поѣздки. Въ его записяхъ все оказалось въ порядкѣ; не ускользнули и такіе расходы, сумма которыхъ восходитъ къ полутора піастрамъ, или 10 копѣйкамъ. Общій итогъ путевыхъ издержекъ, туда и обратно, составилъ 594 піастра, менѣе шести турецкихъ золотыхъ, не включая конечно въ нихъ прогоновъ и карманныхъ каждаго изъ насъ расходовъ. Пусть будетъ это къ свѣдѣнію нашихъ преемниковъ по странствованію въ Метеоры, число которыхъ да умножится и успѣхи которыхъ да превзойдутъ наши!

За чаемъ рѣшенъ былъ окончательно вопросъ о дальнѣйшемъ на-

правленіи пути нашего. Чѣмъ-то по истинѣ чарующимъ повѣяло на все существо мое отъ мысли спуститься въ Арту и возвратиться домой черезъ Грецію. Увидѣть еще разъ дорогія Аѳины казалось мнѣ похожимъ на воскресеніе изъ мертвыхъ. Одни сутки верховой ѣзды и затѣмъ пароходъ до самой пристани въ Галатѣ. Чего еще лучшаго пожелать было и натрясшимся достаточно костямъ нашимъ? Кстати, обслѣдованный въ секретѣ кошелекъ показалъ, сверхъ всякаго чаянія, *плюсъ* на цѣлыхъ 10 наполеоновъ противъ баланса, сведеннаго ошибочно на высотахъ Метеорскихъ. Вслѣдствіе сего рѣшенія, признано было необходимымъ дать знать „по начальству" въ Константинополь о немъ телеграфомъ, что и было исполнено. А для того, чтобы въ случаѣ несогласія на нашъ планъ властей предержащихъ, намъ получить и подобающій отвѣтъ, найдено также неизбѣжнымъ провести лишній день, т. е. завтрашній, въ Янинѣ. Противъ такой force-majeure что можно было возразить, особенно, когда открылось, что подкладкою ей служитъ великодушное намѣреніе благосклоннаго хозяина проводить насъ до послѣднихъ предѣловъ „своего района", именно — до моря, а для сего требуется, по обстоятельствамъ, цѣлый день приготовленій. Въ роздыхѣ, счетоводствѣ и сказанной ревизіи замѣтокъ прошелъ весь этотъ вторникъ. Въ видѣ характеристики мѣста не мѣшаетъ занесть на сіи страницы, что упомянутый *плюсъ* неизвѣстно какимъ путемъ получилъ извѣстность, и въ теченіе дня неоднократно повторилась съ нами извѣстная процедура „поддержанія бѣднаго, но благороднаго семейства". Даже оба эти качества (бѣдность и благородство) пришлось высмотрѣть на степеняхъ, не часто попадающихъ подъ наблюденіе [1]). Для освѣженія головы, подъ вечеръ придумана была поѣздка по озеру цѣлой

---

[1]) Намъ представлялся одинъ, пожилой уже, архондопулъ (по нашему сказать: баричъ), обобранный «до ниточки» Янинскимъ архипастыремъ..

компаніей. Разумѣется, держали направленіе „къ острову“ — этимъ Елисейскимъ полямъ Янины. На этотъ разъ мы посѣтили не высмотрѣнный въ прошлый разъ монастырекъ, зовомый: *Элеуса* (Милующая), получившій такое названіе отъ иконы, имѣющей на себѣ это надписаніе и — свою исторію [1]). Обитель конечно и маленькая, и невзрачная, но замѣтно древняя, и по обычаю богата св. мощами. Главная драгоцѣнность ея въ этомъ родѣ есть глава св. *Великомученицы Варвары;* но она еще при Али-пашѣ взята въ Метеорскій монастырь Русани, гдѣ мы ее и видѣли. Изъ другихъ мощей показывается рука св. священномученика *Элевѳерія.* Въ притворѣ есть ктиторская замѣтка, изъ коей видно, что строилъ его нѣкій *Герасимъ* на деньги, собранныя нѣкіимъ *Доровеемъ,* ходившимъ за сборомъ съ мощами св. Элевѳерія [2]).

---

[1]) По записи, находящейся въ самомъ монастырѣ, икона «Милующая» найдена была въ кельѣ одной монахини *Парѳеніи,* жившей въ колокольнѣ крѣпости (конечно янинской). Взята же была ею изъ монастыря св. *Параскевы,* когда агаряне (турки) обратили его въ мечеть. По особому откровенію, Парѳенія пожертвовала ее въ монастырь св. *Николая Яматика̀* (цѣлебника), послѣ чего и самый монастырь переименовался: *Элеуса.* Случай этотъ относится къ 1584 г. «Хронографія», передавая все это, ошибочно ставитъ его подъ 1484 годъ, колокольню приписываетъ бывшей церкви *Вседержителя,* мечеть, сдѣланную изъ церкви св. Параскевы, называетъ: *Намат-зáхи,* а монастырю св. Николая придаетъ прозваніе: *Гю́нма.* Вслѣдствіе этого преданія выходило бы, что на островѣ было два монастыря съ именемъ св. Николая, да въ самомъ городѣ еще былъ монастырь св. Николая, въ кварталѣ бань, да за городомъ другой *въ Копанахъ,* да въ крѣпости былъ тоже храмъ св. Николая. Который же изъ Никольскихъ монастырей янинскихъ посылалъ отъ себя въ Россію къ царю Михаилу Ѳеодоровичу (въ 1631 году) архимандрита *Ѳеофана* за сборомъ, и получилъ царской милостыни... 10 рублей (Сношенія Россіи съ Востокомъ, ч. II, стр. 135)?

[2]) Кстати здѣсь сдѣлать вымѣтку изъ той же любопытной книги о другихъ посольствахъ къ царямъ нашимъ Янинскихъ обителей: 1) Вмѣстѣ съ Никольскимъ Ѳеофаномъ ѣздилъ въ Москву самъ игуменъ янинскаго Урумскаго Воплощенскаго монастыря. Слова: *Урумскій* и *Воплощенскій* не поддаются объясненію. Въ грамотѣ, данной игумену отъ патріарха, монастырь названъ Ставропигіальнымъ, Пресвятыя Богородицы *Тихомірскія..* Одно стóитъ другаго. 2) Черезъ 7 лѣтъ (въ Апрѣлѣ 1637 г.) пріѣзжали за милостыней въ Москву архимандриты изъ монастырей *Одигитріи* и *Петропавловскаго, Діонисій* и *Савва.*

Расписанъ притворъ въ 1759 г. при архіереѣ мѣстномъ *Григоріѣ* и игуменѣ *Христофорѣ*, подъ надсмотромъ архидіакона *Досиѳея*, нѣкіимъ зографомъ *Анастасіемъ* изъ села *Капесова* (въ Загорьѣ), 27 Апрѣля мѣсяца. Годились бы такія подробности для болѣе интересной записи. Я было заговорилъ о монастырькѣ *Спаса*, получившемъ печальную извѣстность при тираннѣ Али, но ему единогласно предпочли прогулку на *тотъ* берегъ. Разстояніе отъ острова до того берега сравнительно небольшое, и мы скоро пристали къ *Доброй водѣ* (Дòбра-вòда, а по-гречески: χρύο-νερὸ, т. е. холодная вода). Мѣсто не очень живописное, но воду вполнѣ можно назвать „доброю", т. е. прежде всего — холодною. Посидѣвши и походивши около нея, мы завели было рѣчь о посѣщеніи близъ лежащаго монастырька св. *Безсребренниковъ*, но оказалось, что онъ рѣшительно ничѣмъ не замѣчателенъ, а что, взамѣнъ того, небо представляетъ любопытный феноменъ, извѣстный подъ именемъ потёмокъ. Подъ масть симъ послѣднимъ, мы разговорились на обратномъ пловѣ о мрачной памяти *Али-пашѣ*, любившемъ тоже плавать по зеркальной поверхности озера въ печальномъ обществѣ цвѣтущихъ красотою пажей, вербуемыхъ нравственнымъ минотавромъ обыкновенно между христіанами [1]). При всѣхъ неистовствахъ и наси-

---

Первый имѣлъ крайнюю нужду въ 1500 ефимкахъ. Мѣстоположеніе обителей неизвѣстно. 3) Въ 1642 г. пріѣзжалъ въ Москву съ грамотою отъ янинскаго митрополита *Каллиника* и Гастрицкаго игумена *Каллиста* архимандритъ *Досиѳей*, съ мольбою о помощи на проведеніе воды въ монастырь издалеча. Ясное дѣло, что тутъ разумѣется видѣнный нами въ Додонѣ монастырекъ, но тотъ намъ назвали не Успенскимъ (какъ въ нашихъ актахъ), а Предтечевымъ. Выдано просителю 12 рублей!. 4) Въ 1644 г. былъ въ Москвѣ за милостыней (вмѣстѣ съ Метеорскими, *Митрофаномъ* св. Стефана и *Парѳеніемъ* Варлаамскимъ), архимандритъ Янинскаго Пантелеймоновскаго монастыря *Іоанникій*, очевидно того, что на острову. Судя по «Хронографіи» и до сихъ поръ (по крайней мѣрѣ до 1856 г.) пять монастырей янинской епархіи получаютъ изъ Россіи ежегодное пособіе въ 60 рублей, высылаемое черезъ каждые 6 лѣтъ.

[1]) Припоминается мнѣ даже раскрашенная литографія, представляющая его полу-

ліяхъ сатрапа надъ мѣстнымъ населеніемъ, у него, какъ мы уже отчасти видѣли изъ обращенія его съ монахомъ *Козмой,* была доля расположенности и предпочтенія къ грекамъ, до того, — что у послѣднихъ не шутя бродила мысль въ головѣ сдѣлать его своимъ княземъ и даже видѣть въ немъ православнаго! Было да прошло, по милости Божіей, все это непроглядно темное и страшное время! На туже тему бесѣда наша долго велась потомъ и дома.

Елла. 22 Іюня 1865. Вторникъ.

Надобно быть признательными двумъ сочиненіямъ, которыми мы такъ часто пользуемся. Разумѣю: Voyage de la Grèce *Пуквиля* и Χρονογραφία τῆς Ἠπείρου *Аравандинд.* Первая, отыскавшая въ Янинской котловинѣ древнюю *Еллопію,* столицу ея *Еллу* указываетъ въ Кастрицѣ, а Додону, пріурочиваемую обыкновенно къ сей послѣдней, перемѣщаетъ въ Гардики. Вторая, заступаясь за Кастрицу, втайнѣ же за Янину, Эллу напротивъ хочетъ видѣть въ Гардики. Что дѣлать при такомъ разногласіи? Такъ какъ дѣло идетъ о столицѣ мѣста, которою не напрасно столько вѣковъ служитъ Янина, то нѣтъ ничего невозможнаго, что она-то самая и была нѣкогда Эллою, если только послѣдняя дѣйствительно существовала когда-нибудь. Сводя же генеалогически *Эллу* съ *эллинами,* и подавно умѣстнымъ находишь быть ей въ Янинѣ, откуда истекло недавно возрожденіе эллинизма [1]). Это будетъ практичнѣе и историчнѣе Θессалійскаго царства Эллина, Македонова

лежащимъ на подушкахъ въ лодкѣ, съ длиннымъ чубукомъ во рту и прислуживаемымъ юными невольниками.

[1]) Чуть ли не надобно искать происхожденія знаменитаго слова самымъ прозаическимъ путемъ, изъ... болота, — Ἕλος. И Θессалійская Ἑλλὰς, и Эпирская Ἑλλοπία были мѣстности низкія, заливаемыя по временамъ стоячею водою.

брата, и проч. Эллинствовать такъ сегодня расположило меня чувство національной справедливости къ мѣсту, навсегда мною оставляемому. Во все время пребыванія своего здѣсь я видѣлъ и чувствовалъ себя какъ бы совершенно въ Греціи. Албанская стихія, правда, даетъ себя замѣтить весьма нерѣдко, но вѣдь и въ самыхъ преславныхъ Аѳинахъ можешь тоже встрѣтиться съ нею чуть не на каждомъ шагу. Тутъ все, что не есть турецкое, и даже многое турецкое, т. е. потурченное, говоритъ и (вѣроятно) мыслитъ по-гречески. Янина болѣе эллинскій городъ, чѣмъ самыя Смирна и Ѳессалоника. Такъ мнѣ кажется. Коротаемъ сей послѣдній день во всякаго рода приготовленіяхъ. Пришлось не только считаться, справляться, разбираться, запасаться, но даже починяться. Чуть перо изъ рукъ, какъ уже видится въ нихъ иголка. Между работою слышится чье-то признаніе: не будь я Діогеномъ, я былъ бы Александромъ... шитва̀! Немного самолюбиво какъ будто, но въ духѣ края, воображающаго не на шутку, что онъ-то и есть столпъ и утвержденіе эллинизма. Отъ усиленнаго занятія заболѣла голова, и ради сего обстоятельства къ вечеру опять придумана была прогулка по озеру. Въ первую мою поѣздку по нему я уже имѣлъ случай пересчитать всѣ, засвидѣтельствованные „Хронографіей", случаи его замерзанія въ вѣкахъ минувшихъ, въ томъ числѣ и въ памятномъ 1812 г., когда русскій генералъ Морозко заставилъ плясать отъ стужи горячаго генерала „Въ-банѣ-парьте". Теперь я занесу на скрижали памяти своей замѣчательный случай разлива озера, бывшій два года сряду въ 1684 и 1685 годахъ, когда уровень озера поднялся до полу митрополіи (каѳедральнаго собора), возвышающейся надъ нимъ на 18 (по Пуквилю— на 25) футовъ! Въ первомъ изъ годовъ возвышеніе воды началось 25 Мая, во второмъ вода стояла на такой высотѣ отъ 10 Января по 10 Іюня [1]. Въ той же хронографіи записаны подъ годами 1667 и 1736

---

[1]) Главная прорва находится въ маломъ, сѣверномъ озерѣ, и зовется *Войникова*.

чума, подъ 1743 — землетрясеніе, подъ годами 1777 и 1783 — голодъ, подъ 1712 — саранча, подъ 1798 — взрывъ пороховаго склада, стоившій жизни 50 человѣкамъ. Пробѣлъ остается только на пожарахъ, которымъ окружающее городъ озеро, вѣроятно, не давало никогда принимать обширные размѣры и занять оттого мѣсто въ памяти народной. Возвратившись домой, еще долго странствовали пальцемъ по картѣ, направляясь все къ югу, и засматривая по сторонамъ то на громадный кряжъ *Чумерки,* видимый изъ окна нашей комнаты, то на историческія: *Паргу* и *Сули.* Всего же болѣе мнѣ хочется заглянуть поскорѣе въ одну огромную византійскую церковь съ стѣнными мозаиками.

Пять Колодцевъ. 23 Іюня 1865. Среда.

Предположено было выѣхать съ солнышкомъ, чтобы при его же свѣтѣ узрѣть вторую столицу бывалаго царства Эпиро-Этоло-Акарнанійскаго, какъ бы своего рода Москву, — съ тѣмъ различіемъ, что ей выпала доля, на перекоръ топографическимъ условіямъ нашихъ столицъ, быть при морѣ. Но пока всѣ проснулись, напились чаю, уклались и закусили на дорогу, прошло около четырехъ часовъ. Наконецъ всѣ распоряженія сдѣланы, всѣ на случай приказанія отданы, выходимъ и садимся на лошадей, видимо подбодрившихся отдыхомъ. Было 10 часовъ дня. У воротъ консульства снуютъ зѣваки-мальчишки, радующіеся случаю пошумѣть. Раскланиваемся съ гостепріимнымъ домомъ и оглашаемъ улицу стукомъ стольких копытъ конскихъ по мостовой. Два-три поворота, и конецъ городу. Выѣзжаемъ изъ него тѣми же самыми воротами, которыми въѣхали въ него за 12 дней передъ этимъ. Веремъ

Достаточно ей засориться, чтобы случай тѣхъ годовъ повторился, и даже болѣе, чтобъ былъ мѣстный потопъ.

влѣво, и направляемся прямо на югъ по чистому полю. На минуту чувствуется полное довольство. Городъ успѣлъ немножко надоѣсть, и перемѣна декорацій становилась давно уже дѣломъ желаннымъ. По прежнему, насъ — пять всадниковъ, впереди — на своемъ великолѣпномъ конѣ г. консулъ, за нимъ кавасъ его, потомъ мой товарищъ, за нимъ я, и за мной Търпко, неизмѣнно спокойный и молчаливый. Говорить, впрочемъ, ни у кого нѣтъ охоты, да пожалуй и некогда. Колонновожатый спѣшитъ такою рысью, что намъ дай Богъ какъ нибудь держаться за нимъ, то налетая на него галопомъ, то отставая въ одну минуту на цѣлую стадію додонскую. Ни города, ни озера, ни Кастрицкаго холма давно уже не видно. Рисующіеся на Пуквилевой картѣ „Геллопіи“ по дорогѣ нашей 5—6 монастырей или укрываются гдѣ-нибудь за холмами, или до того малы и ничтожны, что не отыскиваются глазомъ. Насчитывается же ихъ въ окрестностяхъ Янины, не много ни мало, 38! Вотъ гдѣ процвѣтало когда-то православіе, въ примѣръ всѣмъ землямъ христіанскимъ! И еще бы не желать возвращенія края къ прежнему благополучію! Равнина или котловина съуживается. Справа и слѣва подступаютъ горы. Пора бы высматривать вправо гору *Алепу̀* (Лисицу) и при подошвѣ ея развалины древняго и въ свое время славнаго города *Пассарона*, но ближайшая къ дорогѣ горка *св. Димитрія* очевидно не позволитъ мнѣ видѣть ихъ. Горка называется такъ отъ монастырька великомученика, присосѣдившагося къ ней, и весьма невзрачнаго. Тоже имя господствуетъ и по другую сторону дороги, гдѣ видится сельцо: *св. Димитрій*. Выбираемся изъ яркой зелени луговой, порожденной болотистой почвой, на подгорье, и подъѣзжаемъ къ хану, тоже, кажется, посвященному великомученику. Немного мы ѣхали, но почему-то показалось намъ, что уже устали. Вѣроятно содѣйствовалъ такому убѣжденію не въ мѣру палящій зной, какой у насъ на сѣверѣ обыкновенно бываетъ предвѣстникомъ грозы. Какъ бы то ни было, рѣшено было сдѣлать

преждевременный привалъ у хана. Зашла рѣчь о *Пассаронѣ* и о его театрѣ, будто бы величайшемъ изъ всѣхъ, какіе имѣла древняя Грепія, по утвержденію Пуквиля, и заслуживающимъ того, что бы хотя взглянуть на него въ зрительную трубку съ первой подходящей высоты. Но и безъ каламбура: passerons le Passaron, ясно было, что намъ не видать его, какъ своихъ ушей.

Мѣсто было приглядное. Изба наша, хотя не могла хвалиться никакими углами, но въ буквальномъ смыслѣ слова, была красна пирогами, достойно предъизображавшими собою всесвѣтный, хотя и не занесенный въ церковныя минеи, праздникъ — канунъ *Иванова дня*, доселѣ еще не освѣщенный вполнѣ историческою наукою, но несомнѣнно упредившій собою всѣ христіанскіе праздники. Древніе, повидимому были впечатлительнѣе насъ, слѣдили за ходомъ солнца внимательнѣе, и день *остановки* его (solstitium, aestivum et brumale) почитали за праздникъ, приключавшійся два раза въ году, 24-го числа (нашего) Іюня и 25-го Декабря. По странному совпаденію, на эти самыя, роковыя въ физическомъ году, числа припали и два христіанскихъ праздника, два *Рождества*... Но „ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами", говоритъ пословица. За ханомъ мы простились съ страною *Молоттдѳъ* или *Молотіей*, которую справедливо бы кто назвалъ Болотіей, и стали подниматься съ уступа на уступъ на перемычку, соединяющую горные хребты справа *Олицки*, слѣва *Дриска*, слѣдуя дорогою, точнѣе — стежкой, то до нельзя трудной, то пригодной даже для колесной ѣзды. Благое настроеніе духа смущали только далекіе, чуть различаемые по началу, раскаты грома. Они видимо съ каждою минутою близились къ намъ. Зной, достигавшій еще недавно до степени печнаго жара, сталъ быстро понижаться съ возрастаніемъ облачныхъ массъ на небѣ. Эти перевороты воздушные занимали насъ больше часа, а подъ конецъ стали страшить. „Предстоитъ неминуемая баня", слышу, говорятъ впереди, „надобно поспѣшить къ хану". Гарк-

нули, и слѣдъ простылъ собесѣдниковъ, показался вотъ и ханъ, но между нимъ и мною уже колыхалась громадная завѣса, недававшая ясно разсмотрѣть, что тамъ дѣлается впереди. Настоящимъ ливнемъ она разразилась надъ нами съ Търпкомъ, и провожала насъ до самаго хана. Хотя-не-хотя мы сдѣлали тутъ вторичный привалъ. Мѣсто зовется: *Пять Колодцевъ* (Πέντε Πηγάδια) и считается весьма важнымъ въ стратегическомъ отношеніи. Оттого тутъ же по близости высится и крѣпость. Новѣйшая исторія разсказываетъ про чудеса храбрости, совершенныя въ мѣстахъ этихъ славнымъ *Маркомъ Бόцари,* находившимся нѣкоторое время въ тайныхъ сношеніяхъ съ мятежнымъ сатрапомъ Янинскимъ, оказавшимся, къ немалому конечно изумленію самого себя, на сторонѣ грековъ! Не только имя, но и самое лицо этого богатыря новой Иліады, грозное и ярое, памятно мнѣ по русскимъ литографіямъ 30-хъ годовъ. Миѳомъ мнѣ казалось и оно, какъ все, до нельзя возвеличенное и прославленное дѣло возстанія 1821 г. Между тѣмъ мнѣ припоминается одна минутная перемолвка съ однимъ изъ „агонистовъ" (дѣятелей эпохи возстанія) въ Аѳинахъ, по которой славное дѣло Боцари представлялось случайнымъ, изолированнымъ, безплоднымъ и даже прямо — неудачнымъ... Кому, какъ не Аѳинамъ знать про тò? Попу и книги въ руки. Сосѣднія выси (если только извѣстный „подвигъ" Боцари совершался тутъ) сказали бы конечно всю правду, но и отъ нихъ кто знаетъ, чего ожидать? Вотъ сосѣдка ихъ Додона прославилась же безтолковой болтовней, въ которой кто чего хотѣлъ, тотъ то и слышалъ. Я, собственно отъ себя, хочу видѣть Марка настоящимъ героемъ, по памяти благоговѣйнаго стоянія моего передъ его портретомъ въ тѣ дни, когда и самому хотѣлось сдѣлать что-нибудь мужественное въ соотвѣтствіе носимому тогда мною имени.

Съ послѣдними каплями пронесшейся тучи мы сѣли на лошадей и поѣхали далѣе. Солдатъ у крѣпости не пропустилъ случая сдѣлать

намъ, т. е. консулу или точнѣе — его кавасу, одѣтому по царски, на караулъ, за что и получилъ въ награду пол-бешлыка. Черезъ $1/4$ версты увидѣли мы и самые *колодцы*, т. е. высѣченные въ скалѣ водоемы, коихъ оказалось, вмѣсто *пяти*, шесть. Мы конечно остановились у нихъ, но замѣчательнаго ничего въ нихъ не нашли. Какого они времени, кто можетъ сказать? Что который-нибудь изъ трехъ *Пирровъ* могъ пить изъ нихъ воду, съ этимъ, повидимому, можно согласиться. Дѣйствительно, отъ способа устройства ихъ, и отъ самаго числа ихъ, вѣетъ глубокою древностію. Положеніе мѣста весьма высокое, и мы полюбовались съ него восхитительной панорамой, открывающейся къ юго-западу. Далеко тамъ, въ глубинѣ, какая мнѣ и на мысль не приходила, видѣлось широкое море, залитое лучами солнца, съ едва различаемыми очерками островов, — точно совсѣмъ иной міръ, — эѳирный, лучезарный, прелестный! Это Греція! Одного слова этого довольно для меня, чтобы вдругъ охватиться чувствомъ несказаннаго блага, какого-то духовнаго родства, жалѣнія, умиленія, забытья.. Обратившійся уже весь въ идеалы, классическій міръ неотразимо влечетъ меня къ себѣ напрашивающимися и дружески помавающими, не въ мѣру, конечно, преувеличенными представленіями всего юнаго, живаго, легкаго, свѣтлаго, цвѣтущаго и радующаго. А тутъ еще самый обликъ его сіяющій, рѣющій, утопающій въ синевѣ моря и лазури неба! Какъ хорошо было у этихъ пяти колодцевъ, кажется всѣмъ моимъ пяти чувствамъ! Я долго еще смотрѣлъ бы на чарующее зрѣлище, если бы внезапное ржаніе коня моего, стосковавшагося по товарищамъ, не пробудило меня отъ „сна на яву", и не сказало мнѣ, что я остался — одинъ! Пришлось расплатиться за нѣгу души продолжительнымъ напряженіемъ тѣлеснымъ, мало того что несподручнымъ, а еще и опаснымъ. Каменистая дорога смокла отъ дождя, и требовалась большая осторожность галопирующему въ догонку всаднику, чтобы не сдѣлать вмѣстѣ съ конемъ такого „ложнаго шага", которымъ закончится, прежде окончанія, все его стран-

ствованіе и самый сей разсказъ о немъ... Говорю такъ недаромъ, потому что чуть не случилось именно того, чего всего менѣе ожидалъ всадникъ. Отчего-то мы оставили въ сторонѣ настоящую горную дорогу, кажется за самую ея каменистость, и поѣхали русломъ одного потока, поросшимъ лѣсомъ и до того изрытымъ зимними водами, что скала и тутъ выглядывала изъ-подъ песка чуть не на каждомъ шагу. Мѣстность походила на мрачное и глухое ущелье. Чуть мы врѣзались въ него, въ довершеніе контраста между переживаемыми впечатлѣніями, возобновился дождь, преслѣдовавшій насъ около часа. Припомнилась мнѣ Слимницкая экскурсія наша съ ея траги-комическими сценами. Комизма впрочемъ теперь было весьма немного, исключая развѣ отчаяннаго обращенія къ небу насквозь промокшаго сосѣда по коню, сложившаго безполезный зонтикъ и стоически произнесшаго: ну, лей же! Дождикъ дѣйствительно за деревомъ поливалъ, а подъ деревомъ хлесталъ, и спасенья не было нигдѣ. Ни навѣса, ни пещеры, ни угла завѣтреннаго, ни малѣйшаго—алябри (хохотъ сквозь слезы)! Кончился спускъ нашъ, кончился и дождь. Засіяло солнце и мы развернули свои зонтики... для сушки. Снова подъемъ на гору или, точнѣе, на пригорокъ, окончившійся широкою площадью, на которой насъ весело привѣтствовалъ давно уже поджидаемый ханъ *Карвасарà*, — большое, одинокое зданіе, съ галлереею, по обычаю, во всю длину свою.

— Каковъ Купало-то! — имѣли мы духъ подтрунивать надъ своимъ положеніемъ, разлегшись на галлереѣ и любуясь своимъ развѣшеннымъ для просушки платьемъ. Утренніе пирожки опять сіяли и благоухали передъ нами. Отъ имени археологіи была попытка заявить, что нашъ миѳологическій *Купало*, по тщательнымъ изслѣдованіямъ, оказывается не имѣющимъ ничего общаго съ „купаньемъ“ въ общеупотребительномъ смыслѣ слова, что онъ могъ произойти и отъ малороссійской *копы* (полтины), и отъ великороссійской *копны*, и отъ нероссійской *купы* (четы), и отъ *купить*, и отъ *копи́ть*, и даже отъ *копа́ть*... Стойте! раздается

въ ученомъ ареопагѣ Карвасарійскомъ, Эврика! Если не отъ *купать*, то непремѣнно отъ *капать*... И тутъ, и тамъ жидкость. Это какъ: вода и водка. Первая насъ выкупала, вторая должна высушить... Рукоплесканіями встрѣченъ былъ такой выводъ ученаго референта, и о Купалѣ больше не было помина. Тутъ полагается половина дороги между Яниной и Артой. Отсюда обѣщается намъ уже безпрерывный спускъ, и мы навсегда простимся съ горами, на которыхъ цѣлый мѣсяцъ витаемъ безсмѣнно. Компанія предалась отдыху, который, по примѣрамъ прошлыхъ дней, бѣжалъ отъ меня, не терпя вынужденнаго характера. Да ему мѣшалъ и наступившій опять чрезмѣрный зной, — симптомъ, весьма неблагопріятный въ нашемъ положеніи. Съ тревогою смотрѣлъ я на бѣгущія по небу облака, имѣвшія все одно и тоже восточное направленіе, и до того низкія, что сосѣдній хребетъ *Сидери* (желѣзнякъ) загораживалъ имъ дорогу, и скоплялъ ихъ въ зловѣщія темныя массы. Побродивъ туда-сюда по усѣянному глыбами известняка полю, я раскрылъ отъ нечего дѣлать *Киперта,* и оріентировавшись надлежащимъ образомъ, увидѣлъ, что мы находимся на параллели пресловутой мѣстности *Сýли* или опредѣленнѣе: *Како-Сули* (злаго Сули), игравшей такую выдающуюся роль въ началѣ греческаго возстанія [1]). Ее можно бы назвать Греческой Черногоріей, бившейся изъ всѣхъ своихъ немногихъ силъ за независимость, и однакоже не дождавшейся радости составлять одно цѣлое съ свободною Греціей. Не мало знаменитостей

---

[1]) Собственно и первоначально *Суми* есть простое селеніе, выстроенное на одной изъ неприступныхъ скалъ-горъ, служившее убѣжищемъ пресловутымъ *клефтамъ* (κλέπτης — воръ), т. е. первоначально хищникамъ, разбойникамъ, а потомъ ратаямъ за политическую свободу страны. Въ союзъ съ нимъ по началу вступили еще другія три такія же селенія, къ коимъ примкнули потомъ еще семь. Явились въ Европѣ свои домашніе соединенные штаты, — пародія великой американской республики. Вся исторія шумнаго въ свое время мѣста не выходитъ за предѣлы минувшаго столѣтія и вращается преимущественно въ борьбѣ горсти храбрецовъ противъ Янинскаго тирана.

нынѣшняго королевства Эллинскаго вышли изъ этого невиднаго и незавиднаго уголка земли, и вѣроятно много еще есть въ живыхъ героевъ, принимавшихъ участіе въ нещадныхъ побоищахъ со врагами, оставшихся къ сожалѣнію безплодными. Упомянутая выше фамилія *Бо́цари* — изъ Сули. Суліоты также и именитые въ Греціи: *Зе́рва*, *Дзаве́ла*, *Даньли́*, *Перреводсъ*, *Пала́ска* и пр. Такихъ героинь, какъ прославленная европейскою печатію *Бобелина* (читай: *Бубулина*), въ Сули, говорятъ, можно было встрѣтить на каждомъ шагу, но ихъ скромныя имена въ родѣ *Мо́схо*, *Де́спо* и др., остались безвѣстными, такъ какъ некому было раскричать о нихъ[1]. Когда мы, русскіе, во время эфемернаго властвованія надъ Іоническими островами, образовали изъ суліотовъ полкъ (пусть — роту), то одна изъ фамиліи *Дзавеловъ* героиня имѣла будто бы чинъ маіора. Эллинская печать конечно не пропускаетъ случая называть суліотское движеніе *своимъ*, но исторія должна знать и свидѣтельствовать, что всѣ суліоты и родомъ и языкомъ — албанцы, наученные только господствующею церковію (православною) молиться Богу, а затѣмъ и мыслить, и чувствовать по-гречески. Геройство — это чуть не ремесло для албанца. Если бы оно не имѣло оттѣнка звѣрства, можно бы было ставить въ

---

[1]) Передается неслыханная въ лѣтописяхъ человѣчества сцена. Послѣ паденія укрѣпленнаго мѣста *Кюнге*, суліоты бѣжали къ такому же, зовомому: *Залонго*. Всѣхъ воителей было 200 человѣкъ. Большое число женщинъ съ дѣтьми бѣжало на вершину утеса, какъ на мѣсто спасенія. 22 числа Декабря 1803 г. новыхъ спартанцевъ окружило войско Али-паши въ 3—4 тысячи человѣкъ. Цѣлый день храбрецы отбивались отъ несмѣтнаго врага. На слѣдующій день, въ виду неминуемаго истребленія мужей своихъ, отцовъ и братьевъ, всѣхъ поголовно, женщины одна за другой побросали съ утеса въ бездну дѣтей своихъ. Кончивъ это сверхъестественное ужасное дѣло, онѣ составили изъ себя хороводъ плачевный, какъ это дѣлается почти вездѣ на Востокѣ, стали пѣть обычныя надъ мертвыми причитанія, и по обычаю кружиться, и при этомъ одна за другою подходили къ обрыву, дѣлали рукою прощальный знакъ товаркамъ, и бросались внизъ... пока не осталось на верху ни одной. Такихъ героинь было шестьдесятъ! Турки, смотря на это невиданное и невообразимое зрѣлище, кричали: Аллахъ! Аллахъ! Изъ всѣхъ жертвъ отчаянія спаслась какимъ-то чудомъ только одна. Вотъ сюжетъ, достойный кисти наилучшихъ художниковъ!

примѣръ этотъ маленькій народецъ всему изнѣженному и обездушенному Востоку. Обо всемъ этомъ мнѣ тѣмъ легче было голословить, чѣмъ рѣзче и неотступнѣе рисовалась передо мною статная и величественная фигура албанца-каваса консульскаго, коего истинно-геройскому виду мѣшала только непомѣрная рисовка человѣка, напоминавшаго своею вѣерообразно раздувавшеюся фустанелью хвостъ индѣйскаго пѣтуха.

Лѣнивые и какъ бы разслабленные, мы садимся на лошадей въ предчувствіи, что искушенія дня еще не кончились для насъ. Расплачиваемся съ паликаромъ-хозяиномъ за тѣнь, воду и воздухъ 16-ю піастрами, и, благословясь, начинаемъ свой послѣдній переѣздъ по послѣднимъ отрогамъ Пинда. Съ ¼ часа тянулись по горной площади, упираясь прямо въ безвыходную повидимому твердыню *Сидери*, но у самой горы наткнулись опять какъ бы на русло сухаго теперь въ лѣтнее время потока, по которому и стали медленно спускаться косогоромъ въ глубокую долину *Каравасарà*, давшую имя и самому хану, въ которомъ мы останавливались и сушились. На бѣду нашу, чуть мы порадовали себя мыслію, что отселѣ и впредь намъ уже не предстоитъ подъема до самой улицы Топ-ханà въ Царѣградѣ, и что все впереди обѣщаетъ быть для насъ „медомъ и молокомъ“, по греческой пословицѣ, какъ вдругъ... брызги воды! Безъ молніи и безъ грома набѣжало надъ головы наши рѣденькое облачко, привѣтствованное нами пренебрежительнымъ: шалишь! Вышло однакоже то, чего не чаяли, хотя и должны были ожидать. Изъ брызгъ составилось накрапыванье, за нимъ слѣдовало сѣченіе, чуть-ли даже не съ градомъ, и заключилось все опять настоящимъ поливаніемъ. Новая напасть эта преслѣдовала насъ болѣе часа, пока мы и спустились на желанную равнину. Промокши до костей, мы рады были теплому воздуху начинающагося поморья, но напрасно расчитывали на вторичную услугу ласковаго солнышка, высушившаго насъ утромъ безплатно. Оно само, какъ видно, сушилось у

какаго нибудь Ифеста, починяя свою таратайку, размокшую отъ дождя. Мы его не видѣли болѣе на сей день. Вмѣстѣ съ тѣмъ насъ охватила болотная сырость, такая густая, что грозила намъ насморкомъ съ первыхъ же минутъ. Одно къ другому! Оставалось ожидать, что клинъ будетъ выбитъ клиномъ, по пословицѣ. Не менѣе часа мы виляли по топкой и грязной дорогѣ, имѣя съ лѣвой стороны гору *Кельборани,* понижавшуюся вмѣстѣ съ нами, — послѣднюю ступеньку Пинда, а съ правой безпредѣльную луговину, блестѣвшую тамъ и сямъ водою съ камышевою опушкой. Конецъ и горѣ. Какое-то зданьице впереди. Доѣхали и узнали, что тутъ *Пигй* (источникъ). Тутъ распростился съ нами г. консулъ, умчавшійся галопомъ вмѣстѣ съ кавасомъ къ незримому еще городу, завѣщавъ и намъ послѣдовать его примѣру, чтобы отъ движенія согрѣться и даже обсохнуть. Мы съ товарищемъ нашли, что летѣть птицей съ нашей мокрой длиннополой одеждой значило бы представлять изъ себя некрасивое зрѣлище нетопырей, и рѣшились остаться одни на произволъ судьбы, такъ какъ Търпко давнымъ давно отсталъ отъ каравана и невѣдомо, гдѣ обрѣтался. „Языкъ до Кіева доведетъ“, утѣшали мы другъ друга, какъ же не довести ему до рта, къ которому онъ имѣетъ такое непосредственное отношеніе [1]? Уже мы знали изъ *Гильфердинга,* что слово: *Арта* есть исковерканное ради удобства произношенія славянское: *'рта* (примѣры: *Амченскъ* вмѣсто: *Мценскъ,* 'Αβδέλα вмѣсто βδέλλα [піявка], *а*ржаная мука, и проч.). Наступали уже сумерки, и мѣсто представлялось совершенно

---

[1]) Да проститъ намъ эту маленькую издѣвку ученый и досточтимый славянофилъ Нашъ *ротъ* мы ему навязываемъ. Корнесловствуя надъ именемъ *Арта*, онъ имѣетъ въ виду не нашъ русскій, а южнославянскій *рътъ* или *'ртъ*, а оттуда и *Артъ*, употребляемый въ значеніи *верха*, а также *мыса*. Что сказать? Вѣдь и нашъ ротъ тоже находится на верху и тоже, пожалуй, имѣетъ видъ мыса. Но, шутки въ сторону. Отъ (а)рт*а* до Арты есть еще скачекъ, это во-первыхъ. А во-вторыхъ, ни мѣстоположеніемъ, ни значеніемъ своимъ городъ Арта не напоминаетъ ни мыса, ни вершины.

пустымъ. Ни на встрѣчу намъ, ни за нами — ни души! Тянемся гуськомъ, и выѣзжаемъ на своего рода бульваръ, — широкую улицу, усаженную по сторонамъ... камышемъ, на столько высокимъ, что мы — всадники — теряемся въ немъ. Вдали на лѣво начинаютъ мелькать огоньки. Ободряемся и подгоняемъ своихъ, крѣпко уставшихъ лошадей. Сырость дѣлается почти холодною, мы приближаемся къ рѣкѣ. Впереди высокій и длинный мостъ. Съ него намъ видѣнъ сталъ и городъ, но казалось, что мы уже минули его и, держась той же дороги, заѣдемъ не знать куда, въ сторону. А дѣлать было нечего. Другаго пути не предстояло. Мы уже рѣшались оставить дорогу, поворотить назадъ и ѣхать напрямикъ къ городу, изъ котораго долетали уже до насъ и лай собакъ и ослиный ревъ и даже человѣческіе голоса, какъ дорога сама сдѣлала быстрый поворотъ къ востоку прямо на огни, имѣвшіе по мѣстамъ видъ зарева. Веселѣе пошли и кони наши, инстинктивно угадывая близость жилья человѣческаго и конецъ цѣлодневнаго своего маянья. Города еще нѣтъ, а мы уже выѣзжаемъ въ лице большому и величественному зданію, стоящему на возвышенности, передъ которымъ тамъ и сямъ горятъ нѣсколько костровъ, бросающихъ на него багровый отсвѣтъ. Подъѣзжаемъ къ одному изъ нихъ, придорожнему, и пріятно поражаемся картиною столько памятнаго „прыганья черезъ огонь", составляющаго, какъ и вездѣ, достояніе по преимуществу „шумливаго поколѣнія". Это онъ — Ивановскій канунъ — празднуется христіанскимъ населеніемъ мѣста. И вездѣ все тотъ же способъ страннаго сего, никѣмъ незаповѣданнаго и не уставленнаго, своеобразнаго культа, отъ Ледовитаго до Средиземнаго моря! Зачѣмъ онъ? Откуда онъ? И что онъ означаетъ? Не мѣсто, конечно, здѣсь пускаться въ изслѣдованія, но я радъ, что констатируется весьма замѣчательный фактъ. Слушая крикливый говоръ празднующихъ, раздающійся на греческомъ языкѣ, мы заявили имъ свое освѣдомленіе о мѣстѣ жительства русскаго вице-консула. Съ неохотою согласился

одинъ изъ прыгуновъ проводить насъ до его квартиры, для чего пришлось намъ не мало исколесить улицъ и переулковъ. Высокій и красивый домъ, богато освѣщенный внутри, еще издали признанъ былъ нами за консульскій. Окончательно въ томъ убѣдилъ насъ картинный *Яни* нашъ, поджидавшій насъ у воротъ и хлопавшій на всю улицу курбашомъ въ знакъ своего высокаго достоинства и нахожденія на *царской* службѣ. Полезнѣе было бы ему немного подалѣе выйти къ намъ на встрѣчу, чѣмъ обязательно указывать только какъ и куда пройти по лѣстницѣ, чтобы оказаться, гдѣ нужно, въ консульскихъ палатахъ, но — „не отъ тернія чешутъ смоквы", по евангелію. Насъ радушно принялъ весьма почтенный и симпатичный человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, *г. Варзéли*, отрекомендовавшійся русскимъ вице-консуломъ въ Артѣ [1]), вѣроятно итальянскаго происхожденія, но рѣчью, обращеніемъ и понятіями настоящій грекъ, хотя и не эллинъ, конечно. Мы попросили себѣ отдѣльной комнаты, чтобы, какъ умѣемъ, обсушиться наединѣ, пока появится нашъ багажъ. Все было готово къ нашимъ услугамъ. Олицетвореніемъ же *всего* служилъ, какъ легко представить, самоваръ. Явился наконецъ и Търпко, какъ всегда, спокойный, благодушный и серьезный, и даже... сухой! Переодѣвшись и прибравшись, мы вышли къ вечерней трапезѣ. Нѣтъ нужды описывать того чувства довольства и невозмутимаго, блаженнаго покоя, которымъ жилось въ остатокъ этого памятнаго дня.

---

[1]) Нѣкотораго рода неожиданностію было для меня встрѣтить въ такомъ захолустьи, какъ Арта, русское вице-консульство. Можно не сомнѣваться, что въ городѣ и во всемъ его округѣ, нѣтъ ни одного русскаго подданнаго, а равно и—что никакое купеческое судно русское не заходитъ ни съ чѣмъ и ни зачѣмъ въ Артскій заливъ. Повидимому, мѣсто его собственно въ сосѣдней *Превезѣ*. Здѣсь же г. Варзели проживаетъ, какъ туземецъ и собственникъ значительной недвижимости.

Арта. 24 Іюня 1865. Четвергъ.

Имя *Арта* неизвѣстно древнимъ писателямъ — ни греческимъ, ни латинскимъ. Въ первый разъ встрѣчается оно, кажется, у писателей XI вѣка, и именно у Анны Комниной. Древніе географы, описывая сѣверный берегъ морскаго залива, отдѣляющаго Эпиръ отъ Акарнаніи, т. е. теперешній Артскій заливъ, указываютъ на немъ самый важный заселенный пунктъ съ именемъ *Амвракіи*, лежавшей при устьяхъ рѣки *Арахѳа*, и отстоявшей отъ залива на 80 стадій или 10 миль (около 13½ верстъ). Городъ, по обычаю тѣхъ временъ, считался колоніей Коринѳянъ, и имѣлъ такое преобладающее значеніе въ краю, что по нему сталъ извѣстенъ весь заливъ подъ именемъ *Амвракійскаго* (Ἀμβρακικὸς κόλπος). Кажется, не можетъ быть сомнѣнія, что дѣло идетъ именно о мѣстѣ, которое занимаетъ теперешній городъ Арта [1]). Что къ Амвракіи прилежали болота, это окончательно утверждаетъ въ предположеніи тожества Амвракіи и Арты. Что же касается нынѣшняго имени города, то помимо славянскаго *рта* и греческаго *хлѣба* (ἄρτος) [2]),

---

[1]) Однакоже *Пуквиль* прямо отрицаетъ это, полагая, что нынѣшняя *Арта* занимаетъ мѣсто древней *Аргиѳеи*, а Амвракія или, по нему, *Амвракъ* находился тамъ, гдѣ впослѣдствіи находилась крѣпость *Роги* (мн. ч.), столько извѣстная византійцамъ. Самый *Арахѳосъ* или *Аревонъ* онъ отожествляетъ съ рѣчкою *Луро*... Все это кажется однимъ ученымъ капризомъ писателя. Но странно, что и «хронографія» тоже высказывается не за Арту-Амвракію. На мѣстѣ нынѣшняго города она ставитъ древній *Аргосъ Амвракійскій* или *Амфилохійскій*, держась мнѣнія своего географа *Мелетія*. Но древніе географы сему новому *Аргосу* указываютъ мѣсто въ *Акарнаніи*, т. е. на южномъ, и много — на восточномъ берегу залива, а никакъ не на сѣверномъ, и именно тамъ, гдѣ теперь городокъ *Каравасара̀*.

[2]) О *Ртѣ* мы говорили. На русское «выкомуріе», греческій «эллиникуризмъ» отвѣчаетъ предположеніемъ, что въ средніе вѣка городъ велъ моремъ значительную торговлю хлѣбную, и снабжалъ хлѣбомъ Эпиръ и Акарнанію. Откуда и легко (!) было ему назваться *Артой*... Коротко и ясно! Значитъ и *Гала-ксиди* такимъ образомъ торгуетъ молокомъ и уксусомъ, *Коринѳъ* — дѣвами или клопами!.. и пр.

можно бы попытаться вывесть оное историко-географическимъ путемъ, — изъ имени сосѣдней рѣки *Арахөа*, которая у римскихъ писателей (Титъ Ливій, кн. 38, гл. 4) зовется и пишется Arethon. Да даже и грекъ Поливій пишетъ ее Ἀρέθοντα ποταμὸν. А отъ *Арéта* до *Арты* одинъ шагъ. Только не совсѣмъ естественнымъ представляется, чтобы рѣка пережила имя города, оставила ему свое имя, значительно исковерканное — притомъ же, и затѣмъ сама потеряла его. Развѣ еще допустить, какъ это дѣлаютъ теперь болгаре съ *Филиппополемъ* (по ихъ мнѣнію и до Филиппа, и при Филиппѣ не перестававшимъ, вопреки педантамъ-историкамъ, именоваться *Плóвдивомъ*), что и Арта искони-вѣкъ у туземцевъ (пелазговъ-албанцевъ?) слыла за Арту, а только грекамъ угодно было знать ее подъ именемъ Амвракіи. Что послѣднее имя звучитъ по-гречески и есть греческаго происхожденія, это сразу чуетъ греческое ухо. Занесено оно сюда конечно коринөскими колонистами, и можетъ давать поводъ досужему филологу и лексикографу къ самымъ курьезнымъ объясненіямъ [1]), болѣе или менѣе невѣроятнымъ. Что же касается нѣкоего *Амврáка*, сына Өеспротова, внука Лаокоонова, строющаго тутъ городъ *своего* имени, то мы, кромѣ достодолжнаго уваженія къ нему, равно какъ и къ Эллину, къ Македону, къ Метеору... ничего имѣть не можемъ.

На этомъ пунктѣ разсужденія меня засталъ пискливый звонъ колокола, приглашавшаго вѣрующихъ къ утреннему богохваленію по случаю праздника Рождества св. Іоанна Предтечи. Но болѣе неожиданнымъ обстоятельствомъ явилось землетрясеніе, поставившее вдругъ всѣхъ на ноги въ домѣ. Вотъ къ чему по истинѣ никакъ привыкнуть не можешь, и всегда овладѣваешься неодолимымъ страхомъ!

---

[1]) Начальное: αμ есть укороченное ἀνά или ἀμφὶ. Затѣмъ даютъ мѣсто игрѣ въ словопроизводство корни: ῥάκος, βράκος (или βράκα = braccae, теперешнее βρακὶ), βραχίων, φράσσω, πράττω, βρέχω...

Помню, какъ мы, проживая на одномъ островѣ Средиземнаго моря, 15 разъ въ сутки чувствовали подземный ударъ, и все таки не могли равнодушно отнестись къ грозному явленію. Смущенно и невесело мы собирались потому въ церковь Божію на молитву. Она была по близости. Имя ей *св. Димитрій*, коего праздникъ, какъ извѣстно, совпадаетъ съ памятію „великаго труса", т. е. трясенія земли въ Константинополѣ... Пришлось помолиться поусерднѣе. Служба Божія шла, какъ вездѣ на Востокѣ, неизмѣннымъ чиномъ или тѣмъ, что носитъ имя „чина". Церковь изъ новыхъ и ничѣмъ не замѣчательна, кромѣ своего наименованія *консульскою* ради того, что возобновлена, украшена, поддерживается и по преимуществу посѣщается нашимъ г. вице-консуломъ. Честь человѣку и русскому имени! По возвращеніи въ квартиру, не успѣли мы присѣсть къ самовару, какъ намъ доложили, что желаетъ представиться именитымъ (!) гостямъ мѣстное духовенство. Депутація состояла изъ 10 священниковъ подъ предводительствомъ митрополичьяго намѣстника, священно-проповѣдника, протосинкелла и архимандрита — саномъ, человѣка съ богословскимъ образованіемъ, еще очень молодаго, бойкаго и, конечно, по своему положенію — властнаго. Перебросившись обычными привѣтствіями и благопожеланіями, мы узнали, что владыка Артскій, хотя здѣсь имѣетъ свою митрополію, но рѣдко живетъ въ своемъ престольномъ градѣ, а предпочитаетъ ему *Превезу* по причинамъ гигіеническимъ. Сосѣднія съ Артою болота дѣлаютъ воздухъ ея нездоровымъ. На освѣдомленія наши о томъ, что есть въ городѣ замѣчательнаго изъ христіанскихъ древностей, намъ указали на четыре церкви внутри города и на двѣ за городомъ. Также упомянули о крѣпости, объ остаткахъ башень бывшихъ когда-то городскихъ стѣнъ, наконецъ о мостѣ, которымъ мы уже проѣхали... Впечатлѣніе, оставленное этимъ визитомъ, было не изъ худыхъ. Слово о бѣдности не сошло съ языка вождей и пастырей народа. Это одно уже говоритъ въ пользу ихъ. Можетъ быть, присутствіе съ ними „начальства" удер-

живало ихъ отъ того, но уже хорошо и то, что есть нѣчто сдерживающее, а еще лучше, что само-то начальство сдерживается, чего не встрѣтишь сплошь и рядомъ въ Турціи, да пожалуй и на всемъ Востокѣ. За первой депутаціей слѣдовала вторая — городскихъ учителей. Бесѣда съ ними открылась разсказами о случившемся утромъ землетрясеніи, явленіи какъ оказывается весьма не рѣдкомъ въ мѣстахъ этихъ, особенно въ жаркое время, объясняемомъ существованіемъ въ глубинѣ земнаго шара подъ всею широтою доисторическаго средиземнаго бассейна великой мастерской отставнаго бога Ифеста, выдвинувшаго на поверхность земли сосѣдніе семь острововъ, затопившаго Амвракію и всю окрестность Арты, и вообще надѣлавшаго все, что теперь географія заставляетъ зубрить дѣтей въ школахъ. При семъ оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, что школьное ученіе идетъ въ Артѣ со всѣмъ желаннымъ успѣхомъ, но все же значительно поотстало отъ училищъ свободной Греціи, изъ которой доставляются всѣ учебныя пособія и самый учительскій персоналъ. Что за преподаваніемъ, на сколько можетъ и умѣетъ, смотритъ турецкое правительство, это само собою разумѣется, но... *Аллахъ керимъ!* могутъ въ свою очередь говорить и мѣстные христіане. Учебное дѣло идетъ — *инш'аллà!* — не худо. Что-жъ? И слава Богу, — *эвъ-аллà* [1])!

Освободившись отъ посѣтителей, мы поспѣшили удовлетворить своему, крайне возбужденному любопытству. Уже лѣтъ 14 есть, какъ мнѣ удалось въ одномъ иллюстрированномъ описаніи Греціи на французскомъ языкѣ вычитать, что въ Артѣ есть большая византійская церковь Богоматери съ мозаиками. Въ текстѣ былъ помѣщенъ даже миніатюрный очеркъ ея съ рядомъ большихъ оконъ готическаго стиля, что я тогда же счелъ неудачной копировкой. Разсказы бывальцевъ

---

[1]) *Аллахъ керимъ* — Богъ милостивъ. *Инш-аллахъ* — если Богъ захочетъ, по волѣ Божіей. *Эвъ-аллахъ* — спасибо.

подтверждали сообщаемое книгой, и по обычаю представляли дѣло безъ мѣры преувеличеннымъ. Говорили напримѣръ, что церковь Артская есть другая св. Софія, что она въ 4 раза больше моего *Никодима* [1]), имѣетъ, вмѣсто одного, 6 куполовъ и пр. Многократно мнѣ приходилъ помыслъ еще тогда же съѣздить (изъ Аѳинъ) въ историческій *Миссолонги*, а оттуда пробраться и въ *Арту*, но исполнить это задушевное желаніе не привелось по... причинѣ, заявленной въ свое время еще Демосѳеномъ его знаменитымъ изреченіемъ: Δεῖ δὴ χρημάτων, ἄνδρες Ἀθηναῖοι! Познакомившись теперь съ Пуквилемъ, я еще больше утвердился въ желаніи видѣть дорогой для меня предметъ. Ко второму тому его Voyage de Grèce (2-е изданіе, 1826 г.) приложенъ и рисунокъ Артской великой церкви Благовѣщенія, названной имъ Paregoritza. Зданіе представлено дѣйствительно величественнымъ, но, очевидно, что это есть только слабый набросокъ, а не настоящій рисунокъ его. Чаяніе столькихъ лѣтъ, вотъ какъ бы помимо воли моей, исполняется. Вчера, при заревѣ Ивановскихъ костровъ, я уже въ тихомолку разсмотрѣлъ его и, признаюсь, почти всю ночь бредилъ имъ. Къ нему мы теперь прежде всего и направляемся. Проходимъ городомъ, вообще невзрачнымъ, и разумѣется не очень чистымъ, и выходимъ за него къ югу на пустырь, окружающій когда-то столичную церковь *Деспо́товъ* — государей Эпирскихъ, теперь оставленную городомъ, незовомую больше не только митрополіей (каѳедральнымъ соборомъ), но даже приходскою церковію. При дневномъ свѣтѣ она не показалась мнѣ такою громадною, какою видѣлась вчера вечеромъ. Но, стоя на вершинѣ холма, и рисуясь со стороны входа на церковный

[1]) *Никодимъ* — наша посольская церковь въ Аѳинахъ. *Моею* назвать ее мнѣ даетъ нѣкоторое право мое участіе въ возстановленіи ея изъ развалинъ. Изъ другихъ 12-ти церквей замѣчательнѣйшія: *Дафнійская*, св. *Ѳеодоровъ*, св. *Апостоловъ*, *Капникарея*, *Хрисо-спиліотисса*, *Кесарьяни*...

дворъ восемнадцатью двойными окнами своихъ двухъ фасадовъ сѣвернаго и западнаго, она поражаетъ своимъ величіемъ и даже своего рода изяществомъ. Полнотѣ такого впечатлѣнія мѣшаетъ ея раззоренный и заброшенный видъ. Первый взглядъ на ея общность увѣрилъ меня, что она должна принадлежать одной эпохѣ съ столько извѣстными мнѣ своехарактернымъ стилемъ Аѳинскими 12-ю церквами, относимыми гадательно ко времени императрицы *Ирины*, аѳинянки родомъ, но несомнѣнно позднѣйшими ея на два, на три вѣка. Таже въ облицовкѣ стѣнъ послѣдовательность горизонтальныхъ рядовъ каменнаго и кирпичнаго, тотъ же кирпичный карнизъ, опоясывающій на извѣстной высотѣ всю церковь со внѣ и образующій собою какъ бы узкую ленту, не вытянутую ровно, а то уходящую въ глубь стѣны, то выступающую до ея поверхности прямоугольными изгибами. Такъ же карнизъ этотъ окружаетъ всѣ сплошь окна и двери. Окна всѣ двойныя, раздѣленныя по серединѣ мраморною колонной, теперь не вездѣ уже сохранившейся. Разница съ упомянутыми церквями существенная та, что тѣ всѣ вѣнчаются (непремѣнно) однимъ куполомъ, какъ и цареградская *св. Софія*, а здѣсь, кромѣ центральнаго большаго купола, есть еще по меньшему куполу на четырехъ углахъ зданія, да по западному фасаду въ серединѣ между двумя угловыми есть еще третій открытый на колоннахъ — въ видѣ ротонды. Эти пять меньшихъ куполовъ накрываютъ собою такъ называемые катигу́мены (по-нашему хоры) церкви, и съ низу зданія извнутри не могутъ быть видимы, точно какъ въ нашихъ древнихъ храмахъ Кіевскихъ. Всѣ они стоятъ открытые, т. е. окна ихъ не имѣютъ окончинъ, да и весь рядъ верхнихъ оконъ церкви тоже — безъ окончинъ... Церковь такимъ образомъ надобно относить къ категоріи развалинъ. Въ этомъ мы убѣдились еще болѣе, когда вступили внутрь зданія. Хорошо хотя то, что единственная теперь дверь его затворяется на замокъ, ключъ отъ котораго находится въ рукахъ христіанъ. Еще болѣе утѣшаетъ то обстоятельство, что цен-

тральная часть храма, т. е. собственно пространство, накрываемое большимъ куполомъ съ алтаремъ, обращена дѣйствительно въ церковь, въ коей и совершается по временамъ божественная служба. Планъ всего зданія есть квадратъ въ 16 шаговъ, окруженный со всѣхъ сторонъ галлереей половинной широты, которая, исключая восточной стороны, идетъ въ два этажа, образуя вверху хоры. Большой куполъ не накрываетъ собою всего центральнаго четыреугольника. По угламъ сего послѣдняго выходятъ изъ стѣнъ на средину пилястры, поддерживающіе каждый по колоннѣ, и при томъ въ два яруса, съ тѣмъ различіемъ, что верхніе пилястры держатъ вмѣсто одной двѣ меньшихъ размѣровъ колонки, и сами утверждаются на двухъ колоннахъ, вложенныхъ въ стѣны горизонтально, такъ, что концы ихъ выходятъ въ галлереи, непріятно торча тамъ, и обличая собою самый не искусный пріемъ архитектурный[1]). Уже сверхъ двухъ верхнихъ колоннокъ сгибаются четыре широкія арки, на которыхъ и покоится куполъ съ 12-ю окнами, діаметръ котораго не превышаетъ трехъ саженей. Вообще размѣры длины и ширины въ этомъ странномъ зданіи совершенно не соотвѣтствуютъ размѣрамъ высоты, которая представляется безмѣрною. Стѣны внутри просто выштукатурены и побѣлены, незамѣтно, чтобъ были когда-нибудь росписаны, и весьма сомнительно, чтобъ были когда-то украшены мозаическими иконами, истребленными турками, какъ думаетъ Пуквиль. Одно и единственное мозаическое изображеніе, существующее теперь въ церкви, есть колоссальная фигура Вседержителя (І. Х.), изображеннаго по грудь, благословляющаго одною рукою, а въ другой держащаго евангеліе, общеизвѣстнаго на Во-

---

[1]) Не легко изложить въ желанной ясности эту архитектурную особенность. Надѣюсь, что сдѣланный, по моей просьбѣ, опытною рукою настоящаго художника рисунокъ одного изъ четырехъ угловыхъ углубленій (pendantif) подкупольныхъ, дастъ лучшее понятіе о предметѣ, чѣмъ мое описаніе. См. табл. XVII.

стокѣ типа. Изображеніе сдѣлано по вогнутости купола и, не смотря на свою значительную высоту отъ пола, поражаетъ своими громадными размѣрами до того, что кажется страшнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно такъ ярко и свѣжо, что какъ будто вновь недавно сдѣлано. Конечно это объясняется сильнымъ освѣщеніемъ изъ столькихъ оконъ купола. Насматриваюсь на эту рѣдкость до головокруженія. Съ десятокъ такихъ древнихъ изображеній „Пандократора“ я видѣлъ и удерживаю болѣе или менѣе въ памяти. Не случалось мнѣ встрѣтить нигдѣ, чтобы оно замѣнено было или Господомъ Саваоѳомъ, или всевидящимъ окомъ, или такъ называемымъ Знаменіемъ Богоматери, или уніатскимъ коронованіемъ Богородицы и тому подобными типами русскаго благочестія. Замѣчательно и строго-типическое положеніе рукъ вседержащаго Господа. Лѣвая держитъ обыкновенно при персяхъ закрытое Евангеліе, толстое in 4° или еще чаще in 12°, обращенное къ зрителю заднею стороною [1]), украшенною по угламъ, а также и въ срединѣ, дорогими камнями безъ всякихъ изображеній. Правая же рука символизируетъ не столько благословеніе, сколько указаніе на небо или, какъ мнѣ разъ показалось, на самое держимое шуйцею Евангеліе. И здѣсь, по сторонамъ изображенія видятся одни типическія сокращенія (изъ первой и послѣдней буквы) искупительнаго имени Вседержителева: **ІС. ХС.**, а кругомъ главы въ сіяніи опять только три украшенія изъ дорогихъ камней безъ богословныхъ буквъ **ОѠН**, что ясно указываетъ на эпоху изображенія, упредившую XIV вѣкъ.

---

[1]) Такое, такъ сказать, предпочтеніе *задней* или *правой* доскѣ св. книги весьма естественно у семитовъ, пишущихъ справа на лѣво, и кончающихъ свое писаніе тамъ, гдѣ мы его начинаемъ, и весьма естественно предпочитающихъ заднюю (по нашему взгляду) сторону своей книги передней. Но какъ объяснить подобное явленіе у грековъ, которые до сихъ поръ кладутъ на престолъ Евангеліе заднею дощечкою къ верху, которая для этой цѣли и украшается богаче передней? Начала сего обычая не надобно ли искать въ древнѣйшемъ кодексѣ Евангелія отъ Матѳея, писанномъ по-еврейски?

Въ намѣреніи составить для своей записной книжки какой-нибудь наглядный планъ цѣлаго зданія, я обошелъ всѣ его части, измѣряя все шагами — мѣрою самою подручною для инженера-туриста, а особенно для *русскаго* туриста въ землѣ *турецкой*. Все мнѣ напоминало при этомъ мою дорогую Аѳинскую „Троицу“ до времени ея возобновленія, возбуждавшую во мнѣ бывало чуть не слезы своимъ достоплачевнымъ видомъ, при обаятельномъ изяществѣ своихъ формъ, и заставившую меня, не смотря ни на что, взять судьбу ея въ свои пустыя и слабыя руки [1]). И здѣсь все, такъ сказать, вопіяло и напрашивалось на реставрацію. Но на первое мое слово о ней, обращенное къ митрополичьему намѣстнику (обязательно руководившему насъ въ нашей экскурсіи), послѣдовалъ отвѣтъ: гдѣ намъ съ *нашими* средствами приниматься за такое дѣло? Вотъ, если бы Россія... А такъ какъ Россія слишкомъ далеко отстоитъ отъ Арты, то я позволилъ себѣ поправить почтеннаго сановника духовнаго, сказавъ: вотъ если бы Эллада... Ему ничего не оставалось сдѣлать послѣ сего, какъ почесать голову и безнадежно улыбнуться. Жаль, и паки реку: жаль, что такое, дышущее всею полнотою эллинства мѣсто, какъ Эпиръ, отчислено было ареопа-

---

[1]) Которая, кстати, оказалась не вчетверо, а едва-ли даже вдвое меньшею Артской *Паригоритиссы*. Изящество ея неоспоримо. Ею знатоки дѣла восхищались, когда она была еще развалиной. Во всѣхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ о византійской архитектурѣ (напр. въ Conversations-lexicon'ахъ) о ней считаютъ долгомъ упомянуть съ присовокупленіемъ и плана ея. Вотъ какъ отзывается о *нашемъ* сокровищѣ аѳинскомъ одинъ компетентный писатель: «Nous arrivons cette fois à la plus complète et surtout à la plus grande de toutes les églises d'Athènes... Il est probable, que dans un temps donné l'église aura pris la même projection que le dôme, ou son état de ruines, laissant-seulement dans la mémoire des artistes, qui on pu la voir, la dessiner et l'admirer, le souvenir ineffaçable de ses grandes et belles proportions, car elle resume à elle seule tout ce qu'il y a de plus complet dans cette periode de l'art byzantin»... Choix d'églises byzantines en Grèce, par A. Couchaud. Paris. 1842, avec 37 planches. Опасеніе писателя за окончательное разрушеніе церкви не оправдалось.

гомъ неумѣстно-боязливой Европы отъ созданнаго ею королевства Греческаго. Волей-неволей тогда величественный храмъ *Утѣшительницы* былъ бы возстановленъ и достойно своего величія украшенъ. Теперь далеко ему до этого тезоименнаго утѣшенія. Кстати — о семъ самомъ его наименованіи. Объясненіе ему мы нашли, разсматривая тяжелый и аляповатый иконостасъ церкви. Въ ряду иконъ его есть одна, болѣе другихъ украшенная, Богоматери, видимо очень древняя, расколотая вдоль пополамъ, такъ что расщепъ идетъ по самому лицу изображенія. Существующая на ней замѣтка гласитъ: *сія всечестная Богородичная икона, бывшая въ древности въ царскомъ домѣ, зовомая теперь Паригорица, обновлена Георгіемъ Іоаннійцемъ, поспѣшествомъ честнѣйшаго господина Димитрія Туртури, въ 1792 г. Іюня 25* [1]). Икона считается чудотворною и составляетъ главную святыню города. Ясно, что она дала свое имя и самой церкви, кстати празднующей Благовѣщенію Пресвятыя Богородицы. Другая надпись, подревнѣе первой, высѣченная на мраморной дощечкѣ, вставленной надъ входною изъ притвора дверью, вся состоитъ изъ одного креста и слѣдующихъ за нимъ числовыхъ буквъ, дающихъ 7096 (1588 отъ Р. Х.) годъ [2]). На что эта дата указываетъ, угадать трудно. По крайней мѣрѣ видно,

---

[1]) Αὐτὴ ἡ πάνσεπτος τῆς Θεοτόκου εἰκὼν παλαιὰ τυγχάνουσα εἰς τὴν βασιλικὴν οἰκίαν τὴν (!) ἄρτι ἐπωνομαζομένη Παρηγορίτσα, ἀνεκαινίσθη παρὰ Γεωργίου Ἰωαννίτου διὰ συνδρομῆς τοῦ τιμιωτάτου κυρίου Δημητρίου Τούρτουρι. 1792: Ἰουνίου 25. При очевидной претензіи г. Туртури на грамматичность, частица τὴν подкосила его. Подъ царскимъ домомъ конечно надобно разумѣть дворецъ деспотскій, котораго и слѣдовъ не осталось теперь.

[2]) «Хронографія», говоря; повидимому, о сей самой надписи, видитъ въ ней 819 г., конечно отъ Р. Х. Трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ могло быть выведено такое лѣтосчисленіе. На основаніи этой, больше чѣмъ сомнительной даты, книга относитъ постройку церкви къ IX вѣку, и общепризнаваемому ктитору ея деспоту *Михаилу* II приписываетъ только распространеніе (въ какомъ смыслѣ?) и украшеніе ея. Разумѣется, во всемъ этомъ видится чистый произволъ. Но и самое ктиторство тоже надобно еще доказывать.

что въ XVI вѣкѣ, какъ и теперь, храмъ былъ христіанскою церковію. Не понятно, какимъ образомъ онъ могъ избѣжать общей участи церквей въ порабощенной исламомъ древле-православной землѣ — служить магометанской молитвѣ. Третія, самая древняя въ храмѣ надпись урывочно сохранилась на седми мраморныхъ плитахъ, служившихъ когда-то по всей вѣроятности украшеніемъ надгробному памятнику надъ кѣмъ-то, погребеннымъ внутри церкви. Плиты эти давно уже разрознены, да и не уцѣлѣли всѣ. Изъ того, что сохранилось, послѣ разныхъ попытокъ возстановить ихъ первоначальный порядокъ, можно добиться слѣдующаго смысла: *Комнинъ, Дука, Деспотъ Н*(*икиф*)*оръ Анна цариц*(а) *Комнин . . . отрасль Ди . . . ае, великій Комнинъ*. . . На седьмомъ кускѣ, который мы никакъ не могли подобрать къ другимъ, еще разъ (въ четвертый!) читается тоже слово *Комнинъ* [1]). Сколько можно заключать по симъ обломкамъ, дѣло идетъ о Деспотѣ Эпирскомъ *Никифорѣ* и женѣ его *Аннѣ*. Государей этого имени было двое, и супруги обоихъ носили имя Анны. Надобно думать, что здѣсь говорится о Никифорѣ I, умершемъ въ 1288 году, и женатомъ на племянницѣ императора Михаила, перваго изъ Палеологовъ (дочери сестры его *Евлогіи*). Всѣ слѣдовавшіе за нимъ Деспоты къ именамъ *Комнина, Дуки* и *Ангела* присовокупляли еще и фамилію *Палеолога* именно вслѣдствіе родства ихъ черезъ сію самую Анну съ царствующей династіей. За эту принадлежность къ Палеологамъ вѣроятно Деспина Анна и возвеличена въ надписи именемъ царицы. Не имѣя что больше разсматривать по серединѣ храма, мы обошли нижнюю и верхнюю его галлереи кругомъ [2]).

[1]) См. табл. VI. Чтеніе имени *Никифора* конечно гадательное, но весьма вѣроятное. Имя *Анны* несомнѣнное, но странно, что въ надписи оно не соединено никакою частицею съ предыдущими словами. Чтеніе βλαστός не единственно-возможное. Все вмѣстѣ можно читать: Κομνηνὸς Δοῦκας δεσπότης Νι(κηφό)ρος. Ἄννα Βασιλ(ὶς) Κομνηνο(ῦ), βλαστὸς Δη . . . αε μέγας Κομνη . . . и еще: Κομνη . . . δος α . . .

[2]) Ходя по галлереѣ, спутникъ мой открылъ на колонкѣ одного изъ оконъ-скоро-

Если нижняя еще кой-какъ защищена отъ непогодъ, примазана и по мѣстамъ убрана, то верхняя совершенно оставлена на произволъ судьбы. Особенно тяжело было видѣть такими тѣ части ея, которыя непосредственно выходятъ въ подкупольный четыреугольникъ. Весьма приглядными должны казаться угловыя части ея, накрытыя свѣтлыми, высокими и красивыми куполами. Ужели не нашлось бы у столькихъ православныхъ обывателей города средствъ хотя вставить окончины во всѣ окна зданія? Вѣдь тутъ уже нельзя извиняться тѣмъ, что мусульмане мѣшаютъ дѣлу. По какой-то необъяснимой фатальности, они всѣ христіанскія святилища Арты, въ томъ числѣ и „царскую церковь“, оставили неприкосновенными. Подъ впечатлѣніемъ этого не смываемаго съ христіанской совѣсти пятна позорнаго равнодушія къ дѣлу Божію цѣлаго ряда поколѣній людей, зовущихъ себя вѣрующими, мы — безутѣшные — оставили *Утѣшительницу*.

Возвращаемся въ городъ къ другой церкви, тоже древней и тоже славной только не величіемъ, а святынею, именно гробницею св. *Θеодоры*, Деспины, жены упомянутаго Михаила II. Церковь совнѣ имѣетъ всѣ признаки XII—XIII вѣка, но высматриваетъ базиликой, хотя и самыхъ незначительныхъ размѣровъ, напоминая собою нѣсколько Калабацкую церковь. Такъ же, какъ та, раздѣлена на три нефа съ общимъ къ нимъ притворомъ, которому предшествуетъ еще другой меньшій, открытый. Въ правой сторонѣ внутренняго притвора стоитъ, загораживая одну изъ трехъ дверей, соединяющихъ его съ базиликой, мраморная гробница св. Θеодоры, которой передняя сторона украшена

писную греческую замѣтку: *пришелъ сюда всесвятѣйшій патріархъ, господинъ Іеремія въ 7038* (1530) *году, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, и сдѣлалъ водосвятіе*. Отъ приведенной же Пуквилемъ въ его сочиненіи полной восьмистрочной древнѣйшей надписи или записи, мы нашли сохранившимся одинъ небольшой кусочекъ, но вмѣсто 8-ми въ 13 строкъ, не дающій никакого смысла.

рельефнымъ изображеніемъ самой Деспины, представленной стоящею en face и облеченной по ритуалу византійскаго двора въ далматикъ съ лабаромъ въ правой рукѣ и въ діадемѣ на головѣ. Простертою къ верху лѣвою рукою она указываетъ въ небо, изъ котораго выходитъ благословляющая рука. Рядомъ съ нею видится малая фигура одного изъ сыновей ея (конечно Никифора I), тоже по-царски одѣтаго съ крестомъ въ рукѣ и въ діадемѣ. Изображенія эти обставлены колонками, вѣнчаемыми аркою, и занимаютъ центральную часть мраморной плиты. За колонками по обѣ стороны изваяно еще по ангелу съ длинными стеблями лилій. Изображеніе не худой работы, и стóитъ славы почившей угодницы Христовой, съ которою я прежде всего и постарался познакомиться, тутъ же при гробѣ святой жены нашедши отдѣльною книжкою напечатанную службу ей, въ которой, по обычаю, помѣщенъ и синаксарь, т. е. житіе ея. Дѣло излагается слѣдующимъ образомъ: Императоръ *Алексій Комнинъ* (надобно читать *Ангелъ*, третій изъ Алексіевъ) поставилъ *Михаила Комнина* (читай *Ангела*) государемъ (αὐθέντην) всей Мореи. Въ тоже время нѣкто *Сеннахеримъ* владѣлъ Этоліей съ Никополемъ [1]). Жены обоихъ правителей были сродныя между собою сестры отъ вселенской (!) крови (ἀπὸ καθολικὸν αἷμα) царя Алексія (по Дю-Канжу, Михаилова жена была дочь Диррахійскаго правителя — graeci nobilis,

---

[1]) Первымъ этого имени лицемъ представляется у историковъ нѣкто, прозванный *злымъ* (κακὸς) *Михаилъ* — по Пахимеру, котораго Михаилъ Палеологъ I еще до воцаренія своего сдѣлалъ протосинкритомъ (главнымъ секретаремъ). Другой *Сеннахеримъ* при императорѣ Андроникѣ Старшемъ въ 1309 г. былъ великимъ стратопедархомъ (главнокомандующимъ надъ лагеремъ). Въ 1321 г. еще упоминается *Сеннахеримъ* Проталлагасторъ (или πρωταλογάτωρ, отъ πρῶτος τοῦ ἀλογίου), отвозившій по приказу стараго императора изъ Солуня въ Царьградъ его невѣстку *Марію-Ксенію*, и за то публично остриженный или обритый сыномъ послѣдней Андроникомъ Младшимъ въ 1322 г. Въ 1341 г. еще встрѣчается *Сеннахеримъ* генералъ или адмиралъ, разбившій «персовъ», т. е. турковъ тогдашняго времени. Сеннахеримъ нашего синаксаря долженъ предшествовать всѣмъ вышеприведеннымъ.

не больше). Третій вельможа *Іоаннъ Петралифа* былъ великимъ государемъ (тоже αὐθέντης) Θессалоники и всей Македоніи [1]). Между тѣмъ — ахъ и увы! — франки взяли Константинополь и плѣнили царя *Алексія*, который своего сына (читай зятя) *Ласкаря* послалъ на Востокъ сторожить греческую землю. Затѣмъ беззаконный Михаилъ Палеологъ ослѣпляетъ наслѣдника престола, и самъ возсѣдаетъ на немъ. Въ это время кто-то убиваетъ Сеннахерима. Михаилъ (Комнинъ-Ангелъ) дѣлается отмстителемъ своего родственника, беретъ за себя (?!) жену его, а съ нею и всѣ владѣнія ея прежняго мужа... Такъ историчествуетъ синаксарь. Михаилъ этотъ царствовалъ въ *Старой* (?) *Превезѣ* и во всей Мореѣ, былъ славный человѣкъ, разумный, способный, скорый и такой хозяинъ, какъ никто другой. Онъ овладѣлъ сперва Яниной, Велеградомъ, Воницей, островомъ Керкирой, Охридой, Диррахіемъ, а потомъ и всей Влахіей (т. е. Пиндомъ), и наконецъ — Элладой. Славный государь былъ убитъ злыми людьми. Наслѣдникомъ послѣ него остался малолѣтній сынъ его, *Михаилъ Дука*. Но царство забралъ дядя *Θеодоръ*. Онъ намѣревался убить племянника, но мать сего послѣдняго (по исторіи — убитая вмѣстѣ съ мужемъ) укрыла его въ Пелопоннисѣ, гдѣ онъ воспитался и выросъ. За этой прелюдіей

---

[1]) Фамилія *Петралифовъ* — французская, занесенная на Востокъ крестовыми походами. Упоминаются у историковъ 4 брата этого имени. Извѣстность получилъ *Іоаннъ Петралифа*, участвовавшій въ заговорѣ, свергшемъ съ престола императора *Исаака* II Ангела, и возведшій на оный брата его Алексія III. Вѣроятно, сынъ сего Іоанна былъ *Θеодоръ* Петралифа, завѣдывавшій при императорѣ *Іоаннѣ Ватаци* всѣми государственными дѣлами, весьма любимый своимъ государемъ, названный имъ даже «братомъ по письму». Онъ былъ женатъ на дочери Димитрія Торникія Комнина. Его дочь, неизвѣстная по имени, была замужемъ за нѣкіимъ *Славомъ* (Σθλάβος—славянинъ), царькомъ крѣпости Меленика и родственникомъ краля *Асѣня*, на дочери котораго (незаконной) женатъ былъ второй латинскій императоръ Константинопольскій Генрихъ. Происходилъ-ли отъ сего Θеодора отецъ св. Θеодоры, *Іоаннъ*, утверждать не можемъ. Но если онъ успѣлъ заслужить весьма важное титло «Севастократора», то очень можетъ быть, что отчасти обязанъ имъ и предшествовавшей славѣ своего отца.

синаксарь возвращается къ третьей личности, *Петралифу*, котораго величаетъ Севастократоромъ. Умираетъ сей государственный мужъ, оставивши послѣ себя дочь *Θеодору* дѣвицу, которую Θеодоръ (деспотъ-узурпаторъ, или родной братъ ея сего имени, не видно) бережетъ, яко зѣницу ока. Послѣ болгарской катастрофы съ дядей, владѣнія его достаются законному наслѣднику, Михаилу. Сей чуть только вступилъ въ управленіе Эпиро-Этолійской державой, отправился въ городъ *Сервію* (теперь *Сербидже*), гдѣ проживала *Θеодора*. Увидавъ ее, плѣнился ею и женился на ней. Мѣстопребываніемъ своимъ онъ избралъ городъ Арту, откуда и управлялъ страною славно, а Деспина въ свою очередь славилась высокимъ христіанскимъ благочестіемъ. Прошло много лѣтъ, какъ вышелъ между супругами разладъ семейный. Михаилу приглянулась одна вдова изъ города *Гангръ* (откуда и имя ея — конечно несобственное —*Гангрина*), важнаго рода. Возненавидѣвъ вслѣдствіе сего жену свою, вѣроломный мужъ всячески обижалъ Θеодору, даже билъ, и наконецъ прогналъ изъ дворца своего, введши туда любовницу. Пять лѣтъ несчастная жена скиталась какъ нищая съ малымъ ребенкомъ (отсюда, вѣроятно, упомянутое изображеніе ея съ сыномъ на гробницѣ) то тамъ, то сямъ, и все перенося терпѣливо. Добравшись до Пренесты, проживала тамъ у одного священника. Всѣ въ странѣ жалѣли о ней и искали случая положить конецъ публичному соблазну. Разъ, когда Михаилъ былъ въ отсутствіи, вельможи выгнали изъ дворца „чародѣйку“, которая созналась при этомъ, что она магіей пріобрѣла любовь Деспота. Михаилъ раскаялся въ своемъ поведеніи и въ своей жестокой несправедливости, отыскалъ Θеодору, и доживалъ потомъ вѣкъ свой съ нею неразлучно въ страхѣ Божіемъ. По ея внушенію онъ выстроилъ двѣ прекрасныя церкви: *Пандáнассы* (Всецарицы, теперь лежащая въ развалинахъ въ 3-хъ часахъ отъ Арты) и *Богородицы* — по пути источниковъ. Сама же выстроила церковь св. великомученика *Георгія*, учредивши при ней и женскій мона-

стырь, въ которомъ и сама приняла монашескій постригъ; по смерти мужа довольно времени прожила, скончалась и погребена. Передъ смертію удостоилась и откровеній свыше. Ей указанъ былъ день ея преставленія, но она просила отсрочки на 6 мѣсяцевъ для окончанія постройки своей церкви, что и получила. Память ея совершается и мѣстно празднуется 11 Марта, конечно въ день ея блаженной кончины. Годъ кончины не означенъ въ синаксарѣ [1]). А больше не гдѣ справиться о немъ.

Оказывается, такимъ образомъ, что церковь, въ которой мы находились, есть собственно церковь св. *Георгія,* и носитъ теперь имя св. *Өеодоры* только по уваженію къ гробницѣ блаженной ктиториссы ея. Внутренность церкви, при ея архитектурной правильности, уютности и прибранности, вѣетъ благимъ впечатлѣніемъ на душу, и пробуждаетъ въ ней кромѣ должнаго къ святымъ уваженія, еще глубокое сочувствіе со всѣмъ, что видишь, какъ вышедшимъ изъ рукъ *ея* — царицы-скиталицы, которую, униженную и преогорченную, какъ бы видишь передъ собою тутъ повсюду, хотя здѣсь ей другой уже приличествуетъ образъ, а именно тихой и успокоенной старицы, по предвѣдѣнію смертнаго часа созывающей всѣхъ сестеръ обители, дающей имъ послѣднее наставленіе, и мирно передъ всѣми отходящей ко Господу (о сынѣ-Деспотѣ ни слова при этомъ въ синаксарѣ). Мы взяли мѣру миніатюрной базилики, осмотрѣли ея стѣнную иконопись, конечно не разъ уже возобновленную, при чемъ сверхъ всякаго чаянія напали на изображеніе „Ветхаго денми“, по нашему сказать *Господа Саваоѳа,* начертанное на куполовидномъ сводѣ притвора. Видно, ему

---

[1]) Служба *св. Өеодоръ* составлена монахомъ *Іовомъ* τοῦ Μελοῦ, а издана въ Венеціи нѣкіимъ *Паномъ* (Панагіотомъ) *Секлистинымъ,* неизвѣстно когда. Во второй разъ издана въ 1812 г. нѣкіимъ С. Мóстра. Въ третій разъ напечатана въ Аѳинахъ въ 1841 г., нѣкіимъ К. Σ., переселенцемъ изъ Арты. Ничего о ней не знаетъ, по крайней мѣрѣ не упоминаетъ, *Никодимъ* Святогорецъ въ своемъ «Синаксаристѣ».

суждено стать иллюстраціей къ тому, что мы позволили себѣ разглагольствовать сегодня въ Паригорицѣ, по поводу колоссальнаго изображенія въ ея куполѣ Вседержителя. Урокъ спѣшнымъ заключеніямъ. Все же, однако, не мѣшаетъ замѣтить, что византійскій ὁ παλαιὸς τῶν ἡμερῶν, собственно говоря, не есть нашъ „Саваоѳъ“ — глубокій старецъ съ возможно важнымъ и спокойнымъ выраженіемъ въ лицѣ, держащій скипетръ и земной шаръ въ рукѣ своей, и окруженный трехъугольнымъ сіяніемъ вокругъ главы своей,— нѣтъ, онъ есть тотъ же Іисусъ Христосъ, только убѣленный сѣдинами. Что приличнѣе и, такъ сказать, догматичнѣе, предоставляю судить спеціалистамъ дѣла.

Утомившись и отъ впечатлѣній, и отъ ходьбы, и отъ палящаго зноя, разведеннаго чѣмъ-то влажнымъ, едва доступнымъ ощущенію, и какъ бы грозившимъ и на нынѣшній день вчерашнимъ отверстіемъ хлябій небесныхъ, мы поспѣшили укрыться подъ гостепріимную сѣнь „русскаго дома“. Тамъ ожидали насъ прохлада, завтракъ, отдыхъ, а — кому угодно — и сонъ на цѣлые два часа или и болѣе. Вовсе не располагая достигнуть послѣдней изъ ступенекъ этой „лѣствицы духовнаго низхожденія“, я остановился на степени блаженнаго покоя, и чтобы держаться на ней въ равновѣсіи, принялся за чтеніе „Гидовъ“, вообще скупыхъ на слово объ Артѣ, и... заснулъ! Такъ бы слѣдовало сказать, вопреки свидѣтельству несмыкавшихся глазъ. Ибо, когда сознаешь передъ собою сущимъ то, чего нѣтъ въ дѣйствительности, то, очевидно, спишь. Смотришь напримѣръ на Пуквилевъ рисунокъ Паригорицы, и въ то же время различаешь передъ собою очеркъ женскаго лица, почему-то знакомый, гдѣ-то видѣнный. А гдѣ? Не пришлось долго отгадывать. Ни гдѣ, какъ — на гробницѣ блаженной *Ѳеодоры*, только не съ холодными, какъ бы застывшими чертами, переданными мраморомъ, а со всею отчетливостію живаго лица, пристально смотрящаго, чуть не говорящаго. Воображеніе рисовало то, чѣмъ занята была ду́ма. Да, это *она*, береженная, какъ зѣница ока, конечно пре-

красная, цвѣтущая юностію и непорочностію, „Деспина" или царица, какъ звали ее современники, напрашивается на памятное отъ дней школы „повтореніе урока". Плѣняютъ въ самомъ дѣлѣ умъ и сердце такіе свѣтлые и рѣдкіе образы. А между тѣмъ, такъ и хочется спросить ихъ: *шесть*-то лѣтъ обидъ, позора, уничиженія и всякаго злостраданія какъ же переварила лабораторія жизни? Вѣдь они даютъ не одну тысячу дней, изъ коихъ ни одного нельзя забыть и простить ихъ виновнику! Положимъ, что соперница-чародѣйка выгнана не только изъ дворца, но и изъ сердца царскаго, была ли еще нравственная возможность возвратиться обиженной въ оскверненный чертогъ къ порочному человѣку [1]? И однакоже, прославленная церковію личность доживала дни свои мирно и счастливо съ вѣроломнымъ мужемъ, успѣвшимъ прижить во время напасти, съ другою двухъ сыновей! Какъ и чѣмъ это объяснить? Духомъ времени? Личнымъ бездушіемъ? Непосильнымъ страданіемъ? Заботою о сынѣ? Любовію къ вѣроломному обидчику? Любовію къ престолу, наконецъ?... Объясненіе на все мнѣ даетъ упомянутая плита надгробная, изваянная можетъ быть по мысли самой Ѳеодоры. Тамъ она одною рукою прижимаетъ къ персямъ своимъ крестъ, а другою указываетъ на небо...

3 часа. Жаръ спалъ. Дождя нѣтъ и не предвидится. Всей компаніей отправляемся за городъ на востокъ лицемъ. Изъ мягкаго грунта земли поминутно выдаются строевые камни, свидѣтельствующіе о томъ, что въ былыя времена селитва людская простиралась далеко за предѣлы нынѣшняго города. Спускаемся къ рѣкѣ, переправляемся въ лодкѣ на тотъ берегъ. Не многой на лѣтнее время водѣ рѣки можно

---

[1]) Не хотѣлось бы такъ прямо порочить шумнаго и славнаго въ свое время государя, съ памятію котораго мы встрѣчались на поляхъ Пресны. Но... amicus Plato etc. Злоименная *Гангрена* признавалась, что навела «порчу» на Михаила. Пусть это послужитъ извиненіемъ ему.

сдѣлать привѣтъ, какъ старой знакомой. Возвращаясь изъ Метеоръ въ Янину, мы до пресыщенія наслаждались ея и видомъ, и шумомъ, и быстрымъ бѣгомъ. На той сторонѣ насъ ждутъ лошади, садимся и ѣдемъ по широкому полю къ кучкѣ деревьевъ, за которыми скрывается монастырь *Влахерна*. Громкое имя обители обѣщало мнѣ нѣчто особенное, чуть не праздничное. Надежда не обманула меня. Пріятно выступили изъ-за древесной зелени византійскія очертанія храма, видимо древняго, — одного стиля съ великою церковію Утѣшительницы, съ изящнымъ куполомъ и прекрасными двойными и даже тройными окнами. Вотъ такъ Арта! Не ожидалъ я отъ нея такихъ чаръ архитектурныхъ. Обветшаніе и разрушеніе конечно печатлѣлись и тутъ на всемъ, и тѣмъ сочувственнѣе относилось ко всему сердце. Дѣйствительною древностію пахнуло на меня внутри церкви. Она небольшихъ размѣровъ, какъ и слѣдовало ожидать,— вообще же имѣетъ планъ параллелограмма, раздѣленнаго по длинѣ на три части, среднюю болѣе широкую, и боковыя по-уже, съ отгороженными впереди нареикомъ или притворомъ, и сзади — алтаремъ, тоже трехчастными. Алтарный отдѣлъ выступаетъ за восточную стѣну, по обычаю, тремя абсидами. Надъ центральною частію храма возвышается красивый куполъ съ 8-ю окнами, опирающійся страннымъ образомъ то на колоннахъ, то на стѣнѣ. Я совсѣмъ растерялся, когда хотѣлъ отчетливѣе сдѣлать въ записную книжку планъ цѣлаго. Расположеніе боковыхъ отдѣловъ тоже неодинаковое. Въ обоихъ есть по малому куполу, но параллель ихъ относительно большаго купола не одна и таже. Четвертый куполъ высится надъ среднею частію притвора. Таже неправильность замѣчается и въ расположеніи дверей и оконъ. Самая правильная и весьма приглядная часть зданія есть его алтарная сторона, которую я и намѣтилъ себѣ для срисовки. Между тѣмъ меня ожидалъ не малый сюрпризъ внутри храма. Въ обоихъ боковыхъ нефахъ его есть по древней гробницѣ да еще и съ н а д п и с я м и. Естественно я

оставилъ все другое и занялся ими. Та, которая на правой сторонѣ, приставлена къ южной стѣнѣ въ видѣ широкой лежанки, вся сплошь обложена кусками мраморныхъ плитъ самыхъ неправильныхъ формъ,— видимо обломковъ большой мраморной надгробной доски, когда-то накрывавшей гробницу или вставленной надъ нею въ стѣну, какъ это можно видѣть въ Константинопольской бывшей церкви *Кахріе-Джамиси*. Шесть изъ этихъ кусковъ имѣютъ на себѣ остатки надписи, оказывающейся къ сожалѣнію стихотворною, отъ которой слѣдовательно мало поживы исторіи. Но и поэзія тоже весьма немного выигрываетъ отъ такихъ произведеній тупаго педантизма. Стихами такія словоплетенія можно назвать развѣ только въ томъ смыслѣ, въ какомъ весь текстъ Библіи въ печатныхъ изданіяхъ дѣлится на „стихи". Понятно мое огорченіе. Ждешь просвѣтлѣнія отъ нежданно встрѣчаемой надписи, радъ бываешь и одной буквѣ, открываемой на древнемъ памятникѣ, *яко свѣтилу, сіящу въ темнѣмъ мѣстѣ,* по Апостолу, и что же? Отыскиваешь таковыхъ сотни, а свѣта отъ нихъ, сколько отъ „угля негорящаго"! Самый бо̀льшій изъ обломковъ сохранилъ на себѣ 9 строкъ греческаго унціальнаго (только при буквѣ α переходящаго въ скоропись) письма въ непрерывной послѣдовательности, но представляется обитымъ со всѣхъ сторонъ, по крайней мѣрѣ несомнѣнно съ верхней и съ правой стороны. Другіе же меньшіе куски не оказывается возможности приладить ни къ нему, ни одного къ другому. Все, что можно извлечь изъ этого хаоса словъ, есть слѣдующее: нѣкто *великій* (и можетъ быть еще грозный — φοβερὸς) *государь, Деспотъ, державецъ Запада . . . именитый и цвѣтущій возрастомъ . . . мужественно сражавшійся . . . десятый въ родѣ* (своемъ) *. . . отъ меча . . . когда напослѣдокъ вострубитъ Архангелъ . . .* (конечно, воскреснетъ) *молитвами Димитрія Мученика* (и) *прочихъ св. угодниковъ . . .* Все это начертано на большомъ кускѣ. 5 остальныхъ кусковъ не представляютъ ничего смысленнаго, но за то въ нихъ есть самое дорогое — собственное имя,

а именно *Мануилъ самодержецъ,* да еще причитающійся *дѣдомъ ему.* Кому — *ему?..* На вопросъ мой, что извѣстно по преданію о гробницѣ этой, мнѣ отвѣчали коротко и ясно, что она — императора *Константина Дуки.* Императоръ сего имени короновался 25 Декабря 1059 г. и скончался въ Маѣ 1067 г., какъ бы рано для обители псевдо-влахернской [1]), да и для самой Арты, а важнѣе сего то, что погребенъ въ окрестностяхъ Константинополя въ монастырѣ св. Николая, зовомомъ *Моливотдмъ* (свинцовымъ, покрытымъ свинцомъ). Но полагая, что не даромъ же явилось тутъ преданіе о Константинѣ Дукѣ [2]), хорошо бы отыскать таковаго въ фамиліи мѣстныхъ *Комниныхъ-Ангеловъ-Дукъ,* государей Эпирскихъ. Мы видѣли, что въ XIV—XV вѣ-

---

[1]) Не напрасно, кажется, языкъ нашъ увлекъ насъ къ такому отзыву объ Эпирской Влахернѣ. Уже впослѣдствіи, разсматривая подробную греческую карту Эпиро-Өессалійскую 1878 г., я не нашелъ въ окрестностяхъ Арты никакой Влахерны, а именно на ея мѣстѣ прочелъ Βλαχο-ρεῦμα, и при томъ съ значкомъ монастыря. Чье ухо виновато тутъ, наше ли, не вслушавшееся въ названіе мѣста и поспѣшившее, по памяти Цареграда, окрестить его *Влахерной,* или инженеровъ генеральнаго штаба Элладскаго, педантически прозрѣвшихъ въ непригодной для мѣста Влахернѣ *Влахоревма* (потокъ валашскій или пастушій), выправиться негдѣ.

[2]) У императора *Константина Дуки* были тезоименные ему сынъ и внукъ (отъ сына императора *Михаила Парапинака*), оба звавшіеся «порфирородными», и оба умершіе въ молодости бездѣтными. Четвертый *Константинъ Дука* или *Микродука* — «всепреавгустный», женатъ былъ на племянницѣ императора *Мануила Комнина* и жилъ около 1179 г.; но все же не былъ внукомъ его, а еще менѣе — правнукомъ (если предположить, что читаемое въ надписи αππος, могло быть не только πάππος, но и προπάππος). И такъ, въ родѣ прямыхъ *Дуковъ* не отыскивается подходящій *Константинъ.* Между Комниными-Ангелами отыскивается одинъ Константинъ, именно братъ Өеодора и Мануила, вмѣстѣ съ ними вызванный первымъ Деспотомъ *Михаиломъ* отъ двора Никейскаго, и чѣмъ-то владѣвшій въ Македоніи, пропавшій совершенно для исторіи. Онъ могъ быть погребенъ тутъ, но онъ не былъ μέγας ἄναξ, да и Мануилу могъ доводиться племянникомъ, а не внукомъ. Не считать ли *Мануила* надписи не *Комнинымъ,* а *Палеологомъ?* Но гдѣ взять тогда Константина *Дуку?* Развѣ въ послѣднемъ императорѣ Византійскомъ, неизвѣстно куда дѣвавшемся въ послѣдній день Византіи? Искусительная, но совершенно несбыточная мысль.

кахъ угасающая династія забыла уже и про Комниныхъ, и про Ангеловъ, а Дуками все еще себя величала. Надобно потому отыскать на досугѣ между ними какого-нибудь *Константина*. Но — во всякомъ случаѣ онъ не будетъ *великій государь* надгробія. Придется ли внукомъ (или правнукомъ) императора *Мануила I Комнина* или *Мануила II Палеолога,* это тоже покажетъ изслѣдованіе.

Обезкураженный, или и просто обезнадеженный, я перешелъ къ другой — на лѣвой сторонѣ — гробницѣ. Она имѣетъ видъ широкой лавки, тоже обложенной кусками мраморныхъ плитъ, но болѣе цѣлой и даже нѣсколько украшенной. Самая большая изъ плитъ содержитъ подобную вышеописанной, тоже стихотворную надпись въ 15 строкъ, показавшуюся мнѣ по началу вполнѣ сохрипившеюся. Но чуть я началъ разбирать ее, какъ оказалось, что не достаетъ цѣлой половины ея, почти совершенно сглаженной. Уцѣлѣло только въ 8 строкахъ по двѣ, по три буквы. Чтеніе, такимъ образомъ, не можетъ быть возстановлено такъ, чтобы давало полный и вполнѣ опредѣленный смыслъ. Такъ какъ въ одномъ стихѣ говорится: *царица Дукена Өеодора,* то этого уже довольно, чтобы не выносить прикрываемаго надписью памятника за эпоху Эпирскихъ Деспотовъ. Царица Өеодора, по всей видимости, воздвигла этотъ надгробный памятникъ *по дружбѣ, любя присное...* Кто же могъ быть ей въ Артѣ самымъ приснымъ (кромѣ сына, пережившаго ее), какъ не мужъ? Думается потому, что мы тутъ стоимъ надъ могилой *Михаила II,* и даже можетъ быть именно въ построенной имъ церкви *Пандáнассы,* такъ какъ свидѣтельству о развалинахъ таковой на 3 часа отъ Арты я не очень много вѣрю, зная всю непригодность свидѣтеля къ археологическимъ показаніямъ. Къ сожалѣнію, нигдѣ въ церкви я не могъ досмотрѣться ни малѣйшей ктиторской замѣтки на стѣнахъ ея, вѣроятно много разъ уже перекрашенныхъ и перебѣленныхъ; особенно старался я доскребстись какой-нибудь буквы надъ входными дверями въ церковь, но ничего

тамъ не оказалось. За то надъ тѣми же дверями, но со стороны притвора, по мраморной притолокѣ сдѣлано приглядное изваянiе *архангела Михаила*, — тамъ, гдѣ у византiйцевъ принято правиломъ изображать грозды винограда съ клюющими ихъ голубками, кружки, листы и т. п. Очевидно, была какая-нибудь причина явиться тутъ иконѣ архистратига. Чуть я сдѣлалъ подобный намекъ на ея значенiе, какъ мнѣ сказали, что во внѣ церкви на южной сторонѣ есть другая большая икона Архангела, тоже изваянная изъ мрамора. Дѣйствительно, такая рѣдкостная вещь оказалась, и не мало подивила меня тѣмъ, что могла уцѣлѣть до нашихъ дней, находясь беззащитно на открытомъ воздухѣ. Такое же изображенiе, помню, видѣлъ я отчасти уцѣлѣвшимъ на одной изъ башенъ древней стѣны Константинополя въ предмѣстьи Галатà. Михаилъ и Георгiй, и отчасти Димитрiй, къ счастiю восточнаго христiанства, произвели, видно, сильное впечатлѣнiе въ свое время на юное воображенiе нищаго воителя — пророка аравiйскаго, и до сихъ поръ не мало помогаютъ дѣлу Евангелiя между коранитами. Это второе изображенiе архангела Михаила въ церкви, не ему посвященной, окончательно убѣдило меня, что лѣвая гробница должна скрывать въ себѣ прахъ котораго-нибудь изъ двухъ Деспотовъ Михаиловъ, и скорѣе — сына, чѣмъ отца. О послѣднемъ если кто и думалъ еще по смерти его, то конечно не царица Θеодора, выступившая на историческую сцену вдолгѣ послѣ него. На́скоро я снималъ видъ восточной стороны церкви, гонимый приближающимися сумерками, и не имѣлъ времени сдѣлать хотя малый очеркъ архангеловой иконы. По той же причинѣ не успѣлъ и разговориться ни о чемъ, относящемся къ монастырю, но вѣрно, что относительно названiя его *Влахернскимъ* никто бы ничего не сообщилъ мнѣ не только положительнаго, но даже и гадательнаго. Спѣшно возвращались мы домой по зарѣчью околичнымъ путемъ или и прямо бездорожицей по болотистой почвѣ, виляя между кочками и цѣпляясь

платьемъ за ракитовые кусты, пока выѣхали къ знаменитому римскому (можетъ быть ромейскому?) мосту изъ 10 арокъ, которыхъ и сегодня за темнотою мнѣ не удалось провѣрить счетомъ.

Несочтомость въ Артѣ, какъ видно, относится ко многимъ и другимъ предметамъ, и главнымъ образомъ — по недостатку счетчиковъ или неумѣнью считать. Начать съ того, что на вечерней трапезѣ, имѣвшей цѣлью вознаградить насъ за четырехъчасовой трудъ, оказалось 11 кушаньевъ! Какъ распредѣлить ихъ по числу часовъ? А гостепріимный хозяинъ, на удивденіе наше ихъ несчетности, приравнялъ всѣ ихъ *ни къ одному* (μηδὲν, т. е. μηδὲ ἕν = ничево)! По минованіи напускнаго момента острословія, я серьезно пожелалъ узнать что-нибудь вѣрное о населеніи пріютившаго насъ города, но дѣло сведено было къ „круглому" числу шести тысячъ съ прибавкою: около и примѣрно (περίπου и ἀπάνω-κάτω). Повѣряя это „Хронографіей", я нашелъ въ одномъ мѣстѣ ея, что за 15 лѣтъ передъ симъ было въ Артѣ 710 домовъ христіанскихъ (исключительно православныхъ), 240 магометанскихъ и 160 еврейскихъ, всѣхъ вмѣстѣ — 1110. Полагая на каждую семью христіано-магометанскую по 5 человѣкъ и на еврейскую по 6, выйдетъ всѣхъ жителей дѣйствительно около 6000. Христіанское населеніе распредѣляется по семи приходамъ, что все далеко не соотвѣтствуетъ бывшему величію бывшей столицы пресловутыхъ Деспотовъ Эпирскихъ [1]. Когда, при какихъ условіяхъ началось и распространялось здѣсь христіанство, и какъ просуществовало столько времени, искать узнать это значило бы пускаться въ область чистыхъ фантазій. Въ теченіи всего перваго тысячелѣтія христіанскаго ни нарочно, ни случайно не упоминается имя Арты. Вѣроятно, въ церков-

[1]) Въ Пуквилево время въ городѣ насчитывалось однихъ христіанъ до 7000. Евреевъ было около 1000, а магометанъ всего 800 человѣкъ. Было въ городѣ 26 (!) церквей, 7 синагогъ и 5 мечетей. Какъ измѣнилось положеніе вещей за 50—60 лѣтъ!

номъ отношеніи мѣсто это входило въ составъ сосѣдней митрополіи *Никопольской,* а по раззореніи славянами въ 1034 г. города *Никополя* и по перенесеніи архіепископальныхъ правъ его на городъ *Навпактъ,* вошло въ предѣлы одной изъ епископій Навпактской митрополіи, именно же епископіи *Роговъ* (Ῥογῶν, Rigarum), сосѣднихъ съ нынѣшней Артой. Въ первый разъ у византійцевъ имя Арты, по мнѣнію спеціалистовъ, упоминается подъ 1081 годомъ. Спустя лѣтъ 80 послѣ сего уже является епископъ Арты, подписавшійся (по свидѣтельству Л. Алляція) подъ актами собора 1156 г., именемъ *Василій.* За нимъ, съ тѣмъ же титуломъ епископа, приводятся въ Oriens Christianus еще два лица: *Іоаннъ* — около 1204 г. и *Гавріилъ* безъ опредѣленной даты. Два первыхъ несомнѣнно жили прежде образованія Этоло-Эпирской монархіи, и значитъ прежде Михаиловыхъ (или Никифоровыхъ) построекъ. Гдѣ же могла быть ихъ каѳедра? Есть еще въ городѣ древняя церковь св. *Василія Великаго,* которую не удалось намъ осмотрѣть сегодня. Не былъ ли строителемъ ея первопомянутый епископъ Василій? Хронографія между Іоанномъ и Гавріиломъ ставитъ еще *Герасима Сухаго* — по прозванію, процвѣтавшаго около 1260 г. уже при Деспотахъ, а Іоанна называетъ Артскимъ и Навпактскимъ вмѣстѣ, слѣдовательно уже даетъ Артской каѳедрѣ значеніе митрополіи [1]. За Гавріиломъ ставитъ трехъ архіереевъ: *Матѳея* (онъ же и Янинскій) 1383 г., *Герасима II* — 1480 г. и *Аѳанасія* — 1540 г., о которыхъ умалчиваетъ Oriens. Потомъ, согласно у обоихъ слѣдуютъ: *Іоакимъ* — 1546 г., *Парѳеній* — ? г., *Дамаскинъ Студійскій* — 1570 г., *Митро-*

---

[1]) Нѣтъ. Изъ Acta Patriarchatus Constantinopolitani (t. 1, pag. 493) видно, что Навпактскому митрополиту, ради владѣнія городомъ иновѣрныхъ (венеціанъ должно быть), позволяется перемѣститься въ *епископію Артскую,* и оттуда управлять всѣмъ округомъ. Слѣдовательно, дѣло неидетъ о возвышеніи Артской каѳедры въ митрополію. Актъ составленъ 1367 г. Имя перемѣщаемаго въ Арту архіерея *Матѳей.*

фанъ—1580 г., *Захарія* [1])—1620 г., *Өеофилъ Коридалей* [2])—1628 г., *Варөоломей* — 1682—92 г., *Мелетій* [3]), знаменитый историкъ и географъ — до 1703 г., *Іоаннъ* (?), *Игнатій*—1798 г., *Гавріилъ*—1811 г., *Порфирій* — до 1827 (?) г., *Анөимъ* — 1826 г., *Неофитъ* — 1828 г., *Кириллъ* — 1829 г., *Неофитъ* — 1830 г., *Аверкій* — 1846 г., *Іероөей* — 1849 г., *Софроній* и нынѣшній *Серафимъ*, бывшій недавно однимъ изъ многихъ титулярныхъ епископовъ-настоятелей приходскихъ церквей Константинополя. Каөедра Артская занимаетъ 24-е мѣсто въ ряду митрополій патріархата Константинопольскаго. Архіерей ея, кромѣ названія *Артскаго*, носитъ еще пустоименный титулъ *экзарха всей Этоліи*, хотя въ предѣлахъ королевства Греческаго есть свой архіерей „Этоло-Акарнанійскій" съ титуломъ архіепископа. А изъ шумной митрополіи *Навпактской* тамъ сдѣлана смиренная епископія *Эвританійская*. Епархію Артскую составляютъ 115 селеній, къ коимъ слѣдуетъ присовокупить еще 40 селеній Превезскаго округа. Пуквиль сообщаетъ, что въ его время архіерей Артскій получалъ дохода 40 тысячъ франковъ. Теперь, конечно, содержаніе его поубавилось больше, чѣмъ на половину. Изъ бывшихъ въ старое время 6—8 епископій, подвѣдомыхъ Никопольско-Навпактско-Артскому митрополиту, не досуществовала къ нашему времени ни одна, хотя въ Превезѣ могъ бы быть дѣйствительно особый епископъ.

---

[1]) *Захарія*, прозваніемъ *Горіанъ*, подъ вліяніемъ бродившихъ тогда идей протестантскихъ, издалъ катихизисъ, въ которомъ отрицалъ въ таинствѣ евхаристіи пресуществленіе

[2]) *Ө. Коридалей* (Κοριδαλεύς), уроженецъ Аөинскій, былъ знаменитый въ свое время учитель-схоластикъ. Лекціями его по риторикѣ, логикѣ, физикѣ и пр., тщательно въ свое время списываемыми, переполнены библіотеки Востока. Онъ тоже придерживался началъ протестантства и, по смерти единомысленнаго ему патріарха Вселенскаго, *Кирилла Лукаря*, былъ отставленъ отъ мѣста, снова занялся профессурой и кончилъ свое поприще далеко ниже своей славы.

[3]) *Мелетій* оговоренъ былъ передъ турками въ сношеніи со врагами, и долженъ былъ удалиться изъ Арты. Вѣроятно, въ его отсутствіе и правили то *Іоаннъ*, то *Игнатій*.

Что такъ рельефно и живописно выражается нашей народной поговоркой „съ- боку припёка“, случилось съименованіемъ города Арты *Акарнаніей*. Какое понятіе у древнихъ географовъ сочетается съ словомъ Акарнанія? Понятіе цѣлой области, лежащей въ сопредѣльности съ Эпиромъ. Какъ же имя это досталось городу, принадлежащему къ Эпиру? А несомнѣнно, что не одно столѣтіе Арта писалась и слыла у средневѣковыхъ педантовъ-историковъ „Акарнаніей“. И остается такимъ образомъ вопросомъ, отъ того ли Деспоты Эпирскіе назывались у писателей тѣхъ временъ *Этоло-Акарнанійскими,* что дѣйствительно владѣли Акарнаніей-страной, или отъ того, что резиденціей ихъ былъ лжеименный городъ *Акарнанія*, теперешняя Арта? Мнѣ впрочемъ доставляетъ удовольствіе эта пророческая забѣжность Акарнаніи въ Эпиръ. Пора имъ давно составить одно цѣлое, и въ отместку назвать какой-нибудь Пирей Эпиромъ. Съ послѣднимъ я, конечно, прощусь сегодня со всѣмъ, и чувствую на разставаньи, что я много виноватъ передъ нимъ. Такой первостатейной важности онъ въ классическомъ мірѣ, и такъ вскользь, можно сказать, затронутъ мною — особенно со стороны его исторіи! Его можно назвать если не отцемъ, то воспріемникомъ пресловутой Македоніи. И у него были свои *Александры,* да, по правдѣ говоря, самъ Македонскій-то Александръ скорѣе ему принадлежитъ, чѣмъ Македоніи. Онъ весь есть продуктъ эпиротки *Олимпіады*, замѣчательнѣйшей изъ женщинъ древности, отъ нея, а не отъ криваго тѣломъ и духомъ отца получившій свое изумительное нравственное обличіе. Я даже не припомню, упомянулъ ли я хотя разъ о пресловутомъ царѣ *Пиррѣ,* будто бы именно въ Артѣ имѣвшемъ свое жительство, и какому только школьнику неизвѣстномъ. Когда все рушилось и сокрушалось передъ страшнымъ могуществомъ *Римлянъ*, засунувшихъ въ „долгій ящикъ“ всѣ славныя

дѣла и Кира, и Сезостриса, и Ксеркса, и самого Александра, вдругъ, бывало, велятъ выучить наизусть, какъ нѣкій царикъ нѣкоей землицы Эпирской схватился съ римскими легіонами, да еще и не разъ, да еще и побѣдилъ римлянъ! И мало того, что поколотилъ непобѣдимыхъ, а еще и съострилъ при этомъ на всю исторію, сказавъ: „еще одна такая побѣда, и конецъ побѣдителямъ!“ За это одно стоило съѣздить въ Эпиръ и посмотрѣть на мѣста, гдѣ жилъ такой огневой (πύῤῥος) человѣкъ. И все-таки край не минулъ общей судьбы древняго міра — подпалъ вмѣстѣ съ своей кузиной Македоніей римскому игу. Побѣдитель *(Павелъ Эмилій)*, по словамъ историка *(Тита Ливія)*, раззорилъ въ 168 г. до Р. X. семьдесятъ городовъ Эпирскихъ! Видно, что цифра 70, уже не разъ встрѣченная нами на пути нашемъ по исторической землѣ, во всѣ времена имѣла въ себѣ нѣчто фатальное. А такъ какъ въ старыя времена понятіями городовъ не шутили, то второй выводъ изъ сего тотъ, что бѣдный и обезлюденный Эпиръ теперешній былъ когда-то достоинъ своей исторической славы и всесвѣтной ученической долбни.

Съ этимъ выгоднымъ для мѣста заключеніемъ мы встали изъ-за самовара, и поранѣе до жары выступили въ походъ на послѣднее ознакомленіе съ тѣмъ, что меня главнымъ образомъ влечетъ и занимаетъ въ моихъ экскурсіяхъ по исторической землѣ. Путеводителемъ моимъ на сей разъ обязательно вызвался быть самъ г. вице-консулъ нашъ. Нужно же было взглянуть на теперешнюю „митрополію“ города, и кстати отдать оффиціальный визитъ намѣстнику владычнему. Доро́га туда, очевидно, должна была пролегать мимо церкви св. *Василія.* Она находится въ тѣсномъ переулкѣ. Съ перваго же она взгляда не позволяетъ признать въ себѣ бывшую когда-нибудь митрополію. Она тоже высматриваетъ базиликой, но до того миніатюрна, что даже однородная съ нею церковь св. *Ѳеодоры* кажется, сравнительно съ нею, большою. Вся она состоитъ изъ одной длинноватой комнаты съ отгороженнымъ

впереди нареикомъ. Освѣщается шестью двойными, весьма изящными окнами, несоразмѣрно высоко поставленными. Никакой ктиторской (и вообще—никакой) записи и простой замѣтки въ ней я не могъ усмотрѣть. Вся ея красота снаружи, такъ живо мнѣ напомнившая Прилѣпскія и Касторійскія игрушечныя церкви. На сколько позволяла тѣснота улицы, я срисовалъ сѣверную сторону зданія, при которой находится родъ притвора, которымъ и ходятъ теперь въ церковь съ улицы. „Митрополія“ — совсѣмъ новое зданіе, весьма невзрачное, совершенно несоотвѣтствующее своему имени, и какъ бы сознающее себя не на своемъ мѣстѣ. Настоящее ей мѣсто у великой церкви *Благовѣщенія* или *Паригоритиссы*. Когда я намекнулъ на это эпитропу владычнему, онъ сознался, что тамъ и просторнѣе и веселѣе, и воздухъ чище, но дальше этихъ соображеній не пошелъ. Да и что онъ могъ сказать, когда начальникъ его, по всему видно, нашелъ еще веселѣе и здоровѣе мѣсто... за моремъ.

Не отрывая дѣловаго человѣка отъ дѣлъ, мы укоротили свой визитъ и, заглянувъ въ каѳедральную церковь Введенія Божіей Матери, поспѣшили вонъ изъ города, направляясь къ югу къ такъ называемой *Нижней-Богородицѣ* (Κάτω-Παναγία), т. е. церкви Богородичной, находящейся по теченію рѣки *ниже* города [1]). И еще разъ привѣтствовалъ насъ памятникъ той же архитектуры изъ эпохи Комниныхъ-Палеологовъ, не отличающійся ни размѣрами, ни симметріей, ни отдѣлкою, но пригожій и какъ бы даже — милый. Видишь, что надъ нимъ работали не столько голова, сколько сердце, и трудились руки брен-

---

[1]) Она, конечно, въ житіи св. Ѳеодоры названа *Богородицей путей источника*. И точно, по пути къ ней мы не разъ встрѣчались съ водою, въ настоящую лѣтнюю пору объясняемую только родниковымъ происхожденіемъ. *Пуквиль*, въ соотвѣтствіе «нижней» церкви Богородичной, упомянулъ мимоходомъ и о «верхней», подъ которой вѣроятно разумѣлъ вчерашнюю нашу Влахернскую или Влахо-ревинскую.

ныя, но возвышавшіяся надъ бреніемъ подъ увлеченіемъ идей высшаго порядка. Церковь, конечно, весьма скромныхъ размѣровъ, имѣетъ планъ параллелограмма, раздѣленнаго по длинѣ на три части, рубежемъ коимъ служатъ два ряда колоннъ, по три въ каждомъ, и на восточной сторонѣ имѣющаго три выступныхъ абсиды для алтаря съ жертвенникомъ и діаконикономъ. Окна двойныя и даже тройныя. Посрединѣ зданія высокій и стройный куполъ. На что ни посмотришь, отъ всего вѣетъ теплотою и лаской и глубокою тишиною, которой напрашивается характеристика загробной. Отъ столькихъ другихъ, видѣнныхъ мною похожихъ зданій храмъ этотъ отличается существующимъ впереди его квадратнымъ дворомъ, крытымъ, и на ту знойную пору посылавшимъ намъ пріятную прохладу. Ктиторомъ церкви, какъ мы освѣдомляемся изъ житія св. *Θеодоры,* былъ мужъ ея, *Михаилъ II,* крестообразную монограмму имени котораго мы встрѣтили высѣченную совнѣ церкви въ одномъ мѣстѣ на стѣнѣ. Напрасно я высматривалъ внутри церкви какой-нибудь болѣе ясной и подробной ктиторской замѣтки. Время и штукатурныя передѣлки не пощадили ничего, если и было что въ подобномъ родѣ. За то снаружи по южной стѣнѣ зданія на высотѣ карниза удалось усмотрѣть большую двухстрочную надпись, выдѣланную поверхъ большаго тройнаго окна, на подобіе Охридской, изъ кирпича, и крѣпко изъѣденную воздухомъ и непогодами до того, что остатки ея не даютъ ничего осмысленнаго [1]). На сѣверной стѣнѣ, тоже совнѣ, на одномъ изъ камней видится другая скорописная трехстрочная надпись молитвеннаго значенія, гласящая: *двери намъ отверзи, о Божія Матерь, покаянія, свѣта сущи дверь* [2]). При ней тоже

[1]) Мы передаемъ ея fac-simile. Отчетливо читается только слово δόμον (зданіе, домъ) и отчасти еще αγνα (sic) σο, вѣроятно вмѣсто ἀγνώστο... Какой-нибудь намекъ на усмотрѣнный апостоломъ въ Аѳинахъ жертвенникъ *Невѣдомому Богу.*

[2]) Πύλας ἡμῖν ἄνοιξον, ὦ θεοῦ μήτερ, τοῦ φωτὸς οὖσα πύλη. Смыслъ надписи объясняется сосѣдствомъ *двери.*

видится крестовидная монограмма, несходная съ вышеприведенной, въ которой какъ будто можно угадывать имя *Димитрія* [1]), или еще проще, *Продрома,* т. е. Предтечи, каковое имя идетъ у грековъ часто за собственное. Кончивъ урочное обозрѣніе и сего, полагаю — уже послѣдняго въ нашемъ путешествіи памятника христіанской древности, мы предались малому отдыху въ притворѣ, оказавшемся пристройкою позднѣйшаго времени, служившею для совершенія разныхъ требъ, и преимущественно тѣхъ, которыми встрѣчается и провожается бытіе христіанина на землѣ — таинства св. крещенія и чина погребенія. Къ немалому удовольствію своему, я нашелъ тутъ предметъ и археологическаго развлеченія, какого не чаялъ. По всему западному фасаду церкви, вошедшему теперь въ притворъ, видится старая стѣнная живопись весьма недурной кисти, распадающаяся на четыре отдѣльныя изображенія. Верхнюю часть образуемаго стѣною неравномѣрнаго пятисторонника занимаетъ большое представленіе *всѣхъ Святыхъ.* Подъ нимъ въ шести отдѣльныхъ квадратикахъ разрисована *исторія первыхъ людей.* По сторонамъ этихъ двухъ картинъ, въ двухъ трапеціяхъ изображены *Рай* и *Адъ.* Жаль, что художникъ-творецъ довольно бойкихъ для его времени композицій, не завѣщалъ потомству своего имени, а и того важнѣе — своего времени, видимо не нашего. Чуть только я проникся этою археологическою скорбію, какъ до слуха моего донеслось Архимедово: эврика! Зоркій спутникъ внутри притвора отыскалъ подробную запись историческую, долженствовавшую пролить на все полный свѣтъ. Дѣйствительно, это была „находка", хотя и не самой дорогой цѣны. Въ ктиторской замѣткѣ говорилось слѣдующее: *Возъисторированъ* (вновь росписанъ) *божественный и всечестный храмъ Пресвятыя славныя владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи*

---

[1]) *Димитріемъ-Михаиломъ* назывался второй сынъ Деспота Михаила II и Θеодоры.

„путей источника“ поспѣшествомъ и расходомъ преподобнѣйшаго духовника, господина Киръ-Іоасафа. Онъ не только расписалъ храмъ, но и воздвигнулъ съ основаній земли все, что есть кругомъ раззореннаго нечестивыми, и многія драгоцѣнности и имѣнія, раззоренныя до него, привелъ въ прежнюю красоту, и то, что было заложено отъ тяжкихъ долговъ, выкупилъ. Записано это не для прославленія его, потому что всѣ, нынѣ сущіе, знаютъ сего ктитора храма, а въ примѣръ имѣющимъ жить послѣ сего. Въ 1716 году. Георгій священникъ и Пáносъ и Хрúстосъ — артскіе живописцы. И такъ, вотъ они искомые художники, всѣ изъ мѣстныхъ жителей, упредившіе собою эпоху „возстановленія наукъ“ въ Эпирѣ. Честь имъ и воспитавшему ихъ мѣсту! Но все же они были только возобновителями древней иконописи, и остается неизвѣстнымъ, ихъ ли творчеству надобно приписать замысловатыя изображенія, на которыя я не перестаю смотрѣть съ любопытствомъ. Съ боку большой надписи читается другая меньшая, и совсѣмъ новая замѣтка, гласящая: *поправлены святые сіи священнаго темпла* (тябло, иконостасъ) *и кругомъ храма и въ притворѣ, при игуменствѣ іеромонаха, господина Константина. 1857. Марта 1.* Той же — нашей — даты оказалась большая памятная запись, начерченная тою же рукою на одномъ изъ столбовъ, поддерживающихъ крышу дворика, въ которомъ мы сидѣли, и ложно утверждающая, что начало обители восходитъ къ царствованію императора *Алексія Комнина*, а именно къ 1111 году, т. е. болѣе чѣмъ за 100 лѣтъ до ктитора ея Михаила „супруга блаженнѣйшей и святой Ѳеодоры“. О. Игуменъ, онъ же и творецъ обѣихъ замѣтокъ, онъ же и господинъ (!) Константинъ, поспѣшилъ признаться, что годъ указалъ ошибочно, и что вѣрнѣе сказано у г. Аравандинѳ.

Подкрѣпившись чашею *студены воды* въ тихой, благой и безмолвной (прибавимъ: и безлюдной — по обычаю) обители, мы направились обратно къ городу. Путь лежалъ мимо великой церкви Бла-

говѣщенія, которой величественные размѣры и привлекательная стройность со всѣмъ богатствомъ византійскихъ украшеній очаровывали меня. Неудовлетворяясь изображеніемъ ея, сдѣланнымъ Пуквилемъ въ своей книгѣ, я покусился самъ срисовать ее съ другой точки зрѣнія. Спутники, разумѣется, пожелали мнѣ успѣха въ моихъ занятіяхъ, и — были таковы! Оставшись одинъ съ глазу на глазъ съ интересовавшимъ меня давно зданіемъ, я далъ полную волю своему воображенію и до усталости носился на пространствѣ шести вѣковъ, пережитыхъ имъ, наполняя пустопорожнія мѣста печальной эпохи „турковладѣнія“ звѣрскими лицами „нечестивыхъ“ и страдальческими фигурами героевъ и героинь пресловутаго *Сули* и не менѣе славной несчастіями *Парги,* погибавшихъ въ здѣшней крѣпости, для коихъ единственнымъ утѣшеніемъ служила, конечно, тезоименная *Паригорица,* видимая отвсюду въ городѣ и по преимуществу изъ сосѣдней крѣпости. Сравнительно въ недавнее время подъ кровъ Утѣшительницы выселялся весь городъ, спасаясь отъ общаго, неумолимаго врага и нечестивыхъ и благочестивыхъ — чумы! Вся богородичная гора усѣяна была тогда (1817 г.) палатками, въ коихъ укрывались люди цѣлыми семьями, ища спасенія, но конечно въ большинствѣ случаевъ находили только одно „утѣшеніе“. Въ теченіе одного съ небольшимъ года пало жертвою эпидеміи 2300 жителей злополучной Арты. Священники тогдашніе завѣряли, что они не разъ видали выходившій изъ громадныхъ могилъ зачумленныхъ, тусклый пламень. И даже по миновании бѣдствія, еще кому-то удавалось видѣть таинственную старуху, бродившую по горѣ этой и кричавшую: еще! еще! [1]) Столь дорогой и благословенный для

---

[1]) Точь въ точь, какъ спустя 13 лѣтъ потомъ, въ сѣверной полосѣ Россіи, тоже проявлялись тайновидцы, встрѣчавшіе по ночамъ подъ окнами обреченныхъ на истребленіе домовъ какую-то, ни кому незнакомую, старуху, если не эту самую артскую *пану́клу* (чуму), то вѣрно сестру ея, обозванную тогда еще неизвѣстнымъ на святой Руси, столько фатальнымъ потомъ, именемъ *холеры*! Инымъ, вмѣсто старухи, видѣлась собака, волчица, и пр.

меня годъ въ первый разъ выступаетъ передо мною въ такомъ страшномъ обликѣ губителя жизни, бича Божія. Не внесъ ли онъ своей доли парализующаго вліянія на видимую оставленность и какъ бы заброшенность сего мѣста, несомнѣнно лучшаго во всемъ городѣ? Какъ ни убоги, ни обветшалы другіе древніе храмы Арты, все же видно, что о нихъ и думаютъ и заботятся, а чудная и по достоинству — великая Церковь эта какъ будто никому не нужна, и никому не принадлежитъ, и никого не занимаетъ!

Былъ полдень, когда я возвратился на квартиру. Общество уже поджидало меня. Былъ часъ обѣденный. Мнѣ сказали, что на обѣдъ съ нами приглашена въ своемъ родѣ именитость — сестра *Марка Бѳцари*, доживающая въ Артѣ дни свои, хотя нашлось бы конечно ей мѣсто и въ свободной Греціи. Имя ея *Ангелина*. Это была дряхленькая, но еще довольно живая, старица. Разумѣется, на сколько можно было, застольную бесѣду направляли всѣ къ славной эпохѣ Греческаго возстанія, въ которомъ городъ и весь край принимали самое живое участіе, бывъ наэлектризованы, кромѣ воззваній и подстреканій „Дружескаго Общества“ (Φιλική ἑταιρία), еще двусмысленнымъ поведеніемъ Янинскаго сатрапа, которое въ интересахъ дѣла было отожествляемо патріотами съ прямымъ сочувствіемъ его имъ. Превоспѣтая палликарами Иліада 1821 года въ свою очередь наэлектризовала собесѣдниковъ, и не мало кое-чего сказано было за столомъ между нами такого, о чемъ не приходилось знать нынѣшнему Деспоту Эпиро-Этоло-Акарнанійскому.. Давъ волю языку, мы спросили именитую сотрапезницу, не имѣетъ ли она передать *кому нибудь* свой поклонъ въ Стамбулѣ, куда мы прямо отправляемся.. Въ потухающихъ глазахъ „сестры“ блеснулъ при этомъ такой зловѣщій огонекъ, что какъ будто 30 — 40 лѣтъ прожитыхъ ею въ историческомъ затишьи, совсѣмъ не бывало! Да! Въ давно истопленной печи, зовомой Румеліей, не диво напасть еще гдѣ-нибудь въ уголку на нежданную заг-

нетку, изъ которой малѣйшая фосфорная (читай: Босфорная) спичка можетъ извлечь ослѣпительный огонь. А то, можетъ случиться и другое обстоятельство. Загнетка не вѣсть отчего затлѣетъ, и на всю избу разойдется такой угаръ, что хозяинъ спасая спасай душу свою—бѣгомъ на чистый воздухъ!

2 часа. Давно забытый Търпко докладываетъ, что все уложено. Чару сладкаго вина пьетъ старикъ неохотно, и не говоритъ при этомъ никакого привѣтствія, смотритъ съ опущенными вѣками и вообще кажется совсѣмъ не въ духѣ. Почтенный хозяинъ собрался проводить насъ „до воды". Къ нему въ кампанію присталъ и Владычный Намѣстникъ. Разумѣется, обязательно счелъ долгомъ своимъ сдать насъ изъ своего района на руки безхозяйному морю и дорогой колонновожатый нашъ, провожающій насъ отъ самаго Битоля. Составилась такимъ образомъ довольно внушительная по мѣсту, кавалькада, предводимая кавасомъ. Пожелавъ всего добраго гостепріимному дому, и надѣлавъ шума на весь околотокъ, мы скоро выбрались на памятный пустырь, съ котораго открывается видъ на Паригорицу. На сколько ее можно было видѣть, я не сводилъ съ нея глазъ. Мнѣ до крайности жаль было такого замѣчательнаго памятника византійской архитектуры, заброшеннаго и сиротѣющаго въ укоръ всѣмъ, у кого не сходитъ съ языка Византія. Передъ нами ровное поле безъ конца и краю. Въ другое время этого вседостаточно было бы, чтобы гаркнуть моимъ компаньонамъ, и оставить меня одного со старикомъ „тащиться", но тутъ вышло не то. Широко раскинувшись по параллельнымъ тропинкамъ, ѣхали мы всѣ вмѣстѣ медленно и какъ бы торжественно, храня глубокое молчаніе, и все подвигаясь на роковой югъ. Облачное небо и полнѣйшее безвѣтріе унисонили нашему важному, хотя и не натянутому настроенію. Какъ-то не говорилось и можетъ быть даже не думалось. Всему ставила точку предстоявшая разлука. Мнѣ же, кромѣ того, не давалъ покоя наступающій конецъ пути. Ни-

какъ онъ не укладывался въ рамку мыслей, пріученныхъ въ теченіи пяти недѣль къ лошади, къ багажу, къ Търпку, къ ночлегу Богъ вѣсть гдѣ, къ раннему вставанью и раннему же уставанью.. Ужели завтра ничего, похожаго на это, не будетъ, и прежде всего не будетъ земли подъ ногами? Ни какъ не вѣрилось подобному обстоятельству, а между тѣмъ изъ за одной, едва замѣтной горбины вдругъ впереди насъ открылся плоскій берегъ, за которымъ на далекое разстояніе видѣлась зеленовато мутная вода.. Она-то и служитъ переходомъ отъ cis въ trans. Достигли мы и пристани, оказавшейся ниже всякаго понятія, знаменуемаго этимъ словомъ. Ясное дѣло, что мы не были еще у моря, и что разстилавшаяся впереди масса воды составляла родъ Венеціанской Лагуны или крымскаго Сиваша, не будучи ни моремъ, ни озеромъ, ни даже болотомъ, — просто вода, и ничего болѣе. Насъ ожидали у берега двѣ лодки или два старыхъ деревянныхъ башмака, какъ язвилъ ихъ мой завзятый мореходъ, нанятыя заботливымъ г. Варзели, и имѣвшія задачей своей донести насъ до *Логарỳ* или узкой косы, отдѣляющей громадную лужу отъ морскаго залива.

Послѣдовала трогательная сцена разставанія нашего съ Търпкомъ. Старикъ плакалъ.. Довольно сказать это въ похвалу ему и — не въ осудъ намъ. На память я подарилъ ему свое сѣдло, болѣе для меня уже не пригодное. Расчетъ былъ сдѣланъ съ нимъ еще въ Артѣ. Долго стоялъ онъ на берегу пригорюнившись, и смотрѣлъ, когда мы, кое-какъ усѣвшись на днѣ посудины, съ помощію длинныхъ шестовъ отодвинулись отъ твердой земли, и старались дать своимъ парусамъ положеніе, при которомъ они могли бы надуться. Всѣ усилія наши достичь сего, оказались напрасными, оставалось дѣйствовать только шестами. Благо, глубина воды позволяла эту операцію по всему протяженію переѣзда нашего. Думаю, что нигдѣ она не превышаетъ одной сажени. Рѣдко видѣлось намъ чистое дно. Обыкновенно ладія наша шуршала о верхушки красновато-зеленыхъ порослей, поднимав-

шихся сплошными массами съ илистаго дна. Прескучное это плаванье грозило намъ совсѣмъ неожиданнымъ финаломъ — ссорой, отъ которой спасло насъ только присутствіе посторонняго лица, о. Намѣстника, рѣшившагося быть участникомъ предвидѣнныхъ имъ злостраданій нашихъ до самаго предѣла ихъ. Совмѣстныя — его и мои — усилія отыскивать въ печальномъ положеніи нашемъ сторону забавную болѣе чѣмъ увѣнчались успѣхомъ, и общее благодушіе возстановилось. „Корыта“ наши приберегли намъ на двухъ третяхъ пути нашего еще одинъ сюрпризъ, образовавши внутри себя тоже нѣчто въ родѣ суши и воды. Нашъ багажъ, на которомъ мы усѣлись, принималъ все болѣе и болѣе видъ острова. Вода подступала къ намъ со всѣхъ сторонъ. Мы поднимали ноги — спускалось платье, подбирали платье — погружался багажъ... Не знаю, чѣмъ-бы кончилось все это, если бы — и то уже къ сумеркамъ — мы не подтянулись кое-какъ къ давно намѣченной косѣ, гдѣ насъ ожидала за то цѣлая овація, устроенная рыбаками подъ предводительствомъ сына г. Варзели, высматривавшими цѣлый часъ нашъ черепашій ходъ по гнилой стоячей водѣ Логару́ [1]). Насъ встрѣтила на берегу картина, достойная кисти. Цѣлый лагерь рыбаковъ, кончившихъ дневныя работы, шумно праздновалъ свой вечерній отдыхъ, при свѣтѣ горѣвшаго камыша, единственнаго продукта мѣста. Кучи того же камыша служили намъ ковромъ, постелью, диваномъ, столомъ — чѣмъ угодно. Въ качествѣ дорогихъ гостей, мы заняли самый форумъ рыбачьяго поселка, обставленный каливами изъ

---

[1]) Судя по картамъ, именемъ *Логару́* зовется не коса, на которой мы высадились, а самая лагуна, по которой мы плыли. Не знаю, чего ради мы плыли по ней, а не ѣхали сухопутьемъ по перешейку между нею и такою же *Цукалья̀*, куда пролегаетъ большая дорога отъ Арты къ морской пристани *Салаора*. Наша же рыбачья пристань не означается на картахъ. На картѣ греческаго генеральнаго штаба изображена кучка островковъ на Амвракійскомъ заливѣ съ именемъ *Коракониси*, но невѣроятно, чтобы это была одна и та же съ нашею мѣстностью.

того же камыша, повидимому нарочно для насъ выстроенными. Чуть мы расположились желаннымъ отдыхомъ, какъ до насъ донесся откуда-то съ востока звонъ колокола. Изъ распросовъ оказалось, что по близости есть островокъ *Каракониси* съ монастырькомъ Богородицы, или проще: *Панагія*, куда невольные пустынники рыболовы собираются по временамъ на молитву, совершаемую для нихъ настоящимъ пустынникомъ, величаемымъ конечно, по принятому правилу игуменомъ; я воспользовался остаткомъ сумерекъ и въ сообществѣ о. Фотія отправился на поклонъ пустынной обители. Устроено кое какое сообщеніе ея съ косою. Намъ представился невысокій холмъ, поросшій деревьями, увѣнчанный на вершинѣ малою церковью древней постройки. Монастырь славится памятію преподобнаго *Онуфрія*, давно когда-то тутъ подвизавшагося, умершаго и погребеннаго, коего св. мощи взяты въ Испанію — когда и кѣмъ и по какому случаю, я не могъ допытаться. Мы застали службу Божію, возвѣщенную колоколомъ. „Старецъ", такой же повидимому рыбакъ, какъ и вся ватага Логарусцевъ, одинъ одинехонекъ читалъ и пѣлъ при свѣтѣ двухъ-трехъ лампадокъ послѣдованіе субботней вечерни. Гробовою тишиною пахнуло на меня отъ его вида, голоса и невозмутимо — формальнаго занятія своимъ дѣломъ, да и отъ всей обстановки богослужебной и отъ самаго мѣста. За то, когда мы возвращались въ соломенный городъ, на встрѣчу намъ неслись клубы багроваго дыма отъ устроенной палликарами иллюминаціи, и шумный говоръ ихъ рѣзкихъ голосовъ далеко разносился по окрестности. Духъ веселости и непринужденности, граничившій съ полною разнузданностью, отъ туземцевъ незамѣтно перешелъ и на пришельцевъ. Составился такимъ образомъ общій праздникъ, устроителемъ и распорядителемъ котораго былъ отличный г. Варзели junior, тоже нашъ вице-консулъ ad honores въ Превезѣ, куда намъ неминуемо придется ѣхать завтра. Неизысканный банкетъ завершился ужиномъ, на которомъ сперва подавалась рыба, потомъ... опять рыба, и

наконецъ еще — рыба. Перепробованы были всѣ ея сорты, зовы, ловы, кухонныя приспособленія и, такъ сказать, положенія — рыба вяленая, рыба копченая, вареная, печеная, жареная... Точь въ точь какъ у насъ на Руси великимъ постомъ весь menu du repas крестьянскаго нерѣдко составляютъ: рѣдька ломтикомъ, рѣдечка тёрочкой, рѣдечка бобкомъ (?), рѣдька съ масломъ, рѣдька съ квасомъ, рѣдька — такъ (!). На нашемъ столѣ не доставало только послѣдняго приготовленія, — рыбы... *такъ!*

Къ 10 часамъ все утихло и потухло въ лагерѣ. Караульнымъ нашимъ остался только безсмѣнный мѣсяцъ ясный на далекомъ небѣ. Намъ съ о. архимандритомъ Фотіемъ отвели особый шалашъ, порекомендовавъ мнѣ немедленно заснуть, потому что въ 12 часовъ придется вставать, чтобы пользуясь полночнымъ вѣтромъ, отплыть отъ берега, и еще дó-свѣта войти въ *Мáзома,* т. е. въ пристань славнаго и преименитаго города Августова. Я подчинился приказу, такъ заботливо и резонно мотивированному, и побродивши еще по *тому* уже берегу косы, и высмотрѣвши имѣющій отнести насъ въ море (все еще не настоящее) корабль, улегся на указанномъ мѣстѣ. Ночь, не смотря на близость столькихъ водъ, стояла сухая и душная до того, что въ шалашѣ было жарко, и я рѣшительно не сомкнулъ глазъ до той самой минуты, какъ съ морскаго берега пришелъ вѣстникъ, заявившій, что начинается вѣтерокъ. Немедленно мы съ товарищемъ сдали на руки корабленикамъ свои вещи, уложенныя еще съ вечера. Подъ тѣмъ предлогомъ, что для насъ наступило уже утро, намъ, по требованію мѣстнаго этикета, оказалось необходимымъ выпить на дорогу по чашечкѣ совсѣмъ ненужнаго кофе. Не безъ грусти простились мы съ дорогимъ своимъ „колонновожатымъ“, такъ великодушно руководившимъ, ласкавшимъ и берегшимъ насъ въ теченіи столькихъ дней, пожелавъ ему наилучшихъ успѣховъ въ его служебной дѣятельности и, кромѣ того, безотлагательнаго закрѣпленія себя на землѣ сей болѣе

существеннымъ образомъ, ибо, по глаголу Творческому, не добро быти человѣку единому, и особенно — человѣку, родомъ службы своей поставленному въ условія одиночества. Поблагодарили за гостепріимство и обязательныя услуги и истинно-почтеннаго г. Варзели, который въ свою очередь не преминулъ отрекомендовать насъ чуть не какъ святыню нѣкую своему сыну, возложивъ на него отвѣтственность за все, могущее случиться съ нами во время переѣзда нашего до Превезы на морѣ и на сушѣ. На это сынъ сдѣлалъ одинъ жестъ головою, въ которомъ я, какъ въ крюковомъ значкѣ древняго пѣнія, усмотрѣлъ слѣдующія сокровенныя ноты: ужъ если они (т. е. мы) не погибли, плывя въ твоемъ рѣшетѣ подъ твоимъ надзоромъ и руководствомъ, то можешь быть покойнымъ, что изъ моихъ рукъ выйдутъ въ полной сохранности. Г. *Ёрго* (т. е. Георгій) высматривалъ дѣйствительно такимъ палликаромъ, что внушалъ въ насъ полнѣйшую къ себѣ довѣренность. Я на прощанье еще разъ напомнилъ о. намѣстнику владычнему о *Паригорицѣ* и выразилъ надежду, что по возвращеніи моемъ въ Константинополь, получу отъ него *утѣшительную* вѣсточку о томъ, что настоящая, законная митрополія Арты защищена отъ непогодъ близящейся зимы окончинами. Онъ поручилъ мнѣ переговорить объ этомъ со владыкой и облобызать за него святительскую десницу. Все такимъ образомъ было покончено, и мы одни остались въ суденкѣ, на которомъ сейчасъ же былъ поднятъ парусъ, и даже русскій флагъ, хотя по ночному времени и не полагалось сего въ артикулахъ мореходнаго устава. Кораблецъ нашъ повернулся носомъ по вѣтру и поплылъ тихо и ровно, чуть чуть покачиваясь, по лицу моря. Чувство глубокаго покоя и безотчетнаго довольства охватило меня, когда я увидѣлъ себя отрѣшеннымъ отъ земли и уносимымъ въ какую-то неясную и неопредѣленную даль безъ конца и краю. Полная луна стлала впереди насъ широкую свѣтящуюся полосу, какъ бы своего рода дорогу, по которой неудержимо и, такъ сказать, впере-

гонку бѣжали глаза и мысли, пока не положила конецъ ихъ дѣтски живой и веселой забавѣ не менѣе сладкая и блаженная дремота.

Никополь. 29 Іюня 1865 г. Суббота.

Къ сожалѣнію, эта непередаваемая прелесть морскаго переѣзда была не продолжительна. Часа черезъ два, или и менѣе того, сонный слухъ сталъ различать переговоръ голосовъ, спускъ на воду веселъ, хлестаніе паруса. Проснувшись, мы увидѣли, что приблизились къ берегу низкому, плоскому и пустому. Намъ не замедлили объяснить, что мы находимся въ *Мáзома* [1]), что плаваніе конечно, и намъ предстоитъ немедленно выбираться на берегъ, чтобы судну дать возможность еще при томъ же вѣтрѣ идти далѣе въ свое мѣсто. Не хотѣлось мнѣ разстаться съ такимъ привольемъ и раздольемъ, да нечего было дѣлать, изъ минутныхъ мореходовъ намъ опять пришлось сдѣлаться пѣшеходами, а что и того хуже — проститься (по крайней мѣрѣ мнѣ) съ дальнѣйшимъ сномъ. Высадившись на берегъ и захвативши съ собой багажъ свой, мы пошли отыскивать „каливу" рыболовнаго стражника. Все это я дѣлалъ какъ сонный, но видъ или, какъ выразился недовольный товарищъ, *зракъ* ожидавшаго насъ пріюта заставилъ меня вполнѣ очнуться. Мною овладѣло отчаяніе. Я вызвался провесть остатокъ ночи подъ открытымъ небомъ, но дѣло найдено было рискованнымъ, да оказалось пожалуй и невѣжливымъ отнестись такъ къ гостепріимному крову, гдѣ для насъ *все* было приготовлено. И точно. По крайней мѣрѣ на мою долю выпала честь при этомъ занять то, что носило имя постели. Очевидно, что ни на какой сонъ послѣ сего нельзя было расчитывать. Не имѣй я пре-

---

[1]) Μάζωμα—новогреческое слово отъ μαζί—*вмѣстѣ*, значитъ собраніе, соединеніе, масса...

цедентовъ печальной безсонницы въ Енидже, въ Прилѣпѣ, въ Охридѣ и пр., я могъ бы потерять всякое терпѣніе, больше — дойти до остервенѣнія. Конечно, и бывшій когда то сосѣдъ мой Августъ тоже ночь фатальнаго дня побѣды не спалъ и тревожно бродилъ по берегу между палатками своего дессанта, но утѣшеніе отъ сего совпаденія обстоятельствъ было слишкомъ незначительно передъ напоромъ ожесточенныхъ враговъ, отвсюду устремлявшихся на свою жертву, съ которыми ничего бы не сдѣлалъ и самъ Victor Actiacus. Провертѣвшись съ боку на бокъ до самаго свѣта, я вышелъ на чистый воздухъ, чтобы хотя сотряхнуть съ себя незримыхъ плотоядцевъ, и съ разбитымъ сердцемъ выслушалъ радушный привѣтъ г. Ергаки: καλημέρα! Онъ поспѣшилъ сообщить къ свѣдѣнію моему, что заказанныя для насъ въ городѣ (Превезѣ) лошади уже пришли. Ждать тутъ больше, значитъ, было нѣчего. Кое-какъ освѣжившись водою, мы безсознательно по привычкѣ поискали кругомъ себя Търпка для укладки багажа, и со вздохомъ убѣдились, что онъ уже принадлежитъ къ безвозвратному прошлому. Стражникъ поднесъ намъ по микроскопической фильджанѣ (чашечкѣ) кофе, и получилъ отъ насъ за ночлегъ 6 піастровъ.

Еще до солнца мы, три всадника, и четвертый багажный мулъ, отправились по полю прямо на сѣверъ къ развалинамъ знаменитаго *Города Побѣды* или *Никополя*, основаннаго *Августомъ* въ самый годъ его побѣды надъ его политическимъ соперникомъ, *Антоніемъ*, имѣвшей громадное значеніе для исторіи Римской, въ свою очередь такую фатальную роль игравшей въ судьбахъ всего человѣчества. Мѣстность, однакоже, далеко не стóитъ своей славы. Обнаженная песчано-глинистая равнина съ малыми кое гдѣ бугорками и тощими невзрачными кустиками, предшествующая бывшему великому городу, мало сказать — не привлекательна. Все имѣло сѣроватый цвѣтъ съ бѣлыми, на подобіе лишаевъ, пятнами — конечно солончаками,

что подтверждалось и сыро—солянымъ запахомъ, преслѣдовавшимъ насъ чуть не до самыхъ развалинъ, гдѣ его смѣнили затхлость, гарь и гниль. Прежде всего намъ открылась длинная стѣна со множествомъ пробитыхъ въ ней на неравныхъ разстояніяхъ отверстій на подобіе дверей. Она оказалась древнимъ водопроводомъ, имѣющимъ протяженіе верстъ на 50 съ лишкомъ, по Изамберу. Подъѣхавъ къ нему, мы сошли съ коней и сдѣлали мысленный поклонъ великому имени, вызвавшему къ бытію процвѣтавшій тутъ когда-то, по всей видимости — великій, городъ. Печально и какъ бы страшно развернулся онъ передъ нами за водопроводомъ темными и безобразными остовами бывшихъ зданій. Прежде всего подлежалъ осмотру нашему *театръ* огромныхъ размѣровъ, котораго нижняя часть строена изъ булыжника, а верхняя изъ продолговатаго тонкаго краснаго кирпича. Такой же точно, я помню, видѣлъ я въ Италіи близъ Неаполя въ *Пуццоли* (др. Путеолы), только этотъ не имѣетъ подземелій того, по крайней мѣрѣ я не замѣтилъ ихъ. Громадная и величественная, но отталкивающая развалина! Отъ нея мы перешли къ *Стадію*, котораго очертанія едва уже различаются подъ кучами всячески наметанныхъ и разметанныхъ глыбъ строеваго камня, принадлежавшихъ позднѣйшимъ постройкамъ. Оба эти зданія представляются загородными, лежавшими за восточною границею города. На этой мѣстности примѣрно версты полторы или двѣ въ поперечникѣ, и совершались шумныя въ свое время *игры Актійскія*, установленныя Августомъ и, подобно столькимъ другимъ, имѣвшія мѣсто каждый четвертый годъ [1]),

---

[1]) По Лексикографу *Свида*, игры были quinquennales, а по *Стефану* Византійскому правились каждый третій годъ... Посвящены были Аполлону, который отъ сего самаго назывался *Актійскимъ*. А могло быть, что еще до побѣды Августовой на мѣстѣ *Акті*, прославленномъ ею, стоялъ храмъ Аполлона, у котораго игры совершались за долго до великаго событія, и что побѣдитель только сдѣлалъ ихъ всенародными для Греціи. Камень

и состоявшія изъ трехъ отдѣловъ: а) собственно гимническихъ упражненій, какъ то: бѣговъ въ за́пуски, прыжковъ, бросковъ, борьбы и прочее, б) конскихъ ристалищъ и г) морскихъ гонокъ. Въ самомъ же бывшемъ городѣ насъ встрѣтили громады кирпича и камня и преимущественно — перваго, входившихъ когда-то въ постройки, о которыхъ теперь нельзя составить яснаго представленія. Мы избрали для обслѣдованія мѣсто, гдѣ кучи принимаютъ чудовищные размѣры. Къ нимъ пристало почему-то имя *дворца*, конечно Августова. Мы облазили двѣ три мрачныя и страшно загрязненныя комнаты, которыхъ я не съумѣлъ пріурочить ни къ чему, и отказались отъ дальнѣйшихъ безплодныхъ поисковъ въ воображаемыхъ палатахъ Августа, едва ли когда ихъ видѣвшаго. На какіе нибудь ясно и отчетливо говорящіе о себѣ остатки храмовъ и кумирень тоже не привелось натолкнуться. А какъ бы имъ не быть? Здатель города былъ богочтецъ, и дѣломъ своимъ увѣковѣчивалъ память оказанной ему крилатыми: *Тихою* и *Никою* явной помощи. Божества-то онѣ хотя и не патентованныя, но уже если самъ Зевсъ олимпійскій не погнушался держать въ рукѣ своей всемощной одну изъ нихъ, то смертному (пусть онъ даже будетъ Σεβαστὸς, Divus, даже прямо Θεὸς, по льстивому выраженію лукаваго Востока) какъ не почтить храмомъ и статуей хотя бы главнѣйшихъ членовъ еще не окончательно разшатаннаго въ его время философіей Олимпа? По неволѣ повѣришь лже Филеллину Пуквилю, поносившему съ головы до ногъ Эллина *Деспота Михаила*, строившаго Паригорицу avec le mauvais goût de son siècle, за то, что онъ ограбилъ Никополь, вывезши оттуда двѣсти колоннъ на свой mélange barbare. Съ исчезновеніемъ колоннъ, легко было заглохнуть, зарости, засы-

---

съ греческою надписью, вложенный въ основанія римской крѣпости, завѣряетъ, что тутъ и до Римлянъ была селитва, и даже не маловажная.

паться землею и самому мѣсту храмовъ. Куда ни повернешься, все тотъ-же отчаявающій кирпичъ римскій съ самыми малыми обломками греческаго мрамора. Гдѣ только можно укрыться и пріютиться отъ непогодъ и зноя, вездѣ царствуетъ удушающая нечистота отъ загоняемыхъ пастухами стадъ. Преимущественно передъ другими оказалась таковою одна круглая постройка съ подземными ходами. Чѣмъ она была въ свое время, сказать не могу. Itinéraire, кромѣ *большаго театра,* знаетъ въ Никополѣ еще другой *малый*. Пусть будетъ это онъ самый. Но вотъ насъ подводятъ къ развалинѣ, неизвѣстной ни Пуквилю, ни Изамберу, ни Аравандину. Называютъ намъ ее *банями Клеопатры*! Откуда взялось это, упредившее постройку Никополя, имя? Развѣ предположить, что Августъ въ свое время держался правила своего нынѣшняго напрасливаго подражателя, нарекающаго улицамъ и зданіямъ своей столицы имена побѣжденныхъ имъ лицъ и мѣстъ, и хотѣлъ окончательно посрамить своего несчастнаго соперника, заставивъ на вѣки фигурировать въ своемъ градѣ побѣды съ баннымъ оттѣнкомъ славное имя подруги побѣжденнаго? Для обозрѣнія *крѣпости* (château по Изамберу) у меня уже не хватило ни терпѣнія, ни охоты, ни самыхъ силъ. Удовольствовался видѣніемъ ея стѣнъ и воротъ, поражающихъ своимъ скелетовиднымъ обликомъ. Нѣтъ, это не греческія развалины, влекущія къ себѣ, по мимо своего археологическаго значенія, дороговизною своего матеріала и изяществомъ своей отдѣлки. Тутъ все грубо, неуклюже, непригоже, и, какъ мы привыкли выражаться, ни начто не похоже. Отъ каждой бывшей постройки такъ и несется кажется вѣковая жалоба, что ее когда-то вызвали къ бытію не verbum, а скорѣе verber, и возводили ее не gustus, а развѣ именно только augustus, въ смыслѣ: ave, gustus! Въ утѣшеніе мнѣ на одномъ камнѣ, вложенномъ въ основанія крѣпости, у воротъ ея, я прочелъ двухстрочную греческую надпись, на половину (вторую или правую) вмѣстѣ съ камнемъ не существующую. Сохранившееся чи-

тается такъ: *сладчайшей матери Аглiѣ Ле..., сладчайшей дочери Ка...* [1]) Не мало такихъ, трогательныхъ своею сердечностiю и простотою, загробныхъ прощанiй Пуквиль видѣлъ въ свое время въ Превезѣ между плитами помоста одной бани.

Утомившись, мы сдѣлали роздыхъ у церкви *Вознесенiя*, занимающей возвышенное мѣсто, служившее конечно въ другое время святилищу другаго богослуженiя, чего слѣды можно усматривать въ стѣнахъ церкви. Хотя мнѣ еще въ Артѣ она отрекомендована была, какъ древность, она съ перваго же взгляда дала понять мнѣ, что не восходитъ къ Византiйской эпохѣ и должна принадлежать къ межеумочному перiоду Венето-генуезскому, упредившему не много Турецкiй. Чтобы она была митрополiей Никополя до раззоренiя города Болгарами, это совершенно не вѣроятно. Слѣдовъ подобнаго храма надобно искать далеко позади въ массѣ развалинъ или еще вѣроятнѣе въ крѣпости или въ Акрополѣ, какъ величаетъ мѣсто Пуквиль. Никополь долженъ быть однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ христiанскихъ; по всему надобно думать, что о немъ говорится въ посланiи св. Апостола Павла къ Титу (гл. III ст. 12) [2]). Учитель языковъ располагалъ провесть

---

[1]) Γλυκυτάτῃ μητρὶ Ἀγλίᾳ Λε... τῇ γλυκυτάτῃ θυγατρὶ καὶ... По сплошному способу письма, не одинаково можно читать неслыханное въ этой формѣ собственное имя матери. Если тутъ нѣтъ описки, и вмѣсто ΑΓΛΙΑ не слѣдуетъ стоять: ΑΓΛΑΪΑ, то изъ μητριαγλια можно сдѣлать μητριᾷ (мачихѣ) ΓΑΪΑ (Гаiя), но мачиха безъ описки читается: μητρυιά. Окончательное: και... тоже должно быть собственнымъ именемъ: κλαυδία, καλιόπη и прочее. А всего проще бы въ ΑΓΛΙΑ читать: ΑΙΛΙΑ (Элiя).

[2]) Ἐγράφη ἀπὸ Νικοπόλεως Μακεδονίας... значится обыкновенно въ древнихъ рукописяхъ въ концѣ посланiя къ Титу. На основанiи этой приписки библеисты ищутъ *Никополя* въ собственной *Македонiи*. Географъ Птолемей перечисляетъ такихъ два: Νικόπολις περὶ Αἶμον и Νικόπολις περὶ Νέσον (по монетамъ: Νέστον). Но оба эти Никополя такъ темны исторически, что невѣроятнымъ представляется пребыванiе въ нихъ Апостола. Эпиръ по римскимъ понятiямъ, тоже могъ считаться частiю Provinciae Macedoniae вмѣстѣ и съ нашимъ Никополемъ. Блаженный Iеронимъ прямо этотъ, а не другой Никополь зоветъ Апостольскимъ.

всю зиму въ Никополѣ. Не мало, значитъ, предстояло дѣла здѣсь ему. Городъ былъ хотя новый, но большой и кипѣвшій жизнію. Мысль, что тутъ провелъ довольно времени и Апостолъ, ласкала душу. Не было съ нами Новаго Завѣта, чтобы кстати прочесть писанное здѣсь Апостоломъ посланіе къ Титу. Припоминаю крещенскій апостолъ о *благодати Божіей*, взятый изъ посланія къ Титу, съ однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ богословскихъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ о божествѣ Іисуса Христа, а затѣмъ и извѣстную цитату Апостола изъ поэта *Епименида*, не хорошо характеризующую Критянъ, болѣе намъ извѣстныхъ подъ именемъ Кандіотовъ, и нерѣдко до сихъ поръ незаслуженно обращаемую въ укоръ достойнымъ полнаго сочувствія нашего, геройскимъ островитянамъ. Скорѣе, опозорившій ихъ поэтъ былъ *присный лгунъ, утроба праздная*, измышлявшій „отъ своего чрева“ разныя басни и повѣрія, а не народъ достохвальный, беззазорно указывавшій на маленькой землѣ своей могилу великаго Дія. Вольно было праздной и лживой поэзіи возвесть простаго смертнаго не только въ боги, но и въ отца боговъ! Не въ здѣшнихъ ли библіотекахъ и вычиталъ духоносный мужъ приведенную имъ въ посланіи цитату. Августъ былъ эллиноманъ извѣстный, и вѣроятно снабдилъ свой городъ не одними играми, а и предметами головоломнаго труда, т. е. книгами. Надобно изъ того же посланія заключать, что здѣсь съ Апостоломъ были *Артема* и *Тихикъ*, а изъ Крита онъ ждалъ къ себѣ, кромѣ Тита, еще *Зину* законника и *Аполлоса*. Не былъ ли кто нибудь изъ нихъ оставленъ имъ здѣсь для управленія мѣстною церковію? Неизвѣстно. Всѣмъ имъ пріурочивается священною исторіей другое мѣсто служенія, а не Никополь. Какъ бы то ни было, надобно думать, что христіанство ранѣе процвѣтало тутъ, чѣмъ во многихъ другихъ, не трактовыхъ мѣстахъ. На Сардикійскомъ Соборѣ 347 года уже засѣдалъ епископъ Никополя, стараго Эпира, *Иліодоръ*. За нимъ слѣдуютъ по Пуквилю (заимствовавшему изъ Oriens christianus) еще

10 извѣстныхъ именъ предстоятелей Никопольской митрополіи по 911 годъ Р. Х. [1]). Черезъ столѣтіе послѣ сего, права ея и титулъ перешли на Навпактскую каѳедру, а еще позднѣе на Янинскую. Изъ всего этого слѣдуетъ заключать, что та „древняя и великая“ церковь, у которой мы пріютились, явилась уже послѣ раззоренія города, какъ ни странно такое предположеніе. Вмѣстѣ съ древностію и величіе ея тоже надобно считать ни на чемъ не основаннымъ. Размѣры ея весьма обыкновенные, а именно 28 шаговъ длины и 18 ширины. По плану, паралеллограммъ ея дѣлится двумя рядами столбовъ и колоннъ, по пяти въ каждомъ, на три продольника, изъ коихъ средній вдвое шире боковыхъ, оканчивающіеся на западѣ притворомъ, а на востокѣ тремя алтарными абсидами. Никакихъ слѣдовъ стѣнной иконописи не видно. Еще можно было расчитывать на открытіе гдѣ нибудь, по византійскому обычаю обыкновенно надъ входными, или царскими дверями, ктиторской записи съ указаніемъ хронологической даты. Осмотрѣвъ съ должнымъ любопытствомъ все полураззоренное зданіе и скопировавъ два три куска мраморныхъ плитъ болѣе древней христіанской эпохи, вставленные въ стѣны снаружи, я срисовалъ довольно приглядный выступъ большаго алтаря снаружи и тѣмъ закрѣпилъ въ своей памяти славное мѣсто, мѣсто поворотной точки всемірной исторіи, колыбель и такъ сказать купель самодержавія, сдѣлавшагося девизомъ Европы, начало новой эры, окончившей счетъ годовъ отъ постройки Рима, вселенскому значенію котораго готовился финалъ еще при жизни Актійскаго побѣдителя.

Часъ дня напомнилъ намъ о томъ, чего не заглушаетъ собою никакой громъ побѣдъ и никакой шумъ историческихъ именъ и дѣя-

---

[1]) Вотъ ихъ списокъ: *Донатъ* — 431. *Аттикъ* —449—451. *Евгеній* — 458—475. *Atcison* (!)—516. *Іоаннъ*—517. *Андрей*—596—604. *Сотирихъ*—625. *Ипатій*—626. *Анастасій* — 692. *Даніилъ* — 889—911.

ній — о желудкѣ — отцѣ исторіи. Мы присѣли къ сухой закускѣ, прислонившись къ стѣнѣ алтарной и имѣвъ передъ глазами своими чарующее зрѣлище моря. Тутъ *онъ* тоже можетъ быть сидѣлъ на курульскомъ креслѣ, на канунѣ дня роковой битвы. Если тутъ же — что весьма возможно — стояло и капище мѣстнаго божества, то вмѣсто того, чтобы сидѣть, носитель судебъ своего времени совершалъ здѣсь свою положенную молитву. Историки передаютъ, что благочестивый (по своему — конечно) человѣкъ приносилъ въ жертву указанное требниками того времени животное, и когда подлежащія „возношенію" части его были выложены, то Октавіанъ вмѣсто одной печени увидѣлъ двѣ [1]). Неизвѣстно, какъ это объяснили ему тогдашніе тайновѣдцы. Можно бы не сомнѣваться, что въ *другой* печени они прозрѣвали возношеніе, кромѣ уставнаго, другому, еще не олимпованному богу, и именно — Августу. Мистикъ нашего времени и склада открылъ бы въ замѣчательномъ случаѣ совсѣмъ другое указаніе, но пусть же онъ, помимо насъ, откроетъ его! Мы продолжаемъ мысленно смотрѣть на привлекательный обликъ незримаго собесѣдника, руководясь при этомъ по преимуществу его денаріями, и особенно тѣми, гдѣ онъ изображенъ еще безъ побѣднаго вѣнка на головѣ, и надписывается просто: Augustus Divi (т. е. Caesaris) (Filius). На нихъ онъ представляется совсѣмъ молодымъ человѣкомъ 20 — 30 лѣтъ, съ тонкими, благородными, и даже милыми чертами лица [2]). Въ вообра-

---

[1]) Свидѣтельствуетъ объ этомъ случаѣ *Плиній.* Lib. II. Cap. 37.

[2]) Многое множество монетъ *Августа* представляютъ болѣе или менѣе одинъ и тотъ же типъ: тонкое, сухощавое лицо съ совершенно правильными очертаніями, важное и спокойное безъ малѣйшей аффектаціи, но не холодное и не черствое. Монета, которую я по преимуществу имѣлъ тогда въ виду, однако же не изъ первыхъ годовъ его, что уже доказываетъ самое имя его Augustus. Болѣе молодыхъ лѣтъ его монеты имѣютъ только имя: CAESAR, какъ и дядины. На упомянутой (серебряной), на обратной сторонѣ есть и: IMP. X.

жаемый день ему всего было 32 года, но онъ, какъ и соперникъ его, уже давно носилъ титулъ „императора“ (т. е. военоначальника, почтеннаго тріумфомъ за побѣды) и былъ славенъ не только родомъ, доводившись племянникомъ *Юлію Цезарю*, но и собственными побѣдами, хотя можетъ быть не отъ него лично исходившими, но ему приписанными. Впереди его на морѣ видѣлся его флотъ, состоящій изъ 280 кораблей. За нимъ на сушѣ стояла армія въ 80 тысячъ человѣкъ, да конницы 12 тысячъ. Сила весьма внушительныхъ размѣровъ. Но и у соперника его и, по странности, близкаго родственника (зятя), далѣе къ Югу держались на морѣ 500 кораблей и 100 тысячъ одной пѣхоты. 10 царей подвластнаго ему Востока объявили себя союзниками его, въ томъ числѣ и знаменитый *Иродъ* Іудейскій [1]). Было, значитъ, надъ чѣмъ задуматься будущему *Августу*. Главная же нравственная сила *Марка Антонія* заключалась въ царицѣ Египта, *Клеопатрѣ*, находившейся неотлучно при немъ и имѣвшей у Актія своихъ 200 кораблей. Жаль, что сравнительно не высокое мѣсто, на которомъ мы сидѣли, мѣшало намъ видѣть всю мѣстность отъ *Торины* [2]) *до Акти*, на которой произошла великая *навмахія* (морская битва), измѣнившая политическій строй тогдашняго міра. Итакъ, въ одинъ изъ похожихъ на нынѣшній день все было готово съ обѣихъ сторонъ къ рукопашному бою. Не смотря на превосходство силъ у „Восточнаго императора“, въ станѣ его робѣли болѣе, чѣмъ у Кесаря. Послѣдній извѣстенъ былъ за ловкаго адмирала, небоявшагося, подобно дядѣ (Quid times? Caesarem vehis!) моря и даже предпочитавшаго его сушѣ, а первый

---

[1]) Ни войска ни кораблей его, повидимому, не было у Антонія. У *Ирода* много было тогда домашняго дѣла. Онъ велъ войну съ Арабами.

[2]) *Ториной* (Τορύνη) называлось селеніе, въ которомъ высадилась на берегъ армія Августа. Клеопатра, замѣчая малодушіе окружавшихъ Антонія, острила, говоря: «Есть чего бояться! Кесарь усѣлся въ ложку.» Τορύνη значитъ: *ложка*, которою поваръ мѣшаетъ въ горшкѣ — чумичка.

слылъ за сухопутнаго непобѣдимаго полководца. Привыкнувъ къ эволюціямъ на сушѣ, онъ хотѣлъ и на морѣ держаться той же тактики, и сдѣлалъ первую ошибку, нагрузивъ свои корабли солдатами до тѣсноты и до обремененія, мѣшавшаго ихъ свободному движенію. Однакоже день, опредѣленный для нападенія, прошелъ безъ всякаго дѣйствія, по случаю наставшей непогоды, продолжавшейся потомъ еще три дня. Къ концу сего послѣдняго море улеглось и все стихло. Разстояніе между двумя флотами оказалось только на 8 стадій или въ одну милю (съ небольшимъ — полторы версты). Въ наступившую ночь, *Гай Октавій*, тріумвиръ уполномоченный Римомъ, главнокомандующій, не имѣлъ сна и бродилъ между палатками по берегу, въ виду флота. Свѣтила ли ему безъучастно съ далекаго неба Діана, или ей не до него было, не знаемъ, только онъ не вдалекѣ отъ себя различилъ двѣ движущіяся фигуры, показавшіяся ему подозрительными. Будущій самодержецъ вселенной не оставилъ случая даромъ и подошелъ къ нимъ. Оказались передъ нимъ оселъ и возлѣ него погонщикъ. Какъ твое имя? спрашиваетъ онъ безстрашнаго шатуна ночнаго. *Евтихъ*, отвѣчаетъ тотъ смѣло, а вотъ его, прибавляетъ, указывая на осла, зовутъ *Никонъ* [1]). Я какъ бы вижу возвращающагося за тѣмъ въ лагерь Августа, полнаго вѣры и упованія и поминутно поднимающаго глаза къ небу. Конечно, онъ заснулъ послѣ того богатырскимъ сномъ. Евтихъ значитъ *счастливый*, а Никонъ — *побѣждающій*. Наступило наконецъ 2-е Сентября 31 года до Р. Х. [2]). Утро все прошло въ приготовленіяхъ. Въ 6 часовъ дня, т. е. ровно въ полдень, лѣвое крыло Антоніева флота напало на правое Октавія,

---

[1]) Объ этомъ сообщаютъ и *Светоній* (Octavius. cap. 96) и *Плутархъ* (въ жизни Антонія).

[2]) Къ 31 году до христіанскаго лѣтосчисленія вообще пріурочивается Актійская битва. Не знаю, на какомъ основаніи *Пуквиль* считаетъ годъ ея 37-мъ до Р. Х.

которымъ онъ самъ начальствовалъ. У нападавшихъ были на корабляхъ даже осадныя башни, подсказанныя рутиною и педантствомъ — конечно, изъ которыхъ бросались на непріятельскія суда катапелты. Но тяжесть и неповоротливость ихъ скоро оказались губительными для нихъ, а за тѣмъ и для всего флота. Къ 10 часамъ того же дня уже полная побѣда была на сторонѣ Кесаря. Чуть замѣтила не благопріятный для своихъ оборотъ хитрая Клеопатра, то она немедленно приказала своимъ остававшимся 60 кораблямъ поднять паруса и плыть къ Пелопоннесу! Увидѣвъ это, Антоній поскорѣе пересѣлъ въ *пентиру* (пятивальный баркасъ), и погнался за нею. Его замѣтили Египтяне и переняли на царицынъ корабль. Тамъ онъ три дня сидѣлъ на носу судна, закрывши лице руками, ни на кого не смотря и ни съ кѣмъ не говоря, пока достигъ, вмѣстѣ съ остатками флота [1]), мыса *Тенара* въ Пелопоннесѣ. А Кесарь? Онъ имѣлъ духъ провесть первую ночь послѣ блестящей побѣды на одномъ изъ своихъ кораблей среди невообразимаго хаоса всевозможнаго крушенія и разрушенія, въ виду 5000 плававшихъ кругомъ его труповъ, въ большинствѣ конечно его согражданъ, и подъ раздирающими звуками 3000 вопившихъ раненыхъ. За тѣмъ, приведши тутъ все въ порядокъ, заложивши будущій городъ, и конечно не одну принесши богамъ благодарственную экатомву [2]), отплылъ и онъ въ тѣ же свѣтлые предѣлы любезной ему Греціи.

Путемъ воителей древняго міра поплывемъ и мы, только ни за-кѣмъ не гоняясь, а—и того важнѣе — не гоня другъ [3]) друга. Сказать

---

[1]) По *Діону Кассію*, у Антонія было всего 170 кораблей, но это, очевидно, ошибка. Самъ Августъ завѣрялъ, что ему достались въ плѣнъ 300 непріятельскихъ кораблей.

[2]) Не ясно, гдѣ именно, въ Никополѣ или въ Римѣ, Августъ въ память ночной встрѣчи велѣлъ сдѣлать изъ мѣди статую *Евтиха* съ осломъ вмѣстѣ, и поставилъ въ какомъ то храмѣ.

[3]) Однакоже, когда это писалось, за обоими нами судьба уже *гналась* такъ сказать по пятамъ, направляя пути одного на свѣтлый Югъ, а другаго на сѣрый Сѣверъ!

это меня давно нудитъ моя признательность къ товарищу. Теперь какъ будто подходящій моментъ для того. Въ послѣдній разъ мы садились на лошадей и возлагали, такъ сказать, вѣнецъ побѣды на наше мирное — безъ малѣйшей размолвки — и благополучное, по милости Божіей, странствованіе Румелійское.

Ѣдемъ по полуострову то воздѣланными полями, то лѣсомъ, пользуясь остаткомъ утренней прохлады. Малѣйшій скрупулъ грусти и какъ бы сожалѣнія лежалъ на душѣ до появленія съ лѣвой стороны развлекающаго зрѣлища воды. Сожалѣнія... о чемъ? Странно сказать — объ *Августѣ!* Съ тѣхъ давнихъ поръ, когда прерадостный праздникъ Рождества Христова, ожидаемый и такъ сказать — чуемый всѣмъ дѣтскимъ существомъ, предваряя себя, скучнымъ — правда, но зато необыкновенно настраивающимъ къ чему то тоже необыкновенному, сочельникомъ, влагалъ не только въ уши, но и въ уста мнѣ торжественное пѣснопѣніе: *Августу единоначальствующу на земли...* и проч. Съ тѣхъ поръ, говорю, вѣщее имя Кесаря запало въ сердце мое, какъ что то родственное, неразлучное съ Вертепомъ, съ Пастырями, съ Ангелами, предвѣдающее, благовѣствующее ихъ, чуть не заключающее ихъ въ себя, какъ разукрашенный золотомъ переплетъ объединяетъ собою листы Евангелія. Какое то безмѣрное величіе, могущество, спокойствіе, благоволеніе, счастіе... знаменовались именемъ „*Августа*". Передъ нимъ „шатающійся богоборецъ" Иродъ казался причудливому воображенію чѣмъ то въ родѣ жука, паука... Можно представить, съ какимъ восторгомъ, даже прямо — умиленіемъ мною встрѣчена была потомъ въ первый разъ подлинная монета излюбленнаго Императора! Кстати она представляла его юнымъ, прекраснымъ, точь въ точь сердечнымъ дружкомъ того блаженнаго времени. Не вѣрилось (и до сихъ поръ не вѣрится), чтобы это былъ человѣкъ безъ сердца, безъ вѣры, безъ совѣсти, тираннъ, эгоистъ и въ концѣ

концовъ... фигляръ [1])! Нѣтъ, это былъ дѣйствительно **Августъ** — онъ самый, при которомъ *многоначаліе человѣковъ* (прибавимъ: и боговъ) *преста*, при которомъ водворялись давно искомые и желанные, *на земли миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе*. Можно ли не признать, что послѣднее всего прежде могло проявить себя на *немъ*, на стражѣ и распорядителѣ всей земли, въ рукахъ котораго хранились въ послѣдней инстанціи и судьбы зачинающагося Евангелія?..

Давно уже мы тянемся вдоль пролива или узкаго залива, за которымъ рисуется совершенно ясными чертами другой берегъ. Въ миніатюрѣ напоминаетъ намъ онъ нашъ несравненный Босфоръ Ѳракійскій, только ни по нему не видно несущихся пароходовъ ни даже лодокъ, ни по берегамъ его заселенныхъ мѣстъ. Черезъ часъ пути мы подъѣхали къ городу, съразу заявившему передъ нами свой тор-

---

[1]) Недавно случилось мнѣ прочесть журнальную статью русскую объ *Августѣ*, гдѣ указывается, что Императоръ самъ себя въ послѣднія минуты жизни назвалъ «комедіантомъ». Это заставило меня справиться съ источниками. Чтоже оказывается? Почувствовавъ приближеніе смерти, Августъ приказалъ убрать себя благолѣпнѣе, и такъ прощался со всѣми, не желая ни кого опечалить разлукой. При этомъ у одного изъ друзей спросилъ съ невозмутимымъ благодушіемъ: «какъ тому кажется? Удачно ли онъ разыгралъ спектакль жизни?» Гдѣ тутъ фиглярство? Что достойнаго укора въ этомъ признаніи язычника? «Итакъ, если все обстоитъ благополучно, ударьте въ органъ, и всѣ вы рукоплещите радостно», прибавилъ умирающій, цитируя стихъ поэта! Не та же ли это невозмутимая ясность души, свидѣтельствующая о ея величіи на порогѣ смерти? Конечно, послѣднее слово человѣка не было ни о Богѣ ни къ Богу, но развѣ необходимо быть такимъ слову умирающаго? Развѣ, кто умретъ съ Богомъ на языкѣ, можетъ изгладить изъ книги жизни дни и годы существованія безъ Бога? По *Светонію*, обычное слово у Августа было: что «εὐθανασία (благо—смерти, легкая смерть) есть лучшее достояніе людей на землѣ», аллюзирующее на ἀθανασία боговъ. Куда дальше сего могъ пойти философъ—міродержецъ въ виду дискредитирующейся передъ нимъ религіи? Къ лучшему моему утѣшенію, тотъ же писатель сообщилъ, что Кесарь, прежде чѣмъ испустить духъ, впалъ въ «упомѣшательство», а именно вдругъ поблѣднѣлъ, и сказалъ, что за нимъ пришли 40 **юношей**... Это мнимое помѣшательство Августа для чтителя памяти его дороже всѣхъ его славныхъ дѣлъ.

говый характеръ стукомъ и шумомъ, хотя на дворѣ стоялъ уже полдень, и отъ зноя естественно все укрывалось въ прохладѣ домовъ. Мы подъѣхали къ одному изрядной величины дому, который *Г. Георгій* не замедлилъ отрекомендовать намъ Русскимъ Вице-Консульствомъ. И точно. Развѣвавшійся надъ домомъ на высокой мачтѣ русскій флагъ съ андреевскимъ крестомъ говорилъ о томъ явственнымъ образомъ. Г. Варзели представилъ насъ своему дядѣ, точному списку Артскаго знакомца нашего, только сдѣланному другою рукой и иными красками. Прежде всего мы, разумѣется, справились и узнали, что сегодня же идетъ пароходъ въ *Корфу*. Успокоившись этимъ извѣстіемъ, мы сочли своимъ долгомъ тотчасъ же отправиться съ визитомъ къ владыкѣ Артскому *Серафиму*, котораго я знавалъ нѣсколько, когда онъ былъ (недавно) еще епископомъ—настоятелемъ церкви Константинопольскаго предмѣстія *Татавла*. Короткій разговоръ нашъ съ нимъ вертѣлся, разумѣется, больше всего на столицѣ и тамошнихъ общихъ знакомыхъ нашихъ. О своей каѳедрѣ, не смотря на переданный нами привѣтъ и поклонъ отъ намѣстника, преосвященнѣйшій даже и не заикнулся. Ясно, что тамошняя „Утѣшительница“ должна довольствоваться собственнымъ утѣшеніемъ. Превеза, по увѣренію владыки, хотя и не новый городъ, но что нибудь достопримѣчательнаго въ археологическомъ отношеніи не имѣетъ въ себѣ. Хотѣлось было, для очистки совѣсти, взглянуть на старѣйшую изъ церквей городскихъ *св. Николая*, но мною начиналъ овладѣвать, въ наверстаніе безсонницы минувшей ночи, такой сонъ, что я предпочелъ всему на свѣтѣ свою квартиру.

Превеза. 26 Іюня 1865 года.

Отъ дней краля Самуила до Гильфердинга, думаемъ, постоянно и непрерывно вѣрилось, что *Превеза* есть славянское слово. Для насъ

русскихъ внѣ всякаго сомнѣнія и состязанія Превеза идетъ за *перевозъ*—какой, чей, когдашній? Это уже второстепенные вопросы, которыхъ и разрѣшать не стóитъ. А между тѣмъ, сступивши съ русской точки зрѣнія напримѣръ на Сербскую, вмѣсто перевоза натолкнешься, пожалуй, на *перевязъ*. Затѣмъ, чтобы албанцы, старожилы всего западнаго берега Балканскаго полуострова, не отыскали въ своемъ языкѣ чего нибудь созвучнаго Превезѣ, въ этомъ и на минуту нельзя усумниться. Наконецъ лингвистическій хаосъ, окружающій нашу временную резиденцію, однимъ почеркомъ пера разсѣеваетъ эллинствующая „Хронографія". Вотъ чтò гласитъ она: при частыхъ сообщеніяхъ Итальянскаго берега Адріатики съ Іонійскимъ, на этомъ мѣстѣ моряки имѣли складъ продовольствій Πρεβεζιόνε (не много не такъ. Итальянцы произносятъ: Provvisione или Provigione), изъ чего греки, по генію своего языка (!), сдѣлали *Превезу*. Славянское имя города такимъ образомъ обращается въ иллюзію или въ иллюзорію, т. е. въ издѣвку надъ славянофилами. Въ первый разъ имя ея (по хронографіи) извѣстно стало въ 1495 г., когда забрали ее Турки въ свои руки (у кого?). Нѣсколько разъ она переходила потомъ отъ Турковъ къ Венеціанамъ и обратно, пока въ 1797 г. не досталась французамъ, у которыхъ забралъ ее Али-паша Янинскій, не смотря на то, что по договору 1800 г. между Турціей и Россіей выговорена, вмѣстѣ съ Іоническими островами, и ея независимость, такъ что въ періодъ хозяйства нашего на островахъ фактически повластвовать намъ въ Превезѣ и не удалось. Хитрый Тепеленецъ умѣлъ насъ водить за носъ, находя конечно наилучшимъ для своихъ цѣлей лавировать между Франками и Московами съ одной, и между Румами и своимъ номинальнымъ правительствомъ съ другой стороны. Въ журналахъ операцій нашего архипелагскаго флота занесено подъ 8-мъ февраля 1806 года слѣдующее обстоятельство: стало извѣстно, что французскій крейсеръ овладѣлъ нашимъ транспортнымъ судномъ въ Превезской пристани.

Адмиралъ *Сенявинъ* отрядилъ бригъ на выручку транспорта. Произошло тутъ подъ городомъ сраженіе между бригомъ и крейсеромъ, длившееся полтора часа. Отъ выстрѣловъ при этомъ случаѣ пострадалъ и городъ. Освободивъ судно, бригъ отвелъ его въ Корфу, гдѣ находился нашъ флотъ. Все это происходило на глазахъ у военнаго брига Турецкаго, нашего тогдашняго союзника, не ударившаго палецъ о палецъ при семъ обстоятельствѣ. Итакъ, если не русскимъ духомъ, то русскимъ порохомъ дышала когда-то экс-Славянская Превеза, провизія тожъ! Теперь она греко-албанскій городъ, вмѣщающій въ себѣ до 5000 христіанъ и 800 магометанъ. Христіанское населеніе раздѣлено на 11 приходовъ по числу церквей (3 безприходныя церкви есть за городомъ), отъ 50 до 80 домовъ въ каждомъ. Жители большею частію народъ торговый, зажиточный, отчего и понятно становится, почему Артскій владыка предпочитаетъ жить здѣсь, на самомъ краю своей епархіи.

Митрополитъ легокъ былъ на поминѣ. Къ намъ постучались въ дверь и доложили, что уже не разъ навѣдывался Деспóтисъ, когда можетъ видѣть насъ. По обычаю восточному, онъ пожаловалъ не одинъ. Чуть ли не все духовенство Превезское сопровождало его, увлеченное можетъ быть и собственнымъ желаніемъ видѣть такую рѣдкость, какъ русскіе παπάδες. Въ комнатѣ едва нашлось мѣсто для всѣхъ гостей. Теперь я уже безъ церемоніи заговорилъ о такомъ обиліи архитектурныхъ сокровищъ византійскихъ, какими владѣетъ ихъ древняя и славная епархія, и о томъ сочувствіи, какимъ должно быть переполнено всякое эллинское сердце къ исторической Артѣ, когда-то столицѣ пресловутыхъ Деспотовъ — царей Эпирскихъ... и прочее. Рѣчь моя видимо ублажала сердца слушателей, но, какъ мнѣ показалось, задѣвала ихъ не съ того конца. Исторія и археологія безспорно прекрасныя вещи, но не даромъ же еще предки самыя науки (ужъ что прекраснѣе ихъ?) включали въ кругъ предметовъ *празднодѣлія* (σχολῆς), а намъ

праздничать некогда, таковъ былъ смыслъ бесѣды гостей моихъ: намъ каждую минуту нужно добывать хлѣбъ не перомъ да карандашомъ, а...—А эпитрахилемъ? Перерываю я. Смѣхъ. Хотя бы и эпитрахилемъ, продолжаютъ, это потруднѣе будетъ, да пожалуй и по цѣннѣе вонъ тѣхъ... кивокъ на раскрытаго (именно на рисункѣ Паригорицы) въ рукахъ моихъ Пуквиля.—Это кому какъ! возражаю я. Вотъ Г. *Араваидиносъ* своею книжкою прославился на весь міръ... Да! *онъ* заработалъ *ею* хорошую денежку, отвѣчаютъ мнѣ съ совершенною ясностію души. Но у него и безъ нея было чѣмъ жить. Другое дѣло мы... Даже самомалѣйшая улыбка лукавства не выдала себя ни на одномъ лицѣ. Видно было, что исторія и археологія на судѣ упомянутой „каждой минуты" на столько признаются за что нибудь, на сколько входятъ въ общую категорію доходныхъ статей. Въ самомъ дѣлѣ, давай *Паригорица* или *св. Ѳеодора*, во имя своей древности, хорошій доходъ служителю алтаря, отъ алтаря питающемуся, онѣ вѣрно были бы и призрѣны и украшены достолѣпнымъ образомъ. А не перевернуть ли вопросъ? Будь онѣ украшены достолѣпнымъ образомъ, внушай онѣ молящемуся невольное чувство благоговѣнія, восхищенія, умиленія, напоминай ему о тысячахъ благочестивыхъ предковъ, молившихся тутъ въ теченіе столькихъ вѣковъ, ублажи и привлеки его картиною роднаго, давно минувшаго, высматривающаго, такъ сказать, изъ каждаго камня древняго храма, вѣрно, что заботамъ о доходѣ не будетъ мѣста! Что сказать? у благочестія, какъ у множества другихъ вещей, необходимо предполагать иногда нѣкую незримую житейскую подкладку, пришиваемую къ нему нуждою, которой, какъ извѣстно, и боги повинуются. Припоминается мнѣ, что подобными мыслями задавался я при первомъ почти шагѣ моемъ на *Римскую* (т. е. греческую) землю или *Румелію*. Тѣже, какъ вотъ оказывается, приходятъ мнѣ въ голову и при послѣднемъ шагѣ моемъ на ней. Строить или возобновлять, слышится и здѣсь и тамъ, великолѣпные храмы Божеству могутъ Соло-

моны, Юстиніаны, Деспоты Эпирскіе, Душаны, Ахмеды и Солиманы, однимъ словомъ люди не знакомые съ тою силой, которой боги повинуются. А отъ разныхъ убогихъ Эфимеріевъ, перебивающихся со дня на день приношеніями вѣрующихъ, хотя бы то были Серафимы Артскіе, Іоакимы экс-Янинскіе, Пбповичи Битольскіе и... tutti quanti, нечего и думать требовать иниціативы въ неподходящемъ дѣлѣ. Не заглянуть ли поглубже? Не одинъ, ab antiquo меркантильный духъ восточныхъ народовъ и не одинъ, во всемъ виновный, мракъ среднихъ вѣковъ лежитъ въ основѣ подобныхъ отчаявающихъ признаній, а можетъ быть вся система имперіализма, византизма, эпархіализма, въ своемъ родѣ позитивизма, можетъ быть сама наконецъ, не въ мѣру схоластично проведенная и выведенная идея „церкви“, какъ чего-то выхваченнаго изъ міра, строго ограниченнаго, закованнаго въ нерушимыя формы, неприкосновеннаго и неизвѣстно кому принадлежащаго цѣлаго. Исконный учитель нашъ грекъ часто безсознательно выдаетъ вещи именно за то, чѣмъ онѣ были нѣкогда. *Церковь* встарину значила почти тоже, что теперь *общество,* т. е. союзъ единомышленниковъ. Оттого и могъ быть въ ней все проникающій, свѣдующій, движущій и на все отзывающійся духъ жизни, котораго не нужно было искать, просить, возбуждать... Но чуть церковь сошла на идею молитвеннаго дома, она попала въ частныя руки, сдѣлалась по необходимости чьею-то, кѣмъ-то владѣемою на всевозможныхъ правахъ писанныхъ и не пишемыхъ, ктиторскихъ, благотворительскихъ, землевладѣльческихъ, завоевательскихъ, правительскихъ, святительскихъ... Опустились подлежащія дѣлу руки, и все пропало, и сотнями пустѣютъ Паригорицы въ ожиданіи новыхъ автократоровъ, деспотовъ, кралей, кнезовъ! конечно идея церкви безсмертна и не разрушается съ раззореніемъ церкви-храма, но она дѣлается чѣмъ-то отвлеченнымъ, книжнымъ, „прекраснымъ“, да не практичнымъ, какъ напримѣръ въ настоящемъ случаѣ... недоходнымъ.

Дождавшись такой радости быть при морѣ, съ которымъ не разлучаясь живемъ въ своемъ Царѣ-градѣ, мы воспользовались возможностію пользоваться въ немъ послѣ цѣломѣсячнаго заключенія въ своей одеждѣ и отрясти, какъ говорится, отъ ногъ своихъ прахъ туречины, ибо отселѣ и впредь будемъ дышать уже одною безпримѣсною Греціей, чистымъ христіанствомъ, властвующимъ православіемъ. Славныя выходятъ минуты. Дай Богъ съ пользою провесть ихъ! Въ квартирѣ еще визитъ одного запоздавшаго пастыря Превезскаго и одного даскала, съ которымъ не мало мы провели турко-греческой канители. „Турко-Греція", съ легкой руки *Мартина Крузія*, получила право гражданства во всеобщей литературѣ, хотя отзывается парадоксомъ въ родѣ мракосвѣтія, тепломразія... Помню, какъ одинъ даскалъ Константинопольскій, въ разговорѣ постоянно называвшій Султана: Βασιλεὺς, удивился и даже почти обидѣлся, когда со стороны ему замѣтили, что Султанъ есть не переводимо Σουλτὰν, и пожалуй еще Εφένδη μας, но не далѣе. Что вы больше Бога будете? проговорилъ гнѣвно новый Критóпуло. Превезскій даскалъ большимъ Бога тоже себя не считаетъ, но онъ находитъ, что древнее обыкновеніе, да и самый порядокъ вещей требуютъ, чтобы при: Βασιλεὺς стояло и ἅγιος, а можно ли приставить это прилагательное къ побѣдоносному и народолюбивому [1]) Его Величеству Султану, онъ, какъ не духовное лицо, не знаетъ... Ita res se habet.

Послѣ роскошной, подобно вчерашней почти исключительно рыбной, трапезы, достойной русскаго хлѣбосольства, которымъ не напрасно хвалится почтенная фамилія *Варзели,* мы немедленно занялись своимъ отъѣздомъ. Произнесенное вѣщимъ „дядей": лучше быть

---

[1]) Τροπαιοῦχος, φιλόλαος, λαόφιλος... Много такихъ пустыхъ ублаженій для отвода глазъ употребляетъ эллинская печать. Но въ настоящую византійскую эпоху: *святой царь* было самымъ любимымъ и бощественнымъ выраженіемъ.

ста-сигура, мы одѣлали девизомъ минуты. Надобно было спѣшить попасть на пароходъ ранѣе послѣобѣденнаго вѣтра, который по мѣстнымъ условіямъ могъ быть только противнымъ намъ, независимо отъ существующаго въ проливѣ теченія, которое, вопреки простому расчету, здѣсь не изъ залива въ море, а въ моря въ Амвракійскій заливъ, и слѣдовательно опять находится въ симптомахъ неблагопріятныхъ намъ. На берегу насъ уже ожидала лодка подъ русскимъ флагомъ. Оба брата Варзели — одинъ другаго геройственнѣе — были тутъ же, готовые плыть съ нами. Пароходные билеты до Корфу, стоившіе каждому изъ насъ по 100 піастровъ, были при насъ. Багажъ нашъ прислуга вице-консульская принесла вслѣдъ за нами. Оставалось поблагодарить кого слѣдуетъ за что слѣдуетъ (122 ½ піастра), и сказать *Румеліи:* до свиданія — за синими морями! У тезоименной Превезы испросили благословеніе на благополучное превезеніе насъ по водамъ ея, и поплыли прямо на Югъ подъ самыми радостными впечатлѣніями. На право высится гора, закрывающая отъ насъ Іонійское море. На лѣво видится плоскій песчаный берегъ, на которомъ воображенію предоставляется, по руководству карты, рисовать развалины именитаго *Акти* или *Акціума*, самымъ именемъ своимъ уже какъ бы предвѣщавшаго имѣвшее тутъ быть великое крушеніе или ломку [1]. Парохода, на которомъ намъ предстояло плыть, не было видно. Мѣсто стоянки его за мысомъ *Вседержителя*, при самомъ началѣ пролива. Когда при заворотѣ праваго берега, онъ показался намъ вдали надъ цѣлою безконечностію движущихся волнъ, мною овладѣло вдругъ чуть не уныніе. Зловѣщій вѣтеръ уже вступилъ въ свои

---

[1]) Εἰς τὰ σίγουρα… въ извѣстности, въ безопасности, въ благонадежности. Σίγουρα есть итальянское sicura.

[1]) Ἀκτὸς значитъ: ломающій, ломкій и вмѣстѣ — сломанный. Ἀκτή — жен. род. можетъ значить, потому, мысъ и вообще мѣсто, о которое разбиваются волны.

послѣ полуденныя права и гналъ колышущуюся стихію на встрѣчу намъ. Сначала разными пріемами могучихъ гребцовъ мы съ успѣхомъ отражали натискъ волнъ, потомъ стали замѣчать, что мы вовсе не подвигаемся впередъ. Открытіе это повергло меня въ большое безпокойство. Ῥεῦμα, произнесъ глухо кормчій, т. е. теченіе, и — ничего съ нимъ не подѣлаешь! Еще не много, и насъ понесло уже назадъ... Ну-съ? спрашивалъ Е. Г. Ерго, теперь какъ быть? Пароходъ уже выпускаетъ пары и насъ конечно видать не будетъ... Чиновникъ прежде всего спѣшитъ убрать съ провинившейся лодки побѣдоносный флагъ, за тѣмъ принимаетъ положеніе упомянутыхъ боговъ повинующихся нуждѣ, и скрещиваетъ руки. Спутникъ рѣзко протестуетъ во имя взятыхъ уже нами билетовъ, но кому? Вѣтру или теченію? Я все таки ждалъ впрочемъ, что насъ успокоятъ завѣреніемъ что билетъ — пустяки, вещь своя, домашняя между консульствами, которую легко уладить, и на случай уже готовился къ завтрашней экскурсіи въ *Акціумъ*, какъ вдругъ... о Августъ! Это ты награждаешь насъ за наше сочувствіе къ тебѣ. Вѣдь это твой памятный *Евтихъ* гонится за нами (только безъ *Никона*) на четырехъ веслахъ, вмѣсто нашихъ двухъ. Мы все назадъ, а онъ понемногу все впередъ, и вотъ поравнялись. Оказывается, что это чиновникъ Ллойдова Агентства везетъ урочную почту на пароходъ, которой одной тотъ только и дожидается, но безъ нея не двинется съ мѣста. Какъ бы что то просіяло передъ нами. Чиновники обмѣнялись привѣтствіями и, какъ ни было намъ стыдно, мы упросили австрійца взять насъ къ себѣ на буксиръ. Да проститъ намъ наша славная морская кампанія восьмисотыхъ годовъ этотъ позорный случай съ нами! Только черезъ 2 часа плаванія мы смогли кое какъ добраться до парохода, котораго ободрительное имя: Vorwärts цѣлые полчаса смѣялось намъ въ глаза, плохо поощряя наши усилія подаваться впередъ.

Слава Богу! Между Румеліей и нами уже грань не проходимая!

Съ восторгомъ близкимъ къ никоновскому смотримъ мы съ корабля на оставленную твердую землю, готовые не знать чѣмъ хвалиться передъ нею, и не вѣсть что наговорить ей на прощаніе... Но вотъ послѣдній свистокъ. Чокаемся бокалами и дружески разстаемся съ „русскими людьми“ — *Георгіемъ* и *Апостóли*, передавая усердный поклонъ отцу ихъ, съ завѣреніемъ, что мы цѣло и сохранно вступаемъ въ Греческіе предѣлы, чего и ему желаемъ со всѣмъ его краемъ. Бурно крутилась лодочка у парохода, перенявшая ихъ отъ насъ. Долго мы слѣдили за нею, быстро уносимою и теченіемъ и вѣтромъ. „Побѣдоносный“ флагъ хотя и не при чемъ тутъ былъ, но свою задачу исправлялъ отлично... И гдѣ было нагнать его Австрійскому? Чтожъ? Не мы первые улепетываемъ съ такимъ запоздалымъ успѣхомъ на сихъ мѣстахъ отъ своихъ недавнихъ союзниковъ. За долго до насъ тоже дѣлала... Клеопатра!

ЭПИЛОГЪ.

Левкада. 27 Іюня 1885. Воскресеніе.

„Спѣши медленно“. Остроумный совѣтъ этотъ, выработанный римскою жизнію, не по кличкѣ бы приходился нашему *Форвэртсу*, но оправдался на немъ вполнѣ, къ немалому неудовольствію нашему. Чуть мы вчера отплыли отъ турецкаго берега, напутствованные самыми живыми и спѣшными мыслями шири, воли и свободы, какъ пароходъ нашъ сдѣлалъ нежданный привалъ у перваго подвернувшагося берега, и не только бросилъ у него якорь, но и заночевалъ тутъ. Берегъ этотъ оказался краемъ острова, извѣстнаго въ современной географіи подъ именемъ: *Санта-Мавра*, а когда то классически звавшагося *Левкадой*, въ переводѣ бы: *бѣлизной*. Такъ скоро мы уже очутились въ предѣлахъ бывшей *Іонической Республики*, этого „трагѐлафа“ (козолани), Богъ вѣсть зачѣмъ, на чтò и про чтò выдуманнаго европейскою дипломатіей 1800-хъ годовъ, и пущеннаго въ видѣ пробнаго шара Греческаго освобожденія на политическій горизонтъ, носившагося безцѣльно и бездѣльно столько лѣтъ, и наконецъ на дняхъ нашихъ мирно скончавшагося тоже Богъ вѣсть отчего и почему. Изо всѣхъ *седми* острововъ Іоническихъ *Левкàда* (оффиціально возстановленное Греческимъ правительствомъ имя) есть приближеннѣйшій къ материку и въ свое время игралъ роль переходнаго моста изъ Турціи въ Европу, отъ рабства и изувѣрства къ свѣту и свободѣ. Проливъ отдѣляющій

его отъ Акарнаніи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ узокъ, что можно вплавь достичь съ одного берега на другой. Островъ, а вѣроятнѣе первоначально еще полуостровъ, извѣстенъ былъ уже Омиру, составляя часть владѣній пресловутаго *Одиссея*. Онъ считался колоніей Коринѳа, но имѣлъ самостоятельность и билъ свою монету. Въ республиканскій періодъ Греціи онъ волей-не-волей принималъ участіе въ войнахъ Аѳинъ со Спартою, Керкирой, Сициліей, Мидами и Персами, и потомъ вмѣстѣ со всей Греціей вошелъ въ составъ Македонской монархіи, отъ которой за 200 лѣтъ до Р. X. перешелъ къ Римскому владычеству. Когда и тѣнь Римской державы, т. е. Восточная Имперія, близилась къ своему концу, островомъ (вмѣстѣ съ тремя другими сосѣдними) овладѣли Венеціане, сдѣлавъ изъ него ленное владѣніе Герцогской фамиліи *Токковъ*. У Венеціанъ отнялъ его Амуратъ II вмѣстѣ со всей Греціей. До конца прошлаго столѣтія онъ не однократно переходилъ отъ турковъ къ Венеціанамъ и обратно. Въ 1797 г. имъ овладѣли французы, а черезъ годъ мы — русскіе, тогдашніе союзники турковъ (тоже своего рода — „козолань“ или: *волколань*), возвратившіе его французамъ въ 1807 г., отъ которыхъ въ 1815 г. онъ достался англичанамъ, а отъ сихъ, имѣвшихъ впрочемъ одинъ протекторатъ надъ нимъ, возвратился наконецъ къ праотеческому достоянію, къ матерой Греціи. Эти перипетіи острова достаточно говорятъ за его долговременную историческую жизнь, ждущую своего спеціалиста историка. О его религіозной жизни мало что имѣемъ сказать. Первая проповѣдь Евангельская, огласившая Левкадцевъ, не знаю — на какомъ основаніи, относится ко временамъ апостольскимъ. Приводится и имя перваго епископа Левкадскаго *Сосіона*, поставленнаго апостоломъ Павломъ [1]) Еще недавно островъ составлялъ особую

---

[1]) Въ сочиненіи: Τὰ Ἑλληνικά (т. III. стр. 702) *Ризо Рангавй*, помѣщенъ и краткій списокъ епископовъ Левкадскихъ, взятый конечно изъ Oriens Christianus, съ хронологіей

епархію, подъ номинальною зависимостію Вселенскаго патріарха. Теперь конечно онъ вошелъ въ составъ Элладской церкви. Все населеніе острова, около 20.000 душъ, есть православное, размѣщающееся въ 32-хъ деревняхъ, изъ коихъ одна, по картѣ *Амаксихи*, а также и *Св. Мавра*, титулуется городомъ. Мы стоимъ теперь въ виду ея, но на такомъ разстояніи, что глазъ почти не разбираетъ на берегу ничего!

Не довольно ли этихъ немногихъ свѣдѣній для *Сантамавры*? Развѣ сказать еще что нибудь о ея переименованіи изъ *Левкады* въ *святую Мавру*? Дѣло это нѣсколько какъ бы съ родни намъ. Повѣствуется такъ. По взятіи Турками Константинополя, мать послѣдняго Императора *Константина*, по странному совпаденію, тоже *Елена*, какъ и перваго Константина, бѣжала изъ своихъ потерянныхъ владѣній въ Италію, и чуть не потонула на морѣ отъ случившейся бури. Спаслась же на островъ Левкаду 3-го числа мая мѣсяца, въ день празднованія

при каждомъ, и дополненный, относительно новѣйшаго времени, показаніями нѣкоего туземца *П. Стефаницы*. За *Сосіономъ*, мужемъ апостольскимъ, указанъ *Донатъ*, пострадавшій при Діоклитіанѣ въ 284 г. На первомъ Вселенскомъ соборѣ засѣдалъ *Агаѳархъ*, на второмъ *Захарія*. На шестомъ *Пелагій*. За тѣмъ перерывъ до XI вѣка, въ которомъ упоминается *Іоаннъ*. Въ XV вѣкѣ жили — *Агапитъ* и *Иларіонъ*. Въ XVI вѣкѣ *Амфилохій*, *Тарасій* и *Епифаній*. Съ XVII вѣка и до нашего времени приводятся имена архіепископовъ Левкадскихъ уже почти въ непрерывной послѣдовательности. Во время русскаго владѣнія островомъ архіерействовалъ *Парѳеній* Кондари. Съ 1823 г. — *Захарія* Монтесанто, съ 1834 г. *Евстаѳій* Сфеци, съ 1852 г. *Григорій* Араванисъ. Не у кого было спросить, онъ же ли занимаетъ мѣсто и теперь, или другой кто, и какъ его имя? Подъ его управленіемъ находится 50 церквей, 5 монастырей и около 100 священниковъ. Просматривая списокъ святителей Левкадскихъ, я старался пріурочить въ ряду ихъ мѣсто одному не бывалому въ лѣтописяхъ Христовой церкви явленію, переданному мнѣ, помню, въ Аѳинахъ однимъ урожденцемъ Левкады, столько извѣстнымъ *Папа̀-Ктена̀*, теперь уже покойнымъ. Въ отсутствіе ли или за болѣзнію мѣстнаго архіерея, нѣсколько времени въ Левкадѣ служилъ и рукополагалъ одинъ епископъ съ противолежащаго материка, по его словамъ выгнанный фанатиками турками... Передъ смертію онъ сознался, что онъ — магометанинъ! Расказчикъ въ молодости еще видалъ рукоположенныхъ имъ священниковъ. Это почище будетъ недавняго пресловутаго *Григорія изъ Хіо*.

святымъ мученикамъ *Тимоѳею* и *Маврѣ*. Въ память сего она выстроила тутъ монастырь во имя св. Мавры, въ которомъ и сама осталась жить и кончила дни свои. Отъ монастыря и близъ лежащее селеніе получило имя *св. Мавры*, а за нимъ и весь островъ сталъ зваться тѣмъ же именемъ... Какъ будто все повѣствуемое идетъ въ порядкѣ, но оказывается, что Императрица Елена, жена Императора Мануила Палеолога и мать шестерыхъ сыновъ его, скончалась въ Константинополѣ 13 марта 1450 г. и погребена, вмѣстѣ съ мужемъ, въ обители *Вседержителя*. Ясно, что дѣло идетъ тутъ о другой *Еленѣ* [1]), которая дѣйствительно и отыскивается безъ труда. Это внучка соименной Императрицы, дочь Деспота Морейскаго Ѳомы, и сестра (старшая) нашей Великой Княгини *Софіи Ѳоминичны*. Называться „царицей" т. е. Императрицей она конечно не имѣла права, но, побывши Деспиной Сербіи (съ 1445 можетъ быть до 1458 г.), она могла слыть тутъ за Государыню. Оказывается, что Деспотъ Морейскій Ѳома, братъ послѣднихъ Императоровъ византійскихъ Іоанна и Константина, въ 1460 г. вынужденъ былъ бѣжать изъ своихъ владѣній, и куда, какъ не въ Италію, конечно. Но, на перепутьи, онъ остановился у своего родственника, Деспота Арты, который владѣлъ и Левкадой. Сюда онъ и переселился на время со всѣмъ своимъ семействомъ. Могло статься при этомъ, что Елена почему нибудь прибыла къ роднымъ своимъ позднѣе, при чемъ и перенесла ту жестокую бурю, о которой сообщаетъ Сантамаврское преданіе. Помимо нея, намъ представляется при семъ случай взглянуть сквозь туманъ вѣковъ на свою суженую Палеологиню, можетъ быть ребенкомъ носившуюся по горнымъ высотамъ

---

[1]) Больше называется *Ириной*. Но въ приведенномъ у Дюканжа (Familiae Byzantinae p. 197), древнемъ изображеніи Императора Мануила съ семействомъ она названа прямо ЄΛЄΝΗ.

этимъ, или — что вѣроятнѣе — бродившую вскрай моря съ сердечною тугою о минувшемъ и не яснымъ представленіемъ будущаго. Замужество сестры съ сѣвернымъ владѣтелемъ развѣ не могло обаятельно дѣйствовать на воображеніе честолюбивой деспинопулы, по бабкѣ (изъ фамиліи, очевидно славянской, *Драгашей*) носившей въ своей крови и безъ того уже осадокъ Славянщины? Говорятъ ли наши лѣтописи о возрастѣ засватанной въ Римѣ великокняжеской невѣсты, не знаю. Но если она въ 1470 г. была уже (или *еще?*) въ порѣ брачной, то въ бытность свою здѣсь должна быть представляема дѣвицею на возрастѣ. Пусть ея легкій и свѣтлый образъ напутствуетъ насъ, ея земляковъ въ двадцатомъ поколѣніи! Какъ-то мало и неотчетливо обрисовывается онъ передъ нами исторіей. Могучая фигура „собирателя земли Русской" заслоняетъ его собою. Femina astutissima, по *Герберштейну*, стушевалась, какъ говорится, на безграничныхъ степяхъ русскаго бытописанія и подарила Россіи, противъ ожиданія, не Константина какого нибудь, пропитаннаго желаніемъ отмстить Магомету за потурченіе Царя-Града, а слабаго *Василія Ивановича*, въ своемъ родѣ Палеолога, не съумѣвшаго въ теченіе 30 лѣтняго правленія прибрать къ рукамъ даже такой слабой державы, какова была Казанская, считавшаяся уже при отцѣ его 17 лѣтъ какъ бы вассальною Москвы, заискивавшаго передъ Ханомъ Крымскимъ, и на приглашеніе Папы громить вмѣстѣ съ Государями запада водворившагося въ Византіи, „варвара", отвѣчавшаго вымогательствомъ союза съ Султаномъ!

Фантазировать на счетъ давноминувшаго былъ мнѣ полный просторъ. Цѣлое утро съ берега къ намъ никто не показывался, ни отъ насъ на берегъ никто не ѣхалъ. Вышло странное по своему формализму обстоятельство. Нашъ Vorwärts очутился въ карантинѣ. Въ Александріи Египетской объявилась холера. Вслѣдствіе сего Египетъ сталъ для Европы, а слѣдовательно и для Греціи, на карантинномъ

положеніи. А такъ какъ онъ принадлежитъ политически къ Турціи, то и вся Турція вошла въ одну съ нимъ категорію. Пароходъ нашъ шелъ изъ Превезы—Турецкаго города. Ясное дѣло, что онъ не могъ войти въ соприкосновеніе съ Левкадой, островомъ Греческимъ. Чтоже съ нами будетъ впереди? тревожно заботливо спросили мы одного изъ компаньоновъ своего зачумленнаго положенія, седмиостровитянина. Да, ничего! отвѣчалъ онъ намъ равнодушнѣйшимъ тономъ. Но въ Корфу вѣдь насъ не спустятъ на берегъ, или, спустивши, запрутъ на высидку—продолжали мы.—Зачѣмъ? отвѣчалъ невозмутимо опытный человѣкъ. Вѣдь мы туда придемъ съ Греческаго острова Левкады!.. Совершенно резонно. Намъ оставалось только развести руками и подивиться недалекости своихъ соображеній. Для большей вѣрности ужъ не задѣть ли намъ своимъ пароходомъ за греческій островокъ *Пакса*, лежащій по дорогѣ намъ въ Корфу? Вѣдь къ *Левкадѣ* то мы прикасались однимъ только зрѣніемъ, продолжаетъ острословящій кружокъ. А греческая вода Левкады что дѣлала въ теченіи цѣлой ночи! Развѣ не омыла насъ отъ Египетской язвы? Но, если давать такое значеніе водѣ, то вѣдь и турецкая рыба могла заражать насъ цѣлую ночь, толкаясь о пароходъ... и проч. Вся эта болтовня показываетъ, съ какою легкостію можно относиться подъ веселый часъ къ такому тяжкому бичу человѣчества, какъ холера, пока онъ еще далеко отъ спины нашей. А между тѣмъ старая знакомка наша не шутитъ. Еще въ Янинѣ о ея „раважѣ“ получались съ юга самыя тревожныя извѣстія. Говорили, что она безостановочно движется къ сѣверу, и изъ Африки уже перепрыгнула на Критъ или другой какой островъ, являясь вездѣ съ самымъ острымъ характеромъ, поддерживаемымъ знойнымъ сезономъ.

8 часовъ. Снимаемся съ якоря и поворачиваемъ носомъ къ сѣверу, хотя прямой путь лежалъ бы намъ прямо на югъ, въ такъ называется *Коринѳскій* или *Лепантскій* заливъ, до котораго отъ Лев-

кады, какъ говорится, рукой подать. Но судьба благосклонно дарила намъ случай взглянуть и на окончательно огреченные *Іоническіе острова* со второю столицею Греціи, будтобы вступившею уже въ соперничество съ преславными Аѳинами. Левкада уходитъ вдаль, открывая намъ мало по малу все протяженіе своего западнаго берега. Напрягаю зрѣніе, чтобы отыскать на немъ, конечно гадательно, пресловутый *бѣлый мысъ*, *Левкату* или (мужской родъ) *Левкáтасъ*, когда-то имѣвшій силу укрощать страстную любовь и прославившійся бѣдственною кончиною поэтессы *Сапфó*, привлеченной на него именно надеждою избавиться отъ страсти [1]). Любопытный историческій фактъ. У насъ не безъизвѣстны въ народѣ разные способы привороченія, присушиванія и т. под., но о пріемахъ разлюбленія мнѣ никогда не удавалось слышать. Такая психіатрія выходитъ изъ ряда вонъ, говоря по нашему, по человѣчески. За тоже и выходитъ она началомъ своимъ въ высшую, блаженную область боговъ, какъ видно, въ свое время срадавшихъ не менѣе страстнаго рода нашего. По миѳологіи, первая лѣчилась тутъ отъ любовнаго недуга *Афродита* (Венера), не могшая утѣшиться по смерти *Адониса*, и по совѣту Аполлона, первая сдѣлавшая Левкатскій сальтомортале, и притомъ съ успѣхомъ. Послѣ этого уже не диво, что къ чудодѣйственной скалѣ прибѣгали за помощію и цари *Кефалы* и царицы *Артемисіи*, и воины и поэты, и старые и малые, только вѣроятно не жрецы мѣстнаго божества Апол-

---

[1]) Полагаютъ, что существовали два лица этого имени, оба съ острова *Лезво* (Митилины). Первая стихотворица, была современная сатирику *Архилоху* и мудрецу *Питтаку*, кончившая дни въ изгнаніи въ Сициліи. Другая, позднѣйшая, знаменитая куртизанка своего времени, могла дѣйствительно имѣть поводъ полѣчиться отъ сердечнаго недуга у скалы Левкадской. Кромѣ Сапфо, Виргилій привязываетъ къ Левкадѣ еще и героическое имя *Энея*, останавливавшагося на островѣ во время бѣгства своего изъ Трои въ Италію.

лона, перваго открывшаго таинственную силу цѣлебную, въ глыбѣ ли земли, въ водѣ ли морской, или наконецъ въ самомъ процессѣ летѣнія первой къ послѣдней, про то̀ онъ одинъ знаетъ.

Левкада слилась въ одну синеватую массу, уже трудно различаемую [1]) подъ лучами солнца. Впереди насъ на сѣверѣ обрисовывается надъ поверхностію моря уже другая масса угловатыхъ очертаній, сравнительно не высокая и не взрачная. Это островъ *Паксъ* (Παξὸς) или точнѣе Паксы (мн. ч.), такъ какъ по примѣру многихъ другихъ острововъ архипелага, при главномъ островѣ есть еще и другой меньшій, который Эллинскій usus loquendi обыкновенно отличаетъ отъ перваго прибавкою къ нему частицы ἀντὶ (противъ, вмѣсто, за, vice)... Этимъ способомъ вышла кличка острововъ: *Паросъ* и *Антипаросъ, Мило* и *Антимило*... Здѣсь мы имѣемъ *Паксосъ* и *Антипаксосъ*. Къ ихъ купѣ принадлежитъ еще третій, самый меньшій, *Дидаскаліонъ*, проще: *Даскальё*. Около полудня мы поравнялись съ наибольшимъ изъ нихъ и остановились въ пристани его на полчаса. На берегу видится небольшой городокъ, бѣлѣющій до ослѣпленія подъ прямыми и жгучими лучами солнца. Имя ему *Гай* (Γάης). Скорѣе это — простое село, исправляющее должность города. За чѣмъ мы остановились тутъ, для меня остается загадкой. Можетъ быть тоже исправляли только должность настоящей остановки съ выгрузкою и нагрузкою. По карантинному положенію, мы не могли имѣть сообщенія съ землей, и дѣйствительно не имѣли. За то было намъ время высмотрѣть землицу, какъ говорится, вдоль и поперегъ. Островокъ

---

[1]) Не было мнѣ возможности ни изблизи ни издали высмотрѣть и двухъ *русскихъ* крѣпостей Левкадскихъ, *Александровской* и *Константиновской*, построенныхъ въ промежутокъ 1798 — 1807 годовъ, и теперь совершенно заброшенныхъ.

гористый и оживленный небольшою растительностію. Былъ ли онъ чѣмъ или кѣмъ извѣстенъ и славенъ въ древности, надобно доискиваться. Есть преданіе, что онъ составлялъ нѣкогда одно цѣлое съ Керкирой. Если это не было физически, то политически несомнѣнно было и даже есть до сего дня. Плиній знаетъ его подъ именемъ *Эрикузы*. Когда пристало ему теперешнее имя, неизвѣстно. Тоже самое надобно сказать и о городѣ *Гаѣ*, по которому и пристань зовется у моряковъ: *Порто-гай* [1]). Вѣроятнѣе всего, слово это—Итальянское: gaio — веселый, радостный, приданное порту за его дѣйствительно веселый видъ, и уже отъ порта перешедшее на городъ. Говоримъ это предположительно, припоминая уже встрѣченные нами на пути: *Порто-Лаго*, *Порто-Парадизо*, и пресловутый нѣкогда, *Порто-Драко* (Пирей). Не смотря на свое веселое имя, затишный портъ этотъ былъ еще не въ давнія времена страшилищемъ мирныхъ мореплавателей, отъ укрывавшихся въ немъ пиратовъ, наводившихъ ужасъ на купеческія суда, а еще болѣе на самихъ островитянъ. По „Хронографіи“, жителей на обоихъ островахъ насчитывается 5000. Зависятъ они и граждански и церковно отъ корфіотскихъ властей.

---

[1]) Странно, что ученый авторъ Τῶν Ἑλληνικῶν (Рангави́, томъ III) утверждаетъ, что апостолъ Павелъ, въ своихъ посланіяхъ—конечно, упоминаетъ о городѣ *Гаѣ*, и кромѣ того еще завѣряетъ, что указывается и мѣсто въ городѣ, гдѣ пребывалъ учитель вселенныя во время своихъ проповѣдническихъ странствованій. Мало того, заставляетъ его жить или обитать (κατῴκησεν) тутъ. Могло случиться это только во время переѣзда его по Адріатическому морю изъ Крита въ Мелитъ, но въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ прямо и положительно говорится, что корабль, везшій апостола, въ теченіи 14 дней бѣдственнаго плаванія не приставалъ нигдѣ къ берегу. Апостолъ въ своихъ посланіяхъ трижды приводитъ собственное имя *Гаія*, но во всѣхъ трехъ случаяхъ говоритъ о лицѣ, а не о мѣстѣ. Замѣтка Τῶν Ἑλληνικῶν о *безвредныхъ* змѣяхъ острова чуть ли не наводитъ на предположеніе, что онъ смѣшалъ островъ Паксъ съ Мелитомъ (Мальтой), гдѣ дѣйствительно есть повѣріе о змѣяхъ не ядовитыхъ, ведущихъ свой родъ отъ ужалившей апостола.

Плывемъ далѣе, направляясь все къ Сѣверу. Отъ нечего дѣлать разсматриваю въ трубу берегъ Эпирскаго материка. Бѣлѣющая у самаго моря точка должна быть историческая *Парга*, раздѣлявшая въ свое время славу геройской защиты отъ вѣковыхъ притѣснителей съ пресловутымъ *Сули*. Хронографія посвящаетъ ей особую большую статью. Мнѣ припоминается даже цѣлая книга о ней и о ея славныхъ дѣяніяхъ, преимущественно же изъ времени эпирскаго сатрапа Али. Впереди насъ начинаетъ открываться въ неясныхъ пока очертаніяхъ, сглаживаемыхъ густо рѣющимъ воздухомъ, приниженная полоса земли значительнаго протяженія, которая, по мѣрѣ приближенія нашего къ ней, раскрываясь мало по малу, образуетъ тоже берегъ, параллельный берегу материка, и даетъ морю видъ пролива, въ который мы и входимъ, держась ближе къ лѣвому берегу. Это уже островъ *Керкира* или *Корфу́*, по наиболѣе ходячей номенклатурѣ, т. е. южная его оконечность, такъ много напоминающая хвостъ рыбы своими географическими очертаніями; проливъ скоро разступился передъ нами громадною бухтою за мысомъ *Алевкимо* (по древнему: *Левки́мни*), сѣверный конецъ которой тоже завершался мысомъ высокимъ, темнымъ и дымнымъ. Тамъ — самый городъ, столица бывшей Іонической республики, одноименный съ островомъ. Туда и направился нашъ *Эмбро́съ* (Греческій переводъ слова Vorwärts, которое считалъ грѣхомъ произносить упомянутый патріотъ семиостровитянинъ). Потребовалось довольно времени, чтобы доплыть до намѣченной точки, рисовавшейся не то усѣченной пирамидой, не то бочкою, поставленною дномъ къ верху. Родъ щетины окружалъ ее у подошвы; по мѣрѣ приближенія нашего къ ней, она обращалась въ камышъ, въ частоколъ, въ обгорѣлый лѣсъ, и наконецъ сдѣлалась дѣйствительно лѣсомъ... мачтъ, коихъ число умножилъ собою и нашъ трехмачтовикъ. Завернувъ за гигантскую бочку, оказавшуюся горою, увѣнчанною крѣпостію, мы очутились передъ широко раскинувшимся городомъ, ко-

торый и привѣтствовали оглушительнымъ ревомъ выпускаемаго изъ машины пара. Ему аккомпанировалъ громъ бросаемаго въ море якоря. Не доставало третьяго типическаго шума, крика голосовъ человѣческихъ съ окружающихъ пароходъ лодокъ. Напрасно я ждалъ устремленія ихъ съ берега и натиска на судно, по примѣру всѣхъ торговыхъ пристаней морскихъ. Ни одна не подходила. Зловѣщій жолтый значокъ, развѣвавшійся на одной изъ мачтъ Форвэртса, отдалялъ отъ него всѣхъ. Теперь только я замѣтилъ этотъ фатальный знакъ полученный нами совсѣмъ неожиданно и незаслуженно отъ невѣдомаго начальства. Одна только смѣлая *варка*, вижу, отдѣлилась отъ другихъ у берега и направляется къ намъ. Она имѣла на себѣ карантиннаго врача. Вполнѣ солидный и спокойный чиновникъ, безъ напусклой важности выслушалъ показанія капитана, пересмотрѣлъ всѣхъ пассажировъ одного по одному, держась на приличномъ разстояніи отъ каждаго, безъ всякаго спроса или переговора. Когда эта процедура кончилась, г. *Іатросъ* (медикъ) привѣтливо поклонился всѣмъ, снялъ шляпу, поздравилъ съ пріѣздомъ и сталъ пожимать руки знакомымъ. Судно получило „практику". Въ одну минуту окружили насъ лодки, готовыя высадить насъ на свободную землю. По старой памяти мы позволили себѣ торговаться съ варкарадами (баркаролами). Намъ замѣтили, что тутъ не Турція, что есть положенная такса за перевозъ — по шиллингу съ души, и когда не хочешь платить, можешь оставаться на своемъ мѣстѣ, по русской поговоркѣ: хошь — такъ хошь, а не хошь — какъ хошь! Какимъ то нежданнымъ холодомъ пахнуло на насъ отъ этихъ сухихъ и строгихъ рѣчей. Еще слово съ нашей стороны: да вѣдь тутъ всего 10 шаговъ до берега... Ну, и шагай, отвѣтилъ презрительно лодочникъ. Разумѣется *селеніи* (шиллинги — на Греческій ладъ) были уплачены, и мы поплыли на не Турецкую землю. Видно, что во взорѣ моемъ, устремленномъ на далекій Турецкій берегъ, не играло веселіе, что спутникъ, подливая

въ огонь масло, проворчалъ: еще имъ шиллинги — шалыганамъ! Ужъ просили бы свои лепты мизерныя. Переѣздъ былъ минутный. Съ лодки прямо насъ провели въ таможню. Напрасно озлобленные, мы готовились встрѣтить здѣсь вмѣсто шиллинговъ гинеи или цѣлые *фунты*, но дѣло обошлось безъ всякихъ приключеній. Костюмъ нашъ и Греческая рѣчь сейчасъ же дали намъ свободный пропускъ въ чуть памятный мнѣ городъ. Съ перваго шага мы почувствовали, что тутъ уже „не Турція". Подвернулся лонъ — лакей съ карточкой и отрекомендовалъ намъ сперва по Итальянски, потомъ по Гречески „лучшую" въ городѣ гостинницу: La bella Venezia. Одного имени: *Венеція* безъ приставки: *прекрасная,* достаточно было, чтобы мы не искали ничего другаго и пошли слѣдомъ за вожатымъ. Городъ высматриваетъ настоящимъ европейскимъ и частнѣе — итальянскимъ. Столько знакомый мнѣ регуляторъ греческой жизни: *Дембиразu* (δὲν πιράζει), въ родѣ нашего: *ни чего,* если и успѣлъ уже втереться въ бытъ освобожденнаго отъ тиранніи Европы элинскаго уголка, то онъ прячется гдѣ нибудь внутри домовъ, а на улицахъ все дышетъ правильностію, стройностію и даже изрѣдка изяществомъ. Къ „отелю" нужно было подниматься, но не долго. Намъ отвели довольно просторный и удобный 16-й номеръ, не изъ лучшихъ конечно, извиняясь тѣмъ, что по случаю пребыванія въ городѣ Его Величества, другіе номера всѣ заняты.

Еще проходя улицами къ гостинницѣ, я имѣлъ случай замѣтить, что съ 1852 года, когда я на нѣсколько часовъ оставался въ городѣ, онъ на столько измѣнился въ своемъ обличіи, что можно было считать истинно сюрпризомъ то, что видѣли глаза. Еще разительнѣйшій сюрпризъ ожидалъ меня внутри „ксенодохія" (гостинницы). Привѣтствовавшая насъ содержательница его, послѣ нѣсколькихъ фразъ греческихъ, вдругъ заговорила по русски, но съ такими странными ошибками, какихъ нельзя ожидать отъ гречанки, научившейся гово-

рить по русски. Замявшись и потупившись, она призналась, что не диво ей начать лепетать какъ ребенку, что она уже 25 лѣтъ живетъ въ Корфу, а есть настоящая русская, случаемъ вышла за мужъ за грека, научилась болтать по гречески и перезабыла многое изъ роднаго языка. Не многимъ мы могли порадовать нежданную землячку на ея распросы о родной губерніи, потому что и сами уже не мало лѣтъ живемъ за границей. Изъ освѣдомленій нашихъ о городѣ и его обычаяхъ, мы узнали отъ нея, что „до вечеренъ" еще есть добрый часъ времени, въ который мы можемъ не только обойти *городокъ*, но и побывать въ крѣпости, а потомъ еще застать службу Божію у *св. Спиридона*. Такъ мы, не теряя напрасно времени, и сдѣлали. Обойти „городокъ" мы не имѣли охоты, а направились прямо къ бывшему дворцу *Великаго Настройщика* (Μεγάλου Ἁρμοστοῦ), какъ оффиціально звали въ Греціи верховнаго правителя Седмиостровія, назначаемаго Англіей, и оттуда на пресловутую *Спьянату* т. е. площадь, единственное мѣсто гулянья горожанъ. Затѣмъ по мосту черезъ глубокій ровъ перешли въ крѣпость, выдавшуюся въ море округленнымъ островкомъ. Тутъ все еще напоминаетъ недавнихъ властителей мѣста, казарменныхъ бивачниковъ, терпѣливо выносившихъ свою запертую, бездѣйственную и естественно гулливую жизнь. Такою же казармою высматриваетъ и бывшая церковь гарнизонная, съ которою теперешніе хозяева мѣста не знаютъ, что дѣлать. За то видъ, открывающійся съ крѣпости во всѣ стороны, вознаграждаетъ зрителя за все. Долго съ ласкою и какъ бы съ тоскою смотрѣлъ я на далекій гористый берегъ Эпира, который ждетъ не дождется и себѣ участи отдѣлившихся отъ него въ доисторическія времена клочковъ земли, не знать зачѣмъ названной тупыми дипломатами *Іоническою*. И тамъ есть свой, уже дѣйствительно великій, ἁρμοστής или точнѣе: δυσαρμοστής (разстройщикъ), котораго дворцамъ пора бы остаться безъ хозяина.

Въ церковь патрона города, св. Спиридона мы пришли какъ разъ во время. Только что начиналось вечернее богослуженіе. Удивило меня здѣшнее пѣніе, о которомъ не мало разсказывали мнѣ седмиостровитяне въ разныя времена, но вѣрнаго понятія я составить не могъ. Знакомый по Аѳинамъ и по Византіи съ общеизвѣстными Греческими церковными [1]) напѣвами, я по истинѣ съ изумленіемъ слушалъ корфіотское пѣніе. Зналъ я, что оно не похоже на „уставное" такъ сказать (а, по мнѣнію зилотовъ, чуть ли даже не „каноническое"), но думалъ, что дѣло идетъ только о пріемахъ или манерѣ пѣнія, а выходитъ, что тутъ совсѣмъ другія ноты условливаютъ собою разность пѣнія, т. е. слышатся совсѣмъ особенныя сочетанія ихъ для образованія того или другаго *гласа* или *самогласна*. Особенно же занимательнымъ казалось мнѣ припѣваніе одного клироса другому въ концѣ поемаго стиха. Не остатокъ ли это *антифона*, въ древнѣйшемъ значеніи сего слова? Вотъ же, значитъ, сама Греческая церковь, если не признаетъ, то терпитъ отступленіе отъ установившихся формъ своей „церковной музыки", считаемыхъ сложеніемъ самаго св.

---

[1]) Разумѣю главнымъ образомъ *Великую церковь*, т. е. Константинопольскую, а за нею и всѣ другія, включающіяся въ предѣлахъ Турецкой державы. Не только измѣнить напѣвы или «гласы» (ἦχος) считается не мыслимымъ въ ней, но самый способъ нотировать церковное пѣніе, наслѣдованный ею отъ отцовъ (крюковый), она считаетъ священнымъ и неприкосновеннымъ. Извѣстный въ Греческомъ мірѣ *Георгій Лезвій* (съ острова: *Лезво*) сдѣлалъ было попытку (Ἡ Τερψίφωνος Λύρα... Аѳины 1860) пріурочить извѣстные значки къ извѣстнымъ повышеніямъ или пониженіямъ голоса, послѣ чего оказывалась нѣкоторая возможность передать напѣвы и европейскими нотами, но едва не зачисленъ былъ за то въ еретики! Говоримъ: *нѣкоторая*, потому что кромѣ нотъ есть еще: тоны, ключи, гаммы, piano, forte... и пр., о которыхъ и «мусикодидаскалъ» Лезвій безъ сомнѣнія не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Да и нотъ, по мнѣнію знатоковъ (т. е. воображающихъ себѣ таковыми), вмѣсто европейскихъ 12-ти, гамма древнихъ, а слѣдовательно — и Греческаго пѣснопѣнія, имѣла до 50! Всѣ переходные звуки, слышимые въ ржаніи, блеяніи, мычаніи, были уловлены и канонизованы тонкимъ слухомъ эллинскимъ. Гдѣ жъ ихъ передать нашими скудными нотами?

Іоанна Дамаскина! Послѣ службы мы просили позволенія поклониться св. мощамъ угодника Божія, почивающаго, какъ извѣстно, въ алтарѣ, въ южномъ отдѣлѣ его. Отъ прежняго (1852) поклоненія моего святынѣ у меня не удержалось въ памяти почти ни чего. Отъ того всѣ впечатлѣнія теперь казались мнѣ новыми. Тѣло святителя цѣлокупное. Лице совершенно открытое, безбородное, зеленовато-оливковаго цвѣта. Голова склонена не много на бокъ, ротъ полуоткрытый, въ которомъ видится и оконечность языка. Кожа на лѣвой рукѣ, положенной окрещенно поверхъ правой, нѣсколько повреждена. Все конечно высохшее и какъ бы вытертое, но сохранившееся вполнѣ. Одежда ветхая, не похожая на архіерейское облаченіе, холщовая, неопредѣленнаго цвѣта. Прикладывались мы по обычаю къ стопамъ святителя, одѣтымъ въ бархатныя сандаліи, часто перемѣняемыя. Присутствовалъ при нашемъ поклоненіи и главный изъ священниковъ храма, онъ же и собственникъ его и самыхъ мощей вмѣстѣ со всѣмъ родствомъ своимъ. Я спросилъ его, справедливо ли, что тѣло святаго *эластично*, какъ всѣ разсказываютъ о немъ? Досточтимый отецъ, пожилой и весьма солидный человѣкъ, обнажилъ тутъ же часть правой ноги угодника, и подавилъ мягкоть плоти пальцемъ. На мѣстѣ томъ сейчасъ же оказалась яминка, которая, по удаленіи пальца, немедленно сгладилась, точно какъ бываетъ съ живымъ тѣломъ. Я изумился и перекрестился. Священникъ сказалъ мнѣ, чтобъ я самъ сдѣлалъ тоже самое. И я — сдѣлалъ. Плоть мягкая и конечно холодная, какъ вообще у умершаго человѣка, подалась и снова стала, какъ была. Фактъ эластичности мощей св. Спиридона такимъ образомъ для меня внѣ всякаго сомнѣнія. Легко повѣрить потому и разсказываемому, что когда бываетъ праздникъ Святителя (12 Декабря), и тѣло его обносятъ по городу въ процессіи, держимое стоймя въ ракѣ подъ стекломъ, то отъ удара о стекло выдающіяся части лица сплюскиваются, и потомъ опять отходятъ. За тѣмъ, уже ни чѣмъ не остановишь всеобщей вѣры

народа въ то, что иногда, при отверстіи раки, находили приставшія къ стопамъ его ракушки, свидѣтельствующія о томъ, что онъ выходилъ на берегъ морской, по призыву бѣдствующихъ мореплавателей, спасая ихъ. Мое дивленіе и смущеніе въ виду такаго необычайнаго и необъяснимаго зрѣлища какъ будто удивило, въ свою очередь, старца. До такой степени и онъ и весь городъ свыклись и сжились съ страннымъ и неслыханнымъ явленіемъ (мета) физическимъ! Въ самомъ дѣлѣ, чему тутъ дивиться, что угодникъ и по смерти живъ? Развѣ не это самое говоритъ намъ св. вѣра наша? Поражаетъ мысль, что онъ живъ и тѣломъ, положительно безжизненнымъ? Но уже самое сохраненіе сего тѣла въ цѣлостномъ составѣ его о чемъ свидѣтельствуетъ, какъ не объ остаткахъ жизни — внѣ всѣхъ жизненныхъ условій и помимо всѣхъ установившихся и не отрицаемыхъ о ней понятій? — Прочитайте, мнѣ сказалъ на прощанье о. *Георгій*, что говорится въ книжкѣ: Οὐρανοῦ κρίσις (небесный судъ) о случаѣ, когда святаго видѣли ходившимъ по берегу моря, разговаривавшимъ и прямо назвавшимъ себя Спиридономъ. — Подавленные впечатлѣніями вышли мы изъ храма человѣка Божія. Что же такое тамъ пишется въ *Уранокризисъ*, спрашивалъ я провожавшаго насъ псалта? — А то, отвѣчалъ онъ, что когда пришелъ разъ турокъ съ своей армадой къ Керкирѣ [1]),

---

[1]) Не смѣшалъ ли разсказчикъ двухъ разныхъ обстоятельствъ, случившихся въ одномъ и томъ же году на разстояніи четырехъ мѣсяцевъ, а именно: избавленія города отъ турковъ и того, по поводу коего написана книжка: *Судъ небесный?* Подробности перваго случая не указываются, а передаваемыя разсказчикомъ по видимому относятся ко второму. Упомянутая книжка намъ попалась въ руки. Она издана въ Лейпцигѣ въ 1805 г. нѣкимъ «православнымъ ревнителемъ». Изъ нея открывается, что послѣ чудеснаго избавленія города отъ Турецкаго нападенія, случившагося 11 Августа 1716 года, тогдашній правитель острова *Андрей Пизани*, въ общемъ увлеченіи чувствомъ благодарности къ св. Спиридону, которому приписано было случившееся, умыслилъ поставить въ его храмѣ Латинскій алтарь, такъ какъ самъ принадлежалъ къ Римской церкви, чтобы тамъ совершалась и Латинская служба. Какой то «богословъ», котораго онъ почиталъ и слушался, поддержи-

и готовился истребить не сдававшійся городъ, ночью видѣли какого то монаха, который все ходилъ по берегу, а потомъ пошелъ и по морю съ огнемъ въ рукѣ, что видѣли не христіане только, а и самые Турки. Ихъ флотъ сгорѣлъ въ ту же ночь. Вотъ что̀ [1]). — Было мнѣ о чемъ подумать и погадать въ остававшійся вечеръ.

валъ его въ этомъ намѣреніи. Данъ былъ приказъ приготовить весь, нужный для постройки алтаря, матеріалъ. Священники церкви протестовали противъ сего нововведенія, но Пизани отозвался, что онъ верховный начальникъ тутъ, и что захочетъ, то и сдѣлаетъ. Въ ту же ночь ему явился во снѣ одинъ монахъ и сказалъ: «что ты меня безпокоишь? И за чѣмъ смущаешь дѣтей моихъ? Знай, что затѣянное тобой тебѣ не полезно». Утромъ опять у правителя совѣщаніе съ богословомъ. Маньякъ конечно настаивалъ на своемъ и называлъ сонъ навожденіемъ вражескимъ. На слѣдующую ночь тотъ же монахъ снова приснился Пизани и грозно говорилъ ему: знай вѣрно, что если затронешь домъ мой святый, будешь раскаяваться, но уже безъ пользы. Тотъ въ испугѣ немедленно зоветъ своего богослова, но и еще разъ поддается его навѣтамъ. На завтра, 11 Ноября 1716 г., онъ самъ съ инженеромъ и свитою отправился въ храмъ св. Спиридона, и взялъ мѣры будущаго алтаря. На протестъ Сакелларія изъ фамиліи Булгари, властитель погрозилъ ему тюрьмой въ Венеціи. Духовенство, видя свою безпомощность, отслужило молебенъ угоднику, по уходѣ Пизани, котораго замыслъ просило его разрушить. Въ ту же ночь поднялась страшная буря, во время которой часовой (изъ Венеціанъ — конечно), стоявшій у арсенала, вдругъ видитъ, что какой то монахъ съ зажженой лучиной въ рукѣ идетъ къ нему. Онъ спрашиваетъ безвременнаго путника и, не получая отвѣта, хочетъ выстрѣлить въ него. Тогда монахъ говоритъ ему: я Спиридонъ, и схвативъ его за руку, швыряетъ изъ крѣпости на городскую площадь (Спьянату) цѣла и не вредима, стоящаго, какъ былъ, съ ружьемъ въ рукѣ! Вслѣдъ за тѣмъ загорается арсеналъ, а отъ него пламень переходитъ и на другія постройки и на дворецъ правителя, котораго нашли мертвымъ, сдавленнымъ двумя бревнами. Богословъ же найденъ тоже мертвымъ въ... городской клоакѣ. Всѣхъ людей погибло въ злополучную ночь до 900 душъ. По смерти Пизани, затѣя его конечно была забыта. Часовой, разсказывавшій всѣмъ случившееся съ нимъ, черезъ 3 дня былъ отправленъ въ Италію. Память сего событія празднуется въ Корфу съ тѣхъ поръ ежегодно съ большимъ торжествомъ 12-го Ноября. Составлена для того и особенная служба, въ которой папа и латинство не щадятся крѣпко. Однако же въ 1724 г. 12 Декабря Латинскій архіепископъ былъ торжественно принятъ въ церковь св. Спиридона, и даже привѣтствованъ по Гречески рѣчью.

[1]) Itinéraire de l' Orient успѣхъ дѣла приписываетъ военачальнику графу *Шулембургу*, которому и памятникъ воздвигнутъ за то въ крѣпости. Но само войско Шулембургово, посвятившее святому два большія сребряныя поликандила, тѣмъ самымъ показало, кому оно одолжено побѣдою.

Керкира. 28 Іюня 1865. Понедѣльникъ.

Духота въ номерѣ заставила насъ пожалѣть о *Впередѣ* съ его вѣтеркомъ, прохладою и чистымъ воздухомъ. Еще вчера онъ ушелъ впередъ, предоставивъ намъ, какимъ съумѣемъ способомъ, возвратиться назадъ во свояси. Способъ этотъ былъ — дождаться перваго рейсоваго парохода Греческаго, идущаго къ Коринѳскому перешейку, что должно случиться завтра. День обѣщаетъ быть тропически знойнымъ. *Корфа́*, какъ называли городъ наши моряки 1800-хъ годовъ, точно пышетъ жаромъ натопленной печи. Выбивая клинъ клиномъ, мы напились чаю, поподчивавъ имъ и свою землячку, съ умиленіемъ смотрѣвшую на давно невиданный ею, нашъ походный самоваръ. Рѣшено было начать сегодняшнія экскурсіи визитомъ мѣстному архіепископу. Поелику же онъ, какъ лицо высокопоставленное, не можетъ принимать посѣтителей ранѣе 10 часовъ, то я и пользуюсь свободнымъ временемъ, чтобы заглянуть въ историческую глубь мѣста. Имя: *Корфа́* (винит. пад.: *Корфу́*) русской простоватой фабрикаціи ни чѣмъ не уступитъ въ тупости изобрѣтенному Европою, не склоняемому: *Корфу*. Наше — въ женскомъ родѣ — имѣетъ по крайней мѣрѣ прецедентомъ себѣ древнее наименованіе: *Ке́ркира*, общее и городу и острову. Но и за Керкирой прячется еще древнѣйшее: *Макрида*, а за нимъ *Схерія*. Наконецъ самымъ первоначальнымъ представляется имя: *Дрепа́ни*, что значитъ: серпъ, на который дѣйствительно нѣсколько похожъ географически островъ. Но такъ какъ поэты, по привычкѣ, соединяютъ съ этимъ названіемъ одинъ скандальный миѳъ, то мы и не ступимъ дальше Схеріи. Производство сего слова баснословится такъ: на противолежащемъ острову материкѣ течетъ съ Пинда большая рѣка *Ѳіамисъ* (по теперешнему: *Каламосъ*), несущая съ водами своими множество камней и песка въ море. Заботливая Церера, боясь, какъ бы столько близкій ея сердцу (по несчастію, постигшему ея родителя...)

островъ Дрепану — Макриду горные наносы не обратили въ полуостровъ, просила Посидона (Нептуна) удержать (σχοῦν) теченіе (ῥεῖν) Θіамиса и другихъ береговыхъ рѣкъ и потоковъ. Отсюда и вышелъ терминъ Схе-рія, извѣстный уже Иліадѣ. Такъ утверждаетъ самъ Аристотель. Хотя въ *Схеріи*, какъ въ зародышѣ, уже можно предугадывать *Керкиру*, нѣсколько ей созвучную, но вмѣсто филологіи тутъ выступаетъ передъ нами уже одна исторія, т. е. все таже миѳологія. Нептунъ, забывши урокъ карательнаго серпа, похитилъ у царя *Асопа* и царицы *Меѳоны* дочь *Керкиру*, съ которою и прижилъ здѣсь сына *Феака*, родоначальника цѣлаго племени Феакидовъ, извѣстныхъ уже Омиру и игравшихъ нѣкую роль въ похожденіяхъ его Одиссея... Итакъ дѣло не обошлось безъ тезоименной личности. Прямо бы съ нея и начать миѳологіи. Подъ именемъ Керкиры островъ является у позднѣйшихъ историковъ Діодора, Павсанія и др. и надобно думать, уже по испорченному произношенію, потому что на древнихъ монетахъ города постоянно читается имя его ΚΟΡΚΥΡΑ, а не ΚΕΡΚΥΡΑ, что, по точнѣйшему произношенію, выходило бы: *Корчира* или *Корчура*. Откуда, какъ и когда звукъ *к* (въ настоящемъ случаѣ *ч* или *ц*) могъ измѣниться въ *ф*, нѣтъ возможности доискаться. Педантство, замѣчая, что въ выраженіи: Εἰς τοὺς Κορφοὺς фигурируетъ множественное число, придумало книжное имя городу: Κορυφοί, какъ бы: верхи или верхушки, но въ такомъ случаѣ слово сковалось бы съ женскимъ окончаніемъ: Κορυφαί, и вышло бы, вмѣсто Корфу, Корфа нашихъ матросовъ Сенявинскихъ. И такъ, какъ ни кинь, все выходитъ клинъ — по пословицѣ! Хорошо такимъ образомъ сдѣлало Греческое правительство, возстановивъ оффиціально древнее и грамматически — правильное наименованіе города и острова: *Керкира*. Исторію Макриды — Дрепаны — Схеріи — Керкиры — Корфы, долгую и скучную мы проходимъ молчаніемъ, не исключая и тѣхъ 8—9 лѣтъ, въ которыя мы владѣли ею, странно и пожалуй славно, но совсѣмъ

безъ пользы вмѣшавшись въ Турко-Французскую распрю. Трогательно описываютъ моряки наши ихъ разставаніе въ 1807 г. съ нашими эфемерными владѣніями въ Средиземномъ морѣ. 7-го Августа того года прибыли въ Корфу первые французы на смѣну намъ. 22-го поднятъ былъ на крѣпости вмѣсто русскаго французскій флагъ. 14 Сентября была первая отправка войскъ нашихъ. У церкви св. Спиридона духовенство мѣстное въ *черныхъ* облаченіяхъ напутствовало ихъ молитвами. Протопапасъ началъ было говорить прощальную рѣчь, но залился слезами. Жители обнимали солдатъ и тоже плакали. 19 Сентября всѣ наши 10 кораблей отплыли отъ острова въ Италію, и не подходящая „русская республика" передана была французамъ.

Въ сопровожденіи лон-лакея идемъ къ владыкѣ. Митрополитъ Керкирскій считается въ Эллинскомъ мірѣ руссофиломъ и даже имѣетъ ленту нашу. Мы ожидали, вслѣдствіе сего, если не восторженнаго, то радушнаго пріема себѣ. Но попали мы къ нему въ дѣловой день, да еще въ пріемный часъ, оттого все дѣло ограничилось сухимъ и оффиціальнымъ представленіемъ. Не малочисленное сельское духовенство, прятавшееся на дворѣ въ тѣни владычнихъ палатъ, напомнило намъ нашу родную консисторію, которой ничего подобнаго я доселѣ не встрѣчалъ ни въ Греціи, ни въ Турціи. Не даромъ *Седмиостровіе* (Эптанисосъ) самими Греками зовется приставкомъ къ Европѣ. Тутъ не вдругъ встрѣтишься съ сердечно-нахальнымъ привѣтомъ въ родѣ: ἀδελφὲ, χριστιανὲ, καϋμένε, εὐλογημένε..., а вмѣсто того слышишь все только сухое и вылощенное: κύριε, а то и signore еще по старой памяти! Похожее на это мы встрѣтили и въ своемъ консульствѣ, которому тоже сочли долгомъ представиться. Оба чиновника — консулъ и секретарь съ нерусскими фамиліями, но съ хорошими русскими чувствами. Настоящею, живою и незастѣнчивою Элладою пахнуло на насъ только въ Агентствѣ Греческаго пароходства, гдѣ мы собирали самыя точныя и положительныя свѣдѣнія о

дальнѣйшемъ пути нашемъ на востокъ. Завтра вечеромъ отплываемъ изъ Корфу, и въ четвертокъ будемъ въ славныхъ Аѳинахъ... не много наговорено, но много сказано!

По спаденіи жары, мы возобновили свою ознакомительную прогулку по городу. Въ мѣстѣ такой глубокой гомеровской, даже нептуновской древности можетъ ли быть, чтобы не осталось и слѣдовъ ничего древняго? А почти такую аттестацію дали ему въ нашемъ консульствѣ. Въ Itinéraire есть цѣлый столбецъ съ заголовкомъ: L 'Antique Corcyre... Самъ *Ѳукидидъ*, первостатейный авторитетъ, приводится говорящимъ о ней, о ея трехъ пристаняхъ, о ея двухъ ключахъ, вытекавшихъ изъ подъ стѣнъ городскихъ, о ея одной рѣкѣ (?), и пр. Все это намъ слѣдовало отыскать и видѣть. Снова идемъ пресловутою *Спьянадой*, гдѣ густыя толпы народа то гуляли, то сидѣли подъ деревьями, освѣжаясь кто пивомъ, кто мороженымъ. Посмотрѣли на подобіе римскаго храма Весты и спустились на набережную, любимое мѣсто моціонныхъ прогулокъ горожанъ, выведшую насъ туда, гдѣ намъ быть слѣдовало, въ *Палеополь* или мѣстность древней Керкиры, Корциры... или еще иначе какъ. Теперь это городское предмѣстіе, не густо заселенное. Насъ съ перваго же раза привлекла къ себѣ величественная церковь византійскаго стиля, зовомая: *св. Апостоловъ* [1]. Стоять бы ей въ городѣ и быть каѳедральною! постройка ея видимо древняя, столько общаго Востоку плана, обусловливаемаго центральнымъ куполомъ, опирающимся на мраморныя колонны, отъ которыхъ идутъ во всѣ стороны арки, поддерживающія своды и иногда, какъ здѣсь, меньшіе купола́, и всѣ вмѣстѣ накрывающія собою квадратное

---

[1]) При Спонѣ (1675 г.) церковь именовалась Pantagii, т. е. конечно: πάντες ἅγιοι— всѣ святые. О гробахъ апостольскихъ онъ не упоминаетъ. Нашимъ морякамъ въ 1806 г. говорили, что церковь эту строилъ самъ Ап. Петръ. Въ ихъ время ее осѣняли вѣковые дубы и окружали (?) мраморныя колонны.

пространство, дѣлимое по длинѣ зданія на три части. Три красивые выступа (абсиды) заканчиваютъ восточную стѣну, пробитые окнами, средній въ три, а боковые въ два пролета. Вся длина зданія менѣе 30 шаговъ, а ширина 20. Въ среднемъ алтарѣ, по обѣимъ сторонамъ св. вратъ, сдѣланы какъ бы лавки въ сажень длины, пересѣкающія собою иконостасъ и западною оконечностію выходящія въ церковь. Онѣ считаются гробницами св. Апостоловъ, на право *Іасона*, на лѣво *Сосипатра*, первыхъ проповѣдниковъ Евангелія на островѣ [1]). Внутренность храма подновлена и не представляетъ ничего достопримѣчательнаго. За то со внѣ его, на западномъ фасадѣ, по обѣимъ сторонамъ входной двери, на значительной высотѣ видятся вставленными двѣ мраморныя плиты съ греческими надписями христіанскаго времени, которыя мы не замедлили списать. Та, что на право отъ двери, гласитъ въ переводѣ слѣдующее: *свѣтосіянный и прекрасный домъ*

---

[1]) Въ Oriens Christianus (Томъ II, стр. 147) Ап. *Іасонъ* начинаетъ собою рядъ предстоятелей церкви Керкирской. Онъ былъ ученикъ св. Ап. Павла, имѣлъ свой домъ въ Солунѣ, и вмѣстѣ съ Сосипатромъ названъ сродникомъ Павловымъ. За нимъ, черезъ большой промежутокъ времени, слѣдуетъ *Аполлодоръ*, засѣдавшій на Никейскомъ первомъ соборѣ. Потомъ перечисляются: *Сотерихъ*, бывшій на Халкидонскомъ соборѣ, *Хрисиппъ* современникъ Юстиніана В., *Стефанъ* VI вѣка по Спону, внесшему его въ рядъ другихъ только на основаніи прочитанной имъ тутъ древней надписи, въ которой онъ однакоже названъ только просто священнослужителемъ, современный же ему епископъ мѣста названъ Ѳеофаномъ. *Алькисонъ* конца VI вѣка, *Филиппъ*, засѣдавшій на VII Вселенскомъ Соборѣ, *Арсеній* около 800 года, *Николай* въ XI вѣкѣ, *Константинъ* въ 1156 г. *Іоаннъ* въ 1166 г., *Георгій Варданъ* въ XIII в. *Василій* XIV—XV вѣка и послѣдній Корнилій 1672 г. «Хронографія» за *Арсеніемъ* изъ Палестины, помѣщаетъ *Георгія* 1140 г., *Димитрія* Дамасскаго 1166, *Іоанна* 1175, *Іеровея* 1798 г., *Макарія* 1808, *Хрисанѳа* Капелла 1830, *Аѳанасія* съ 1850 г. Въ книгѣ: Primordia Corcyrae 1738, Brixiae есть любопытная гравюра, представляющая, какъ два раза въ годъ во дворцѣ архіепископа (латинскаго) Керкиры, Греческое духовенство угощалось обѣдомъ, при чемъ пѣлось многолѣтіе не только «Господину, Господину *Ангелу Маріи Квирину* (впослѣдствіи Кардиналу), преосвященнѣйшему митрополиту Керкиры и владыкѣ (αὐθέντου), *нашему*», но и «Господину, Господину *Венедикту* XIII, величайшему папѣ старѣйшаго Рима»...

мудрѣйшихъ и божественныхъ Апостоловъ, прежде неукрашенный и малымъ казавшійся, теперь явился прекраснымъ и преславнымъ. Добро-Стефанъ, славный священнослужитель, украсилъ оный благочестному-дренно, въ искупленіи своихъ долговъ душевныхъ (и въ) *память безукорную и* (въ) *смертныхъ славу.* Лѣвая надпись, вычурная до безграмотности, не поддается хорошему переводу и есть очевидно піитическій перифразъ первой. Дополняетъ ту именемъ *Θеофана предсѣдателя,* т. е. архіерея *Керкирскаго,* при которомъ перестраивался храмъ [1]). Когда жилъ сей послѣдній, негдѣ выправиться. Церковь Апостоловъ составляетъ теперь собственность двухъ фамилій, изъ коихъ одна носитъ имя: *Бофанти,* столько мнѣ памятное по Аѳинамъ.

Какъ въ обзорѣ церкви, такъ и въ списываніи надписей намъ помогалъ одинъ усердный юноша, сынъ мѣстнаго священника, *Спиридонъ Кáнтесъ,* съ удивленіемъ встрѣтившій русскихъ, говорящихъ его роднымъ языкомъ, и не знавшій какъ и чѣмъ услужить намъ отъ удовольствія. Онъ повелъ насъ къ другому, еще болѣе замѣчательному

---

[1]) Вотъ всѣ 4 надписи древней Корциры въ подлинникѣ: 1. + Ὁ φωτολαμπὴς καὶ περίβλεπτος δόμος τῶν σοφωτάτων καὶ θείων Ἀποστόλων, ὁ πρὶν ἄκοσμος ἐν σμικρότητι πέλων, νῦν περικαλλὴς καὶ περίδοξος ὤφθη. Καλλεστέφανος ὁ κλινὸς θυηπόλος τοῦτον κατεκόσμησεν εὐσεβοφρόνως εἰς λύτρον αὐτοῦ ψυχῆς ὀφλημάτων (καὶ εἰς) μνήμην ἀνεπίληπτον καὶ βροτῶν κλέος.

2 + Μνημοσύνης τὸ δε τευξὲν ὑπέρτερον ἱερὸν σοφὸν ἔργον Στέφανος θυειπόλος ἀμπλακήματος ψυχῆς ποικιλόμορφον τῶν ἁγίων ἐνδόξων Ἀποστόλων. Θεοφάνους προέδρου ἐπευρελήματα (?) μνήμης... Приглашаемъ Эллинистовъ отыскать въ этихъ «іамвахъ» (ямбахъ) хотя какую нибудь логику и грамматику.

3 + Αὐτὴ ἡ πύλη τοῦ Κυρίου. Δίκεοι εἰσελεύσονται (sic) ἐν αὐτῇ, буквы этой первой строчки разнятся своимъ начертаніемъ отъ буквъ слѣдующихъ 4-хъ строкъ, новѣе ихъ, и, повидимому, суть позднѣйшая приставка. + Πίστιν ἔχων βασιλίαν ἐμῶν μενέων συνέριθον + Σοὶ μάκαρ ὑψιμέδον τὸν δ'ἱερὸν ἔκτισα νηὸν + Ἑλλήνων τεμένη καὶ βωμοὺς ἐξαλαπάξας + χειρὸς ἀπ' οὐτιδανῆς Ἰοβιανὸς ἕδνον Ἄνακτι.

4. Ἀρσένιος ἱερεὺς Καλλούδης κρὴς αἴσια ῥέξων Μητρὶ θεοῦ χάριν ἤρατο τὸν δὲ (!) δόμον. ΧΠ. Что могли значить этѣ двѣ буквы, непонятно. Дата 1671, также съ двумя буквами: ΣΜ. Подъ нею, видится на камнѣ колокольня.

памятнику христіанской древности, церкви Богоматери, зданію повидимому еще языческой эпохи, бывшему когда-то или храмомъ, или судебною палатой, *Базиликой* (Βασιλική). Это одна, довольно темная, сырая и тяжелая комната или зала, накрытая полуцилиндрическимъ сводомъ, въ 38 шаговъ длины и въ 12 ширины, съ абсидою въ концѣ, обращенной теперь въ алтарь и большою, съ колоннами по сторонамъ, дверью на противоположной сторонѣ. Не далеко отъ входа внутри съ обѣихъ сторонъ при стѣнахъ стоитъ по мраморной гробницѣ древней выдѣлки, изъ коихъ лѣвая носитъ имя *Св. Керкиры* мученицы. Не безъ увлеченія смотрѣлъ я на этотъ остатокъ видимо весьма глубокой древности, и съ легко понятнымъ нетерпѣніемъ спѣшилъ прочесть замѣченную еще при входѣ, древнюю надпись, находящуюся со внѣ, подобно вышеупомянутымъ, но не по сторонамъ, а сверху двери, обѣщавшую мнѣ какой нибудь лѣтосчислительный намекъ на происхожденіе всего зданія. Первая строка надписи содержитъ стихъ изъ Св. писанія: *Сія врата Господня. Праведницы внидутъ въ ня.* Со второй строки начинается собственно запись, состоящая изъ четырехъ стиховъ и гласящая, по крайнему моему разумѣнію, слѣдующее: *поставляя царствованіе въ вѣрѣ, споспѣшницѣ моихъ стремленій, тебѣ, блаженный Всевышній, я создалъ сей священный храмъ, капища и жертвенники Эллиновъ исхитивши изъ руки непотребной, въ даръ царю. Іовіанъ.* Открывается такимъ образомъ, что храмъ построенъ Іовіаномъ, и при томъ царемъ, отнимавшимъ у язычниковъ капища и обращавшимъ ихъ въ церкви. Отлично все это приходится къ лицу Императора Іовіана, наслѣдовавшаго Юліану отступнику и безъ сомнѣнія старавшагося исправить его ошибки. Эллинское стихосложеніе и самый характеръ буквъ надписи безъ труда выносятъ ее въ IV вѣкъ христіанскій, отъ котораго такъ мало осталось памятниковъ зодчества. А монументально засвидѣтельствованнаго имени благочестивѣйшаго *Іовіана*, царствовавшаго всего 7 мѣсяцевъ и 20

дней, едва ли археологія знаетъ еще другой случай. Отъ сего самаго, Керкира имѣетъ право хвалиться рѣдчайшимъ изъ памятниковъ христіанской древности. Но чуть ли зданіе не предварило собою Іовіанова времени. Можно бы думать, что пламенѣвшій ревностію по Богѣ Императоръ только отдалъ христіанскому богослуженію языческое капище, которое, какъ намъ сообщилъ тотъ же случайный руководитель нашъ, называлось въ древности Δωδεκάθεον — *Двѣнадцатибожіе*, т. е. храмъ, посвященный всѣмъ Олимпійскимъ божествамъ, которыхъ древность насчитывала 12. Съ сѣверной стороны къ фасаду церкви пристроена колоколенка, а за нею видятся остатки развалившагося дома, на коемъ за 2—3 года передъ симъ еще читалась тоже стихотворная надпись: *Арсеній священникъ Каллуди* [1]), *критянинъ, чая благъ, Матери Божіей въ даръ воздвигъ* (сіе) *зданіе. 1671.* Разумѣть надобно конечно, что возобновилъ, а не воздвигъ, и возобновивши посвятилъ Богоматери. И эта дорогая древность также есть собственность частнаго лица неодобрительнаго поведенія, прямымъ послѣдствіемъ чего и есть упадокъ всего зданія и то обстоятельство, что алтарь стоитъ запертымъ. Въ настоящее время церковь считается кладбищенскою, и прихода у себя не имѣетъ.

На́чало смеркаться, и мы поспѣшили домой. Еще намъ оставалось отыскать и высмотрѣть въ Палеополѣ глубокой древности историческую мѣстность, а именно тотъ ключъ или потокъ, на которомъ царевна Навсикая стирала съ подругами бѣлье, когда предсталъ передъ нею Одиссей (Улиссъ—тоже) „многоспособный“, выброшенный на берегъ моремъ, нагой и грязный, оказавшійся не способнымъ сдѣлать

---

[1]) Этотъ самый Arsenio Caluti настоятельствовалъ при *Спонѣ* въ церкви Всѣхъ Святыхъ, слылъ за ученаго, и имѣлъ изрядную библіотеку; дядя его, престарѣлый *Іеремія* Влахъ былъ настоятелемъ церкви Богоматери, и тоже имѣлъ библіотеку со многими рукописями, въ числѣ которыхъ было до 20-ти неизданныхъ.

себѣ хотя какое нибудь преяпоясаніе предварительно. Какой-то ученый итальянецъ съ Одиссеею въ рукахъ и съ запасомъ досуга, будто бы отыскалъ всѣ, приводимыя поэтомъ мѣста тутъ въ окрестностяхъ города. Послать бы его отыскивать напередъ самую Трою. Но и допустивши, что земля *Фэаковъ* съ царемъ *Алкиноемъ* и царевною *Навсикаей* есть именно нынѣшній островъ Корфу, развѣ непремѣнно слѣдуетъ, что столица тогдашняго царства была именно тутъ, гдѣ стоитъ теперешній городъ? А если Одиссей былъ только сказочный типъ въ родѣ нашего „Ивана Царевича", то гдѣ отыскать мѣсто его необыкновенной высадки на берегъ? Однакоже, не того такъ другаго царя палаты намъ удалось видѣть сегодня. На обратномъ пути мы прошли чрезъ королевскую дачу, походили по дворцовому саду и могли даже осмотрѣть самый дворецъ — несомнѣнно уступающій въ великолѣпіи Алкиноевскому, такъ какъ высокаго хозяина на тотъ разъ не было дома, но поздній часъ удержалъ насъ отъ того. Уже подходя къ городу, мы встрѣтили на дорогѣ трехъ всадниковъ, одного впереди и двухъ поодаль. На сколько позволялъ различать вечерній сумракъ, послѣдніе казались жандармами. Передній былъ въ сертукѣ и высокой шляпѣ и представлялъ изъ себя статную фигуру. Это былъ Его Величество, король Еллиновъ, Георгій I, кончающій свой купальный сезонъ, ежегодно проводимый имъ здѣсь на берегу моря, и, кажется, завтра же отъѣзжающій въ свою *первую* столицу.

Сижу и повторяю зады. Итальянецъ *Ботта*, отыскивающій въ устьѣ рѣчки *Месонги* (въ 8—9 верстахъ отъ города) пробуждающагося отъ глубокаго сна Одиссея... мимо! Ученый *Арсеній Каллуди* „воздвигающій постройку (ἤρατο τὸν δὲ (?) δόμον)... лучше бы безъ педантства и риторики записалъ на память родамъ грядущимъ, что именно онъ строилъ, и чего не воздвигалъ. *Стефанъ* и *Θеофанъ*... были бы вполнѣ достойными хвалы и благодарности потомства, если бы къ своимъ фразамъ и перефразамъ прибавили и хронологію. Императоръ

Іовіанъ, достоинство царственное поставляющій въ дѣлахъ вѣры, и язычество изгоняющій христіанствомъ... человѣкъ не по духу вѣка, но да будетъ благословенъ во вѣки! Наконецъ — св. мученица *Керкира*... Здѣсь для меня по истинѣ толчокъ и остановка. Не могу свыкнуться съ этою неожиданностію. Уже и та злополучная Керкира или Корчкира Асоповна, отъ которой свое имя получили будто бы и городъ и островъ, значительно представляется сказочною. Доисторическія времена оправдываютъ собою такую ея темноту и неясность. Но — Керкира нашего, такъ сказать, времени — христіанка и мученица, и все таки ни кому не вѣдомая личность? Что то да не такъ! Когда я сказалъ нашему юному чичероне Палеопольскому, что въ первый разъ слышу о св. Керкирѣ, онъ мнѣ сослался на свидѣтельство о ней *Никодима*, собирателя Синаксарей, столько извѣстнаго всему православію. Къ счастію, пресловутая книга чуть не въ каждой церкви обрѣтается на Востокѣ. Мнѣ безъ труда ее отыскали. Дѣйствительно, есть такаго имени мученица, и — что замѣчательно — тоже царевна; дочь нѣкоего *Керкиллина*, царствовавшаго надъ Керкирейцами, злочестивца и мучителя св. Апостоловъ *Іасона* и *Сосипатра*, проповѣдывавшихъ ему христіанство. Дочь не сочувствовала отцу и объявила себя христіанкой, за что и была сожжена, послѣ многихъ мукъ [1])... Все бы это такъ, но во 1-хъ, Апостолъ Іасонъ былъ епископомъ въ г. Тарсѣ, а Сосипатръ въ Иконіи, по тому же Никодиму. За чѣмъ и какъ имъ было забраться въ Керкиру? Во 2-хъ, при этихъ Апостолахъ островъ Керкира былъ уже римскою провинціей, и сомнительно, чтобы какой нибудь *Керкиллинъ* (мало того, что городъ его *Керкира*, дочь—тоже *Керкира*, еще самъ — *Керкиллинъ!*) могъ въ немъ царствовать. Въ 3-хъ — самое по моему мнѣнію главное — тотъ же Никодимъ говоритъ, что въ рукописныхъ житіяхъ св. Апостоловъ

---

[1]) Точнѣе: была жегома, но не сгорѣла, и умерла отъ ранъ, изъязвленная стрѣлами.

вмѣсто Κερκυραίων читается: Κυρηναίων. Вся исторія такимъ образомъ можетъ перенестись на другое мѣсто. Хотя это *другое* мѣсто не исключаетъ возможности существованія и мученичества св. Керкиры, но почва, на которой стоятъ *нынѣшнія* священныя преданія керкирскаго Палеополя, уже чувствительно колеблется. Чуть ли это не повтореніе того, съ чѣмъ мы встрѣтились въ Едессѣ Македонской, отыскавъ въ ней развалины церкви св. *Θадлея,* принадлежащаго Едессѣ Сирійской. А гробница св. Керкиры? А самые гробы Апостоловъ? Что сказать обо всемъ этомъ? Развѣ припомнить, какъ однажды мнѣ указана была всѣми чтимая гробница св. Апостола и Евангелиста *Луки,* оказавшаяся саркофагомъ нѣкоего *Нидима,* даже не христіанина [1]). Съ какого времени стали извѣстны Палеопольскія гробницы, любопытно бы узнать, но гдѣ доискаться? Въ началѣ текущаго столѣтія [2]) на нихъ не указывали нашимъ морякамъ. Могло быть это и по невнимательности или равнодушію той или другой стороны къ дѣлу, тѣмъ болѣе, что имя и нетлѣнныя мощи славнаго святителя оттѣняли, и такъ сказать заслоняли собою все прочее. Но ужъ если духовенство того времени находило умѣстнымъ и нужнымъ утверждать, что церковь выстроена *св.* Апостоломъ *Петромъ,* который въ ней и проповѣдывалъ, то кажется случай былъ для него прибавить слово

---

[1]) Однакоже, какъ та Апостольская гробница (въ Віотійскихъ Θивахъ, въ церкви св. Луки), такъ и эти Апостоловъ *Іасона* и *Сосипатра* занимаютъ совершенно одно и тоже мѣсто въ церкви, пересѣкая собою иконостасъ, и входя наибольшею своею частію въ алтарь. Не думаю, чтобы это была чистая случайность, и готовъ видѣть въ томъ древнѣйшій, именно — апостольскихъ временъ, обычай церкви.

[2]) И *Спону,* за 200 почти лѣтъ передъ симъ, тоже никто ничего не сказалъ о гробницахъ Апостольскихъ и св. Керкиры. А онъ былъ археологъ и ко всему церковному относился съ изысканнымъ вниманіемъ. О. *Каллуди,* питомецъ Падуанскаго университета, богословъ и филологъ, тоже былъ вполнѣ компетентнымъ лицомъ для сообщенія пытливому европейцу свѣдѣній объ археологическихъ сокровищахъ мѣста, однако же ничего подобнаго не было. Самая церковь тогда не называлась: *св. Апостолы.*

при этомъ и о другихъ Апостолахъ, тутъ почивающихъ. Не предположить же, что страннымъ образомъ пріурочиваемый къ мѣсту Апостолъ Петръ есть не дослышанный русскимъ ухомъ, *Сосипатръ*. А о св. *Керкирѣ* представлялось бы какъ будто даже необходимостію поговорить всякому, кто входилъ въ церковь Богоматери и неизбѣжно останавливался передъ замѣчательнымъ по своимъ украшеніямъ памятникомъ, съ столько естественнымъ вопросомъ о его значеніи и принадлежности. Такими то недоумѣніями я закончилъ нынѣшній день, сверхъ чаянія оказавшійся довольно богатымъ на археологическую поживу.

Корфы̀. 29 Іюня 1865 г. Вторникъ.

Ради праздника очень рано начался утренній звонъ въ сорока церквахъ города. Не большіе, но звонкіе колокола разныхъ нотъ и тоновъ напоминали мнѣ нашъ „звонъ на соборъ“, и уносили воображеніе далеко на сѣверъ. Нашъ *Петровъ — день* почему то особенно выдается изъ ряда праздниковъ и приравнивается ко *Христову—дню*, можетъ быть по сходству обоихъ, какъ стоящихъ на рубежѣ тяжелаго поста. Извѣстная вѣра народная въ играніе восходящаго солнца относится и къ тому и къ другому дню, хотя служба церковная далеко не ставитъ на такую высоту апостольскій праздникъ, пріурочивая ему „уставомъ“ одно обыкновенное бдѣніе даже безъ „разрѣшенія на вся“, когда припадаетъ среда или пятница. На сей разъ такая антиномія поста и праздника въ одно и тоже время была устранена, и за примрачной Петровкой ярко сіялъ праздниковъ праздникъ—розговѣнье, съ тѣмъ же совершенно чувствомъ встрѣчаемый и у Грековъ, какъ у насъ, пожалуй даже съ болѣе живымъ здѣсь, потому что тутъ извѣстная замѣтка святцевая о *разрѣшеніи* (вина и) *елея* принимается не къ одному только свѣдѣнію, какъ у

насъ, а прямо къ кухонному режиму. Для насъ же въ частности день этотъ былъ чѣмъ то выше розговѣнья, и слалъ намъ привѣтъ Пасхи обѣщаніемъ унести насъ домой. Великое для туриста слово.

Зная, что по сосѣдству *Іоническихъ островов*ъ съ Европою (въ смыслѣ не — географическомъ), городъ заимствовалъ у послѣдней и идею *поздней* обѣдни, отрицаемую вообще и повсюдно православнымъ Востокомъ (не исключая Константинополя и Аѳинъ), и что мы поспѣемъ къ ней и въ 9 часовъ утра, мы въ оставшійся промежутокъ времени устроили свое дѣло съ пароходомъ и получили билеты (265 піастровъ съ человѣка) до самаго Пирея. Въ урочный часъ мы отправились въ соборную церковь города или Митрополію, чествуемую во имя *Богородицы — Спиліóтиссы* (пещерницы), по чудотворной иконѣ ея сего имени, и празднующую 15 Августа, слѣдовательно по нашему говоря — *Успенскую*. Мѣстоположеніе ея высокое, хребтовое съ морскимъ видомъ къ сѣверу и югу. Но сама она далеко не соотвѣтствуетъ идеѣ каѳедральнаго собора и болѣе похожа на биржевую залу, чѣмъ на церковь. Мы пришли еще до начала службы. Священникъ о. Спиридонъ съ діакономъ Симеономъ читали входныя молитвы. Не малою новостью для насъ было видѣть, что просфорою для совершенія таинства служила простая базарная булка, на которой священникъ самъ копьецомъ начертилъ изображеніе креста, обозначившаго предѣлы вынимаемой части „агнца". Облаченія служащихъ были самыя легкія и весьма не богатыя. Молящихся въ храмѣ сравнительно было не много. Пѣніе слышалось пріятное, не крикливое и не гнусявое, но тишины, строгаго порядка, благоговѣнія и сосредоточеннаго вниманія, какъ вездѣ на Востокѣ, не доставало. По окончаніи службы мы попросили о. Спиридона открыть намъ мощи *св. Ѳеодоры* и отслужить передъ ними пара́клисъ (молебенъ) угодницѣ, что обязательно было исполнено почтеннымъ эфимеріемъ. Его впрочемъ, замѣтно, удивила наша прибѣжность къ святынѣ его

церкви, тоже видно мало кому извѣстной и не усердно посѣщаемой, за преобладающею славою главной святыни города. Мы ему объяснили, что мы — византійцы по мѣсту жительства, и блаженную Ѳеодору считаемъ своей согражданкой. Объясненіе, сопровождаемое „благодарностію“, показалось вполнѣ удовлетворительнымъ [1]) брату по званію и служенію, хотя пытливое его обглядываніе насъ съ головы до ногъ и говорило намъ, что онъ трудно перевариваетъ въ мысли своей наше русское византійство. Выходя изъ церкви, мы разговорились съ однимъ нежданнымъ Аристидомъ нашего времени, который не замедлилъ подлить масла въ огонь, назвавъ свой каѳедральный соборъ большою таверной, казармой... За то, если не качествомъ, то количествомъ церквей городъ вашъ славится, замѣтили мы, насчитываютъ тутъ будто бы до 70 церквей. — Насчитаютъ вамъ и 90 и 100, а все — вранье! Церквей 40, пожалуй, будетъ. — Но вѣдь и 40 — цифра весьма значительная для такого не большаго города. — Да, развѣ это церкви, горячась прибавилъ правдолюбецъ. Это складочные магазины, погреба. Ни одной нѣтъ, какъ въ Европѣ. — А вотъ мы

---

[1]) Мы сочли долгомъ своимъ пожертвовать на масло къ лампадѣ передъ св. мощами по талеру съ души. Исторически знаменитая возстановительница иконопочитанія, внесенная въ ликъ святыхъ и прославленная нетлѣніемъ своихъ бренныхъ останковъ, мнѣ, давнему жителю Востока, на каждомъ шагу, такъ сказать, встрѣчающемуся съ памятниками ея, всѣмъ тогдашнимъ христіанствомъ одобреннаго дѣла, навѣвала всегда на сердце чувство чего-то близкаго, теплаго и ублажающаго. Въ отместку иконоборцамъ, и вообще — святоборцамъ нашего времени, я просилъ св. угодницу сберечь, ими же вѣсть судьбами, кое гдѣ еще уцѣлѣвшія въ бывшей столицѣ и во всей имперіи ея, мозаическія иконы. Не скрою, что и подобныя явленія, какъ церковь *Богородицы — Спиліотиссы*, въ которой она почиваетъ, и стольких другихъ *мѣстныхъ Богородицъ* (въ томъ числѣ и нашихъ *Казанскихъ*, *Смоленскихъ* и проч.), затемняющихъ собою ясное представленіе ея, логически безупречнаго дѣла, чтобы вывелись изъ словоупотребленія христіанскаго, и отчетливѣе замѣнились честными *иконами Богородицы Пещерными*, *Влахернскими*, *Тихвинскими*, тоже стоитъ похлопотать блаженной царицѣ, отвѣчающей за все иконное дѣло передъ ученіемъ Христовымъ.

вчера видѣли у васъ въ старомъ городѣ настоящій византійскій храмъ, и обширный и изящный, да еще и съ гробницами Апостоловъ — просвѣтителей мѣста... — Гробницами? возразилъ какъ бы въ удивленіи собесѣдникъ, ба, ба, ба! Ни чуть... Боясь еще какого нибудь разочарованія, мы поспѣшили раскланяться съ израильтяниномъ, въ немъ же льсти нѣсть, и пошли отыскивать Академію, въ ней же...

Но прежде, чѣмъ узнавать и другимъ сообщать къ свѣдѣнію, что̀ *въ ней есть,* срывается съ языка вопросъ: какая бы это могла быть въ Корфу *Академія,* и вообще-то не ясный терминъ, принимаемый то въ смыслѣ школы, то въ значеніи ученаго общества, то въ родѣ какъ бы инвалиднаго дома наукъ?.. Всѣмъ этимъ разнообразіемъ знаменитый терминъ обязанъ своему случайному происхожденію. Филологи спорятъ надъ его родословіемъ, а древніе вѣроятно поспорили бы съ нами на счетъ его примѣненія къ предмету, имъ же выражаемому. Если бы Керкирская Академія была дѣломъ самихъ грековъ, весьма не охотно втискивающихъ себя въ рамку европеизма, ихъ Академія вѣроятно напомнила бы собою Платоновы „разговоры", въ которыхъ чего хочешь того просишь — по нашей поговоркѣ. Но ее придумалъ, организовалъ и пустилъ въ ходъ европейскій умъ, англичанинъ Лордъ *Гильфордъ,* и оттого она вышла строго учебнымъ заведеніемъ средней руки въ родѣ нашихъ семинарій и не выше — лицеевъ, съ смѣшаннымъ характеромъ духовной и свѣтской науки. Мнѣ удавалось знать людей, учившихся у Гильфорда, и я могу утверждать, что имъ далеко было до академическаго образованія. Уже въ то время (1850—1860 г.) мнѣ называли Гильфордово заведеніе „Академіей въ отставкѣ". Вновь скованное слово: *панэпистѝміонъ* (университетъ) окончательно выгнало собою безсодержательную Академію вообще, а здѣшняя даже не дожила до этого времени. Въ 1824 г. она была открыта, а въ 1828 г. учредитель ея скончался.

По смерти его нѣсколько времени она еще поддерживалась, но съ открытіемъ въ Аѳинахъ университета, сдѣлалась совсѣмъ излишнею. Домъ, въ которомъ она помѣщалась (и который нѣкогда былъ дворцомъ проведитора или Байля — при Венеціанахъ), доселѣ удерживаетъ имя Академіи и занятъ главнымъ образомъ библіотекой, въ которой насчитывается болѣе 30.000 томовъ (и будто бы — ни одной рукописи). Но такъ какъ мнѣ еще вчера сказали, что въ Академіи есть до 30-ти человѣкъ студентовъ, то мнѣ и хотѣлось своими глазами убѣдиться въ томъ и пораспросить на мѣстѣ, что и какъ тамъ есть и бываетъ. Къ великому моему сожалѣнію, мы нашли палаты запертыми ради праздничнаго дня, и никого не могли достучаться. Полюбовались отвнѣ бывшимъ святилищемъ наукъ и — скажемъ мимоходомъ — первымъ разсадникомъ въ Греціи анти-славянскихъ идей и анти-русскихъ стремленій, и пошли далѣе къ другой Академіи — семинаріи — школѣ, которой оффиціальное имя: ἱεροσπουδαστήριον, не укладывающееся въ русскую рѣчь, должно значить просто: *Духовную школу*. Помѣщается она въ бывшей казармѣ, строенной еще Венеціанами, и отданной англичанами подъ мѣстныя школы, послѣ того, какъ въ крѣпости были выстроены для гарнизона новыя казармы. Нашей бурсой пахнуло на меня при первомъ шагѣ внутрь зданія. Обветшалое, опустѣлое, закоптѣлое оно тоже, кажется, просится въ „отставку“. Тяжелое впечатлѣніе сгладила не много симпатичная личность начальника заведенія, священника *Евстаѳія Вулизмà*, водившаго насъ по комнатамъ жилымъ и учебнымъ, и показавшаго намъ довольно скудную библіотеку. За праздникомъ ученья не было, и учениковъ мы почти не видѣли. Да и всѣхъ-то ихъ насчитывается только 12. Не особенно процвѣтаютъ вообще духовныя училища въ Греціи, можетъ быть потому, что прямой своей цѣли — образованія сельскаго духовенства — не имѣютъ въ виду, едва кое чѣмъ разнясь съ свѣтскими училищами, и обыкновенно выпуская изъ

своихъ аудиторій людей, пригодныхъ ко всему, кромѣ занятія церковнымъ дѣломъ, къ тому же не высоко цѣнимымъ, совсѣмъ неупроченнымъ, а — главное — малодоходнымъ.

Посѣщенными нами мѣстами далеко не исчерпывается область предметовъ [1]), достойныхъ любознательнаго осмотра въ городѣ, каковъ Корфу, но приходится повторить рутинную жалобу на время, въ которомъ у путешественниковъ даже болѣе широкаго и высокаго полета, чѣмъ мы, всегда оказывается недостатокъ. Испытанныя нами при отправкѣ изъ Превезы злостраданія еще слишкомъ живо памятовались намъ, и заставляли насъ ранѣе, чѣмъ слѣдовало, думать объ отъѣздѣ. День давно уже преполовился. Землячка на прощанье угостила насъ русскими яствами, на сколько могла припомнить способъ ихъ приготовленія. Проститься съ нами зашелъ и нашъ вице-консулъ г. *Мусýри*. Съ нимъ мы еще разъ отправились въ церковь святаго Спиридона. Не смотря на неурочный часъ, намъ ее отворили съ большою предупредительностію. Мы попросили священника отслужить парàклисъ (молебенъ) передъ ракою угодника, и еще разъ облобызали его нетлѣнное, дивное и всеславное тѣло [2]). Долго смот-

---

[1]) Если не въ самомъ городѣ, то гдѣ-то по близости, лѣтъ за 200 передъ этимъ указывали... *домъ Іуды Искаріотскаго*, или собственно отца его. Слѣдующее говоритъ о немъ въ 1586 г. пилигримъ Zvallart (Le très — devot Voyage de Jérusalem... etc. Anvers. 1626 pag. 117): A dix mille ou environ de la cité de Corfou, y a un petit village nommé *Lyapades* ou se montrent certaines masures d'une maison reputée par le vulgaire Corfusien, avoir esté l'habitation du père de Judas Iscariot, et y a des insulaires si hebetez que de s'oser vanter et dire estre descenduz de sa race, et qui permettent et souffrent d'estre appellez Scariotes... Въ 1655 г. еще говоритъ о томъ же преданіи другой паломникъ Ignatius v. Rheinfelden (Neue Ierosolymitanische Pilger-fahrt. Würzburg. 1667, p. 13). Но въ 1725 г. нашъ пытливый пѣшеходъ *Барскій* уже не знаетъ его.

[2]) Такимъ точно его видѣли въ 1675 г. *Спонъ* и въ 1725 г. нашъ *Барскій*. По словамъ перваго, тѣло святаго многократно пытались перенести въ Венецію, но всякій разъ безуспѣшно, что и убѣдило всѣхъ, dass Ihme diese Veränderung und Translation nicht gefällig wäre. Sein Körper, продолжаетъ писатель, ist noch vollig ganz, bis auf einem Arm,

рѣлъ я на него, переполненный и думами и чувствами. Хорошее напутіе „хотящему плыти по водамъ“, еще лучшее—плывущему по морю житейскому, обуреваемому и влающемуся и скитающемуся, если не *всякимъ*, то несомнѣнно какимъ нибудь не попутнымъ *вѣтромъ ученія!* Да будетъ память его со мною вездѣ, а особенно... у *того* берега!

У Bella Venezia насъ уже ожидалъ „драгоманъ“ гостинницы съ... чуть не сказалъ по привычкѣ: хамаломъ, съ *факкино*, т. е. носильщикомъ. Греческое слово для этой профессіи еще не придумано, по крайней мѣрѣ не вошло въ употребленіе въ Керкирѣ, все еще не много съ высока смотрящей на свою сводную сестру Элладу. Заплатили мы за свое двухдневное пребываніе подъ гостепріимнымъ кровомъ, со столомъ и всѣмъ нужнымъ, 224 піастра, драгоману особо — 54 піастра, да прислугѣ — 24, однимъ словомъ: три турецкихъ лиры. Носильщикъ договоренъ былъ за 15¾ піастра. Соотечественница грустно провожала насъ взоромъ, напутствуя насъ благопожеланіями на ей одной свойственномъ, греко-русскомъ діалектѣ. Мы тоже не скупились для нея на доброе слово. Носильщикъ передалъ насъ знакомому ему лодочнику, потребовавшему отъ насъ впередъ уплаты за переѣздъ. Мы намѣренно назвали отыскиваемыя въ кошелькѣ монеты *драхмами*, но патріотъ изъ категоріи тѣхъ, которые принадлежатъ къ отечеству: Ubi-bene, не менѣе насъ лукаво повелъ передъ нами взадъ и впередъ указательнымъ пальцомъ, сжалъ губы, мотнулъ къ верху головой, и сказалъ съ разстановкой: σελίνια — φεγγαράκια, прибавилъ онъ, т. е. луночки, мѣсяцочки, отожествляя англійское *шиллингъ* съ своимъ: *селини* — мѣсяцъ. 5—6 минутъ, и мы были уже на пароходѣ: *Омонія* (Ὁμόνοια — единомысліе).

---

welcher zu Rom befindlich ist. Alle, die ihn gesehen, berichten einmüthiglich, dass wann man mit einem Finger eine Dulke in sein Fleisch drucke, selbiges wider zurück pralle, und wie bey einem lebendigen Menschen wieder in vorigen Stand komme (Reise-Beschreibung... etc. 1681. Nürnberg. S. 27).

Хорошее дѣло *единомысліе* или точнѣе *купномысліе*, для славной своими раздорами и междоусобіями Греціи спасительное, и въ настоящихъ обстоятельствахъ странѣ какъ нельзя болѣе пригодное. Внушать о немъ всѣмъ и каждому есть, конечно, неотложный долгъ патріота, но надписывать его на площадяхъ, зданіяхъ, пароходахъ, торговыхъ фирмахъ и пр., похоже на нѣчто искуственное, дѣланное, напоминающее газетную рекламу, сквозь которую такъ и видится недоброкачественность рекламируемыхъ предметовъ [1]. Мы, помнится, гдѣ-то уже встрѣтились съ пароходомъ: *отечество* (πατρὶς), теперь передъ нами: *миръ* и *согласіе*, а завтра вѣрно мы увидимъ *благополучіе* или *славу* или еще иную какую нибудь, внушительную и знаменательную идею. На нашъ взглядъ все это педантство, способное вызвать именно противоположное тому, на что расчитываетъ педантъ. Но міръ весь не сшитъ по нашей мѣркѣ. За́ моремъ не только соловья, а зачастую и человѣка кормятъ однѣми баснями. Мы въ этомъ убѣдились, чуть получили осѣдлость на кораблѣ. Два палликара о чемъ-то крупнословили, и то и дѣло посылали другъ друга... εἰς τὸν διάβολον, полагая естественно, что гдѣ же и быть лучше спорщику, какъ не у отца всякихъ споровъ и раздоровъ. Но вотъ какой-то безпатентный мировой посредникъ подходитъ къ нимъ и говоритъ: да вы бы хоть мѣста-то постыдились. Вѣдь сидите на *Омоніи*... Вздорники посмотрѣли на него косо, мысленно вѣрно и его отослали къ упомянутому общему своему знакомому, но все таки разошлись. Выраженное мною удовольствіе по случаю благопріятнаго исхода браннословія (τῆς λογομαχίας) сблизило насъ съ публикой, чуждавшейся насъ ради костюма

---

[1]) Какъ это напоминаетъ мнѣ надписанныя однимъ, мнѣ знакомымъ старцемъ *Арсеніемъ* на дверяхъ его кельи слова, сказанныя соименному ему преп. Арсенію Великому: *бѣгай людей, и спасешися*! Добрый инокъ въ рѣдкость бывалъ дома въ кельѣ, вѣчно бродя по городу... Чуть ли не тоже происходитъ и съ Греческой Омоніей, которой ни какъ не достучится лохматая Эллада у причесанной экс-республики Іонической.

нашего дотолѣ. Общество было самое живое, шумное и совершенно санфасонное. Тѣснота на палубѣ неимовѣрная. Различія классовъ не полагалось, или оно было, да никому на мысль не приходило. Капитанъ *Зотосъ* также продирался сквозь толпу, какъ послѣдній изъ пассажировъ, не стѣсняясь и не тѣсня собою никого. Еще менѣе замѣтнымъ казался одинъ генералъ П*, давнишній приверженецъ Каподистріи и, слѣдовательно, въ былое время принадлежавшій къ русской партіи вмѣстѣ съ *Спиро-Миліо*, *Вальяно* и другими, проспавшими такъ сказать злополучный исходъ борьбы *Киверніта* (правителя, а по нашему „президента") съ олигархическими наклонностями вождей пресловутаго „Возстанія". Пользуясь прежнимъ небольшимъ знакомствомъ съ человѣкомъ, я, коротая время, хотѣлъ было воспомянуть съ нимъ дни древніе, и отрекомендовался ему, но встрѣтилъ такой холодъ съ его стороны, что невольно возвратился къ составленному еще на *Эптанисѣ* убѣжденію своему, что въ сношеніяхъ нашихъ съ единовѣрцами Востока чѣмъ мы будемъ ближе, тѣмъ станемъ дальше, и на оборотъ. Будущее покажетъ, что подобное правило равно приложимо и къ иноплеменникамъ и къ единокровнымъ нашимъ.

Насматриваюсь и на твердыни крѣпостныя, на малое время бывшія когда-то *нашими* и на бухту, оглашавшуюся тогда русскими пѣснями, и на замыкающій ее островокъ, называвшійся въ давнее время Улиссовой ладьею по малому сходству очертаній его съ судномъ. Раздается отходный свистокъ. Подвозъ пассажировъ прекращается. О торговомъ товарѣ и думать не надобно. Керкира не изобилуетъ ничѣмъ, чего бы вдоволь не имѣла Эллада. За ¼ до шести часовъ, Омонія сдѣлала шумный поворотъ, и стала огибать „Эллинскій Гибралтаръ", уступленный Англіей Греціи будто бы единственно въ пику Россіи [1]). Чтоже? Если бы и такъ! Все же мы, пря-

---

[1]) Такъ ли иначе ли было, только по отдачѣ Англіею Греціи *седми Острововъ*,

мо или косвенно, причиной добраго дѣла. Еще во время Крымской кампаніи намъ неоднократно приходилось отстаивать заслугу Россіи передъ Востокомъ даже ея неудачами. Отъ насъ ли, помимо ли насъ, вопреки ли намъ, наконецъ, совершается освобожденіе его отъ вѣковаго рабства, все равно мы рады тому, не ревнуя и не завидуя упреждающей насъ въ желанномъ намъ дѣлѣ рукѣ. Когда вмѣсто одной няньки приставлены были къ Турціи шесть, что было пѣть проигравшему свою ставку патріоту, какъ не эту пѣсню? Особенно, когда индискретный Сеймуръ повѣдалъ въ слухъ всего „Панэллинія", что пока у Россіи есть одинъ рубль и одинъ солдатъ, она не дастъ Греціи Византіи, ни даже позволитъ ей расшириться въ сильную державу! Дивиться ли послѣ такихъ интимныхъ признаній, что вдругъ ни съ того, ни съ сего повѣетъ на тебя холодомъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ на лжеименномъ „единомысліи"?

Плывемъ вдоль берега, памятнаго Одиссеевыми приключеніями, а вѣрнѣе Апостольскими подвигами, который бы изъ Апостоловъ ни былъ насадителемъ тутъ вѣры Христовой, Петръ или Павелъ. Сбыточнѣе, конечно, что послѣдній. Его только спутниками, и временными обывателями Керкиры и могли быть святые *Іасонъ* и *Сосипатръ*. Островъ уходитъ отъ насъ вправо, мы держимся прямо на его отдаленный загибъ къ Востоку, выступающій историческимъ мысомъ *Левкимни*. Пока мы выбрались за него, солнце уже сѣло, и мы потеряли случай полюбоваться его погруженіемъ въ морскія волны. Впрочемъ, пресловутая своими бурями *Адріатская пучина* на сей разъ была тиха и ровна, какъ скатерть, и вся какъ бы горѣла, отражая въ се-

огласилось въ печати Эллинской, что Россія протестовала противъ великодушнаго поступка Англіи... Вѣроятно, поводомъ къ тому было единоличное рѣшеніе Англіею вопроса, подлежащаго суду всей Европы. Но выступить съ протестомъ первой (пусть даже послѣдней) единовѣрной и «единомысленной» Россіи (если она точно выступила) едва ли было политично.

бѣ неописанную игру красокъ солнечнаго зарева. Впереди уже показался островокъ *Паксо*. Вечерній сумракъ навѣвалъ на душу тишину и раздумье. Шумъ и говоръ смолкали на пароходѣ. Сижу на кормѣ одиноко и перевожу въ памяти переѣздъ мой по этимъ же мѣстамъ за 13 лѣтъ передъ этимъ. Подъ живымъ воздѣйствіемъ тогда еще новаго для меня Востока съ его классическою и церковною жизнію, я заботливѣе относился въ то время ко всему, что подсказывала заученнаго или вычитаннаго о томъ или другомъ мѣстѣ память, въ виду самаго мѣста. Плывя тутъ по *Іонійскому морю*, я, помню, старался угадать тотъ пунктъ, на которомъ какого-то корабля пассажирамъ вдругъ открылась бездна ада, изъ которой выходили вопли и стоны мучимыхъ грѣшниковъ. Ради сего случая, имѣвшаго мѣсто 2-го числа Ноября, будто бы и установленъ Латинскою церковію праздникъ omnium fidelium defunctorum. Неясно теперь обрисовывается въ памяти моей передаваемое обстоятельство, но тогда я несомнѣнно зналъ, и когда оно случилось, и кѣмъ передано во всеобщее свѣдѣніе, и даже гдѣ о немъ найти подробное сказаніе. По поводу его, приходитъ на память и другой курьезный разсказъ, еще менѣе свидѣтельствованный, чѣмъ тотъ, и тоже пріурочиваемый къ этимъ мѣстамъ. Гдѣ-то я читалъ или просто слышалъ, что когда фальшивые крестоносцы, овладѣвъ Константинополемъ, расхищали его святыню, то взяли между прочимъ и престолъ изъ церкви Св. Софіи, весь изъ золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ, и повезли его въ свою Италію, но чуть отдалились отъ христіанскихъ (Греческихъ) береговъ, какъ случилась страшная буря, потопившая и корабль и престолъ. Съ тѣхъ поръ на мѣстѣ крушенія судна и доселѣ будто бы плаваетъ елей и благоухаетъ ладанъ. Третій, самый интересный случай, имѣвшій мѣсто тоже гдѣ-то здѣсь и притомъ въ болѣе глубокой древности, потерялъ уже для меня весь свой историческій обликъ. Помнится одно, что какое-то (еще разъ!) судно, проходя Іонійскимъ моремъ, вдругъ остановилось,

и съ неба въ уши всѣхъ прогремѣлъ голосъ: *Богъ умеръ!* Случилось же это будто бы въ день смерти Господней, при Тиверіѣ Кесарѣ [1]). Какъ не назвать послѣ сего этотъ лоскутокъ Средиземнаго моря ни чѣмъ же меньшимъ въ столькихъ именитыхъ пунктахъ его — Саламинскомъ, Актійскомъ, Лепантскомъ, Чесменскомъ, Наваринскомъ... Ему бы носить имя *Архипелага*, а не *Козьему* (Эгейскому) морю, извѣстному только соблазнительными похожденіями эллинскихъ боговъ и героевъ!

Въ *Гайской* пристани острова *Паксо* мы простояли всего минутъ 30 и понеслись далѣе, напутствуемые слабымъ вѣтеркомъ, о которомъ такъ пришлось пожалѣть намъ, имѣющимъ преимущество спать въ каютахъ. Духота была почти банная. Попытка пріютиться гдѣ нибудь съ подушкой на палубѣ, не повела ни къ чему. Тамъ яблоку негдѣ было упасть. Все занято было людомъ, не имѣвшимъ гдѣ главы подклонити. На разсвѣтѣ, чуть я охваченъ былъ желанною дремотою, надъ головой прогремѣла якорная цѣпь. Мы пришли въ *Кефалонію*. Дорогое имя, привлекавшее изъ дѣтства мое воображеніе, не подняло измученнаго безсонницей тѣла на ноги. Кстати въ каютъ-компаніи я

---

[1]) Теперь я имѣю возможность передать случай точнѣе. Перевожу, что вычиталъ у *Звалларта*, о которомъ уже упомянуто выше (стр. 557.): «Два эти острова изъ числа Эсхинадовъ, называются *Паксы*. И во время, когда царствовалъ надъ Римскою Имперіей Тиберій Цезарь (какъ пишутъ *Плутархъ* и *Филостратъ*), случилась на мѣстѣ этомъ странная вещь, а именно: одинъ корабль нагруженный товарами, шелъ изъ Египта и направлялся въ Италію. По недостатку вѣтра онъ остановился, и когда пассажиры кончили свой обѣдъ, послышался громкій голосъ, шедшій отъ одного изъ этихъ островов, звавшій три раза пилота корабля *Θама* (Thamus). Въ третій разъ зовъ былъ такъ силенъ, что всѣ на кораблѣ совѣтовали Θаму отозваться и спросить, что хочетъ вопрошающій. Тогда голосъ отвѣтилъ и приказалъ ему, что когда онъ поравняется съ *Паксами* и *Плати* (теперь неизвѣстное мѣсто. На одной картѣ острововъ видится на западномъ берегу большаго острова имя: Lapiplatica), пусть кричитъ во весь голосъ, что великій Панъ умеръ. Когда онъ это сдѣлалъ, вдругъ послышались множество плачущихъ голосовъ». Книга прибавляетъ, что *Евсевій* относитъ обстоятельство это къ смерти Спасителя. Любопытный пусть справится и у Евсевія и у Плутарха съ Филостратомъ.

разслышалъ суровый лаконизмъ Г. Зóто: Δὶ ἔξω ὄχι! т. е. нѣтъ позволенія сходить на берегъ, что окончательно заставило меня предаться сну. Такимъ образомъ я не видѣлъ Кефалонской столицы *Аргостóли*, о чемъ теперь конечно жалѣю. Городъ хотя не большой, но красивый, по общему говору. Лежитъ онъ въ глубинѣ залива, узкою полосою вошедшаго внутрь острова, на восточномъ берегу его, имѣя противъ себя на Западномъ берегу другой городъ *Ликсу́ри*. Въ административномъ отношеніи они служатъ дополненіемъ одинъ другому. Въ обоихъ насчитывается до 20.000 жителей и до 70 церквей. Сообщеніе между ними на лодкахъ, и въ бурное время переговариваются одна сторона съ другою сигналами. По разсказамъ товарища, стоило и стоило взглянуть на все это. Но... когда я былъ въ состояніи сдѣлать это, Омонія наша была уже такъ далеко отъ мѣста желанныхъ наблюденій, что весь громадный островъ сливался для глаза въ одну фіолетовую пирамиду, безъ всякихъ выдающихся характеристическихъ особенностей. Въ утѣшеніе себѣ я набросалъ карандашомъ его раккурсный очеркъ въ записную книжку. Стояли мы въ Аргостоли менѣе часа, да и этотъ краткій срокъ былъ почти совсѣмъ не нуженъ. Высадка и посадка нѣсколькихъ пассажировъ была дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Товарнаго груза никакого. Взамѣнъ его островъ послалъ пароходу одну вѣскую даму, съ разу обратившую на себя общее вниманіе публики своими величественными пріемами, что составляетъ рѣдкое явленіе между Греками, не знающими ни княжескихъ, ни графскихъ, ни какихъ бы то ни было титулованныхъ родовъ. Оказалось, что это еще одинъ (разумѣется генеалогически недоказанный) отпрыскъ многочисленныхъ царственныхъ династій Византійскихъ. *Палеологами* еще доселѣ богатъ Востокъ, равно и *Кантакузиными*. Слыхать и о *Комниныхъ*. Въ Аѳинахъ есть *Рангави*, есть *Дуки*, въ Константинополѣ — *Аргиропулы*... Теперь пришлось встрѣтиться еще съ историческимъ именемъ *Фокá*, родовымъ императора Никифора II, принад-

лежащаго X вѣку, и славнаго побѣдами надъ Русскими. Несмотря на этотъ нерасполагающій прецедентъ, мы, не въ примѣръ другимъ, были обласканы вниманіемъ госпожи и отъ нея узнали подробности о мѣстномъ Святомъ острова, преподобномъ *Герасимѣ*, котораго нетлѣнные останки почиваютъ въ монастырѣ его имени и славятся чудотвореніями.

Впереди насъ все болѣе и болѣе раскрывался островъ *Закинѳъ* или *Зантъ* — по европейской картографіи. Доброй памяти знакомые мнѣ закинѳіоты въ разсказахъ о своей родинѣ не находили словъ для описанія ея райскихъ красотъ. Вѣчная весна, неувядаемая зелень, не перестающее плодоношеніе, мягкая земля, съ примѣсью волканическихъ веществъ, чистый ароматическій воздухъ, кругомъ море... все имъ казалось необыкновеннымъ, исключительнымъ, далеко превосходящимъ даже сосѣднюю Элладу съ ея классическими красотами. Издали островъ не казался такимъ, и представлялъ взору столько извѣстныя, общія всѣмъ островамъ Архипелага, голыя и сухія очертанія высокихъ горъ, отлого сходящихъ къ морю, и тутъ кое-гдѣ опушенныхъ растительностію. Прямо передъ носомъ корабля нашего торчали выдавшіеся въ море два холма, изъ коихъ передній представлялся весь состоящимъ изъ густо зеленѣющихъ террасъ. Вѣроятно, это и есть гора: *Скопосъ*, съ монастыремъ на вершинѣ ея, о которой мнѣ и прежде случалось слышать, какъ о любимомъ мѣстѣ прогулокъ горожанъ. А вотъ и самый городъ тянется пестрой полоской въ край моря. Высокая колокольня на подобіе Венеціанской святаго Марка и стольких другихъ въ Итальянскомъ стилѣ обозначаютъ центральную площадь города, соименнаго острову. Прямо противъ нея Омонія бросила якорь и немедленно окружилась цѣлою армадою лодокъ, приглашавшихъ на берегъ охотниковъ до прогулокъ. Я былъ первый изъ нихъ, но строгій Κύριος Κομανδάντης вторично сегодня произнесъ свое лаконическое: δὲ ἔξω ὄχι! Непріятно было

слышать такое, совсѣмъ напрасное veto, но нечего было дѣлать! Переѣздъ до берега требовалъ всего минутъ 5—6, и несомнѣнно можно было успѣть не только поклониться главной святынѣ острова— мощамъ святаго *Діонисія*, мѣстнаго угодника Божія [1]), котораго храмъ съ упомянутой колокольней проектировались на самой набережной, но даже и пройтись по городу. Пароходъ остановился въ 10 часовъ и 50 минутъ, и простоялъ на мѣстѣ до ½ 12-го часа, слѣдовательно въ распоряженіи нашемъ было около 40 минутъ. Утѣшились аргументомъ a deteriori: могло случиться на берегу что нибудь неожиданное, чтò бы, независимо отъ всѣхъ усилій нашихъ, задержало насъ тамъ на двѣ минуты лишнихъ, въ которыя неумолимый капитанъ Зотосъ показалъ бы намъ „плещи своя", т. е. ушелъ бы отъ насъ съ своей *Дихоніей* (разномысліе) вмѣстѣ, какъ это уже не разъ въ жизни мнѣ довелось испытать, при другихъ обстоятельствахъ.

Дѣлаемъ поворотъ къ востоку, и направляемся почти прямо къ сѣверу, т. е. назадъ, откуда пришли. *Кефалонія* и *Закинѳъ* стоятъ какъ бы на стражѣ именитаго историческаго залива, зовомаго то *Коринѳскимъ*, то *Навпактскимъ*, то *Лепантскимъ*, правильнѣе — *Левантскимъ*, восточнымъ по отношеніи его къ Италіи, на языкѣ которой Levante значитъ: востокъ. Первый взглядъ на карту мѣстъ этихъ убѣждаетъ, что Кефалонія когда-то составляла одинъ материкъ съ

---

[1]) Оба святые *Герасимъ* и *Діонисій* принадлежатъ къ такъ называемымъ *новымъ*. Первый умеръ въ 1579 г., второй — въ 1624 году. Святый Герасимъ въ теченіе своей жизни обошелъ весь христіанскій востокъ, прожилъ въ Іерусалимѣ 12 лѣтъ, и по примѣру Христа 40 дней постился въ пустынѣ Іорданской. Еще при жизни прославился чудомъ. Въ устроенномъ имъ (въ Кефалоніи) женскомъ монастырѣ одна монахиня упала въ колодезь. Преподобный держалъ ее надъ водой и звалъ сестеръ на помощь до тѣхъ поръ, пока тѣ услышали его голосъ, и вытащили утопавшую. Святый Діонисій (на нѣсколько времени епископъ Эгины), имѣя нужду однажды перейти черезъ рѣчку, полную воды, остановилъ теченіе ея, и перешелъ вмѣстѣ съ діакономъ по суху. Самое древнее повидимому названіе его: *Крисскій*, отъ города *Криссы*, процвѣтавшаго когда-то на сѣверномъ берегу его.

твердою Греціей, а Закинѳъ — съ Пелопоннисомъ. И странное дѣло! Черта раздѣленія, существующая между Стереоэлладитами и Мораитами замѣтна и между населителями того и другаго острова. Кефалонцы — кинжальщики, а закинѳіоты — пѣсенники. Таже ли характеристика обѣихъ упомянутыхъ половинъ Греціи, не берусь сказать. Пѣсенъ больше на сѣверной полосѣ, а ножей... вездѣ много.

Берегъ Пелопонниса очерчивается хорошо, но полдневое солнце, заливающее его своими лучами, мѣшаетъ разглядывать подробности. По цвѣту красокъ ясно отличается выступающая въ море полоска отъ далеко за нею стоящихъ, высокихъ горъ. Карта учитъ, что выступающая на встрѣчу намъ часть есть широкій мысъ, называвшійся въ древности *Черепашьимъ*, на сѣверной сторонѣ котораго былъ городъ *Каллина*, служившій пристанью *Элидѣ*, *(Илидѣ* — по теперешнему произношенію), столицѣ соименной области, игравшей весьма значительную роль въ былое время, особенно же славившейся своими *Олимпіями*, давшими имя пресловутому счисленію по олимпіадамъ. И ее — солнечную [1]) — мнѣ когда-то крѣпко хотѣлось видѣть, и такъ сказать ощупать своими руками, но самое же солнце своими непомѣрными іюльскими ласками помѣшало мнѣ сдѣлать это (въ 1853 г.). Не стало конечно давнымъ давно ни столицы, ни ея порта на морѣ. Послѣдній впрочемъ, черезъ много вѣковъ, воскресъ и былъ даже славенъ во время Франкскаго владычества въ Греціи, подъ именемъ *Кларенціи*

---

[1]) Отъ: ἥλιος—солнце, хотя едва-ли строгая этимологія не приведетъ насъ тутъ вмѣсто Аполлона къ Посидону. На всѣхъ древнихъ монетахъ элидскихъ читаются буквы F. A... предположительно начальныя имени ΗΛΙΣ. Книжная буква Н по народному (Дорическому) произношенію слышалась, какъ наше э отворотное, или и еще шире, какъ *А*. Буква же F есть вышедшая потомъ изъ употребленія, дигамма — не горловое, а язычное «придыханіе», почти свистѣніе. А въ такомъ случаѣ, слово: ἧλις надобно производить отъ F ΑΛΣ — море, соленая вода, а не отъ Ἡλ... Странно, что надъ ἧλις ставится *тонкое* придыханіе у лексикографовъ.

или проще *Глареницы*, ставшей даже резиденціею *Дуковъ* (герцоговъ), но какихъ именно, не могу сказать, повелѣвавшихъ ли всею Ахаіею, т. е. сѣверною частью Пелопонниса на правахъ государей, или только делегатовъ Венеціанской республики. Отъ временъ „дукальныхъ" тамъ остались огромныя развалины крѣпости, дворца, церкви и прочее, около которыхъ пріютились десятка полтора убогихъ хижинъ.

Пронеслась мимо и эта картина, болѣе воображаемая, чѣмъ дѣйствительная. Мы поворачиваемъ къ Востоку и идемъ вдоль плоскаго берега Элиды, любуясь громадою далекихъ горъ — одною изъ четырехъ высочайшихъ точекъ гористаго Пелопонниса. Это классическій *Эриманвъ*, по теперешнему названію: *Олендсъ* или *Олонósъ*, вершина котораго только на полтораста футовъ не достигаетъ цифры 7.000! Славный видъ. Снимаю его, на сколько умѣю, въ записную книжку. На Сѣверѣ показываются очертанія материка. Значитъ, мы оканчиваемъ *Іонійское* море и вступаемъ въ заливъ. Западная оконечность видимаго далекаго берега несомнѣнно есть островъ *Строфады*, извѣстный своимъ скалистымъ видомъ, бурунами и монастыремъ, въ которомъ нескончаемый шумъ прибоя волнъ дѣлаетъ неслышимою человѣческую рѣчь. Вотъ гдѣ посидѣть привыкшему къ лжеименному „шуму" столичной жизни! Но, время сказать и о томъ, исторически памятномъ шумѣ, которымъ оглашались мѣста эти много лѣтъ назадъ, при первой военной встрѣчѣ соединенной Европы съ наводившею паническій страхъ на тогдашній міръ армадою Оттоманскою. Морскими державами христіанскими тогда считались Испанія и Италія, т. е. по преимуществу Венеціанская республика. У нихъ набралось 205 большихъ и малыхъ кораблей [1]). Турецкій флотъ состоялъ изъ 240 большихъ

---

[1]) Свѣдѣнія взяты мною изъ греческой брошюрки: περὶ τῶν δύο περιωνύμων ναυμαχιῶν, *Тиммаха Влассопуло*. Аѳины 1857. Испанскихъ кораблей было 70, Венеціанскихъ 114, Папскихъ 12, Мальтійскихъ 6 и Савойскихъ 3.

и 40 малыхъ боевыхъ судовъ. 7 Октября 1571 года произошла битва, прославившая имя начальствовавшаго Испанскимъ флотомъ Австрійскаго герцога *Іоанна* (Донъ-Жуана). Чуть не весь день турецкая сила постоянно брала верхъ. Уже вечеромъ, въ половинѣ 5-го часа отчаянными усиліями христіанъ все вдругъ приняло иной видъ. Бой сдѣлался рѣзнею. Море приняло багровый цвѣтъ. Только 40 галеръ турецкихъ успѣли спастись, 130 были взяты побѣдителями, 90 были сожжены... 30.000 турковъ были убиты, 3.000 взяты въ плѣнъ и 15.000 христіанъ, въ цѣпяхъ служившихъ у варваровъ, освобождены. Нечего говорить о томъ, какое ободряющее впечатлѣніе на весь тогдашній христіанскій міръ произвело это славное дѣло [1]). Насъ тогда, конечно, и въ поминѣ не было, и не только насъ, но и упредившихъ насъ въ морскомъ дѣлѣ французовъ и англичанъ. Наверстали мы — всѣ трое вмѣстѣ — свою долю славы за то, много лѣтъ спустя, въ кровавой драмѣ *Наваринской,* стоившей преславной въ свое время побѣды Левантской.

Все яснѣе очерчивается сѣверный берегъ, а южный, такъ сказать, подъ бокомъ у насъ. Любуемся его мѣняющимися видами, и огибаемъ мысъ *Калогрея* (монахиня), иначе: *Каво-папá* (поповъ мысъ), въ стари-

---

[1]) Славу его увеличиваетъ одно обстоятельство чудеснаго оттѣнка или отсвѣта. Разскажемъ его словами одной старой книги, писанными всего 15 лѣтъ спустя послѣ великой баталіи: La susdite victoire fut certainement obtenue miraculeusement, car l'ennemy au milieu de ses fortes retraictes, et plus grand en nombre tant de vaisseaux que d'hommes, fut vaincu sans doubte, plus par les oraisons et larmes des pieux et devotz chrestiens, que des glaives des combatans. Ce que l'on aperceut lors, par ce que à l'abordée le vent se montroit contraire aux Chrestiens, et venant au combat, il se tourna subitement en leur faveur... Авторъ прибавляетъ, что папа Пій V въ это время учредилъ всенародныя моленія о побѣдѣ, и самъ avoit esté lors deux ou trois nuictz toutes entieres en son Oratoire cubiculaire incessament priant, et que luy sortant du matin de ce lieu, le jour suivant la deffaite desditz turcs advenue, il dit (comme s'il en eust eu revelation, car iusques lors on n'en pouvoit avoir nouvelle) que les chrestiens estoient vainqueurs... etc. Le tres—devot Voyage de Jerusalem... par Jean Zvallart. Anvers. 1626, pag. 116.

ну называвшійся *Араксъ*, далеко выступающій въ море, за которымъ начинается самый заливъ Левантскій, или собственно его голова, отдѣляемая отъ туловища своего рода Гибралтаромъ, или сходственнѣе Дарданеллами,—проливомъ *Ріонъ*, до котораго мы повидимому не дойдемъ сегодня. Все держимся праваго берега, на которомъ уже профилируется знакомая мнѣ громада горъ, зовомая теперь *Водьясъ*, а въ старину носившая громкое имя: *Панахаикбнъ*, т. е. гора всей Ахаіи, около 6.000 ф. высоты. А съ противоположнаго берега помаваетъ воображенію громкое имя *Миссолонги*, окруженное геройскими образами „агонистовъ“: *Мяули*, *Боцари*, *Дзавела*, *Грива*, *Иско*, *Бейко*, *Влахопуло*, *Мавромихали* и столькихъ другихъ, съ прибавкомъ къ нимъ славнаго *Байрона*. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я еще видѣлъ лѣтъ 15 назадъ тому, но уже въ состояніи развалинъ. Несомнѣнно, что то были герои и не для своего только муравейника, какъ бездушный критицизмъ, въ отместку за прежнее увлеченіе, готовъ бываетъ представить иногда все дѣло Греческаго возстанія. Миръ имъ—и именамъ тѣмъ, и дѣламъ тѣмъ, и мѣстамъ тѣмъ! Оглушающій грохотъ взорваннаго пороховаго погреба, съ тысячью летящихъ въ воздухъ тѣлъ какъ защитниковъ, такъ и завоевателей мѣста, вѣдь не слышится болѣе, и тамъ гдѣ чернѣли лужи запекшейся крови съ выникающими изъ нихъ костями, зеленѣетъ лугъ съ благовонными цвѣтами... Чегожъ еще нужно для забывчиваго неисторическаго чувства, равнодушнаго ко всему, что стоитъ за предѣлами переживаемой минуты? А таковы именно теперь мы—туристы, да еще подъ часъ и панслависты, которыхъ только дразнятъ, а вовсе не увлекаютъ имена *Бочара*, *Забѣлы*, *Гривы*, *Бей-ка*, *Мяу*... и проч., едвали когда нибудь хотя чѣмъ нибудь заявившихъ свое сочувствіе славянскому дѣлу въ Турціи, а о насъ, когда-то безнадежно боровшихся съ татарами, вѣроятно никогда и не помышлявшихъ.

3 часа. Передъ глазами у насъ плоскій берегъ, усѣянный пест-

рыми камнями, которые, по мѣрѣ приближенія нашего къ нимъ, принимаютъ геометрическія очертанія и наконецъ превращаются въ дома. Это городъ *Пáтры*. Тутъ намъ обѣщана долговременная остановка. Брошенъ якорь. Снуютъ вертлявыя лодки, разносящія шумъ и гамъ кругомъ неистово ревущей въ отвѣтъ имъ Омоніи. Сцена, надоѣвшая своимъ типическимъ безобразіемъ. Здѣсь какъ будто его было даже больше на значительную долю, чего и ожидать слѣдовало. Вѣдь мы были въ Мореѣ, отчизнѣ пресловутыхъ Ираклидовъ, нашумѣвшихъ на всю современную имъ исторію до пресыщенія. Хотя Константинъ Багрянородный и утверждаетъ, что Пелопоннисъ въ одно время весь былъ *ославяненъ* (ἐσκλαβώθη), чѣмъ даетъ поводъ не одному ученому зубоскалу отыскивать въ нынѣшнихъ Морейцахъ славянъ, но на взглядъ патріотовъ такое мнѣніе есть чуть не хула на Св. Духа, на самомъ же дѣлѣ не только Мораитскіе греки, но и арваниты тамошніе суть чистокровные Эллины, прямые потомки Иракла, сына Зевсова... Заговорить объ этомъ и вѣроятно не въ первый уже разъ на сихъ страницахъ, побуждаетъ меня сей часъ же встрѣченная мною „геройская“ сцена между лодочниками, передъ которою блѣднѣетъ та классическая ругань ἐξ ἁμάξης (съ телѣги), что̀ слышалась въ какіе-то праздники по дорогѣ изъ Аѳинъ въ Элевсину въ старое нецензурное время. Я думалъ, что дѣло дойдетъ до Ираклова *рóпала* (ῥόπαλον дубина особыхъ размѣровъ, съ которою рисуютъ Геркулеса) и что храбрый Апостóли оставитъ по крайней мѣрѣ безъ головы (подъ ударами четырехъаршиннымъ весломъ) побѣдоноснаго Маноли. Кстати онъ сегодня имянинникъ и дольше махалъ рукой въ церкви, чѣмъ его соперникъ. Но ширь морская помогла разойтись Ираклидамъ. И изъ за чего вышелъ весь *кавгáсъ* (гвалтъ)? Изъ за того, что я, нанявши лодку Маноли, державшуюся за лодкой Апостоли, долженъ былъ перейти въ ту черезъ эту! Благополучно пристаемъ къ берегу. Вторично привѣтствую Апостольскій городъ. За 13 лѣтъ онъ не могъ измѣнить-

ся много, и оріентироваться въ немъ я могъ безъ затрудненія. Былъ же я совершенно одинъ. Товарищъ остался на пароходѣ. Иду къ соборной церкви *Евангелистріи* (Благовѣщенской). Былъ часъ вечерень. Нахожу храмъ отвореннымъ. Вхожу и не встрѣчаю внутри ни одной души. Такъ прошло нѣсколько минутъ, и вдругъ своды храма оглашаются самою жестокою бранью. Кто-то укоряетъ кого-то въ неисправности самыми не лестными выраженіями, и чуть укоряемый заикнется въ намѣреніи оправдать себя, на него льется цѣлый потокъ ругательствъ. Я спрятался за столбомъ, чтобы не показать, что есть свидѣтель неприличной сцены. Мимо меня прошелъ въ алтарь съ понуренною головою священникъ. Это его такъ отдѣлалъ „эпи́тропъ"— родъ нашего старосты—церкви за то, что онъ замедлилъ придти къ вечернѣ. Довольный своею расправою, еще одинъ изъ Ираклидовъ исчезъ изъ церкви прежде, чѣмъ я собрался съ духомъ, подъ предлогомъ покупки свѣчки, разговориться съ нимъ о томъ, какого духа была дѣйствительная Евангелистрія, на которую онъ такъ напиралъ въ своей несдержанной филиппикѣ противъ духовнаго лица. Съ опущенною головою шелъ и я далѣе по улицѣ, и долго не замѣчалъ, что какой-то пѣшеходъ ищетъ пристать ко мнѣ. Обыкновенно чутьемъ угадываешь такого приставателя. Мое напускное невниманіе къ нему только назойливѣе дѣлало его, и завершилось съ его стороны пожеланіемъ мнѣ добраго вечера. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ отнѣкиваній, пришлось разговориться. Это былъ еще молодой человѣкъ съ лучшими пріемами. Онъ сказалъ мнѣ, что слѣдилъ за мною отъ самой пристани, что онъ и отецъ его и дѣдъ всегда были всею душою преданы Россіи, и старались, на сколько принимались ихъ услуги, служить ей безъ всякихъ видовъ и интересовъ. Когда было въ Патрахъ Генеральное Консульство Русское, и фамилія *Ламбринд* была въ ходу и въ почетѣ... Оказалось далѣе, что мы, если напрасно открывали въ ихъ городѣ *Генеральное* Консульство, то еще напраснѣе

совсѣмъ закрыли его. Ни простаго Консульства, ни Вице-Консульства, ни даже Агентства Консульскаго не оставили тутъ, совсѣмъ ушли, къ глубокой скорби всего края, распинавшагося со временъ Каподистріи постоянно и неизмѣнно за русское имя... [1]) На всю эту реплику я нашелъ благоразумнымъ отвѣчать одно, что я и по званію своему и по мѣсту нахожденія своего никакого отношенія не имѣю къ дѣламъ Эллады, и въ настоящее время есмь просто туристъ, котораго вся задача видѣть, замѣтить и пожалуй отмѣтить въ записной книжкѣ, прочитать и повѣрить, спросить и выслушать, поздороваться и раскланяться... Неохотно этотъ двойникъ нашего пресловутаго Смирнскаго грека-русопета *Христаки* сдѣлалъ видъ, что понялъ мое желаніе остаться одному, и печально отошелъ отъ меня.

Поднимаясь къ акрополю (неизбѣжному въ древнихъ городахъ не только Греціи, но и всего Востока), я осмотрѣлъ по пути еще другую большу́ю церковь *Панда́нассы* (Всецарицы), давно начатую постройкой, обрушившуюся и считавшуюся непоправимою, и древній храмъ *Пандократора* (Вседержителя), когда-то плѣнившій меня своимъ изящнымъ куполомъ. Теперь онъ расширяется и обѣщаетъ быть лучшею изъ церквей Патрскихъ. Бѣгло осмотрѣлъ я и крѣпость, находящуюся теперь въ запустѣніи. Чего нибудь до христіанскаго я въ ней не усмотрѣлъ, кромѣ обломковъ мраморныхъ украшеній и даже статуй, вставленныхъ снаружи въ стѣны. Стѣны же эти носятъ на себѣ характеръ эпохи франкскихъ государей Мореи, и частію Турец-

---

[1]) Въ 1853 г. въ Патрахъ было Вице-Консульство Русское, или собственно Консульское Агентство, но управлявшій имъ г. *Калогераки* за свою долгую службу имѣлъ титулъ Вице-Консула. Потомъ вдругъ, увлекшись не вѣсть чѣмъ, мы открыли тамъ Генеральное Консульство. Понявъ полную ненадобность въ немъ, мы «съ полка кинулись въ снѣгъ», по пословицѣ. Г. *Ламбрино* служилъ при г. Консулѣ, и теперь остался безъ мѣста и безъ дѣла, храня въ своемъ домѣ только ἄρμα καὶ σημαίαν (орла да флагъ). Впрочемъ, при выборѣ новаго короля, успѣлъ собрать въ Патрахъ до 7.000 голосовъ за *нашего* Принца.

каго времени. Никакой нигдѣ надписи не бросилось въ глаза. Спустившись внизъ, я посѣтилъ еще церковь *св. Николая*, въ родѣ Евангелистріи и Панданассы, совсѣмъ новой постройки. Пробираясь оттуда закоулками за городъ, я еще разъ напалъ на приставателя, въ родѣ простаго чичероне, безъ всякихъ заднихъ или переднихъ мыслей. Я прикинулся неразумѣющимъ по гречески, но все таки онъ имѣлъ терпѣніе или упорство провожать меня до самой церкви *св. Апостола Андрея Первозваннаго*. Ее я нашелъ совершенно въ томъ же видѣ, какъ была за 13 лѣтъ передъ симъ. Въ алтарѣ приложился къ гробницѣ Апостола, осмотрѣлъ невидѣнную прежде мраморную плиту съ изображеніемъ (плохимъ и притомъ весьма истертымъ) двуглаваго орла, и при немъ надпись, по видимому стихотворную, коея сохранилось только начало, гласящее: *Святый Андрей возлеталъ въ небеса, какъ орелъ въ высоты, и видѣлъ чисто красоту Бога непостижимую*... Обходя кругомъ церковь, я замѣтилъ въ южной стѣнѣ ея остатки древней постройки изъ огромныхъ камней. Сторожъ церковный объяснилъ мнѣ, что это уцѣлѣвшая часть древней базилики и есть „царская постройка“. При той же стѣнѣ есть нѣсколько древнихъ гробницъ, но безъ надписей, и тутъ же весьма чтимая народомъ *Агіазма*, т. е. родникъ прѣсной воды, коей приписываются цѣлебныя свойства. Были уже сумерки, когда я возвратился на пароходъ, поджидаемый товарищемъ, взамѣнъ моей реляціи о видѣнномъ и слышанномъ, сообщившемъ мнѣ не мало кое-чего о „философѣ“ *Кàмиллѣ*, котораго, въ пику его высокимъ идеямъ, на пароходѣ выкликали именемъ *Хамила* (низкаго) его острословные единоплеменники.

Новый Коринѳъ. 1 Іюля 1865. Четвертокъ.

Съ 9 часовъ *Омонія* стала разводить пары, а въ 10 снялась съ мѣста. Благословивъ ее на всенощное бдѣніе, я въ самыхъ сладкихъ

мечтахъ о завтрашнемъ прерадостномъ днѣ посидѣлъ на палубѣ, но утомленіе отъ ходьбы по городу и начавшаяся легкая качка навели вскорости на мозгъ еще болѣе сладкую дремоту. Не дождавшись потому, пока Посидонъ донесетъ судно наше, какъ перышко, черезъ 50 стадій на своемъ гигантскомъ трезубцѣ къ своему преславному капищу на *Ріонѣ*, мы съ товарищемъ сошли внизъ, оставивши „философа“ доискиваться глубокаго смысла въ томъ, что Ахиллевсъ, сколько бы ни быстро текъ, никогда не опередитъ черепахи. Нашей попыткой объяснить древній паралогизмъ тѣмъ, что подъ черепахой надобно разумѣть Омонію, Патриду и пр., мыслитель остался недоволенъ. Подъ убаюкивающій нескончаемый тактъ машины, мы спали на этотъ разъ безпробудно. Было 5 часовъ утра, когда sior Camerotto громко возвѣстилъ въ каютъ-компаніи: ἤρθαμεν στὴν Κόρινθον! Можно представить, какъ магически подѣйствовало на слухъ золотое слово *Коринѳъ!* По устарѣлымъ понятіямъ, я ожидалъ, что мы придемъ въ лачужный поселокъ *Лутраки*, которому вторитъ на той сторонѣ такой же *Каламаки*. И вдругъ — Коринѳъ! Какая сила сдвинула классическое имя съ пріуроченнаго ему мѣста на морской берегъ? Я поспѣшилъ на палубу, чтобы скорѣе насладиться зрѣлищемъ именитаго города. Мнѣ памятенъ старый городъ, верстахъ въ 5-ти лежащій къ Югу глубже въ материкъ, весьма не пригожій и кончившій тѣмъ, что сталъ ни на что непохожимъ, т. е. совершенно развалился отъ неоднократныхъ землетрясеній. Теперешній приморскій выселокъ его, еще очень незначительный, обѣщаетъ впрочемъ хорошую себѣ будущность. Мѣсто весьма пригодное для торговаго движенія. Одинъ недостатокъ, но за то капитальный, у него, это — недостатокъ въ прѣсной водѣ, коею богатъ былъ настоящій Коринѳъ — старый, давній, древній, стяжавшій такую громкую извѣстность во *всѣхъ* отношеніяхъ, такъ что въ его цвѣтущія времена обратилось въ поговорку: „не всякому плыть въ Коринѳъ“. У него были двѣ пристани на двухъ моряхъ, *Кенхрей* на

Саронскомъ и *Лехей* на тезоименномъ ему Коринѳскомъ заливѣ, обѣ давно исчезнувшія даже изъ памяти народной. Выстроенъ ли новый Коринѳъ на мѣстѣ Лехея, остается вопросомъ, но что его напрасно отодвигаетъ въ Лутраки г. Рангави въ своей книгѣ: Τὰ Ἑλληνικὰ, съ этимъ согласенъ даже вчерашній нашъ философъ.

Не теряя времени, мы съѣхали на берегъ, заплативши лодочнику на турецкую монету 7½ піастровъ. Это дороже даже, чѣмъ въ столичной Керкирѣ. Объясняется это недостаткомъ конкурренціи, по новости мѣста. Вскорѣ мы познакомились еще и съ третьимъ недостаткомъ, вовсе не предвидѣвшимся мною, когда я говорилъ о прѣсной водѣ. Отплывая отъ Омоніи, мы видѣли на берегу нѣсколько колясокъ, обязательно перевозящихъ пассажировъ черезъ перешеекъ въ Каламаки, и тамъ сдающихъ на другой пароходъ того же общества, который уже доставляетъ ихъ въ Пирей. Когда мы ступили на берегъ, послѣдняя изъ колясокъ готовилась отходить. Мы обратились съ своими билетами къ агенту общества и заявили желаніе немедленно ѣхать. Намъ сухо отвѣтили, что мѣста въ коляскѣ уже заняты упредившими насъ пассажирами, и что намъ придется подождать, пока подойдутъ *оттуда* другія коляски. Нечего дѣлать, оставалось ждать, хотя мы, какъ пассажиры 1-го класса, имѣли формальное право на предпочтеніе другимъ. Чтобы скоротать время, я принялся за чтеніе и утѣшился курьезнымъ сообщеніемъ Τῶν Ἑλληνικῶν, что во времена извѣстнаго въ классическомъ мірѣ царя или тиранна Коринѳскаго, *Періандра*, лѣтъ за 600 до Р. Х., въ Лехейской пристани собрались всѣ пресловутые *седмь мудрецовъ* древности и были гостями у *восьмаго*—Періандра. Зашла рѣчь у нихъ о томъ, какое изъ правительствъ самое лучшее? Пусть Лехейская пристань была именно здѣсь. Любопытно потому подслушать, что говорятъ мудрые люди о самомъ мудреномъ изъ вопросовъ соціальныхъ. *Солонъ:* то, въ которомъ необижаемые выдвигаются впередъ не менѣе обидимыхъ (??), и наказываютъ обид-

чиковъ. *Віасъ*: то, въ которомъ законъ занимаетъ мѣсто тиранна, пусть и царя. *Θалисъ*: въ которомъ нѣтъ ни богатыхъ ни бѣдныхъ. *Питтакъ*: въ которомъ злымъ не дается начальство. *Клеовулъ*: въ которомъ граждане боятся болѣе укора, чѣмъ закона. *Хилонъ*: которое слушается болѣе законовъ, чѣмъ риторовъ. *Анахарсисъ*: въ которомъ, при равенствѣ всѣхъ, добродѣтель считается за лучшее, а зло за худшее. Любопытную подачу голосовъ Періандръ заключилъ своимъ мнѣніемъ. То, сказалъ онъ, въ которомъ начальствуютъ не многіе изъ лучшихъ, за что и причисленъ древностію самъ къ мудрецамъ. Хорошо все это, но вотъ уже цѣлый часъ прошелъ, а коляски все нѣтъ. Отъ скуки я пошелъ разсматривать микроскопическій городъ, а товарищъ остался на сторожѣ на берегу. Слышу, гремитъ желанная *áмакса*, но прежде, чѣмъ я дошелъ до берега, экипажъ уже умчался обратно. Нахожу спутника страшно разгнѣваннымъ. У него была схватка съ агентомъ, наговорившимъ ему кучу грубостей и усадившимъ въ коляску своихъ знакомыхъ; я отправился въ агентурную бараку за объясненіями, но на свой протестъ получилъ холодный отвѣтъ, что мы можемъ жаловаться кому хотимъ, если считаемъ себя обиженными. Агентъ не захотѣлъ болѣе говорить со мной и на мое замѣчаніе, что такимъ образомъ мы можемъ не попасть на Каламакскій пароходъ, даже не поворотилъ ко мнѣ головы своей. Ну, что? Встрѣчаетъ меня раздраженно товарищъ. Да то, что сказалъ Питтакъ, отвѣчаю я, а именно, чтобы не дожидаться болѣе, какъ милости, того, на что мы имѣемъ право. Пождавъ еще напрасно съ полчаса, мы сдали свой багажъ на кару (длинную телѣгу), имѣвшую везти пожитки палубныхъ пассажировъ, давно ушедшихъ пѣшкомъ въ Каламаки, и слѣдомъ ихъ пошли сами, вооружившись одними зонтиками и мстительными помыслами противъ нѣкоего *Θеодораки Триппа*, афронтировавшаго такъ неполитично чужеземцевъ. Фамилія человѣка посмѣвательно напоминала мнѣ греческую поговорку (τρύπα σ'τὸ νερὸ), которую не стыдно была

бы изрѣчь какому нибудь девятому мудрецу, хотя въ формѣ правила: не дѣлай диры въ водѣ!

Прекрасная погода съ утренней прохладой, чистый ароматическій воздухъ, ровная, укатанная дорога, окружающая ее зелень, видъ горъ, историческія воспоминанія, припамятованіе собственнаго двукратнаго переѣзда по перешейку въ болѣе цвѣтущія лѣта жизни—мало по малу ослабили непріятное впечатлѣніе новокоринѳскихъ приключеній нашихъ. Бесѣдуя о временахъ минувшихъ, мы коротали время. Попала намъ и коляска на встрѣчу, но мы уже рѣшились, на память временамъ грядущимъ, докончить свой пѣшеходный подвигъ. Открывшееся наконецъ передъ нами широкое море Эгейское прибавило намъ силы и охоты, и къ 12 часамъ мы добрели наконецъ, подъ палящими лучами солнца, до Каламакской кофейни, употребивши на переходъ черезъ пресловутый *Эксáмилонъ* (шестимиліе) безъ малаго 2 часа. Пароходикъ *Іонія* покачивался на рейдѣ и совсѣмъ еще не думалъ надувать себя парами. Однако же всѣ наши сопассажиры Омонійскіе были уже на немъ. Мы дождались кары (правильнѣе: *кáра* отъ кáро—сагго, сред. рода) съ вещами своими, заплатили кафеджи́ за подкрѣпленіе 15 піастровъ „проклятою" монетою, да 5¾ за лодку до парохода, и благополучно добрались до Іоніи, гдѣ весело были встрѣчены старыми знакомыми, уже освѣдомленными о нашемъ злостраданіи въ Коринѳѣ и о нашемъ à la Ираклѝсъ переходѣ черезъ перешеекъ. Не скрываемое озлобленіе при этомъ моего спутника, вмѣсто сочувствія и сонегодованія, возбуждало однакоже нѣкотораго рода услажденіе въ слушавшей его Одиссею публикѣ. Мнѣ какъ бы чуялось внутреннее одобреніе ея палликарству досточтимаго *Ѳедорѝ,* отдѣлавшаго скиѳовъ, задумавшихъ распоряжаться въ чужой землѣ. Чтожъ? И по дѣломъ намъ. Вонъ и льстивый единоплеменникъ нашъ *Анахарсисъ,* за двѣ съ половиною тысячи лѣтъ до случая, изрекъ, что въ хорошемъ правительствѣ должна цѣниться добродѣтель, а хулиться—порокъ. И го-

воря это, онъ зналъ, что греческая добродѣтель — ἀρετὴ собственно значитъ: „храбрость“ или паликарья — по нынѣшнему. Ну, вотъ ее и одобряютъ тихомолкомъ. А задай мы, такъ или иначе, трёпку г. Триппѣ, вѣроятно удостоились бы титула добродѣтельныхъ, не смотря на свое иноземство. Удача есть дипломъ на честь, сказалъ нѣкто нѣгдѣ, хорошо знакомый съ духомъ Ираклидовъ древнихъ и... новыхъ.

Давно уже исчезъ изъ вида памятный перешеекъ съ его новымъ Коринѳомъ и новыми Исѳмійскими играми, какъ видно присоединившими къ 4-мъ извѣстнымъ видамъ состязаній, еще пятый: игру кошки съ мышкой. Но пора уже забыть объ „эпизодѣ“ въ виду раскрывающейся великолѣпной картины, которою глаза мои такъ сказать упивались въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ. Вотъ направо стоитъ и какъ бы качается отъ морской зыби фіолетовый островъ *Эгина* съ его красивою коническою вершиною. Налѣво высится (4.200 ф.) и какъ бы дружески говоритъ мнѣ: καλῶς ἦλθες! привлекательная *Геранія*. А впереди, прямо противъ корабля, стоитъ историческій *Саламинъ*, не очень красивый углами, это правда, но громкій своими классическими пирогами, отъ которыхъ и мы когда-то вкушали не изъ лакомства конечно и не изъ голода, а по приказу: „отсюда и досюда“. Кстати, тогда мы — школьники еще не знали, что славное мѣсто зовется теперь... бубликомъ, калачикомъ — κολοῦρι. Огибаемъ рядъ южныхъ мысовъ его, частію мнѣ весьма памятныхъ, и выходимъ въ лицо *Аттики*, стерегомой тремя горными массами, *Имиттомъ*, *Пентѣликомъ* и *Парниѳомъ*.. Приниженно между ними стоитъ острымъ конусомъ *Ликавиттосъ* (Ликабетъ по картамъ), и еще приниженнѣе преименитый холмъ Аѳины Городницы (πολιάδος), или *Акрополь*, за которымъ скрывается самый городъ ея, при имени котораго у меня отъ душевнаго волненія перестаетъ писать рука.

Мы въ *Пиреѣ*. Первымъ дѣломъ нашимъ было освѣдомиться: живъ ли г. *Таволарій?* Мнѣ отвѣчаетъ старый лодочникъ *барба* (дядя)

Яни: переживетъ насъ съ тобой. Кто изъ моряковъ нашихъ незнаетъ Табеллярія, Таваларія, Тавалашки, Тавлинки наконецъ, какъ величали наши офицеры ремонтовщика станціонернаго въ водахъ Греціи, смотря по расположенію духа имѣвшаго съ нимъ дѣло субъекта? То онъ — „человѣкъ незамѣнимый“, то п… преестественный“! Такъ бывало третировали рѣдкаго по своей способности и услужливости человѣка. Разумѣется, мы прямо къ нему отправились, по старой памяти. Отъ него мы узнали, что о пріѣдѣ нашемъ въ Грецію уже было извѣстно въ Пиреѣ, и что нашъ консулъ здѣшній уже освѣдомлялся у него о насъ. Мы сочли долгомъ немедленно отправиться къ своему бывшему знакомому по Константинополю, не такъ давно получившему консульскій постъ въ Элладѣ за то, какъ острилъ одинъ его сослуживецъ, что онъ отлично произноситъ греческую букву Θ. Послѣ отверстыхъ объятій и самыхъ живыхъ распросовъ объ общихъ намъ знакомыхъ, начиная отъ Янины до Царя Града, онъ сообщилъ намъ для прочтенія телеграмму изъ сего послѣдняго, въ коей говорилось, что чуть явится въ Грецію тотъ и тотъ имярекъ, объявить имъ, что ихъ ждутъ въ Константинополѣ. Великіе стосковались по малымъ, заключили мы простовато и были даже тронуты такою заботою о насъ начальства, вовсе не подозрѣвая, чтобы какой нибудь „умыселъ другой“ таила въ себѣ посольская телеграмма. Отъ консула мы прошли къ нашему посланнику при Греческомъ Дворѣ, проживавшему на купальный сезонъ тоже въ Пиреѣ. Именитый сановникъ принялъ насъ дипломатически ласково, даже удостоилъ типическою фразой, что онъ давно желалъ познакомиться съ нами… Его очень занимали тревожные слухи о приближающейся холерѣ, появившейся будто бы уже и въ Смирнѣ и еще ближе гдѣ-то. Не сегодня-завтра, по его мнѣнію, откроется карантинъ и въ Пиреѣ, и намъ по пути въ Константинополь непремѣнно гдѣ нибудь придется выдержать его. Встревожило это и насъ, но что было дѣлать? Бѣжать изъ Греціи съ первымъ пароходомъ, на что по-

видимому намекалъ посланникъ, не имѣло цѣли. Холера шла изъ Египта—Турецкой провинціи, и шла Турецкими городами, слѣдовательно, попавши разъ въ предѣлы Турціи, мы невозбранно потомъ достигали и Константинополя. Развѣ могло совсѣмъ прекратиться рейсовое пароходство? Это одно дѣствительно и смущало насъ. Задуматься надъ этимъ, однако, не далъ намъ вдругъ очутившійся передъ нами, бывшій сослуживецъ мой Аѳинскій о. М*, пріѣхавшій купаться въ морѣ. Онъ сперва завелъ насъ въ купальни Фалерейскія, оказавшіяся столь благовременными для насъ, особенно послѣ сегодняшняго Исѳмійскаго перехода нашего, а затѣмъ усадилъ въ готовую уже коляску, которая понесла насъ по пыльному шоссе въ... Аѳины.

Напрасно искать передать то, поистинѣ какъ бы очарованное состояніе души, въ которомъ она ко всякому знакомому предмету устремлялась съ наивностію младенца, еще не дающаго себѣ отчета, ни что и почему его влечетъ, ни зачѣмъ онъ то или другое дѣлаетъ. На „баранкахъ“ (les Baraques), по срединѣ дороги отъ Пирея въ Аѳины, гдѣ „каруцеры“ дѣлаютъ неизбѣжную водопойную остановку, я почти плакалъ, когда слѣпой бандуристъ, по моему приглашенію, запѣлъ хриплымъ напряженнымъ голосомъ про героя *Карайскáки*. Воскресло чувство первой встрѣчи моей въ 1850 г. съ жизнію края, ставшаго мнѣ оттолѣ своимъ. Говорю „чувство“, а не простая память, потому что на все, по новости положенія моего въ препрославленной странѣ, душа отзывалась тогда съ самымъ живымъ сочувствіемъ. Карайскаки палъ, сражаясь за свободу Греціи тутъ возлѣ теперешнихъ баракъ на широкомъ полѣ. Имя его было *Кара-йскосъ*, но сердечность отношеній къ нему окружавшихъ его и жалостная кончина его въ виду вѣчныхъ памятниковъ минувшей народной славы, дали ему ласкательную форму. Печальное, но славное было его время, а главное—оно, золотое, было время нашей первой юности... Послѣ этого, можно ли было, и въ 1850 и въ семъ 1865 году, безъ умиленія слышать

взятую изъ него, грустную повѣсть? Такимъ же безотчетнымъ чувствомъ близости, ласки и тоски повѣяло на меня и отъ холма *Нимфея* съ изящнымъ зданіемъ *Астроскопіонъ* (обсерваторія); затѣмъ: храмъ *Тезея* (Өисіонъ), холмъ *Ареопага* и вѣнецъ всего — *Акрополь* — проносятся передъ глазами. Смотришь, и самъ себѣ не вѣришь, что это они дорогіе и желанные — опять передъ тобой, такіе же, какъ и всегда, тихіе, вдумчивые, безотвѣтные. Мы окружили послѣдней загородною дорогой, и лицомъ къ лицу очутились передъ исполинскими колоннами бывшаго храма *Зевса* (грамматичнѣе: *Дія*) *Олимпійскаго*. Отъ нихъ уже начинается *Дворцовый бульваръ*, тысячу разъ исхоженный ногами нашими, выведшій насъ къ завѣтному *Дому Калаганову* [1]). Конецъ очарованію. Живая, подвижная, шумная дѣйствитель-

---

[1]) Хозяинъ сего дома, *Григорій Калаганисъ* стóитъ двухъ-трехъ сочувственныхъ словъ. Родомъ съ острова Митилины, онъ рано поступилъ въ духовное званіе, и былъ около 30 лѣтъ сперва Эфимеріемъ, потомъ настоятелемъ Греческой церкви въ Вѣнѣ, гдѣ и скопилъ съ десятокъ тысячъ кремицъ, на которыя выстроилъ въ Аөинахъ большой трехъэтажный домъ, отданный имъ въ наемъ подъ квартиру клира русской посольской церкви. Былъ (давно уже покоенъ) тонкаго ума человѣкъ. Живя долго между нѣмцами, онъ освоился съ ихъ языкомъ, перенялъ нѣкоторыя ихъ привычки, и возвратившись въ Аөины, считался самымъ холоднымъ патріотомъ, и дѣйствительно былъ врагомъ крайностныхъ увлеченій своего племени. Не принадлежалъ онъ, по политическому повѣтрію того времени, ни къ англійской, ни къ французской и всего менѣе — къ русской партіи. Разъ гдѣ-то на бесѣдѣ выхвалялъ онъ русскихъ, къ удивленію всѣхъ знавшихъ его образъ мыслей, завѣряя, что лучше ихъ онъ не видѣлъ людей на свѣтѣ. Да что же въ нихъ особеннаго? спрашиваютъ его. Καλὰ πληρώνουν (хорошо платятъ), отвѣчаетъ онъ безъ запинки. Въ бытность его въ Вѣнѣ еще *Эфимеріемъ* (приходскимъ, подначальнымъ священникомъ) настоятель церкви заставлялъ его служить часто временно, не обращая вниманія на то, есть кто въ церкви или нѣтъ. Разъ, оканчивая литургію и не видя въ церкви никого, онъ вмѣсто того, чтобы сказать: *Спаси Боже люди твоя, и благослови достояніе твое*, произнесъ: Спаси Боже стоялки (по греческому обычаю) твои, и благослови подсвѣчники твои. — Что ты? Съума сошелъ? крикнулъ на него настоятель. — А что? отвѣчалъ тотъ спокойно. Да гдѣ же *люди*-то?.. Самъ покойникъ разсказывалъ намъ это. Былъ онъ нѣсколько времени и ректоромъ Ризаріевской семинаріи въ Аөинахъ. Ученики — жаркіе патріоты обнесли его въ неправославіи за его холодность къ нѣкоторымъ обрядамъ, и его смѣнили. Ἀκοῦς,

ность, съ знакомыми стѣнами, лицами, рѣчами и со всею бытовою обстановкою прежняго времени, сняла со всего мистико-фантастическій покровъ, и пятилѣтняго промежутка между минувшимъ и настоящимъ какъ не бывало! Въ визитахъ къ намъ и отъ насъ прошелъ остатокъ приснопамятнаго для меня дня.

Аѳины. 4 Іюля 1865. Воскресеніе.

Полонъ глубоко радостнаго чувства. Прощался когда-то на вѣки съ дорогимъ, болѣе—роднымъ мнѣ храмомъ, извѣстнымъ въ городѣ подъ именемъ *Никодима*, а у археологовъ *Ликодима* (при обращеніи его въ посольскую церковь нареченнымъ нами *Св. Троицей*), и вотъ еще разъ Богъ привелъ мнѣ принесть въ немъ безкровную жертву! Не назову его дѣломъ рукъ своихъ, но что въ настоящемъ своемъ видѣ онъ есть плодъ моей мысли, потомъ неодолимаго желанія и наконецъ—неусыпнаго попеченія, объ этомъ если не мои уста, то его камни возопіютъ. Это безъ сомнѣнія есть рѣдкій образчикъ Византійской архитектуры изъ эпохи ея процвѣтанія, рѣдкій и по своеобразности плана, и по изяществу, и по размѣрамъ (сравнительно съ другими подобными памятниками въ Греціи одного съ нимъ времени), и даже по сохранности. Для меня онъ былъ даровою, долговременною, и самою пріятною школою изученія христіанскихъ древностей. Мы,

---

говорилъ онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, послѣ своей неудачной ректуры, δὲν φθάνει, ὅτι εἶμαι προτεστάντης ἀλλὰ καὶ ὁ ἴδιος Λυθηροκαλβηνός εἶμαι, δηλαδὴ καὶ ὁ Λύθηρος καὶ ὁ Καλβίνος — μαζή! (Слышь. Мало того, что я протестантъ, нѣтъ, еще самъ Лютерокальвинъ, т. е. и Лютеръ и Кальвинъ вмѣстѣ!) Король Оттонъ пожаловалъ ему орденъ Спасителя 5-й степени. По придворному этикету, онъ долженъ былъ лично поблагодарить Его Величество за награду. По прибытіи его во дворецъ, Авлархисъ (Гофмейстеръ) спрашиваетъ, что ему угодно?—Да вотъ, Его Величество пожаловалъ мнѣ бляху (μανζαφλάρι), такъ я пришелъ благодарить, отвѣчалъ онъ самымъ невиннымъ тономъ. И все таки отказалъ по смерти домъ свой, стоющій около 100.000 драхмъ, той же Ризаріевской школѣ!

такъ сказать, подали другъ другу руку помощи. Утро минувшаго пятка все посвящено было мною исключительно на пересмотръ его сокровищъ архитектурныхъ, декоративныхъ, живописныхъ, рукописныхъ, историческихъ, археологическихъ, топографическихъ... и цѣлаго ряда такихъ, которыя доступны только интимности отношенiй между наблюдающимъ и наблюдаемымъ, усматриваются только зоркимъ глазомъ друга. Надобно было видѣть, въ какомъ достожалостномъ видѣ стояли еще въ 1850 г. развалины прекраснаго зданiя, и какому не пишемому посрамленiю подвергались особенно въ ночное время, чтобы понять всю мою безграничную любовь къ нимъ, преобразившимся по манiю русскаго правительства, въ вещь ненаглядную — bijou, какъ назвалъ нашу св. Троицу въ 1856 г. возвращавшiйся изъ Крыма, побѣдоносный Duc de Malakoff. А та любовь, которая начинается жалѣнiемъ, какъ увѣряютъ психологи, есть самая крѣпкая.

У Аѳинскаго Никодима есть достойный его соперникъ, отдѣляемый отъ него только одною горкой, какъ бы братъ его родной, только старшiй лѣтами, это именитый *Дафнiйскiй храмъ*, загородный и уединенный, пользовавшiйся всегда моимъ глубокимъ сочувствiемъ. Вчера мы ѣздили на поклонъ ему. Нашли его такимъ же, какимъ онъ оставался въ моей памяти съ 1860 г. Планъ его въ сущности тотъ же, что и нашего *Никодима*, только вмѣсто хоровъ кругомъ всей внутренности его, какъ въ томъ, здѣсь вся идея ихъ исчерпывается глухою со стороны самой церкви галлереей, окружающей переднюю часть ея до купола, и образующей (по крайней мѣрѣ теперь) рядъ невзрачныхъ комнатокъ, въ которыя входятъ со внѣ. Другая разница: здѣсь есть, сравнительно—большой притворъ, которому тамъ совсѣмъ нѣтъ мѣста, по плану. По древнему правилу церковной архитектуры, всѣ внутреннiя стѣны до сводовъ включительно, одѣты были мраморными плитами. Поверхъ ихъ шелъ мраморный же съ хорошею рѣзьбой карнизъ, и надъ нимъ уже по всѣмъ сгибамъ и аркамъ сводовъ разсти-

лалось золотое поле мозаическое, изъ котораго выступали, тоже мозаическія, изображенія одинокихъ фигуръ и цѣлыхъ евангельскихъ представленій. Теперь въ обиженной временемъ и изувѣрствомъ церкви вся мраморная облицовка стѣнъ исчезла, карнизъ большею частію еще остался, а мозаическая часть сильно повреждена. Она была и закопчена дымомъ отъ ютившихся въ стѣнахъ храма не одно столѣтіе пастуховъ вмѣстѣ и со стадами, и разводившихъ огонь въ зимнюю пору, но въ 1859 г. мы вмѣстѣ съ П. И. Севастьяновымъ, на сколько могли, промыли ихъ губкой и мокрыми тряпками. Тогда мы насчитали до 70 еще болѣе или менѣе уцѣлѣвшихъ мозаическихъ изображеній въ центральной части зданія, въ алтарѣ и въ притворѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ художники Г. Севастьянова находили даже превосходными. Всѣ ихъ стоило бы снять въ копіяхъ спеціалистамъ иконописнаго дѣла. Они произведеніе болѣе искусной руки, чѣмъ таковыя же въ древней и великолѣпной церкви св. *Луки Елладскаго*, какъ мнѣ казалось въ 1853 году, и несомнѣнно лучше, чѣмъ видѣнныя мною въ Константинополѣ, Никеѣ, Солуни и недавно въ Артѣ, мозаики. Пересмотрѣвъ всѣ ихъ снова, я означилъ въ записной книжкѣ своей подробно, гдѣ, на какомъ мѣстѣ какое изображеніе находится. Жалость дому Божія неотступно слѣдовала при этомъ за мною повсюду. Помню, пользуясь хорошимъ знакомствомъ съ художникомъ, расписывавшимъ al fresco нашу церковь Аѳинскую и пользовавшимся въ свою очередь благосклонностію тогдашнихъ Эллинскихъ Величествъ, я многократно заговаривалъ съ нимъ о необходимости спасти это безцѣнное сокровище и умѣлыми руками, а *царскими издержками* поправить всю внутренность Дафнійскаго храма... Намекъ былъ ясенъ. Разъ онъ меня несказанно утѣшилъ, извѣстивъ, что Е. В. королева *Амалія* изъ своей шкатулки соглашается ежегодно жертвовать на возобновленіе Дафнійскаго храма по 10.000 драхмъ... Но вскорѣ нашъ Herr Künstler Tirsch уѣхалъ въ свою Баварію. За нимъ выѣхалъ и я изъ

прекрасной Греціи въ преславную Византію. А не въ долгѣ послѣ насъ и... Но отъ горечи языкъ мой отказывается договорить остальное.

Дафни было только перепутьемъ намъ въ *Елевсину*, имя которой возбуждаетъ въ душѣ представленія самыя такъ сказать колыбельныя относительно всей Греческой исторіи. Сюда пришла (отсюда: пришествіе, ἔλευσις) невѣсть откуда — первая наставница автохѳоновъ (туземцевъ. Кто они были, покрыто мракомъ неизвѣстности, всего вѣрнѣе, что *Пеласги*), научившая ихъ воздѣлывать землю и приготовлять хлѣбъ. Кто такая въ сущности была пришелица, они не знали. Слышали, что вмѣсто ихъ варварскаго: χϑὼν, она учила звать землю: *Гй*, а по ихъ грубому выговору: *Ди*. Отожествивъ таинственную незнакомку съ самою силою земли, они ея любимымъ словомъ и назвали ее. А потомъ, конечно пристало къ нему почетное: *матерь* (какъ къ Зевсу — pater), и вышла личность высшаго порядка *Дѝмитра*. Услужливое небословіе поспѣшило отыскать ей приличное мѣсто на Олимпѣ: оказалась она ни больше, ни меньше, какъ родная дочь *Реи* „Великой Матери", и родная сестра *Дія*, *Посидона* и *Плутона*!.. Полагать надобно, что первые уроки длинной и уму непостижимой процедуры обращенія невзрачной травки въ хлѣбъ, затмившій собою всѣ плоды древесные, преподавались въ секретѣ, при чемъ неизбѣжны интерны и экстерны дѣла, изъ коихъ сейчасъ же конечно вышли профаны и іерофанты... Въ концѣ концовъ — составились *Элевсинскія таинства*; чистыя и святыя по началу, они могли со временемъ, отъ вліянія распущенной миѳологіи (и можетъ быть отъ близости прогрессивныхъ „мужей аѳинейскихъ"...), принять блазненный характеръ. Для насъ теперь, конечно, это глупая небылица, что Плутонъ похищаетъ Персефону — дядя племянницу и что за послѣднюю заступается Зевсъ — ея отецъ, прижившій ее съ родною сестрою Димитрою. Но представимъ людей, искренно и сердечно вѣрующихъ во все это, того̀ времени — страстно увлекательнаго. Что должна была внушать ихъ уму

и сердцу эта богохульственная свора кровосмѣсителей, которымъ слѣдовало воздавать божескія почести? Не диво потому, если, при всей святости установленія таинствъ, въ нихъ разыгрывались подъ конецъ тайныя, и уже истинно *адскія* дѣла, въ родѣ нашего „свальнаго грѣха". Урокъ великаго дѣла хлѣбнаго естественно сейчасъ же долженъ былъ потерять свой мистическій характеръ. Его конечно и въ поминѣ не было. Главнымъ лицомъ всего Элевсинскаго культа потомъ была уже *Персефона,* богина *Ада* и слѣдовательно всей посмертной будущности человѣка. Припомнимъ, что Плутона на грѣхъ натолкнула Афродита, не вытерпѣвшая намѣренія Персефоны быть „какъ Діана", т. е. остаться дѣвственницей... Далеко ли отсюда до заключенія, что таже анти-дѣвственичная интенція проводилась и въ Персефониныхъ мистеріяхъ?.. Что сказать, наконецъ? Всячески желалось бы, чтобы знаменитыя „таинства" достойны были этого почтеннаго имени. Но христіанскіе писатели (Климентъ Алекс., Тертулліанъ, Ѳеодоритъ, Арнобій) въ одинъ голосъ утверждаютъ о нихъ нѣчто, сводящееся хотя дѣйствительно къ предметамъ „тайнымъ", но вовсе не святымъ и ни отъ кого на свѣтѣ еще не признаннымъ чистыми. Sapienti sat. Обо всемъ вышеизложенномъ мнѣ множество разъ приходилось думать на самомъ мѣстѣ бывшихъ таинствъ. Резюмирую потому теперь свой взглядъ на любопытную, но весьма не ясную, страницу религіозной жизни древнихъ Грековъ. Мы осмотрѣли все, что Археологическое общество Аѳинское успѣло отнять въ Элевсинѣ у земли—матери, располагая весьма ограниченными къ тому средствами. Выявлены части огромнаго, цѣломраморнаго зданія Перикловой эпохи, и вмѣстѣ подвалы съ кирпичными сводами, говорящими о римскомъ періодѣ мѣста. Полюбопытствовали видѣть памятную мнѣ мозаику на дворѣ одного частнаго дома, осмотрѣли церковь сельскую, византійскаго стиля съ высокимъ куполомъ, опирающимся на 4 мраморныя колонны, видѣли и мѣстный музей, въ который обращена другая „загородняя" церквица,

и кончили отдыхомъ въ „гостинницѣ“ въ ожиданіи спаденія полдневаго жара. Передъ нами высматривало изъ за кровель домовъ море, а за нимъ высился *Саламинъ*—пресловутой памяти. Но прежде, чѣмъ клики морской побѣды огласили берега Аттики, въ мѣстахъ тѣхъ царствовалъ *Эвмолпъ*, знать не знавшій царя Аѳинскаго *Эрехѳея*. По тогдашнимъ понятіямъ, это уже было достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы послѣдній напалъ на перваго, побѣдилъ его и царство его обратилъ въ свою провинцію. Таковы тогда были цари и царства! Такія же вѣроятно были и ихъ междуусобныя войны! Писатели историки раздували ихъ подогрѣтымъ патріотизмомъ, а то и просто риторикой до размѣровъ дѣйствительныхъ сраженій. Такъ у *Ксеркса* набралось больше тысячи кораблей, а у союзниковъ около 400! Правда, что древніе не знали нашихъ нулей, при помощи которыхъ такъ легко Еруслану Лазаревичу побивать однимъ махомъ десятки и сотни супостатовъ, но за то имъ легче было ошибаться въ цифровомъ счетѣ. Такъ, прибавкомъ чуть замѣтной черточки съ боку къ λ=30, могло вдругъ выйти χ=600! Поставивъ только на ребро M=40, вдругъ получаешь Σ=200!

Возвращались мы подъ страннымъ впечатлѣніемъ неожиданнаго открытія. Нужно было расплатиться съ хозяиномъ дома за пребываніе у него. За его отсутствіемъ, мы обратились къ женской половинѣ дома за расчетомъ. Къ удивленію, оказалась надобность въ толмачѣ. Греческій языкъ былъ для нея непонятенъ. То были албанцы родомъ. Намъ объяснили, что все коренное населеніе *Лепсины* не Греческое. И это въ какихъ нибудь 10 верстахъ отъ центра Эллинства—Аѳинъ! Надобно признаться, что для ultra патріотовъ эта „арванитья“ въ самой Аттикѣ, да даже въ самыхъ Аѳинахъ, какъ ножъ въ сердцѣ по пословицѣ. Чудная попытка отожествить албанцевъ съ Пелазгами похожа на отчаянный прыжокъ съ крыши пылающаго дома на мостовую. А другаго способа раздѣлаться съ этою загадочною народностію,

усѣявшею всю западную окраину Балканскаго полуострова, не представляется грекамъ, не переваривающимъ мысли, что они — пришельцы въ родной землѣ. Дорога, которою мы ѣхали, въ старину называлась *священнымъ путемъ* (ἱερὰ ὁδὸς), и на ней-то практиковался обычай ругаться „съ телѣги“ проѣзжающимъ, о которомъ мы недавно упомянули. Эта необъяснимая несообразность достодолжно оцвѣчается еще существованіемъ придорожной скалы темнаго цвѣта, сплошь выдолбленной маленькими нишами для „возношеній“, и посвященной… Афродитѣ! Подъѣзжая къ Аѳинамъ, мы посѣтили столько памятный мнѣ *Ботаническій садъ*, славный однимъ только названіемъ. Въ Турецкое время онъ принадлежалъ какому-то имениту Эфенди. Его разноплеменнымъ гаремомъ конечно только можно объяснить найденный лѣтъ за 10 передъ симъ въ саду мѣдный образокъ нѣсколько выпуклый, съ двумя ушками по сторонамъ, на одной сторонѣ котораго (выпуклой) литое изображеніе Распятія І. Х. съ надписью кругомъ: **ЧЕСНЕІСОУ ХЕРУВІМШЫ СЛАВНШ.**, на другой же Св. Троицы въ видѣ трехъ Ангеловъ, сѣдящихъ за трапезой съ длинными посохами, и тоже съ надписью кругомъ: **ПРЕТІА ТРОІЦѢ ПОМИЛУІ НАСЪ ГДІ ОУЫСТІ ГРЕХНИША ВЛДКО ПРОСТАСЯТНЕІЦА**. Рѣдкость эта тогда же была пріобрѣтена мною и имѣется при мнѣ. Какъ будто она предназначалась для ношенія на поясѣ. Величина ея одинъ вершокъ въ діаметрѣ, толщина 2 миллиметра. У самаго города на мѣстѣ древняго *Керамика*, мы осмотрѣли вновь разрываемый древній некрополь Аѳинскій съ нѣсколькими превосходными надгробными изваяніями изъ бѣлаго мрамора языческой эпохи, смыслъ которыхъ, несмотря на разнообразіе типовъ и пріемовъ, вездѣ одинъ и тотъ же: прощаніе отходящаго изъ міра съ остающимися въ немъ. Къ немалому моему удовольствію, тутъ же найдено было и нѣсколько христіанскихъ надгробныхъ надписей, высѣченныхъ также на мраморныхъ плитахъ и большею частію предшествуемыхъ знаменіемъ креста. Прочитаны мною

собственныя имена: *Агапи* (Любви), *Павла Трохадарія* (?), *Инофила* (винолюбца!), *Киріака, Өеодора...* [1]) Къ сожалѣнію, нельзя быть увѣреннымъ, что обломки плитъ съ этими эпитафіями найдены именно тутъ, на древнѣйшемъ кладбищѣ Аѳинскомъ. Сторожъ намъ сказалъ, что тутъ есть не мало приносныхъ мраморовъ. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ же мы прочли красиво высѣченную, но крѣпко окарнанную, латинскую надпись съ именами: Twedell и Nortumbria... [2]) Продолжая путь, осмотрѣли со всѣмъ тщаніемъ *Өисіонъ* (храмъ Тезея), обращенный все еще въ музей, какъ и прежде, въ которомъ я не нашелъ ничего новаго, кромѣ его стража, именитаго *Зіси Сотиріу*, прославившагося изданіемъ патріотическихъ брошюрокъ объ Эллинской Македоніи или Македонской Элладѣ, подъ именемъ: *Дѣда Олимпа.* За эти литературные подвиги дали ему мѣсто Археофилака съ небольшимъ жалованьемъ, обогативши музей еще одной живой „антикой". Другой музей подъ открытымъ небомъ въ *Адріановой Стоѣ* также не представилъ мнѣ ничего новаго. Еще менѣе я могъ ожидать отъ *храма вѣтровъ,* тоже служащаго хранилищемъ древностей. Когда это поспѣетъ проектированный по Патисійской дорогѣ, настоящій музей—за́мокъ, который бы замѣнилъ собою всѣ эти частныя собранія древностей, и очистилъ отъ памятниковъ смерти кипящій жизнію городъ?

---

[1]) Нѣкоторыя изъ нихъ мы сообщаемъ въ копіи. Отправляясь изъ Аѳинъ, я далъ порученіе одному спеціалисту отыскать ихъ на мѣстѣ и въ точности скопировать для меня, но исполненіе порученія затянулось на цѣлый десятокъ лѣтъ и кончилось тѣмъ, что въ 1877 году я самъ снова доискался ихъ и списалъ. Кстати, за этотъ промежутокъ времени ихъ нѣсколько прибыло. Ограничиваюсь тѣмъ, что сообщаю ихъ fac-sinile въ особой таблицѣ, вмѣстѣ съ тремя Парѳенонскими и упомянутыми, стерегомыми въ древнемъ некрополѣ Аѳинскомъ.

[2]) O HSS... ЧIS TWEDDELLAN... ICIA NORTVMBRIA... 'CIAE LITERISIM... Другая, древнѣйшая эпитафія латинская гласитъ слѣдующее: D /ΛΛ... ONESIΛΛ... ΛVC IIЬ/ ΛDIVI / ΧBΛDΛΛISSIOΛ⊢/ ... YIPIΛΛRSINOI- CONIUCI... Ь/ MF.

Что дѣлать? „Другъ Платонъ, другъ и Сократъ, но"... и пр. Бросающуюся въ глаза правду нельзя не высказать. Αἱ κλεναὶ Ἀθῆναι, начертавши на Адріановой аркѣ свою предательскую преданность Кесарю. Конечно, и у насъ не безъизвѣстно правило: „скачи враже, якъ панъ каже", но то вѣдь мы — скиѳы и варвары, а тутъ передовые люди древности увѣковѣчиваютъ свое криводушіе неизгладимыми чертами. Напрасно нынѣшніе потомки „мужей аѳинейскихъ" хотятъ оправдать своихъ предковъ, увѣряя, что фатальная надпись говоритъ не вообще объ Аѳинахъ, а о кварталѣ ихъ, носившемъ будтобы имя *Адріанополя*, въ который входомъ служили ворота. Этой иглой не зашьешь прорѣхи... Направляясь сегодня въ Акрополь, мы естественно прошли мимо *Адріановыхъ воротъ* и вспомнили не только про Адріана, но и про Нерона и про Августа, считавшихъ великою честію для себя побывать въ пресловутомъ городѣ. Зная такое свое значеніе, ему можно бы было держать, какъ говорится, свое знамя высоко, но приходится повторить и еще разъ: Ἀνάγκᾳ καὶ οἱ θεοὶ πείθονται. Аттика (и вся Греція съ нею) при *Тезеѣ* конечно и сосѣднюю Италію включала въ одну категорію съ „варварами", а теперь при Адріанѣ сама она была: Romana Provincia. Не знаемъ, съ какого времени существуетъ теперешній входъ въ Акрополь. Тамъ хотя и не пишется, но зрится ясно, что Аѳины уже не Адріановъ, но Константиновъ, или прямѣе Христовъ городъ. Архитравъ надъ входными воротами, въ 3 метра длины изъ цѣльнаго куска мрамора, цвѣтомъ своимъ указывающій на глубокую древность, имѣетъ на себѣ рядъ рельефныхъ украшеній изъ цвѣтовъ и листьевъ въ центрѣ которыхъ рисуется Константиновъ *Лаваронъ*, т. е. вмѣстѣ и крестъ и монограмма имени Христова. Спасительное знаменіе это потомъ внутри Акрополя, на

необозримомъ множествѣ и разбросанныхъ и сложенныхъ въ кучи обломковъ мраморныхъ, встрѣчалось намъ, безъ всякаго преувеличенія, сотни разъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ (но никогда — нашей пресловутой, осмиконечной), останавливая насъ на каждомъ, такъ сказать шагу, пока мы поднимались къ *Парѳенону*.

Привѣтствую въ несчетный разъ преименитое зданіе, которое въ былое время считалъ на столько знакомымъ и какъ бы своимъ, что могъ всѣ подробности его воспроизводить въ памяти во всякій потребный моментъ. Теперь здоровался съ нимъ, какъ со старымъ другомъ, но уже съ оттѣнкомъ грусти. Не могъ я болѣе сказать себѣ: когда захочу, его увижу. Завтра же онъ будетъ для меня уже предметомъ воспоминаній! Чудное состояніе человѣка, мало-мало проникнутаго сочувствіемъ къ отжившему міру, и способнаго воспроизводить въ душѣ историческіе образы. Стоишь или сидишь бывало тутъ въ тѣни мраморнаго лѣса колоннъ по цѣлымъ часамъ, и чего чего не переведешь воображеніемъ! Какъ и естественно, языческій періодъ зданія давалъ мнѣ видѣть облики неясные. Бывшій храмъ *Аѳины* (Минервы) не стоялъ, какъ говорится въ сказкахъ нашихъ, „къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ". И въ самомъ дѣлѣ, теперешняя передняя часть его тогда была заднею, вопреки порядку вещей, указываемому Пропилеями. Христіанскій періодъ его, длившійся не менѣе языческаго, представляетъ исправленнымъ недосмотръ или капризъ древнихъ. Входъ въ бывшую Великую церковь Аѳинскую (по нѣкоторымъ „св. Софію") былъ въ западной стороны, а на мѣстѣ бывшаго входа въ капище богини, возвышался алтарь, котораго основанія существуютъ до сихъ поръ, вопреки мнѣнію и желанію *чистыхъ* археологовъ, задающихся мыслію *очистить* древнее „святилище" отъ всѣхъ позднѣйшихъ „святотатственныхъ" покушеній на его первобытный смыслъ и образъ. Повторилъ я при этомъ и хорошо затверженные зады о бывшемъ когда-то стѣнномъ росписаніи христіанскаго храма. Удивленія

достойны удержавшіяся еще на западной стѣнѣ его, по бокамъ входной двери, кое гдѣ краски бывшихъ иконъ. Когда-то я имѣлъ въ виду снять ихъ фотографіей при полномъ освѣщеніи ихъ солнцемъ, но не нашелъ сочувствія своему дѣлу въ тогдашнихъ фотографіяхъ. Теперь какъ будто ихъ осталось уже гораздо меньше. Какой онѣ даты, трудно сказать. Во всякомъ случаѣ, мнѣ казались восходящими къ первому христіанскому тысячелѣтію. Даже при помощи значительнаго оптическаго увеличенія, я не могъ разглядѣть при изображеніяхъ обычныхъ имъ надписей, чтобы по характеру буквъ судить объ эпохѣ.

Не оставилъ я безъ повѣрки и памятнаго труда своего: сборника христіанскихъ надписей [1]) или почти исключительно надгробныхъ записей, отысканныхъ мною въ значительномъ количествѣ на ложбинахъ периметра нѣкоторыхъ колоннъ перистиля Пареенона, преимущественно на западномъ фасадѣ его. Работа эта, доставившая мнѣ лѣтъ 10 тому назадъ такое высокое удовольствіе, сдѣлалась достояніемъ читающей публики въ 1856 г. черезъ Аеинскую *Археологическую газету* № 43, гдѣ всѣ 80 сдѣланныхъ мною копій надписей отлитографированы, къ сожалѣнію, весьма неудачно на шести таблицахъ, вмѣстѣ съ моимъ же планомъ древнихъ подземелій, открытыхъ мною подъ Никодимовою церковію, служащимъ поясненіемъ къ статьѣ моей въ томъ же номерѣ газеты о произведенныхъ мною подъ церковію раскопкахъ [2]). Надписи интересны въ томъ отношеніи, что содержатъ въ себѣ цѣлый рядъ іерарховъ Аеинскихъ съ 593 (предположительно) года по 1190-й, конечно не непрерывный, но все же весьма значительный, а именно 28 именъ, коими могутъ пополниться страницы

---

[1]) Въ 1874 г. Русское Императорское Археологическое Общество издало этотъ Сборникъ надписей отдѣльною брошюрой въ С.-Петербургѣ (40 — 84 стр. съ таблицами), подъ названіемъ: «О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аеинахъ».

[2]) И эта статья отпечатана въ русскомъ переводѣ Археологическимъ Обществомъ во II томѣ Извѣстій его, и отдѣльною брошюрою въ 1860 г.

отличнаго труда нашего русскаго византолога, г. *Муральта* (Essai de chronographie Byzantine, St.-Pétersbourg. 1855) и самый Oriens Christianus *Лекьеня*. Въ одной, самой примѣчательной изъ нихъ по содержанію, гдѣ возсылалась молитва къ Богоматери нѣкоего обиженнаго своимъ соперникомъ, отнявшимъ у него невѣсту, припоминалось мнѣ выраженіе, затемнявшее смыслъ цѣлаго и представлялось потому сомнительнымъ, правильно ли оно мною прочтено. Я отыскалъ надпись въ восточной части Пароенона, и пересмотрѣлъ снова, при помощи увеличительнаго стекла, заподозрѣнное мною мѣсто. Оказалось что инаго чтенія слова [1]), кромѣ разобраннаго и списаннаго мною, нельзя допустить никакаго. Осматривая тщательнѣе сосѣднія съ этою надписью колонны, я еще нашелъ на значительной высотѣ трехъ изъ нихъ по одной надписи. Первая (съ графическими ошибками) содержитъ молитву: *Помяни Господи во царствіи твоемъ раба Поѳита̀ золотолейца... года* [2]). Вторая, еще болѣе безграмотная, гласитъ слѣдующее: *Іоаннъ рабъ Христовъ и грѣшникъ... убогій добродѣтелями... и многими грѣхами богатый. Христе мой, спаси его* [3]). Почеркъ руки скорописный. Третія, тщательно начертанная и хорошо сохранившаяся, тоже содержитъ молитву: *Пощади Господи въ царствіи твоемъ раба твоего Вани пѣвца. Аминь* [4]). Есть при ней и двѣ буквы, очевидно числовыя, дающія годъ 6009. Это былъ бы 501-й нашего лѣтосчисленія, и указы-

---

[1]) Слово это: **ΚΗΛΗΤΗΝ** отъ **ΚΗΛΗ** = *кила*, очевидно взятое нами изъ греческаго языка и оставленное безъ перевода.

[2]) (M) νησθητη κε εντη βασιληα σου (τω) σω δουλω Πωθητο χρυσοχοω... ν... ετου... *Поѳитосъ* — желанный, какъ видно, было любимымъ именемъ свято-Пароенонской эпохи; χρυσοχόος — по нашему: золотыхъ дѣлъ мастеръ.

[3]) Ιω̃ ὤ δουλος χῦ κ αμαρτολοσ νεταπιν... ισιταδετον... ξιστο κε τον πολλον αμα̃ρον πλουσηοσ χέμουσοσετον. Вмѣсто: αδετον очевидно слѣдовало стоять слову: ἀρετω̃ν.

[4]) † φησαι κὲ εν τη βασηλια σου τουδουλουσου Βάν ψάλτ ἀμην ςθ. Слово Βὰν или Βάνι недопускаетъ никакаго другаго чтенія. Что подумать о немъ?

валъ бы на время ранѣе Императора Юстиніана В., что для исторіи Парѳенона имѣетъ свою цѣну.

Мы обошли затѣмъ *Эрехѳіонъ*, тоже бывшій въ свое время церковію, представляющій изъ себя ужасную картину разрушенія, приписываемаго вообще существованію внутри его въ турецкое время пороховаго погреба, взорваннаго бомбою. Неизвѣстно, на какомъ основаніи itinéraire de l'Orient пріурочиваетъ къ этой, а не къ Парѳенонской церкви ходячее имя *Св. Софіи*. Въ одной изъ найденныхъ мною на стѣнахъ его надписей, помню, читается только слово: Καθολικῆς (соборной) Ἐκκλησίας, и то собственно еще неизвѣстно, о которой изъ двухъ церквей говорится. Для соборной церкви размѣры Эрехѳія слишкомъ тѣсны, а чтобъ бытѣ ей своего рода *Св. Софіей* города Аѳинъ и подавно. Заглянувши въ два, не поддающіяся по своему безобразному виду, описанію хранилища древностей — исключительно мраморныхъ рѣзныхъ обломковъ, мы полюбовались со стѣны столько знакомымъ мнѣ видомъ города, побывали на предполагаемомъ мѣстѣ гигантской статуи *Аѳины Поліады*, будто бы бросавшей тѣнь своимъ щитомъ на всю соименную ей дольнюю селитву, и возвратились къ Пропилеямъ, въ которыхъ тоже какимъ-то образомъ устроена была нѣкогда церковь, занимавшая конечно всю центральную часть ихъ съ двумя рядами колоннъ, коей алтаремъ служила ихъ восточная галлерея. Этому предположенію мѣшаетъ только вопросъ: откуда же въ такомъ случаѣ былъ ходъ въ церквамъ Парѳенонской и Эрехѳійской [1])? Посѣтили мы разумѣется, при этомъ и *Пинаковику*, находившуюся, по описаніямъ древнихъ, въ лѣвомъ (сѣверномъ) крылѣ Пропилей [2]),

---

[1]) Въ книгѣ: Les Ruines des plus beaux monuments de la Grèce. Paris 1758. однако же представленъ рисунокъ Пропилей того времени, изъ коего видно, что ихъ со стороны нынѣшняго входа перегораживала глухая стѣна безъ дверей.

[2]) Въ томъ же крылѣ указываютъ жилище бывшихъ Дюковъ Аѳинскихъ, и съ домашнею ихъ церковію.

всю заставленную теперь мраморными плитами съ надписями. Пересмотрѣлъ я между ними и тѣ, которыя относятся къ христіанскому періоду, давно мною списанныя. Этотъ обзоръ ихъ далъ мнѣ поводъ исправить одну очевидную ошибку мою, допущенную мною при обозрѣніи и оцѣнкѣ древнихъ христіанскихъ надписей города *Эдессы-Водены*. Въ одной изъ нихъ я прочелъ и списалъ криптограмму: ΙΧΘΥΣΧΜΓ. Что касается первыхъ пяти буквъ, то значеніе ихъ совершенно ясно. Не находя возможности объяснить тѣмъ же способомъ остальныя три буквы, я счелъ ихъ цифровыми, и видѣлъ въ нихъ 643 годъ Македонской Эры, совершенно забывши, что имѣлъ уже палеографическій прецедентъ въ томъ же родѣ здѣсь, указывавшій на необходимость не спѣшить подобными заключеніями. Тѣже таинственныя три буквы ΧΜΓ стоятъ и тутъ во главѣ одной, къ сожалѣнію крѣпко укороченной надписи, давая разумѣть, что и въ нихъ кроется тотъ же мистагогическій смыслъ, что и въ случайно составившемся словѣ: ἰχθύς (рыба). А какой именно смыслъ, нужно доискиваться съ свѣточемъ патрологіи и христіанской археологіи.

Когда мы, при выходѣ изъ Акрополя, расплачивались съ ветеранами (ἀπόμαχοι — инвалиды, по нашему) за удовольствіе видѣть то, что видѣли, между множествомъ окружавшихъ ихъ сторожку кусковъ мрамора мнѣ попался снова на глаза давно намѣченный мною, небольшой (съ полъ аршина вышины) барельефъ, представляющій пастуха, держащаго на плечахъ своихъ овцу — столько обычный первыхъ вѣковъ христіанства символъ *Пастыря Добраго*. Работа очень грубая, но по своей рѣдкости въ Аѳинахъ подобнаго изображенія, этотъ памятникъ отдаленнѣйшей эпохи стоилъ бы лучшаго храненія, чѣмъ какимъ пользуется. Присутствіе его тутъ, такъ сказать въ прихожей Акрополя, заставило меня поосмотрѣться на мѣстѣ. Къ удивленію и частію — прискорбію моему, въ этомъ отдѣленіи повсюднаго и неисходимаго Музея Аѳинскаго нашлось и еще не мало древнихъ христіан-

скихъ надписей, болѣе чѣмъ надгробныхъ, одна даже съ именемъ *Солона* мученика. Но мы такъ были утомлены физически и умственно, что не нашли себя способными къ дальнѣйшему труду даже простой копировки, и сотворивши крестное знаменіе Χριστοῦ Μεσίτου Γηγενῶν (Христа ходатая земнородныхъ), простились съ Акрополемъ на вѣки? кто можетъ знать? пусть будетъ хотя: *до вѣка!* Повелъ я своего небывальца спутника и въ темницу *Сократа* и на *Пниксъ*, откуда спустились въ городъ къ бывшей мечети, гдѣ хранятся гипсовые слѣпки съ барельефовъ, украшавшихъ фронтонъ Пароенона, забранныхъ въ Британскій Музей и имѣвшихъ, по мнѣнію идеологовъ Аѳинейскихъ, возвратиться на свое мѣсто вмѣстѣ съ королемъ Альфредомъ I.. Мы нашли это *Воро*хранилище запертымъ. Прошли оттуда въ *Митрополію* (каѳедральный Соборъ), она поразила насъ своимъ внутреннимъ убранствомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ славѣ именитаго мѣста. Не понравилась намъ только напрасная темнота ея, поревновавшая, видно, нашему св. Исаакію, забывши совѣтъ псалтыри: *не ревновать лукавнующимъ.* Я особенно утѣшенъ былъ тѣмъ, что все стѣнное украшеніе храма нашелъ чистою копіею таковаго же въ нашемъ „золотомъ“ Никодимѣ. Значитъ, всетаки мы — бывалые „варвары“ — указали гордымъ Аѳинамъ образцы церковнаго вкуса и изящества и по возможности — даже исторической вѣрности! За то безутѣшную скорбь навѣяла на меня такъ называемая *Малая Митрополія*, то есть древняя цѣломраморная, дѣйствительно малая, церковь, стоящая съ боку большой. Я оставилъ ее въ 1860 г. запущенною, обращенною въ складочный магазинъ матеріаловъ, употреблявшихся при постройкѣ большой церкви, но по стѣнамъ своимъ имѣвшею еще много старыхъ фресковыхъ изображеній замѣчательно хорошей кисти. Теперь я нашелъ всю внутренность ея „обновленною“, то есть заново отштукатуренною и вымазанною синеватою краскою съ красными коймами.. Увы!

Athenae Atticae. Понедѣльникъ. 5 Іюля 1865.

Вчера я замѣтилъ своему доброму старому знакомому, ученому нумизматологу *Ахиллесу Постолáка*, что извѣстный въ его профессіи терминъ: Athenae Atticae есть просто плеоназмъ, что возможны ли еще какія нибудь Аѳины кромѣ АѲИНЪ (нѣтъ Бога, кромѣ Бога...), такъ сказать, Аѳинскихъ? Ученый мужъ, улыбаясь, замѣтилъ что, оставляя безъ вниманія съ десятокъ Аѳинъ Сѣвероамериканскихъ, въ древности были извѣстны Аѳины Эввійскія (Эвбейскія на островѣ Негропонтѣ). Кромѣ того, онъ слыхалъ еще объ Аѳинахъ Кипрскихъ.. Да и чѣмъ же не хороша *Аттика,* чтобы не желать услышать имя ея лишній разъ? прибавилъ онъ. Ужъ не ко мнѣ конечно могъ относиться укоръ подобнаго рода. Каменистая, безлѣсная, ненаселенная и вообще не приглядная Аттика 10 лѣтъ неустанно очаровывала меня своимъ тонкимъ ароматическимъ воздухомъ, своимъ яснымъ небомъ, своимъ, почти непрекращающимся, вёдромъ, тепломъ, свѣтомъ.. а всего болѣе своимъ неисчерпаемымъ прошедшимъ, полнымъ самыхъ живыхъ, привлекательныхъ, какъ бы вѣчно свѣжихъ, юныхъ, цвѣтущихъ образовъ. Ее, ненаглядную, я многократно ѣздилъ обозрѣвать всю „во мгновеніе ока“ съ сосѣдней громады горной, именуемой *Имиттóмъ* [1]), и раза два для той же цѣли взбирался еще на болѣе высокую точку, на вершину *Пентеликà*, съ которой самъ Имиттосъ казался ровнымъ полемъ. Полюбоваться плѣнительнымъ этимъ зрѣлищемъ я не прочь былъ даже въ настоящую краткую гостьбу свою въ Аттикѣ. Да кстати

[1]) Ὑμηττὸς — Гиметтъ, по народной рѣчи: Τρελο — βοῦνι (сумасшедшая гора). Одинъ «патріотъ» усиливался доказывать, что настоящая кличка народная есть: Τελοβουνι, то есть гора крайняя, конечная, замыкающая горизонтъ.. Въ самомъ дѣлѣ: Аѳины и τρέλα (дурь)! Ταῦτα ἀνεκτά?

подстрекало къ тому и столько естественное желаніе какъ бы заставить воскреснуть безвозвратное минувшее. Бывало привязываешься къ каждому праздничному случаю, чтобы наканунѣ его заказать на завтра поѣздку въ горы. Пресловутый въ домашнемъ кругу нашемъ *Ламбро*, весь сіяющій радостію, беретъ на себя всякое распоряженіе и заутра, чуть свѣтъ, у дома *Калаганова* уже толпятся штукъ 12—15 ословъ, домъ запирается на замокъ, и счастливые обитатели его, во всемъ раздольи непринужденности и веселости, гуськомъ тянутся на *поля Элисейскія*, въ собственномъ, историческомъ смыслѣ сихъ словъ. „Ἠλύσια πεδία“ находились въ Аѳинахъ охотники производить отъ: Ἰλισσὸς — Аѳинской рѣчки, почти круглый годъ безводной, имѣющей свои истоки у подошвы Имитта, и извивающейся по широкой равнинѣ между городомъ и горою, которая и могла въ былое время считаться вѣчно цвѣтущимъ полемъ, особенно, если мѣсто обиловало тогда лѣсомъ, а слѣдовательно и водою. Нужды нѣтъ, что въ такомъ случаѣ поля тѣ писались бы Ἰλίσσια, а не Ἠλύσια.. Когда дѣло идетъ о чести Аѳинъ, то всѣ лексикографическіе счеты въ сторону. Не одна идетъ дорожка по этимъ воображаемымъ полямъ блаженныхъ въ замыкающую ихъ гору. У насъ намѣчены были въ горѣ пять раззоренныхъ монастырьковъ [1]) и одинъ уцѣлѣвшій, но обращенный какъ бы въ мызу, куда въ лѣтніе жары выѣзжаютъ на прохладу аѳиняне цѣлыми семействами, монастырь зовется по просту *Серьяни*, а по ученому: *Кесарьяни*. Находится примѣрно въ одной трети высоты горы, въ мѣстѣ очень красивомъ и богатомъ водою родниковою, которою любятъ лакомиться въ жаркую пору зажиточные горожане. Къ нему

---

[1]) Всѣ ихъ видѣлъ, по крайней мѣрѣ перечислилъ въ 1675 г. *Спонъ*. Вотъ они: Первый конечно Cyriani, который онъ нашелъ schön genug, потомъ: Agios Ioannis o Carios (ὁ Καρέας), Agios Georgios o Coutelos (Κουτελᾶς), Asteri, Agios Ioannis o Kynegos (Κυνηγὸς) самый западный и самый высокій и наиболѣе уцѣлѣвшій, и Agios Ioannis o Theologos.

мы и направлялись теперь. Давно переѣхали *Илиссъ*, и даже не менѣе его сухой притокъ его, который тѣже элисеисты необинуясь зовутъ *Эриданомъ*, опираясь, сколько могу припомнить, кажется на Павсанія или Страбона. Не доѣзжая версты двѣ до мѣста, останавливались у развалинъ тоже какъ бы монастыря или скита съ церковію, украшенною по стѣнамъ иконами столѣтней и больше давности, служащею теперь загономъ для овецъ. Еще нѣсколько зигзаговъ подъема, и мы у воротъ обители какого-то *Кесаря Яна*, то есть *Іоанна*. Многократно пытался я добраться историко-филологически [1]) до происхожденія этого прозванія монастыря, но безуспѣшно. Что онъ очень древенъ, былъ когда-то знаменитъ и многолюденъ, это очевидно съ перваго взгляда на его твердыни, хотя объемъ его сравнительно и невеликъ. Его ворота напомнили намъ входъ въ Акрополь. Надъ ними также лежитъ мраморный монолитный архитравъ съ весьма красивою выпуклою рѣзьбою, представляющею поперемѣнно кресты и цвѣты или травы. Внутри монастыря небольшой дворикъ, отдѣляющій собственно обитель отъ гостинничнаго корпуса въ два этажа съ галлереями, плохой постройки, служащаго мѣстомъ лѣтняго времяпровожденія городскихъ жителей, нѣсколько экземпляровъ которыхъ съ чадами и домочадцами мы дѣйствительно и видѣли на деревянныхъ повѣтяхъ, зовомыхъ чести ради галлереями. Нежданно оказавшійся на лицо Игуменъ-арендаторъ просилъ и насъ „на верхъ", но мы предпочли столько памятную, тѣнистую площадку за монастыремъ у пресловутаго источника: *Коз-баши* (баранья голова), именемъ коего въ Турецкое время назывался не только монастырь, но и пресловутый *медъ Иметскій*, чистый, густой и ароматическій, отправлявшійся ко двору Падишаха ежегодно въ большомъ количествѣ и съ немалыми,

---

[1]) Удареніе на послѣднемъ слогѣ въ имени: *Кесарьяни* говоритъ ясно, что тутъ не можетъ быть рѣчи ни о какомъ Іоаннѣ, сокращенно: *Яни*.

но, и съ церемоніями, такъ какъ монастырь и чуть ли не вся громадная гора составляли чифликъ Султанскаго гарема. Въ минуту руками спутниковъ устроилась походная кухня. Огромный *роѳосъ* (рыба высшаго сорта; компанія вся состояла изъ иноковъ) оказался, несмотря на іюль мѣсяцъ и не близость моря, совершенно свѣжимъ, и обѣщалась уха, по словамъ импровизованнаго повара, не хуже Попельской и Касторійской, уже забытыхъ моею непризнательною памятью.

Тѣмъ временемъ я повторилъ, можетъ быть въ десятый разъ, археологическій осмотръ церкви, очевидно одной эпохи съ десятью Аѳинскими византійскими церквами, приписываемыми Аѳинскимъ „любочестіемъ" (φιλοτιμία) императрицѣ *Иринѣ*, аѳинянкѣ родомъ. Въ былое время я не только ее измѣрялъ и всячески изучалъ, но даже фотографировалъ и притомъ не разъ. Размѣровъ она самыхъ скромныхъ, плана — общаго столькимъ другимъ, то есть составляетъ квадратъ, центръ котораго занимаютъ 4 мраморныя колонны, поддерживающія высокій восьмиоконный куполъ. Съ востока алтарный выступъ, съ запада притворъ, позднѣйшаго впрочемъ времени, тоже съ куполомъ. Вся внутренность церкви расписана al fresco въ давнія времена. Живопись отъ времени, сырости, небреженія и неискусства рукъ завѣдывающихъ дѣломъ, весьма попорчена. Въ сводѣ купола, по обычаю *того* времени, колоссальный бюстъ Вседержителя, то есть Іисуса Христа безъ буквъ ΟΩΝ, что явно выноситъ время расписанія церкви въ XIII, по меньшей мѣрѣ, вѣкъ. Притворъ расписанъ зáново въ 1682 г., какъ гласитъ слѣдующая замѣтка: *Историровано предхраміе сіе или нарѳиксъ издержками притекшихъ въ обитель изъ страха заразы, державною рукою Всепѣтыя Троицы и покровомъ Блаженной Дѣвы, которые (притекшіе) суть: благородный и словеснѣйшій Бенизелосъ* [1], *Іоанновъ сынъ, вмѣстѣ съ благородными сестрами и роди-*

[1]) Фамилія *Бенизéло* до сихъ поръ не угасла. Мнѣ памятно минутное знакомство съ

тельницею и прочею компаніей. При игумень Іеровеь, мудрѣйшемъ Іеромонахѣ, рукою Іоанна Ипата изъ Пелопонниса. Года 1682, мѣсяца августа 20. Передъ церковію есть дворикъ, на которомъ, прямо противъ церковныхъ дверей, водружена колонка въ аршинъ вышины съ мраморною поверхъ плитою, служившею когда-то столомъ для совершенія литій, по древнѣйшему правилу св. церкви православной. Кромѣ того, на томъ же дворикѣ есть не мало цѣльныхъ и обломанныхъ колоннъ, поставленныхъ рядами, свидѣтельствующихъ о минувшемъ великолѣпіи обители. Въ разныхъ мѣстахъ ея я видѣлъ также мраморные столбики, которые византійскій стиль любилъ ставить въ окнахъ, раздѣляя ихъ на два (рѣже — на три) просвѣта. Я нашелъ ихъ въ 120 и даже въ 145 сантиметровъ вышины. Слѣдовательно надобно предположить существовавшія когда-то тутъ зданія почти съ саженными окнами. Гдѣ имъ могло быть мѣсто? Вѣроятно въ трапезѣ, который остатки еще сохраняются къ югу отъ церкви со многими арками и сводами и даже однимъ куполомъ. Теперь въ одномъ изъ отдѣленій этого заброшеннаго угла стоитъ большая мраморная масложомня (ἐλαιοτριβεῖον). Солома, сажа, пыль и всякій ворохъ. И на мысль не придетъ имя какого-то *Кесаря,* прикрывающее собою весь этотъ хламъ.

однимъ изъ членовъ ея. Упоминаемый въ ктиторской записи *Бенизслосъ* несомнѣнно есть тотъ самый, котораго видѣлъ *Спонъ* на островѣ Закинеѣ. Онъ звался *Димитріемъ,* не былъ ни клирикъ ни монахъ, но проповѣдывалъ и сочинилъ книгу: *Старыя и новыя Аенны.* Въ этой самой книгѣ Спонъ прочелъ его надгробное слово нѣкоему іеромонаху *Дамаскину,* какъ видно, весьма ученому человѣку. По поводу чего, Бепизелосъ ему замѣтилъ, что тотъ въ Аеинахъ найдетъ еще болѣе ученаго мужа — Игумена Сирьянійскаго. Спонъ точно отыскалъ его, называетъ его *Стефаки* (по нашему *Стёпа*), и говоритъ, что съ Бенизеломъ у нихъ было ученое соперничество. Онъ нашелъ Игумена историкомъ, медикомъ, а болѣе всего философомъ, и именно Платоникомъ. Жилъ онъ постоянно въ городѣ и въ монастырь не заглядывалъ. Весьма рѣдко выходилъ изъ своего дома, и — никогда въ церковь! Характеристично. За тоже и имя его: *Стефаки*! Даже не *Стефанаки*!

Обозрѣвши внутренность монастыря, я поднялся по склону горы къ бывшему монастырскому кладбищу, откуда открывается видъ на Аѳины и на всю тезоименную имъ, широкую (верстъ на 20) долину. О томъ, чтобы взобраться на вершину горы и полюбоваться оттуда всѣмъ протяженіемъ Аттики, вершинами *Парнасса, Геликона, Киѳерона* и, какъ полагаютъ, даже Морейскаго *Тайгета*, нельзя было и подумать. Мы, задержанные зрѣлищемъ прибытія въ Аѳины изъ Керкиры Его Величества короля *Георгія I*, не рано двинулись въ путь и не имѣли для того достаточно времени. Удовольствовались тѣмъ, что сходили, еще нѣсколько выше кладбища, къ самому истоку воды, подземными путями пробирающейся къ „Бараньей головѣ" и, какъ думаютъ, гдѣ-то по близости монастыря пробившей себѣ русло и образовавшей именитый потокъ Эриданъ. Спѣшимъ оговориться — не тотъ лжеименный Эриданъ — Padus (По) или Rhodanus (Рона), въ которомъ утонулъ баснословный *Фаетонъ*, не съумѣвшій справиться съ огненной колесницей отца своего, а Аттическій, въ коемъ нельзя утонуть и муравью. Несомнѣнно тутъ гдѣ нибудь, какъ на самомъ оживленномъ мѣстѣ *Кекропія* (древнѣйшее имя горы), водружены были и святилища *Дія Омврія* (дождевника) и *Аполлона Проопсія* (провидца). Перваго когда-то мы, помню, не щадили острыми словами, застигнутые здѣсь проливнымъ дождемъ, шедшимъ цѣлую ночь. А былъ канунъ королевскаго праздника, и намъ крайне хотѣлось быть утромъ дома. Теперь, когда мы съ безпокойствомъ замѣтили, сидя за вечерней трапезой, что Аполлонъ Проопсій скрылъ отъ насъ свѣтлый ликъ свой за высокою стѣною обители, неожиданно (ἐξ ἀπροόπτου) изъ калитки ея показался мальчикъ съ тарелкой.. именитаго *мёда*, о которомъ одинъ только пѣвецъ Иліады представляется ничего не слыхавшимъ, а всѣ другіе писатели древности не преминули въ свое время упомянуть и отозваться съ похвалою. Такъ древня слава его! Дѣйствительно, онъ стóитъ своей широкой репутаціи. Преимуществуетъ

въ немъ запахъ травы, зовомой у насъ *богородскою*, и кажется въ Малороссіи *темьяномъ* (предположительно отъ греческаго: θύμος, θυμάζι), которою покрытъ весь сѣверозападный склонъ горы. Это было послѣднею усладою нашею на нынѣшній день, сладкій мнѣ по множеству воспоминаній о сладостномъ прошедшемъ. Не смотря на быстрый бѣгъ застоявшихся лошадей, мы возвратились домой уже въ потемкахъ. Весело горѣли несчетные огни на бокахъ конусовиднаго *Ликавиттà*, освѣщая намъ дорогу при въѣздѣ въ городъ. Это мой старый знакомый *Спандсъ* (безбородый), пустынножительствующій на самой верхушкѣ горы, устроилъ иллюминацію ради возвращенія Его Величества въ столицу [1]).

Ἀθῆνα-πρώτη χώρα. 7 Іюля. Среда.

Вовсе не имѣю въ виду обидѣть дорогой городъ, надписывая этотъ последній день пребыванія моего въ немъ словами поговорки, считаемой по меньшей мѣрѣ не лестною для него. Для меня довольно, что онъ есть *первое* вообще на свѣтѣ, или только въ кругу географическихъ свѣдѣній говорившаго такимъ образомъ, мѣсто. Престижъ первенства я признаю за нимъ, не смотря на то, что волей-не-волей у меня не выходитъ изъ головы Византія, изъ коей можно выкроить цѣлый десятокъ „Аѳинъ первомѣстныхъ". Пусть они „кормятъ" кого имъ угодно. Еще раньше ихъ Саулъ, отыскивая ослятъ отца своего, нашелъ царство. Съ ними случилось тоже самое. Въ то время, какъ они съ своими развалинами, служившими загономъ для четвероногихъ, обречены были повидимому на конечное запустѣніе, они сдѣлались

---

[1]) Родомъ изъ Спарты. Преизвѣстная въ Аѳинахъ личность. Будто-бы когда-то принадлежалъ къ тѣмъ рыцарямъ лѣсовъ и горъ, которые въ отчизнѣ его носятъ зловѣщее имя: Λιάπιδες.

столицею царства! За что и про что? какъ мы привыкли спрашивать. Скажу, не обинуясь, вмѣстѣ съ Апостоломъ: за *благочестіе*, и прибавлю: въ глубокомысленный урокъ всѣмъ, кто считаетъ себя *родомъ Божіимъ* и дѣлаетъ то, что противно Богу. Памятно мнѣ народное убѣжденіе, что въ Аѳинахъ съ ихъ окрестностію насчитывается 300 церквей (на половину раззоренныхъ). Мы въ своемъ путешествіи не разъ встрѣчались съ цифрою 70 и всегда считали ее преувеличенною. А тутъ — 300! Вотъ за что Аѳины избраны быть πρώτη χώρα. А для меня также совершенно ясно, что ни къ кому такъ кстати не приходится слово Апостольское о родѣ Божіемъ, какъ къ Аѳинамъ, призываемымъ ex cathedra, такъ сказать, учить претендующее на исключительность племя Эллинское, что истинное богопочтеніе отвергаетъ всякихъ идоловъ, будь они изъ злата, мрамора, дерева, или изъ языка, крови, исторіи.. Вѣдь зачѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, Апостолъ языковъ повелъ рѣчь въ Ареопагѣ о томъ, что *отъ единыя крове сотворилъ есть* (Богъ) *весь языкъ человѣчъ*? Затѣмъ, что духодвижно предвидѣлъ наше время. Вотъ *про* что Аѳинамъ выпала честь снова стать эллинскою столицею! Понимаютъ ли они свое высокое, и конечно — не легкое, назначеніе? Надѣемся, что понимаютъ. На то они — πρώτη χώρα. Ихъ языкомъ передано въ слухъ всего міра угрожающее: *ему же дано будетъ много, много взыщется отъ него.*

Вчерашній день посвященъ былъ осмотру всего, что еще оставалось невидѣннымъ достославнаго въ славныхъ Аѳинахъ, какъ-то христіанскаго кладбища, похожаго на цвѣтущій садъ, съ церковію, водопада Каллирои на безводномъ Илиссѣ, тоже съ церковію, и мѣста великой и древнѣйшей базилики Аѳинской съ остатками мозаическаго пола, ясно очертывающимися основаніями алтаря и погребальною криптою. У ученыхъ изслѣдователей мѣсто это, составляющее какъ бы островъ на упомянутой рѣчкѣ, зовется *Малыя Элевзиніи* и не удостоивается серьезнаго изученія, даже путнаго слова, какъ мы при-

выкли говорить. Между тѣмъ, стоило бы не только заняться имъ книжно, но и сберечь его отъ конечнаго истребленія временемъ. Вмѣсто того, вновь воздвигаемыя около него увеселительныя заведенія просятъ, кажется, сдѣлать изъ него то, о чемъ и говорить не слѣдуетъ. Прошли оттуда вверхъ по рѣкѣ на *Стадій*, погоревали въ Русской *Анатоліи*, стоившей мнѣ столькихъ безплодныхъ трудовъ и издержекъ. Нерасчетливо разведенный однимъ изъ настоятелей посольской церкви нашей, Архимандритомъ *Анатоліемъ* въ самомъ руслѣ рѣки садъ, стоившій ему, какъ говорятъ тысячъ 20 франковъ, не однократно и въ мое время сносился, послѣ первыхъ зимнихъ дождей, весь водою. Запустѣлымъ онъ стоялъ и теперь. У стѣнъ его впадаетъ въ Илиссосъ и упомянутый вчера *Эриданъ*. А такъ какъ, по свидѣтельству древнихъ, у мѣста соединенія этихъ двухъ потоковъ находился знаменитый *Лікіонъ* (лицей) Аристотелевъ, то и не нечестно было бы для насъ, русскихъ, поддержать нашу Анатолію, въ память великаго философа [1]). Вся мѣстность, по которой мы прошли, до сихъ поръ стоитъ пустыней. Быстро растущій городъ распространяется все на сѣверъ и на западъ. Къ востоку же гранью ему служитъ королевскій садъ. Мы поднялись къ сему послѣднему пустымъ полемъ, на коемъ красуется одно только дѣвичье сиротское (для сиротъ — безъ отца и матери, условіе, sine qua non) заведеніе: *Амалійонъ*, развѣнчанное, послѣ отбытія основательницы, просто въ *Орфанотрофіонъ* (сиротопиталище). Sic transit! Злополучіе даже простаго смертнаго отзывается тугòю въ сердцѣ. А тутъ предстояло думать о крушеніи

---

[1]) Въ точности неизвѣстно, гдѣ было именитое училище Аристотелево. Можетъ быть, гораздо ближе къ городу, на мѣстѣ теперешняго королевскаго сада. Въ числѣ рѣдкостей *нашего* (при Посольской церкви) Аѳинскаго Музея, есть большой мраморный пьедесталъ, еще *Спономъ* видѣнный у церкви тутъ же, съ надписью, въ которой встрѣчается имя *попечителя* (ΕΠΙΜΕΛΗΤΟΥ) *Лицея*. Не даромъ тяжелая масса нашлась тутъ. Отъ Лицея (ΛΥΚΕΙΟΝ) конечно вышелъ и нашъ ΛΥΚΟΔΗΜΟΣ.

величія — не предвидѣнномъ, не заслуженномъ, не осмысленномъ.. И одного величія? Нѣтъ, самаго принципа, выдвигающаго его въ укрѣпленіе духа нашего, которому грозитъ тоже своего рода развѣнчаніемъ все мелкое, низкое, ничтожное. Но и это не все. Въ намекаемомъ случаѣ чувствуется мнѣ какъ бы нѣкая обида, почти личная. Отнимается у *моего* прошедшаго что-то существенно къ нему приставшее. Что именно? Не легко высказать. Невеселыя мысли сопутствовали мнѣ, пока мы окружали и садъ и дворецъ Королевскій. На бѣду, какъ разъ это былъ моментъ, въ который Его Величество *Георгій 1.* [1]) выѣзжалъ куда-то верхомъ въ сопровожденіи своего „дядьки", которому уже не разъ эллинская печать показывала свои зубы.. Цвѣтущій юностію, силами и надеждами, вѣнценосецъ привѣтливо раскланивался на почтительные поклоны публики. Радующее зрѣлище. Но его, какъ мрачныя тѣни, окружаютъ въ глазахъ моихъ стократно видѣнные мною пышные „выѣзды" свѣтлой четы королевской другаго времени, кончившіеся невольнымъ „отъѣздомъ" ея, который безсердечная печать Европы поспѣшила назвать „постыднымъ". Можетъ ли не думать объ этомъ новый монархъ? А если думаетъ, то вотъ уже и тѣнь, и свѣтлаго ореола величія какъ не бывало! Что-то, какъ бы подтверждающее все это, читалось мнѣ въ раскрывшейся передо мною книгѣ, гдѣ вмѣсто буквъ стояли люди..

Не теряя даромъ времени, и сегодня всѣ утренніе часы мы посвятили на окончаніе нашихъ любознательныхъ экскурсій. Оставалось намъ видѣть сѣверную, просвѣтительную часть города. Начали съ католической церкви *Св. Діонисія*.. Помню, я такъ ее и назвалъ въ разговорѣ съ однимъ архитекторомъ, и слѣдовательно болѣе или менѣе индифферентнымъ именемъ. Съ живостію возразилъ онъ мнѣ: ни чуть не Діонисія, а *Сенъ-Дені*! „Скилóфранки" хотятъ насъ просвѣщать

---

[1]) Не странно ли, что печать наша упорно зоветъ Е. В. Короля Георгія *Георгомъ*?

тѣмъ, чѣмъ отъ насъ просвѣтились, а не умѣютъ произнести нашего имени! Хорошо, что собесѣдникъ не зналъ по русски, а то досталось бы и скило́-руссамъ за ихъ Дениса. Церковь имѣетъ видъ базилики, величественна снаружи и изящна внутри. Особенно хороши два ряда колоннъ изъ зеленаго мрамора, отыскиваемаго на островѣ *Ти́но*. Прошли мимо Амаліина *Тифлокомія* съ византійскими окнами, и стали въ лицо *Панэпистѝмію* (Университету), съ боку котораго все еще возводится медленно, но преизящно, зданіе Академіи Наукъ, по говору народному все цѣликомъ изъ мрамора самой изысканной бѣлизны. Въ Университетѣ какъ было, такъ и есть все по прежнему. Въ библіотекѣ, насчитывающей уже за 100 тысячъ томовъ, все пожертвованныхъ греками изъ за границы, отдѣлъ славянскихъ книгъ по прежнему ограничивается принесенною мною въ даръ Елисаветинскою библіей и нѣсколькими томами твореній св. отцевъ въ русскомъ переводѣ. Минцъ-кабинетъ сравнительно все еще бѣденъ. Даже изъ Аѳинскихъ монетъ, извѣстныхъ по чужеземнымъ каталогамъ, не всѣми онъ еще можетъ похвалиться. Византійскій отдѣлъ совершенно скуденъ самыми извѣстными золотыми монетами императоровъ, которыми такъ обилуетъ Константинополь. На приношенія этого рода почему-то скупы заграничные „единоплеменники“. Есть довольно монетъ средневѣковыхъ и новыхъ, разныхъ европейскихъ государствъ. Русскимъ духомъ и не пахнетъ — по пословицѣ. Вообще, по давнему моему убѣжденію, ни о насъ въ Университетѣ Эллинскомъ (бывшемъ *Ѳѳоновомъ*, теперь — *народномъ*) никто не думаетъ, ни имъ кто нибудь находитъ нужнымъ заниматься у насъ. А вѣдь самыя близкія по исторіи, по вѣрѣ и по духу народности! Оставалось намъ осмотрѣть *Политѐхніонъ*, но іюльскій зной и аѳинская пыль, да прибавимъ русская лѣнь, обратили насъ лицомъ къ дому. Съ часъ времени потомъ я еще провелъ въ своемъ дорогомъ *Ликодимѣ*, разсматривая его во всѣхъ подробностяхъ вмѣстѣ съ отличнымъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ изъ грековъ, г. *Пана-*

гіотомъ Ромботи, обучавшимся нѣкогда въ нашей Духовной Академіи въ Петербургѣ, и сохранившимъ, не въ примѣръ другимъ, нерушимымъ свое чувство уваженія и признательности къ русскому образованію, теперь занимающимъ богословскую каѳедру въ Университетѣ. Я разсказалъ ему всю исторію возобновленія прекраснаго храма, со всѣми ея грустными и радостными перипетіями, въ которыхъ недостатка не было, указалъ и на христіанскій *Панаѳинеонъ* [1]), которымъ могутъ любоваться и хвалиться „мужи аѳинейстіи", изучая его въ лицахъ на стѣнахъ нашей церкви. Мы вмѣстѣ облазили даже обширныя подземелья, простирающіяся подъ церковію и подъ церковною оградою и принадлежащія еще языческимъ Аѳинамъ. Все это дѣлалось мною съ жалѣніемъ и умиленіемъ, поставившимъ меня даже на верхъ нашей изящной башни колокольни, тоже дѣтища моей мысли, имѣвшаго тоже свои перипетіи.. Насматривался я оттуда на красивую панораму города, широкихъ полей за нимъ и далекихъ горъ, и конечно говорилъ мысленно всему: прости! Вѣдь это — Аѳины! Довольно сказать это слово, чтобы понять и простить мнѣ мое увлеченіе.

Напутственная трапеза у высокочтимаго о. настоятеля посольской церкви, приправленная радушіемъ и сердечностію, кончена. Еще одинъ неожиданный визитъ стараго знакомаго моего и въ нѣкоторомъ родѣ

---

[1]) Пользуясь свободою ктитора, настоятеля и главнаго направителя всѣхъ работъ по возобновленію нашей Аѳинской Посольской церкви, я провелъ мысль свою покрыть стѣны ея (собственно говоря: столбы) изображеніями Святыхъ, или родившихся въ Аѳинахъ или умершихъ, или просто жившихъ тамъ, однимъ словомъ: бывшихъ въ Аѳинахъ: отыскалось тогда (1852 — 1855 г.) такихъ Святыхъ *Аѳинянъ* 39. Вотъ имена ихъ: Апостолы: *Павелъ*, *Тимоѳей*, *Силуанъ*, *Филиппъ*, *Нарциссъ*, *Пуплій*, *Діонисій*, *Іероѳей*, *Кодратъ*. Іерархи: *Сикстъ* Папа, *Василій* В., *Григорій* Богословъ, *Іоаннъ* Златоустъ, *Модестъ* (Іерусалимскій) *Василій* (Солунскій), *Леонидъ* (Аѳинскій) *Діонисій* (Закинѳскій). Мученики: *Мина*, *Ермогенъ*, *Ираклій*, *Павелъ*, *Павлинъ*, *Андрей*, *Венедимъ*, *Діонисій*, *Исавръ* (*діаконъ*), *Василій*, *Иннокентій*, *Прокулъ*, *Ефивъ*, *Аполлоній*, *Дарія*, *Христіана*. Преподобные: *Маркъ*, *Серапіонъ*, *Мартиніанъ*, *Лука*, *Симеонъ*, *Фантинъ*.

общника ученыхъ трудовъ, г. *К. Крокида,* переводчика исторіи *Карамзина* на Греческій языкъ. Уловляя подписчиковъ на свое новое колоссальное въ томъ же родѣ предпріятіе, переводъ на греческій языкъ исторіи Турціи *Гаммера,* человѣкъ ѣздилъ въ Александрію, и попавъ въ карантинное положеніе, плылъ оттуда до Пирея цѣлый мѣсяцъ! Случай такаго рода заставилъ насъ призадуматься. Но, такъ какъ утро вечера мудренѣе, а намѣченному нами для возвращенія къ своимъ пенатамъ пароходу череда придти завтра утромъ, то мы отдались всецѣло настоящему, предоставивъ завтрашнему дню его злобу. Часа въ 3 все было готово къ отъѣзду. Прощальный привѣтъ дому Калаганову, поклонъ ненаглядному *моему* Никодиму, еще съ минуту помававшему мнѣ своимъ стройнымъ и высокимъ благовѣстнымъ „пиргомъ" по улицѣ *Филеллиновъ,* и закрылась фатальная страница жизни, не вѣсь чѣмъ исписанная, или лучше скажу: ты единъ вѣси — чѣмъ — ты, раскрывшій ее предо мною!

Давно уже *они,* славныя и вѣщія и паче Рима вѣчныя, за нами. Сглаживается ихъ гнетущее обаяніе, и мы четверо собесѣдниковъ весело продолжаемъ затрапезную игру миѳологическими именами. — Да и налгали же вы на весь свѣтъ, говорю я профессору. Какъ бы мы не лгали, такъ вы бы не знали теперь правды, отвѣчаетъ онъ. — Это какъ? живо подхватываетъ третій собесѣдникъ. — Да, и такъ и сякъ. Не будь насъ лгуновъ, вы бы до сихъ поръ вѣрили напримѣръ, что кромѣ ногъ нѣтъ другаго способа двигаться человѣку. А намъ *Эрихѳоній* вылгалъ вамъ коляску, и вотъ вы теперь, не шевеля ногами, передвигаетесь съ мѣста на мѣсто, да еще какъ! Спасибо ученому патріоту за урокъ, такъ кстати подошедшій. Оно и мы тоже изобрѣли самоваръ, да только не записали имя своего Эрихѳонія. Изобрѣтатель же колеса, и на первый разъ конечно одноколки, дѣйствительно оказывается царемъ Аѳинскимъ четвертымъ въ ряду ихъ, сыномъ *Ифеста* (Вулкана) и Атѳиды, т. е. Аттики... Подобно отцу, онъ тоже хро-

малъ и по нуждѣ сдѣлался изобрѣтателемъ. Зналъ я о немъ еще по „Гражданской исторіи“ *Шрекка*, но какъ и предокъ мой Анахарсисъ, все перезабылъ здѣсь подъ чарами миѳологическихъ лжей въ родѣ сказанія о *Тираннѣ Ѳѳонѣ*, о *сѣверномъ* нѣкоемъ *медвѣдѣ*, норовящемъ задушить нѣкую Элладу, о *колокольной вѣрѣ* народа русскаго, о скоромъ подай Господи!—и неминуемомъ (по Агаѳангелу) воцареніи на седми холмахъ нѣкоего *Іоанниса*, а вовсе не Константина XIII, какъ мечталъ рублепомазанный К. *Икономосъ* и пр... Знаю, что прочитавшій сіи строки отыщетъ въ нихъ сквозящую инстанцію отомстить за одержанную Эрихѳоніемъ побѣду, но послѣ послѣдняго слова о дорогихъ Аѳинахъ, мнѣ слѣдовало же сказать послѣднее и о дешевомъ Аѳинаизмѣ... На этомъ заключеніи засталъ меня послѣдній оборотъ Эрихѳоніевой махины въ Пиреѣ. Мы были передъ домомъ г. Таволарія. Тихое море привѣтствовало насъ тихимъ лучемъ заходящаго солнца. Приличный финалъ Аѳинскимъ впечатлѣніямъ. Когда я въ первый разъ увидѣлъ преславный городъ, все въ немъ говорило мнѣ о пробужденіи, о разсвѣтѣ, о восходѣ, почти что о воскресеніи. И на все это свѣжее чувство души отзывалось живо и радостно. Та жизненная череда миновала. Вмѣсто возбуждающей картины яркосвѣтлаго востока, уже заглядываютъ въ душу все болѣе и болѣе убаюкивающіе образы заката, ухода, разставанія, замиранія... Similis simili gaudet! А когда наступятъ настоящіе сумерки, думаю, что и любимый образъ Аѳинъ съумѣетъ принять тотъ отсвѣтъ безмятежной грусти, который одинъ и понятенъ грустному, и нашедъ меня тоскующимъ о свѣтломъ днѣ, скажетъ какъ свой своему: что скорбишь и тужишь? Солнце ушло, но создавшій его остался и есть тутъ съ тобою, *недалече отъ единаго кого же до насъ сущій*,—то, что сказалъ Аѳинамъ въ ихъ Ареопагѣ Апостолъ. Да будетъ такъ!

Пирей. 8 Іюля 1865. Четвертокъ.

Aurora не однѣмъ музамъ, а еще болѣе людскимъ „нужамъ“ amica. У кого есть нужда или хотя забота, тому не спится. Непрошенная гостья египетская, по слухамъ добравшаяся уже до Константинополя, не давала намъ покоя ночью. Представлялось не только возможнымъ, но и вѣроятнымъ, что ожидаемый сегодня урочный „пироскафъ“ французскій или совсѣмъ оставитъ свой Левантскій рейсъ; или въ виду неминуемаго карантина на берегахъ Эллады, пройдетъ мимо Пирея. Не нашедъ его утромъ ни въ бухтѣ ни за бухтой Пирейской, мы пошли высматривать его на гору, гдѣ былъ старыхъ временъ городъ, своего рода Акрополь. Оттуда зоркій глазъ о. В—на не замедлилъ открыть дымокъ у далекаго острова *Идры*, именно тамъ, гдѣ лежитъ путь кораблямъ, огибающимъ Пелопоннисъ, и всѣмъ рейсовымъ пароходамъ, направляющимся въ Пирей. Успокоившись на счетъ сего и чтобы скоротать время, мы старые сожители и сослужители повторили зады т. е. еще разъ осмотрѣли весьма немногіе остатки древней именитой пристани Аѳинской, въ числѣ ихъ и глубокую четыреугольную ямину, высѣченную наклонно въ природной скалѣ, неизвѣстнаго (мнѣ) значенія, въ которую я неоднократно въ былое время пытался проникнуть, но не имѣлъ удачи. Можетъ быть это былъ тайный ходъ изъ вышгорода къ морю. Іюльскій зной не замедлилъ вскорѣ къ сему самому направить стопы наши. Пароходъ съ своей стороны быстро двигался къ тому же пункту, минувши *Эгину* былъ уже на параллели *Саламина*. Чуть мы усталые, добрались до своей квартиры, раздался по бухтѣ ревъ выпускаемаго имъ пара. Какъ и слѣдовало ожидать, мѣсто ему, какъ зачумленному, указано было „за фанарями“, т. е. за входомъ въ бухту. Тотчасъ же стало извѣстно, что онъ не пробудетъ долго тутъ, ибо не имѣетъ груза для пріема и еще менѣе для отдачи. Намъ оставалось поспѣшить отправкою на него, что мы и сдѣлали.

„Варка“, управляемая старой памяти русскимъ Палликаромъ, взяла насъ съ пристани, быстро вынесла за ворота и доставила въ Sanità, т. е. къ карантину. Не безъ грусти простились мы тутъ съ дорогими провожатыми, и вступили въ область желтаго флага. Наше невеселое настроеніе души разгонялъ нѣкоторое время досточтимый *Барба-Андони* своимъ французско-мораитскимъ діалектомъ, стоившимъ нашего „французско-нижегородскаго“, принявшій насъ Богъ вѣсть за какихъ туристовъ. Карантинная лодка prix fixe отдѣлила насъ окончательно отъ любезной Греціи и доставила равно въ полдень на громадный Indus. Сняться намъ съ якоря пришлось однакоже только въ половинѣ четвертаго часа. Долго провожали меня милые душѣ виды свѣтлой и плѣнительной Аттики, до самаго мыса *Сунія* съ его бѣломраморными колоннами (числомъ 15), остатками храма въ честь любимаго божества страны. Горныя громады *Имиттà* и *Пенделикà* все низились и наконецъ сравнялись съ моремъ. 7 часовъ. Подъ лучами заходящаго солнца рисую наибольшій изъ 10 *русскихъ* островов, отбросковъ *Негропонта*, столько памятныхъ мнѣ, какъ мѣста нашихъ бывалыхъ каникулярныхъ поѣздокъ... Tempi passati!

Византія. 10 Іюля. 1865.

Почти безъостановочно плыли вчера цѣлый день. Карантинная задержка на часъ была только въ *Чанà-калè*, гдѣ мы нашли 15 застрявшихъ пароплововъ (ἀτμόπλοιον). Нашему какъ-то удалось прорвать карантинную паутину. Всю ночь мы плыли и на разсвѣтѣ должны были узрѣть Константинополь. Естественно я старался не пропустить торжественнаго момента и былъ весьма доволенъ имъ. Не даромъ отъ дѣтства влечется душа моя къ *Византіи*, какъ духовной ро-

динѣ, гдѣ какъ будто я жилъ когда-то давно давно, при царяхъ Багрянородныхъ. Жестокое умиленіе преслѣдовало меня по всей линіи стѣнъ ея, отъ бывшихъ *Золотыхъ Воротъ* до вѣчной загадки *Премудрости Божіей.*

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

І.

К.

Л.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Читать должно:*
8	12	сумерокъ	сумерекъ
15	3 снизу	настоящей	настоящій
17	6 —	новообразимой	невообразимой
25	10	122	12-е
38	12	҂гхкд	҂зхкд
41	6 снизу	церковный	церковной
42	10	предѣлъ	придѣлъ
—	18	*царствованіи*	*царствованіе*
46	5	намекъ	намекѣ
47	20	эту	ту
—	23	истязаніе	состязаніе
48	6 снизу	съ	а
51	2 —	была	было
53	8 —	увѣрившись	извѣрившись
59	15	красными	красивыми
60	6	Вароссѣ	Варошѣ
—	18	ко	къ
—	6 снизу	дѣло	дѣла
70	5	*слѣдно*	*снѣдно*
71	20	не большое	небольшое
72	5	толченіе	ополченіе
80	14	*Болгарей*	*Болгаріи*
87	5 снизу	до	да
92	8 —	угощавшагося	угощавшаго
93	17	*Коленинѣ*	Комнинѣ
94	17	наживы	поживы
95	15	Вѣдь	вѣдь
101	1	проникалъ	пронизалъ
103	8	лучами	лугами
113	12	мольцы	мальцы
114	14	украшенный	украшенной
—	16	однаго	одного
141	17	удается	удастся
143	10	чистятъ	честятъ
—	16	а	и
145	7	вся	все
153	6 снизу	хоромъ	хоромовъ
155	3 —	des	les
156	2	на и	и на
—	4 снизу	окривленный	окрыленный
163	5	*Богатъ-*	*Богазъ-*
168	13 снизу	двухъ отъ	отъ двухъ
169	14	отъ	изъ
184	9	сказывается	оказывается
194	18	злой	зной
201	9	*Думунами*	*Румунами*
205	18	Ζαραχοστὴ	Σαραχοστὴ
209	8	извѣстную	извѣтную
210	18	бѣгающимъ	бѣгающихъ
213	18	слѣдовательный	слѣдовательно
213	8 снизу	знаю	«Знаю

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Читать должно:*
214	2	а	и
215	6	раздвинулись	разминулись
220	7 снизу	звались	звалась
223	12	Молохами	Молоссами
226	12	а	и
231	4	обоего	своего
—	6	обоихъ	своихъ
—	12	*Петрамировъ*	*Петралифовъ*
—	14	блаженному	блазненному
272	4 снизу	зх	гх
273	1	и	ее
281	15	краснымъ	красивымъ
287	1	величія	величіе
290	19	*Никольская*	*Никопольская*
293	3	чуть	чуть ли
307	10 снизу	спать	опять
319	14	ея	его
320	3	сына	сыны́
—	9 снизу	помогаемъ	помаваемъ
321	15	вояжировъ	вояжёровъ
338	5 снизу	συνδζομῆς	συνδρομῆς
339	11	приходною	проходною
357	3 снизу	объявленія	объясненія
356	6	управленіе	упражненіе
418	18	*Дусани*	*Русани*
437	15	было	была
466	9 снизу	катигу́мены	катиху́мены
483	7	вовнѣ	совнѣ
—	9 снизу	вдолгѣ	вдолги
487	3	сочетается	сочетавается
501	9	конечно	ковчено
512	10	пятивальный	пятивесельный
513	18	предвѣдающее	предвѣщающее
520	3	пользоваться	покупаться
—	9	провели	перевели
521	5	въ	изъ
522	7	Е	я
529	13	*Пакса*	*Паксъ*
—	1 снизу	называется	называемый
530	16	срадавшихъ	страдавшихъ
531	3	первой	отъ первой
534	3 снизу	Селеніи	Селиніи
535	14	πιράξει	πειράζει
537	5 снизу	Себѣ	Себя
546	4	искупленіи	искупленіе
577	1 снизу	была	было
579	21	χολύρι	χολοῦρι
582	7	послѣдней	послѣдній
586	1	не въ долгѣ	невдолги
593	4	фотографіяхъ	фотографахъ
595	14	виду	виду и
601	1	но и съ	притомъ
606	4	просятъ	прочатъ

† ПРѢСТАВИ СЕРАБЬ
БОЖІИ ѾСТОЯРАЯКО
ВИЋЬ ПОБОУСЛОМЬ ОУГАР
ѴНЕ· НЕОУРОДНѢКЪ КРА
ЛІАМАРКА· ЧЕБЖ ОУ ПИЧА
РѠМЕ· ЛѢЪ, ЗФ ПИ
МА ОКТѠМВРІА· Г: АГ.
ВАЮЖЕ ПРѢСТ СЕ РАБЬ ЯКОВ
БМОЖЕ БЕСТ КЖОИА· АИКЖО
ВЫИНКОЛІЖЕ.

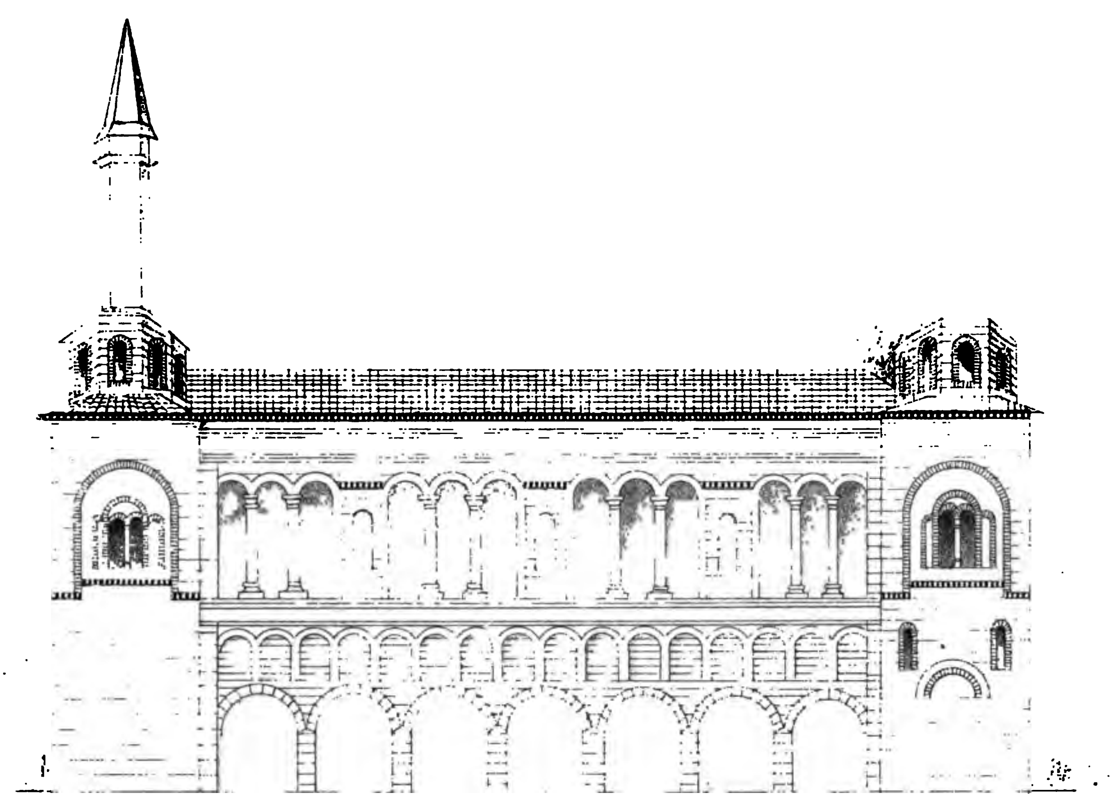
Лит. К. де Кастелли С.П.Б.

Табл. II.

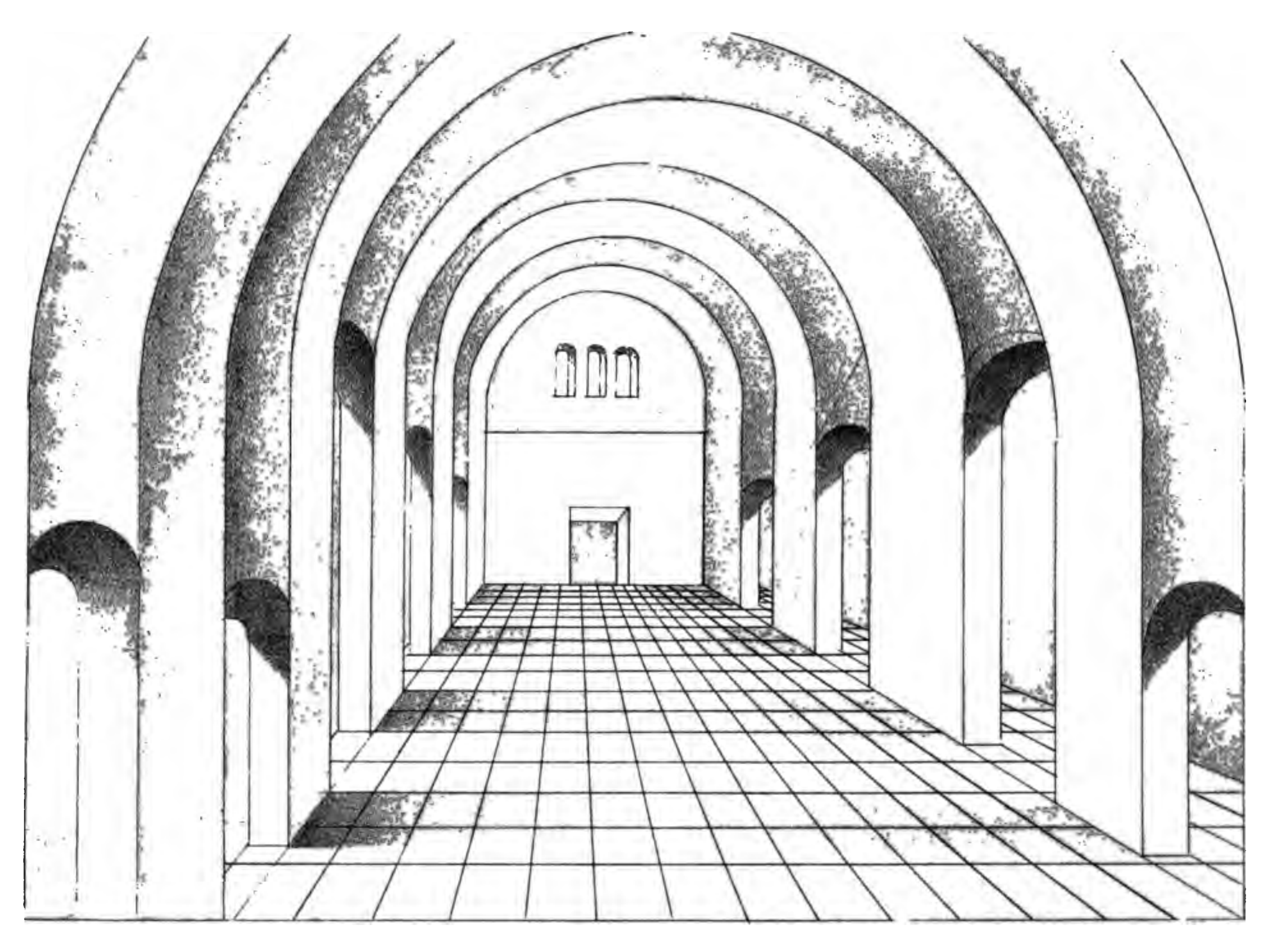
План҃ Церкви въ Монастырѣ Св. Наума.

Планъ бывшей Церкви Софійской въ Охридѣ.

Лит. К. де Кастелли С.П.Б.



[illegible] Церкви Св. Софіи въ Охридѣ.



Внутренность [illegible] Церкви Св. Софіи [illegible]

Въ лѣт ҂ѕ҃ кд мѣсеца ї х лн
ПРѢСТАВИСѦ
СТЫ КЛИМЕНТЬ
Ѿ ХРИСТЬСКИ
ВЪ ЛѢТ ҂ѕ кд мѣсеца іюл лн
пр хо мца
і о л

На надгробной плитѣ Св. Климента.

АГАΘΗΙ ΤΥΧΗΙ
ΔΑCCΑΡΗΤΙΟΙΔΡΥ
ΑΝΤΑ ΚΑΙ ΠΙΩΝΟC
ΤΟΝ ΠΡΟCΤΑΤΗΝ
ΠΡΕCΒΕΥCΑΝΤΑ
ΤΟΝ ΚΥΡΙΟΝ ΑΥ
ΤΟΚΡΑΤΟΡΑ
ΝΤΟΨΩΝΙΟ ΑΝΤΙΝΟ

Въ школѣ Взаимнаго обученія.

Въ Церкви Св. Климента.

Въ придѣлѣ ея.

ΤΟΝ ΜΕΓΙΣΤΟΝ ΚΑΙ
ΘΕΙΟΤΑΤΟΝ ΑΥΤΟΚΡΑ
ΤΟΡΑ ΚΑΙΣΑΡΑ ΛΟΥΚΙΟΝ
ΣΕΠΤΙΜΙΟΝ ΣΕΥΗΡΟΝ
Π....

Въ Церкви Св. Безсребренниковъ.

+ΤΚΣ ΗCΟΓΡΗΓΟΡΙΟC.... ΑΝΕΩ CΚΗΝΗΝ ΗΓΕΙΡΑCΤΟΝ ΘΕΟΓΡΑΠΤΟΝ
ΝΟΜΟΝ: ΕΘΗΝΗΤΑΜΥCΩΝ ΕΚΔΙΔΑCΚΕΙ ΠΑΝCΟΦΩC ΕΔΩΚΕ:

На Карнизѣ Притвора Св. Софіи.

ΕΠΙΚΑΔΟΣ ΛΥ
ΜΑΧΗΤΑΣ ΠΕ
ΗΘΙΟΥ ΚΑΙ
ΦΙΛΙΠΠΟΣ ΜΟ
ΝΤΑΝΟΥ ΑΝ
ΕΘΗΚΑΝ ΣΤ
ΡΑΤΗΓΟΙ ΝΙ
ΚΙΑ

Въ монастырѣ Богородицы Каллисти.

ΑΡΤΕΜΙΔΩΡΑ
ΖΩΣΑ ΕΑΥΤΗΣ
ΚΑΙ ΤΟΥ ΑΝΔΡΕ ΝΕΙ
ΚΑΝΟΡΕ ΚΑΙ ΤΕΚΝ

Въ оградѣ бывшаго дворца Паши.

ΑΓΑΘ
ΗΠ
ΠΤΟ
ΟΝΑ
ΝΕΕΝ
ΚΑΙΦ
ΜΕC

ΝΙΚΛΕ Τ
ΜΕΓΙCΤΩ
Π ΚΟΥΕΙΝΤΙ
ΑΝΟΥΤΟΥΛΥ
CΙΜΑΧΟΥ ΤΙ
C ΗΟΥ ΕΙΟC
ΠΟΜΠΕΕΙΟC
ΩΜ ΑΡΧΩΗ
ΑΝΕΘΗΚΕΝ

Въ Эллинской школѣ.

DOMINONOSTRO
ERA CONSTAN
NOB. CAESARI

Въ стѣнѣ Притвора Св. Софіи.

гвмахан ец
зис писа
...
... полъ
1824 ППД

Въ монастырѣ Св. Наума.

ϛ ψ ΜΙΕΡΕΜΙΑϹ ϛ ц ц ѕ ЄΤΟϹ ЗΥΥ

Въ монастырѣ Св. Стефана. Въ Метеорахъ.

...ΜΙΧΟΗΡΙΚΥ ЄΤΟϹ ЯЭПД +ΔΙΑΧΕΙΡ ΟϹΗΙΚΟΔΙ ΗΟΥΗΟΝΑ ΧΟΥΚΑΙΠΤΟ ΧΟΥΡΑΚΕΗ ΔΙΤΟΥ

Въ монастырѣ Св. Троицы, - тамъ же.

ΧΕ ΤΕ ΗΥ: ΕΤ ЯΨΧΕ

Въ монастырѣ Варлаамъ, тамъ же.

ανδρονικος +ανδρονικος +στεφανος στεφανος

ЯΨЗЗ ϛωиδ ϛωγЗ

+συμεων +καγστεβ +αγγελος δουκας+

Яωλ3 ЯСОЗϛ

ϛωϛδ+ +μαρια βασιλισσα αγγελινα δουκαινα παλαιολογινα

Яωγ + μιχαηλος αγγελος δουκας

ιωασαφ. ΙΩΑϹΑΦ ЄΤ Яωϛϛ.

Въ Метеорскомъ монастырѣ Преображения.

ΚΟ ΜΗΝΟ, ΚΟ ΜΝΗ	ΔΟΥΚΑ, ΝΟ,	ΔΕϹ ΒΛΑ	ΠΟΤΗϹ ΣΤΟϹ	ΙΕ ΔΗ	ΡΟ ΔΕΗ	Ϲ ΑΝΝΑ ΕΓΑϹΚΟ	ΒΑϹΙΛ ΜΗ	ΚΟ ΜΗ ΔΟϹ Α

Въ Церкви Паригорицы, въ г. Артѣ.

. ΝΠΕΡΙΚΑΥΤΑΙΝϹΘΕΝΕΙ :- ΤΗϹ . . . .
. . ΕΡΟϹ ΜΕΓΑϹΑΝΑΞ :- ΕΠΙΔΑΔΕΛΦΕ
ΑϹΔΕϹΠΟΤΗϹΔΥϹΜΟΚΡΑΤΩΡΤΟΙϹΗ
ΔΙΟϹΩϹΟΝΟΜΑϹΙΑ ΗΔ'ΗΛΙΚΙΑ Κ. . .
ΑΘΛΟΝΗΝΑΡΠΩΜΕΝΟΝ :- ΜΑΙΧΙΟΝ
ΝΕΚΝΟϹΩϹΔΕΚΑΤΟϹΓΕΝΟϹΤΗΝ
ΩϹΤΩ ΞΙΦΩ :- ΚΑΙ ΤΟΝΔΕΛΟΙϹΘΟΝΕΚΛΙΘΟΥΠΕΙ
ΑϹΒΙΟΝ :- ϹΥΛΑΠΤΓΙϹΑΝΤΟϹΕϹΧΑΤΩϹΑΡΧΑΓΓ
ΕΛΟΥ ΜΑΡΤΥΡΟϹΑΛΛΩΝΑΓΙ :- ΤΩΝΕΥΑΡΕϹΤΩΝ

Въ Церкви Верхней Панагіи, тамъ же.

ΚΟΝΔΟΗΟΝΧΙ
ΚΡΑϹ ΡΩΓ ΙΗΙΙΙΙΑΓΝΑϹΤΩ

+ΤΠΥΛΑϹΗΗΙΝΑΝΟΙΖΟΜΕΘΥΗΕΡ
ΤΗϹΠΕΤΑΝΟΙΑϹ ΤΟΦΩΤΟϹΤΟ
Ϲαπνλη

Въ Церкви Нижней Панагіи, тамъ же.

ΓΛΥΚΥΤΑΤΗ ΜΗΤΡΙ ΑΓΛΙΑΛΕ..
ΤΗ ΓΛΥΚΥΤΑΤΗ ΘΥΓΑΤΡΙ ΚΑΙ..

Въ развалинахъ города Никополя.

+ΠΙCΤΙΝΕΧѠΝΒΑCΙΛΙΑΝΕΜѠΝΜΕΝΕѠΝCΥΝΕΡΙΘΟΝ
CΟΙΜΑΚΑΡΥΨΙΜΕΔΟΝΤΟΝΔΙΕΡΟΝΕΚΤΙCΑΝΗΟΝ+
ΕΛΛΗΝѠΝΤΕΜΕΝΗΚΑΙΒѠΜΟΥCΕΞΑΛΑΠΑΞΑC+
ΧΕΙΡΟCΑΠΟΥΤΙΔΑΝΗCΙΟΒΙΑΝΟCΕΔΝΟΝΑΝΑΚΤΙ

Въ древней Церкви Богоматери. Въ Керкирѣ (Корфу).

Ο ΑΓΙΟC ΑΝΔΡΕΑC ΕΠΕΤΑ ΕΙC ΤΑ ΟΥΡΑΝΙΑ ѠC ΑΝ
Ο ΑΕΤΟC ΕΙC ΤΑ ΥΨΗ ΚΑΙ ΕΒΛΕΠΕ ΚΑ,
ΘΑΡΑ ΤΟ ΚΑΛΛΟC ΤΟΥ ΘΕΟΥ,
ΤΟ ΑΜΗΧΑΝΟΝ [illegible]

Въ Церкви Св. Ап. Андрея Первозваннаго. Въ г. Патрахъ.

CΤΟΙ ΒΑΛΕ..	D D N N I	ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡ
ΤΡΙΝΙΑΝѠ	ARCADIVS	ΚΑΙCΑΡ
ΚΑΙ ΒΑΛΕΝ	ETHONOR	
	IVS VBVC	ΕΥCΕΒΕΙ ΕΥΤΥΧ
	SPECTA	CΕΒΑCΤѠΙ
	PROC	ΕΞΑCΤΕѠC
	EVSEBIO	Ϝ
	S	

Мнимая Ктиторская надпись въ Дафнійской Церкви. Близъ Аѳинъ.

ΕΒΟΗCΑ ΕΝ ΘΛΗΨΗ ΜΟΥ... ΤΟΥ ΝΟΥ ΒΑCΙΛΕΙΑΝ.. ΗΔΟΞΑ.. ΠΡΟ.. ΗΗ.. CΙѠΝ..

Образчики мозаическаго писма въ Дафнійскомъ храмѣ.

+ΜΝΗCΘΗΤΗ ΚΕ ΕΝ ΤΗ ΒΑCΙΛΗΑ COΥ
ΤѠ CѠ ΔΟΥΛѠ ΠѠΘΗ ΤΟ ΧΡΥCΟΧΟΟΥ
CΥΝΛΕΤΟΥ
ἰωάννης δοῦλος Χυ ἁμαρτωλός
[illegible]
[illegible]
[illegible]
+ΦΗCΑΙ ΚΕ ΕΝ Τ ΒΑCΙΛΙΑ CΟΥ
ΤΟΝ ΔΟΥΛΟΝ CΟΥ ΒΑCΙΛΗΟΝ [illegible]
ΑΜΗΝ Θ [illegible]

Замѣтки на Колоннахъ Парѳенона. (Перистиль восточный)

+ΕΚΟΙΜΗΘΗ ΕΝ ΙΡΗΝΗ ΙѠΑΝΝΗC Ο ΜΑΚΑΡΙ
ΑΔΕΛΦΗΜΟ ΓΕΝΟΜΕΝΟΥ ΜΑΚΑΡ ΕΝ ΜΗΝΙ
ΙΟΥΝΙΟΥ ΙΒ ΙΝΔ Β ΗΜΕΡΑ CΑΒΒΑΤΟΥ ΚΑΤ ΧΡΥCΙΠΠΟΝ +
+ΚΟΙΜΗΤΗΡ.. ΟΥΛΟΥ ΜΑΡΤΥΡΟC
+ΚΟΙΜΗΤΗΡΙΟΝ ΑΓΑΠΗC
+ΚΥΜΙΤΙΡΙΟΝ ΠΑΥΛΟΥ ΤΡΟΧΑΔΑΡΙΟΥ
+ΚΟΙΜΗΤΗΡΙΟΝ ΟΙΝΟΦΙΛΟΥ
+ΚΥΜΗΤΗΡΙΟΝ ΕΙΡΗΝΕΟΥ
+ΚΥΜΗΤΙΡΙΟΝ ΘΕΟΔΟΥΛΑ ΚΑΙ ΜѠC
+ΚΥΜΗΤΗΡΙΟΝ.. ΑΝΙΚΕΙ.. ΑΙΑΡC..
+ΜΝΗΜΑ ΔΙΔΥΜΟΥ
ΜΝΗΜΑΤΑ ΦΕΡΟΝ.. ΗΑΓΙѠ.. ΗCΙΑ..

Изъ Музеевъ Аѳинскаго Акрополя и другихъ мѣстъ.

Лит. К. де Кастелли

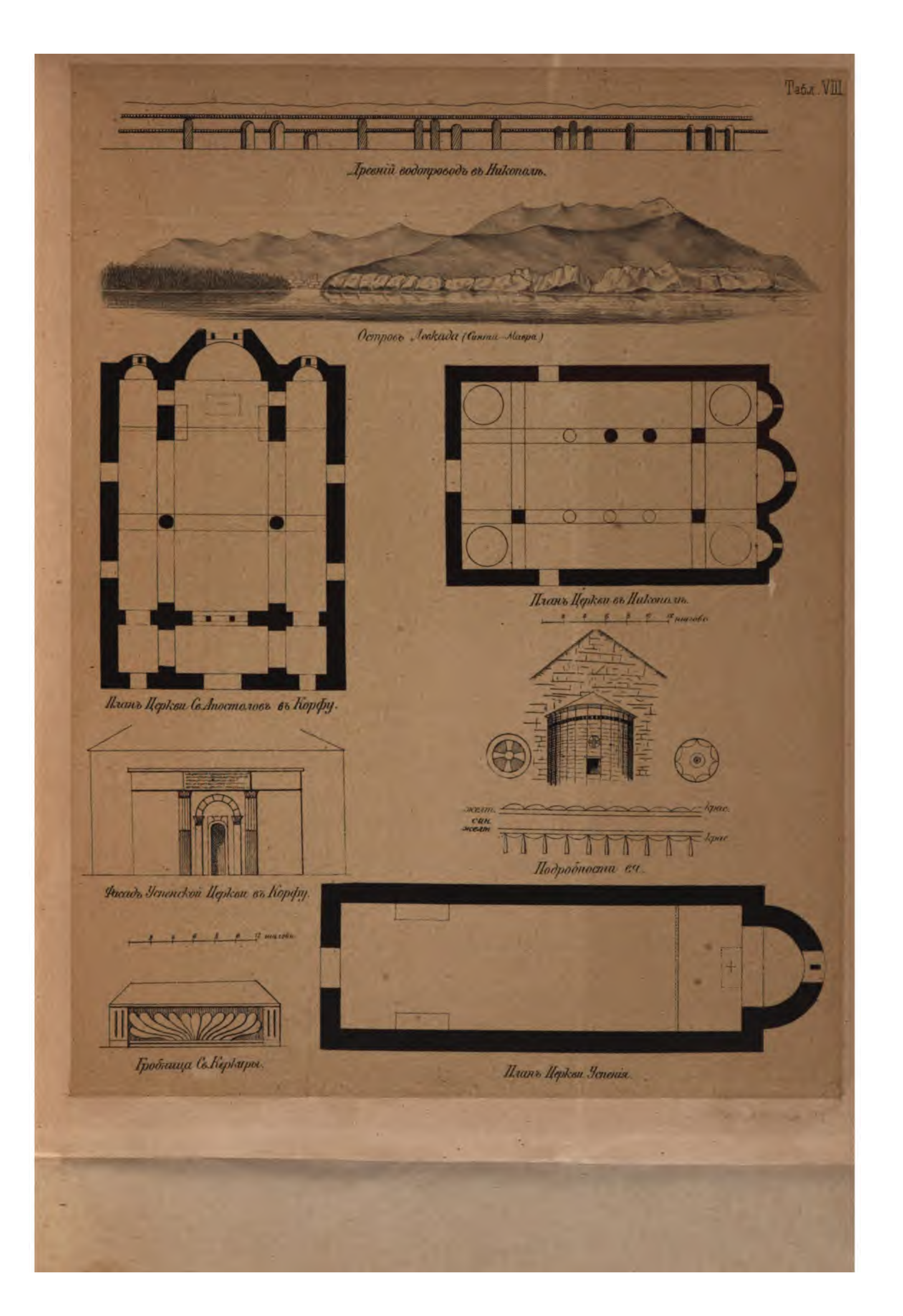


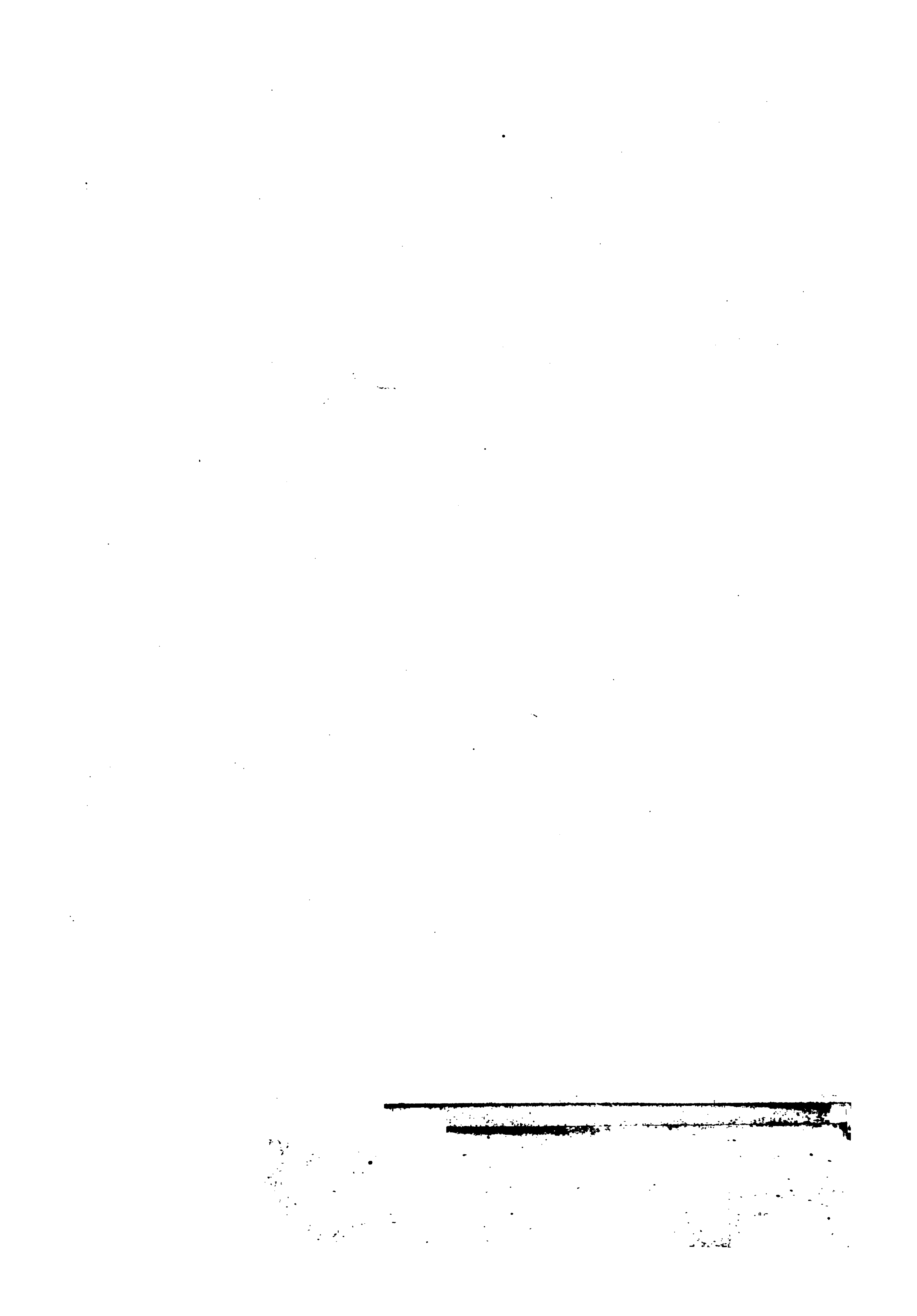
Табл. VIII
Древній водопроводъ въ Никополѣ.
Островъ Левкада (Санта-Мавра)
Планъ Церкви въ Никополѣ.
Планъ Церкви Св. Апостоловъ въ Корфу.
желт.
син.
желт
крас.
крас.
Подробности ея.
Фасадъ Успенской Церкви въ Корфу.
Гробница Св. Керкиры.
Планъ Церкви Успенія.

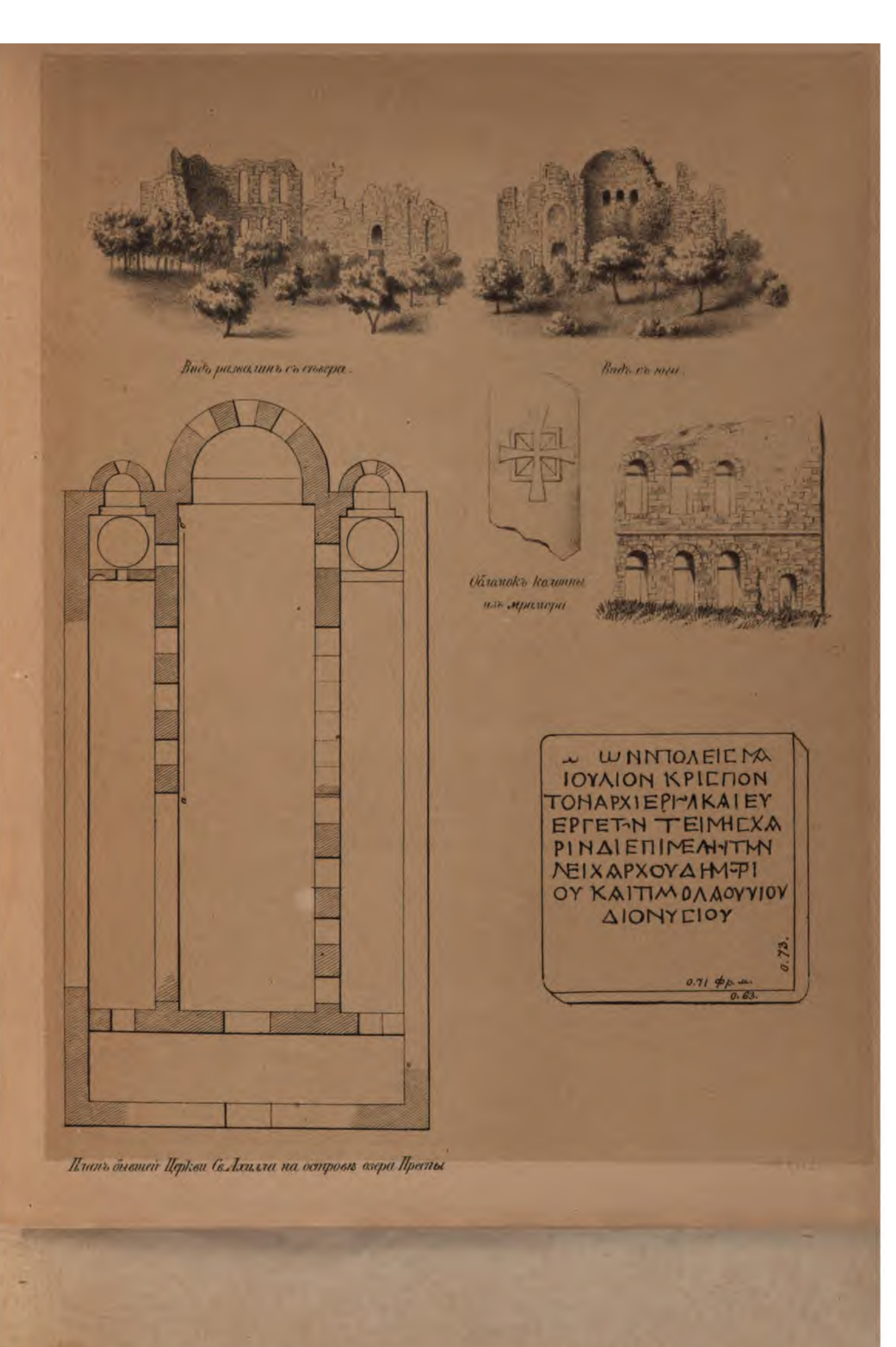
Островъ: Кефалонія (Кефаллинія).

Островъ: Зантъ (Закинѳъ).

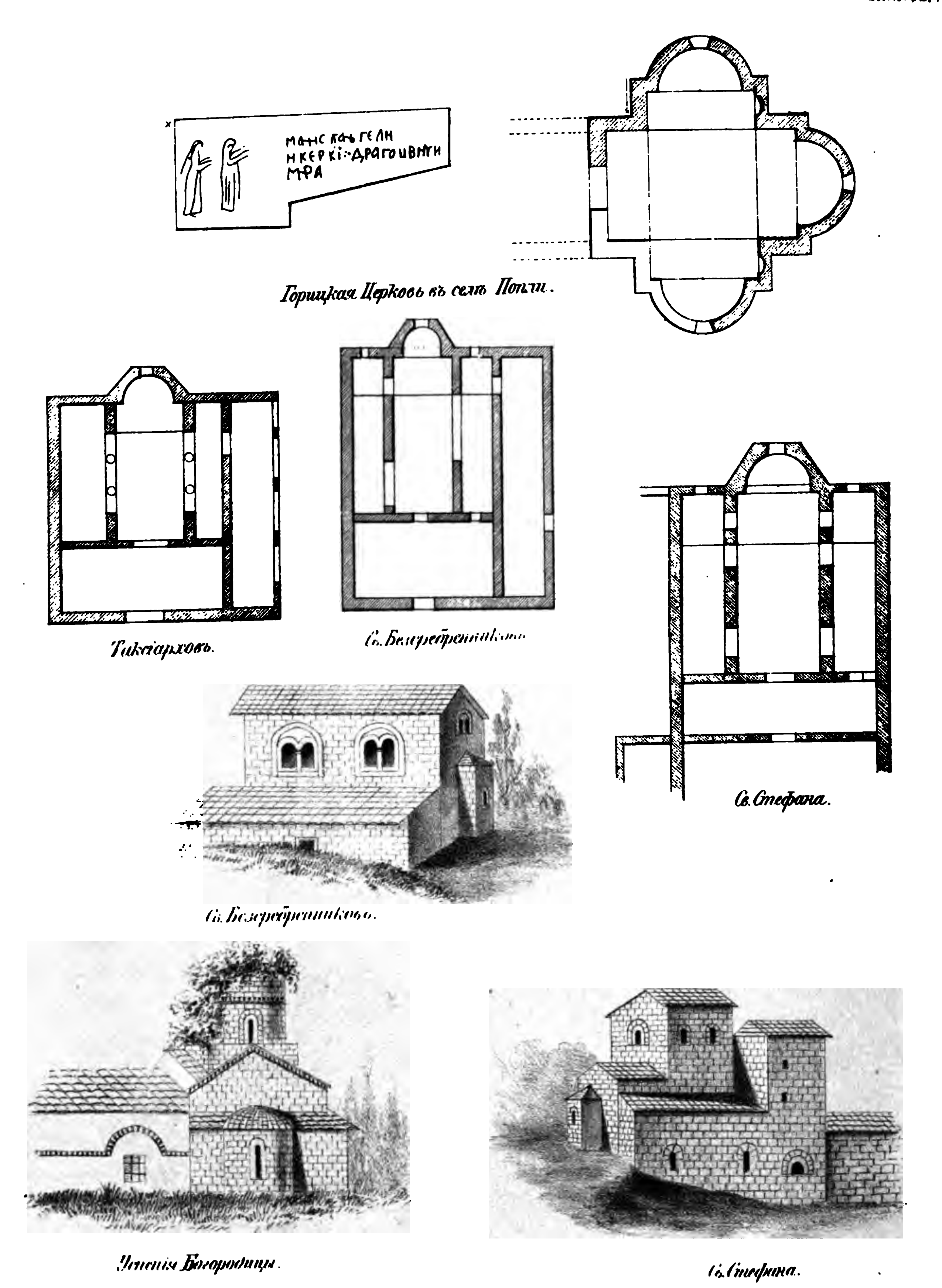
Набережная и Соборная площадь въ г. Закантѣ.

Гора: Оленосъ (древній: Эримантъ) въ Пелопоннисѣ.





Планъ бывшей Церкви Св. Ахилла на островѣ озера Преспы



Горицкая Церковь въ селѣ Попли.

Таксіарховъ.

Св. Безсребренниковъ.

Св. Стефана.

Св. Безсребренниковъ.

Успенія Богородицы.

Св. Стефана.

ΠΑ'ΛΑΜΗ ΡΟΙ ΤΕΚΑ ΛΙΣΤΟCCC....ΤΗΝ ΔCΠΑ. .. ΠΟΝΑΔΗΝ ΠΕΔΟC..

(Касторія.)

Планъ Сталійской Базилики.

Древній Амвонъ.

Церковь Св. Ѳеодоры.

Планъ ея.

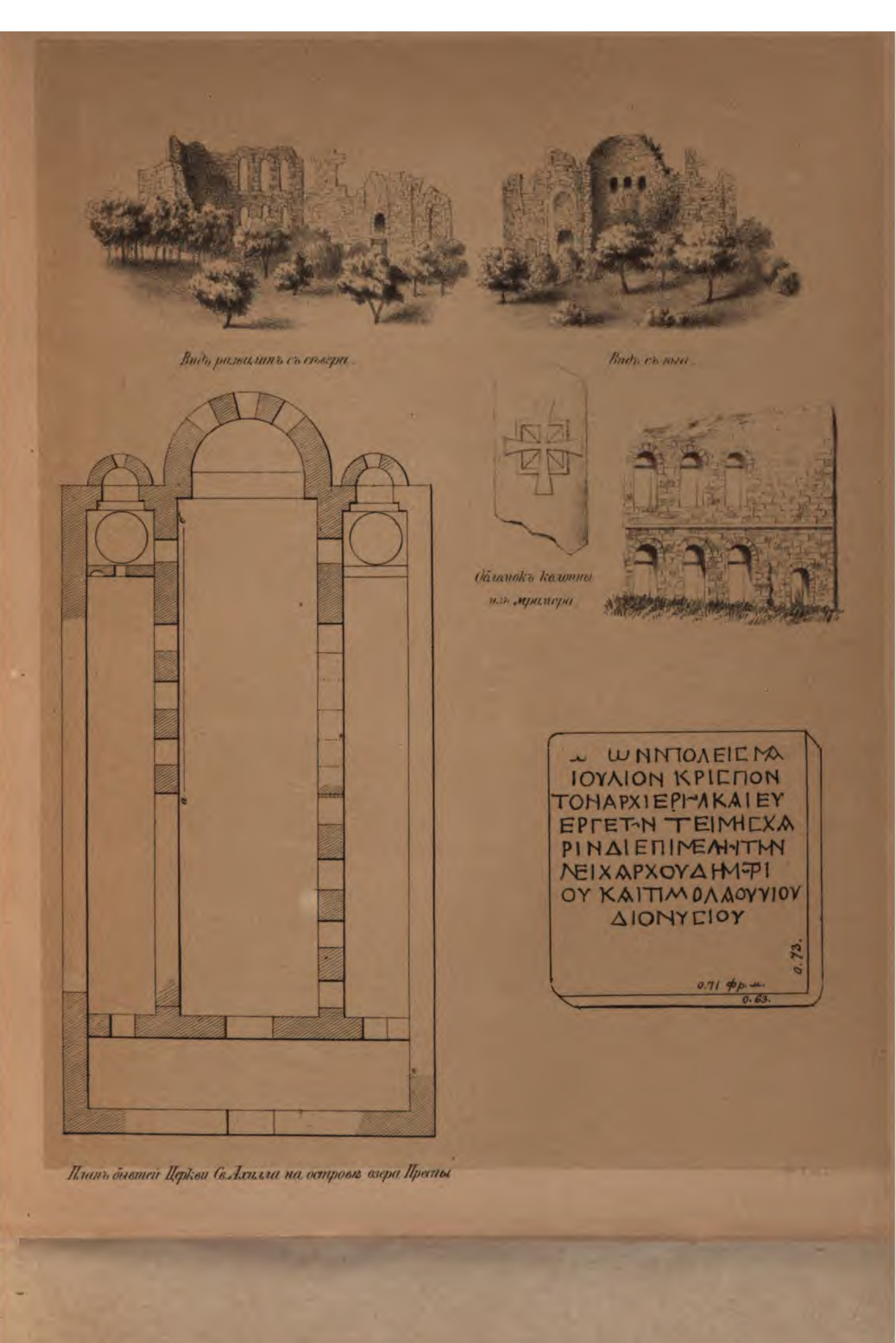
Планъ ея.

Церковь Св. Василія.

Панорама Метеорскихъ утесовъ.

Монастырь Преображенія. Варламъ. Русани. Св. Стефанъ. Троица. Св. Модестъ. М. Св. Духа. Св. Обитель. Св. Апостоловъ. Св. Георгій. Св. Николай. Предтечи. Бодово. Вседержитель.

Лит. Д. де Кастенъ СПБ

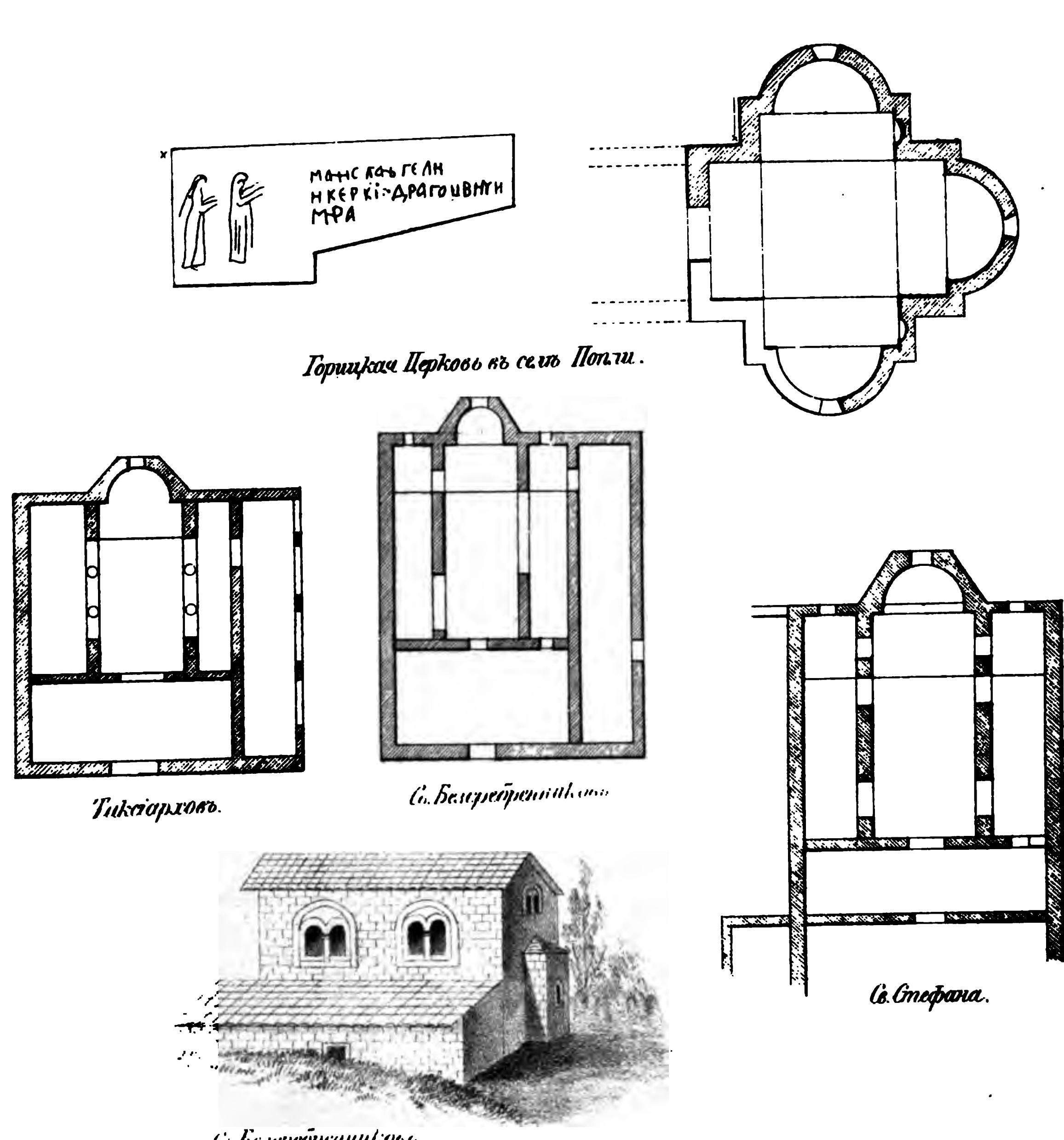


Видъ развалинъ съ сѣвера.

Видъ съ юга.

Обломокъ колонны изъ мрамора.

Планъ бывшей Церкви Св. Ахилла на островѣ озера Преспы

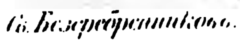


Горицкая Церковь въ селѣ Попли.

Таксіарховъ.

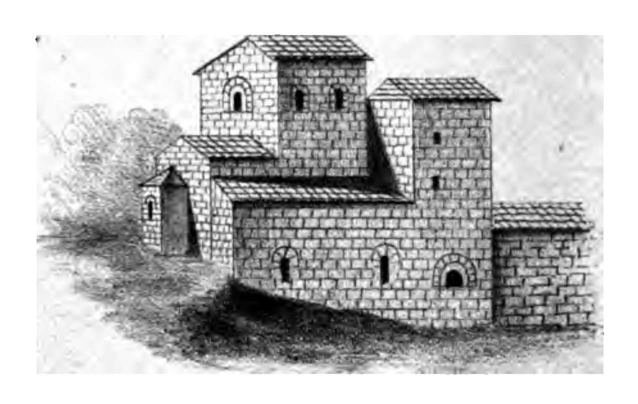
Св. Безсребренниковъ.

Св. Стефана.



Св. Безсребренниковъ.

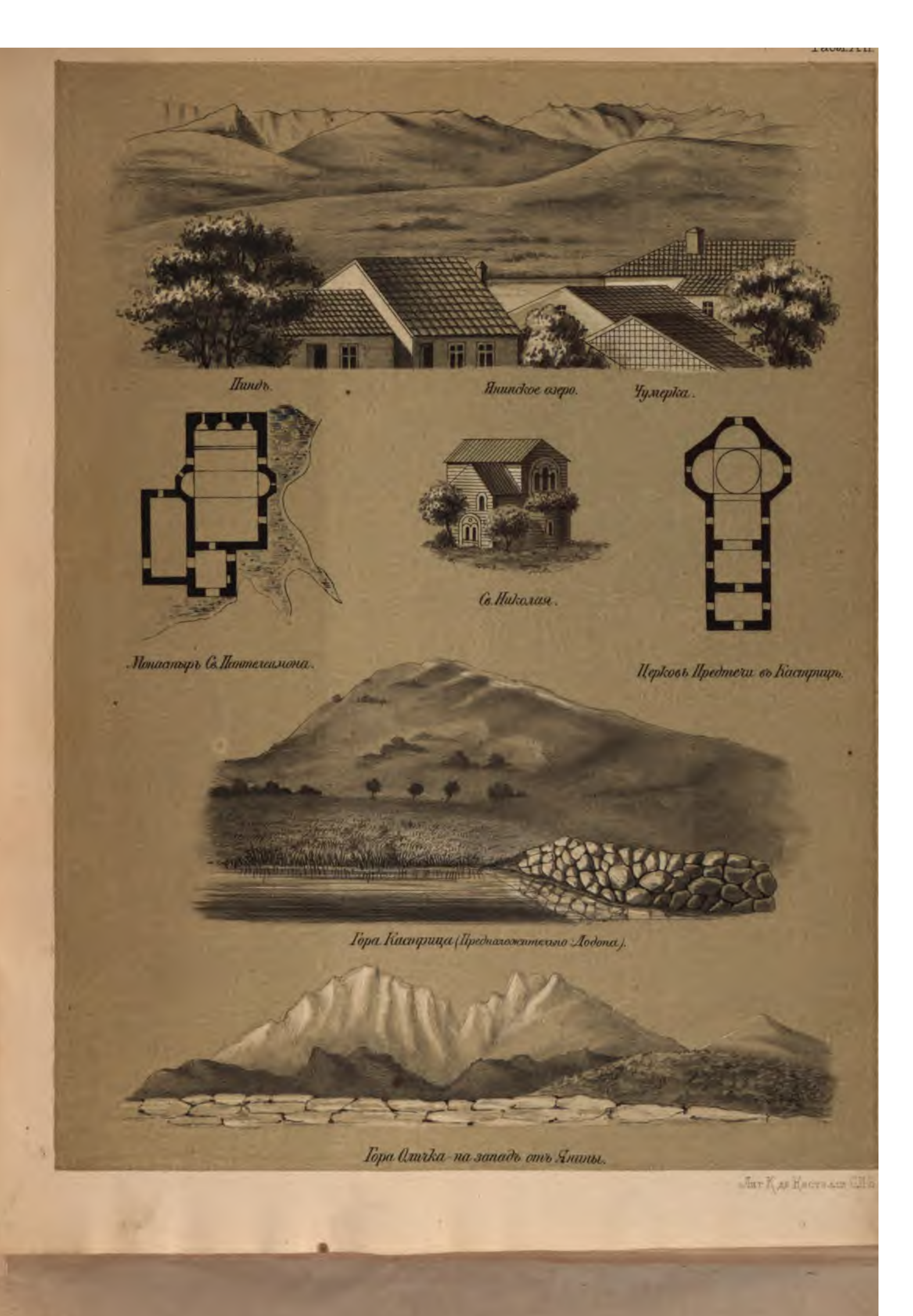
Успенія Богородицы.



Св. Стефана.

ΠΑΛΑΦΛΗ ΡΟΙ ΤΕΚΑΛΙΤΟCCC.....ΤΗΝ ΔCΠΑ. .. ΠΟΝΑΔΗΝ ΠΕΔΟC..

(Касторія)



Монастырь Св. Пантелеимона.

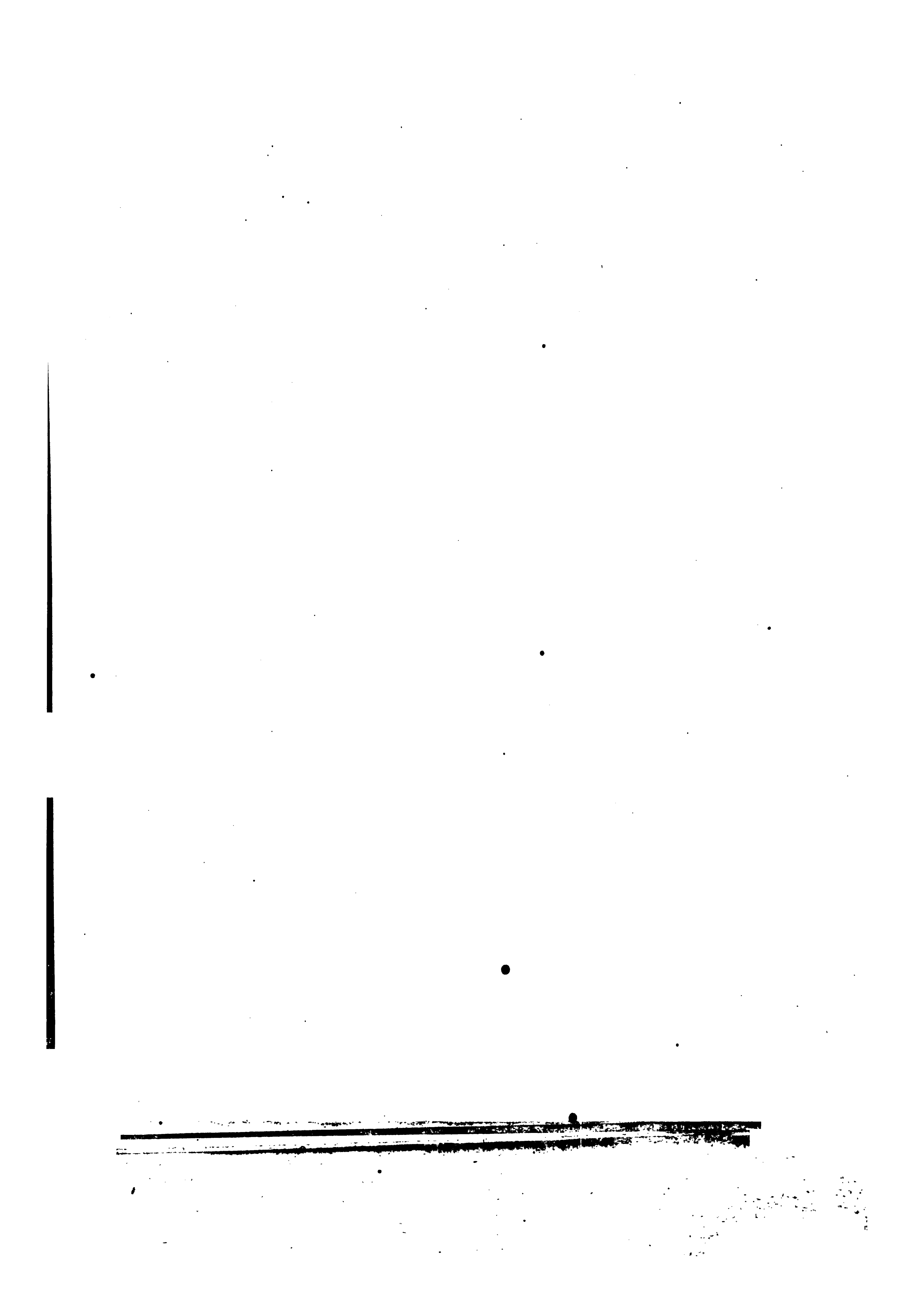
Св. Николая.

Церковь Предтечи въ Кастрицѣ.

Гора Кастрица (Предполагаемая Додона).

Гора Олички-на западъ отъ Янины.

Лит. К. де Кестель СПБ.



План Стагийской Базилики.

Древний Амвон.

Церковь Св. Феодоры.

План ея.

План ея.

Церковь Св. Василия.

Панорама Метеорскихъ утесовъ.

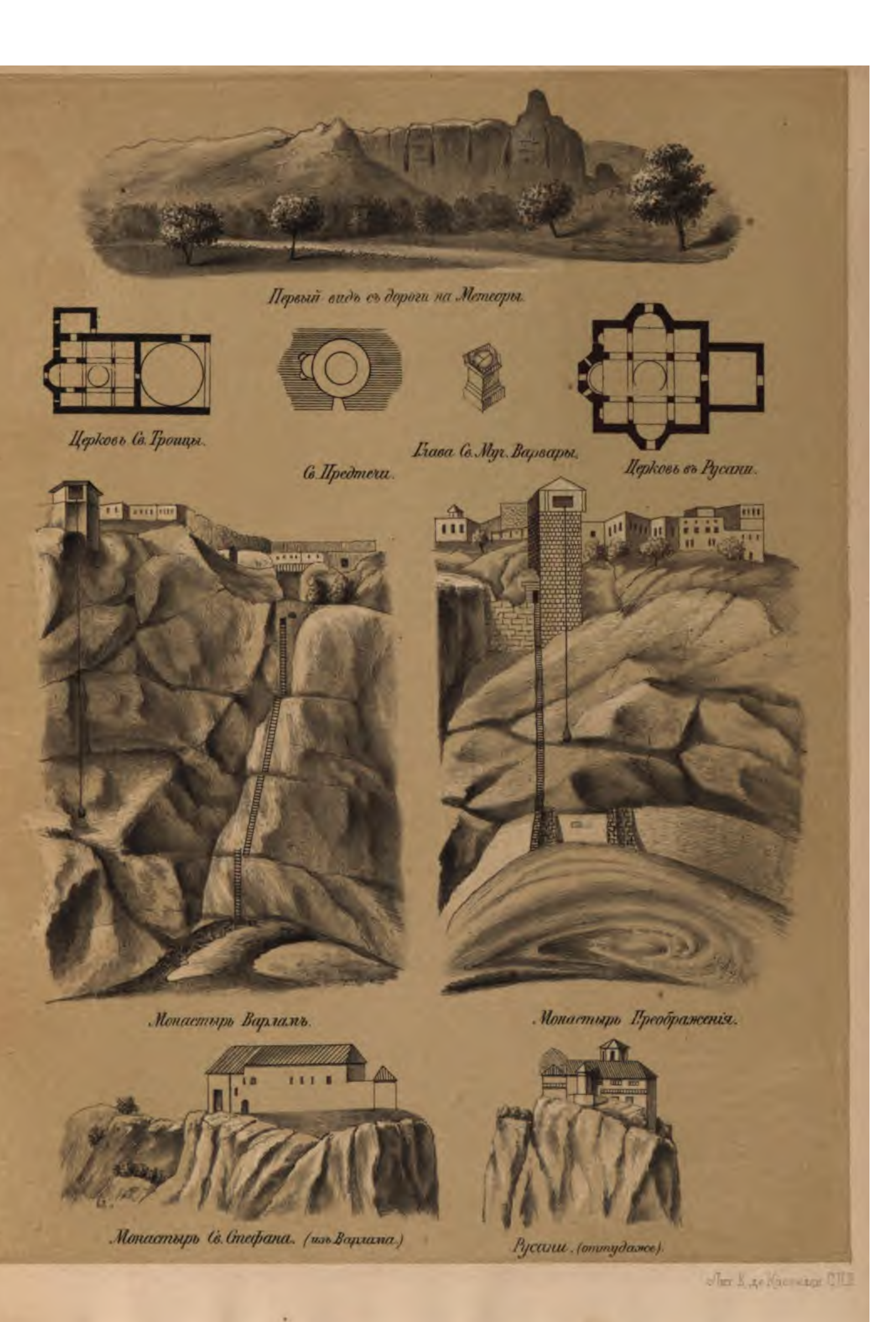
Табл. XIV.

Монастырь Преображенія. Варлаамъ. Русани. Св. Стефанъ. Св. Модестъ. Св. Апостоловъ Бодово.

Троица. М. Св. Духа. Св. Георгій. Вседержитель.

Св. Обитель. Св. Николай.

Предтечи.



Первый видъ съ дороги на Метеоры.

Церковь Св. Троицы.

Св. Предтечи.

Глава Св. Муч. Варвары.

Церковь въ Русани.

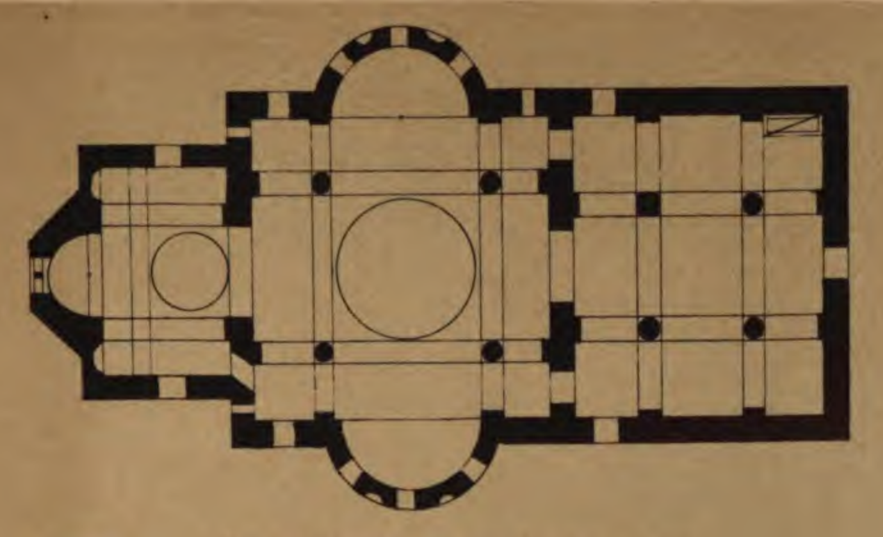
Монастырь Варламъ.

Монастырь Преображенія.

Монастырь Св. Стефана. (изъ Варлама.)

Русани. (оттудаже).

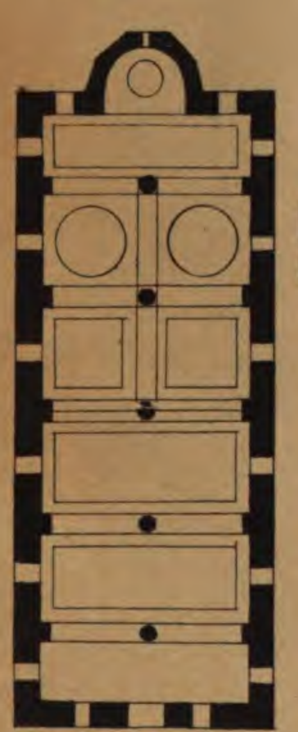
Лит. К. де [illegible] С.П.Б.



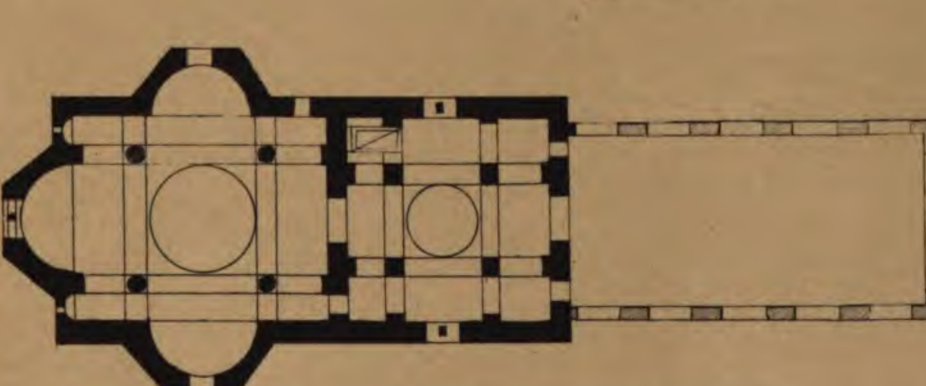
Планъ Метеорской Церкви Преображенія.

Алтарь Церкви

Трапеза

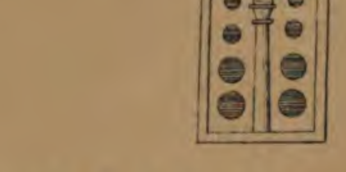


Планъ Метеорской Трапезы



Планъ Церкви въ монастырь Варламъ

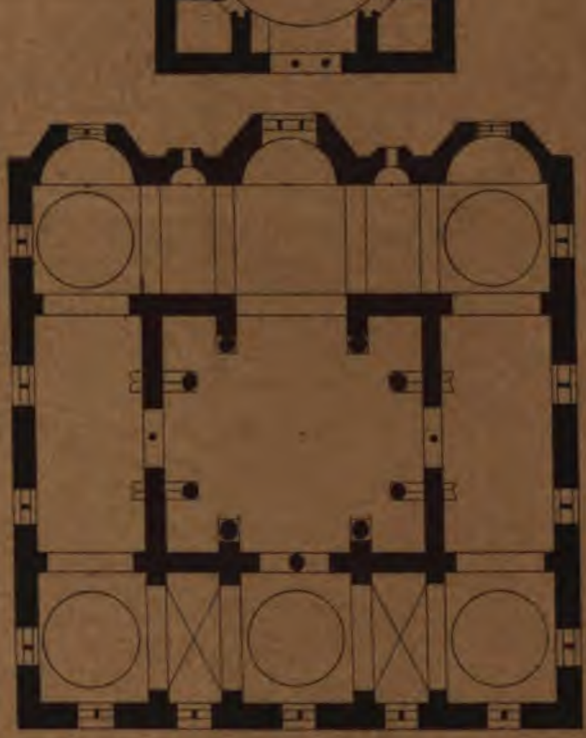
Скиптры.



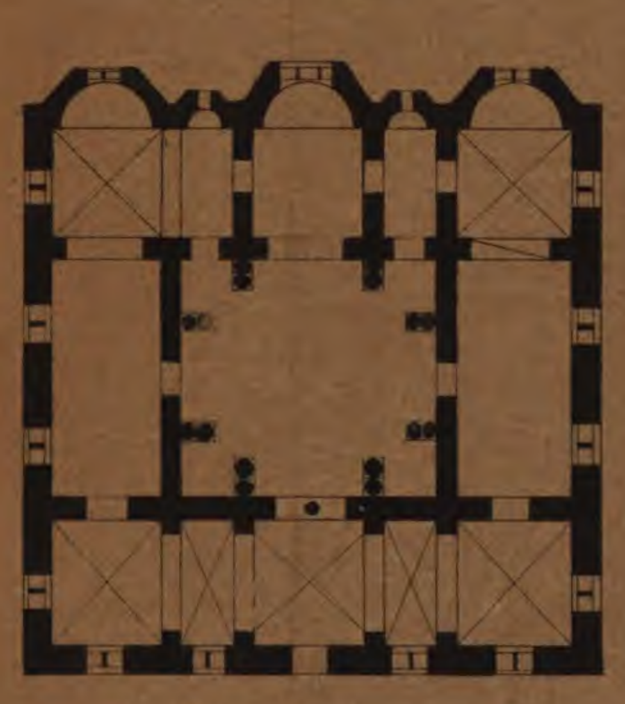
Алтарное окно Преобр. Церкви съ надписью.

Лит. К. де Кастелли С.П.Б.

Внутренность Церкви.



Планъ Церкви: Паригоритиссы въ Артѣ.



Планъ Церкви „Паригоритиссы" въ Артѣ.

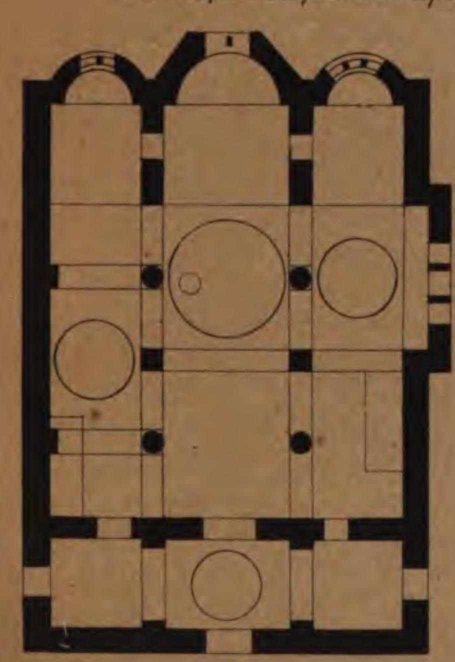
Подробности декоративныя.

Видъ Церкви Парагоритиссы въ Артѣ.

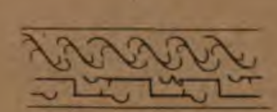
Гробница Константина Дуки.

Видъ Церкви „Верхней Богородицы“ (Влахерна).

Колокольня Церкви „Нижней Богородицы“.



Планъ Церкви „Верхней Богородицы“.



Въ притворѣ Церкви „Нижней Богородицы“.

Планъ Церкви „Нижней Богородицы“.

Лит. К. де Кастелли С.П.Б.